ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

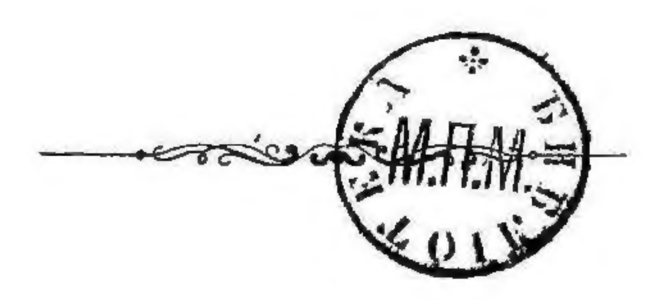
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

при

АЛЕКСАНДРѢ I.

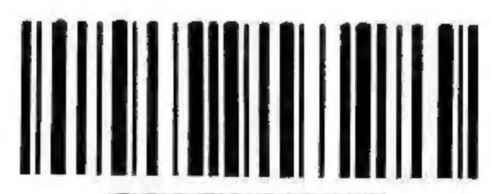
А. Н. Пыпина.

Изданіе «Вѣстника Европы».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго. Могилевская, 7.

1871.

СОДЕРЖАНІЕ.

Исторія понятій и вообще внутреннихъ процессовъ общественнаго развитія рѣдко укладывается въ такіе чисто внѣшніе періоды, какъ періоды царствованій; но въ настоящемъ случаѣ подобное опредѣленіе историческаго періода не было бы произвольно, и не служило бы только для внѣшняго удобства. Хотя въ общемъ историческомъ ходѣ русскаго образованія и общественной жизни этотъ періодъ не представляетъ никакихъ особенно замѣтныхъ измѣненій,—потому что одни и тѣ же традиціонные принципы продолжали играть въ жизни господствующую роль, неограниченная опека государства продолжала тяготѣть надъ общественной мыслью, масса націи продолжала оставаться въ своемъ давнишнемъ пассивномъ застоѣ,—но въ частностяхъ развитія, въ томъ движеніи понятій, которое тѣмъ не менѣе совершалось въ образованномъ слоѣ общества и подготовляло новыя основанія общественной жизни въ будущемъ, этотъ періодъ представляетъ большую своеобразность характера и направленія. Эта своеобразность Александровскаго времени опредѣляется двумя главными обстоятельствами. Во-первыхъ, личностью самого императора, вліяніе которой, то возбуждающее, то ретроградное, многоразличнымъ образомъ вмѣшивалось въ ходъ общественныхъ понятій. Во-вторыхъ, въ царствованіе Александра, русская общественная жизнь стала въ особенно тѣсныя связи съ жизнью западно-европейской, и вліяніе европейскихъ идей, отличающее всю новую русскую исторію, теперь особенно глубоко подѣйствовало на умы и въ первый разъ сообщило имъ политическія стремленія. Это была новая черта въ развитіи нашихъ общественныхъ понятій, возникновеніе которой принадлежитъ именно временамъ императора Александра.

Въ такихъ обществахъ, каково русское, личность правителя имѣетъ вообще несравненно больше значенія, чѣмъ то бываетъ

въ обществахъ, владѣющихъ политической свободой и значительной степенью образованности. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществахъ, гдѣ власть правителя не имѣетъ никакихъ границъ, его личные взгляды и даже капризы становятся могущественнымъ факторомъ всей жизни общественной и государственной: естественный ходъ развитія постоянно нарушается вмѣшательствами власти, иногда благотворными, иногда чрезвычайно вредными. Личность правителя пріобрѣтаетъ слѣдовательно особенную историческую важность. Но оцѣняя ее, нельзя забывать съ другой стороны, что она сама, при всей видимой независимости ея, не есть однако что-либо совершенно случайное. Напротивъ, если въ самыхъ самостоятельныхъ личностяхъ, какъ Петръ Великій, стоявшій съ своими планами почти одиноко, дѣйствовавшій съ чисто революціонными пріемами и наперекоръ огромной массѣ націи измѣнявшій всѣ привычныя формы общественной жизни, нельзя не видѣть глубокаго согласія съ основными потребностями націи и вѣка, то еще больше бываютъ связаны съ характеромъ времени люди обыкновенные. Они не господствуютъ надъ теченіемъ національной жизни, и напротивъ, воспринимая впечатлѣнія общества, они сами очень часто становятся только тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ все окружающее, и при всей видимой возможности быть тѣмъ, чѣмъ сами они захотѣли бы быть, подчиняются общему свойству времени, и въ борьбѣ общественныхъ элементовъ дѣлаются отголоскомъ того или другого направленія. Это въ особенности оказалось на Александрѣ. По мягкому личному характеру, по идеямъ, привитымъ воспитаніемъ, онъ сначала даже пугался того положенія абсолютнаго самодержца, которое ему принадлежало, и обнаруживалъ явную антипатію къ особеннымъ свойствамъ русской верховной власти; но жизнь сдѣлала свое, и среди всѣхъ своихъ либеральныхъ намѣреній, онъ окончилъ деспотизмомъ. Во всей его дѣятельности вообще замѣчательнымъ образомъ отражались очень различныя, даже несовмѣстимыя внушенія и стремленія времени. Въ самомъ дѣлѣ, онъ представляетъ собой и либеральныя стремленія къ просвѣщенію и освобожденію общественной жизни, и онъ же представлялъ самую упрямую реакцію и при личной мягкости допускалъ нестерпимый произволъ и угнетеніе; и притомъ онъ подчинялся этимъ различнымъ направленіямъ не только въ разные періоды своей жизни, — какъ случалось со многими правителями, которые бывали либеральны въ молодости, и становились реакціонерами подъ старость, — но нерѣдко въ одно и то же время онъ колебался между двумя различными настроеніями и дѣйствіями.

Эта черта сильно бросалась въ глаза современникамъ и позднѣйшимъ историкамъ Александра. Большею частію они не находили ей другого объясненія, кромѣ безсилія характера или двуличности; этимъ послѣднимъ особенно часто укоряли Александра, хотя едва ли было бы справедливо объяснять его колебанія и противорѣчія только отсутствіемъ доброй воли или сознательнымъ лицемѣріемъ. Характеръ Александра дѣйствительно отличался въ большой мѣрѣ двойственностью, нерѣшительностью, неувѣренностью, но значительная доля этой двойственности должна быть приписана и тѣмъ труднымъ положеніямъ, какія ставила ему самая жизнь. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и самыхъ строгихъ его историковъ, Гервинусъ, признаетъ, что трудности этихъ положеній бывали таковы, что успѣшно преодолѣть ихъ было бы не подъ силу и человѣку съ гораздо бо̀льшимъ запасомъ нравственной энергіи. Обвиненіе въ чистомъ лицемѣріи трудно обратить противъ человѣка, который самъ страдалъ отъ предполагаемой имъ безъисходности противорѣчій, какъ это было несомнѣнно съ Александромъ. Окруженный трудными обстоятельствами, вызываемый рѣшать роковые вопросы, Александръ часто былъ не въ силахъ рѣшить въ самомъ себѣ борьбу враждебныхъ принциповъ и впадалъ въ ошибки, которыя потомъ мучительно его преслѣдовали: оттого, въ его внутренней исторіи были моменты истинно-трагическіе. Одушевленный въ началѣ наилучшими намѣреніями, онъ не въ состояніи былъ совладѣть съ обстоятельствами, которыя увлекали его на иную дорогу; онъ не отказывался отъ своихъ плановъ, но ни въ самомъ себѣ, ни въ жизни не находилъ средствъ для ихъ совершенія и поддавался заблужденіямъ, которыя приводили его къ самому печальному употребленію своей власти, къ поддержкѣ направленій и дѣйствій, самыхъ враждебныхъ общему благу, — однако не успокоивался на этой реакціонной политикѣ, и его внутреннія тревоги и сомнѣнія показываютъ въ немъ не безсердечнаго лицемѣра или тирана, какимъ его нерѣдко изображали, а человѣка заблуждавшагося, но способнаго вызвать къ себѣ сочувствіе, потому что во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ съ нравственными идеалами, которые были выше обыкновенной рутины въ его сферѣ, и присутствіе которыхъ онъ не разъ доказывалъ своими дѣйствіями.

Поэтому личность императора Александра особенно тѣсно связывается съ исторіей его времени. Можно даже сказать, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ представителей этого времени. Онъ самъ лично дѣлилъ самыя различныя настроенія этого времени, и то броженіе общественныхъ идей, которое начинало тогда проникать въ русскую жизнь, какъ будто

отражалось въ немъ самомъ такимъ же нерѣшительнымъ броженіемъ, не покидавшимъ его, кажется, до послѣднихъ дней. Такъ, сперва онъ мечталъ о самыхъ широкихъ преобразованіяхъ, о какихъ только думали самые смѣлые умы тогдашняго русскаго общества; онъ былъ либераломъ, приверженцемъ конституціонныхъ учрежденій, самъ искалъ «оппозиціи»; въ другіе періоды, смущаясь передъ дѣйствительными трудностями и воображаемыми опасностями, онъ становился консерваторомъ, реакціонеромъ, піэтистомъ. Нѣтъ надобности, наконецъ, много говорить о томъ огромномъ значеніи, которое имѣлъ онъ какъ господствующая, центральная личность великихъ событій, совершавшихся въ Европѣ и въ Россіи и производившихъ потрясающее дѣйствіе на умы; внутри самой русской жизни, въ возрастаніи и борьбѣ общественныхъ понятій и направленій, его личность опять является могущественной силой, которая своей поддержкой давала перевѣсъ то однимъ, то другимъ элементамъ, и постоянно вмѣшивалась въ ихъ развитіе и ихъ взаимныя отношенія.

Таковы различныя обстоятельства, по которымъ личность императора Александра получаетъ свое характеристическое значеніе, а время его царствованія становится не однимъ только хронологическимъ періодомъ и въ исторіи общественныхъ понятій и умственнаго развитія русскаго общества.

Другая черта, по которой царствованіе Александра можетъ составить отдѣльный періодъ въ этой исторіи, заключается въ самомъ содержаніи понятій, проникавшихъ теперь въ умы. Результаты прежняго развитія и болѣе тѣсное, чѣмъ когда-нибудь прежде, соприкосновеніе съ жизнью европейскою, ея политическими и общественными интересами, произвели особенное броженіе общественныхъ идей какъ въ правительствѣ, такъ и въ средѣ самого общества, и вслѣдствіе различныхъ условій, соединившихся въ то время, это броженіе приняло направленіе политическое, которое до тѣхъ поръ оставалось обществу почти совершенно чуждо и неизвѣстно.

Дѣйствительно, этотъ наплывъ общественно-политическихъ идей въ царствованіе Александра представлялъ нѣчто совершенно новое. Въ этомъ негрудно убѣдиться, оглянувшись на предыдущую судьбу политическихъ понятій, дѣйствовавшихъ въ русскомъ обществѣ. Она была немногосложна. Новая Россія, основавшаяся при Петрѣ, вполнѣ и безусловно восприняла тотъ характеръ внутренняго устройства, какой образовался въ періодъ Московскаго царства. Этотъ характеръ извѣстенъ: нація потеряла свои политическія права или отказалась отъ нихъ въ пользу неограниченной верховной власти, которая казалась наилучшимъ сред-

ствомъ объединенія и для народной массы была вмѣстѣ защитой отъ боярской олигархіи. Старинные «соборы» еще въ московской Россіи потеряли всякое значеніе, кромѣ развѣ нѣкотораго совѣщательнаго значенія, и забылись очень скоро, когда власть нашла ненужнымъ больше собирать ихъ. Верховная власть Петра была власть готовая, наслѣдованная. Въ волненіяхъ, наполнявшихъ его царствованіе, дѣло шло нисколько не о политическихъ свойствахъ этой власти: причины волненій были — властолюбивые планы царевны Софьи, религіозный консерватизмъ старовѣрства и бытовой консерватизмъ приверженцевъ стараго порядка. Въ дѣятельности Петра его противникамъ была невыносима революціонная ломка этого стараго порядка, въ которой они боялись паденія самой націи, въ силу стараго изреченія: «которое царство начнетъ переставливати обычаи свои, и то царство недолго стоитъ». Приверженцамъ старины былъ ненавистенъ въ Петрѣ царь не довольно благочестивый, иногда совсѣмъ легкомысленный въ дѣлахъ вѣры, царь, унижавшій свое византійское достоинство всякой грубой работой, дружбой и гуляньемъ съ иноземцами и т. д.; они не имѣли ничего противъ самой власти, и имъ хотѣлось только прежняго царя въ византійско-азіатскомъ стилѣ XVI — XVII вѣка. Этотъ стиль исчезъ безвозвратно и вражда къ новымъ обычаямъ продолжалась; но въ этой глухой враждѣ ни при Петрѣ, ни послѣ не было и тѣни политическихъ элементовъ, а только тотъ-же бытовой и религіозный консерватизмъ, позднѣе усложнившійся новыми развитіями раскола. Вся масса оставалась, по прежнему, безгласной и безправной, въ чисто пассивномъ положеніи, которое продолжалось въ теченіе всего XVIII вѣка и перешло въ XIX. Единственныя движенія, которыми она заявляла свою оппозицію разнымъ тяжелымъ для нея порядкамъ, были крестьянскія возстанія, очень часто съ какимъ-нибудь самозванствомъ, представлявшимъ для массы единственный доступный для нея авторитетъ; этотъ авторитетъ имѣлъ для нея чрезвычайную убѣдительность, какъ единственная политическая идея, подъ которой народъ издавна соединялъ всѣ свои надежды и благія ожиданія. Но если никакого движенія не представляла народная масса, то со временъ Петра начало создаваться подъ европейскими вліяніями новое общество, которое носило въ себѣ зародышъ будущей русской общественной жизни; развитіе общественной самодѣятельности и самостоятельности возможно было только въ немъ. Общественная мысль пробуждалась очень медленно; у Петра нашлось только немного помощниковъ, которые искренно и серьезно понимали дѣло реформы и видѣли въ немъ залогъ обществе-

наго блага, и новое общество, представителями котораго были тогда люди какъ Θеофанъ или Кантемиръ, было весьма немногочисленно. Въ мрачный періодъ отъ смерти Петра до Екатерины II, въ эти «сатурналіи деспотизма», по выраженію Карамзина, общество наравнѣ съ народомъ оставалось пассивнымъ зрителемъ придворныхъ переворотовъ, хотя уже въ это время являются сильные политическіе умы, какъ Волынскій, люди съ обширнымъ знаніемъ внутреннихъ отношеній Россіи, какъ Татищевъ, и наконецъ является и нѣкоторое броженіе политическихъ понятій въ самомъ обществѣ: въ той оппозиціи, которая при воцареніи Анны высказалась со стороны русскаго «шляхетства» противъ замысловъ олигархіи и которая закончилась полнымъ возстановленіемъ самодержавія, въ этой оппозиціи были однако и мысли объ ограниченіи монархическаго правленія. Одно время казалось, что онѣ могутъ даже осуществиться. Но затѣмъ продолжался опять тотъ-же порядокъ вещей; общество и народъ отличались тѣмъ-же пассивнымъ подчиненіемъ, которое, сравнительно съ XVII вѣкомъ, быть можетъ, даже усилилось. Это время, по преимуществу, было временемъ тайной канцеляріи, «слова и дѣла». Эта политическая инквизиція наслѣдована была еще отъ XVII вѣка; петровскій преображенскій приказъ былъ печальнымъ орудіемъ, которое Петръ считалъ необходимымъ для утвержденія своего дѣла: онъ не находилъ иного средства подавить враговъ реформы, которыхъ онъ видѣлъ много. Впослѣдствіи, эта причина существованія тайной канцеляріи, безъ сомнѣнія, значительно ослабѣла, потому что для продолженія самой реформы нельзя было бы предвидѣть никакой опасности; тѣмъ не менѣе, тайная канцелярія дѣйствовала съ прежней ревностью: къ старой традиціи прибавились теперь новыя побужденія; съ одной стороны была перенята рутина нѣмецкаго канцелярскаго деспотизма, съ другой—безпрестанные перевороты, борьба придворныхъ партій заставляли всюду видѣть опасность, и въ каждомъ невыгодномъ отзывѣ о дѣйствіяхъ правительства находить государственное преступленіе. Общество стало окончательно безгласно. Но, какъ ни убивало все это общественные интересы, пониманіе и обсужденіе обществомъ его собственныхъ дѣлъ и потребностей, это время не пропадало однако даромъ для общественнаго развитія. Преемники Петра мало думали о достойномъ продолженіи реформы, и, до Екатерины II, даже не были къ этому способны, но тѣмъ не менѣе реформа вошла уже въ жизнь такъ глубоко, что даже эти тяжкія времена не остановили ея развитія. Имя Петра сохраняло свой авторитетъ: дѣятельность Ломоносова и академіи наукъ, основа-

ніе московскаго университета, первые опыты новой литературы свидѣтельствовали, что потребность образованія продолжала дѣйствовать и въ правительствѣ и пробуждалась въ обществѣ, что школьное образованіе покидало устарѣлую схоластическую колею и новыя понятія уже требовали себѣ того особеннаго органа, который представляетъ собою литература въ европейской формѣ и въ европейскомъ смыслѣ. Все это были впрочемъ только зачатки, когда наступило царствованіе Екатерины. Это царствованіе, отличавшееся такимъ шумомъ и блескомъ, было вполнѣ выраженіемъ того «просвѣщеннаго деспотизма», который и въ западной Европѣ нашелъ тогда представителей въ лицѣ многихъ просвѣщенныхъ государей и министровъ, и которымъ, незадолго передъ французской революціей, сама монархія свидѣтельствовала о необходимости преобразованій, какихъ требовало время, потому что онъ былъ въ сущности попыткой примиренія старой средневѣковой монархіи съ просвѣтительными идеями вѣка. Дѣятельность Екатерины въ этомъ смыслѣ также выполняла глубокую историческую потребность русскаго государства и общества; со временъ Петра это было почти первое дѣятельное стремленіе власти къ распространенію европейскаго просвѣщенія: присвоивъ себѣ исключительную иниціативу устройства общественныхъ интересовъ, власть тѣмъ самымъ конечно брала на себя дѣлать для этого все необходимое, и дѣятельность Екотерины вспоминала наконецъ объ этой задачѣ. Съ Петра Великаго судьба русскаго общественнаго образованія почти предоставлена была случаю, и власти предстояло сдѣлать въ этомъ отношеніи еще слишкомъ многое. Царствованіе Екатерины было осыпано панегириками современниковъ, и дѣйствительно, выгодно отличалось отъ предыдущихъ, какъ и отъ послѣдующаго царствованія, хотя далеко не исполнило того, что̀ могло бы исполнить, вовсе не отличалось послѣдовательностью, и несмотря на весь внѣшній блескъ и литературно-философскіе вкусы, не могло похвалиться безкорыстной заботой о просвѣщеніи. Екатерина въ началѣ самымъ ревностнымъ образомъ принимала и хотѣла примѣнять къ дѣлу просвѣтительныя идеи французской философіи, хотѣла даже поручить д'Аламберу воспитаніе наслѣдника престола, и слѣдовательно обезпечить вліяніе французскихъ идей и на будущее время; впослѣдствіи воспитателемъ Александра она выбрала человѣка такихъ же понятій, философа и республиканца Лагарпа; Монтескьё, Мабли и Беккаріа доставили главное содержаніе ея «Наказа», и ея тогдашнее философское свободолюбіе внушило ей даже необыкновенное для самой тогдашней Европы учрежденіе знаменитой Коммиссіи объ уложеніи; дружеская переписка

съ знаменитостями французской литературы и щедрое покровительство имъ доставили ей еще одно лишнее средство прославиться покровительствомъ наукамъ, философіи и свободѣ мнѣній. Нельзя отвергать, что это настроеніе императрицы отозвалось и въ русской общественной жизни благопріятными послѣдствіями: въ управленіи чувствовалось больше мягкости, чѣмъ когда-нибудь было видано въ послѣднія царствованія; Коммиссія, хотя и кончилась неудачно, указывала однако, что для общества могутъ быть серьезные интересы въ обсужденіи общественныхъ предметовъ; одновременно съ ея открытіемъ, въ литературѣ разбирался вопросъ о крѣпостномъ состояніи, на извѣстную тему Вольно-Экономическаго Общества; настроеніе императрицы и заявляемые ею взгляды подѣйствовали и на литературу, которая также начала знакомить русскую публику съ европейскими идеями и начала свои критическіе опыты и наблюденія надъ русской жизнью. Люди болѣе образованные уже въ то время могли хорошо познакомиться теоретически съ новыми философскими общественными взглядами, и хотя тогдашнихъ «вольтеріянцевъ» обвиняютъ обыкновенно въ большомъ легкомысліи и непрочности ихъ скептицизма, но конечно не всѣ эти вольтеріянцы были легкомысленны, и ихъ скептицизмъ во всякомъ случаѣ указывалъ, хотя и не глубоко, на дѣйствительные недостатки общественной жизни и ея преданій. Въ то же время развивались и идеалистическія стремленія, исходившія тогда изъ двухъ главныхъ источниковъ: той же французской философіи, которая говорила о совершенствованіи общества, о благѣ человѣчества, о правахъ человѣка и т. д., и изъ франкмасонства. Правда, это новое общественное движеніе, начинавшееся въ русской жизни, представляется теперь еще слишкомъ ограниченнымъ, мало реальнымъ, даже ребяческимъ, но, принявъ въ соображеніе весь характеръ времени и нравовъ, господствовавшихъ въ большинствѣ, мы увидимъ, что оно все-таки составляло большой успѣхъ. Внѣшній блескъ царствованія, болѣе частыя сношенія съ европейскимъ міромъ, какъ и распространеніе французскихъ обычаевъ и литературы сильно способствовали измѣненію понятій, и въ обществѣ составился наконецъ довольно обширный слой людей, настолько образованныхъ, что европейскія идеи могли находить себѣ достаточно приготовленную почву. Иностраннымъ наблюдателямъ [1]) казалось, что русскіе по образованности и нравамъ какъ будто составляютъ двѣ различныя націи. Подразумѣвается, что одна изъ нихъ твердо

---

[1]) Mém. secr. 3, 356.

хранила старые обычаи и старую неподвижность; другая представляла новые нравы и обычаи, и образованность въ европейскомъ духѣ. Это новое общество при Екатеринѣ значительно размножилось, отчасти подъ вліяніемъ ея просвѣтительныхъ плановъ, отчасти уже независимо отъ нихъ, или даже наперекоръ ея намѣреніямъ, по собственной силѣ начавшагося развитія. Дѣло въ томъ, что въ обществѣ стали высказываться извѣстныя понятія, уже не отвѣчавшія желаніямъ Екатерины: эти понятія не исчезали, не смотря на ея заявленное неудовольствіе, и наконецъ вызвали съ ея стороны преслѣдованіе, когда, подъ конецъ жизни, она была напугана французской революціей и вооружилась противъ тѣхъ самыхъ правилъ и идей, которыя прежде такъ поощряла. Просвѣщенный деспотизмъ Екатерины, къ сожалѣнію, не былъ такъ широкъ и искрененъ, какъ былъ напр. у Іосифа II или Фридриха, и уже въ самомъ началѣ Екатерина впадала въ противорѣчіе съ собой и отвергала свои же философскія идеи, какъ скоро онѣ переходили въ общество и обнаруживались въ немъ какими-нибудь ничтожными проявленіями самостоятельности. Едва-ли сомнительно, что нѣчто подобное произошло съ Коммиссіей объ уложеніи, которая осталась однимъ театральнымъ эффектомъ; несомнѣнно, что это произошло въ ея отношеніяхъ къ литературѣ, которая допускалась только до тѣхъ поръ, пока знала свое мѣсто, или къ масонскимъ ложамъ, которыя (еще до Новиковской исторіи) были непріятны Екатеринѣ тѣмъ, что имѣли притязаніе на общественную роль и на тайну, слѣдовательно извѣстную независимость, хотя Екатерина хорошо знала невинность или пустоту этой тайны. Въ ея литературной полемикѣ обнаруживались всегда не только мнѣнія писательницы, но и повелительный авторитетъ императрицы, такъ что споръ становился невозможенъ. Подъ конецъ царствованія нетерпимость перешла въ преслѣдованіе, мало согласное съ тѣмъ духомъ философской свободы, къ которому нѣкогда императрица показывала такое расположеніе. Радищевъ и Новиковское Дружеское Общество не представляли конечно никакой политической опасности, которою можно было бы объяснить суровость ихъ осужденія. Одинъ былъ идеалистъ, воспитавшійся на отвлеченныхъ понятіяхъ о правахъ человѣчества, и въ его смѣлости поражаетъ простодушіе, съ которымъ онъ считалъ выраженіе своихъ мнѣній возможнымъ на русскомъ языкѣ въ тогдашнія времена. Всѣ помышленія Дружескаго Общества сводились къ піэтистической филантропіи и наивному исканію алхимическихъ таинствъ. Между тѣмъ, это были два наиболѣе рѣзкія проявленія общественныхъ стремленій во времена

императрицы Екатерины. Основное ихъ содержаніе—нѣсколько отвлеченныхъ положеній тогдашней нравственной и политической философіи, и здравое пониманіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ золъ и недостатковъ общественнаго устройства, какъ крѣпостное право, продажный судъ и управленіе, невѣжество и т. п.,—опредѣляетъ и весь запасъ общественныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ къ концу XVIII столѣтія. Общество несомнѣнно обнаруживаетъ признаки самодѣятельности и критическаго отношенія къ своей жизни; но эта критика всего чаще приписываетъ общественные недостатки нравственнымъ недостаткамъ и думаетъ помочь имъ, читая мораль для исправленія порочныхъ людей. Кажется только въ вопросѣ крѣпостного права сознана была необходимость измѣненія самаго учрежденія; въ другихъ случаяхъ общественная мысль не шла дальше поверхности дѣла, и за немногими отдѣльными исключеніями, политическая сторона вопроса оставалась ей совершенно чужда.

Времена императора Александра въ этомъ отношеніи уже рѣзко отличаются отъ временъ Екатерины. Въ обществѣ сначала слабо, но потомъ все сильнѣе и замѣтнѣе обнаруживается положительный интересъ къ его внутреннимъ дѣламъ; общественная мысль болѣе и болѣе сознательно вникаетъ въ нихъ и старается найти причины тѣхъ золъ, которыя уже давно чувствовались, но противъ которыхъ оказывалась безсильна сама неограниченная власть правительства, и старается наконецъ найти средства, которыя были-бы въ состояніи помочь этому печальному положенію вещей. Въ этомъ исканіи общественная мысль въ первый разъ приходитъ къ нѣсколько ясной постановкѣ внутренняго политическаго вопроса.

Отыскивая начало этого новаго направленія, нельзя прежде всего не видѣть, что это было во всякомъ случаѣ не случайное возбужденіе или мода, а явленіе, естественно выросшее среди общества, имѣвшее свои внутреннія и внѣшнія причины и оставившее свои вліянія въ послѣдующей исторіи общества. Главнымъ образомъ, оно было слѣдствіемъ общаго увеличенія образованности, которое наконецъ приводило общество къ подобнымъ вопросамъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ дѣлало это сознаніе общественныхъ отношеній особенно живымъ и дѣйствительнымъ. Съ другой стороны, это направленіе прививалось отъ европейскаго движенія конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Тотъ умственный и общественный переворотъ, который изъ Франціи распространялся на всю Европу, коснулся своими послѣдними вліяніями и Россіи: въ образованной части общества этотъ переворотъ отразился значительнымъ умственнымъ движеніемъ,

которое усилилось отъ непосредственныхъ встрѣчъ, дружескихъ и враждебныхъ, съ европейскимъ Западомъ. Въ русскомъ обществѣ является новый вопросъ, который обозначалъ для него первые признаки общественной зрѣлости: это былъ вопросъ объ его устройствѣ, причинахъ и послѣдствіяхъ этого устройства, и средствахъ къ его исправленію и усовершенію. Старыя традиціи въ первый разъ потеряли, для значительнаго круга образованныхъ людей, свою прежнюю обязательность; онѣ отвергались иногда не только лучшими людьми общества, но и самимъ императоромъ, такъ что ихъ несостоятельность становилась полупризнанной истиной; понятно, какимъ возбуждающимъ образомъ должно было дѣйствовать на умы подобное положеніе дѣла. Настояла необходимость искать для общественнаго устройства новыхъ началъ и новыхъ ручательствъ общаго блага.

Эти первыя стремленія общественной мысли, какъ мы сказали, и составляютъ отличительную черту Александровскаго періода нашего развитія. Въ это время, общественное мнѣніе въ первый разъ съ извѣстной силой направилось на предметы внутренней политики. На этой дорогѣ наше общество движется и до сихъ поръ: общественная мысль стала шире и яснѣе, просторъ ея больше, кругъ общества, въ которомъ она дѣйствуетъ, несравненно обширнѣе, но самые предметы, на которыхъ она останавливается, еще не были исчерпаны съ тѣхъ поръ, какъ они въ первый разъ указаны были во времена Александра. Многія реформы нынѣшняго царствованія, какъ напр. три основныя—освобожденіе крестьянъ, судебная реформа и извѣстное улучшеніе въ положеніи печати—были уже въ тѣ времена предметомъ разсужденій и горячихъ желаній; другія, болѣе широкія реформы, о которыхъ мечтали лучшіе люди тогдашняго общества, остаются вопросомъ и до сихъ поръ. Царствованіе Александра заключилось трагической развязкой, которая рѣзко отдѣлила пройденный путь развитія. Дѣйствительно, тайныя политическія общества и дѣло декабристовъ были естественнымъ результатомъ броженія идей въ Александровское время: съ этой развязкой прежнее поколѣніе, носившее эти идеи, сошло со сцены, и съ новымъ царствованіемъ наступилъ новый поворотъ въ исторіи общества.

Указывая это развитіе *политической* мысли какъ отличительную черту общественнаго движенія въ царствованіе Александра, мы вовсе не преувеличиваемъ ея глубины и размѣровъ ея вліянія въ обществѣ. И то, и другое не было велико; политическая незрѣлость общества была такова, что въ первое время всего сильнѣе это направленіе заявлено было самимъ императоромъ и его ближайшими сотрудниками; само правительство питало бо-

лѣе смѣлые планы, чѣмъ кто-либо изъ передовыхъ людей тогдашняго общества; и впослѣдствіи, кругъ людей, въ средѣ которыхъ совершалось это движеніе, не былъ особенно обширенъ. Но движеніе осталось однако важнымъ историческимъ моментомъ въ нашемъ общественномъ развитіи. Извѣстныя идеи проникли въ русское общество и усвоились въ немъ; съ тѣхъ поръ онѣ получаютъ все больше ясности, обнимаютъ бóльшій кругъ общества, и единство мотивовъ, которыми занята была общественная мысль со временъ Александра, показываетъ, что уже и въ то время дѣло шло о дѣйствительныхъ потребностяхъ общества, неизбѣжно вытекавшихъ изъ его исторіи. Возвращаясь къ тѣмъ временамъ и вспоминая тогдашніе интересы, борьбу мнѣній, начинавшееся столкновеніе двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, мы найдемъ новое подтвержденіе законности тѣхъ современныхъ стремленій къ общественному преобразованію, которыя и до сихъ поръ остаются непонятны для большинства и на которыя съ такою щедростію бросаютъ свои клеветы ретроградные агитаторы.

Недостаточность существующихъ матеріаловъ конечно дѣлаетъ еще невозможной послѣдовательную исторію выбраннаго нами предмета; мы ограничимся нѣсколькими общими очерками и нѣсколькими указаніями на любопытныя явленія этой исторіи, до сихъ поръ мало находившія мѣста въ нашей литературѣ.

I.

Воспитаніе и характеръ Александра.

Характеръ императора Александра вызывалъ самыя разнообразныя сужденія современниковъ и позднѣйшихъ историковъ; въ то время, какъ одни считали его человѣкомъ безъ сердца и принциповъ, хитрымъ до коварства деспотомъ, другіе — и въ томъ числѣ напримѣръ знаменитый Штейнъ, котораго нельзя было упрекнуть ни въ лицемѣріи, ни въ желаніи льстить—съ увѣренностью говорили о высокихъ качествахъ его характера, безкорыстіи и великодушіи, глубокомъ стремленіи ко благу человѣчества; когда одни признавали за нимъ только умъ самый обыкновенный, неспособный къ широкому взгляду, другіе видѣли въ Александрѣ, кромѣ рѣдкихъ достоинствъ сердца, и умъ чрезвычайно обширный и проницательный.

Эти противорѣчія тѣмъ поразительнѣе, что такіе отзывы исходили не отъ однихъ враговъ или слѣпыхъ панегиристовъ, но и отъ людей, которые хотѣли высказывать безпристрастное мнѣніе и основывать его на фактахъ. Мы не беремся разъяснять вполнѣ характеръ, вызывавшій эти противорѣчія, потому что подробности исторіи Александра еще слишкомъ мало извѣстны; но его нельзя и обойти, потому что, дѣйствительно, обѣ стороны имѣютъ каждая долю правды; личность Александра и его дѣятельность въ самомъ дѣлѣ представляли столько несходныхъ качествъ и разнорѣчащихъ проявленій, что въ нихъ необходимо дать себѣ по возможности отчетъ, потому что онѣ слишкомъ часто оказывали свое вліяніе на движеніе общества.

Этотъ характеръ дѣйствительно поражаетъ своими неровностями и противорѣчіями; непостоянство было основная его черта, и легко себѣ представить, что проявленія этого непостоянства въ серьезныхъ дѣлахъ и въ критическія минуты, когда извѣстное рѣшеніе получало чрезвычайную важность, могли произво-

дить самое тяжелое впечатлѣніе и возбуждать сильную антипатію, которая и производила указанные нами недружелюбные отзывы; но собирая различныя подробности біографіи Александра и вникая въ руководившія имъ побужденія, мы примиряемся съ его личностью, потому что въ источникѣ его недостатковъ находимъ не дурныя наклонности сердца, а недостатокъ воспитанія воли и недостатокъ пониманія отношеній, что въ глубинѣ побужденій Александра лежали самыя лучшія стремленія, которымъ не достало только школы и благопріятныхъ условій. Александръ почти съ самаго рожденія поставленъ былъ въ очень сложныя и мудреныя отношенія, которыя рано раздвоили его сознаніе и его чувства; воспитаніе его кончилось въ такую пору, когда обыкновенно оно только-что начинаетъ свои первыя серьезныя заботы, когда наступаютъ первыя серьезныя занятія юноши и знакомство съ жизнью: въ эту пору Александръ былъ уже предоставленъ самому себѣ, и въ обстоятельствахъ, требовавшихъ большого нравственнаго усилія, которое было бы не легко и для человѣка, лучше приготовленнаго и болѣе опытнаго въ жизни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его воспитаніе при Екатеринѣ, жизнь и «служба» при Павлѣ уже создали всѣ задатки его характера, какъ онъ обнаруживается впослѣдствіи, и уже съ этихъ поръ надломили эту восторженную и благородную натуру.

Извѣстное стихотвореніе Державина «на рожденіе порфиророднаго отрока» множество разъ цитировалось какъ поэтическое предвидѣніе рѣдкихъ качествъ Александра, его душевной и физической красоты и его будущей славы. Муза Державина, которая любила пріятно польстить и прилгнуть, на этотъ разъ какъ будто захотѣла говорить правду, потому что въ самомъ дѣлѣ Александръ росъ чрезвычайно привлекательнымъ ребенкомъ и юношей. Таковы были общіе отзывы о немъ въ первую пору его молодости.

Но условія, въ которыхъ шло его развитіе, съ самаго начала не могли благопріятно дѣйствовать на образованіе характера. Прежде, чѣмъ онъ въ состояніи былъ сознавать окружающее, онъ поставленъ былъ въ очень странныя и фальшивыя отношенія въ самой семьѣ. Съ самаго рожденія Екатерина взяла его къ себѣ, какъ потомъ и другихъ дѣтей Павла, такъ что дѣти только изрѣдка и на самое короткое время могли бывать у родителей. Павелъ жилъ въ Гатчинѣ, и его отношенія съ Екатериной въ это время были крайне натянутыя и почти враждебныя. Утверждаютъ, что у нея былъ планъ устранить Павла отъ престола и сдѣлать Александра своимъ непосредственнымъ преемникомъ, и что только внезапная смерть помѣшала ей исполнить

этотъ планъ [1]). Александръ могъ догадываться объ этихъ намѣреніяхъ, и во всякомъ случаѣ для него были очевидны недовѣріе и вражда, раздѣлявшія дворы петербургскій и гатчинскій, между которыми онъ самъ былъ поставленъ въ трудное, страдательное положеніе. Ни тамъ, ни здѣсь онъ не могъ быть вполнѣ искрененъ; ему вѣроятно очень трудно было и вообще съ кѣмъ-нибудь дѣлиться своими впечатлѣніями и размышленіями, и это очень рано сообщило ему такую сдержанность и скрытность, которыя казались удивительны въ его лѣта. Одинъ наблюдатель, близко видавшій Александра въ молодости и замѣчанія котораго относятся къ 1796 году, говоритъ о немъ: «Онъ наслѣдовалъ отъ Екатерины возвышенность чувствъ, вѣрный и проницательный умъ и рѣдкую скромность; но его сдержанность, его осторожность таковы, какихъ не бываетъ въ его возрастѣ, и они были бы притворствомъ, еслибы не слѣдовало приписать ихъ скорѣе тому натянутому положенію, въ какомъ онъ находился между своимъ отцомъ и своей бабушкой, чѣмъ его сердцу, отъ природы искреннему и открытому» [2]).

При Павлѣ положеніе его стало еще затруднительнѣе. Извѣстно, какой подозрительностью и какими бурными капризами отличался этотъ императоръ; онъ наводилъ страхъ на все окружающее и на самое семейство вспышками своей раздражительности, не знавшими никакихъ предѣловъ. Павелъ подозрѣвалъ существованіе упомянутыхъ плановъ Екатерины, и его недовѣрчивость, которую онъ впрочемъ старался скрывать, обратилась на Александра. Говорятъ, что въ послѣдніе часы императрицы и въ слѣдующіе дни отецъ удерживалъ сына при себѣ съ изъявленіями нѣжности, походившими на подозрительность. Павелъ удалилъ его прежнихъ друзей, окружилъ его офицерами, на которыхъ считалъ возможнымъ вполнѣ положиться, далъ ему, вмѣсто прежняго, другой полкъ и т. д. Ихъ личныя отношенія мѣнялись различнымъ образомъ, но Александръ не могъ чувствовать себя свободно въ продолженіе царствованія, которое своими свойствами противорѣчило всѣмъ его тогдашнимъ понятіямъ. Принужденіе продолжалось въ еще болѣе тягостныхъ формахъ чѣмъ прежде, и еще больше было основаній для скрытности и недовѣрчивости. Конецъ царствованія Павла довелъ до послѣдней

---

[1]) См. разсказъ кн. С. М. Голицына о завѣщаніи Екатерины въ этомъ смыслѣ которое найдено было въ ея кабинетѣ и сожжено Александромъ. Фактъ передается здѣсь совершенно положительно. Р. Архивъ 1869, стр. 642 — 643. Mém. secr. I, 182 — 183. Ср. Записки Саблукова, Р. Арх. 1869, стр. 1882.

[2]) Mém. secr. I, 270.

степени внутреннюю безпомощность и тревогу Александра. Онъ былъ свидѣтелемъ раздраженія, собиравшагося противъ императора, былъ не въ силахъ помочь кризису и самъ былъ увлеченъ имъ. Эти событія оставили навсегда свой слѣдъ на его характерѣ; мрачный жизненный опытъ еще больше усилилъ апатію, задатки которой были въ немъ уже издавна, и недовѣрчивость къ людямъ, которая къ сожалѣнію имѣла довольно основаній въ обстоятельствахъ его жизни съ самой ранней молодости.

Такова была въ общихъ чертахъ неблагопріятная обстановка, въ которой должно было совершаться нравственное развитіе Александра. Его врожденныя качества подвергались здѣсь трудному испытанію. Объ этихъ качествахъ всѣ существующія извѣстія говорятъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Александръ обнаруживалъ живой умъ и прекрасныя нравственныя свойства. Сохранились, между прочимъ, записки одного изъ его воспитателей, писанныя въ 1789—94 годахъ, когда Александру было 12—17 лѣтъ, замѣтки, писанныя авторомъ для себя и безпристрастныя [1]. Этотъ воспитатель, описывая характеръ Александра, съ восторгомъ говоритъ о его привлекательныхъ чертахъ, его справедливости, честности, правдивомъ сознаніи ошибокъ, его добромъ и мягкомъ нравѣ, снисходительности и пр.; онъ разсказываетъ различные случаи, гдѣ выказывались прекрасныя свойства его души; но въ тоже время онъ съ прискорбіемъ указываетъ его недостатки, и между ними указаны такіе, которые остались и потомъ въ характерѣ Александра. «Замѣчается въ его высочествѣ— пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1792 — лишнее *самолюбіе*, а отъ того *упорство во мнѣніяхъ* своихъ, и что онъ во всемъ будто увѣритъ и переувѣритъ человѣка, какъ захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая *хитрость*, ибо въ затмѣваніи истины и въ желаніи быть всегда правымъ, неминуемо нужно приступать къ подлогамъ». Фраза очень неясная, но описываемое свойство было повидимому то самое, которое стоило потомъ Александру стольких обвиненій въ двуличіи. Въ умѣ Александра несомнѣнно была черта извѣстнаго дипломатическаго лукавства, хотя она, вовсе не была такой господствующей, какъ это нерѣдко представляютъ; какъ въ его юношескомъ характерѣ съ его лукавствомъ и хитростью соединялась и искренность, такъ и потомъ его характеръ никогда не терялъ вполнѣ своихъ лучшихъ прежнихъ свойствъ. Жизнь конечно сильно нарушила ихъ правильное развитіе, но и въ позднѣйшіе годы его недостатки были не столько

---

[1] Р. Арх. 1866, стр. 94—111. Кто былъ этотъ воспитатель — неизвѣстно; но онъ былъ русскій.

лицемѣріе или макіавелизмъ, сколько нерѣшительность и отсутствіе твердой воли, происходившія въ значительной степени и отъ отсутствія ясности понятій въ предметахъ, въ которыхъ ему приходилось имѣть верховный рѣшающій голосъ. Прежде всего, на его умъ и характеръ наложило свой отпечатокъ воспитаніе.

Это воспитаніе было предметомъ большихъ заботъ Екатерины. Она составила извѣстныя наставленія, для руководства лицамъ, которымъ ввѣрено было это воспитаніе. Въ этихъ наставленіяхъ, какъ въ Наказѣ, она опять обратилась за теоретическими основаніями къ своимъ философскимъ авторитетамъ, и воспользовалась идеями Локка и Руссо. Поручивъ надзоръ за воспитаніемъ графу Н. И. Салтыкову, Екатерина выбрала главнаго наставника въ той европейской сферѣ, съ которой она такъ любила поддерживать сношенія. Швейцарецъ Лагарпъ былъ не только философъ въ смыслѣ французскаго просвѣщенія, но и настоящій, не теоретическій только республиканецъ; посредникомъ въ его приглашеніи былъ философскій агентъ и фактотумъ тогдашнихъ либеральныхъ дворовъ, Гриммъ, извѣстный авторъ «Корреспонденціи». Лагарпъ (онъ былъ при Александрѣ въ теченіи 1783—1795 г.) стоялъ, безъ сомнѣнія, выше всѣхъ наставниковъ Александра по уму, свѣдѣніямъ и характеру, и конечно оказалъ всего больше вліянія на складъ понятій и направленіе Александра. Положеніе Лагарпа было очень трудно: это былъ человѣкъ убѣжденій, понявшій свою обязанность очень строго и не желавшій дѣлать уступокъ тѣмъ придворнымъ соображеніямъ, которыхъ, понятнымъ образомъ, представлялось очень много. Стараясь охранять Александра отъ вліяній придворной атмосферы и не скрывая своего образа мыслей, онъ конечно долженъ былъ тѣмъ самымъ дѣлать себѣ враговъ, которыхъ кромѣ того создавала и его политическая дѣятельность для своего отечества, продолжавшаяся и при дворѣ Екатерины. Эта вражда, шедшая отъ его швейцарскихъ непріятелей и русскихъ придворныхъ, мѣшала наконецъ и трудамъ его какъ воспитателя. Противъ него пущены были наконецъ политическія обвиненія, поводъ къ которымъ давала его дѣятельность по швейцарскимъ дѣламъ, хотя она и не была публичной; эти обвиненія были особенно опасны въ послѣдніе годы, когда французская революція въ своемъ террористическомъ фазисѣ навела страхъ на Екатерину. Императрица вообще была довольна Лагарпомъ и поддерживала его, и теперь, выслушавъ его объясненія противъ возведенныхъ на него обвиненій, оставила его при Александрѣ, но наконецъ, повидимому, поддалась также опасеніямъ; послѣ свадьбы великаго князя Ла-

гарпъ оставался въ Петербургѣ не долго и былъ отпущенъ довольно холодно.

Несмотря на затруднительность этого положенія Лагарпа при дворѣ, особенно въ послѣдніе годы, когда Александръ именно былъ бы всего больше способенъ понимать его уроки, несмотря на то, что вліяніе Лагарпа, такимъ образомъ, дѣйствовало только въ очень ранніе годы его воспитанника, это вліяніе было очень сильно. Александръ чрезвычайно привязался къ своему воспитателю, потому конечно, что его уроки всего больше отвѣчали тѣмъ благороднымъ юношескимъ стремленіямъ, которыми Александръ былъ проникнутъ, и давали всего больше пищи его возвышеннымъ идеалистическимъ мечтаніямъ о свободѣ и счастіи людей. По вступленіи на престолъ онъ вызвалъ Лагарпа въ Петербургъ; во время наполеоновскихъ войнъ, онъ опять призывалъ къ себѣ Лагарпа какъ стараго друга и дѣлился съ нимъ своими чувствами и своими политическими заботами.

Лагарпу принадлежитъ, безъ сомнѣнія, большая доля тѣхъ отвлеченныхъ представленій Александра о человѣческомъ благѣ, о гражданской свободѣ, о равенствѣ людей, о справедливости, о гнусности деспотизма и рабства и т. д., которыя въ первое время Александръ высказывалъ съ такимъ одушевленіемъ и которыя даже впослѣдствіи, когда онъ былъ далеко не прежнимъ, никогда въ немъ не изглаживались совершенно. Этотъ идеализмъ могли поддерживать въ немъ и другіе его воспитатели, въ особенности извѣстный М. Н. Муравьевъ, обучавшій его русскому языку. Муравьевъ (отецъ извѣстныхъ декабристовъ, Никиты и Александра Муравьевыхъ), извѣстный въ свое время писатель въ сантиментально-философскомъ родѣ, покровительствовавшій историческому предпріятію Карамзина, и по вступленіи Александра на престолъ назначенный попечителемъ московскаго университета, былъ человѣкъ умный и образованный, съ характеромъ, возбуждавшимъ большое уваженіе, и съ убѣжденіями въ духѣ французской философіи. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ проповѣдовалъ любовь къ человѣчеству, необходимость господства закона, обуздывающаго деспотизмъ, и «свободу въ разбирательствѣ мнѣній», т.-е. свободу изслѣдованія; тѣ же идеи онъ старался внушать и своему воспитаннику: когда Александру было еще только 10—12 лѣтъ, Муравьевъ, занимаясь съ нимъ русскимъ языкомъ, читалъ съ нимъ собственныя идиллическія сочиненія и давалъ ему переводить «Эмиля» Руссо, Гиббона, Монтескьё (о вольности гражданской) и т. п. [1]).

---

[1]) «Мих. Ник. Муравьевъ былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина, въ прозѣ, лучшимъ у насъ писателемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ Ла-

Эти вліянія конечно сдерживались и ограничивались другими воспитателями, и прежде всего Н. И. Салтыковымъ. Его изображаютъ человѣкомъ добрымъ и религіознымъ; по словамъ Грибовскаго, онъ «почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т.-е. весьма твердо зналъ *придворную науку*, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное,... раболѣпствовалъ случайнымъ и чуждался впадшимъ въ немилость»; затѣмъ управляла имъ жена, а въ дѣлахъ—письмоводитель. По словамъ Массона, который былъ въ числѣ учителей великаго князя, «главное занятіе Салтыкова при вел. князьяхъ состояло въ томъ, чтобы предохранять ихъ отъ сквозного вѣтра и отъ засоренія желудка». По всей вѣроятности, Салтыковъ не имѣлъ никакого особеннаго вліянія на умственное развитіе своего воспитанника, но онъ все-таки не былъ лишнимъ человѣкомъ и Екатерина не даромъ поручила ему главный надзоръ. Какъ человѣкъ изучившій придворную науку, Салтыковъ былъ вѣрнѣйшимъ ея слугой, исполнялъ всѣ ея приказанія, слѣдилъ за всей внѣшней обстановкой своего воспитанника, а въ придворномъ смыслѣ неспособенъ былъ ни къ какому упущенію, которое было бы непріятно Екатеринѣ. Потомъ, онъ точно также пользовался милостью Павла. По всей вѣроятности онъ именно знакомилъ Александра съ придворной политикой, и въ этомъ смыслѣ противопоставлялъ идеалистическому воспитанію Лагарпа свои житейскія нравоученія: по крайней мѣрѣ Александръ уже очень рано пріобрѣлъ качества, помогавшія ему маскировать свои мысли и чувства. Остальной персоналъ преподавателей и гувернеровъ игралъ второстепенную роль.

Такимъ образомъ, Лагарпу надо приписать преобладающее

гарпомъ находился при воспитаніи имп. Александра, платилъ дань своему вѣку и мечталъ о народной свободѣ: кроткую душу его возмущало слово тиранство. Свои правила передалъ онъ женѣ, и они сдѣлались наслѣдіемъ его семейства». Вигель, Зап. II, IV, 131—132. См. также Р. Арх. 1866, ст. 111—113. Приводя записки Вигеля, находимъ нужнымъ сдѣлать о нихъ оговорку. Онѣ вообще представляютъ источникъ, къ которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно обращаться только съ неохотой: до такой степени непріятенъ ихъ тонъ вездѣ, гдѣ рѣчь касается оцѣнки направленій и людей не того разряда, къ которому самъ авторъ принадлежалъ. Записки не современны описываемымъ событіямъ, и Вигель подложилъ подъ свой разсказъ позднѣйшій тонъ чиновническо-булгаринской благонамѣренности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и злобно относится ко всему, что не подходило подъ его мѣрку. Но онъ многое видѣлъ и слышалъ, въ разсказѣ много любопытныхъ подробностей и мѣткихъ наблюденій. Читая его, надо помнить, что онъ отличается особой аттенціей къ своимъ знакомымъ, дошедшимъ послѣ до важныхъ чиновъ, но что о людяхъ тогдашняго либеральнаго направленія имъ будетъ сказано все дурное, что можно только придумать сказать о нихъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ его желчныя выходки попадаютъ и въ настоящую цѣль.

вліяніе въ умственномъ воспитаніи Александра. Каково же было это вліяніе? Лагарпа цѣнили нѣсколько различно, по результатамъ его воспитанія. Одни говорили о немъ только съ похвалами, какъ образцѣ безкорыстной гражданской добродѣтели; другіе винили его, что, внушая Александру свою республиканскую философію, онъ забывалъ о русской жизни и дѣлалъ Александра мечтателемъ и космополитомъ. Оба мнѣнія нуждаются въ ближайшемъ опредѣленіи. Воспитательная дѣятельность Лагарпа представляетъ много сторонъ, заслуживающихъ полнаго уваженія; нѣтъ сомнѣнія, что его прямодушный, независимый характеръ, строгая выдержанность убѣжденій, нравственное достоинство оказывали на Александра самое благотворное дѣйствіе; Лагарпъ былъ человѣкъ, способный стать нравственнымъ авторитетомъ; но едва ли сомнительно также, что его философское воспитаніе содѣйствовало развитію мечтательности. Сколько можно судить по извѣстнымъ до сихъ поръ даннымъ, таково дѣйствительно было его воспитаніе, хотя неблагопріятныя послѣдствія этого воспитанія вовсе не должны считаться только виной Лагарпа [1]).

До сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще мало извѣстны подробности воспитательныхъ трудовъ Лагарпа. Въ первое время они впрочемъ и не представляютъ особеннаго интереса; о послѣднихъ годахъ мы имѣемъ нѣсколько любопытныхъ указаній. Къ тому времени, когда Лагарпъ могъ начать серьезные уроки и бесѣды съ своимъ воспитанникомъ, начать ему изложеніе общественныхъ и политическихъ предметовъ, французская революція напугала дворъ и общество и поставила Лагарпа въ то трудное положеніе при дворѣ, о которомъ мы упомянули; оно естественно должно было затруднить и самое преподаваніе, когда принципы, какіе онъ только могъ сообщать въ этомъ преподаваніи своему воспитаннику, впередъ уже были заподозрѣны. Французскія событія были предметомъ безпрестанныхъ разговоровъ, вызывали оживленные споры о принципахъ, и Лагарпу нельзя было избѣжать участія въ нихъ. «Когда приходилъ мой чередъ,—разсказываетъ онъ,—я откровенно высказывалъ свое мнѣніе, и если разговоръ происходилъ въ присутствіи великихъ князей, я старался *оправдать принципы* и приводилъ такіе примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый здравый смыслъ и молодыя сердца». На преподаваніи, это положеніе вещей отразилось такимъ образомъ:

---

[1]) См. о Лагарпѣ: Mémoires de Fréd. Cesar Laharpe etc. Paris et Genève 1864. Р. Арх. 1866, стр. 75—94; 1869, стр. 75 — 82. Mém. Secr. II, 159 — 163, 195. La Russie et les Russes, I, 431—442. См. также Русск. Старину, 1870, I, стр. 34—44.

«Вмѣсто того, говоритъ Лагарпъ, чтобы предлагать имъ обыкновенный курсъ естественнаго и человѣческаго права, я предположилъ себѣ подробно и вполнѣ свободно изложить великій вопросъ о происхожденіи обществъ. Это сочиненіе было набросано, но нападки, направленные противъ меня, помѣшали мнѣ продолжать его, потому что одно время оно слыло даже за *якобинское*. Пришлось пріостановиться, что я и сдѣлалъ, принявшись читать съ своими учениками сочиненія, въ которыхъ вопросъ о *свободѣ человѣчества* былъ энергически защищаемъ людьми замѣчательными и притомъ умершими *прежде революціи*. Это удалось, и благодаря рѣчамъ Демосѳена, Плутарху, Тациту, исторіи Стюартовъ, Локку, Сидни, Мабли, Руссо, Гиббону, посмертнымъ запискамъ Дюкло, я могъ исполнить мою задачу, какъ человѣкъ, сознававшій свои обязательства передъ великимъ народомъ».

Такимъ образомъ, систематическое изложеніе было оставлено и замѣнено объяснительнымъ чтеніемъ писателей; отсутствіе систематическаго объясненія Лагарпъ старался восполнить также историческимъ преподаваніемъ. Съ характеромъ послѣдняго знакомятъ насъ записки, которыя Лагарпъ составлялъ для своихъ историческихъ уроковъ Александру (эти записки хранятся въ публичной библіотекѣ въ Лозаннѣ). Курсъ исторіи былъ у Лагарпа курсомъ общественной и политической нравственности; описывая событія, онъ обыкновенно дѣлалъ ихъ темой для нравственныхъ разсужденій, которыя примѣнялъ къ особенному положенію своего воспитанника. Съ особеннымъ сочувствіемъ онъ говорилъ о греческой и римской исторіи, которая доставляла ему всего больше случаевъ развивать свои идеи о гражданской свободѣ. По тогдашнимъ понятіямъ, это былъ вѣроятно лучшій способъ историческаго преподаванія, и именно древняя исторія грековъ и римлянъ казалось наиболѣе благодарнымъ отдѣломъ предмета въ воспитательномъ отношеніи. Литературный классицизмъ былъ еще въ полной силѣ, и въ то время любили поучаться древностью; «Телемакъ» и «Путешествіе Анахарсиса» были популярнѣйшими книгами, Плутархъ неизбѣжнымъ спутникомъ раціональнаго воспитанія, — къ «добряку Плутарху» обращался въ трудныхъ случаяхъ своей петербургской жизни и Лагарпъ, и въ исторіи Катона, Брута, Демосѳена, Арата и т. д. онъ находилъ опору своему упадавшему мужеству. Словомъ, Лагарпъ употреблялъ педагогическій пріемъ, не представлявшій тогда ничего исключительнаго; и невозможно сказать, чтобы методъ самъ по себѣ представлялъ что-нибудь ошибочное. Если самъ Лагарпъ привязывалъ свой кодексъ морали къ идеаламъ древности и

могъ почерпать въ нихъ нравственное возбужденіе, то это была вещь въ то время очень нерѣдкая, образчикъ тогдашнихъ вкусовъ и воспитательныхъ пріемовъ, которыми въ концѣ концовъ цѣль нравственнаго и политическаго воспитанія могла быть достигнута вполнѣ. Александръ дѣйствительно воспринялъ очень многое изъ этой школы; но тѣмъ не менѣе она не принесла ему всего, чего надо было желать, и осталась для него слишкомъ отвлеченна.

Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха воспитанія нужно вообще, чтобы оно было доведено до конца и чтобы рядомъ съ идеализмомъ шло практическое знакомство съ жизнью и приготовленіе къ ея испытаніямъ. Примѣры Катона и Арата, чтеніе Плутарха и Тацита могли стать жизненнымъ руководствомъ развѣ для человѣка, который уже умѣлъ примѣнять отвлеченные идеалы гражданской добродѣтели къ практическимъ случаямъ и понимать ихъ требованія при различіи новыхъ обстоятельствъ и условій. Но для юноши, какимъ былъ Александръ, мало было познакомиться съ этими, хотя и возвышенными, идеалами. Воображеніе, переносясь въ эпоху Сципіоновъ и Катоновъ, витало, собственно говоря, въ фантастической сферѣ, изъ которой мысль не умѣла переходить къ настоящему; разстояніе между идеалами и дѣйствительной практикой жизни было очень велико, и Александру мало помогли понять должнымъ образомъ ихъ отношенія. Тоже надобно сказать и о тѣхъ общественныхъ теоріяхъ, которыя излагалъ ему Лагарпъ по Гиббону или Сидни, Мабли или Руссо. Это были, безъ сомнѣнія, въ высшей степени освѣжающіе элементы для понятій и нравовъ такой жизни, какова была русская жизнь прошлаго столѣтія; но чтобы воспринять дѣйствительно эти элементы и выразить въ жизни ихъ благотворный смыслъ, нужны были сильный умъ и твердая воля, воспитанная нравственными усиліями и опытомъ жизни. Иначе, весь этотъ запасъ нравственнаго идеальнаго богатства долженъ былъ или остаться совсѣмъ непроизводительнымъ, или по крайней мѣрѣ не принести всѣхъ благихъ результатовъ, какихъ отъ него можно было бы ожидать. Въ большой мѣрѣ это и случилось съ Александромъ.

Несправедливо однако обвинять въ этомъ только Лагарпа. Если, быть можетъ, и въ его воспитательномъ трудѣ была извѣстная неполнота и непослѣдовательность, то гораздо больше надо приписать недостатки и односторонности этого воспитанія обстоятельствамъ, противъ которыхъ Лагарпъ не могъ ничего сдѣлать. Прежде всего, Екатерина должна была видѣть впередъ, что̀ могъ Александръ получить отъ наставленій республиканскаго

философа, и Лагарпъ далъ дѣйствительно то, чего только можно было ждать и чего желала Екатерина; это — воспитаніе общей отвлеченной нравственности, и отвлеченной идеалистической любви къ свободѣ. Но сама Екатерина, отдавая дань этому вкусу времени, измѣняла ему, когда нужно было примѣнять его на дѣлѣ. Отвлеченныя идеи, которыя проповѣдовалъ Лагарпъ, въ большинствѣ случаевъ тѣ же самыя, какія принимала Екатерина, оставались для нея чистой теоріей, принимались какъ модная философія, какъ умственная роскошь, какъ украшеніе царствованія, но не считались обязательными на практикѣ. Такимъ образомъ непослѣдовательность была уже привычна. Такъ не казалось противорѣчіемъ этой либеральной философіи обращеніе многихъ тысячъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ или, напр., стѣсненіе мнѣній и литературы. По всей вѣроятности, Екатерина предполагала такую же непослѣдовательность жизни съ теоріями и для Александра. Кромѣ того, едва ли сомнительно, что во многихъ случаяхъ императрица, и вообще тогдашніе поклонники этой философіи въ русскомъ обществѣ, даже не замѣчали противорѣчій между этими своими теоретическими правилами и житейской практикой. Такъ авторъ «Антидота» вѣроятно очень искренно писалъ свои возраженія французскому путешественнику, въ которыхъ вообще доказывалъ процвѣтаніе Россіи, хотя многія изъ этихъ возраженій бросаются въ глаза своей преувеличенностью и несостоятельностью. Дѣйствительная жизнь народа въ этихъ сферахъ всегда бываетъ очень мало извѣстна, и исторія декорацій, устроенныхъ Потемкинымъ на пути императрицы въ Крымъ, даетъ достаточное понятіе о томъ, до какихъ размѣровъ можетъ доходить самообольщеніе. Люди тогдашняго общества вообще еще не привыкли сколько-нибудь последовательно понимать свои идеи, и отвлеченное вольтеріянство зачастую мирилось съ самыми грубыми преданіями и нравами старой Россіи. Если эти противорѣчія теоретическихъ понятій съ дѣйствіями были уже такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, то понятно, что онѣ могли переходить и къ новому поколѣнію, выроставшему подъ этими вліяніями, какъ готовая привычка. Въ самомъ дѣлѣ, чувство дѣйствительности, развитіе котораго могло бы помѣшать этой привычкѣ, у Александра было также слабо, и недостатокъ его былъ потомъ для него причиной многихъ печальныхъ заблужденій.

Но отвлеченная свободолюбивая мораль, которую проповѣдовалъ Лагарпъ Александру, не оставалась безъ возраженій. Въ упомянутыхъ замѣткахъ одного изъ его воспитателей мы находимъ образчики подобныхъ возраженій. Въ 1791 году, когда

Александру было около 14 лѣтъ, этотъ воспитатель внушалъ ему о вредѣ той безусловной терпимости исповѣданій, какая была тогда введена во Франціи (и которой Александръ, подъ вліяніемъ Лагарпа, повидимому сочувствовалъ), потому что «полное равенство вѣръ есть равнодушіе ко всѣмъ или неимѣніе никакой»; а напротивъ говорилъ ему о превосходствѣ того порядка вещей, какой принятъ въ этомъ отношеніи въ Россіи, гдѣ вѣротерпимость существуетъ только въ ограниченномъ видѣ, гдѣ есть «первенствующій законъ», гдѣ «государь есть глава церкви», гдѣ «никто изъ вѣры греко-россійской другой, не только языческой или магометанской, но ниже прочихъ исповѣданіевъ христіанской (вѣры), принять не можетъ, или по крайней мѣрѣ *не смѣетъ*» и т. д. Въ другой разъ, опять по поводу газетныхъ извѣстій о французскихъ дѣлахъ, зашла рѣчь о дворянскихъ привилегіяхъ. Александръ говорилъ, что «равенство между людьми хорошо, и что французскіе дворяне напрасно безпокоятся лишеніемъ сего достоинства, понеже-де оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося впрочемъ никакой за собою ощутительной пользы». Воспитатель не оставилъ конечно этой мысли безъ опроверженія. «Я за долгъ и честь почелъ,—говоритъ онъ,—доказать его высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей, видя, что оныя ему вложены человѣкомъ, любящимъ народное правленіе, хотя впрочемъ съ честнѣйшими намѣреніями. Я опровергалъ сіе умствованіе тѣмъ, что форма всякаго монархическаго правленія неотмѣнно требуетъ въ преимуществахъ разности, и что гдѣ нѣтъ дворянства, тутъ и государя быть не можетъ (?): поелику права дворянина *по собственной пользѣ* обязываютъ быть предану болѣе другихъ къ государю, и многія другія сильныя доказательства; что во Франціи уничтоженіе духовной и дворянской власти *всѣ безпорядки навлекло*, и что власть духовная, основанная не на суевѣріи, но на просвѣщеніи, можетъ служить хорошимъ вождемъ государю, при надеждѣ его на корпусъ дворянскій; что въ Россіи благородное дворянство еще болѣе уваженія достойно, по причинѣ: 1-е, что есть многія фамиліи, отъ государей россійскихъ происшедшія; 2-е, что государи вступали часто въ союзъ посредствомъ браковъ со многими дворянскими родами; 3-е, что многіе роды изъ выѣзжихъ равномѣрно отъ владѣтельныхъ особъ начало свое ведутъ; и что по выѣздѣ заслугами знаменитыми заслужили къ себѣ уваженіе и пр.; а наконецъ, что нынѣ владѣющее въ Россіи колѣно государей происходитъ отъ одной дворянской фамиліи. Повершилъ тѣмъ, что во всѣ времена смутныя, и даже въ послѣднее Пугачевское, дворянство приверженность свою къ престолу запе-

чатлѣло кровію, и что великая Екатерина въ правахъ, благородному дворянству пожалованныхъ, сіе засвидѣтельствовала».

По всей вѣроятности, въ такомъ же родѣ были и всѣ возраженія, которыя представляемы были Александру для опроверженія или умѣренія идей Лагарпа. То-есть, противъ отвлеченныхъ положеній естественнаго права или положеній фактически существующаго права конституціоннаго, выставлялись не раціональныя логическія опроверженія, или не возраженія, извлеченныя изъ историческихъ особенностей страны или изъ требованій ея настоящаго состоянія, которыя если и не могли опровергать этихъ положеній, то по крайней мѣрѣ дѣлали бы необходимымъ извѣстное ограниченіе этихъ положеній въ примѣненіи къ русской жизни, — но противъ нихъ выставлялось только голословное указаніе порядковъ, существующихъ въ Россіи, и превосходство которыхъ не доказывалось никакими убѣдительными аргументами. Тотъ фактъ, что изъ греко-россійскаго исповѣданія никто *не смѣетъ* перейти въ другое христіанское исповѣданіе, былъ конечно не особенно сильнымъ доводомъ противъ теоретическихъ доказательствъ въ пользу вѣротерпимости. Тотъ аргументъ, что дворянство *по собственной пользѣ* должно быть особенно предано государямъ, былъ по меньшей мѣрѣ очень неловкой защитой дворянскихъ привилегій, и, ничего не доказывая противъ мысли, что «равенство между людьми хорошо», могъ скорѣе пробудить антипатію къ учрежденію, смыслъ котораго объяснялся только такими себялюбивыми побужденіями. Если бы Лагарпъ слышалъ такое объясненіе, ему не трудно было бы воспользоваться имъ, какъ новымъ доказательствомъ противъ этого учрежденія. Тотъ аргументъ, что во Франціи уничтоженіе его навлекло всѣ безпорядки, былъ невѣренъ исторически; и въ то время даже въ русскомъ обществѣ были люди (напр. Лопухинъ или Радищевъ), совершенно понимавшіе, что безпорядки были навлечены совсѣмъ не этимъ, а что безпорядки были навлечены именно, между прочимъ, испорченностью и несправедливостями этого учрежденія во Франціи, которыя и были основаніемъ для его уничтоженія во время революціи. Аргументы, почему въ Россіи дворянство *еще болѣе* заслуживало почтенія, неудовлетворительны были тѣмъ, что тѣ же самыя преимущества (различныя связи дворянства съ владѣтельными родами, по древнему происхожденію или новому родству) дворянство имѣло почти вездѣ. Относительно правъ дворянства, пожалованіемъ которыхъ была засвидѣтельствована приверженность дворянства, то, какъ замѣтилъ уже издатель «Архива», эти права даны были едва только за шесть лѣтъ передъ тѣмъ: самая новость этихъ правъ ослабляла

силу свидѣтельства, которое онѣ должны были собою представлять.

По этимъ примѣрамъ можно, кажется, вообще составить понятіе о томъ другомъ направленіи, которое противупоставлялось въ воспитаніи Александра вліяніямъ Лагарпа. Это направленіе состояло, повидимому, только въ восхваленіи русскаго status quo, безъ достаточныхъ логическихъ основаній, которыя могли бы установить въ умѣ Александра какое-нибудь положительное мнѣніе о предметѣ. Напротивъ, онъ вѣроятно оставался безпомощенъ между двумя противорѣчіями, и не находя въ своихъ свѣдѣніяхъ и въ собственной мысли, еще слишкомъ молодой въ то время, никакой опоры для ихъ разрѣшенія, колебался между ними, и наконецъ разрѣшалъ ихъ тѣми инстинктами, которые вообще бываютъ такъ сильны въ образованіи мнѣній юноши. Въ этихъ инстинктахъ благородныя, безкорыстныя стремленія всего чаще берутъ верхъ надъ всѣмъ узкимъ, эгоистическимъ, несправедливымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Александръ, въ природѣ котораго было именно много такой инстиктивности, увлекался больше Лагарпомъ, чѣмъ его противниками [1]): самая личность Лагарпа выдѣлялась изъ обстановки Александра и производила на него сильное дѣйствіе, и въ его наставленіяхъ Александръ находилъ именно тѣ идеи о справедливости, о свободѣ, о правахъ человѣчества, къ какимъ влекло его юношеское чувство.

Впрочемъ и самъ Лагарпъ вовсе не былъ какимъ-нибудь крайнимъ мечтателемъ. «Я всегда замѣчалъ,—говоритъ по этому поводу г. Н. Тургеневъ,—что республиканцы по рожденію, которыхъ я назвалъ бы республиканцами практическими, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ республиканцевъ по мнѣніямъ, которыхъ я назвалъ бы теоретическими республиканцами. Первые никогда не затрудняются формами, предписываемыми этикетомъ и придворной лестью, которыя такъ не нравятся вторымъ. Я часто замѣчалъ, что республиканцы по рожденію, поселяясь въ странѣ, находящейся подъ правленіемъ, діаметрально противоположнымъ образу правленія на ихъ родинѣ, прекрасно умѣютъ уживаться и благоденствовать подъ деспотическимъ правленіемъ; они даже очень легко мирятся съ рабствомъ, одна идея котораго возмущаетъ теоретическихъ республиканцевъ». Такимъ образомъ, въ капитальнѣйшемъ вопросѣ русскаго общественнаго устройства, вопросѣ крѣпостного права, Лагарпъ, при всѣхъ республикан-

---

[1]) Надобно замѣтить, что упомянутый нами воспитатель былъ изъ самыхъ мягкихъ противниковъ Лагарпа, признававшій за нимъ «честнѣйшія намѣренія».

скихъ убѣжденіяхъ своихъ, даже и впослѣдствіи, по воцареніи Александра, не высказывалъ никакого особеннаго либерализма, не говорилъ о необходимости освобожденія и даже не соглашался съ тѣми русскими прогрессистами, изъ числа приближенныхъ друзей Александра, которые настаивали на необходимости и на полной возможности освобожденія. Точно также, въ своихъ различныхъ запискахъ, которыя онъ представлялъ императору въ началѣ царствованія, Лагарпъ, по свидѣтельству г. Тургенева, не говорилъ ничего о прочныхъ и серьезныхъ учрежденіяхъ, ничего объ исправленіи самыхъ крупныхъ злоупотребленій и недостатковъ управленія, которые не могли бы не поражать самаго равнодушнаго наблюдателя. Изъ этого видно, что старинные и новѣйшіе консерваторы, которые жаловались, что императоръ по винѣ Лагарпа черезъ мѣру увлекался западнымъ вольнодумствомъ, могли бы значительно успокоиться: его республиканскій наставникъ въ русскихъ практическихъ вопросахъ былъ такимъ осторожнымъ либераломъ, какого только они могутъ желать. Замѣтимъ притомъ, что это не была какая-нибудь перемѣна мнѣній; потому что и много времени спустя Лагарпъ оставался прежнимъ республиканцемъ, и «въ 1814 году выражался также, какъ онъ долженъ былъ думать и говорить въ 1793».

Итакъ, образованіе нравственно-политическихъ понятій Александра, которыми онъ долженъ былъ руководиться какъ правитель, совершалось съ одной стороны подъ вліяніемъ республиканской философіи въ духѣ Contrat Social, а съ другой подъ вліяніемъ внушеній самаго тѣснаго консерватизма, которыя въ иныхъ случаяхъ шли и отъ того же Лагарпа. Къ этому надо присоединить, наконецъ, практическое вліяніе всей обстановки Александра, впечатлѣнія придворной жизни и правительственныхъ традицій, которыя онъ конечно уже очень рано могъ замѣчать и вольно или невольно усвоивать. Но во всемъ этомъ не было существеннаго элемента, который неизбѣжно необходимъ для правителя, желающаго дѣйствовать сознательно, и который однако бываетъ вообще чрезвычайно рѣдокъ въ этой сферѣ; — не было простого реальнаго знакомства съ жизнью общества и народа, съ ихъ истиннымъ характеромъ и потребностями: подлѣ Александра не было человѣка, который бы раскрылъ ему простыя, непосредственныя черты этой жизни, и онъ постоянно видѣлъ ее только черезъ призму своего идеальнаго свободолюбія, или только съ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія создаются административными и придворными взглядами. Въ собственной природѣ Александра было много искренняго энтузіазма и благородныхъ влеченій, но за отсутствіемъ этого реальнаго воспитанія и знанія дѣйствительности

они не развились въ прочные, логически усвоенные принципы, а остались на степени идеалистическихъ, сантиментальныхъ влеченій. Такія влеченія могутъ производить много прекрасныхъ намѣреній, но къ сожалѣнію всегда отличаются недостаткомъ устойчивости и послѣдовательнаго осуществленія на дѣлѣ.

Александру еще не было 15 лѣтъ, когда въ Петербургъ пріѣхали (31 октября 1792) баденскія принцессы, одна изъ которыхъ стала вскорѣ его невѣстой; въ концѣ этого года «позволено ему отъ ея величества носить обыкновенный галстухъ»; 10-го мая 1793 года было его обрученіе съ Елизаветой Алексѣевной, а 28-го сентября, когда ему еще не было 16 лѣтъ, отпразднована была его свадьба. Воспитаніе оканчивалось — въ такую пору, когда оно только-что должно было бы серьезнымъ образомъ начаться. Научныя занятія и въ прежнее время, кажется, мало привлекали Александра; воспитатель его не разъ жалуется на его «праздность, медленность и лѣнь»,—теперь для наукъ осталось еще меньше времени, да и охоты. «Къ сожалѣнію моему, — пишетъ воспитатель въ маѣ 1793 г., — А. П. отсталъ нечувствительно отъ всякаго рода упражненія, пребываніе его у невѣсты и забавы отвлекли его высочество отъ всякаго прочнаго умствованія — положеніе безполезное для будущаго времени, но извинительное по его лѣтамъ и обстоятельствамъ». Потомъ опять упоминаніе о праздности. Далѣе: «Въ теченіи октября и ноября мѣсяцевъ (1793 г.) поведеніе А. П. не соотвѣтствовало моему ожиданію....». «Въ началѣ сего 1794 года до марта мѣсяца не было большой перемѣны въ умоположеніи его высочества, хотя и начались упражненія съ Делагарпомъ и прочими, но о россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто». Делагарпъ тоже оставался недолго послѣ этого; въ 1795 году онъ выѣхалъ изъ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Александру данъ былъ особый дворъ, когда Лагарпъ оставилъ Петербургъ, обстановка Александра вообще измѣнилась, и кажется не къ лучшему [1]); при Павлѣ она стала даже стѣснительна: онъ долженъ былъ разстаться съ нѣсколькими ближайшими друзьями, съ которыми прежде онъ дѣлился своими мыслями и мечтами.

На чемъ стояли идеи и внутреннее настроеніе Александра въ концѣ его воспитанія, въ послѣдній годъ жизни Екатерины,

---

[1]) Mém. secr. I, стр. 183. «Il étoit le plus mal entouré et le plus désoeuvré des princes. Il passoit ses journées dans des tête-à-tête avec sa jeune épouse, avec ses valets, ou dans la société de sa grand' mère: il vivoit plus mollement et plus obscurement que l'héritier d'un sultan dans l'interieur des harems du sérail; ce genre de vie eût à la longue étouffé ses excellentes qualités».

объ этомъ есть любопытный разсказъ князя Адама Чарторижскаго. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Чарторижскій жилъ тогда въ Петербургѣ, какъ бы въ качествѣ польскаго аманата; братья назначены были Екатериной состоять при великихъ князьяхъ, одинъ при Александрѣ, другой при Константинѣ.

Между Александромъ и состоявшимъ при немъ Адамомъ Чарторижскимъ вскорѣ уже начались тѣсныя дружескія отношенія, въ которыхъ Александръ высказывался тогда со всѣмъ увлеченіемъ и которыя въ Чарторижскомъ вызвали сочувствіе и преданность Александру, намъ кажется болѣе искреннюю, чѣмъ обыкновенно у насъ признаютъ. Эти отношенія могли завязаться тѣмъ легче, что Екатерина сама повидимому желала ихъ, когда назначала Чарторижскаго къ Александру. Разсказъ Чарторижскаго объ этихъ далекихъ временахъ носитъ слѣды такой искренности и такъ живо рисуетъ Александра въ ту эпоху (1796), что цитата изъ его воспоминаній будетъ вѣроятно любопытна для читателя [1]).

Великій князь съ самаго начала оказывалъ вниманіе къ Чарторижскому, и выбравъ случай для интимнаго разговора, высказалъ ему симпатію, которую внушало ему положеніе братьевъ Чарторижскихъ при дворѣ, спокойствіе и покорность судьбѣ, какія они обнаруживали; говорилъ, что онъ угадывалъ и раздѣлялъ ихъ чувства, считалъ нужнымъ не скрыть отъ нихъ своихъ мнѣній, которыя не были похожи на мнѣнія императрицы и двора,— что онъ не раздѣляетъ ея политики, сожалѣетъ о Польшѣ, что Костюшко въ его глазахъ есть великій человѣкъ по своей добродѣтели и по справедливости дѣла, которое онъ защищалъ.

«Онъ признавался мнѣ, — продолжаетъ Чарторижскій, — что онъ ненавидитъ деспотизмъ вездѣ и какимъ бы образомъ онъ ни совершался; что онъ любитъ свободу и что она должна равно принадлежать всѣмъ людямъ; что онъ принималъ живѣйшій интересъ во французской революціи; что, хотя онъ и осуждалъ ея страшныя заблужденія, но желалъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ. Онъ съ почтеніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ, г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, съ истинной мудростью, строгими принципами, съ энергическимъ характеромъ. Ему онъ обязанъ всѣмъ, что̀ въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что̀ онъ знаетъ; въ особенности онъ обязанъ ему тѣми правилами добродѣтели и справедливости, носить которыя въ сердцѣ онъ считаетъ своимъ счастьемъ, и которыя внушены ему г. Лагарпомъ.

«Въ то время какъ мы (въ теченіе этого разговора) проходили

---

[1]) См. Alexandre I et le prince Czartoryski. Paris 1865, стр. X—XXVIII.

садъ вдоль и поперегъ, мы нѣсколько разъ встрѣтились съ великой княгиней (Елизаветой Алексѣевной), которая также гуляла. Великій князь сказалъ мнѣ, что его жена посвящена въ его мысли, что она знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что кромѣ нея я былъ первый и единственный человѣкъ, съ которымъ онъ рѣшился говорить со времени отъѣзда его воспитателя; что онъ не можетъ довѣрить своихъ мыслей никому, безъ исключенія, потому что въ Россіи еще никто не способенъ раздѣлить или даже понять ихъ; что я долженъ видѣть, какъ пріятно ему будетъ имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ онъ можетъ говорить искренно и съ полнымъ довѣріемъ.

«Этотъ разговоръ, какъ можно себѣ представить, пересыпанъ былъ дружескими изліяніями съ его стороны, и удивленіемъ, благодарностью и изъявленіями преданности съ моей... Признаюсь; я уходилъ отъ него внѣ себя, глубоко тронутый, не зная, былъ ли это сонъ или дѣйствительность...

«Я былъ тогда молодъ, исполненъ экзальтированными идеями и чувствами; вещи необыкновенныя не удивляли меня, я охотно вѣрилъ въ то, что казалось мнѣ великимъ и добродѣтельнымъ. Я былъ охваченъ очарованіемъ, которое легко себѣ вообразить; въ словахъ и манерахъ этого молодого принца было столько чистосердечія, невинности, рѣшимости повидимому непоколебимой, столько забвенія самого себя и возвышенности души, что онъ показался мнѣ привилегированнымъ существомъ, которое послано на землю Провидѣніемъ для счастія человѣчества и моей родины; я почувствовалъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, которое онъ внушилъ мнѣ въ эту первую минуту, сохранилось даже тогда, когда одна за другой исчезли иллюзіи, его породившія; оно устояло впослѣдствіи противъ всѣхъ толчковъ, какіе нанесъ ему самъ Александръ, и не угасало никогда, несмотря на столько причинъ и печальныхъ разочарованій, которыя могли бы его разрушить...

«Надо припомнить, что такъ-называемыя либеральныя мнѣнія были тогда распространены гораздо меньше чѣмъ теперь, что онѣ еще не проникли во всѣ классы общества и даже въ кабинеты государей, что, напротивъ, все, что походило на нихъ, изгонялось и проклиналось при дворахъ, въ салонахъ большей части европейскихъ столицъ, а особенно въ Россіи и въ Петербургѣ... Найти въ такое время принца, предназначеннаго царствовать надъ этой націей, имѣть громадное вліяніе въ Европѣ, съ мнѣніями такими рѣшительными, благородными, такъ противорѣчащими существующему порядку вещей, не было ли это событіемъ величайшаго и самаго счастливаго значенія?

«Если через сорокъ лѣтъ разсматривать событія, совершившіяся послѣ этого разговора, то слишкомъ ясно видно, какъ мало отвѣчали они тому, что обѣщало себѣ наше воображеніе. Въ то время либеральныя идеи еще были окружены для насъ ореоломъ, который впослѣдствіи такъ поблѣднѣлъ; опыты ихъ на практикѣ еще не приводили къ жестокимъ разочарованіямъ, которыя слишкомъ часто повторялись. Французская республика, освободившись отъ террора, казалось шла непобѣдимо къ изумительной будущности процвѣтанія и славы».

Близость Чарторижскаго съ великимъ княземъ болѣе и болѣе возрастала.

«Эти отношенія,— продолжаетъ онъ,— не могли не внушать живѣйшаго интереса; это былъ родъ франкъ-масонства, котораго не была чужда и великая княгиня; интимность, образовавшаяся въ такихъ условіяхъ,.... порождала разговоры, которые оканчивались только съ сожалѣніемъ и которые мы всегда обѣщали возобновить. То, что, въ политическихъ мнѣніяхъ, показалось бы теперь избитымъ и полнымъ общими мѣстами, въ то время было животрепещущей новостью; и тайна, которую надо было хранить, мысль, что это происходило на глазахъ двора, застарѣлаго въ предубѣжденіяхъ абсолютизма,... прибавляли еще интереса и завлекательности этимъ отношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и интимными».

Чарторижскій предполагалъ, конечно справедливо, что императрица не догадывалась о настоящихъ предметахъ ихъ разговоровъ; но сближеніе ихъ было пріятно ей по ея собственнымъ разсчетамъ, и ея одобреніе поставило Чарторижскихъ и ихъ отношенія къ великому князю (замѣтимъ, что в. кн. Константинъ, отличавшійся совсѣмъ инымъ характеромъ и нравами, чѣмъ Александръ, былъ чуждъ этимъ отношеніямъ и не былъ въ нихъ посвященъ своимъ братомъ) внѣ вліянія придворныхъ сужденій или интригъ. Свиданія ихъ стали особенно часты лѣтомъ, когда дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Они видѣлись безпрестанно, часто вмѣстѣ обѣдали или ужинали, вмѣстѣ гуляли.

«По утрамъ мы нерѣдко дѣлали прогулки пѣшкомъ, иногда на нѣсколько верстъ; великій князь любилъ гулять, обходить сосѣднія деревни, и тогда въ особенности предавался своимъ любимымъ разговорамъ. Онъ былъ подъ очарованіемъ едва начавшейся юности, которая создаетъ себѣ образы, отдается имъ не думая о невозможностяхъ и строитъ безчисленные проекты будущаго, которое кажется ей безконечнымъ.

«Его мнѣнія были мнѣнія юноши 1789 года, который хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считаетъ эту форму

правленія единственной, сообразной съ желаніями и правами человѣчества. Хотя я самъ также былъ очень экзальтированъ, хотя родился и воспитался въ республикѣ, гдѣ съ жаромъ приняты были принципы французской революціи, но въ нашихъ бесѣдахъ я однако былъ разсудительнымъ человѣкомъ, умѣрявшимъ крайнія мнѣнія великаго князя [1]). Онъ утверждалъ между прочимъ, что наслѣдственность есть учрежденіе несправедливое и нелѣпое, что верховная власть должна быть ввѣряема не по случайности рожденія, а по подачѣ голосовъ націей, которая съумѣла бы выбрать наиболѣе способнаго управлять ею. Я представлялъ ему, что̀ можно сказать противъ такого мнѣнія, — трудность и случайности избирательства, что̀ потерпѣла отъ этого Польша, и какъ мало Россія способна и мало приготовлена къ такому учрежденію. Я прибавлялъ, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ Россія ничего бы отъ этого не выиграла...»

Они безпрестанно возвращались къ этимъ и подобнымъ предметамъ. Иногда разговоръ обращался на природу, красотами которой Александръ восторгался, несмотря на всю бѣдность этихъ красотъ въ окрестностяхъ Петербурга. Онъ восхищался цвѣткомъ, маленькимъ пейзажемъ, открывавшимся съ небольшого холма.

«Александръ любилъ поселянъ и ему нравилась грубая красота крестьянокъ; занятія, сельскіе труды, простая, спокойная и уединенная жизнь въ хорошенькомъ сельскомъ домикѣ, въ уединенной и красивой мѣстности—таковъ былъ романъ, который ему хотѣлось бы осуществить и къ которому онъ постоянно со вздохомъ возвращался.

«Я чувствовалъ, что это было не то, что̀ было ему нужно; что для такого высокаго назначенія и для совершенія счастливыхъ и великихъ перемѣнъ въ общественномъ порядкѣ вещей, надо было больше возвышенности, силы, ревности, увѣренности въ самомъ себѣ, чѣмъ можно было замѣтить въ великомъ князѣ; что на его мѣстѣ непозволительно было желаніе освободиться отъ громадной тяжести, ему предстоявшей, и вздыхать о лѣнивыхъ досугахъ спокойной жизни; что недостаточно было судить о трудности своего положенія и страшиться ея, но что нужно было бы воспламениться страстнымъ желаніемъ преодолѣть ее [2]).

---

[1]) Чарторижскому (1770 — 1861) было тогда двадцать шесть лѣтъ; онъ былъ семью годами старше Александра.

[2]) Эти замѣчанія, конечно, были очень справедливы. Странно поэтому читать, какой оборотъ даетъ этимъ словамъ г. Богдановичъ въ своей «Исторіи» (I, стр. 19). Упомянувъ объ идиллическихъ вкусахъ Александра, онъ замѣчаетъ: «князь Чарторыжскій считалъ такое настроеніе духа несовмѣстнымъ съ высокимъ назначеніемъ Александра. И дѣйствительно, умѣренность великаго князя была непонятна польскому магнату,

«Такія разсужденія представлялись мнѣ только отъ времени до времени и даже тогда, когда я чувствовалъ ихъ справедливость, онѣ не уменьшали во мнѣ моего чувства удивленія и преданности къ великому князю. Его искренность, его прямота, легкость, съ какой онъ отдавался прекраснымъ иллюзіямъ, имѣли такую прелесть, противъ которой невозможно было устоять. Притомъ, онъ былъ еще молодъ и могъ пріобрѣсти то, чего ему недоставало; обстоятельства, необходимость могли развить въ немъ способности, которыя не имѣли времени и средствъ высказаться; но его взгляды, его намѣренія оставались драгоцѣнны какъ чистѣйшее золото, и хотя онъ сильно перемѣнился впослѣдствіи, онъ сохранилъ однако до конца своихъ дней извѣстную долю вкусовъ и мнѣній своей молодости».

Чарторижскій говоритъ, что впослѣдствіи многіе упрекали его, что онъ слишкомъ полагался на обѣщанія Александра. Но онъ утверждаетъ, что мнѣнія Александра были искренни, и что у него самого не могло изгладиться впечатлѣніе ихъ прежнихъ отношеній.

«Когда Александръ, въ девятнадцать лѣтъ, говорилъ со мной, въ величайшей тайнѣ, съ откровенностью его облегчавшей, о своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, которыя онъ скрывалъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ ихъ и имѣлъ потребность кому-нибудь ихъ довѣрить. Какой другой мотивъ онъ могъ тогда имѣть? кого онъ могъ бы хотѣть обманывать? Онъ безъ сомнѣнія слѣдовалъ влеченію своего сердца и довѣрялъ свои настоящія мысли».

Это и были безъ сомнѣнія его настоящія мысли. Всего искреннѣе онѣ были въ немъ въ это время и въ первые годы царствованія, когда Александръ былъ въ первой порѣ своихъ увлеченій и еще не видѣлъ, что онѣ не такъ легко осуществляются въ жизни. Онъ высказывалъ свои настоящія мысли такого рода и тогда, когда его либеральныя идеи уже начали сильно колебаться и его практическая дѣятельность переставала соотвѣтствовать имъ, и когда его стали обвинять наконецъ въ двуличіи. Трудно было и удерживаться отъ сомнѣній въ его правдивости, когда дѣла часто очень не отвѣчали намѣреніямъ и словамъ; но тѣмъ не менѣе въ его біографіи есть факты, свидѣтельствующіе, что въ не его задушевныхъ мысляхъ еще въ послѣдніе годы, когда онъ слишкомъ измѣнился, сохранились по-

въ глазахъ котораго крестьяне были немногимъ выше безсловесныхъ тварей». Это послѣднее навязано здѣсь Чарторижскому совсѣмъ не кстати; онъ говоритъ только о крайностяхъ сантиментальности Александра, отвлекавшихъ его отъ серьезныхъ предметовъ и разслаблявшихъ его энергію. Дѣйствительно, эта сантиментальность заставляла Александра осуждать крѣпостное право и другія подобныя вещи, но не дала ему энергіи — уничтожить ихъ.

рывы молодости, среди уступокъ реакціи еще дѣйствовали прежнія идеальныя стремленія, и эти противорѣчія, которыя такъ легко объясняютъ двуличіемъ, вѣрнѣе, кажется, объясняются тѣмъ отсутствіемъ воли и ясности самыхъ идей, которое не давало ему самому исхода изъ этихъ противорѣчій. Въ его мысляхъ шли рядомъ два разныя теченія, изъ которыхъ брало верхъ то одно, то другое, но ни одно не одолѣвало другого совершенно. Въ Александрѣ было, правда, съ самаго начала много скрытности и неискренности въ личныхъ отношеніяхъ, но съ либеральными влеченіями своими онъ не лицемѣрилъ, потому что онѣ дѣйствительно въ немъ были; противорѣчія, въ которыя онъ впадалъ вольно и невольно, были тяжелы для него самого, и его собственная внутренняя борьба и страданіе отъ этихъ противорѣчій доказываютъ, что онъ былъ только не въ силахъ быть послѣдовательнымъ.

Мы говорили выше, какъ самый ходъ воспитанія не далъ ему той ясности идей, которая бы дала его идеямъ логическую неизбѣжность твердаго убѣжденія. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видимъ отсутствіе этой ясности и реальности его политическихъ понятій въ бесѣдахъ съ Чарторижскимъ, внѣшнія условія жизни Александра всего меньше способны были дать ему досугъ и поддержку для восполненія этого недостатка. Въ царствованіе Павла онъ долженъ былъ еще больше прежняго скрывать свои мысли: эта замкнутость усиливала сантиментальный идеализмъ, и увеличивала его недостатки самой невозможностью провѣрять его обмѣномъ мыслей и жизненнымъ опытомъ.

Если съ приведеннымъ сейчасъ эпизодомъ изъ тогдашней внутренней жизни Александра мы сравнимъ другой отзывъ о его характерѣ въ это время, отзывъ лица, также видѣвшаго его очень близко, мы встрѣтимъ тѣ же черты. Замѣчательное совпаденіе двухъ характеристикъ, совершенно одна отъ другой независимыхъ, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что черты переданы вѣрно.

«Этотъ молодой принцъ, — говоритъ авторъ, писавшій еще въ царствованіе Павла, — чистотой своихъ нравственныхъ качествъ и своей физической красотой возбуждаетъ родъ изумленія. Въ немъ почти находили осуществленнымъ тотъ идеалъ, который восхищаетъ насъ въ Телемакѣ: но, хотя его мать отличается домашними добродѣтелями Пенелопы, онъ далеко не имѣетъ въ отцѣ Улисса, и въ воспитателѣ Ментора [1]). Его можно было бы упрекнуть и въ тѣхъ же недостаткахъ, какіе божественный Фенелонъ приписываетъ своему идеальному воспитаннику [2]): но это, быть можетъ, не столько даже недостатки,

[1]) Здѣсь подразумѣвается конечно графъ Салтыковъ.

[2]) «Avec un coeur noble et porté au bien, il ne paraissait ni obligeant, ni sensible

сколько отсутствіе нѣкоторыхъ качествъ, которыя еще не развились въ немъ, или которыя были подавлены въ его сердцѣ его обстановкой»... Мы приводили выше отзывъ о его чрезвычайной осторожности и скрытности. «Природа надѣлила его щедро самыми любезными качествами; и то обстоятельство, что онъ есть наслѣдникъ престола обширнѣйшей имперіи въ мірѣ, не должно дѣлать ихъ индифферентными для человѣчества. Быть можетъ, небо предназначаетъ его сдѣлать тридцать милліоновъ рабовъ болѣе свободными, и болѣе достойными свободы.

«Впрочемъ, онъ отличается счастливымъ, но пассивнымъ характеромъ. У него нѣтъ смѣлости и увѣренности, чтобы найти достойнаго человѣка, всегда скромнаго и сдержаннаго: можно опасаться, чтобы имъ не овладѣлъ самый назойливый или самый безстыдный, который обыкновенно бываетъ и самый невѣжественный и самый злой. Слишкомъ поддаваясь чужимъ внушеніямъ, онъ недостаточно отдается внушеніямъ собственнаго ума и собственнаго сердца. Онъ какъ будто потерялъ желаніе учиться, когда потерялъ своихъ учителей и особенно полковника Лагарпа, своего перваго наставника, которому онъ обязанъ своими знаніями. Слишкомъ ранній бракъ могъ истощить его энергію; и, несмотря на его счастливыя свойства, ему грозитъ опасность сдѣлаться когда-нибудь добычей своихъ придворныхъ и даже своихъ слугъ» [1]).

Его будущее царствованіе возбуждало надежды, что наконецъ для Россіи наступитъ время, когда, вмѣсто произвола, получитъ силу законъ и безправному народу дана будетъ разумная общественная свобода [2]). Эту надежду, безъ сомнѣнія, питало все общество въ тяжкіе годы послѣдняго царствованія: вступленіе Александра на престолъ дѣйствительно встрѣчено было съ энтузіазмомъ, какого до тѣхъ поръ не было видано.

Царствованіе Павла наложило на его характеръ новый слой, еще больше стѣснившій правильное развитіе его лучшихъ задатковъ. Съ одной стороны, Александръ долженъ былъ еще больше уходить въ самого себя, скрывать свои мысли и играть роль; съ другой — начались столкновенія съ дѣйствительной жизнью. Вступленіе Павла на престолъ измѣнило все теченіе придворной и городской жизни: вездѣ водворились военные гатчинскіе порядки, началась ломка того, что сдѣлано было Екатериной, удаленіе вліятельныхъ людей прежняго двора, появленіе новыхъ,

———

, l'amitié, ni libéral, ni reconnaissant des soins qu'on prenait pour lui; ni attentif reconnaitre le mérite» etc. Télémaque, liv. XVI.

[1]) Mém. Secr. I, 269—272.

[2]) Тамъ же, II, 23—24.

и т. д. «Одну минуту дворецъ имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ былъ взятъ чужеземцами,—разсказываетъ одинъ современникъ:—до такой степени войска, занявшія теперь караулы, не были похожи по своему тону и костюму на тѣ, которыя занимали ихъ наканунѣ». Тоже произошло отчасти и въ общественной жизни. Строгія мелочныя военныя формальности стали господствующимъ правиломъ, которому Александръ долженъ былъ подчиниться прежде всѣхъ. Это была новая школа, которую ему надо было проходить послѣ занятій съ Лагарпомъ и мечтаній съ Чарторижскимъ. Друзья его удалились или были удалены изъ Петербурга: Новосильцевъ прожилъ это время въ Лондонѣ, Чарторижскій назначенъ былъ посланникомъ при сардинскомъ королѣ, у котораго тогда не было королевства, и жилъ въ Италіи. Александръ получилъ нѣсколько военныхъ должностей, изъ которыхъ въ одной, въ должности петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, онъ долженъ былъ дѣлить труды съ извѣстнымъ Архаровымъ, въ другихъ съ Аракчеевымъ—личностями, какъ извѣстно, мало склонными къ идеальностямъ. Извѣстно, какое смутное положеніе вещей переживало общество въ царствованіе Павла: Александру приходилось видѣть жизнь въ самомъ странномъ и уродливомъ видѣ, власть въ самыхъ непривлекательныхъ ея формахъ, подавлять въ себѣ и видѣть подавленнымъ въ другихъ всякое свободное выраженіе мысли и чувства. Павелъ хотѣлъ знакомить его съ дѣлами и ходомъ правленія, и кромѣ упомянутыхъ военныхъ должностей, Александръ долженъ былъ присутствовать въ совѣтѣ и сенатѣ, но правительственная опытность, которую онъ могъ пріобрѣтать при этомъ порядкѣ вещей, могла быть развѣ только отрицательная; подъ конецъ самъ Александръ долженъ былъ почувствовать себя не въ безопасности. При такомъ ходѣ вещей Александръ еще меньше, чѣмъ прежде, имѣлъ возможности спокойно изучать настоящее положеніе и потребности общества и народа, — ему видно было только тягостное давленіе правительства, но онъ не находилъ никакихъ намековъ на то, чѣмъ еще, кромѣ удаленія грубѣйшихъ золъ деспотизма, могутъ правильнымъ образомъ быть удовлетворяемы общественныя потребности. Онъ по прежнему долженъ былъ довольствоваться своими одинокими либеральными мечтами; Павелъ ненавидѣлъ все, что только имѣло какое-нибудь отношеніе къ «якобинству»; онъ не любилъ Лагарпа, котораго причислялъ къ тѣмъ же вреднымъ якобинцамъ, и Александру было бы очень неудобно чѣмъ-нибудь высказывать свой образъ мыслей; собственныя мысли и наставленія Павла были иногда такія, какихъ Александръ вѣроятно прежде нико-

гда не слыхивалъ [1]). Понятно, что при этой необходимости скрывать самыя любимыя мысли и при недостаткѣ реальныхъ свѣдѣній, либеральное настроеніе Александра должно было еще больше получить тотъ характеръ неопредѣленной, не установившейся ни на чемъ прочномъ, сантиментальности, которая осталась потомъ навсегда недостаткомъ его политическихъ мнѣній. Александръ сильно тяготился своимъ положеніемъ. Въ одномъ письмѣ къ Лагарпу онъ жалуется на жизнь въ Петербургѣ, гдѣ, по словамъ его, «капралъ предпочитается человѣку образованному и полезному» [2]). До чего дошло это положеніе вещей къ концу царствованія Павла, извѣстно изъ различныхъ современныхъ записокъ, между прочимъ изъ напечатанныхъ недавно отрывковъ записокъ Саблукова.

Если вспомнить, что эта тягостная жизнь продолжалась около четырехъ съ половиной лѣтъ и обнимала лучшіе юношескіе годы Алексадра, и что ея безотрадныя впечатлѣнія падали на человѣка, мало приготовленнаго къ тяжелымъ опытамъ жизни, то кажется надо признать, что все это были обстоятельста, способныя испортить самый счастливый характеръ, и если потомъ Александръ нерѣдко непріятно поражалъ своими подозрительностью, недовѣрчивостью, двойственностью, то этому было, къ сожалѣнію, много причинъ въ его прошедшемъ. Съ другой стороны, все это время проходило безплодно для серьезнаго изученія; время уходило на вахтпарады и военныя упражненія, и они, кажется, наконецъ привили и самому Александру вкусъ къ милитаризму, котораго прежде у него не было замѣтно.

Съ такимъ прошедшимъ Александръ вступалъ на престолъ. Въ немъ уже съ самаго начала обнаруживались всѣ задатки позднѣйшаго царствованія. Онъ исполненъ лучшими намѣреніями и возвышенными планами, но они остаются на степени сантиментальныхъ мечтаній; медленный упорный трудъ, необходимый для выполненія этихъ предпріятій, пугаетъ его и онъ скоро охладѣваетъ къ вещамъ, которыми еще недавно увлекался. Едва начавши царствованіе, онъ уже утомляется имъ, и мечтаетъ о томъ времени, когда, осчастлививъ Россію, будетъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ. Въ письмахъ къ Лагарпу, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, онъ говоритъ уже о томъ, что сдѣлавши Россію свободной и счастливой, его первой заботой будетъ отказаться отъ престола и поселиться въ уединеніи въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы, наслаждаясь добромъ, сдѣланнымъ оте-

---

[1]) Mém. secr. II, 169—170.

[2]) La Russie etc. I, 433.

честву [1]). Его планы были самые широкіе; но какъ прежде ему не было случая и возможности серьезно обдумывать и практически выполнять что-нибудь изъ своихъ мечтаній, такъ и теперь исполненіе никогда не достигало широты плановъ; тотъ недостатокъ энергіи, твердой рѣшимости, упорнаго преслѣдованія идеи, недостатокъ, который прежде былъ необходимымъ условіемъ его жизни, остался его качествомъ и теперь, когда онъ былъ полнымъ господиномъ самого себя и всего окружающаго. Онъ хочетъ преобразовать коренныя государственныя учрежденія Россіи, но то, что̀ такъ ясно было въ его мечтахъ, становится темно и трудно на дѣлѣ; изъ задуманныхъ преобразованій выполняются только вещи менѣе важныя. Въ его мечтахъ господствуетъ великодушное стремленіе сдѣлать Россію свободной; но воспитаніе не дало ему ясныхъ теоретическихъ понятій о томъ, въ чемъ могла бы заключаться эта свобода, и онъ, только-что заявивъ свои либеральныя намѣренія, раздражался, когда видѣлъ какой-нибудь слабый проблескъ этой свободы, и напоминалъ о безусловности своего самодержавія тѣмъ, кто хотѣлъ полагаться на высказываемые имъ либеральные принципы.

«Я никогда не буду въ состояніи привыкнуть къ идеѣ царствовать деспотически», писалъ онъ тогда же Лагарпу, жалуясь на безграничность власти, которою онъ былъ облеченъ. Дальнѣйшая исторія доставляетъ не мало фактовъ, которые могли бы служить опроверженіемъ; но дѣйствительно, въ Александрѣ было больше слабости характера, доходившей до крайней степени, чѣмъ деспотизма. «Я убѣжденъ,—говоритъ безпристрастный современникъ,—что во многихъ случаяхъ полнота власти истинно стѣсняла Александра, хотя ему легко было бы освободиться отъ нея болѣе или менѣе, еслибы у него была на это твердая воля. Онъ не всегда умѣлъ быть самодержцемъ; онъ хотѣлъ иногда оставаться человѣкомъ. Часто у него не доставало мужества, если не власти, чтобы поступить деспотически, какъ бы онъ могъ, съ людьми, которые ему не нравились. Извѣстно, что онъ на самыхъ важныхъ постахъ, напр. на мѣстахъ министровъ, терпѣлъ людей, которыхъ вполнѣ презиралъ, но которые дѣлали видъ, что не понимаютъ его холодности и его презрѣнія. Но наконецъ приходитъ день, когда имъ волей-неволей приходилось оставлять мѣсто: тогда они начинали кричать о мнимой двуличности Александра, который продолжалъ сношенія съ ними еще наканунѣ ихъ немилости» [2]).

---

[1]) La Russie et les Russes, I, 433.
[2]) La Russie II, 206.

Но, какъ ни было велико непостоянство и неустойчивость его характера, были однако времена и случаи, когда онъ напротивъ обнаруживалъ замѣчательную твердость, удивлявшую даже строгихъ цѣнителей. Такую энергію онъ выказалъ главнымъ образомъ во время наполеоновскихъ войнъ, вообще эпоху наибольшаго развитія его нравственной силы. Александръ, обыкновенно нерѣшительный и перемѣнчивый, не находившій въ себѣ силы одолѣвать препятствія, въ это время удивлялъ своимъ твердымъ стремленіемъ къ разъ положенной цѣли, хотя событія шли далеко не всегда удачно, и ему приходилось выдерживать самыя трудныя положенія. «Императоръ Александръ—писалъ Штейнъ въ началѣ 1814 г. въ одномъ дружескомъ письмѣ—постоянно дѣйствуетъ блестящимъ и прекраснымъ образомъ: нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этотъ государь способенъ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію за все великое и благородное; пусть не удастся низости и пошлости задержать его полетъ и помѣшать Европѣ воспользоваться во всемъ объемѣ тѣмъ счастіемъ, какое предлагаетъ ей Провидѣніе [1])».

Штейнъ близко зналъ дѣятельность Александра за эти годы, и свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе, что его вообще не легко было увлечь. Это развитіе характера Александра объясняли тѣмъ, что борьба съ Наполеономъ, рѣшеніе судьбы Европы представляли дѣятельность, завлекавшую его тщеславіе и честолюбіе; но несомнѣнно, что энергія Александра возбуждена была тѣмъ, что на этотъ разъ онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своемъ предпріятіи, въ его необходимости и благотворности для человѣчества. Эта полнота убѣжденія и вызывала всѣ его нравственныя силы, и создавала твердыя рѣшенія и упорную дѣятельность, какихъ не было ни въ одномъ изъ его другихъ предпріятій. Къ этому присоединился еще новый возбуждающій элементъ, не дѣйствовавшій прежде,—элементъ религіозный. Въ первомъ періодѣ своего развитія, эта религіозность усиливала его преданность своей идеѣ, еще не переходя окончательно въ піэтистическій фатализмъ. Въ 1815 году, Александръ наравнѣ предавался и своему библейскому благочестію и либеральнымъ планамъ; потомъ эти послѣдніе уже исчезли.

Періодъ наполеоновскихъ войнъ повелъ за собою новыя черты во взглядахъ Александра. Воротившись въ Россію послѣ долговременнаго отсутствія, законченнаго блестящими тріумфами, онъ какъ будто охладѣлъ къ Россіи: европейская политика заслонила

---

[1]) Pertz, Stein's Leben III, 541.

домашніе интересы, въ которыхъ онъ не находилъ удовлетворенія и въ которыхъ онъ долженъ былъ окончательно сознать себя безсильнымъ для какого-нибудь широкаго преобразованія. Апатическая лѣнь и безучастіе къ дѣламъ сдѣлали наконецъ то, что уже давно считалъ возможнымъ Массонъ: всемогущимъ человѣкомъ въ государствѣ сдѣлался Аракчеевъ. Всего больше вниманія оказывалъ Александръ только къ военнымъ дѣламъ, именно по связи ихъ съ европейской политикой: мысль создать огромную армію, которая бы обезпечивала вліяніе Россіи и спокойствіе Европы, произвела одно изъ несчастнѣйшихъ созданій Александровскаго времени — военныя поселенія. То незнаніе дѣйствительности и народной жизни, которое Александръ получилъ отъ всего своего воспитанія — и которое впрочемъ не было только его исключительнымъ недостаткомъ, — никогда не дало ему понять всей зловредности и безчеловѣчности этого учрежденія, и тѣхъ неблагопріятныхъ мнѣній, какія ему приходилось слышать относительно поселеній. Недостатки управленія, множество злоупотребленій, грабежъ казны, продажность суда — все это вызывало въ немъ только желчное негодованіе, и никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ ихъ искорененію. Эти мѣры могли быть только однѣ: распространеніе образованія и введеніе извѣстныхъ, болѣе совершенныхъ учрежденій, какъ освобожденіе крестьянъ, извѣстная свобода печати, гласный судъ и т. п., — мѣры, на которыя указывали уже въ то время лучшіе представители общественнаго мнѣнія.

Но для Александра это было невозможно. Въ началѣ царствованія онъ оказалъ незабвенныя услуги русскому образованію основаніемъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, но истинныя задачи и ходъ просвѣщенія были ему мало знакомы; піэтисты и обскуранты вопіяли тогда о ложномъ направленіи просвѣщенія, и Александръ, какъ очень часто люди его положенія, былъ, къ сожалѣнію, настолько некомпетентенъ въ этомъ дѣлѣ, что далъ напугать себя мнимыми опасностями отъ просвѣщенія, — которое было еще въ пеленкахъ. Конецъ царствованія ознаменовался полнымъ господствомъ самаго грубаго обскурантизма. Съ другой стороны была таже некомпетентность: либеральныя учрежденія занимали его издавна, но мечтально-идеалистическій характеръ его либерализма дѣлалъ то, что его занимали только грандіозные планы, которыми онъ могъ бы за одинъ разъ облагодѣтельствовать Россію; онъ думалъ о введеніи полныхъ конституціонныхъ учрежденій — и боялся допустить то, что было возможно безъ всякой конституціи. Дѣло въ томъ, что вопросъ учрежденій не представлялъ ему ничего реальнаго и онъ затруднялся раз-

считывать ихъ практическое дѣйствіе; самая жизнь, требовавшая преобразованій, также была ему мало знакома, такъ что съ одной стороны онъ не отличалъ въ ней существенныхъ явленій отъ частностей и мелочей, съ другой предполагалъ въ ней элементы, которыхъ въ ней не было. Такъ онъ мечталъ о возможности улучшенія жизни провозглашеніемъ началъ Священнаго Союза и механическимъ распространеніемъ библіи; или считалъ русское общество проникнутымъ революціонными идеями и карбонарствомъ. Вслѣдствіе этого, онъ былъ чрезвычайно наклоненъ къ той реакціи, которая потомъ овладѣла имъ; онъ наклоненъ былъ пугаться, и реакціонеры отлично этимъ подъ конецъ воспользовались.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о ходѣ его мнѣній въ этотъ реакціонный періодъ, и здѣсь замѣтимъ только, что, несмотря на то, что онъ принималъ вполнѣ программу реакціи и въ европейской и во внутренней политикѣ, несмотря на піэтизмъ, онъ лично во многомъ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ лучшимъ наклонностямъ, обнаруживалъ нерѣдко благородную терпимость мнѣній и оказывалъ любезную внимательность къ людямъ, образъ мыслей которыхъ положительно зналъ за опасно либеральный [1]).

Въ эти времена Священнаго Союза въ Александрѣ въ особенности стали обнаруживаться черты, которыя стали возбуждать къ нему антипатію даже въ средѣ русскаго общества. Безучастный къ интересамъ, волновавшимъ мыслящую часть общества, онъ желчно относился къ русской жизни, котораа казалась ему бѣдна и некрасива при сравненіи съ жизнью европейской, и напротивъ предавался чужимъ интересамъ и строилъ планы, въ которыхъ не было ничего сочувственнаго для лучшихъ людей русскаго общества. Таковъ былъ самый планъ Священнаго Союза. Въ русскомъ обществѣ произвело непріятное впечатлѣніе, что Польша, страна, которую можно было считать завоеванною, получала конституцію, въ то время какъ Россія оставалась при своихъ старыхъ порядкахъ. Александръ дѣйствительно не одинъ разъ выражалъ предпочтеніе Польшѣ: онъ сочувствовалъ ей еще со временъ Костюшки и съ тѣхъ поръ положилъ себѣ устроить ея судьбу; Польша казалась ему частью Европы въ русскомъ владѣніи, и онъ задолго до вѣнскаго конгресса высказывалъ свои симпатіи къ ней такимъ способомъ, который огорчалъ русскихъ или даже приводилъ въ негодованіе. Подъ вліяніемъ такого чувства Карамзинъ написалъ свою извѣстную записку о Польшѣ. Впослѣдствіи, отношенія Александра къ Польшѣ производили раздраженіе и

---

[1]) См. примѣры въ La Russie I, 168—170; 181—182.

въ совершенно иномъ лагерѣ, чѣмъ карамзинскій,—между либеральными патріотами. Складывалось мнѣніе, что Александръ не любитъ Россіи; говорили, что онъ не любитъ русскаго языка и литературы, даже мало знаетъ ихъ, и т. п. Это послѣднее было, кажется, справедливо; первое объясняется достаточно различными вспышками желчнаго раздраженія отъ тѣхъ неустройствъ, которыя Александръ видѣлъ въ русской жизни и которымъ не умѣлъ помочь, а иногда вспышками мелочной досады, гдѣ онъ самъ бывалъ неправъ.

Сужденія о характерѣ Александра въ либеральномъ кружкѣ становились поэтому чрезвычайно неблагопріятны. Вотъ, напр., образчикъ, отчасти указанный нами прежде, изъ записокъ Фарнгагена. «У Александра никогда не было сильнаго ума,—говорилъ одинъ русскій (въ 1822):—это умъ совершенно посредственный и любитъ только посредственность. Настоящій геній, умъ и талантъ пугаютъ его, и онъ только противъ воли и отворотясь употребляетъ ихъ въ крайнихъ случаяхъ. У него никогда не бываетъ ни минуты искренности и простоты, но всегда онъ на сторожѣ. Самыя существенныя свойства его — тщеславіе и хитрость или притворство; еслибы надѣть на него женское платье, онъ могъ бы представить тонкую женщину.... По-русски онъ не могъ бы вести никакого обстоятельнаго разговора» [1]).

Къ такимъ недружелюбнымъ заключеніямъ приходили люди, разочарованные бездѣйствіемъ и слабостью Александра во внутреннемъ управленіи: имъ казалось, что причина состоитъ просто въ отсутствіи ума. Заключеніе было слишкомъ рѣзко; но дѣйствительно, умъ Александра былъ развитъ не вполнѣ правильно, только въ одну сторону. «Императоръ Александръ,—говорила г-жа Сталь, на которую онъ произвелъ сильное впечатлѣніе,—человѣкъ замѣчательнаго ума и свѣдѣній, и я не думаю, чтобы въ своей имперіи онъ могъ найти министра сильнѣе его во всемъ томъ, что нужно для обсужденія и направленія дѣлъ» [2]),— и такое впечатлѣніе онъ производилъ на многихъ. Это былъ умъ быстрый, проницательный, но не глубокій; всего сильнѣе онъ былъ именно въ дипломатіи, которою Александръ и любилъ заниматься; онъ обнаруживалъ въ этихъ случаяхъ много ловкости и изворотливости, но ему не доставало реальной глубины, необходимой для пониманія практическихъ отношеній жизни и ихъ организаціи. Оттого и во внутреннихъ дѣлахъ и во внѣшней политикѣ, когда выступали очевидно практическія послѣдствія

---

[1]) Blätter II, 188.

[2]) Dix années d'exil. Brux. 1821, стр. 229.

принциповъ, онъ нерѣшительно колебался, будучи не въ состояніи выбрать какую-нибудь одну дорогу. Такъ было въ дѣлѣ библейскаго общества, въ польской конституціи, и во множествѣ другихъ подобныхъ случаевъ, но всего больше кажется въ греческомъ вопросѣ, гдѣ противорѣчіе принятой имъ противъ грековъ реакціонной политики съ очевидными требованіями справедливости и человѣколюбія, сдѣлалось для него предметомъ мучительной душевной тревоги. За грековъ положительно говорило все, что только онъ думалъ когда-то о человѣческихъ правахъ и свободѣ народовъ; онъ не могъ въ глубинѣ души отвергать этихъ оснований, но его увѣряли, что эта несправедливость противъ грековъ нужна для утвержденія спасительнаго принципа и спокойствія Европы, и онъ оставался безпомощенъ между противорѣчіями и выносилъ даже униженіе Россіи, дѣлая наконецъ недостойныя уступки Турціи. Во всемъ этомъ несомнѣнно виновата была и поверхностность его теоретическихъ понятій: допуская принципъ вѣротерпимости въ библейскомъ дѣлѣ, онъ не предвидѣлъ, что она можетъ повести къ столкновенію съ традиціонною нетерпимостью, и отказался отъ принципа при первомъ такомъ столкновеніи; давая Польшѣ конституцію, онъ не допускалъ мысли, что конституція потребуетъ отъ него какой-нибудь уступчивости, и т. д. Онъ выслушивалъ всякія мнѣнія, и наконецъ сталъ убѣждаться даже выходками Фотія.

Эта неувѣренность въ собственныхъ принципахъ дѣлала его политическую дѣятельность, и внутреннюю и внѣшнюю, неровной, колеблющейся, противорѣчивой. Въ дипломатіи Александра вообще винили въ неискренности, непослѣдовательности, не полагались на его слова, не довѣряли обѣщаніямъ. По словамъ Наполеона это былъ «сѣверный Тальма», «византійскій грекъ». Шатобріанъ говорилъ объ Александрѣ, что «онъ искренenъ какъ человѣкъ, въ томъ, что относится до человѣчества, но притворенъ какъ полу-грекъ въ томъ, что касается политики». Любопытную характеристику его въ этомъ отношеніи мы находимъ въ отзывѣ французскаго посланника въ Петербургѣ, виконта Ла-Ферроне́, человѣка вообще ему сочувствовавшаго: «Что съ каждымъ днемъ мнѣ становится все труднѣе понять и узнать, это — характеръ самого императора, пишетъ Ла-Ферроне́ къ Шатобріану, въ маѣ 1823 г. [1]). Я не думаю, чтобы можно было лучше, чѣмъ онъ,

---

[1]) Это письмо было напечатано Шатобріаномъ въ его книгѣ о Веронскомъ конгрессѣ, но при изданіи книги въ свѣтъ эти страницы были выпущены, вѣроятно по какому-нибудь русскому вмѣшательству. Письмо это приведено у Шницлера, Hist. intime, Paris, 1854. I, 62—63.

говорить языкомъ откровенности и прямоты: разговоръ съ нимъ всегда оставляетъ благопріятное впечатлѣніе; вы уходите отъ него въ полномъ убѣжденіи, что этотъ государь соединяетъ съ прекрасными качествами истиннаго chevalier всѣ качества великаго монарха, человѣка съ глубокимъ умомъ и одареннаго величайшей энергіей. Онъ разсуждаетъ превосходно, аргументы его самые убѣдительные, онъ говоритъ съ краснорѣчіемъ и жаромъ человѣка убѣжденнаго. Но въ концѣ концовъ, опытъ, исторія его жизни и то, что я вижу каждодневно, предостерегаетъ васъ не слишкомъ довѣрять всему этому. Многочисленные примѣры слабости доказываютъ вамъ, что энергія, которую онъ выражаетъ въ своихъ словахъ, не всегда есть въ его характерѣ; но съ другой стороны, этотъ слабый характеръ можетъ вдругъ испытать припадки (accès) энергіи и раздраженія, и такого припадка можетъ быть достаточно, чтобы принять вдругъ самыя рѣзкія рѣшенія, послѣдствія которыхъ становятся неизчислимы... Онъ немного ревнуетъ насъ; онъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что Парижъ все еще есть столица Европы, а Петербургъ остается только великолѣпной постройкой на болотѣ, которой никто не хочетъ навѣщать, и всѣ жители которой убѣгаютъ и удаляются изъ нея какъ только можно чаще. Наконецъ, императоръ до крайности недовѣрчивъ, — доказательство слабости; и эта слабость есть тѣмъ большее несчастье, что этотъ государь, въ полномъ смыслѣ слова (я такъ думаю, по крайней мѣрѣ), есть самый честный человѣкъ, какого я знаю; быть можетъ, онъ часто будетъ дѣлать зло, но онъ всегда будетъ желать дѣлать добро».

Въ послѣдніе годы Александръ болѣе и болѣе впадалъ въ мрачное настроеніе духа, не уничтожавшее впрочемъ его личной мягкости, и въ религіозность. Это настроеніе, отчасти происходившее отъ условій его организаціи, имѣло и различныя нравственныя причины: онъ сознавалъ неудачи своего царствованія, потому что до него доходили голоса недовольства, и онъ самъ видѣлъ много грубой безпорядочности и злоупотребленій, исходившихъ нерѣдко отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ онъ довѣрялъ разныя части управленія; онъ не могъ примирить реакціонныхъ требованій внѣшней политики, казавшихся ему неизбѣжными, съ общественнымъ мнѣніемъ и своими собственными незабытыми мечтами; его честолюбіе страдало, когда онъ сравнивалъ незавидное настоящее съ прошедшимъ, свою Россію съ Европой; иногда онъ боялся внутреннихъ опасностей, потому что Меттернихъ указывалъ ему революціонные происки въ самой Россіи; наконецъ, передъ нимъ вставали мрачныя воспоминанія начала цар-

ствованія, кажется никогда его не покидавшія [1]) и теперь еще болѣе. Онъ мало занимался дѣлами, предоставляя ихъ министрамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Аракчеевъ; искалъ развлеченія въ безпрестанныхъ путешествіяхъ за границу или внутрь Россіи, и старался найти успокоеніе въ религіозности. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, въ какихъ крайнихъ и странныхъ формахъ выражалось это его настроеніе. Онъ не удовлетворялся извѣстной оффиціальной религіозностью, которая такъ часто соединяется съ совершенной сухостью сердца и себялюбіемъ и искалъ въ религіи глубокаго и примиряющаго содержанія: такъ онъ увлекался геррнгутерами, г-жей Крюднеръ, квакерами; онъ бесѣдовалъ даже и съ Фотіемъ, въ которомъ предполагалъ высокое благочестіе; но кажется гораздо больше предпочиталъ именно квакеровъ, чистая человѣколюбивая религіозность которыхъ была ему извѣстна и согласовалась съ его собственнымъ настроеніемъ. Но какъ ни удивительно читать описанія его молитвъ съ квакерами, какой упадокъ духа ни выражался въ его смиренномъ уничиженіи, нельзя не отдать ему печальной симпатіи,—потому что здѣсь опять, въ новомъ видѣ, высказывались мягкія любящія движенія, лежавшія въ глубинѣ этого характера.

Такъ различны были проявленія этого характера, то свѣтлыя и благотворныя, то мрачныя и тяжелыя для общественной жизни. Каковы бы ни были личные источники его двойственности, она не случайнымъ образомъ совпадала съ двойственнымъ характеромъ самаго времени, въ которое приходилось дѣйствовать Александру: въ Европѣ это время было наполнено борьбой принциповъ, выставленныхъ революціей, съ обратнымъ движеніемъ консервативныхъ элементовъ, борьбой, которая въ политическихъ и общественныхъ понятіяхъ захватывала самыя коренныя представленія стараго общества, нанесла рѣшительный ударъ старой монархической традиціи, и передѣлала систему европейскихъ государствъ; въ русской общественной жизни начиналась также, подъ сильнымъ вліяніемъ европейскихъ идей и подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ совершавшихся событій, борьба двухъ разныхъ направленій,—стремленія усвоить русской жизни европейскія общественно-политическія идеи и учрежденія, и консервативнаго застоя, который съ своей стороны начинаетъ пользоваться понятіями и пріемами европейской ретроградной и обскурантной реакціи. Александръ не стоялъ выше своего времени, и въ его дѣятельности отразилось безпокойное броженіе и борьба этихъ

---

[1]) Въ 1812 г. это замѣчалъ кн. Козловскій. Dorow, Fürst Koslofsky. Leipz. 1846, стр. 8.

элементовъ, европейскихъ и домашнихъ. Но мы больше оцѣнимъ нравственное достоинство Александра, если вспомнимъ, что современные ему монархи, и его союзники особенно, не задумываясь и съ полнымъ удовольствіемъ отдавались реакціи; что они не имѣли и такихъ сомнѣній какъ Александръ, и что наконецъ стать открыто на либеральную дорогу и выдержать ее было въ то время, въ положеніи Александра и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Европы, дѣломъ, на которое былъ бы способенъ только истинно геніальный умъ и великая смѣлость.

Въ подобномъ положеніи вещей трудно опредѣлять, на сколько эта дѣятельность способствовала общественному развитію одними своими сторонами, и насколько мѣшала и препятствовала ему другими. Свести подобный счетъ конечно очень трудно, хотя по нашему мнѣнію онъ скорѣе въ пользу этой дѣятельности. По своему непосредственному отношенію къ общественной жизни, Александръ, при всѣхъ недостаткахъ, вообще представлялъ собой явленіе весьма необычное въ русскихъ нравахъ. Самодержавная власть и въ его рукахъ была иногда суровая и деспотическая, но вообще говоря, Александръ обнаруживалъ столько терпимости и человѣчности, столько искренняго желанія добра и справедливости, что возбуждалъ къ себѣ теплое чувство даже въ людяхъ, которые видѣли обманутыми свои надежды на его общественныя преобразованія. Нѣтъ сомнѣнія, что его личныя стремленія сильно способствовали самому возбужденію общественныхъ интересовъ. Но кромѣ этой инициативы, большое вліяніе имѣла его разумная терпимость мнѣній, — по крайней мѣрѣ въ его лучшія минуты. Въ русскихъ нравахъ, эта терпимость была нѣчто новое: правда, Екатерина смягчила старинную суровость правительственныхъ нравовъ, и повидимому желала уничтожить старинную безгласность общества (отчасти вслѣдствіе естественнаго благоразумія, удалявшаго ненужную грубость и жестокость, отчасти вслѣдствіе философско-филантропической моды; отчасти эта мягкость ограничивалась вещами индифферентными), но Екатерина вовсе не отличалась терпимостью къ мнѣніямъ,—даже въ литературныхъ мелочахъ противорѣчіе вызывало съ ея стороны неудовольствіе, которое было вѣроятно довольно страшно, потому что немедленно внушало молчаніе; у Александра эта терпимость къ мнѣніямъ была внушаема искреннимъ желаніемъ безпристрастія, которому онъ не одинъ разъ подчинялъ даже свое личное раздраженіе; противорѣчіе его идеямъ и даже положительно вредный, по его мнѣнію, образъ мыслей онъ не хотѣлъ считать за личное оскорбленіе себѣ или за государственное преступленіе, какъ это бывало обыкновенно и прежде и послѣ. Таковы были его отношенія къ Парроту,

Карамзину, Н. Тургеневу. Уничтоживши въ началѣ царствованія тайную экспедицію, онъ имѣлъ слабость допустить потомъ возобновленіе тайно-полицейскаго вѣдомства, но это вѣдомство никогда не имѣло при немъ такого значенія, какимъ обыкновенно пользуется; онъ не любилъ шпіонства, какъ говорятъ, оставлялъ безъ вниманія политическіе доносы, и дѣйствительно, не преслѣдовалъ тайныхъ обществъ, существованіе которыхъ было ему извѣстно, или, закрывши масонскія ложи, какъ вещь политически опасную, не думалъ дѣлать изъ нихъ предмета для инквизиціонныхъ розысковъ. Хотя и въ этомъ отношеніи Александръ не былъ послѣдователенъ и было нѣсколько прискорбныхъ исключеній, но при всемъ томъ, общественная мысль въ его время имѣла возможность существовать: первые проблески ея развились при немъ на столько, что могли выдержать потомъ гнетъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и положили начало тѣмъ стремленіямъ къ самостоятельной дѣятельности, въ которыхъ заключается единственное ручательство общественнаго блага.

Современникъ Александровской эпохи, разсказывая между прочимъ о множествѣ записокъ и мнѣній, которыя подавались Александру по разнымъ предметамъ частными лицами, замѣчаетъ: «Конечно, самодержецъ можетъ избавить себя отъ затрудненій, которыя необходимо долженъ былъ испытывать Александръ, видя себя осажденнымъ этой массой представленій, записокъ, мемуаровъ, и т. д., — онъ можетъ разъ навсегда запретить подавать ихъ ему. Но именно потому, что Александръ не сдѣлалъ этого; потому, что его сердце не позволяло ему оставаться совершенно недоступнымъ для тѣхъ желаній, которыя диктовало стремленіе къ общему благу; именно поэтому онъ заслужилъ почтеніе и уваженіе честныхъ людей. Это чувство и эта ревность къ общему благу, хотя и не были обильны полезными результатами, тѣмъ не менѣе сдѣлаютъ то, что имя его будетъ съ честью жить въ исторіи» [1]).

Тѣмъ болѣе, что это стремленіе къ общему благу въ значительной мѣрѣ было вызвано его собственнымъ примѣромъ и возбужденіемъ.

---

[1]) La Russie I, 519.

II.

Первые годы царствованія. — Планы преобразованій.

Извѣстно изъ множества разсказовъ, съ какимъ восторгомъ встрѣчено было воцареніе Александра. Народъ, кажется, остался довольно равнодушенъ къ происшедшему; но въ обществѣ вступленіе Александра на престолъ было радостью для всѣхъ.

Исторія наша до сихъ поръ совершенно обходила царствованіе Павла, и дѣйствительно еще трудно, въ условіяхъ нашей литературы, нарисовать его вѣрными чертами; но вообще есть однако довольно опредѣленное представленіе объ этомъ времени, какъ времени произвола, наводившаго страхъ и трепетъ. Правда, по отзывамъ людей, хорошо знавшихъ характеръ Павла, въ этомъ характерѣ были черты, внушавшія уваженіе, были инстинкты безпристрастія, рыцарской честности, великодушія, справедливости [1]), но надъ всѣмъ этимъ до такой степени господствовалъ безпредѣльный личный произволъ, минутная раздражительность, готовая вспыхивать при самомъ ничтожномъ поводѣ, что самыя лучшія качества могли проявляться только чисто случайно; притомъ и они проявлялись почти всегда въ самыхъ своеобразныхъ формахъ, внушавшихъ одинъ страхъ [2]). Онъ обнаруживалъ желаніе ввести справедливость, уничтожать злоупотребленія и т. п., но съ самаго начала его правленіе приняло самыя суровыя формы. При всей умѣренности, съ какою мы ни стали бы судить объ этомъ времени, было бы крайнимъ извращеніемъ истины говорить, будто бы «гоненіе круглыхъ шляпъ и французскихъ костюмовъ, ненавистныхъ Павлу со времени революціи, и взысканія съ лицъ, не успѣвшихъ при встрѣчѣ съ государемъ остановиться и отдать ему должную почесть, — быть можетъ, эти мелочныя непріятности казались массѣ обще-

---

[1]) См. записки Кутлубицкаго, Комаровскаго, Дмитріева, Саблукова, даже Mémoires secrets и т. д.

[2]) «Награда утратила свою прелесть; наказаніе—сопряженный съ нимъ стыдъ»; такъ выражался даже Н. М. Карамзинъ.

ства наиболѣе несносными изъ всѣхъ нововведеній императора Павла» [1]). Нѣтъ, было, къ сожалѣнію, слишкомъ много вещей, несравненно болѣе несносныхъ. Самое обстоятельство, что императоръ считалъ не ниже своего достоинства заниматься преслѣдованіемъ круглыхъ шляпъ, характеризуетъ духъ управленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гатчинѣ, въ постоянномъ раздраженіи отъ хода дѣлъ и придворныхъ условій, — въ характерѣ Павла пріобрѣла полное господство эта личная раздражительная мелочность, отъ которой онъ не избавился и на престолѣ: какъ прежде, когда кругъ его власти ограничивался Гатчиной, онъ не стѣснялъ себя ничѣмъ, такъ теперь гатчинскія привычки перенесены были на управленіе имперіей. Милитаризмъ сталъ господствовать и здѣсь: на немъ сосредоточено было главнѣйшее вниманіе; начато было преобразованіе арміи только съ цѣлью придать ей гатчинскую внѣшность, и исполнялось съ такой нетерпимостью, которая создавала недовольныхъ даже между солдатами. Управленіе началось такими же передѣлками, въ которыхъ слишкомъ замѣтно было желаніе подорвать или уничтожить учрежденія Екатерины. Словомъ, личный произволъ, воспитавшійся въ Гатчинѣ и который привыкъ тамъ къ безусловному и полному подчиненію, перенесенъ былъ на арену цѣлой имперіи: очевидно въ этой многосложной сферѣ эти привычки должны были оказываться по меньшей мѣрѣ неумѣстными; странности, къ которымъ привыкла немногочисленная гатчинская обстановка, должны были чрезвычайно бросаться въ глаза, когда онѣ стали проявляться на новой обширной сценѣ; и кромѣ того изъ-за мелочныхъ фрунтовыхъ и подобныхъ формальностей, которымъ была придана величайшая важность, должны были ускользать отъ вниманія, и дѣйствительно ускользали, самые крупные интересы государства и общества. Къ этому прибавлялось у имп. Павла особенное, нѣсколько фантастическое представленіе о достоинствѣ его власти: онъ понималъ ее какъ нѣчто въ родѣ власти Гаруна аль-Рашида, хотѣлъ все знать, все

---

[1]) Исторія царств. имп. Александра I. Сочиненіе автора исторіи отеч. войны 1812 года. I, 44. Но тотъ же авторъ говоритъ рядомъ съ этимъ: «Вообще народъ несмотря ни на благія намѣренія сего монарха, ни на добро имъ уже сдѣланное, вспоминалъ съ *сожалѣніемъ* времена «матушки Екатерины» и съ *надеждою* обращалъ взоры къ наслѣднику престола»,—а о воцареніи Александра: «Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, *поздравляли другъ друга*, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось, *милліоны* людей *возродились* къ новой жизни» (I, стр. 46)—неужели отъ открывавшейся возможности носить круглыя шляпы и французскіе костюмы? И какъ кромѣ того объяснить равнодушіе народа и общества къ катастрофѣ?

видѣть, вездѣ водворять добродѣтель и преслѣдовать порокъ, — онъ дѣйствительно попадалъ на отдѣльные случаи и строго каралъ ихъ, но онъ былъ безсиленъ противъ общихъ явленій: современники говорили, что, несмотря на все желаніе Павла быть справедливымъ, это желаніе всего меньше осуществлялось на практикѣ. Самыя кары теряли свой смыслъ и не оказывали дѣйствія, потому что его гоненія часто падали и на людей совсѣмъ неповинныхъ, по какой-нибудь мелочью вызвавшихъ его раздраженіе. Не довольствуясь обычными аттрибутами своей власти, какъ она создалась вѣками, онъ хотѣлъ придать ей новое величіе магистерствомъ средневѣковаго ордена. Въ такой чрезвычайной роли онъ являлся въ самой семьѣ. Для подданныхъ онъ хотѣлъ быть недостижимымъ божествомъ, требовалъ самаго униженнаго поклоненія, которое становилось тягостно для самыхъ обыкновенныхъ частныхъ людей. По идеѣ о своемъ всемогуществѣ, онъ требовалъ вообще моментальнаго исполненія своихъ приказовъ, и очень часто требовалъ совершенно невозможнаго. Милость его всегда была на волоскѣ; она каждую минуту могла превратиться въ необузданный гнѣвъ, — удаленіе изъ службы, арестъ, ссылка были вещи самыя обыкновенныя: по разсказамъ современниковъ, люди отправляясь къ своимъ служебнымъ мѣстамъ, всегда бывали готовы къ такимъ случайностямъ; офицеры держали всегда при себѣ запасъ денегъ, потому что могло не быть времени, чтобы собрать ихъ въ случаѣ внезапной ссылки [1]).

Во всемъ этомъ поражало отсутствіе принципа и послѣдовательности. Единственное, что было ясно, это—господство фрунтовой субординаціи, принципъ которой былъ распространенъ на самыя сложныя государственныя дѣла, и преслѣдованіе якобинства. Объ этомъ послѣднемъ онъ имѣлъ тѣ самыя понятія, какія уже въ то время распространялись европейскими обскурантами различныхъ школъ — іезуитской, феодально-аристократической, піэтистическо-масонской: всѣ эти элементы были кругомъ Павла, и онъ какъ нельзя больше былъ имъ доступенъ, — вспомнимъ напр. милость, какой пользовались у него іезуитъ Груберъ и мальтійское рыцарство. Началось преслѣдованіе революціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, которому пришлось распла-

---

[1]) «Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что когда мы бывали въ караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаймы деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность». Записки Саблукова, Русскій Архивъ 1869, стр. 1903, также стр. 1904—1908; Записки Комаровскаго, Русскій Архивъ 1867, стр. 540, 544; Mémoires secrèts I, 198—201 и др.

чиваться за европейскіе безпорядки. По упомянутой программѣ сочтено было зловреднымъ все, приходившее изъ Европы: поэтому запрещенъ былъ въѣздъ иностранцевъ, запрещенъ былъ ввозъ *всякихъ* книгъ, запрещено было русскимъ подданнымъ отправляться въ нѣмецкіе университеты и велѣно было возвратиться тѣмъ, которые тамъ были, наконецъ запрещались костюмы, напоминавшіе французскія моды, запрещались слова: «гражданинъ» и «отечество», запрещался вальсъ и т. д. и т. д.

Въ результатѣ такихъ пріемовъ правленія былъ всеобщій страхъ: никто не былъ гарантированъ отъ опасности, за себя или за близкихъ. «Оба великіе князья (Александръ и Константинъ)—разсказываетъ современникъ—смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали какъ осиновый листъ» [1]).

Положеніе вещей было такимъ образомъ натянутое до послѣдней степени. Какъ принята была перемѣна царствованія въ массѣ общества, мы упоминали. Общество не скрывало своей радости, и странно сказать, какъ ни были чрезвычайны событія, на нихъ весьма недвусмысленно намекалось даже въ печати. Александра встрѣтили множествомъ одъ, это было въ духѣ времени; оду написалъ и Державинъ. Ему немного стоило восторгаться теперь, какъ незадолго передъ тѣмъ онъ восторгался мальтійскимъ орденомъ, но ода придворнаго піиты на восшествіе Александра на престолъ тѣмъ не менѣе любопытна:

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ,—

говоритъ онъ между прочимъ въ этой одѣ,—

На лицахъ Россовъ радость блещетъ.

По словамъ М. Дмитріева, Державина упрекали за эти стихи, находя въ нихъ изображеніе Павла. Самъ Дмитріевъ замѣчаетъ: «изображеніе дѣйствительно вѣрное, и въ намѣреніи поэта *нѣтъ сомнѣнія*» [2]). Это очевидно. Въ другомъ мѣстѣ ода опять намекаетъ на Павла въ такомъ же тонѣ:

...Что̀ престолъ, вѣнецъ, держава,
Власть, сила и сіянье благъ,
Когда спокойнаго нѣтъ нрава,
И въ васъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
Увы! на что *полки* и *стѣны*
Коль насъ невинность не стрежетъ?

---

[1]) Зап. Саблукова; Арх., стр. 1896.

[2]) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869, стр. 40. Ср. Грота, Соч. Держ., т. II, стр. 355—363.

Далѣе:

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій,
И зараждаютъ *громъ средь тучъ:*
Онъ вержется, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите—и *тѣснитъ* блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Въ этихъ словахъ не было особеннаго гражданскаго мужества потому что слова относились къ прошедшимъ властямъ, — Александръ былъ не таковъ:

Нѣтъ, Ангелъ кротости и мира,
Любимый сынъ благихъ Небесъ!
Ты не таковъ, etc.

Когда эти прежнія власти еще жили, Державинъ предпочиталъ кадить имъ и ублажать ихъ своимъ стихотворствомъ; но, каково бы ни было личное отношеніе автора къ предмету, его намеки и призыванія любопытны какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія; если Державинъ говорилъ такъ открыто въ печати, надо думать, что онъ только повторялъ общее настроеніе въ первыя минуты новаго царствованія; оно, вѣроятно, было такъ единодушно, что можно было безопасно высказать его въ такихъ прозрачныхъ намекахъ. Ода заключаетъ въ себѣ еще одну любопытную черту. Поэту, среди его восторговъ, представляется въ облакахъ сама Екатерина:

Стоитъ въ порфирѣ, и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя.—
Внимать вы прежде не хотѣли,
И *презрили* мою любовь;
Вы *сами отъ себя* терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь».—
Рекла,—и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.

Изъ этихъ словъ явно, кажется, слѣдуетъ, что Державинъ ставилъ обществу въ вину, что оно прежде не позаботилось о возведеніи Александра на престолъ, какъ этого желала Екатерина; что ему должно было бы не допускать Павла до престола,—оно этого не сдѣлало, и потому терпѣло «само отъ себя». Если Державинъ доходилъ до подобнаго вольнодумства, то надо предполагать, что подобныя сужденія слышались въ цѣлой массѣ

общества. Дѣйствительно, по словамъ Карамзина, у котораго мудрено предположить здѣсь преувеличеніе, — «вѣсть объ этомъ событіи (вступленіи на престолъ Александра) была въ цѣломъ государствѣ *вѣстью искупленія*; въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія». Другіе замѣчаютъ, правда, что «этотъ восторгъ изъявляло одно дворянство, прочія сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно» [1]), — народная масса, дѣйствительно, издавна была довольно равнодушна къ подобнымъ перемѣнамъ, ничего не измѣнявшимъ въ ея положеніи и не обѣщавшимъ такого измѣненія, — но этотъ восторгъ въ самомъ дѣлѣ должны были чувствовать всѣ болѣе или менѣе образованные люди, всѣ, кто испытывалъ на себѣ тяжкій произволъ предыдущаго царствованія, кто сколько-нибудь сознавалъ свое человѣческое и гражданское достоинство.

Серьезное конечно соединялось съ пустымъ и мелочнымъ. Въ первые моменты новаго царствованія — разсказываетъ Саблуковъ [2]), — общество предалось необузданной и ребяческой радости. Какъ только узнали о смерти Павла, тотчасъ исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа à la Titus, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами; дамы одѣлись въ новые костюмы, на улицахъ понеслись экипажи съ запрещенной и еще не дозволенной вновь упряжью. Но если это и имѣло видъ ребячества, то оно было естественно, потому что и это жалкое право на упряжь и сапоги было отнято. По другимъ разсказамъ, Зубовъ, вскорѣ послѣ катастрофы, устроилъ для своихъ сотоварищей оргію, на которой явился во фракѣ и жилетѣ, и металъ банкъ, что́ строго запрещалось при Павлѣ, — какъ будто весь переворотъ нуженъ былъ только для возвращенія той нравственной разнузданности, къ которой высшее барство привыкло при Екатеринѣ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Саблукова, «это движеніе дѣйствительно заставляло всѣхъ ощущать, что точно какимъ-то волшебствомъ, съ рукъ ихъ свалились цѣпи и что нація была вызвана изъ гроба къ жизни и движенію».

Во всякомъ случаѣ, характеръ правленія имп. Павла наводилъ уже тогда значительный кругъ людей на мысль, что слѣдуетъ иначе смотрѣть на традиціонный характеръ власти; они стали сомнѣваться, чтобы эта власть, предоставленная самой себѣ, могла успѣшно достигать своей истинной цѣли — общественнаго блага, и начинали думать, что для нея необходимы извѣстныя границы. Державинъ высказывалъ это въ своемъ совѣтѣ властямъ — остере-

---

[1]) Записки М. Фонъ-Визина.

[2]) Р. Арх., 1869, стр. 1947.

гаться «тѣснить народъ»; другіе начинали думать, какими средствами можно было бы предотвратить это притѣсненіе. Современники разсказывали, будто бы въ первые моменты новаго царствованія гр. Паленъ и гр. Н. П. Панинъ предложили императору принять конституціонный актъ, но что императоръ, предупрежденный генераломъ Талызинымъ, устоялъ противъ ихъ настойчивыхъ требованій [1]). Это могло быть и не быть,—мы не имѣемъ пока никакихъ достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ случаѣ,—но вообще едвали сомнительно, что идея конституціоннаго ограниченія власти вызвана была въ умахъ тягостными годами правленія Павла. Самое возникновеніе подобныхъ слуховъ свидѣтельствуетъ, что общественная мысль уже стала обращаться къ этому предмету. Тотъ же Саблуковъ, свидѣтель безпристрастный и правдивый, разсказываетъ слѣдующимъ образомъ объ этомъ положеніи вещей:

«Екатерина уже сдѣлала многое для конституціоннаго развитія своего государства, и еслибы она могла заставить наслѣдника престола войти въ ея виды и намѣренія и склониться на то, чтобы сдѣлаться конституціоннымъ государемъ, она умерла бы спокойно и безъ опасеній за будущее благоденствіе Россіи. Мнѣнія, вкусы и привычки Павла дѣлали такія надежды совершенно тщетными, и достовѣрно извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины между ея ближайшими совѣтниками было рѣшено, что Павелъ будетъ устраненъ отъ престолонаслѣдія, если онъ откажется присягнуть въ вѣрности конституціи, *уже начертанной* (?), и въ этомъ случаѣ наслѣдникомъ былъ бы назначенъ сынъ его Александръ, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ новую конституцію. Слухи о подобномъ намѣреніи ходили безпрестанно, хотя еще не было извѣстно ничего достовѣрнаго. Однакоже говорили съ увѣренностью, что 1 января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, и въ то время было замѣчено, что вел. князь Павелъ Петровичъ является ко двору рѣдко, и то лишь въ торжественные пріемы, и что онъ все болѣе оказываетъ пристрастія къ своимъ опруссаченнымъ войскамъ и ко всѣмъ своимъ гатчинскимъ учрежденіямъ»... [2])

---

[1]) Записки М. Фонъ-Визина.

[2]) Р. Арх. 1869, стр. 1882—83. Подъ *начертанной конституціей* можетъ быть разумѣются тѣ законодательныя работы, о которыхъ (по свѣдѣніямъ въ бумагахъ Строганова) Безбородко говорилъ своему племяннику Кочубею. «По словамъ Безбородки, онъ самъ занимался составленіемъ проекта реформы управленія по порученію императрицы Екатерины; дворянская грамота и городовое положеніе были началомъ предначертанныхъ ею преобразованій; но бѣдствія, порожденныя французскою революціею, заставили великую государыню усомниться въ пользѣ предположенныхъ ею нововведеній». Такъ передаетъ это г. Богдановичъ, Истор. I, стр. 131.

Мы опять не имѣемъ пока прочныхъ данныхъ, чтобы принять это извѣстіе о «начертанной» уже конституціи, которою хотѣли обязать Павла; и слово «конституція» разумѣется у Саблукова не какъ формальное представительное правленіе, а въ болѣе обширномъ смыслѣ основныхъ законовъ, обязательныхъ для главы государства. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни оказалось неточнымъ или преувеличеннымъ это извѣстіе, и другія подобныя (напр. о конституціи, составленной Н. И. Панинымъ, объ упомянутомъ намѣреніи гр. Палена и Н. П. Панина, и т. п.), но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что Екатерина дѣйствительно желала устранить Павла отъ престола, потому что, зная его характеръ, она опасалась за собственныя учрежденія и труды, которые при Павлѣ легко могли быть извращены или уничтожены: она опасалась, что образъ правленія Павла будетъ походить на правленіе его отца; она могла считать его даже совершенно неспособнымъ къ трудамъ правленія [1]), и могла желать по крайней мѣрѣ ограничить нѣсколько его произволъ. Эти взгляды императрицы, какъ видимъ, не оставались неизвѣстны въ высшихъ кругахъ общества, составлявшихъ тогда главную долю образованнаго класса, и планы ея, дѣйствительные и предполагаемые, должны были возбуждать интересъ въ этихъ кругахъ и къ среднемъ дворянствѣ, на которыхъ прежде всего должны были отразиться самодержавныя дѣйствія Павла. Такимъ образомъ, мысль объ извѣстномъ ограниченіи или болѣе точномъ опредѣленіи дѣйствій верховной власти уже въ это время, въ послѣдніе годы Екатерины, должна была занимать умы образованнѣйшей части общества. Сама Екатерина очень мало была склонна къ чему-нибудь конституціонному, но ея законодательство имѣло все-таки извѣстное стремленіе ввести въ Россіи правильную организацію общественнаго устройства, и по крайней мѣрѣ хотѣло начать твердое опредѣленіе правъ отдѣльныхъ сословій и открыть путь къ ихъ *гражданской* самодѣятельности. Воспитаніе Александра, начатое въ очень либеральномъ стилѣ и почти въ томъ же стилѣ доведенное Екатериной до конца, несмотря на измѣненіе въ ея личномъ настроеніи, показываетъ, что для будущаго правителя Россіи она все-таки

---

[1]) «Lorsque Paul fut d'âge à s'occuper des affaires d'état, Catherine essaya de l'associer à ses travaux; mais le secrétaire d'état, prince Besborodko, qui assistait aux séances, déclarait que ni l'impératrice ni lui n'avaient jamais pu rien lui faire comprendre, et qu'il entendait tout de travers. Alors, de peur d'irriter ses passions et dans l'espoir de l'adoucir par l'indulgence, Catherine l'abandonna à lui-même».... Mémoires de l'amiral Tchitchagoff. Leipz. 1862, стр. 22. Такіе же слухи о намѣреніяхъ Екатерины упомянуты и въ запискахъ Энгельгардта, М. 1868, стр. 195.

желала того склоннаго къ свободѣ направленія, которое бы открывало перспективу дальнѣйшаго гражданскаго развитія общества. Слухи о конституціонныхъ ея планахъ, долженствовавшихъ ограничить произволъ Павла, если и были не вполнѣ основательны, показываютъ однако, что въ обществѣ зарождался политическій вопросъ. Въ старой аристократіи являлись уже либеральные люди въ родѣ Воронцова, покровительствовавшаго Радищеву; въ образованномъ обществѣ начиналось броженіе тѣхъ идей, которыя высказывалъ Радищевъ; въ молодомъ поколѣніи образованнаго класса европейскія событія производили свое впечатлѣніе, и мы видѣли на примѣрѣ самого Александра, какъ принципы идеальной справедливости, равенства и свободы дѣйствовали на лучшіе инстинкты его природы.

Царствованіе Павла было рѣзкимъ перерывомъ въ этомъ ходѣ понятій. Павелъ желалъ истребить всѣ эти якобинскія наклонности и успѣлъ въ короткое время навести такой страхъ, что общество стало совершенно безгласно: наступила атмосфера заговоровъ. Въ результатѣ это время принесло совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какихъ Павелъ ожидалъ. Его собственные взгляды выражались такими отрывочными, противорѣчивыми и ничѣмъ необъяснимыми распоряженіями, что въ нихъ нельзя было указать даже никакой, хотя бы ложной, но обдуманной системы; онъ не въ состояніи былъ привязать къ себѣ даже ретроградныхъ элементовъ общества. Люди, мѣнявшіеся вокругъ него, не представляли ничего похожаго на какое-нибудь направленіе: это были или простые угодники, или невольные исполнители приказаній; характеристическими представителями *этого* времени были только люди, какъ Архаровъ (глава знаменитыхъ въ свое время «архаровцевъ»), Обольяниновъ, Аракчеевъ, Эртель и т. п. Четыре года этого правленія практически доказывали справедливость прежнихъ опасеній; опытъ заставлялъ возвращаться къ конституціоннымъ идеямъ, появившимся при Екатеринѣ, и реакціей безсодержательному правленію естественно должно было быть желаніе какого-нибудь прочнаго разумнаго порядка вещей. Первый манифестъ Александра высказывалъ эту мысль, когда заявлялъ желаніе управлять «по законамъ и сердцу Екатерины»: невозможно было сослаться на ближайшаго предшественника, — напротивъ, надо было отказываться отъ солидарности съ нимъ. Таковы были впечатлѣнія, подъ которыми открывалось новое царствованіе. Всеобщее сочувствіе, которымъ оно было встрѣчено, имѣло въ глубинѣ своей тѣже идеи, какія наполняли самого Александра: всѣ радовались новому времени, потому что отъ Александра, именно всѣ ждали новаго правленія, въ которомъ

на мѣсто произвола и насилія явился бы наконецъ законъ и справедливость. Дѣятелями новаго царствованія явились люди молодого поколѣнія той сферы, старые представители которой были дѣятелями временъ Екатерины. Кочубей былъ племянникъ и воспитанникъ Безбородки; Павелъ Строгановъ — сынъ знаменитаго вельможи Екатерининскихъ временъ А. С. Строганова; Новосильцовъ былъ также близкій родственникъ этого Строганова. Всѣ они, какъ и Чарторижскій, воспитались подъ непосредственнымъ вліяніемъ времени и всѣ съ болѣе или менѣе ревностнымъ чувствомъ преданы были новымъ общественнымъ идеямъ, какія распространялись тогда изъ Франціи и преобразовывали европейскую жизнь.

Для Александра начинались лучшіе дни его жизни и правленія. Онъ тотчасъ вызвалъ въ Петербургъ Кочубея, который въ послѣднее время предыдущаго царствованія былъ въ опалѣ и жилъ въ своемъ имѣніи; тотчасъ были посланы письма къ Чарторижскому въ Италію, и Новосильцову въ Лондонъ. Чарторижскому писалъ самъ императоръ Александръ отъ 17-го марта; Новосильцову написали общую записку Строгановы и Муравьевъ въ первыя минуты воцаренія Александра [1]). Друзья императора собрались вокругъ него, и этотъ кружокъ сталъ выражать собой характеръ правительства. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ и укажемъ только главнѣйшія черты.

Первые годы, когда Александръ былъ окруженъ этими своими друзьями, приблизительно до Тильзитскаго мира, были безъ сомнѣнія лучшимъ временемъ его царствованія. Онъ дѣйствовалъ подъ первой силой своихъ идеальныхъ воззрѣній, столько времени подавляемыхъ и впервые вырвавшихся на свободу и вооруженныхъ теперь всѣмъ могуществомъ русскаго самодержавія. Принципъ, въ силу котораго онъ хотѣлъ и старался дѣйство-

---

[1]) Письмо Александра къ Чарторижскому: «Vous aves déjà appris, mon cher ami, que, par la mort de mon père, je suis à la tête des affaires. Je tais les détails pour vous en parler de bouche. Je vous écris pour que vous remettiez sur-le-champ toutes les affaires de votre mission à celui qui s'y trouve le plus ancien après vous, et que vous vous mettiez en route pour venir à Pétersbourg. Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience je vous attends. J'espère que le Ciel veillera sur vous pendant votre route et vous aménera ici sain et sauf. Adieu, mon cher ami, je ne puis vous en dire davantage; je joins ici un passe-port pour montrer à la frontière». (См. «Alexandre I-er et le prince Czartoryski», стр. 3 — 4). О письмѣ къ Новосильцову г. Богдановичъ (I, стр. 80) говоритъ: «Увѣряли, что, по кончинѣ императора Павла, Павелъ Строгановъ написалъ Новосильцову въ Лондонъ: Arrivez, mon ami..... Nous allons avoir une constitution». Это, кажется, совсѣмъ не вѣрно. По всей вѣроятности рѣчь идетъ о томъ письмѣ, которое сохранилось въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова; выраженія его характеристичны, но въ нихъ нѣтъ того тона ребяческой либеральной поспѣшности, на какую намекаетъ г. Богдановичъ. См. ниже въ приложеніяхъ.

вать, былъ принципъ *законности*, которому онъ хотѣлъ подчинить и неограниченность своей собственной самодержавной власти. Извѣстно нѣсколько анекдотическихъ случаевъ, въ которыхъ императоръ Александръ довольно твердо заявлялъ принятое имъ правило; оно должно было сильно ненравиться людямъ стараго общества, въ особенности избалованной аристократіи, — это общество издавна привыкло къ тому, что не только власть государя, но и власть фаворита, если захочетъ, можетъ сдѣлать все, что̀ бы ни говорили справедливость и законъ. Для примѣра укажемъ извѣстныя слова Александра въ письмѣ къ княгинѣ Голицыной (урожденной Вяземской), которая въ основаніе своей, несогласной съ законами просьбы, приводила то, что императоръ выше закона. Александръ отвѣтилъ ей, что если бы даже могъ, то не захотѣлъ бы нарушить закона, потому что не признаетъ на землѣ справедливой власти, которая бы не исходила изъ закона [1]). Какое впечатлѣніе производила правительственная обстановка императора Александра, можно между прочимъ видѣть изъ сообщенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ замѣтокъ швейцарца Дюмона.

Новое царствованіе съ самаго начала заявляло себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно пересмотрѣть указы, вышедшіе въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы понять то увлеченіе, съ какимъ въ это время выражалась привязанность къ Александру.

Эти первые указы вносили совершенно новый, небывалый элементъ мягкой терпимости, справедливости, открытаго признанія недостатковъ правленія и желанія исправить ихъ; это былъ цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ разнаго рода; почти каждый указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ. Нигдѣ, понятнымъ образомъ, не называлось имя Павла, но въ указахъ между прочимъ очевидна поспѣшность исправить вредъ, нанесенный его мѣрами.

13-го марта—повелѣніе о выдачѣ указовъ объ отставкѣ военнымъ, выключеннымъ изъ службы по сентенціямъ военнаго суда, и безъ суда по приказамъ. Затѣмъ, черезъ два дня, такой же указъ о гражданскихъ чиновникахъ. Чтобы понять эту мѣру, надо припомнить разсказы современниковъ (напр. Саблукова) о томъ, какъ дѣлались при Павлѣ эти суды и отставки. По словамъ Стурдзы, число лицъ, возвратившихся на службу и полу-

---

[1]) Эти слова приведены у Шторха, Russland unter Alexander dem Ersten, I, 20. Самое письмо въ «Р. Старинѣ» 1870. I, стр. 44.

чившихъ прежнія права по этому указу, простиралось до 12,000 человѣкъ [1]).

14-го марта — снятіе запрещенія на вывозъ различныхъ товаровъ и продуктовъ изъ Россіи.

15-го марта — освобожденіе людей, заключенныхъ въ крѣпостяхъ, сосланныхъ въ каторжную работу, лишенныхъ чиновъ и дворянства, сосланныхъ и состоявшихъ подъ полицейскимъ надзоромъ, по дѣламъ, производившимся въ тайной экспедиціи, и возвращеніе имъ ихъ прежняго достоинства, котораго они были лишены. Въ четырехъ спискахъ, приложенныхъ къ указу, перечислено 156 человѣкъ, между которыми мы находимъ и «бывшаго коллежскаго совѣтника Радищева» (жившаго тогда въ Калужской губерніи, по возвращеніи изъ Сибири при Павлѣ) и «артиллеріи подполковника Ермолова», жившаго въ ссылкѣ въ Костромѣ.

Того же дня—манифестъ, объявлявшій амнистію бѣглецамъ, укрывавшимся въ заграничныхъ мѣстахъ: они могли безопасно возвратиться въ Россію, и всѣ вины ихъ, кромѣ смертоубійства, предавались забвенію.

Того же дня — возстановленіе дворянскихъ выборовъ.

16-го марта—снятіе запрещенія на привозъ въ Россію разныхъ товаровъ изъ чужихъ краевъ.

19-го марта—указъ, внушавшій полиціи, чтобы она не выходила изъ границъ своей должности и не причиняла никому обидъ и притѣсненій,—что̀ доходило до вопіющихъ размѣровъ при Павлѣ.

22-го марта—о свободномъ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и отъѣзжающихъ изъ нея.

24-го марта—отмѣна запрещенія на вывозъ за границу хлѣба и вина.

31-го марта — объ отмѣнѣ запрещенія (наложеннаго 18-го апрѣля 1800 г.) ввозить изъ-за границы всякія книги и музыкальныя ноты; о распечатаніи частныхъ типографій, закрытыхъ указомъ 5-го іюня 1800 г., и о дозволеніи имъ печатать книги и журналы.

2-го апрѣля—пять манифестовъ: о возстановленіи жалованной дворянству грамоты; о возстановленіи городового положенія и грамоты, данной городамъ; о свободномъ отпускѣ русскихъ произведеній за границу и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, въ чемъ они были затруднены учрежденнымъ лѣснымъ управленіемъ; объ уничтоженіи тайной экспедиціи; о облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій.

8-го апрѣля—объ уничтоженіи висѣлицъ, которыя поставлены были при Павлѣ въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ и къ которымъ прибивались имена опальныхъ чиновъ.

---

[1]) «Записки современника», А. Стурдзы, въ рукописи.

9-го апрѣля—объ обрѣзаніи пуклей у солдатъ (пукли эти введены Павломъ для всей арміи по гатчинскимъ образцамъ и были для солдатъ истиннымъ мученіемъ).

13-го апрѣля—объ отпускѣ В. Экономическому Обществу ежегодно по 5,000 рублей.

5-го мая,—о возстановленіи различныхъ статей дворянской грамоты, отмѣненныхъ указами императора Павла, напр. о возстановленіи свободы отъ тѣлеснаго наказанія (которому дворяне при Павлѣ были подвергаемы въ противность жалованной грамотѣ), разныхъ преимуществъ относительно службы, выборовъ и т. п.

22-го мая—объ освобожденіи священниковъ и дьяконовъ отъ тѣлеснаго наказанія.

28-го мая, указъ президенту Академіи наукъ о непринимапіи для напечатанія въ вѣдомостяхъ объявленій о продажѣ людей безъ земли — первое осторожное заявленіе Александра противъ крѣпостного права.

5-го іюня — указъ сенату о представленіи имъ особаго доклада о правахъ его и обязанностяхъ. Это было первое заявленіе широкихъ административныхъ преобразованій, предположенныхъ Александромъ. Въ тотъ же день былъ данъ другой указъ объ устройствѣ Коммиссіи составленія законовъ, которая поручена была гр. Завадовскому.

13-го іюня — указъ о возстановленіи ежегоднаго отпуска въ 6,250 р. на содержаніе Россійской Академіи, и т. д.

Мотивы, приводимые въ указахъ, говорили о желаніи дать наконецъ дѣйствительную силу закону, внести въ общество начала права, справедливо опредѣлить отношенія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Одной изъ самыхъ крупныхъ мѣръ было уничтоженіе тайной экспедиціи, — и одной изъ первыхъ, которую въ самомъ дѣлѣ должно было бы принять, когда правительство хотѣло дѣйствительно законности.

2-го апрѣля 1801 г. императоръ самъ прибылъ въ Сенатъ и, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи Сената, велѣлъ прочесть рядъ манифестовъ, выше нами перечисленный. Знаменитый манифестъ о тайной экспедиціи говорилъ:

«Нравы вѣка и особенныя обстоятельства временъ протекшихъ побудили Государей Предковъ нашихъ между прочими временными постановленіями учредить Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, которая подъ разными именами и на разныхъ правилахъ даже до временъ вселюбезнѣйшей Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II существовала. Признавъ суди-

лище сіе установленному въ Россіи образу Правленія несвойственнымъ и собственнымъ правиламъ Ея толико противнымъ, въ 1762 году изданнымъ Манифестомъ Она торжественно его уничтожила и отвергла. Такимъ образомъ имя сей Канцеляріи было уже въ положеніяхъ закона изглажено; между тѣмъ однако же по уваженію обстоятельствъ признано было нужнымъ продолжить ея дѣйствіе подъ названіемъ Тайной Экспедиціи, со всевозможнымъ умѣреніемъ правилъ ея личною мудростію и собственнымъ Высочайшимъ всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ. Но какъ съ одной стороны въ послѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленію, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость, а съ другой разсуждая, что *въ благоустроенномъ Государствѣ всѣ преступленіи должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона:* Мы признали за благо не только названіе, но и самое дѣйствіе Тайной Экспедиціи навсегда упразднить и уничтожить, повелѣвая всѣ дѣла въ оной бывшія отдать въ Государственный Архивъ къ вѣчному забвенію; на будущее же время вѣдать ихъ въ 1 и 5 Департаментахъ Сената, и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Сердцу Нашему пріятно вѣрить, что сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая *единому дѣйствію закона* охраненіе Имени Нашего и Государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены Мы въ вѣрности ихъ къ намъ и Престолу Нашему, и что пользъ Нашихъ ни когда не раздѣляемъ Мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли. Въ прочемъ предоставляемъ Сенату постановить и пополнить порядокъ производства дѣлъ сего рода въ мѣстахъ, до коихъ они принадлежатъ».

Какое впечатлѣніе произвелъ указъ 5-го іюня, гдѣ повелѣвалось Сенату представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, объ этомъ можно судить по разсказу Шторха: «Принимая различныя мѣры, имѣвшія цѣлью преимущественно исправленіе господствующихъ понятій (именно, понятій, смѣшивавшихъ верховную власть съ произволомъ и ставившихъ ее выше и внѣ всякаго закона), императоръ Александръ въ тоже время неутомимо изучалъ существующій порядокъ правленія. Личная дѣятельность правителя есть вмѣстѣ и лучшая школа политической мудрости; на своемъ высокомъ постѣ, императоръ могъ достаточно узнать недостатки и слабыя стороны различныхъ отраслей управленія, потому что его

собственная дѣятельность обнимала всѣ эти отрасли. Что замѣтки, которыя собиралъ онъ въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, могутъ стать основаніемъ къ новой организаціи государственнаго управленія, быть можетъ, видно было только немногимъ, даже изъ тѣхъ дѣловыхъ людей, которые окружали его ежедневно. Указъ 5-го іюня 1801, поручавшій Сенату представить императору докладъ о сущности его правъ и обязанностей, нѣсколько раскрылъ намѣренія императора. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ *могъ безъ шума* (ohne Aufsehen), болѣе краткимъ и вѣрнымъ путемъ, *получить* тѣ *свѣдѣнія*, какихъ онъ требовалъ здѣсь столь публично и столь торжественно; мы въ правѣ предположить, что онъ не безъ важныхъ причинъ отдалъ предположеніе *публичному* запросу, и потому можемъ съ вѣроятностью принять, что этотъ первый шагъ предназначенъ былъ къ тому, чтобы *испытать общественное мнѣніе* и приготовить умы къ предстоящимъ перемѣнамъ. И эта мѣра не осталась безъ своего дѣйствія. Впечатлѣніе (Sensation), произведенное этимъ указомъ въ Сенатѣ, было всеобщее и въ нѣсколько дней оно сообщилось всей образованной публикѣ столицы. Вмѣсто того, чтобы ограничиться *историческими объясненіями* о томъ, чѣмъ *былъ* до сихъ поръ Сенатъ по существующимъ постановленіямъ и законамъ, это почтенное сословіе, напротивъ, собрало *политическія мнѣнія* (staatsrechtlichen Meynungen) своихъ членовъ о томъ, чѣмъ Сенатъ *могъ бы быть* собственно въ новомъ порядкѣ вещей, и въ числѣ этихъ мнѣній находилось много мнѣній, весьма свободно высказанныхъ, и которыя довольно близко подходили къ основному источнику всѣхъ политическихъ золъ въ Россіи. Для простого философа-наблюдателя эти событія представляли самое интересное зрѣлище: но другъ человѣчества, который захотѣлъ бы разсчитывать результаты этого нравственнаго броженія по тѣмъ посылкамъ, какія давали ему исторія и опытъ, никакъ не могъ ожидать отъ него многаго. Въ самомъ дѣлѣ, какой государь, въ положеніи Александра, не отступилъ бы передъ симптомами этого рода, или по крайней мѣрѣ не остановился бы на полъ-дорогѣ? Нужно было болѣе чѣмъ обыкновенное самоотверженіе, нужно было живѣйшее и самое глубокое убѣжденіе въ безусловной необходимости начатыхъ мѣръ, чтобы не стать на ложный путь въ виду этихъ явленій, и кто осмѣлился бы предполагать это самоотверженіе, это убѣжденіе въ двадцати-четырехъ-лѣтнемъ государѣ — и въ Россіи? Но этотъ государь былъ Александръ! Надежды человѣчества не были обмануты».

Шторхъ объясняетъ, что реформа была необходима, что Се-

натъ, составлявшій нѣкогда высшую судебную инстанцію, бывшій хранителемъ законовъ и центромъ управленія, упалъ до того, что ему осталось только исполненіе однихъ формальностей управленія. Александръ хотѣлъ возстановить его прежнее значеніе и сдѣлать его посредствующимъ звѣномъ между народомъ и правителемъ. Шторхъ изображаетъ затѣмъ страшный упадокъ правосудія, крайнюю превратность понятій о законѣ, которымъ считался только произволъ государя, и превратныя дѣйствія самой верховной власти, которая по волѣ и по неволѣ рѣшала всѣ дѣла указами мимо существующихъ законовъ. «Если нужно было достигнуть порядка въ дѣлахъ, правильности въ дѣйствіяхъ судовъ, если нужно было достигнуть законности въ понятіяхъ и представленіяхъ народа, то первымъ условіемъ для этого было именно *смягченіе самодержавія* и *приближеніе его къ законно-монархической формѣ правленія*». «Это преобразованіе послѣдовало.... въ двухъ, чрезвычайно замѣчательныхъ указахъ отъ 8 сентября 1802 г.»,—т.-е. въ указахъ о преобразованіи Сената и учрежденіи министерствъ [1]).

Таково было представленіе лучшихъ людей тогдашняго общества объ этихъ начинаніяхъ императора, и мы увидимъ, что въ этомъ представленіи довольно вѣрно изображены были и тогдашнія мысли самого Александра.

Далѣе, въ указѣ сенату и въ рескриптѣ гр. Завадовскому объ устройствѣ *Коммиссіи составленія законовъ* [2]), мотивы высказаны слѣдующимъ образомъ:

....«Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но *одинъ законъ* можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія Моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи.

«Я всегда зналъ, что съ самаго изданія Уложенія до дней Нашихъ, то-есть въ теченіи почти одного вѣка съ половиною, законы истекая отъ законодательной власти различными и часто *противуположными* путями, и бывъ издаваемы *болѣе по случаямъ*, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, *не могли имѣть ни связи* между собою, *ни единства* въ ихъ намѣреніяхъ, *ни постоянности* въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее *смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ облежащій равно*

---

[1]) Storch, Russland, I, стр. 20 — 23.

[2]) Отъ 5-го іюня, 1801; П. Собр. Зак., т. XXVI, № 19,904.

судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи, и удобность перемѣнять ихъ по первому движенію прихоти или самовластія», и т. д.

Въ указѣ о возстановленіи жалованной грамоты дворянству, Александръ остался на традиціонной почвѣ, и говорилъ о заслугахъ этого сословія въ томъ самомъ тонѣ, въ какомъ поучалъ его относительно этого предмета упомянутый нами прежде наставникъ. Понятно, что соображенія обстоятельствъ могли побудить его къ этой мѣрѣ. Но мы увидимъ дальше, что онъ самъ заявлялъ въ кругу ближайшихъ довѣренныхъ лицъ, что издавалъ подобные указы по необходимости и противъ своего личнаго убѣжденія; онъ и впослѣдствіи не любилъ лѣнивой аристократіи, которая довольствовалась одной придворной службой,—какъ онъ доказалъ это знаменитымъ указомъ о камеръ-юнкерахъ и камергерахъ. Другой указъ того же времени объ экзаменахъ на чины (1809) имѣлъ между прочимъ и невысказанную цѣль сократить умноженіе дворянскаго сословія посредствомъ выслуги чиновъ [1]). Подтверждая исключительныя права дворянства, онъ въ тоже время возстановлялъ и грамоту, данную городамъ («бывъ удостовѣрены—сказано въ мотивахъ—въ той истинѣ, что безъ *правъ и преимуществъ* непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ, не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія»), какъ будто считая городскія «преимущества» нѣкоторымъ противовѣсомъ преимуществамъ дворянскаго сословія.

Въ мотивахъ манифеста отъ того же 2-го апрѣля 1801 г. объ отпускѣ за-границу русскихъ произведеній и о предоставленіи поселянамъ пользоваться лѣсами, высказана забота о сельскомъ населеніи: «Объемля попеченіемъ Нашимъ всѣ состоянія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и зная, сколько въ общемъ составѣ силы государственной уважительно и всякаго ободренія достойно званіе земледѣльцевъ и поселянъ, Мы признали за благо обратить на нихъ Монаршее Наше вниманіе и Императорскимъ Нашимъ словомъ удостовѣрить, что отъ нынѣ впредь безъ важныхъ и особенныхъ государственныхъ причинъ къ существующей теперь узаконенной подъ разными именами подати, никакого прибавленія и новаго налога Мы не допустимъ: напротивъ, пещись будемъ, дабы лежащія нынѣ повинности могли быть съ большою удобностію поселянами отправляемы» и проч.

Указъ сенату объ *уничтоженіи пытки* [2]) вызванъ былъ од-

---

[1]) Корфа, Жизнь Спер. I, 184.

[2]) Отъ 27-го сентября 1801; П. Собр., т. XXVI, № 20,022.

нимъ частнымъ случаемъ, который дошелъ до Александра. Указъ и начинается съ изложенія этого случая и тяжелаго прискорбнаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на императора:

«Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія Моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался; но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе и онъ преданъ суду. — Въ теченіи суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу — осудили на казнь. — Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога во свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенномъ и важномъ, заставили Меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго»....

Посланный флигель-адъютантъ подтвердилъ, что это не былъ единственный случай употребленія пытки. Виновныхъ велѣно было предать суду, и сенатъ долженъ былъ строжайшимъ образомъ подтвердить всѣмъ управленіямъ и судамъ въ имперіи, чтобы не допускалось ни подъ какимъ видомъ никакихъ истязаній, подъ страхомъ строгаго наказанія, и чтобы «присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, *во основаніе* своихъ сужденій и приговоровъ полагали *личное обвиняемыхъ* предъ судомъ сознаніе, что *въ теченіи слѣдствія* не были они подвержены какимъ-либо *пристрастнымъ допросамъ*, и чтобъ наконецъ самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Такъ обнаруживалась первая правительственная дѣятельность Александра. Она не только возбуждала сочувствіе между образованными людьми, но и въ народной массѣ знали или инстинктивно чувствовали этотъ гуманный, человѣческій характеръ. Восторженная встрѣча Александра въ Москвѣ во время коронаціи не была пустымъ, обыкновеннымъ преклоненіемъ толпы передъ блескомъ и властью; это была дѣйствительная привязанность и искренняя надежда [1]).

---

[1]) См. Вигеля, I, 199—203; Зап. Комаровскаго, Р. Арх. 1867, стр. 563—565.

Во главѣ управленія сталъ вскорѣ кружокъ приближенныхъ императора. Ихъ дѣятельность въ качествѣ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Александра въ существѣ дѣла шла въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ шли тогда идеи самого Александра. Планъ исправленія общественнаго устройства, задуманный въ широкихъ размѣрахъ, и одушевлявшій ихъ, скоро поставилъ ихъ въ то опасное положеніе, въ какое становятся нововводители въ обществѣ, мало развитомъ и издавна наклонномъ къ застою: у нихъ не было достаточной поддержки изъ среды общества, которая могла бы помочь ихъ предпріятіямъ, и напротивъ, они вызвали противъ себя вражду консервативнаго большинства, а наконецъ не имѣли за себя и твердой воли императора. Они и испытали послѣдствія этого опаснаго положенія. Этихъ людей столько потомъ винили и ихъ современные противники и потомки, что мы должны остановиться дольше на характерѣ этого кружка. Мы думаемъ, что эти обвиненія, если не вполнѣ, то въ очень большой степени несправедливы къ этимъ людямъ, которые, напротивъ, въ своемъ тогдашнемъ характерѣ самымъ привлекательнымъ образомъ выдаются изъ массы людей Александровскаго времени.

Этотъ кружокъ былъ очень естественнымъ и послѣдовательнымъ порожденіемъ умственной и нравственной жизни нашего общества Екатерининскихъ временъ, въ лучшихъ сторонахъ этой жизни. Это обстоятельство однако постоянно забывалось ихъ противниками, которые, не находя словъ для прославленія «мудрости» Екатерины, съ озлобленіемъ опрокидывались на людей, прямо продолжавшихъ то, что было собственно лучшаго въ ея идеяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нужно было бы признать всѣ либеральныя заявленія Екатерины громаднымъ лицемѣріемъ, длившимся цѣлые десятки лѣтъ, еслибы они захотѣли отвергать это; потому что направленіе этого кружка было именно тѣмъ, что только и могло вырости изъ идей, которыя она поощряла и заявляла. Всѣ умственные интересы образованнѣйшаго общества тѣхъ временъ (тогда это было, въ особенности, высшее знатное общество) направлялись къ французской литературѣ и философіи, и ихъ свѣтиламъ: это общество принимало французскіе нравы, читало французскія книги, многіе завершали свое воспитаніе въ парижскихъ салонахъ. Понятно, что если императрица вела дружбу съ Вольтеромъ, то этимъ однимъ уже открывался путь всѣмъ вліяніямъ идей, которыхъ онъ служилъ представителемъ. Эти идеи конечно различно дѣйствовали на различные характеры и особенно на различныя поколѣнія. Старшія поколѣнія были не особенно расположены къ идеальнымъ увлеченіямъ, и напротивъ больше отличались эгоистическимъ хладнокровіемъ, которое тон-

кости французскихъ нравовъ и гуманность французской философіи спокойно мирило съ остатками грубаго варварства въ русскихъ нравахъ. Но естественно, что въ новыхъ поколѣніяхъ дѣйствіе этихъ идей принимало иной характеръ: извѣстный тонъ цивилизаціи уже вошелъ въ жизнь, когда начиналось ихъ нравственное воспитаніе, и они сдѣлали новый шагъ въ этомъ направленіи. Они принимали эти идеи искреннѣе, и въ виду противорѣчія ихъ съ жизнью, не успокоивались на равнодушіи и эгоизмѣ, а напротивъ искали разумнаго исхода, не жертвовали идеями, а старались дать имъ мѣсто въ жизни. Но сущность идей была таже самая, и она усвоивалась людьми новаго поколѣнія не только съ вѣдома, но часто подъ прямымъ вліяніемъ стараго, которому принадлежалъ выборъ системы воспитанія.

Путь пріобрѣтенія этихъ идей оставался одинъ: это были непосредственныя вліянія умственнаго и общественнаго движенія Европы, и дѣйствовали они одинаково въ людяхъ весьма различныхъ положеній, какъ скоро эти вліянія имѣли возможность проникать довольно глубоко въ умы. Примѣромъ можетъ служить Радищевъ: его мнѣнія не представляли ничего особеннаго въ сравненіи съ тѣмъ, что думали немного времени спустя люди, составлявшіе ближайшій кружокъ Александра, и самъ Александръ. Ненависть къ произволу деспотизма, требованіе законности, стремленіе къ смягченію нравовъ и освобожденію общества, въ частности осужденіе крѣпостного права, негодности судовъ и т. п. все это были черты имъ общія. Происходили они изъ одного источника: русская мысль приходила къ нимъ подъ вліяніемъ воспитанія, европейской литературы и европейской жизни.

Печальная необходимость — отсутствіе порядочныхъ средствъ воспитанія — дѣлала то, что очень большая доля воспитанія въ среднемъ и высшемъ дворянскомъ кругу принадлежала иностранцамъ, преимущественно французамъ, отчасти нѣмцамъ. Въ числѣ ихъ были конечно люди различныхъ мнѣній, но между прочимъ было много людей дѣйствительно образованныхъ и съ полнымъ сочувствіемъ новѣйшимъ идеямъ [1]). Современные писатели и позднѣйшіе ихъ критики много декламировали противъ вреда такого воспитанія, но чтобы оцѣнить это воспитаніе по справедливости, не надо забывать, что другихъ средствъ сама тогдашняя русская жизнь не давала: большинство училось на мѣдные гроши, и государственные люди, какъ Трощинскій, и такіе общественные и литературные дѣятели, какъ Новиковъ; московскій университетъ

[1]) Ср. Mém. Secr. II, 172—182; Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe. Paris. 1796, т. 4, стр. 74 и слѣд.

былъ единственный, и въ немъ много лекцій читалось по-латыни и по-нѣмецки, за неимѣніемъ русскихъ профессоровъ. Русская школа долго не могла стать какъ слѣдуетъ на ноги и удовлетворить даже тѣмъ потребностямъ въ образованіи, какія были на лицо: не забудемъ, что еще въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія русскіе университеты должны были допускать иностранныхъ профессоровъ, читавшихъ свои лекціи по-латыни, по-нѣмецки и по-французски. Съ другой стороны французское воспитаніе не мѣшало воспитанникамъ оставаться русскими во всѣхъ своихъ нравахъ и помышленіяхъ, или выработываться въ людей достойныхъ и горячихъ патріотовъ. То дурное, что такъ легко и дешево было сваливать на французское воспитаніе, гораздо больше происходило конечно не отъ французскаго гувернера, а отъ цѣлаго склада жизни, еще преисполненной крѣпостнымъ варварствомъ и стариннымъ невѣжествомъ. Карамзина въ свое время обвиняли во «французскомъ духѣ», но этотъ французскій духъ, доходившій до почитанія Робеспьера, не мѣшалъ никогда Карамзину остаться полнымъ консерваторомъ; подъ вліяніемъ того же французскаго духа и на французскомъ языкѣ возникали лучшіе планы Александра и обдумывались благотворныя мѣры, въ родѣ заботъ о народномъ образованіи, или объ освобожденіи крестьянъ. Франція уже давно считалась отечествомъ вкуса и образованности: она сохраняла свое очарованіе и теперь, въ революціонную эпоху. «Русскіе (т.-е. высшихъ слоевъ общества), почти всѣ воспитанные французами — говоритъ современникъ въ 1800 г. — съ дѣтства пріобрѣтаютъ очевидное предпочтеніе къ этой странѣ.... Они узнаютъ Францію только en beau, какой она кажется издали.... Они считаютъ ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусствъ, изящныхъ наслажденій и любезныхъ людей; они уже считаютъ ее убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ сумрачное отечество. Французскіе эмигранты, загнанные наконецъ къ новѣйшимъ киммерійцамъ, съ удивленіемъ нашли здѣсь людей, которые лучше ихъ самихъ знали дѣла ихъ собственной родины: есть русскіе молодые люди, которые размышляютъ надъ Руссо, которые изучаютъ рѣчи Мирабо».... Французское воспитаніе открывало естественный путь вліяніямъ литературы. Павелъ чувствовалъ, что здѣсь, черезъ книги, идетъ пропаганда идей, которыя онъ хотѣлъ преслѣдовать во всѣхъ видахъ: ему казалось, что онъ уже много успѣлъ, истребивши французскіе костюмы и шляпы, но подъ конецъ правленія нашелъ необходимымъ ближе позаботиться и объ этомъ предметѣ, и въ 1800 г. (18 апрѣля) совершенно

запретилъ ввозъ въ Россію *всѣхъ* иностранныхъ книгъ. Но «якобинскія» книги уже настолько проникали въ публику, что запрещеніе, при Павлѣ достаточно страшное, не остановило ихъ распространенія. Александръ въ первые же дни царствованія (31 марта 1801) издалъ указъ, отмѣнявшій это запрещеніе; другой указъ (9 февр. 1802), отмѣнявшій павловскія цензуры въ городахъ и портахъ, говоритъ, что эти средства, по пятилѣтнему опыту, между прочимъ оказались «недостаточны» для предположенной цѣли. «Конечно недостаточны, говоритъ по этому поводу Шторхъ, потому что даже во время запрещенія всякаго ввоза книгъ, въ Петербургѣ и Москвѣ обращались иностранныя книги, вышедшія во время этого запрещенія или незадолго до него. Такъ какъ идти на такой рискъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для *самыхъ пикантныхъ* вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханной смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика» [1]). Наконецъ, путешествія, жизнь и ученье за границей доставляли практическія, живыя впечатлѣнія, которыя должны были имѣть значительную силу. Путешествіе за границу до сихъ поръ имѣетъ для русскаго общества особенное очарованіе: вспомнимъ, какъ все, что могло, бросилось за границу въ началѣ нынѣшняго царствованія, когда сняты были паспортныя стѣсненія; и если европейская жизнь, самыми внѣшними формами своими, производитъ и теперь сильное впечатлѣніе даже на очень мало развитыхъ людей, то надо предположить, что въ тогдашнее время дѣйствіе ея было тѣмъ сильнѣе. Многіе ѣздили въ иностранные университеты, и когда Павелъ запретилъ эти поѣздки и велѣлъ вызвать тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые въ то время находились въ иностранныхъ университетахъ, оказалось, что въ Лейпцигѣ было русскихъ подданныхъ 36, въ Іенѣ 65 человѣкъ [2]). Для русскихъ молодыхъ аристократовъ, отправлявшихся тогда за границу, открывались конечно всѣ салоны, и въ то же время, слѣдовательно вся возможность познакомиться съ движеніемъ умовъ и съ послѣдними новостями литературы. Изъ различныхъ данныхъ мы можемъ видѣть, что всѣ эти вліянія вмѣстѣ создавали въ молодыхъ по-

---

[1]) Storch, Russland unter Alex. dem Ersten. I, 150.

[2]) Mém. Secr. II, 199.

колѣніяхъ наиболѣе образованнаго класса то направленіе мыслей, которое у людей стараго покроя разумѣлось подъ именемъ вольтеріянства и якобинства.

Такого именно характера былъ и кружокъ первыхъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ императора Александра. На всѣхъ время наложило свой отпечатокъ идеалистическаго либерализма. Такъ, дѣйствительно, составились взгляды самого Александра, у котораго проводникомъ европейскихъ идей былъ Лагарпъ; такъ было и съ его друзьями. Всѣ они получили «отличное» аристократическое воспитаніе того времени, законченное путешествіями и жизнью за границей. Новосильцовъ, самый старшій изъ нихъ по лѣтамъ и, какъ говорятъ, самый талантливый, увлекался англійской жизнью и учрежденіями, которыя узналъ во время четырехълѣтняго пребыванія въ Англіи при Павлѣ. Кочубей оканчивалъ свое воспитаніе за границей, сначала въ Женевѣ, которая издавна была пріютомъ для либеральныхъ элементовъ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ занимался политическими науками, и вынесъ тоже стремленіе къ преобразованіямъ въ европейскомъ смыслѣ. Графъ Павелъ Строгановъ также получилъ французское воспитаніе; современники разсказываютъ, что его наставникомъ былъ Роммъ, который пріобрѣлъ потомъ извѣстность какъ одинъ изъ монтаньяровъ временъ Конвента [1]). Въ Женевѣ Строгановъ былъ уже знакомъ съ Дюмономъ, сотрудникомъ Мирабо и другомъ Бентама. Чарторижскій получилъ также блестящее воспитаніе, и мы видѣли, какъ онъ самъ характеризовалъ свой политическій образъ мыслей. Всѣ они представляютъ много сходнаго и въ воспитаніи и въ общественныхъ понятіяхъ, къ которымъ приводило ихъ это воспитаніе и впечатлѣнія жизни. Но любимцы Александра не были чѣмъ-нибудь исключительнымъ, не были случайными людьми, которымъ только личная дружба императора дала незаслуженную власть; они вовсе не были чуждыми своему обществу и непрошеными реформаторами — какъ ихъ и тогда и потомъ часто изображали; напротивъ, вмѣстѣ съ самимъ Александромъ, они были

[1]) См. о Роммѣ у Шлоссера, Истор. XVIII-го стол., новое изд. V, стр. 457—462; подробнѣе у Луи-Блана, Hist. de la Révolution, т. XI и XII, также Claretie, Les Montagnards. Это былъ далеко не единственный случай, гдѣ въ русское воспитаніе проникали непосредственно вліянія французскаго революціоннаго броженія. Воспитателемъ дѣтей самого М. Н. Муравьева былъ какой-то якобинецъ, проклинаемый Вигелемъ (Зап. III, ч. V, стр. 51). Въ домѣ Салтыковыхъ былъ гувернеромъ родной братъ Марата: «этотъ Маратъ, хотя и осуждалъ свирѣпости своего брата, вовсе не скрывалъ отъ друзей своихъ республиканскихъ мнѣній, и спокойно проживалъ, иногда приводя даже своего воспитанника ко двору». Только послѣ казни короля, онъ просилъ позволенія перемѣнить свое имя и сталъ называться Будри (Mém. Secr. II, 199).

изъ лучшихъ представителей тогдашняго образованнаго молодого поколѣнія, — ихъ недостатки были только отчасти ихъ личные недостатки, но всего больше недостатки общества и времени. Мы постараемся это показать.

Ихъ преобразовательныя стремленія съ самаго начала возбудили злобу въ старомъ поколѣніи сановниковъ Екатерининскаго времени. Нападенія направились особенно, кажется, на Новосильцова, какъ болѣе предпріимчиваго и вліятельнаго. Надъ нимъ смѣялись, называя его le grand homme, le grand ministre, le génie à toute sauce, издѣвались надъ его презрѣніемъ къ орденамъ, удивлялись, какъ его не поставятъ во главѣ арміи и т. п. [1]). Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ, осторожно противополагаетъ «молодымъ людямъ, получившимъ *слегка* понятія о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ» — «служивцевъ вѣка Екатерины, опытныхъ, осторожныхъ, привыкшихъ къ старому ходу, нарушеніе коего имъ казалось возстаніемъ противъ святыни» [2]), но его симпатіи едва ли не больше склонялись на эту послѣднюю сторону. Настоящіе служаки Екатерининскихъ временъ не щадили выраженій, говоря объ этихъ нововводителяхъ. Державинъ злобно говоритъ объ нихъ: «тогда всѣ окружающіе государя были *набиты* французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ» [3]). Въ любопытномъ письмѣ С. Р. Воронцова къ Ростопчину, писанномъ впрочемъ уже позднѣе (повидимому въ 1814 году, послѣ Шатильонскаго конгресса), мы находимъ слѣдующую рѣзкую характеристику совѣтниковъ Александра — въ которую входятъ, правда, лица и событія не одной первой эпохи, занимающей насъ теперь, но которая обнимаетъ очевидно и это время.

«Надо надѣяться,—говоритъ Воронцовъ объ Александрѣ,— что онъ увидитъ, что пора организовать порядокъ и управленіе (l'ordre et l'administration de la justice) въ своей странѣ, которые погибнутъ, если онъ не приведетъ дѣла въ тотъ же видъ, въ какомъ онѣ были въ этомъ отношеніи со временъ учрежденія сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной императрицы. Она начала дѣлать нововведенія, сынъ ея все низвергнулъ, не ставя ничего на мѣсто того, что̀ было имъ разрушено, а ея внукъ *имѣлъ несчастіе* быть окруженнымъ людьми (faiseurs), которые, будучи исполнены самолюбіемъ и тщеславіемъ, считали себя выше великаго основателя русской имперіи (?). Эти господа начали работать надъ *бѣдной Россіей* уч-

---

1) Богд. I, 74.

2) Взглядъ на мою жизнь, стр. 180.

3) Зап., стр. 463.

реждениями, появлявшимися каждый день; эти господа были настоящими машинами для изготовления учреждений (machines à reglement); они только и дѣлали, съ такой же быстротой, каково было ихъ невѣжество и легкомысліе. Эти указы основывались на гипотетическихъ идеяхъ ихъ воображенія и не переваренномъ чтеніи; это были опыты, которые они хотѣли производить надъ *бѣдной Россіей*; и они не знали, что *опыты хороши только въ физикѣ и химіи*, и что они гибельны (fatales) въ юриспруденціи, въ администраціи и въ политической экономіи. Но бѣшенство (rage) этихъ нововводителей было таково, что, видя себя стѣсненными первоначальной властью, возвращенной императоромъ сенату въ сентябрѣ 1802 г., они нашли средство отдѣлаться отъ нея и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уничтожить ее. Россія устояла противъ всей континентальной Европы, которую влекъ за собой Бонапарте, но она не устоитъ противъ внутренняго безпорядка, и только одинъ сенатъ и учрежденія коллегій, основанныя Петромъ Великимъ, могутъ помочь злу, какое дѣлаютъ и будутъ всегда дѣлать министры, которые работаютъ съ государемъ наединѣ и могутъ вводить его въ заблужденіе вольно или невольно, по незнанію или обманываемые другими» и пр. [1]).

Карамзинъ въ запискѣ о древней и новой Россіи, гдѣ впрочемъ бо́льшая часть полемики направлена противъ Сперанскаго, столько же неблагопріятно смотритъ и на то, что́ было сдѣлано въ первые годы царствованія, еще безъ участія Сперанскаго, напр. на преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ, и на внѣшнюю политику этого времени (въ которой впрочемъ всего больше дѣйствовали взгляды самого императора Александра).

У новѣйшихъ историковъ мы найдемъ также не мало неблагопріятныхъ отзывовъ. Одни по крайней мѣрѣ отдаютъ справедливость личнымъ качествамъ и намѣреніямъ совѣтниковъ Александра, хотя и указываютъ недостатокъ опытности [2]); за то другіе относятся къ нимъ крайне недоброжелательно. Такъ напр. въ особенности г. Богдановичъ. Его отзывы, даже при благопріятныхъ фактахъ набрасывающіе тѣнь на этихъ людей, представляютъ, какъ увидитъ читатель, цѣлый взглядъ на эту эпоху царствованія Александра.

«Новосильцовъ, извѣстный своими свѣдѣніями и рвеніемъ къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ *самъ понималъ его*, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ...» (Но развѣ

---

[1]) Сборн. Ист. Общ. III, 8, прим.

[2]) См. бар. Корфа, Жизнь Спер. I, 92—94.

не каждый серьезный человѣкъ стремится къ общему благу такъ, какъ *самъ* понимаетъ его?). «Россія была ему неизвѣстна, *тѣмъ болѣе*, что въ молодости онъ не управлялъ никакою частію». (Доказательствъ незнанія не приводится никакихъ). «Тѣ, которые знавали его въ позднѣйшее время, думали, что онъ измѣнилъ прежнимъ своимъ либеральнымъ склонностямъ, въ дѣйствительности же онъ всегда былъ абсолютистомъ и постоянно стремился къ централизаціи управленія и къ слитію въ одну общую форму всѣхъ національностей России», и пр. (Но это послѣднее не имѣетъ собственно тѣсной связи съ либеральными или нелиберальными склонностями: очень возможно было бы въ централизаторскихъ стремленіяхъ руководствоваться либеральными понятіями; Новосильцовъ могъ быть централизаторомъ и въ началѣ своей дѣятельности и въ концѣ ея, но эти начало и конецъ тѣмъ не менѣе были слишкомъ непохожи).

«Графъ Павелъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасною благородною душою..., получивъ исключительно французское воспитаніе, принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и гласно изъявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей». (Припомнимъ, что Карамзинъ былъ почитателемъ Робеспьера; что въ 1802 г. въ петербургскомъ обществѣ и даже при дворѣ очень любезно принимали друга и сотрудника Мирабо, швейцарца Дюмона). «Само собою разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ поддѣлаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества». (Отчего *само собою разумѣется*, этого не видно, и напротивъ непонятно, какимъ образомъ человѣкъ «съ прекрасною, благородною душою» упадалъ до того, чтобы *поддѣлываться* подъ тонъ общества: въ этомъ обществѣ онъ былъ поставленъ достаточно независимо, и если *господствующій тонъ* общества былъ таковъ, то ему нечего было и поддѣлываться, когда онъ по своему «исключительно французскому воспитанію» былъ уже готовымъ почитателемъ Мирабо).

О Кочубеѣ говорится только: «Современники находили, что онъ зналъ Англію лучше Россіи, и что, передѣлывая многое на англійскій ладъ, онъ, какъ львенокъ Крылова, училъ звѣрей вить гнѣзда».

Не будемъ входить въ характеристику Чарторижскаго, потому что это отвлекло бы насъ въ долгое объясненіе отношеній тогдашней Польши, что̀ впрочемъ намъ, можетъ быть, надо будетъ сдѣлать далѣе. Общій отзывъ г. Богдановича говоритъ слѣдующее: «Таковы были первые приближенные Александра, пер-

воначальные сотрудники его въ управленіи судьбами обширной имперіи. Ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполнѣ на *высотѣ* своего *призванія*, какъ по недостаточному знанію Россіи, такъ и по *малой* опытности въ *дѣлахъ, совершенно для нихъ новыхъ*. Довѣріе къ нимъ монарха было основано не столько на ихъ способностяхъ, сколько на привычкѣ къ нимъ и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодые любимцы, люди благонамѣренные, каждый — по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ Государя, столь же благонамѣреннаго, столь же мало опытнаго, столь же незнавшаго страны своей. Вмѣсто того, чтобы явиться на поприще государственнаго управленія во *всеоружіи* положительныхъ свѣдѣній, они, управляя дѣлами, учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи». Еще недружелюбнѣе другой отзывъ, изъ котораго видно однако, что и дѣльцы стараго поколѣнія не подавали хорошаго примѣра:

«...*Такимъ образомъ сотрудниками Александра, въ первые* годы его царствованія, являются и дѣльцы вѣка Екатерины, люди, искусившіеся опытами жизни, и юные дѣятели [1]), вступившіе на невѣдомое имъ поприще съ душою незатвердѣвшею отъ житейскихъ неудачъ и треволненій. Казалось бы, что соединеніе противоположныхъ началъ—съ одной стороны осторожности и привычки къ прежнему ходу дѣлъ, а съ другой — новѣйшей образованности и благонамѣреннаго, хотя и *безсознательнаго* (?), стремленія къ улучшеніямъ, казалось бы, что такое соединеніе началъ, умѣряемыхъ и дополняемыхъ одно другимъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, вышло иначе. По собственному сознанію одного изъ людей прежняго времени, люди *опытные*, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать юному императору въ управленіи государствомъ... *предались радости при восшествіи* на престолъ государя милостиваго, невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ, читали восторженные стихи и громко прославляли, *не стѣсняясь присутствіемъ служителей своихъ*, прекращеніе прежней строгости и возстановленіе спокойствія. А между тѣмъ молодые люди, окружавшіе императора Александра, пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ (?), окружали престолъ и съ самонадѣянностью, свойственною *невѣдѣнію* и неопытности, порицая *всѣ* уставы и законы, существовавшіе въ

---

[1]) Не лишнее замѣтить, что изъ этихъ «юныхъ дѣятелей», «юныхъ сподвижниковъ» (Богд. I, 77. 87) Новосильцову около 1802 г. было уже 40 лѣтъ, Кочубею—34, «юность» очень относительная.

Россія (?), считали ихъ отсталыми, отжившими вѣкъ свой. Полагая, что достаточно было природныхъ способностей, сознаваемыхъ ими въ самихъ себѣ, чтобы сдѣлаться законодателями, полководцами (?), просвѣтителями милліоновъ людей, они вызывались (?) начертать законы, болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что однакоже не мѣшало имъ съ непостижимою неосновательностью подрывать уваженіе ко *всѣмъ* (?) уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ, въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ предложенныхъ ими преобразованій въ дѣйствительности были *хороши*, но, будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системою управленія, невсегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію» [1]).

Трудно сдѣлать оцѣнку, болѣе неблагопріятную для совѣтниковъ Александра,—она завершаетъ все, что было говорено въ ихъ обвиненіе современниками,—и трудно сдѣлать оцѣнку, болѣе несправедливую къ друзьямъ Александра и болѣе невѣрную исторически. На чемъ же основаны такія суровыя осужденія?

Въ послѣдней приведенной тирадѣ, авторъ ссылается, въ подтвержденіе своихъ словъ, на записки Дмитріева и Шишкова. Записки Дмитріева, кромѣ отзыва выше нами приведеннаго, заключаютъ еще нѣсколько словъ, весьма неопредѣленныхъ [2]). Сличивъ цитаты, читатель увидитъ, гдѣ г. Богдановичъ воспользовался словами Дмитріева. Остальное, надо полагать, взято изъ записокъ Шишкова (рукописныхъ), которыхъ мы не имѣли подъ руками. Но едва ли нужно доказывать, что отзывы именно Шишкова всего менѣе могутъ быть принимаемы въ качествѣ историческаго приговора. У него были конечно прекраснѣйшія намѣренія и искренній патріотизмъ особаго рода; но это былъ человѣкъ до того простодушный, и старовѣръ, доходившій до такого ребячества, что его *мнѣній* нѣтъ возможности принимать серьезно, и въ особенности прямо дѣлать изъ нихъ истори-

---

[1]) Богдан., Ист. Алекс. I, 82, 87—88.

[2]) Упомянувъ о двухъ партіяхъ, молодой и старой, окружавшихъ Александра, Дмитріевъ говоритъ только слѣдующее: «Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе». (Взглядъ на мою жизнь, стр. 181). И только. Чьи благородныя души не освободились отъ эгоизма, молодыя или старыя, остается неизвѣстно.

ское сужденіе. Мнѣнія его любопытны какъ образчикъ понятій извѣстной категоріи тогдашнихъ людей, но не болѣе; довольно знать его литературную дѣятельность (напр. хоть ребяческое славянофильство и вражду къ Карамзину) и напечатанную часть его записокъ, чтобы не имѣть никакихъ сомнѣній объ исторической цѣнѣ его отзывовъ.

Обвиненія, извлеченныя изъ такихъ источниковъ, не знаютъ никакой мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ, что молодые совѣтники Александра окружали престолъ «пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ»? Неужели они дѣйствительно порицали *всѣ* уставы (что̀ повторено дважды)? Кто изъ нихъ собирался въ *полководцы*? Когда они *вызывались* составлять совершенные законы?

Откуда ни взяты эти обвиненія, изъ записокъ Шишкова или нѣтъ, онѣ не внушаютъ довѣрія уже одной своей явной враждебностью, и опровергаются сами собою. Какимъ образомъ, при такомъ невѣдѣніи, неопытности, самонадѣянности, непостижимой неосновательности, при такомъ превратномъ и уродливомъ разглагольствованіи о свободѣ и равенствѣ, какъ при всѣхъ этихъ грубыхъ недостаткахъ могло у нихъ выдти что-нибудь хорошее? И однакоже оказывается, что многое было хорошо, только поспѣшно выполнено. Однимъ словомъ, историкъ дѣлаетъ грубую ошибку, повторяя безъ всякой критики тѣ озлобленныя нападенія, какія дѣлались тогда противъ друзей Александра въ кругу стараго вельможества и чиновничества. Въ этой самой тирадѣ мы видимъ нѣкоторое объясненіе этихъ отношеній: въ самомъ дѣлѣ, можно ли было Александру ждать чего-нибудь отъ тѣхъ «опытныхъ» людей, которые, при вступленіи на престолъ государя невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ и кромѣ этого ни о чемъ не помышляли? Понятно, что императоръ предпочелъ совѣтоваться съ людьми другого качества, какихъ онъ и находилъ въ своихъ друзьяхъ. «Опытные» люди конечно были крайне этимъ озлоблены, и имъ все не нравилось въ новомъ царствованіи. «Весьма замѣчательно, — говоритъ тутъ же г. Богдановичъ, — что нѣкоторыя *похвальныя* качества государя, его простота вкусовъ, его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались превратнымъ толкамъ». Недовольны были, что дворъ будто бы «утратилъ величіе» — оттого, что Александръ не дѣлалъ безумныхъ издержекъ на это «величіе», какъ дѣлалось прежде [1]; — что императоръ «не отличался отъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни»; что онъ былъ вѣжливъ, предпочиталъ

---

[1]) «Величіе» временъ Екатерины извѣстно; о временахъ Павла читаемъ въ запискахъ И. И. Дмитріева: «*Никогда* не было при дворѣ такого великолѣпія, такой пышности и строгости въ обрядѣ» и т. д. («Взглядъ на мою жизнь», стр. 149).

законъ своему произволу, что въ одномъ манифестѣ онъ нѣсколько разъ употребилъ слово «отечество» и т. д. Неудивительно, что Александръ не былъ расположенъ выбирать своихъ совѣтниковъ изъ людей, гдѣ были *такіе* недовольные[1]), и въ чемъ виноваты были здѣсь его молодые совѣтники?

Переходимъ къ другимъ обвиненіямъ.

Что эти люди не стояли на высотѣ своего призванія, мы не будемъ спорить и съ своей стороны: но часто ли вообще являлись въ нашей новѣйшей исторіи люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія, если мы станемъ понимать «призваніе», т.-е. служеніе дѣйствительному благу отечества и націи—сколько-нибудь серьезнымъ образомъ? Можно сказать развѣ только о Петрѣ Великомъ, что онъ стоялъ на высотѣ своего призванія, но кто же затѣмъ достигалъ этой высоты или устоялъ на ней? Сама Екатерина передъ строгимъ историческимъ судомъ далеко не всегда можетъ быть поставлена на эту высоту. Если же мы ограничимъ требованія и будемъ сравнивать совѣтниковъ Александра хоть со старыми дѣльцами, то по содержанію понятій, которое представляли эти люди, мы должны будемъ не только не попрекать совѣтниковъ Александра, но поставить ихъ гораздо выше множества разныхъ министровъ и приближенныхъ, какіе бывали у насъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Прежде всего, эти приближенные Александра совершенно не были похожи на прежнихъ временщиковъ и фаворитовъ XVIII столѣтія. Всѣми тогда и послѣ чувствовалось, что ихъ соединяло съ Александромъ согласіе въ основныхъ убѣжденіяхъ, и это одно выгодно отдѣляетъ ихъ изъ категоріи обыкновенныхъ любимцевъ. Они были дѣйствительно, а не лицемѣрно скромны; они не добивались себѣ добычи и не грабили государства; причина ихъ близости къ государю, дружба, основанная на сходствѣ понятій, была слишкомъ не похожа на тѣ обстоятельства, какія

---

[1]) Ср. съ этимъ отзывъ о «старыхъ дѣльцахъ», Беклешовѣ и Трощинскомъ въ первое время по вступленіи Александра на престолъ, въ Зап. Державина... «Беклешовъ и Трощинскій, бывшіе тогда приближенные къ государю чиновники, и имѣющіе, такъ сказать, всю власть въ своихъ рукахъ, *оказывали себя по прихотямъ своимъ выше всѣхъ законовъ*, а какъ они между собою поссорились, и противоборствуя другъ другу, ослабили свою въ государѣ довѣренность, то и *сбили его съ твердаго пути*, такъ что онъ *не зналъ, кому* изъ нихъ *вѣрить*» (Зап. Держ., стр. 438—439 и ср. разсказъ о тѣхъ же Беклешовѣ и Трощинскомъ въ запискахъ Комаровскаго, Р. Арх. 1867, стр. 561—569). А между тѣмъ въ это первое время они именно и «ворочали государствомъ», по словамъ Державина. Кто же виноватъ, если Александръ перестaлъ на нихъ и имъ подобныхъ полагаться? Ср. сходные съ этимъ отзывы Дюмона о недовольствѣ противъ императора Александра въ началѣ его царствованія. Вѣстн. Евр. 1869, февр. 806—807.

выводили въ люди прежнихъ «случайныхъ» людей. «Недостаточное знаніе Россіи», «малая опытность въ дѣлахъ» — обвиненіе весьма серьезное. Мы замѣчали прежде, что ему подлежалъ (въ неменьшей, если не большей степени) самъ императоръ Александръ и въ началѣ своей дѣятельности и послѣ. Но, принявъ въ соображеніе обстоятельства и время, мы должны снять съ этихъ людей значительную долю этого обвиненія. Мы уступаемъ обвиненію «малую опытность въ дѣлахъ», потому что дѣйствительно, это было дѣло рутины, которой они еще не имѣли много, и въ этомъ отношеніи ихъ конечно долженъ былъ превосходить всякій неглупый выслужившійся приказный, который въ разныхъ ступеняхъ своей службы могъ отлично изучить эту рутину. Что же касается до *знанія Россіи*, то это знаніе можно понимать весьма различно: легко могло быть, что они уступали многимъ изъ тогдашнихъ сановниковъ въ фактическомъ знаніи подробностей существующаго законодательства и порядковъ управленія, но понятно, что это фактическое знаніе подробностей, какимъ только и отличалось большинство «опытныхъ служивцевъ», еще не составляетъ всего, что необходимо знать людямъ, стоящимъ во главѣ управленія. Кромѣ этого знанія нужно другое, которое идетъ дальше простой исполнительности, которое обнимаетъ основныя черты положенія вещей, видитъ его существенные недостатки и слабыя стороны и ищетъ разумныхъ средствъ ихъ устраненія и уничтоженія. Эти два рода знанія пріобрѣтаются различно. Одно можно пріобрѣтать простымъ нагляднымъ знакомствомъ съ практической жизнью, знакомствомъ, для котораго не требуется какого-нибудь особеннаго образованія и усилія мысли, и которое, дѣйствительно, очень часто имѣютъ простые «бывалые» люди, ловкіе практическіе дѣльцы. Другое дается образованіемъ, которое сообщаетъ людямъ лучшія представленія о нормальной жизни, и одушевляетъ ихъ ревностью къ улучшенію дѣйствительности, или же это желаніе улучшеній въ честныхъ и серьезныхъ умахъ внушается глубокимъ чувствомъ и сознаніемъ общественныхъ несправедливостей. Есть, однимъ словомъ, разница между канцелярскимъ знаніемъ рутины, годнымъ развѣ только для продолженія старыхъ порядковъ, и общественно-политическимъ пониманіемъ общаго состоянія и потребностей страны. Которое изъ двухъ можно справедливѣе назвать «сознательнымъ», и которое изъ нихъ необходимѣе для государственнаго дѣятеля, объ этомъ едва ли можно спорить. Всего лучше конечно, когда оба они соединяются, когда знаніе фактическихъ отношеній освѣщается указаніями просвѣщенной любви къ отечеству и слу-

жить помощью для плановъ преобразованій, внушаемыхъ политическимъ пониманіемъ національной пользы и доброжелательнымъ отношеніемъ къ интересамъ человѣчества. Такіе случаи, къ сожалѣнію, рѣдки; изъ двухъ односторонностей у насъ всего чаще господствуетъ первая, но въ историческомъ движеніи общественнаго развитія конечно сдѣлано было гораздо больше энтузіастами общаго блага, чѣмъ людьми канцелярій. Къ этимъ энтузіастамъ общаго блага, вовсе однако не лишеннымъ и настоящаго знанія страны, несомнѣнно принадлежали первые сотрудники Александра. Быть можетъ, что имъ недоставало иногда практическихъ свѣдѣній о различныхъ отрасляхъ управленія, но общій характеръ управленія вовсе не былъ для нихъ загадкой, и коренные недостатки его были имъ больше понятны, чѣмъ самымъ опытнымъ служивцамъ стараго времени, которые всего чаще ихъ совершенно не подозрѣвали. Своимъ желаніемъ улучшеній эти люди стояли неизмѣримо выше старыхъ служивцевъ, и улучшенія, ими предпринятыя, вовсе не были безуспѣшны. Далѣе, сказать, что довѣріе Александра къ нимъ основано было «*не столько* на ихъ способностяхъ, сколько на *привычкѣ* и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ» — также будетъ неточнымъ опредѣленіемъ дѣла. Со всѣми своими любимцами — Новосильцовымъ, Чарторижскимъ, Кочубеемъ (кромѣ, кажется, одного Строганова) Александръ разлучился довольно давно; съ Новосильцовымъ — въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ царствованія Павла,—такъ что привычка могла бы изгладиться. Напротивъ прежнія дружескія отношенія вовсе не были единственнымъ основаніемъ довѣрія Александра, потому что и «способности» этихъ людей вовсе не были дюжинныя; само обвиненіе признаетъ ихъ и за Новосильцовымъ, и за Кочубеемъ, и за Чарторижскимъ. Всѣ они были люди весьма образованные; Кочубей, еще въ 1792 году, всего двадцати четырехъ лѣтъ назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь, «умѣлъ поддержать достоинство представителя могущественной государыни». Во времена Павла Кочубей, при всей силѣ своего дяди, Безбородки, едва ли задаромъ сдѣлалъ свою блестящую карьеру (онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графское достоинство и званіе вице-канцлера — ему едва было тридцать лѣтъ). Извѣстно, наконецъ, что это былъ положительно человѣкъ талантливый и благородный. Довѣріе Александра къ этимъ людямъ основывалось собственно на томъ, что эти люди, кромѣ прежнихъ дружескихъ связей, были единственные люди въ обстановкѣ Александра, съ которыми онъ былъ связанъ общимъ *направленіемъ понятій*.

Онъ довѣрялъ имъ, потому что былъ увѣренъ, что они совершенно понимаютъ и раздѣляютъ его благія желанія и стараются содѣйствовать ихъ выполненію; самая дружба съ ними основывалась на этомъ единствѣ мнѣній. Винить ихъ, что они не явились на поприще государственнаго управленія «во всеоружіи положительныхъ свѣдѣній» — не позволяетъ простая человѣческая справедливость: гдѣ было *въ то время* получать это всеоружіе? Многіе ли вообще могли имъ хвастаться? И что придется сказать о дѣятеляхъ Екатерининскихъ и разныхъ другихъ временъ, если мы приложимъ къ нимъ такую строгую мѣрку? Въ какомъ «всеоружіи» являлись на это поприще Орловы или Зубовы, или потомъ Аракчеевы и Голицыны? Кромѣ того, друзьямъ Александра не легко было и пріобрѣтать всеоружіе, когда, при воцареніи Павла, имъ пришлось удаляться отъ центра дѣлъ, или добровольно, по чувству самосохраненія, или невольно, потому что они были удалены. Мы говорили наконецъ о томъ, въ чемъ собственно должно было состоять всеоружіе, и указывали, что сотрудники Александра не были совсѣмъ безоружны. «Управляя дѣлами, они учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи» — можно подумать, что эти люди въ самомъ дѣлѣ вздумали основывать въ Россіи Платонову республику или Утопію, и въ жертву своей метафизической теоріи приносили судьбу милліоновъ. На дѣлѣ милліоны могли бы гораздо меньше жаловаться на управленіе этихъ людей, чѣмъ многихъ другихъ прежде и послѣ; и именно въ эту первую эпоху царствованія Александра судьба милліоновъ принималась къ сердцу гораздо больше, чѣмъ въ какое-нибудь другое время этого царствованія, и конечно не вина этихъ однихъ людей, что планы ихъ могли осуществиться только далеко не вполнѣ.... Не совсѣмъ ясно, но въ сущности вѣрно они угадывали историческую необходимость, которая начинаетъ въ наши дни оправдываться и осуществляться.

Доказательства сказанному не мудрено найти въ тѣхъ правительственныхъ мѣрахъ, которыми ознаменовалась дѣятельность этихъ лицъ, и къ счастію, мы имѣемъ еще драгоцѣнные историческіе документы, по которымъ можно познакомиться съ характеромъ мнѣній этихъ лицъ, съ ихъ планами и ихъ долей въ исполненіи. Это—засѣданія того интимнаго дружескаго комитета (1801—1803 г.), гдѣ императоръ Александръ вмѣстѣ съ своими друзьями обсуждалъ предпринимаемыя преобразованія. Протоколы этихъ засѣданій сохранились въ бумагахъ графа П. А. Строганова, изданіе которыхъ составляетъ большую заслугу книги г

Богдановича [1]). Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно для нашей цѣли.

Въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказывались въ совѣщаніяхъ этого интимнаго комитета, достаточно обнаруживается характеръ отношеній. Мы видимъ, что совѣтники не всегда сходились во мнѣніяхъ, но мнѣнія ихъ вовсе не представляли никакого особеннаго незнанія русской жизни: вездѣ очевидно только одно тяготящее (и совершенно понятное) затрудненіе—какъ примирить и связать ихъ принципы съ русскими нравами. Читая протоколы не трудно убѣдиться, что ихъ отношенія были свободныя и добровольныя, что совѣтники Александра не только не навязывали ему своихъ мнѣній, но, какъ дальше увидимъ, не имѣли и возможности навязывать, что они имѣли отъ него одну только привилегію—свободу высказывать свое и иногда не соглашаться съ нимъ; ихъ вліяніе заключалось единственно въ довѣріи, которое самъ онъ имъ далъ,—они удалились тотчасъ, какъ скоро увидѣли, что ихъ понятія перестаютъ совпадать съ идеями императора. Такъ что критики ихъ дѣятельности, тогдашніе и позднѣйшіе, еслибы хотѣли быть вполнѣ правдивы, должны были бы направлять свои обвиненія не столько противъ нихъ, сколько противъ самого императора, которому всего чаще принадлежала иниціатива и всегда окончательное рѣшеніе,—при чемъ не всегда получало верхъ лучшее предложеніе.

Комитетъ составился, конечно по желанію государя, изъ лицъ, удостоившихся его довѣрія, для нѣкотораго сотрудничества съ нимъ «въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія имперіи (reforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire)». Работа должна была начаться обозрѣніемъ настоящаго состоянія разныхъ частей управленія, и затѣмъ рѣшено было «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи, и наконецъ увѣнчать всѣ эти различныя учрежденія ручательствомъ, которое можетъ представить *уложеніе*, установленное на основаніи истиннаго народнаго духа (et enfin couronner ces différentes institutions par une *garantie* offerte dans une *constitution* réglée d'après le véritable esprit de la Nation)».

Это послѣднее и было господствующей мыслью Александра, сочувствіе къ которой онъ находилъ въ своихъ сотрудникахъ. Слова эти надобно понимать въ ихъ прямомъ смыслѣ. Александръ чувствовалъ отвращеніе къ деспотизму, отличавшему русское правленіе; онъ стѣснялся неограниченностью своей власти, и

[1]) См. «Вѣстн. Евр.» 1866, № 1, статья г. Богдановича, и его же книгу, I, прилож.,

съ первыхъ дней царствованія его занимала мысль о томъ, какъ подчинить деспотизмъ законности, неопредѣленность абсолютной монархіи привести въ извѣстныя твердыя нормы. «Старые служивцы», какъ Державинъ, терпѣть не могли его либеральныхъ сотрудниковъ, «набитыхъ французскимъ конституціоннымъ духомъ», но эта брань ихъ вольнодумства была лицемѣрная, потому что служивцамъ очень хорошо было извѣстно, что этимъ же конституціоннымъ духомъ отличался самъ Александръ. Они, какъ послѣ Карамзинъ и нѣкоторые новѣйшіе историки, предпочитали умалчивать объ этомъ послѣднемъ и сваливать всю вину на совѣтниковъ. Протоколы Строганова доставляютъ положительное доказательство, что инціатива должна была принадлежать самому императору. Слово «уложеніе», которое употреблялось и впослѣдствіи въ законодательныхъ планахъ императора Александра (проекты Сперанскаго), было старое слово, но смыслъ, который давался ему теперь, не былъ смыслъ «уложенія» царя Алексѣя Михайловича, а именно смыслъ французскаго слова constitution. Это послѣднее конечно и употреблялось, такъ какъ самыя совѣщанія повидимому всегда велись на *французскомъ* языкѣ. Рѣчь именно шла о такомъ государственномъ устройствѣ, которое опредѣляло бы закономъ кругъ дѣйствій верховной власти (и слѣдовательно извѣстнымъ образомъ ее ограничивало), и въ которомъ впослѣдствіи должно было играть извѣстную роль представительство. Къ этимъ планамъ мы еще возвратимся дальше; теперь намъ достаточно замѣтить, что «конституціонный духъ» не былъ изобрѣтенъ совѣтниками Александра, а былъ его собственнымъ, давнишнимъ помышленіемъ.

При началѣ работъ, императоръ «*выразилъ нетерпѣніе* перейти прямо къ административному отдѣлу и *началъ* говорить о сенатѣ», — и впослѣдствіи настаивалъ на своихъ личныхъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ.

Въ обсужденіи иностранной политики между совѣтниками Александра преобладали мирные взгляды, и сообразно съ мнѣніемъ Чарторижскаго положено было: «быть искренними въ иностранной политикѣ, но *не связывать себя никакими договорами* относительно кого бы то ни было; относительно Франціи, искать возможности обуздать ея честолюбіе, *не вовлекаясь* однако сами *въ крайнія мѣры*, и быть въ согласіи съ Англіей, потому что Англія — нашъ естественный другъ». Такимъ образомъ мнѣнія

стр. 38—91. Мы встрѣтили нѣкоторую разницу въ изложеніи засѣданій комитета въ этихъ двухъ текстахъ, и дѣлаемъ свои цитаты, выбирая изъ нихъ обоихъ тѣ выраженія, которыя кажутся намъ болѣе соотвѣтствующими подлиннику.

совѣтниковъ были именно тѣ, за отсутствіе которыхъ упрекали ихъ потомъ строгіе порицатели, обвинявшіе воинственную политику, начатую вскорѣ Александромъ. Если первоначальный взглядъ совѣтниковъ Александра не осуществился въ дальнѣйшихъ событіяхъ, то еще мудрено сказать,—насколько ходъ событій опредѣлялся ихъ вліяніями, а не собственной волей императора Александра и обстоятельствами. Между прочимъ, сильнымъ партизаномъ англійскаго союза противъ Франціи былъ человѣкъ стараго поколѣнія, графъ С. Р. Воронцовъ, мнѣнія котораго должны были имѣть большой вѣсъ.

Проектъ манифеста къ предстоявшей коронаціи составленъ былъ другимъ Воронцовымъ, А. Р. Проектъ былъ повтореніемъ грамоты дворянству, но представлялъ и много вставокъ, которыя подали поводъ къ преніямъ; между прочимъ и нѣкоторые изъ прежнихъ пунктовъ грамоты вызвали несогласія. Новосильцовъ настаивалъ, чтобы льготы, даваемыя грамотой, не распространялись на *безграмотныхъ дворянъ*. Въ концѣ преній, не приведшихъ къ чему либо опредѣленному, императоръ замѣтилъ, что «онъ возстановляетъ дворянскую грамоту противъ собственной воли, вслѣдствіе исключительности ея правъ, которая всегда была ему противна». О послѣднемъ ему замѣтили, что «ничто не мѣшало современемъ распространить эти права и на прочія сословія», и онъ, кажется, былъ доволенъ этимъ замѣчаніемъ. Далѣе, въ томъ же проектѣ Воронцова предлагалось дать крестьянамъ право пріобрѣтать въ собственность общинныя земли,—предлагалось уничтожить шлагбаумы и паспортныя формальности, которыя, по замѣчанію членовъ комитета, дѣйствительно мѣшаютъ только честнымъ людямъ въ ихъ полезной дѣятельности, и нисколько не стѣсняютъ воровъ и мошенниковъ въ ихъ злыхъ умыслахъ. Воронцовъ предлагалъ наконецъ ввести, въ судебномъ порядкѣ, нѣкоторыя правила, заимствованныя изъ Habeas corpus. По мнѣнію Новосильцова, которое раздѣлялъ и императоръ, прежде чѣмъ вводить такое право (право гражданина требовать своего освобожденія въ случаѣ несправедливаго ареста,—важное право личной неприкосновенности), надо хорошенько подумать, не будетъ ли иногда правительство вынуждено нарушать это правило,—и въ такомъ случаѣ лучше вовсе не принимать его.

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, главнымъ предметомъ совѣщаній было устройство сената и крестьянскій вопросъ.

Преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ послужило потомъ однимъ изъ самыхъ горячихъ обвиненій противъ этихъ совѣтниковъ Александра. Эта реформа прежняго порядка изображалась ихъ противниками какъ уничтоженіе одного изъ лучшихъ

созданій Петра, почти какъ предательство и измѣна. Наши историки и юристы, кажется, еще не разъяснили этого вопроса [1]), который заслуживалъ бы вниманія по возбужденному имъ въ тѣ времена враждебному столкновенію мнѣній и партій. Намъ довольно указать нѣсколько подробностей.

Побудительнымъ основаніемъ къ реформѣ сената, по словамъ протоколовъ, было слѣдующее: «Императору больно было видѣть Сенатъ впавшимъ въ *унизительное состояніе*, въ какомъ онъ находился при покойномъ, и онъ, видя въ этомъ учрежденіи противовѣсъ, который должна имѣть себѣ неограниченная власть (voyant dans ce corps le contrepoid, qui devroit exister au pouvoir absolu), желалъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и къ утвержденію его авторитета на основаніи достаточно твердомъ».

Для начала дѣла указомъ поручено было самому сенату составить докладъ о своихъ правахъ. Въ сенатѣ и въ публикѣ этотъ указъ произвелъ сильное впечатлѣніе, о которомъ мы привели выше разсказъ Шторха. Державинъ въ своихъ запискахъ также разсказываетъ о немъ съ своей точки зрѣнія: «При слушаніи сего указа въ общемъ сената собраніи произошли разныя мнѣнія—графы Воронцовъ и Завадовскій [2]) весьма въ темныхъ выраженіяхъ или такъ сказать тонкихъ жалобахъ на прежнее (т.-е. Павлово) правленіе словами Тацита, что *говорить было опасно, а молчать бѣдственно*, хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ то: чтобъ доходами располагать» и т. д. [3]). Сенатъ составилъ свой докладъ; кромѣ того представлено было нѣсколько отдѣльныхъ мнѣній, между прочимъ А. Р. Воронцова; кн. Зубовъ и Державинъ представили проекты совершеннаго преобразованія сената, которые «заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся государю». Проектъ Зубова отличался отъ державинскаго тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе. Державинъ, столько возстававшій противъ вольнодумства, кажется также захотѣлъ сдѣлать изъ сената что-то конституціонное.

Докладъ сената былъ разсмотрѣнъ Новосильцовымъ, который читалъ свое донесеніе въ комитетѣ. Точкой исхода его была

---

[1]) Баронъ Корфъ касается его только въ общихъ выраженіяхъ; авторъ «Исторія Мин. Внутр. Дѣлъ» обходитъ его; г. Богдановичъ положительно не высказывается въ ту или другую сторону и т. д. См. также «Высш. администрац. въ XVIII-мъ вѣкѣ», Градовскаго, стр. 246 и слѣд.; рецензію этой книги въ «Вѣстн. Евр.» 1867, стр. 58 и т. д.

[2]) «Старые служивцы».

[3]) Зап. Державина, М. 1860, стр. 441. Записка Завадовскаго въ «Чтеніяхъ Моск. Общ.», 1864 кн. I, Смѣсь.

та мысль, не лишенная основанія, что сенатъ нельзя разсматривать какъ законодательное учрежденіе, что при самомъ основаніи его Петръ I предоставлялъ ему власть не иначе, какъ для пользованія *подъ своимъ предсѣдательствомъ*, т.-е. подъ своимъ руководствомъ, потому что президентъ, имѣющій всю власть въ своихъ рукахъ, не можетъ имѣть съ своими подчиненными другихъ отношеній, какъ отношенія *хозяина къ управляющимъ.* Поэтому законодательной власти и нельзя вручать подобному собранію, которое по самому своему составу не можетъ *пользоваться довѣріемъ націи* и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховной властью, не допускаетъ и мысли объ *участіи* большинства *общества въ изданіи* тѣхъ *законовъ*, которые выходятъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, еслибы императоръ расширилъ права этого учрежденія, то кромѣ этого (въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и при тогдашнемъ составѣ этого собранія) еще *связалъ бы себѣ руки* такъ, что былъ бы не въ состояніи исполнить всего, задуманнаго имъ для блага націи, потому что въ *невѣжествѣ* этихъ людей встрѣтилъ бы себѣ помѣху, которая могла бы имѣть опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы, всегда вредной, между верховной властью и назначенными ею учрежденіями. Все это приводило Новосильцова къ заключенію, что власть сената должна быть въ сущности ограничена одной судебной частью (въ качествѣ высшей судебной инстанціи), но здѣсь ему должно было бы дать весь необходимый просторъ власти. — Императоръ предложилъ наконецъ комитету прочесть еще записку графа Воронцова. Онъ также говорилъ въ ней *о предѣлахъ, которые необходимо положить произвольной власти*, но говорилъ не совсѣмъ удовлетворительно, и императоръ остался недоволенъ запиской, находя, что средства указаны были недостаточно ясно. Записка Воронцова, очевидно, исходила изъ конституціонной точки зрѣнія, но въ ней находили тотъ же общій недостатокъ, что она вносила всю власть въ сенатъ,—которому комитетъ предполагалъ, какъ мы замѣтили, предоставить одну высшую судебную власть, и въ которомъ комитетъ не находилъ достаточныхъ данныхъ для конституціонной роли. Записка Воронцова ничего не измѣнила въ составившихся мнѣніяхъ. Записка Державина также оставлена была безъ вниманія, потому что Державинъ ошибочно понималъ раздѣленіе властей, которыя всѣ онъ видѣлъ въ сенатѣ. По словамъ протокола, «императоръ не могъ не высказать съ нѣкоторой грустью той мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной цѣли его—обуздать деспотизмъ нашего правленія (de mettre un frein au despotisme de

notre gouvernement).» Ему дали понять, что если онъ устроитъ одну судебную часть, то и это будетъ хорошо, и что онъ напрасно отчаявается такъ скоро.

Вопросъ о сенатѣ возвратился на засѣданіяхъ комитета въ Москвѣ, во время коронаціи. Шли разсужденія объ исполнительной и охранительной власти, которую хотѣли предоставить сенату, и возникала мысль о томъ, что лучше поручать различныя части управленія отдѣльнымъ лицамъ, на которыхъ возложена была бы и отвѣтственность. Возраженія и идеи императора, по словамъ Строганова, не всегда были основательны, но противорѣчить ему не рѣшались; «вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêta), и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого времени»...

Въ такомъ видѣ шелъ вопросъ о преобразованіи сената. Очевидно, что совѣтники императора далеко не были въ положеніи людей, руководящихъ рѣшеніями императора. Онъ, повидимому, былъ всѣхъ чувствительнѣе къ вопросу объ ограниченіи деспотизма и огорчался тѣмъ, что не представлялось удовлетворительныхъ средствъ къ рѣшенію этого вопроса. Но должно замѣтить, что эти конституціонныя мечтанія вовсе не были такимъ легкомысліемъ, которое тогдашнимъ консерваторамъ можно было поставить въ вину ему или его совѣтникамъ. Молодые сотрудники Александра раздѣляли конечно его желанія въ этомъ отношеніи, но и «старые служивцы», «опытные», «осторожные», «искусившіеся опытами жизни» и т. д., также заговорили объ этомъ предметѣ, разсуждали о немъ либерально въ сенатѣ и въ своихъ запискахъ и проектахъ, требовали сенату новыхъ прерогативъ, воображали превратить его въ законодательное собраніе. Припомнивъ всѣ случаи, гдѣ высказывалась тогда конституціонная идея (въ какой бы ни было степени, все равно), кажется, надо придти къ заключенію, что ея проявленія были не только мечтой идеалиста-императора и нѣсколькихъ его любимцевъ, не только угодничествомъ опытныхъ придворныхъ, желавшихъ поддѣлаться подъ вкусы императора (хотя было и такое угодничество), но что вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь высказывалась, хоть на первый разъ очень не ясно, не смѣло и разрозненно, естественная, исторически выроставшая потребность, особенное возбужденіе которой въ эту эпоху объясняется свѣжимъ воспоминаніемъ о только-что окончившемся царствованіи и возникшимъ еще полу-сознательнымъ чувствомъ общественнаго права.

Только съ этой точки зрѣнія, кажется, мы справедливо оцѣ-

нили дѣятельность этихъ людей, которыхъ нѣтъ основанія винить въ легкомысліи и подозрѣвать въ своекорыстіи и властолюбіи. Ихъ ошибокъ мы отвергать не будемъ; но ошибки не были такъ велики, потому что въ идеѣ, они предчувствовали историческую необходимость глубокой реформы существовавшаго порядка вещей, и предчувствовали совершенно справедливо, потому что рамки этого порядка становились тѣсны для общественнаго развитія и уже начинали заглушать его,—а ошибки въ исполненіи были слишкомъ возможны въ подобномъ предпріятіи. Но главнымъ образомъ эти ошибки падаютъ на самого Александра: власть самого императора во всякомъ случаѣ была главнымъ рычагомъ и Александръ обнаруживалъ достаточно ревниваго упрямства, передъ которымъ его совѣтники были безсильны.

Размѣръ ошибокъ, — собственно административныхъ, къ которымъ сводятся обыкновенныя консервативныя обвиненія противъ реформъ этого времени,—еще не былъ опредѣленъ съ точностію, какъ мы замѣтили. Положимъ, что «образованіе министерствъ 1802 г. не было соглашено ни съ образованіемъ только что передъ тѣмъ учрежденнаго совѣта, ни съ правами и властію древняго установленія сената» и пр., но была ли въ этомъ такъ заинтересована «судьба милліоновъ», какъ насъ хотятъ увѣрить; было ли это такой существенной и неисправимой ошибкой; не пришло ли потомъ это соглашеніе путемъ естественнаго опыта, и не была ли эта ошибка, въ сущности, однимъ только канцелярскимъ неудобствомъ на нѣсколько времени? Что касается до ссылокъ на уничтоженіе благодѣтельнаго коллегіальнаго порядка, на безотвѣтственность министровъ, на старыя права, утраченныя сенатомъ,—то мы видѣли изъ словъ Шторха, что уже въ то время съ большимъ и очень справедливымъ скептицизмомъ смотрѣли на прежнюю роль сената, и весьма сомнительно, чтобы практическіе результаты управленія по стариннымъ методамъ были лучше управленія по новымъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что вообще говоря выгоды коллегіальнаго управленія конечно были мнимыя, когда въ концѣ концовъ дѣла все-таки рѣшались личнымъ произволомъ или самой верховной власти, или фаворита, господствующаго въ данную минуту, или представителя интересовъ верховной власти, генералъ-прокурора [1]). Что, наконецъ, касается политическаго значенія сената,

---

[1]) Весьма компетентные знатоки дѣла и въ то время не преувеличивали историческаго значенія и власти сената (со временъ Петра). «...Отъ самой кончины императора Петра I, — говоритъ въ своемъ мнѣніи гр. Завадовскій, — во всѣ времена властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому,

то оно оказывалось, какъ извѣстно, совершенно ничтожнымъ. Сенатъ былъ безсиленъ во всѣ критическіе моменты, гдѣ онъ могъ бы проявлять какое-нибудь значеніе; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить дворцовыя революціи, наполняющія XVIII-е столѣтіе, и по нашему мнѣнію, взглядъ совѣтниковъ Александра (въ особенности Новосильцова) на значеніе сената имѣетъ то великое достоинство, что въ этомъ взглядѣ въ первый разъ дѣло поставлено было прямымъ, реальнымъ образомъ, безъ всякихъ *фиктивныхъ преувеличеній его мнимой власти и значенія.* Къ спорамъ о министерствахъ мы еще будемъ имѣть случай возвратиться.

Относительно крестьянскаго вопроса извѣстно было, что императоръ имѣетъ глубокое желаніе исправить это зло и улучшить положеніе крѣпостныхъ. «Съ нѣкотораго времени, замѣчаетъ протоколъ 4 ноября, многія лица и въ особенности г. де-Лагарпъ и Мордвиновъ, а особенно послѣдній, говорили императору о необходимости сдѣлать что-нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго состоянія, не имѣя никакого гражданскаго существованія». Но это должно было, по ихъ мнѣнію, дѣлаться постепенно и нечувствительно, и Мордвиновъ на первый разъ предлагалъ разрѣшить людямъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

Эти первые приступы къ крестьянскому вопросу отличаются большой робостью, неясностью, неувѣренностью, и это неудивительно. Крѣпостное право такъ въѣлось въ жизнь, что первая мысль объ его отмѣнѣ или ограниченіи, у человѣка незнакомаго, какъ Александръ, съ настоящимъ положеніемъ вещей естественно была очень боязливая. Нѣкоторые изъ его совѣтниковъ также были нерѣшительны, потому что, хотя и отвергали крѣпостное право съ нравственной точки зрѣнія, но по давней привычкѣ считали его все еще необходимымъ политическимъ зломъ, видѣли въ немъ средство дисциплины и порядка. Самъ Мордвиновъ, при всей своей филантропіи и при всей смѣлости своихъ мнѣній въ другихъ отношеніяхъ, въ крестьянскомъ вопросѣ

чтобы имъ, а не мѣстамъ (т. е. правительственнымъ учрежденіямъ, и сенату прежде всего) *властвовать; но никогда толико не успѣли въ униженіи сената, какъ въ послѣдніе годы»* и пр. («Чтенія Моск. Общ.» 1864, кн. I, стр. 103, смѣсь). «Не знаю,— говоритъ Дмитріевъ, — какъ далеко простиралось вліяніе генералъ-прокурора на государственныя дѣла до временъ императрицы Екатерины второй; но съ ея царствованія до учрежденія министерствъ, за исключеніемъ воинской, всѣ прочія части государственнаго управленія были ему подчинены. При ней одинъ только генералъ-рекетмейстеръ, имѣвшій по должности своей личный доступъ, могъ нѣкоторымъ образомъ *ослаблять* могущество генералъ-прокурора», и т. д. («Взглядъ» и пр., стр. 138).

былъ консерваторомъ и находилъ возможными только самые легкіе и осторожные приступы къ этому дѣлу.

Александръ принималъ мнѣніе Мордвинова, стоявшее въ сущности очень далеко отъ непосредственной цѣли, но дополнялъ его другимъ предположеніемъ — дозволить вмѣстѣ съ покупкой земель и покупку крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне, принадлежащіе не дворянамъ, подчинены были болѣе умѣреннымъ правиламъ и не были полными крѣпостными. Трудно сказать, было ли это усиленіемъ, или смягченіемъ и безъ того мягкой мѣры Мордвинова. Но комитетъ нашелъ это предложеніе непрактичнымъ и не ожидалъ пользы отъ такой мѣры. Осталась мысль о позволеніи недворянамъ покупать земли, которая и была вскорѣ осуществлена закономъ.

Въ комитетѣ говорили потомъ о личной продажѣ крестьянъ, о необходимости уничтожить этотъ варварскій обычай, и о проектѣ Зубова, который, раздѣляя крестьянъ отъ дворовыхъ, предлагалъ запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и выкупъ дворовыхъ отъ казны. Эта послѣдняя мѣра въ особенности затрудняла комитетъ: во-первыхъ, на этотъ выкупъ потребовалась бы громадная сумма денегъ; во-вторыхъ, являлся вопросъ: что̀ дѣлать потомъ съ выкупленными дворовыми? Императоръ поручалъ Новосильцову вновь переговорить съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ объ этихъ новыхъ мѣрахъ. Ни тотъ, ни другой не обнаруживали особенной смѣлости; они склонны были только къ тому, чтобы нѣсколько смягчить положеніе крестьянъ, но затѣмъ держались за status quo по различнымъ опасеніямъ; ихъ мнѣніе раздѣлялъ и Новосильцовъ. Но другіе совѣтники Александра смотрѣли на вопросъ прямѣе, и лучшее, что̀ было сказано въ тогдашнихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, было сказано Кочубеемъ, Чарторижскимъ и Строгановымъ.

Императоръ склонялся на сторону мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, что предположенныя мѣры надо вводить медленно, отдѣльно одну отъ другой, чтобы не раздражать помѣщиковъ и не волновать крестьянъ. Кочубей, Чарторижскій и Строгановъ были противнаго мнѣнія. Кочубей говорилъ, что «было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя права свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ (право покупки земель) и ничего не сдѣлать въ пользу крѣпостныхъ: послѣдніе живутъ съ первыми бокъ-о-бокъ и, видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе почувствуютъ тягость своего положенія. Дворяне, говорилъ Кочубей, будутъ также недовольны: видя, что всѣ отдѣльныя мѣры клонятся къ освобожденію крестьянъ, они будутъ находиться въ постоянномъ опасеніи новыхъ мѣръ, и по-

тому *лучше рѣшить этотъ вопросъ однимъ разомъ»*. Кочубей дѣлалъ кромѣ того практическое замѣчаніе, что запрещеніе личной продажи не будетъ вовсе новостью въ имперіи, потому что въ Малороссіи, Польшѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, отчасти въ Балтійскихъ провинціяхъ личной продажи никогда не было, и это правило стóитъ только распространить на всю имперію.

Чарторижскій замѣтилъ что право помѣщиковъ на крестьянъ *столь ужасно* (si horrible), что *не должно ничего опасаться при его нарушеніи* — мысль очень справедливая.

Наконецъ Строгановъ представилъ цѣлую аргументацію противъ мнѣній Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова, ставившую вопросъ еще рѣшительнѣе. Мы не будемъ приводить записки Строганова, довольно длинной, и къ сожалѣнію напечатанной только съ значительными пропусками. Основная мысль ея заключалась въ доказательствѣ того, что правительству при рѣшеніи крестьянскаго вопроса нечего опасаться никакихъ волненій, что волненій невозможно ожидать ни со стороны дворянства, неспособнаго ни къ какой оппозиціи, ни со стороны крестьянъ, въ пользу которыхъ совершалось бы это дѣло. Въ запискѣ Строганова есть много вѣрнаго пониманія вещей, и тѣмъ, кто обвиняетъ молодыхъ совѣтниковъ Александра въ «незнаніи Россіи», можно было бы именно указать на эту записку, гдѣ изображеніе политическаго и интеллектуальнаго ничтожества массы тогдашняго дворянства и изображеніе народныхъ понятій представляютъ достаточное знаніе отношеній, и замѣчательны опять именно тѣмъ же качествомъ, какое по другому предмету мы указывали у Новосильцова: отсутствіемъ реторики и прямымъ пониманіемъ фактовъ, какъ они есть.

Въ крестьянскомъ вопросѣ — въ этомъ «великомъ дѣлѣ», какъ называетъ его Строгановъ—было вообще много колебаній; люди боязливые становились иногда смѣлѣе, болѣе рѣшительные впадали въ сомнѣнія, но конечнымъ результатомъ этихъ разсужденій осталось нѣсколько правительственныхъ мѣръ, въ пользу крѣпостного крестьянства. Какъ ни были мягки эти мѣры, онѣ всполошили помѣщиковъ; нѣсколько случаевъ, гдѣ императоръ Александръ строго наказывалъ жестокое обращеніе съ крестьянами и притомъ дѣлалъ эти наказанія публичными, еще усилили впечатлѣніе, — и хотя вопросъ остался все-таки неразрѣшеннымъ, но первыя вмѣшательства власти показали, хотя въ дальней перспективѣ, возможность его рѣшенія. Въ общество съ тѣхъ поръ въ первый разъ прочно запала идея объ освобожденіи крестьянъ; съ тѣхъ поръ она развивалась постоянно и въ концѣ царствованія Александра было уже много людей,

для которыхъ она была совершенно ясна и которые ея распространенiе и защиту ставили своей гражданской обязанностью.

Было бы слишкомъ долго комментировать протоколы комитета. Мы выберемъ еще нѣсколько подробностей, характеризующихъ взгляды совѣтниковъ императора и собственную роль Александра. Мы видѣли уже, что это вовсе не были люди такiе легкомысленные, какъ ихъ изображаютъ, что они хорошо знали трудности дѣла, иногда пугались ихъ и впадали въ сомнѣнiя; между прочимъ они знали и то, за упущенiе чего ихъ упрекали. Съ другой стороны, едва ли и возможно было организовать новое устройство со всей окончательной точностью, когда приходилось смѣнять старыя учрежденiя новыми: должно было являться множество практическихъ затрудненiй, которыхъ невозможно было бы предвидѣть или избѣжать при исполненiи. Возвращаемся къ протоколамъ.

Когда обдумывался планъ министерствъ, онъ былъ между прочимъ показанъ Лагарпу и Воронцову. Лагарпъ восхвалялъ этотъ планъ; Воронцовъ былъ «въ восторгѣ» отъ этой идеи. Замѣтимъ, что Лагарпъ вообще не былъ склоненъ къ смѣлымъ планамъ; относительно Александра онъ игралъ роль ревниваго охранителя его независимости и рекомендовалъ спокойное благоразумiе. Воронцовъ считался вообще однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и знающихъ стариковъ: молодые совѣтники Александра обращались къ его совѣтамъ и замѣчанiямъ. Мнѣнiя совѣтниковъ Александра были совершенно открыты для критики въ этомъ кругу, тѣмъ болѣе, что и сами они не всегда сходились въ своихъ понятiяхъ. Вопросъ о преимуществахъ министерскаго управленiя или коллегiй, не опредѣленный и до сихъ поръ, былъ еще болѣе спорнымъ въ то время, когда путаница управленiя коллегiй была на лицо: новая система представляла по крайней мѣрѣ болѣе шансовъ послѣдовательности и порядка, въ особенности при дальнѣйшемъ ея развитiи, которое имѣлось въ виду. Установленiе обязанностей и отвѣтственности министровъ, распредѣленiе дѣлъ по министерствамъ были много разъ предметомъ обсужденiй, несогласiй и споровъ; трудности были весьма видны, и тогда еще заявлялись мнѣнiя, предвосхищавшiя позднѣйшую критику. Такъ Чарторижскiй и Строгановъ желали *дѣйствительной отвѣтственности* министровъ; такъ нѣкоторые не соглашались на учрежденiе особаго министерства коммерцiи, на основанiи котораго настоялъ самъ Александръ; такъ, по поводу распредѣленiя дѣлъ, Лагарпъ выражалъ мысль, что можно не гоняться за окончательнымъ раздѣленiемъ, «*предоставя себѣ впослѣдствiи удобнѣйшее размѣщенiе частей* по министерствамъ,

какъ это сдѣлано въ Швейцаріи и во Франціи», и какъ это потомъ сдѣлано было въ нашихъ министерствахъ. Воронцовъ представилъ свои замѣчанія на сообщенный ему проектъ министерствъ. Замѣчанія эти были разсмотрѣны въ комитетѣ, который «не могъ пройти молчаніемъ, какъ удивила его *ничтожность замѣчаній* графа Воронцова». Это обстоятельство довольно характеристично, потому что Воронцовъ хорошо зналъ старую рутину дѣлъ. Эти замѣчанія, приведенныя въ протоколѣ, дѣйствительно неважны [1]).

Въ разсужденіяхъ о народномъ просвѣщеніи Строгановъ весьма здраво предлагалъ образецъ французскихъ учебныхъ заведеній, именно систему заведеній для общаго образованія, къ которымъ должна была примыкать дальнѣйшая ступень заведеній для образованія спеціальнаго,—именно та система, которая въ настоящее время отчасти начинаетъ у насъ осуществляться. Императоръ возражалъ на это, что чужіе образцы не всегда могутъ быть примѣнимы у насъ, и что у насъ есть старыя учрежденія, къ которымъ надо привязывать новыя. Обѣ стороны были конечно правы: старыя учрежденія, духовныя, свѣтскія, военныя и другія спеціальныя учебныя заведенія остались, и къ нимъ привязаны были новыя, но рядомъ съ этимъ основалась система новыхъ учрежденій, гимназій и университетовъ, т.-е. среднихъ общеобразовательныхъ заведеній и высшихъ, спеціально-факультетскихъ курсовъ. Послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, въ наше время почувствовалась потребность въ переустройствѣ этихъ заведеній и начинаетъ получать силу мысль, которую высказывалъ Строгановъ: прежнія спеціальныя заведенія начинаютъ распадаться на предварительные курсы общаго образованія, и высшіе курсы—спеціальнаго [2]). До какой степени все еще непрочна была почва, на которой должны были трудиться эти нововводители, и какими странными опасеніями должна

---

[1]) «Старые служивцы», вопіявшіе противъ вольнодумныхъ нововведеній, повидимому не оказывали никакой твердой и толковой оппозиціи. Ихъ собственныя идеи справедливо казались странными. Державинъ, подлаживаясь подъ новый тонъ, предлагалъ свои нововведенія. Въ своемъ проектѣ преобразованія сената, онъ хотѣлъ предоставить выборъ кандидатовъ изъ лицъ первыхъ 4-хъ классовъ дворянамъ первыхъ 8-ми классовъ, и затѣмъ назначать сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ. На эту избирательную теорію новаго рода въ комитетѣ замѣтили, что эти лица первыхъ 4-хъ классовъ могутъ не быть извѣстными избирателямъ, и что выборы всегда у насъ много зависятъ отъ произвола губернаторовъ. Самъ комитетъ считалъ подобное избирательство пока несвоевременнымъ.

[2]) Таковы мѣры, какъ напр. преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, за которыми слѣдуютъ спеціальныя военныя училища, или какъ приближеніе семинарскаго курса къ гимназическому, т.-е. опять общеобразовательному.

была сопровождаться работа, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго. Шелъ вопросъ о томъ, какъ назвать министерство, завѣдующее учеными и учебными учрежденіями: назвать-ли его министерствомъ *общественнаго образованія*, или *воспитанія*. «Графъ Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово: *воспитаніе*, потому что оно менѣе громко, и напротивъ того слово: *образованіе* поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предразсудку, будто бы просвѣщеніе опасно (!). Но прочіе члены думали, что слово: *образованіе* болѣе точно, что *воспитаніе* совершенно иное дѣло, о которомъ нельзя и помышлять, и что не слѣдовало смѣшивать этихъ понятій; притомъ терминъ: *образованіе* не могъ повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе, распространяемое правительствомъ, не возбудитъ ничьихъ сомнѣній» (!!). Послѣ довольно долгихъ разсужденій принято было названіе: «министерство народнаго просвѣщенія». Не надобно думать, чтобы Кочубей слишкомъ преувеличивалъ господствующіе предразсудки: только-что передъ тѣмъ Александру приходилось отмѣнять запрещеніе привозить въ Россію *всякія книги*: таковы были взгляды самого правительства за два года назадъ.

Противники молодыхъ совѣтниковъ императора и ихъ либерализма нападали также на приглашеніе иностранныхъ юристовъ къ содѣйствію при составленіи русскаго кодекса и на самое составленіе этого кодекса, вмѣсто котораго просто надо было сдѣлать собраніе прежнихъ законовъ. Въ протоколахъ мы находимъ любопытныя указанія и объ этомъ вопросѣ. Приглашеніе къ иностраннымъ юристамъ предположено было самимъ императоромъ. Чарторижскій (засѣд. 10 марта 1802), по его приказанію, составилъ проектъ письма, но, посовѣтовавшись съ членами комитета убѣдился, что теперь трудно приступать къ составленію окончательнаго кодекса, такъ какъ имѣлись въ виду большія перемѣны во всемъ, относящемся къ гражданскому праву. Чарторижскій полагалъ, что сначала «слѣдуетъ ограничиться *собраніемъ всѣхъ существующихъ у насъ законовъ*, по предметамъ, въ томъ порядкѣ, который окажется наиболѣе удобнымъ». Новосильцовъ сочувствовалъ этой мысли и желалъ скорѣйшаго ея осуществленія. Императоръ повидимому согласился съ этимъ, но тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ знаменитѣйшимъ европейскимъ юристамъ. Отъ нихъ хотѣли собственно получить теоретическую программу, указанія о методѣ труда и конспектъ для распредѣленія матеріала.

Это обращеніе къ иностраннымъ юристамъ осуждалось противниками нововведеній; оно не покажется однако страннымъ.

если мы вспомнимъ тогдашнее состояніе юридическаго образованія не только въ обществѣ, но и у самихъ дѣятелей администраціи и суда. Если являлась совершенно естественная мысль составить наконецъ раціональный сборникъ дѣйствующихъ законовъ, то необходимость метода была очевидна, и удовлетворить ей не могла тогдашняя русская юридическая рутина. Кромѣ того, дѣло не ограничивалось только собраніемъ существующихъ законовъ. Совѣтники императора понимали необходимость и такого собранія, но совершенно справедливо понимали эту работу только какъ работу приготовительную, какъ средство оріентироваться въ существующемъ матеріалѣ; они не думали, что это и будетъ окончательнымъ рѣшеніемъ задачи. Напротивъ, въ виду имѣлось произвести много преобразованій, уничтожить много старыхъ и ввести новыхъ законовъ, болѣе соотвѣтствующихъ духу времени; для этой новой организаціи конечно требовалось установить извѣстныя основныя положенія, и для этихъ-то основныхъ принциповъ и методовъ кодификаціи въ особенности могла чувствоваться необходимость въ содѣйствіи европейскихъ юристовъ, — Александръ и его сотрудники также могли находить нужнымъ обращаться къ нимъ, какъ нѣкогда Петръ Великій обращался къ шведскому законодательству, какъ и въ наше собственное время наше законодательство считало нужнымъ заимствоваться у иностранныхъ законодательствъ, напр. въ судебной реформѣ, въ новыхъ цензурныхъ установленіяхъ, въ устройствѣ народнаго просвѣщенія и во многихъ другихъ случаяхъ [1]). Замѣтимъ, наконецъ, что въ тѣ времена, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, эти обращенія къ европейской наукѣ объясняются еще особенными вліяніями вѣка, которыя чувствовались въ средѣ людей наиболѣе образованныхъ, каковы были совѣтники Александра. Въ европейской жизни послѣ взрыва революціи продолжалось сильное броженіе: у насъ, въ упомянутой средѣ, это броженіе отражалось — хотя въ слабѣйшей степени — тѣми же стремленіями къ построенію новыхъ формъ государственной и общественной жизни, и тѣми же космополитическими идеями объ естественныхъ человѣческихъ правахъ, которымъ это построеніе должно было удовлетворять. Въ планахъ Александра, въ его отвращеніи къ деспотизму (болѣе идеальномъ, чѣмъ практическомъ), въ его торопливости основать новыя учрежденія и т. д., эти космополитическія идеи имѣли, очевидно, свою долю, и понятно, что при

[1]) Правда, эти послѣднія заимствованія бывали иногда странны (напр. нѣкоторыя цензурныя заимствованія), но здѣсь вопросъ только въ томъ, чтобы умѣть выбирать: худо, если выбирается дурной образецъ, но выбирались и хорошіе.

этой постановкѣ вопроса (а такую постановку дѣлали всѣ люди молодого образованнаго поколѣнія) мысль о содѣйствіи иностранцевъ въ законодательствѣ не должна была представлять чего-нибудь необыкновеннаго.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Бентамѣ, мы указывали эти исканія, и упоминали, какой успѣхъ имѣло тогда въ Петербургѣ изданіе Дюмона. «Сочиненіе Бентама ставится выше всего, что было подобнаго прежде, — пишетъ Дюмонъ къ Ромильи.... Бентамъ представляетъ два великіе desiderata, *классификацію* и *принципы*». «Книгѣ удивляются..., но что изумило меня всего больше, это—впечатлѣніе, какое произвели (на здѣшнихъ читателей) *опредѣленія, классификаціи* и *методъ*, и отсутствіе тѣхъ декламацій, которыя были такъ скучны для людей съ серьезнымъ умомъ»—т.-е. декламаціи, которыми наполнялись прежнія сочиненія этого рода, не дававшія взамѣнъ того послѣдовательно развитыхъ, точныхъ принциповъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь узнали Бентама, думаютъ, что могутъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ иностранныхъ корреспондентовъ». Совѣтники Александра вовсе притомъ не отказывались отъ критики и не подчинялись слѣпо авторитетамъ. «Они обращались къ нѣмецкимъ юристамъ, къ одному англійскому (Макинтошу), и не были удовлетворены ихъ отвѣтами,—пишетъ Дюмонъ. Эти корреспонденты не знали ихъ страны, и въ большей части ихъ писаній не было ничего, кромѣ старой рутины и римскаго права».

Противники нововведеній, какъ между прочимъ и Карамзинъ, думали, что въ новомъ законодательствѣ совсѣмъ не было надобности, потому что и прежнее было хорошо, и слѣдовало только привести его въ порядокъ. Очевидно, что въ корнѣ подобнаго мнѣнія лежалъ образъ мыслей, совершенно противоположный тому, какому хотѣли слѣдовать Александръ и его сотрудники. Одни, которымъ жилось хорошо и при старомъ порядкѣ, предпочитали этотъ старый порядокъ, мало помышляя о тѣхъ, кому при немъ было очень дурно; другіе, хотя также могли быть лично довольны, не позволяли чувству эгоизма заглушать внушенія справедливости и политическаго благоразумія. Для однихъ русское управленіе было такъ хорошо, что слѣдовало только беречь его традиціи; для другихъ это было «безобразное зданіе». Двумъ сторонамъ мудрено было тогда договориться до истины; но едва ли сомнительно, что послѣдніе были совершенно правы, находя въ русской жизни слишкомъ много недостатковъ грубости и невѣжества, произвола и несправедливостей, которые они и стремились исправлять; — съ тѣми,

которые находили, что русская жизнь хороша и такъ, какъ есть, имъ конечно нечего было дѣлать.

Мы объясняли выше, подъ какими вліяніями у Александра и его совѣтниковъ явилась идея о введеніи конституціонныхъ формъ правленія. Едва ли есть сомнѣніе, что учрежденіе министерствъ, преобразованіе сената, учрежденіе совѣта задумывались именно для выполненія этой идеи; мысль объ ограниченіи верховной власти такъ или иначе выражалась и у тѣхъ людей, которые, не принадлежа къ ближайшему кругу императора, хотѣли участвовать въ преобразованіяхъ своими предложеніями,—людей какъ Воронцовъ, Зубовъ, Державинъ, Мордвиновъ, Завадовскій и др. Отсюда предположенія объ отвѣтственности министровъ, о присвоеніи сенату права дѣлать представленія на указы и т. п. Но ни Александръ, ни сотрудники его не думали, чтобы новыя формы правленія можно было ввести скоро; напротивъ того, они имѣли, быть можетъ, слишкомъ невысокое мнѣніе о политическомъ смыслѣ не только массы общества, но и представителей его въ высшемъ правительственномъ учрежденіи какъ сенатъ. Они иногда какъ будто думали, что сенатъ можетъ представлять собой нѣчто въ родѣ законодательнаго собранія, можетъ считаться представительствомъ, можетъ служить для того «обузданія деспотизма», которое было предметомъ желаній Александра; но они скоро покидали эту мысль,—настоящее положеніе сената казалось имъ «унизительнымъ», они опасались «невѣжества этихъ людей», которые могли даже просто мѣшать благимъ намѣреніямъ правительства. Не мудрено себѣ представить, что Александръ и его совѣтники часто приходили въ затрудненіе съ своими планами, особенно самъ Александръ; но они надѣялись, что мало-по-малу они будутъ находить средства и людей, и вводили то, что казалось болѣе необходимымъ и болѣе возможнымъ для исполненія. Преобразованіе администраціи дѣлалось въ ожиданіи политическихъ реформъ. Въ протоколѣ засѣданія 17 марта 1802 г. записано, что Новосильцовъ сообщалъ Лагарпу начертаніе *организаціи будущаго управленія*—«въ такомъ видѣ, какъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести *представительный образъ правленія*». Лагарпъ, въ подобныхъ предметахъ очень осмотрительный, высказалъ весьма выгодное мнѣніе объ этомъ проектѣ...

Дѣятельность комитета прекратилась въ концѣ 1803 года. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій (9 ноября 1803) мы находимъ любопытный отголосокъ мнѣній общества. «Въ продолженіи совѣщанія, члены комитета старались убѣдить государя, что всѣ толки, поселявшіе въ публикѣ неудовольствіе, исходили

отъ петербургскихъ кружковъ (coteries), и что въ губерніяхъ господствовало совсѣмъ иное настроеніе. При этомъ былъ сдѣланъ слегка намекъ, что въ подобныхъ толкахъ принимали участіе ближайшіе къ государю люди». По свидѣтельству гр. Строганова, «эти господа старались все выставить *въ мрачномъ видѣ*, и даже убѣдить самого государя, будто бы у насъ въ Россіи господствовало *общее неудовольствіе*». Любопытно, что это уже предвѣщаетъ записку Карамзина 1810 года; люди извѣстныхъ воззрѣній толковали уже объ «общемъ неудовольствіи», хотя въ 1803 г. для этого могло быть еще очень немного основаній. Очевидно, что coteries, о которыхъ говоритъ Строгановъ, были тѣ самыя confederacies недовольныхъ, о которыхъ говоритъ Дюмонъ въ 1802 году. Первыя мѣры Александра напротивъ были оцѣнены благомыслящими людьми, свободными отъ эгоистическихъ предразсудковъ. Недовольны *впередъ* были люди другого рода: старое чиновничество, которое тревожили въ привычной его рутинѣ и которое опасалось совсѣмъ потерять значеніе при новыхъ порядкахъ; лѣнивое барство и дворянство, которое страшилось попытокъ освобожденія крестьянъ; недовольны были и философы крѣпостного права, въ число которыхъ не усумнился стать и Карамзинъ.

Изъ протоколовъ комитета можно видѣть наконецъ и характеръ отношеній, въ какихъ Александръ стоялъ къ своимъ совѣтникамъ. Эти отношенія были достаточно независимыя. Александръ желалъ знать ихъ мнѣнія, предлагалъ различные вопросы на ихъ обсужденіе, но вовсе не подчинялся ихъ выводамъ. Нерѣдко онъ, кажется, только слушалъ, не высказывая своего мнѣнія, такъ что сотрудники его оставались въ невѣдѣніи, къ какому заключенію придетъ онъ самъ. Это была его привычная сдержанность и осторожность: онъ какъ будто долго присматривался и обдумывалъ вещи про себя. Когда онъ останавливался на какомъ-нибудь мнѣніи, особенно если вопросъ возбуждалъ оживленные споры, онъ обыкновенно отличался чрезвычайнымъ упорствомъ: опасеніе, чтобы онъ «не заупрямился», часто являлось у его совѣтниковъ; но иногда они надѣялись побѣждать это упорство, потому что черезъ нѣсколько времени оно ослабѣвало само собой, и онъ опять способенъ былъ выслушивать возраженія и перемѣнять прежнее рѣшеніе. У Строганова не одинъ разъ указана эта черта. Такъ онъ замѣчаетъ по поводу одного ихъ спора: «на этомъ окончилось дѣло, однакоже казалось, что *со временемъ* можно будетъ убѣдить императора» въ пользѣ того предложенія, съ которымъ онъ теперь не соглашался. Особенно рѣзкій примѣръ его чрезвычайнаго упрямства представляетъ за-

писанная Строгановымъ сцена 16-го марта 1802, при совѣщаніи о дѣлахъ со Швеціей. Александръ принялъ рѣзкое рѣшеніе, составившееся тутъ-же въ увлеченіи споромъ, и комитету стоило большого труда отклонить его отъ немедленнаго его исполненія. Кромѣ того, по замѣчанію Строганова, «императоръ (при этомъ случаѣ) желалъ выказать твердость въ глазахъ публики, которая доселѣ полагала, что онъ неспособенъ къ сколько-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ», — побужденіе, которое бываетъ именно у людей нерѣшительнаго характера.

Лагарпъ старался внушать ему независимость отъ постороннихъ вліяній и желалъ видѣть его дѣйствующимъ самостоятельно и смѣло. Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ (упомянутомъ у Строганова) онъ давалъ понять Александру необходимость не терпѣть надъ собой опеки, внушалъ ему довѣріе къ своимъ силамъ и въ примѣръ указывалъ Моро и Бонапарте, которые были не старше его, когда начинали свое поприще, и совѣтовалъ не думать, что «одни только сѣдыя головы могутъ сдѣлать что-нибудь хорошее». По всей вѣроятности совѣты его не допускать надъ собой опеки относились и къ этимъ молодымъ сотрудникамъ Александра: въ нѣкоторыхъ вопросахъ Лагарпъ не сходился съ ними, и вѣроятно считалъ ихъ мнѣніи и планы слишкомъ смѣлыми. Впослѣдствіи, онъ кажется еще больше разошелся съ ними: мы приводимъ въ приложеніи письмо Строганова къ Новосильцову (отъ 27 ноября 1804 г.), изъ котораго можно судить объ ихъ тогдашнихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, Александръ въ средѣ своихъ сотрудниковъ сохранялъ свою независимость, хотя она невсегда происходила изъ дѣйствительной независимости его мысли и характера, и напротивъ нерѣдко была слѣдствіемъ его недовѣрчивости или упрямства; ему несомнѣнно принадлежитъ инціатива мѣръ и учрежденій этого времени. Его совѣтникамъ принадлежитъ безъ сомнѣнія большая доля во всемъ этомъ, но самъ Александръ остается главнымъ дѣятелемъ, и ему надо приписать большую часть и похвалъ и осужденій. Многія изъ лучшихъ мѣръ этого времени были результатомъ его мыслей и гуманныхъ побужденій; въ худшихъ мѣрахъ очень часто была виной его нерѣшительность и слабость, и отсутствіе здраваго реальнаго знанія жизни. Но ему въ особенности принадлежатъ проявленія мягкаго человѣколюбія и уклончивой скромности, съ какой нерѣдко онъ пользовался своей властью: это не нравилось людямъ стараго вѣку, выросшимъ въ рабскомъ страхѣ, и привыкшимъ думать, что власть должна являться только въ видѣ пугала. Такъ они были недовольны, когда Александръ употреблялъ слово «оте-

чество». Въ протоколахъ Строганова записано, что въ манифестѣ, изготовлявшемся по крестьянскому дѣлу, Александръ не желалъ допустить выраженія: «наши подданные», котораго по его словамъ онъ избѣгалъ во всѣхъ своихъ указахъ, и желалъ, чтобы вмѣсто этого поставлено было: «русскіе подданные».

Такъ шли эти первыя работы императора Александра и его совѣтниковъ, представляющія любопытный моментъ въ русскомъ общественномъ развитіи. Александръ и его сотрудники были передовыми людьми своего общества, въ массѣ котораго мы напрасно стали бы искать такаго ревностного стремленія къ преобразованіямъ, къ распространенію просвѣщенія, къ законности. Большинство общества жило совсѣмъ довольное старыми условіями; болѣе образованное меньшинство было еще слишкомъ немногочисленно, чтобы заявлять свои стремленія, и сотрудники Александра именно принадлежали къ числу лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ представителей этого меньшинства. Личные взгляды Александра, принадлежавшіе тому же направленію, дали мѣсто мнѣніямъ образованнаго меньшинства въ дѣйствіяхъ правительственныхъ. По своему содержанію, первыя идеи Александра, какъ мы уже замѣчали, были послѣдовательнымъ развитіемъ идей Екатерининскаго времени, вліяніе и движеніе которыхъ задержаны были двойной реакціей,—при самой Екатеринѣ, подъ вліяніемъ себялюбивыхъ разсчетовъ и нетерпимости и подъ страхомъ французской революціи, и въ царствованіе Павла, когда къ этому себялюбію и страху присоединились еще вспышки традиціоннаго деспотизма, напомнившіе, что московская Русь еще живетъ въ новой Россіи. Александръ избѣгалъ говорить объ этомъ времени, и желалъ представлять свое царствованіе продолженіемъ временъ Екатерины: онъ возстановляетъ учрежденія Екатерины, уничтоженныя Павломъ, и съ тѣмъ же философскимъ либерализмомъ, какимъ отличалась Екатерина въ первое время, начинаетъ и свою правительственную дѣятельность. Онъ уничтожаетъ тайную экспедицію, какъ она уничтожала тайную канцелярію; онъ желаетъ уничтожить слово «пытка», какъ она хотѣла истребить слово «рабъ»; онъ не желаетъ примѣнять строгихъ законовъ объ оскорбленіи величества, также какъ она, и т. д. Но движеніе, какъ ни оказалось оно потомъ нетвердо, шло по своему содержанію дальше прежняго и Александръ все-таки искреннѣе приступалъ къ внутреннему политическому вопросу. Признавая, что настоящее представительное правленіе еще рано было бы вводить въ Россію, онъ тѣмъ не менѣе считалъ его «вѣнцомъ» своего зданія, и преобразованіе администраціи предпринято было въ видахъ будущаго полнаго конституціоннаго устройства, планъ

котораго уже *существовалъ*. Подъ вліяніемъ теоретическаго отвращенія къ деспотизму и подъ вліяніемъ практическихъ впечатлѣній его, испытанныхъ имъ самимъ, Александръ ставитъ себѣ принципомъ законность, добивается, какими средствами «ограничить деспотизмъ нашего правленія», и съ первой поры царствованія задаетъ себѣ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Правда, Александръ, къ сожалѣнію, тотчасъ же не выдерживалъ границъ, поставленныхъ имъ себѣ, но великой заслугой съ его стороны было и то, что онъ заявлялъ свой теоретическій принципъ. И это одно было важно, потому что давало извѣстнымъ идеямъ право гражданства въ русской жизни, и безъ сомнѣнія дѣйствовало на умы оживляющимъ образомъ. Можетъ быть, что учрежденія Александра, не доведенныя до конца, напр. министерское управленіе, не принесли ожидаемаго результата и впослѣдствіи въ другія эпохи были даже источникомъ новаго лишняго зла, но при всемъ томъ, это первое время въ цѣломъ произвело свои благотворные результаты для общественнаго развитія — тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ возбужденіемъ, которое осталось въ обществѣ, несмотря на позднѣйшія непослѣдовательности и реакцію.

Не вдаваясь въ подробности, мы укажемъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ результатовъ этого періода его правленія. Главнѣйшей заслугой этого времени, заслугой самой благотворной и долговѣчной, были заботы о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ случаѣ основаніе министерства было несомнѣнно благопріятной мѣрой. Въ новомъ министерствѣ началась усиленная дѣятельность, въ которой приняли болѣе или менѣе живое участіе и сотрудники императора. Въ главномъ правленіи училищъ собрались достойные представители интересовъ образованія, которые умѣли провести въ учрежденія свою искреннюю любовь къ просвѣщенію и свои гуманные взгляды. «Время управленія министерствомъ Завадовскаго,—говоритъ спеціальный историкъ этого предмѣта,— останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи» [1]). «При Завадовскомъ, — говоритъ г. Богдановичъ, — благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части *болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе*» [2]). Это нѣсколько даже преувеличено, но со временъ Петра дѣйствительно не было столько сдѣлано для об-

---

[1]) Матеріалы, Сухомлинова, I, стр. 17.

[2]) Богдановичъ, т. I, стр. 140. О роли Завадовскаго въ министерствѣ см. также особое примѣчаніе въ концѣ Приложеній къ этой главѣ.

разованія, сколько въ эти годы. Съ Завадовскимъ работали искренніе и лучшіе друзья просвѣщенія изъ высшей аристократіи и немногочисленнаго тогда ученаго сословія, люди какъ Муравьевъ, Новосильцовъ, Строгановъ, Северинъ Потоцкій, Румовскій, Озерецковскій, Фусъ и др., и работа была тѣмъ спорѣе, что атмосфера этого времени была исполнена великодушнымъ стремленіемъ къ общему благу, что эти люди могли свободно высказывать свои мысли и искать ихъ практическаго осуществленія, не опасаясь воплей невѣжества и мракобѣсія. Искренняя любовь къ просвѣщенію, которая лежала въ основѣ начинаній этого почтеннаго кружка людей, и полная благосклонность правительства къ этимъ планамъ, благосклонность, которая къ сожалѣнію такъ рѣдко встрѣчается въ исторіи русскаго образованія, принесли свои результаты. Намъ придется дальше говорить о томъ, что и эта лучшая и самая достойная дѣятельность сотрудниковъ Александра подвергалась злостнымъ нападеніямъ, но исторія несомнѣнно вполнѣ возьметъ подъ свою защиту благородные труды, оказавшіе русскому просвѣщенію великую помощь.

«Предварительныя правила народнаго просвѣщенія» (24-го января 1803 г.) изложили планъ, выработанный министерствомъ для учрежденія и управленія высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Главная забота направлена была на устройство университетовъ: три существовавшіе университета московскій, виленскій (польскій) и дерптскій (нѣмецкій) были преобразованы; затѣмъ предположено было основать еще три университета: въ Харьковѣ, Казани и Петербургѣ, которые постепенно и были организованы и открыты. Собственно русскій университетъ былъ до тѣхъ поръ только одинъ; теперь ихъ становилось четыре; основано было кромѣ того нѣсколько лицеевъ, много гимназій, нѣсколько спеціальныхъ заведеній, не говоря о низшихъ школахъ: по этому можно составить понятіе о томъ, насколько усилились вдругъ средства русскаго образованія. Внутреннее устройство университетовъ совершалось обдуманно и съ любовью. Русскіе университеты рѣдко имѣли, если только потомъ имѣли, попечителей такого характера, какъ были Муравьевъ и Северинъ Потоцкій — въ этой сферѣ одни изъ лучшихъ представителей господствовавшаго тогда направленія образованныхъ умовъ. Понятно, что университетскія каѳедры не могли быть наполнены одними русскими учеными: начались приглашенія иностранцевъ, въ числѣ которыхъ многіе были хорошими представителями своихъ спеціальностей, а иные имѣли уже заслуженное имя въ европейской ученой литературѣ. Таковы были вызванные въ это время или нѣсколько позже ученые: Буле, Шлецеръ-сынъ, Мат-

теи (во второй разъ), Литтровъ, Шадъ, Роммель, Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, Гольдбахъ, Рейсъ, Френъ, Грефе, Шармуа, Эрдманъ, Лодій, Балугьянскій и др. Эти вызовы иностранцевъ, подвергшіеся потомъ мнимо-патріотическимъ нападеніямъ, служатъ прекраснымъ памятникомъ той солидарности просвѣщенія, какую должны были сознавать люди образованные.

Организація университетовъ могла имѣть свои непрактическія стороны, какія и указывало время; внутренній бытъ университетовъ сложился не вдругъ, нарушался иногда серьезными, иногда комическими несогласіями; наука, введенная въ патріархально-грубую жизнь общества, не могла занять въ ней съ перваго раза подобающаго ей мѣста и значенія; ея представители, даже иностранцы, принимали не всегда привлекательные нравы общества,—но въ новой университетской жизни были при всемъ томъ элементы высокаго нравственнаго значенія и вліянія, которые оказывали серьезное образующее дѣйствіе. Въ русской глуши стали раздаваться имена великихъ мыслителей и ученыхъ, излагались идеи новѣйшей философіи и изслѣдованія науки; положимъ, что это необычное содержаніе не всегда находило себѣ достаточно подготовленную почву и воспринималось въ первое время не вполнѣ успѣшно, но иначе это, кажется, не могло и быть на первый разъ, и съ теченіемъ времени дѣло должно было установиться и принести свои плоды. Университетская аудиторія стала новой нравственно - общественной школой. Преподаваніе не стѣснялось полицейскими подозрѣніями обскурантизма; между профессорами было много послѣдователей Кантовой философіи, которая потомъ преслѣдовалась какъ тлетворный ядъ и разрушительное безбожіе. Любопытную черту времени представляетъ выборъ иностранцевъ, которыхъ университеты дѣлали своими почетными членами и корреспондентами. Такъ въ Казани избрали въ почетные члены извѣстнаго епископа Грегуара; въ Харьковѣ выбранъ былъ женевскій гражданинъ Дюмонъ (издатель Бентама) корреспондентомъ по политической экономіи [1]). Въ отношеніяхъ власти къ учащемуся юношеству преобладала благоразумная снисходительность и довѣріе къ молодому чувству. Любопытный примѣръ этого представляютъ замѣтки, сдѣланныя императоромъ Александромъ въ правилахъ для дерптскихъ студентовъ (въ 1803 г.); вотъ напр. одинъ параграфъ, гдѣ курсивомъ поставлены слова, приписанныя Александромъ:

(§ 20, с.) «По открытіи намѣреваемаго поединка, университетъ для доставленія обиженному надлежащаго удовлетворенія

---

[1]) Storch, Russland II, 168.

наряжаетъ подъ предсѣдательствомъ ректора судъ, къ которому приглашаются два студента, *извѣстныхъ по своему благонравію и честности, и избранныхъ своими товарищами,* и по большинству голосовъ опредѣляется обиженному удовлетвореніе. Если вызывавшій или вызываемый будутъ принадлежать постороннему начальству, въ такомъ случаѣ *приглашается въ судъ сей два чиновника по выбору того начальства; и если университетъ не успѣетъ примирить, то* сообщаетъ оному, да поступитъ по законамъ» [1]).

Въ воспоминаніяхъ С. Т. Аксакова мы находимъ отголосокъ этой эпохи нашихъ университетовъ: Аксаковъ былъ студентомъ въ эти первые годы и сохранилъ объ этомъ времени самыя теплыя воспоминанія. Въ студентскомъ кругу того времени, по словамъ его, «царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу» [2]).

Въ тоже время заботливость правительства обращалась и на другія образовательныя учрежденія. Въ 1801 г. возстановлена была Россійская Академія, бывшая въ совершенномъ загонѣ при Павлѣ; ей назначено ея прежнее содержаніе (6,250 р. въ годъ) и въ 1802 г. приказано было печатать издаваемыя ею сочиненія на счетъ кабинета. Вольно-Экономическое Общество получило 5,000 р. ежегоднаго пособія. Расширена была Медико-хирургическая Академія; даны новые уставы и штаты Академіи художествъ и Академіи наукъ, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ вообще покровительствовалъ открытію ученыхъ и литературныхъ обществъ. Нѣсколько такихъ обществъ открылось при университетахъ, напр. съ этого времени ведетъ свое начало московское Общество исторіи и древностей; въ тоже время и послѣ учреждены были литературно-ученыя общества при харьковскомъ и казанскомъ университетахъ. Въ Петербургѣ еще въ половинѣ 1801 г. основалось Вольное Общество любителей наукъ, словесности и художествъ, и т. д.

Покровительство оказано было и литературѣ. «Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ императоръ Александръ—,говоритъ его лѣтописецъ Шторхъ. За-

---

[1]) Сухомл., Матеріалы, I, стр. 147.

[2]) Сем. Хроника, М. 1862, стр. 448.

мѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, не рѣдко получають подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать на приличный гонораріи за большія серьезныя сочиненія; примѣры, въ родѣ Карамзина, принадлежатъ къ исключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ, императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ свои рукописи императору, и если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета, и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ». «Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили орденъ св. Анны 2-й степени, напр. Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ, Севергинъ, Гурьевъ, Палласъ, Крафтъ, Георги, Фусъ, Шубертъ, Ловицъ и мн. др., и въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, императоръ почти въ каждомъ случаѣ именно объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ».

Шторхъ упоминаетъ затѣмъ денежныя пособія, которыя назначалъ императоръ на изданіе полезныхъ трудовъ. Такъ онъ далъ нѣкоему Лебедеву на изданіе путевыхъ замѣтокъ по Европѣ и Азіи 10,000 р.; московскому профессору Страхову на изданіе перевода Путешествія младшаго Анахарсиса, Бартелеми, — 6,000 р.; Политковскому на изданіе Адама Смита—5,000 р. и др. «Множество русскихъ писателей, представлявшихъ императору свои сочиненія, награждены были перстнями, табакерками и другими драгоцѣнными подарками. Случаи этого рода такъ обыкновенны, что мы не будемъ здѣсь упоминать о нихъ. Но ни одинъ изъ русскихъ писателей не можетъ похвалиться въ этомъ отношеніи бо́льшимъ отличіемъ, чѣмъ любимый теперь русскій писатель Карамзинъ», и пр. Вообще, сумма, употребленная кабинетомъ на этотъ предметъ, за одинъ 1802 году простиралась до 160,000 рублей [1]).

Система покровительства рѣдко служитъ къ истиннымъ успѣхамъ литературы; но конечно всего умѣстнѣе эта система бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство поощряетъ образовательную дѣятельность литературы. Такъ это было при Александрѣ. Въ русскомъ обществѣ, которое до сихъ поръ слишкомъ отли-

---

[1]) Storch, Russland I, 134 и слѣд.

чается грубой практичностью, сопутствующей малому образованію, и вообще съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относится къ литературѣ и наукѣ, а въ то время отличалось этими качествами еще больше,—должно было производить полезное впечатлѣніе это поощреніе литературы и эти награды ученымъ людямъ не за службу, а именно за умственный трудъ, тѣмъ больше что наградъ и поощреній было много, и публика не могла ихъ не замѣчать. Приведенныя нами слова Шторха даютъ понятіе объ этомъ впечатлѣніи.

Основаніемъ этого щедраго покровительства было не пустое меценатство, а именно желаніе дѣйствовать литературой на развитіе общественныхъ понятій. Ближайшій кружокъ императора также бралъ на себя эти литературныя заботы. «Pour le moment, nous nous occupons de faire traduire en russe plusieurs bons ouvrages», — писалъ императоръ къ Лагарпу вскорѣ по вступленіи на престолъ [1]). Такъ изданы были по высочайшему повелѣнію сочиненія Бентама, переведенныя по изданію Дюмона; по порученію комитета переведены были книги: Стюарта, Recherches sur l'économie politique; Bibliothèque de l'homme publique, par Condorcet, и Economie politique, par Verri [2]). Выборъ книгъ достаточно показываетъ, что хотѣли внушить интересъ къ общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, и дать по этимъ предметамъ серьезное чтеніе. Въ литературѣ это отразилось появленіемъ серьезныхъ книгъ общественно-политическаго содержанія: такъ Политковскій издалъ Адама Смита (1803—1806); явилось два перевода Беккаріи — Дм. Языкова (1803) и Хрущова (1806); тотъ же Языковъ издалъ потомъ переводъ Монтескье (О существѣ законовъ, 1809—1814); далѣе, вышелъ переводъ Кантовой «Метафизики нравовъ», посвященный Мордвинову (1803) и проч.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же просвѣщенныхъ идей былъ предпринятъ и исполненъ, въ Главномъ правленіи училищъ, трудъ по предмету, составляющему вѣчный камень преткновенія въ странахъ, не достигшихъ умственной и общественной самобытности. Это—составленіе новаго цензурнаго устава. Не приводя подробностей, которыя читатель найдетъ у спеціальнаго историка тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія [3]), замѣтимъ, что въ русской правительственной сферѣ цензурный вопросъ еще никогда не ставился такимъ здравымъ образомъ и

---

[1]) La Russie I, 433.

[2]) Сухомл., Матер. I, 21.

[3]) Въ тѣхъ же «Матеріалахъ», г. Сухомлинова, статья третья.

съ такимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ литературѣ. Надъ разъясненіемъ этого предмета въ особенности работали тогда Новосильцовъ и академики Озерецковскій и Фусъ.

Новымъ благотворнымъ началомъ, которое императоръ и его сотрудники въ первый разъ желали привить къ русской государственной и общественной жизни, была публичность правительственной дѣятельности. Съ этой цѣлью основанъ былъ полуоффиціальный «С.-Петербургскій журналъ», о характерѣ котораго намъ случилось говорить въ другомъ мѣстѣ. Отчеты министровъ должны были издаваться во всеобщее свѣдѣніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Кочубей, первый подалъ примѣръ въ своемъ отчетѣ, изложенномъ съ нѣкоторой откровенностью; это нововведеніе показалось инымъ такъ страшно, что они напоминали о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ compte rendu Неккера.

Такимъ же новымъ элементомъ была въ русскихъ нравахъ религіозная терпимость, которую Александръ обнаруживалъ съ первыхъ лѣтъ царствованія и какую, напримѣръ, онъ показалъ тогда относительно духоборцевъ.

Нововведеніемъ, для многихъ очень непріятнымъ, была наконецъ бережливость Александра. Онъ прекратилъ раздачу крѣпостныхъ крестьянъ, которая доходила до такихъ ужасающихъ размѣровъ при Екатеринѣ и при Павлѣ; награды, которыя онъ давалъ, были очень умѣренны и казались просто скупыми; онъ не любилъ безполезной роскоши, не любилъ чисто придворныхъ должностей, и придворныхъ, которые не имѣли никакой другой службы, называлъ полотерами, — «величіе» двора упало. Съ января 1802 г. содержаніе двора должно было производиться по новому штату, въ которомъ уничтожено было много придворныхъ должностей, и сокращеніе издержекъ вообще предполагалось въ 4,000,000 рублей [1]).

Приведенныхъ фактовъ, кажется, довольно, чтобы указать направленіе понятій, руководившихъ правительствомъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра. Правительство одушевлено было намѣреніями, которымъ нельзя не отдать полнаго сочувствія. Ихъ нравственное достоинство произвело сильное дѣйствіе и на лѣнивое или запуганное общество. Заявленіе принциповъ справедливости и человѣколюбія, искренность заботъ правительства о распространеніи образованія, наконецъ примѣръ самого императора, который оказывалъ такое вниманіе къ наукѣ, который надѣлялъ университеты и другія ученыя учрежденія богатыми пожертвованіями—денегъ, библіотекъ и разныхъ коллекцій,—принесли уже

[1]) Storch, Russland I, 251.

скоро богатые плоды: общество отозвалось, когда затронуты были его лучшіе инстинкты. Мысль императора объ освобожденіи крестьянъ, хотя и успѣла высказаться только въ немногихъ осторожныхъ полумѣрахъ, встрѣтила сочувствіе въ лучшихъ людяхъ общества; графъ С. П. Румянцевъ представилъ императору свой проектъ освобожденія, вслѣдствіе котораго состоялся извѣстный указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ [1]); нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ получили полную свободу. Филантропическія наклонности императора вызвали такой же отголосокъ: богачъ Шереметевъ пожертвовалъ въ 1803 г. до $2^1/_2$ милліоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ, на разныя благотворительныя цѣли; множество жертвованій болѣе скромныхъ заявляемо было безпрестанно. Но съ особенной ревностью дѣлались пожертвованія на цѣли просвѣщенія. Особенное впечатлѣніе произвело тогда одно пожертвованіе Демидова, простиравшееся цѣнностью до милліона рублей — деньгами, имѣньемъ (представлявшимъ капиталъ въ 450 тысячъ р.), библіотекой и нѣсколькими кабинетами, и предназначенное для московскаго университета и для будущихъ университетовъ, объ открытіи которыхъ шла тогда рѣчь, и для основанія высшаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ (Демидовскій лицей). Въ письмѣ къ гр. Завадовскому (въ мартѣ 1803), гдѣ онъ дѣлаетъ первое предложеніе объ этомъ пожертвованіи, онъ именно заявляетъ, что живое стремленіе быть полезнымъ для отечественнаго просвѣщенія явилось у него отъ глубокаго удовольствія, съ какимъ онъ читалъ только-что вышедшій планъ общаго образованія въ Россіи («предварительныя правила народнаго просвѣщенія», утвержденныя 24 января 1803). Другое событіе того же рода, произведшее тогда большое впечатлѣніе, было пожертвованіе въ 400 тысячъ руб., сдѣланное для Харьковскаго университета дворянствомъ этой губерніи. Не будемъ упоминать о множествѣ другихъ пожертвованій, которыя въ эту пору сдѣланы были въ пользу университетовъ и которыя нерѣдко имѣли весьма значительную цѣнность, какъ пожертвованія Безбородко, Голицына, Дашковой и пр.; о множествѣ пожертвованій въ пользу другихъ учебныхъ заведеній, напр. военныхъ дворянскихъ школъ, которыя предполагалось учредить по губерніямъ, и т. д. Наконецъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же великодушныхъ стремленій къ общей пользѣ, возбужденныхъ первыми временами Александра, сдѣланы были

---

[1]) Этотъ проектъ теперь только напечатанъ былъ въ Р. Архивѣ 1869 г., стр. 1953 и слѣд. Мы помѣстили въ Приложеніяхъ двѣ записки Румянцева къ Новосильцову, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ проектѣ.

пожертвованія гр. Н. Румянцова: важныя изданія по древней русской исторіи, сдѣланныя великолѣпно, его покровительство ученымъ предпріятіямъ по русской исторіи, наконецъ драгоцѣнный музей, пожертвованный имъ (вмѣстѣ съ домомъ) «на благое просвѣщеніе» и перенесенный теперь въ Москву, составляли истинную заслугу русскому образованію.

Какого бы мы ни были мнѣнія о тогдашней неразвитости нашей общественной жизни, должно сознаться, что факты, въ родѣ исчисленныхъ нами, до сихъ поръ остаются рѣдкими примѣрами ревности къ просвѣщенію и общему благу. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе должны были имѣть эти факты въ то время; размѣры русскаго образованія были гораздо ограниченнѣе, ему больше нужна была такая помощь, и эти многочисленныя пожертвованія по тому времени значили гораздо больше, чѣмъ значили бы теперь. Если мы припомнимъ, что все это дѣлалось, когда еще недавно только

«Умолкъ ревъ Норда сиповатый»,

и что заслуга возбужденія этого невиданнаго движенія въ обществѣ принадлежитъ всего больше именно Александру, который подавалъ обществу примѣръ, то мы должны будемъ отдать полную справедливость его намѣреніямъ и усиліямъ его молодыхъ сотрудниковъ, которые всего больше поддерживали его на этой дорогѣ. Пусть другіе корятъ ихъ за «незнаніе Россіи», за приказныя ошибки, за нѣкоторыя увлеченія, — въ это лучшее свое время они были честными совѣтниками императора и сдѣлали немало для своего отечества.

Итакъ, передовыми людьми общественнаго движенія были люди молодого поколѣнія аристократіи, составлявшіе ближайшій кружокъ императора, — это обстоятельство даетъ отчасти и мѣрку движенія. Общество значительно оживилось въ эти годы уже отъ одной мягкости правленія; но это оживленіе было еще далеко отъ сознательной самодѣятельности. Масса общества была по прежнему пассивна, мало думала сама о своихъ интересахъ, ожидала всего отъ правительства или принимала участіе въ его дѣятельности потому только, что призывъ шелъ сверху, отъ начальства; большинство по крайней мѣрѣ внѣшнимъ механическимъ образомъ привыкало къ новымъ понятіямъ, какъ и бываетъ обыкновенно, пока оно не пріучится понимать и ихъ сущность. Но главнымъ образомъ новое движеніе находило партизановъ въ наиболѣе образованномъ высшемъ и среднемъ классѣ, отчасти въ людяхъ Екатерининскаго времени, сохранившихъ старое свободно-мыслящее направленіе и уваженіе къ просвѣ-

щенію [1]), и особенно въ молодомъ поколѣніи, образовавшемся подъ новыми вліяніями европейской жизни. Въ этомъ классѣ поддерживалось движеніе и потомъ, когда само правительство начало покидать его: такъ изъ этого круга вышли многіе наиболѣе замѣтные дѣятели тайныхъ обществъ въ двадцатыхъ годахъ. Мы упоминали, что была и своего рода оппозиція, въ духѣ старыхъ нравовъ; но сама по себѣ она была такъ безсодержательна, что теперь она пока ничего не находилась возражать; она пока молчала или подлаживалась подъ новые вкусы правительства. Она стала заявлять себя громче только позднѣе, главнымъ образомъ когда увидѣла себѣ опору въ измѣнявшемся направленіи самихъ властей.

Эти первые годы производили вообще такое отрадное впечатлѣніе, что лучшіе люди того времени начинали съ нихъ новую эпоху русской жизни и пророчили Александру славу и величіе въ исторіи. Серьезный и достойный ученый, Шторхъ, хотѣлъ быть лѣтописцемъ его великихъ и чрезвычайныхъ дѣлъ и предпріятій [2]). Но это время, для котораго впередъ готовился историческій памятникъ, имѣло свою оборотную сторону медали. Александръ достигъ бы истиннаго величія, еслибы его предпріятія были поддержаны твердымъ характеромъ и прочно сознанными принципами: къ сожалѣнію, у Александра не достало ни того, ни другого. Въ его дѣйствіяхъ съ самаго начала обозначались слабыя стороны его природы и его образованія,—неувѣренность въ самомъ себѣ и своихъ понятіяхъ, и потому мнительность при первомъ серьезномъ вопросѣ, нерѣшительность и боязнь при каждомъ препятствіи, и желаніе примирять противоположности интересовъ, иногда несоединимыя. Оттого, громко высказанныя обѣщанія не исполнялись, высокія общія идеи приносились въ жертву частнымъ мелкимъ соображеніямъ. При этомъ, онъ отличался крайнимъ упрямствомъ, давнишнимъ его свойствомъ, проистекавшимъ вѣроятно и отъ направленнаго дурно самолюбія, и отъ наслѣдственныхъ деспотическихъ инстинктовъ, которымъ нѣсколько противодѣйствовало воспитаніе, но которымъ за то очень содѣйствовали всѣ вліянія жизни и обстановки. Когда сознаніе принятыхъ имъ правилъ вполнѣ имъ владѣло, онъ былъ готовъ выслушивать и обдумывать все, предоставлялъ

---

[1]) Назовемъ напр. Завадовскаго, Муравьевыхъ, А. Р. Воронцова, Румянцевыхъ, Демидова, Разумовскихъ, Безбородко, Дашкову и мн. др., которые или прямо участвовали въ либеральномъ направленіи правительства, или содѣйствовали ему значительными пожертвованіями.

[2]) Съ этой цѣлью начато было его періодически выходившее изданіе: Russland unter Alexander dem Ersten,—на которое мы имѣли случай ссылаться.

другимъ свободу мнѣнія, самъ вызывалъ противорѣчія [1]); но очень часто его ближайшіе совѣтники, которымъ онъ оказывалъ свое полное довѣріе, теряли надежду на спокойное рѣшеніе вопроса, потому что онъ не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій. Понятно, что его нетерпимость въ вещахъ, почему либо его затрогивавшихъ, была еще сильнѣе, когда противорѣчіе выходило отъ людей менѣе ему близкихъ; но при этомъ случалось, что, какъ будто желая прикрыть свое упрямство, онъ прибѣгалъ къ искусственнымъ толкованіямъ и уклоненіямъ, лишь бы поставить благовидно на своемъ. Для людей наблюдательныхъ все это уже тогда было дурнымъ предзнаменованіемъ, и совѣтники Александра уже вскорѣ стали тяготиться этими чертами его характера. Теоретически онъ сознавалъ, что многое въ существующемъ порядкѣ вещей фальшиво, вредно, жестоко; самый принципъ преобразованія стоялъ для него внѣ всякаго сомнѣнія, — но практическое осуществленіе было ему трудно и пугало его, онъ впадалъ въ нерѣшительность, упрямство превозмогало надъ болѣе смѣлыми рѣшеніями, и въ результатѣ получалось нѣчто «вялое и трусливое» [2]).

Поэтому уже въ самое первое время дѣятельность Александра отличается двойственностью и недоконченностью, — и въ этомъ-то собственно состоитъ недостатокъ его тогдашняго и еще больше послѣдующаго правленія, а вовсе не въ сущности принциповъ, которымъ онъ хотѣлъ служить въ то время,—какъ упрекаютъ его тогдашніе и нынѣшніе обвинители его либерализма. Виновата была не сущность его тогдашнихъ идей, а недостаточное и непослѣдовательное ихъ выполненіе: потому что едвали можно сказать, что были бы дурны или вредны—ограниченіе деспотизма, освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе «Тайной», основаніе университетовъ, введеніе вѣротерпимости, наконецъ приготовленіе представительныхъ формъ правленія и т. д. Напротивъ, вредно и печально было только то, что эти уступки государства обществу, эта борьба противъ стараго невѣжества и грубости нравовъ въ пользу просвѣщенія и нравовъ цивилизованныхъ не были ведены съ твердостью и убѣжденіемъ, какихъ бы

---

[1]) Такъ, въ 1806 г., когда его отношенія съ первымъ его министерствомъ были уже готовы окончательно прерваться, онъ писалъ Чарторижскому:... «Pour nous réunir, il faudrait préalablement faire un accord: c'est celui que, malgré tout ce qui pourra se dire dans ce comité, nos relations individuelles et mutuelles restâssent intactes, et que, prenant pour exemple les membres du Parlement anglais, qui, après s'être dit dans la séance les choses les plus fortes, emportés par la chaleur qu'inspire le bien des affaires, en sortant se trouvent les meilleurs amis du monde» (Alexandre I-er, etc., стр. 59).

[2]) Ср. письма гр. Строганова къ Новосильцову, въ Приложеніяхъ.

требовало достоинство дѣла. Трудъ былъ бы великъ и тяжелъ, но въ помощь ему пришло бы все, что было лучшаго въ нравственномъ запасѣ общества, и все, что обрадовалось бы освобожденію.

Александръ безъ сомнѣнія былъ искрененъ, когда говорилъ о своемъ отвращеніи къ деспотизму, который въ прежнія времена былъ столь обыкновеннымъ свойствомъ принадлежавшей ему власти; онъ хотѣлъ ограничить эту власть законностью,—но у него недостало характера или убѣжденія принять первый выводъ этого принципа, что для такого ограниченія надо было признать и уважать какое-нибудь право за другими. Въ нѣскольких частныхъ случаяхъ онъ обнаружилъ большую умѣренность и не хотѣлъ пользоваться произволомъ, на который его вызывали, — но въ первомъ серьезномъ дѣлѣ онъ отказался отъ принципа. Въ новомъ опредѣленіи правъ и обязанностей Сената (8 сент. 1802), Сенату дозволено было дѣлать представленія о такихъ указахъ, исполненіе которыхъ соединено съ большими неудобствами или которые были несогласны съ другими законами. Но когда Сенатъ захотѣлъ однажды воспользоваться этимъ правомъ, то указъ 8 сент. былъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что это право Сената дѣлать представленія относится только къ тѣмъ законамъ или указамъ, которые вышли *до* манифеста 8 сент., а не къ тѣмъ, которые изданы *послѣ*. Понятно, что разъясненіе уничтожало весь первоначальный смыслъ этой мѣры [1]). При учрежденіи министерствъ имѣлась въ виду конституціонная идея объ отвѣтственности министровъ, которая гарантировала бы строгую законность управленія. На дѣлѣ, министры уже вскорѣ стали обходить эту отвѣтственность, и управленіе, сдѣлавшись чисто личнымъ, до нѣкоторой степени справедливо заставляло жалѣть о прежнемъ коллегіальномъ порядкѣ. По разсказамъ адмирала Мордвинова, когда обсуждалось устройство министерствъ, то Александръ непремѣнно хотѣлъ, чтобы министры были объявлены отвѣтственными. «Но еслибы министръ отказался подписать указъ в. в-ва, возражали ему, будетъ ли этотъ указъ обязателенъ безъ этой формальности?»—«Конечно, отвѣчалъ онъ; указъ долженъ быть исполненъ во всякомъ случаѣ». Такъ неясно понимался вопросъ объ отвѣтственности [2]). Далѣе. Александръ торжественнымъ образомъ уничтожилъ Тайную Экспедицію; но, какъ при Екатеринѣ это учрежденіе возродилось изъ пепла Тайной Канцеляріи, такъ теперь уничто-

[1]) La Russie etc. II, 294.

[2]) Тамъ же II, 291.

женная Экспедиція черезъ нѣсколько времени возстановилась опять подъ другими формами. Правда, эти формы были гораздо болѣе мягки и умѣренны, Александръ былъ нерасположенъ къ занятіямъ этого вѣдомства, и впослѣдствіи человѣкъ, управлявшій этимъ вѣдомствомъ, считался за очень честнаго человѣка,— но тѣмъ не менѣе принятая секретно система шпіонства и такъ-называемыхъ экстра-легальныхъ и административныхъ мѣръ, арестовъ, удаленій, ссылокъ и т. п. безъ суда, конечно уничтожали все значеніе его перваго манифеста объ этомъ предметѣ и подрывали всѣ заботы о введеніи принципа законности. Въ крестьянскомъ вопросѣ Александръ опять несомнѣнно питалъ самыя лучшія намѣренія, но исполненіе ихъ было такъ боязливо и нерѣшительно, что даже предположивъ все сопротивленіе, какого онъ опасался со стороны дворянства, онъ не достигъ даже тѣхъ результатовъ, которые были вполнѣ возможны. Въ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, освобожденіе крестьянъ обставлено было такимъ количествомъ формальностей, что указъ дѣйствовалъ нѣсколько только въ первое время, при свѣжемъ впечатлѣніи, но потомъ дѣйствіе его значительно замедлилось, почти прекратилось. Такія стѣснительныя формальности могли имѣть какой нибудь смыслъ скорѣе въ первое время, когда опасались раздражить помѣщиковъ, и могли бы быть постепенно ослабляемы потомъ, но случилось какъ разъ на оборотъ: очевидно, что само правительство потеряло прежнюю добрую волю. Александръ и впослѣдствіи, правда, не забывалъ своихъ филантропическихъ стремленій и крестьянское дѣло лежало у него на совѣсти, но въ позднѣйшее время онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, держался извѣстнаго принципа абсолютной власти: онъ считалъ это дѣло *своимъ личнымъ* дѣломъ, съ нетерпимостью отвергалъ въ вопросѣ освобожденія всякую частную иниціативу, какъ вмѣшательство въ *его* исключительное право,—но самъ этимъ правомъ не пользовался. Вопросъ былъ похороненъ имъ самимъ. Далѣе, возвращаясь къ учрежденіямъ Екатерины и желая продолжать ея правленіе, Александръ возстановлялъ дворянскую грамоту, городовое положеніе и т. п., но эти учрежденія не получили дальнѣйшаго развитія. Къ дворянству, какъ исключительному сословію, онъ не имѣлъ особенной любви, но онъ не далъ и другимъ классамъ сословныхъ правъ, которыя подняли бы ихъ общественную самостоятельность.

Такимъ образомъ Александръ съ первыхъ шаговъ, нечувствительно и вѣроятно незамѣтно для него самого, возвращался на старую дорогу. По своимъ отвлеченнымъ принципамъ онъ стремился водворить новый порядокъ вещей — измѣняя высшія

сферы управленія и обдумывая теоретическія формы общественнаго освобожденія, но на практикѣ забывалъ самыя существенныя условія своей задачи, и въ своей нетерпимости къ частной иниціативѣ, къ самымъ умѣреннымъ заявленіямъ самостоятельности, оставался вѣренъ преданіямъ стараго порядка. Неограниченная монархія слишкомъ часто бываетъ враждебна общественной иниціативѣ, и это составляетъ роковую слабую ея сторону: истинныя цѣли государства могутъ быть достигнуты только съ развитіемъ общественной силы; когда иниціатива общества подавляется, внутренняя сила его глохнетъ и остается непроизводительной; но стѣсненіе общества вредно отражается потомъ и на самомъ государствѣ, которое, наконецъ, начинаетъ терять свой нравственный авторитетъ. Екатерина не разрѣшала этой дилеммы; Александръ своими инстинктами сильнѣе чувствовалъ необходимость рѣшенія, но не имѣлъ довольно характера, чтобы приступить къ нему искренно и открыто.

Къ концу этого періода Александръ сталъ больше и больше увлекаться вопросами внѣшней политики; внутренняя жизнь начинаетъ отступать на второй планъ. Естественно, что это еще больше затрудняло успѣхъ его первыхъ начинаній, вліяніе которыхъ въ обществѣ все-таки въ большой степени зависѣло отъ его непосредственнаго участія. Съ этого времени его внутренній разладъ съ самимъ собой и обществомъ начинаетъ усиливаться.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВѢ II.

Въ дополненіе къ вышесказанному прилагаемъ нѣсколько выдержекъ изъ бумагъ Н. Н. Новосильцова, которыя были пріобрѣтены отъ племянника его В. В. Новосильцова редакціею „Вѣстника Европы" и ею сообщены намъ. Мы сочли неизлишнимъ напечатать эти выдержки, потому что, хотя не все въ нихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашему частному предмету, но въ нихъ есть не лишенныя исторической важности указанія о личныхъ отношеніяхъ въ кругу совѣтниковъ Александра, и о другихъ обстоятельствахъ того времени. Мы затруднялись пользоваться указаніями, любопытными для нашего предмета, не приводя ихъ въ контекстѣ. Кромѣ того, до сихъ поръ чрезвычайно мало издано матеріаловъ, относящихся къ этому времени и этимъ людямъ, и издаваемыя письма могутъ служить къ пополненію недостатка. Впослѣдствіи, мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ этимъ матеріаламъ.

I. *Записка гр. П. и Г. Строгановыхъ и Муравьева къ Новосильцову* (въ Лондонъ; безъ помѣты, въ мартѣ 1801; см. выше, стр. 57, пр. 1).

Mon bon ami, le courier part, je n'ai le tems que de vous dire deux mots: L'Empereur Alexandre I-er reigne. Revenez, revenez, revenez.

(Мой добрый другъ, курьеръ сейчасъ отправляется и я имѣю время сказать вамъ только два слова: императоръ Александръ I царствуетъ. Возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь).

II. *Гр. С. П. Румянцовъ къ Новосильцову* [1]).

6 Dec. 1802, St.-Pet.

Vous trouverez peut-être, Monsieur, que je suis comme ce

---

[1]) Эта и слѣдующая записка относятся къ проекту Румянцова объ освобожденіи крестьянъ; самый проектъ, послужившій основаніемъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, напечатанъ въ Р. Архивѣ.

redoutable Baron qui pérsecutait tout le monde avec son plan, cependant j'ose encor me flatter de quelque indulgence de votre part.

L'Empereur a paru desirer une redaction en *forme d'Edit* des pensées que j'ai pris la liberté de soumettre à sa meditation. Dans le cas ou Sa Majesté Impériale daigne encor s'occuper de cet objet, veuillez bien avoir la bonté de lui presenter l'écrit que je prends la liberté de joindre ici. Il me semble que le préambule est propre à rassurer sur l'esprit de l'opération et que le dispositif résout à peu près toutes le difficultés. D'ailleurs comme il n'est question encor que d'ouvrir une voye et que le sénat examine et prononce, je ne vois pas ce qu'il y aurait à apprehender, si ce n'est de la part de certaines personnes, que d'autres idées que les leurs soient envisagées comme bonnes.

J'ai l'honneur de vous presenter les assurances des sentimens de considération distinguée avec lesquels je serai, Monsieur, toute ma vie

Votre très humble
et très obeissant serviteur
le C-te Serge de Romanzow.

(Быть можетъ, вы найдете, что я похожъ на того ужаснаго барона, который всѣхъ преслѣдовалъ съ своимъ планомъ, но я осмѣливаюсь льстить себя нѣкоторымъ снисхожденіемъ съ вашей стороны.

Императоръ желалъ, кажется, чтобы мысли, которыя я позволилъ себѣ представить на его размышленіе, были изложены въ формѣ указа. Въ случаѣ, если Е. В. удостоитъ еще заняться этимъ предметомъ, будьте такъ добры, представьте ему записку, при семъ прилагаемую. Мнѣ кажется, что предисловіе способно успокоить относительно характера предпріятія, и что изложеніе разрѣшаетъ почти всѣ затрудненія. Притомъ, такъ какъ дѣло идетъ пока только о томъ, чтобы открыть дорогу, и такъ какъ сенатъ будетъ разбирать это дѣло и выскажетъ свое мнѣніе, я не вижу, чего можно было бы здѣсь опасаться, кромѣ развѣ со стороны нѣкоторыхъ людей, изъ-за того, что другія идеи, не похожія на ихъ, могутъ считаться хорошими.

Имѣю честь, и проч.)

III. *Гр. С. П. Румянцовъ къ Новосильцову.*

Le 12 may, mardi (1803).

Messieurs les comtes de Wassilieff et Cotchoubey m'ont promis

de me venir voir au sortir du comité ou dans la soirée s'il n'y en avait point.

J'ai à me concerter avec eux sur les affranchissements que je me propose de faire: mais en même tems je voudrais aussi les entretenir du mémoire que je vous ai envoyé. Ayez la bonté seulement de me dire si vous n'y trouvez pas quelque inconvenient; je suivrai à cet egard ponctuellement les ordres que vous voudrez bien me donner.

Veuillez agréer en même tems les assurances du devoucment sincère et plein de cette considération distinguée avec laquelle je serai toute ma vie,

Monsieur,
Votre très humble
et très obeissant serviteur
Le C-te Serge de Romanzow.

(Графы Васильевъ и Кочубей обѣщали быть у меня послѣ комитета или вечеромъ, если комитета не будетъ.

Мнѣ нужно посовѣтоваться съ ними о томъ освобожденіи крестьянъ, которое я предполагаю сдѣлать: но вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ бы поговорить съ ними о запискѣ, которую я вамъ послалъ. Будьте добры— сказать мнѣ только, не находите ли вы въ ней чего-нибудь неудобнаго; я пунктуально исполню въ этомъ отношеніи всѣ приказанія, которыя вамъ угодно будетъ мнѣ сдѣлать.

Примите, и проч.)

IV. *Гр. П. А. Строгановъ къ Новосильцову.*

Il n'y a que peu de jours, mon cher ami, que je vous ai écrit par un certain Razine, commis des affaires étrangères, et expedié en courier avec Sir John Warren. Celle-ci va par terre avec Davidson et je ne sais pas si elle n'arrivera pas avant l'autre, car je ne sais comment Sir John fera pour partir de Cronstadt, car aujourd'hui notre rivière est prise et tous ces jours-ci il y avait beaucoup des glaçons entre Oranienbaum et Cronstadt. Davidson doit partir content, car il est payé de tout et a une bague superbe, estimé au cabinet où on a ces choses à bon marché 1,600 R. J'espère que cette marque de satisfaction fera bien en Angleterre et nous amenera du monde pour cette partie. Notre instruction publique va un peu lentement. Dieu, après avoir fait le monde en six jours, se reposa le sep-

tième, mais notre ministre fait mieux: il ne fait rien les six jours et néanmoins se repose le septième. Depuis un mois nous n'avons pas eu de séance du *правленіе*. Il est certain qu'il empechote car j'ai eu toutes les peines du monde à obtenir l'argent pour arranger le Collège des manufactures pour les séances publiques. Il me fait encor des difficultés pour indemniser l'Académie des sciences, mais enfin j'espère venir à bout de tout cela. Je vous envoye un long bulletin de la commission des Loix. J'ai dit à Врончонекъ de m'en faire un toujours de manière que sans lire toute la masse de papier de Rosencampf vous pourrez voir ce qui s'y passe.

Vous verrez par ma dernière lettre que nous ne sommes pas denué d'inquietude: elle continue encor et nous attendons de vous des bonnes nouvelles avec bien de l'impatience etc...

P. Stroganoff.

St.-Pétersbourg.
ce 28 oct. 1804. v. st.

(Нѣсколько дней тому я писалъ вамъ, любезный другъ, черезъ нѣкоего Разина, чиновника иностранныхъ дѣлъ, посланнаго курьеромъ съ сэромъ Джономъ Уорреномъ. Настоящее письмо отправляется съ Давидсономъ сухимъ путемъ, и я не знаю, не придетъ ли оно еще раньше прежняго; я не знаю, какъ сэръ Джонъ отправится изъ Кронштадта, потому что наша рѣка стала и всѣ эти дни было много льду между Ораніэнбаумомъ и Кронштадтомъ. Давидсонъ уѣхалъ вѣроятно довольный, по тому что ему заплатили за все и дали великолѣпный перстень, оцѣненный въ 1,600 руб. въ кабинетѣ, гдѣ имѣютъ эти вещи по дешевымъ цѣнамъ. Я надѣюсь, что этотъ знакъ удовольствія произведетъ въ Англіи хорошее дѣйствіе и приведетъ къ намъ людей по этой части. Наше народное просвѣщеніе идетъ немного тихо. Господь Богъ, создавши міръ въ шесть дней, почилъ въ седьмой, а нашъ министръ дѣлаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ шесть дней и несмотря на то отдыхаетъ въ седьмой. Цѣлый мѣсяцъ у насъ не было засѣданія въ правлен и училищъ. Онъ положительно дѣлаетъ препятствія, потому что мнѣ стоило величайшаго труда получить деньги, чтобы устроить коллегію мануфактуръ для публичныхъ собраній. Онъ дѣлаетъ мнѣ препятствія и въ томъ, чтобы дать вознагражденіе академіи наукъ, но я надѣюсь наконецъ добиться всего этого. Я посылаю вамъ длинную записку изъ коммиссіи законовъ. Я сказалъ Врончейку [1]), чтобы онъ составлялъ мнѣ

[1]) Ѳ. П. Вронченко, служившій тогда въ коммиссіи составленія законовъ.

всегда записку такимъ образомъ, чтобы вы могли видѣть что̀ тамъ дѣлается, не читая всей массы бумаги Розенкампфа.

Изъ моего послѣдняго письма вы увидите, что мы не свободны отъ безпокойства: оно еще продолжается, и мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ хорошихъ извѣстій....)

V. *Гр. П. А. Строгановъ къ Новосильцову.*

Il est bon, mon cher ami, que vous soyez exactement au fait de notre état ici. Vous savez que nous sommes sujets quelquefois, par des regrets deplacés et un manque de résolution, à rétrograder dans les mesures qu'on avait résolues, à ne pas oser faire les choses au moment où elles devraient l'être, et comme les circonstances n'attendent pas le bon plaisir des souverains, il en résulte quelque chose de lache et de mol dans les opérations. Vous avez pu voir par nos dernières lettres que nous sommes dans un de ces paroxismes, et comme il continue, il est essentiel de le *combattre de toutes les manières* possibles, et vous y pouvez contribuer plus que qui que ce soit par les nouvelles que vous donnerez. Je m'en vais donc vous faire un narré des faits.

Nous avons eu dernièrement une séance chez l'Emp-r. Il s'y est agi des affaires d'Europe et entre autres de ce qui est relatif au Royaume de Naples. Le P-ce Ad. proposait comme vous avez pu voir par mes dernières, qu'on en était convenu dans le comité militaire nouvellement créé, de renforcer notre corps qui se trouve dans les Sept-Isles de manière à le porter de quinze à 20 m. hommes, ce qui nous aurait mis dans le cas de pouvoir faire une diversion en Italie avec un corps de 15 m. hommes, qui joints aux troupes du pays et à un corps anglais offrirait une masse imposante à opposer à l'armée Napoléone. Cette mesure etait appuyé d'abord sur la nécessité d'être, au premier signal, en mesure d'occuper la Calabre avant les Français, parce que ce pays étant couvert de montagnes *et defendu par deux defilés étroits*, les premiers qui seraient logés, ne pourraient pas en être chassés facilement, et qu'il fallait ôter cette avantage aux Français. Le traité avec l'Autriche étant déjà signé, il semblait que ce concert nous permettait de rendre notre attitude plus menaçante et de nous mettre à même de venir au secours de notre allié le R. de N. (roi de Naples). On proposait en outre de munir Anrep d'ordres éventuels par lesquels il serait autorisé de debarquer

au moment où les Français mettraient un seul homme dans les forteresses Napolitaines. Ces mesures étaient pressés singulièrement par le Duc de Serra Cabr. (Capriola) et par Lord G., qui, le premier—crie au secours comme un malheureux et le second demande des explications catégoriques sur ce que nous voulons faire pour le Sud de l'Italie. Voici maintenant les oppositions. Il disait que le traité avec l'Autriche n'etait point ratifié encor, formalité, avant laquelle il serait imprudent de compromettre un trop grand nombre des troupes, que la cour de N. avait déjà fait preuves de mauvaise conduite et ne meritait aucune confiance, que du moment qu'ils auraient une pareille assurance, ils brusqueraient eux-mêmes les choses mal-à-propos et engageraient les hostilités avant que les choses ne soyent mures pour cela, que la cour de V. (Vienne) avait elle-même prevu l'inconsistence du ministère Napolitain, puisqu' à l'article où on stipule de venir au secours de N., on convient en même tems de tenir cette disposition secrète pour éviter qu'il n'en abuse, que la jalousie avec laquelle les Français voyaient l'accroissement de nos forces aux Sept-Isles, leur fournirait un motif d'envahir le Royaume de Naples, si nos forces au lieu simplement d'être destiné à mettre cette république à l'abri d'insulte, décelaient par leur nombre des intentions offensives; que d'ailleurs tout cela serait peut-être trop tard, et qu'au moment où le renfort arriverait, ce Royaume serait déjà province française. Tels sont les principaux arguments qui furent employés. Rien n'en put faire demordre, ni qu'on perdrait une diversion précieuse, qu'on manquerait un poste essentiel, que des ordres attendu d'ici viendraient trop tard, qu'alors des renforts seraient déjà inutiles, et qu'ainsi on tronquerait le système général des opérations, dans lequel la diversion en Italie est de la plus grande importance. Tout fut inutile, et il proposa un contre-projet dont le théatre principal etait le Rhin [1]) et le Nord de l'Italie. Il refusa même de consentir à envoyer le général Lascy à Naples sous prétexte de santé pour pouvoir être dans le cas de surveiller la conduite de la cour de N. et prendre le commandement général des opérations d'Italie en cas de rupture. Toute la discussion fut conduite avec l'humeur et l'entêtement que vous lui connaissez, quand il regrette des mesures et qu'il apprehende qu'on ne veuille l'entrainer à quelque chose qu'il craint. Il

---

[1]) Не ясно, но кажется такъ.

ajoutait qu'il n'etait pas encor decidé de quelle manière nous entrerions dans tout cela, qu'on n'avait pas de vos nouvelles et que tout devait dépendre de la réussite de vos negociations. Dans un travail qu'il a eu quelques jours après avec le P-ce Ad., il lui a dit en propres termes: si Nov. réussit, rien ne me coutera et j'irai en avant sans aucun régret, si non je ne ferai absolument rien, et il faut attendre ce qu'il nous dira. Vous voyez, mon cher, que vous tenez en vos mains les foudres de Jupiter. Voici les causes de tout cela. Vous vous rappelez que dans ma lettre du 26 8-bre passé je vous ai parlé des insinuations du P-ce Lap. et de l'horizon rembrunit qu'il avait offert aux yeux de l'Empereur. Il est très probable qu'il n'a pas cessé ses intrigues et qu'il a continué de le dissuader. Ebranlé déjà de ce côté, toutes les opinions lui sont devenus importantes à connaitre et on a deterré toutes les lettres que La Harpe écrivait depuis plus d'un an et qui n'etaient pas encor decachetées. On s'est mis à pomper la science de cet homme et ces lettres n'ont pas peu contribué au mal. Vous êtes heureux de n'être pas condamné à lire ces fastidieuses productions. Il faut pourtant vous en donner une idée, pour que vous soyez au courant. Il a pris pour texte de ses raisonnemens ceux de nos actes qui ont été imprimés dans les papiers publics, et il juge du système de notre cabinet par ces pièces et comme par leur isolement elles ne présentent aucune liaison, il s'imagine qu'il n'y en a pas davantage dans notre conduite, et il désapprouve tout ce qui se fait. Il trouve la Note de Ratisbonne trop forte, que l'Empereur s'aventure et que par sa position géographique étant trop eloigné et ne pouvant pas, par conséquent, soutenir immédiatement ses volontés, il ne fait que se compromettre sans aucun bien. Il part de là pour citer d'un ton sentencieux et sévère toutes sortes de maximes: restez en second ligne, ne compromettez pas inutilement votre pays, on veut vous entrainer, prenez garde à vous, gardez votre secret etc. etc. et cent mille autres bêtises souslignés, qui par malheur font effet sur notre bon maître; il critique notre conduite relativement à *Vernègues* et prétend que nous n'avions pas le droit de l'avoir à notre service. Si vous analysez ses lettres vous n'y trouvez rien, il ne peut pas se persuader qu'on a une marche systématique, qu'on ne s'aventure point sans une probabilité de réussite. Il ne juge que sur quelques faits épars et sans cohérence entre eux, ét ne se figure pas qu'ils sont liés par des chaînons qu'il ne peut point appercevoir et desquels il faudrait s'informer avant que de

porter un jugement; mais sans prendre cette peine il tranche sur tout et condamne. Tout ceci joints aux sermons du Lap. font que nous sommes diablement *low spirit*. Il n'y a que les nouvelles que vous nous donnerez, qui pourront relever la chose: il en parle à tous les travails qu'il a avec le P-ce Ad.

Il y a déjà une quinzaine de jours que j'ai commencé cette lettre, et depuis ce tems il y a eu des changemens non dans le *low spirit*, car il subsiste malheureusement toujours, mais on a obtenu quelques points: Lascy sous prétexte de santé sera envoyé à N. On donnera ordres à plusieurs regiments d'être prets à s'embarquer au premier ordre. Ad. a emporté ces points après une dispute très vive et il a déjà écrit a L. [1]) de se tenir prêt. En attendant on a reçu les nouvelles que la cour de V. avait ratifié et cela fait intérieurement de la peine à l'Empereur, qui de tems en tems reproche de s'être arrangé avec eux. Voila à peu près le tableau de notre extérieur, quant à l'intérieur, je vous dirai qu'on a reçu plusieurs fois des nouvelles de Tsitsianof. Volkonski l'a laissé absolument manquer de vivres, faute de quoi il a été obligé de se retirer de devant Erivan, quoiqu'il ait eu la nouvelle certaine que Bassa-Khan devait se retirer dans dix jours. Il a été attaqué plusieurs fois pendant le blocus par des forces très supérieures, mais il les a toujours battu; enfin totalement denué de vivres et après avoir nourri son armée pendant plusieurs jours d'une demi-portion de riz, les malades augmentant d'une manière effrayante, il a été obligé de revenir à Tiflis. Je vous laisse à penser, avec son caractère, comme il devait être furieux et la réception qu'il a faite à Volkonski. Celui-ci par sa pusillanimité avait tout brouillé dans le reste de la Géorgie: le voyant manquer de fermeté, les partis commençaient à se former partout. Tsitsianof a été reçu à Tiflis avec des transports de joie, tout le peuple a couru au devant de lui à cinq verstes. Depuis qu'il est là, tout s'arrange et on a les meilleurs nouvelles. L'Empereur dans cette occasion s'est très bien conduit: il a fait rappeler Volk. et il a écrit à Tsitsianof un rescrit plein de bonté, où il l'encourage, lui fait voir qu'il n'envisage point sa retraite comme une chose qui puisse lui faire du tort et le ranime autant qu'il est possible; il lui ordonne de remarcher sur Erivan dès qu'il le pourra et on l'a renforcé de quelques regiments. On a reçu aujourd'hui un courrier de lui, qui annonce que la tranquillité est parfaitement

---

[1]) Карандашемъ приписано: Lassy.

rétabli, ainsi nos affaires y prennent la meilleure tournure. Adieu, mon cher, je n'ai pas le tems de vous en mander davantage, le courrier me presse. Je me propose toujours de vous parler de *Pozzo di Borgo*, mais je suis encor forcé de le remettre. Vale.

St.-P-bourg
ce 27 nov. 1804.

P. S. Nous avons eu le dernier comité ministériel le budget de 805; l'ami Wassilief a fait le charlatan et a effrayé l'Empereur avec un deficit de 13 millions. Il était au désespoir. On a rogné à droite et à gauche et on a arrangé la chose comme vous la verrez d'après la note ci-jointe. L'Empereur n'a pas voulu entendre parler d'une émission de billets de banque.

Vous n'avez rien de Врончонокъ parce qu'il ignorait le départ du courrier, mais je puis vous annoncer que la commission ne va pas grandement. Je vous fais passer deux lettres que j'ai reçu pour vous.

(Вамъ необходимо, любезный другъ, знать въ точности наши здѣшнія дѣла. Вы знаете, что мы [1]) иногда, вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало бы сдѣлать, и такъ какъ обстоятельства не ждутъ прихоти государей, изъ этого выходитъ въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое. По нашимъ послѣднимъ письмамъ вы могли видѣть, что мы находимся теперь въ одномъ изъ этихъ пароксизмовъ, и такъ какъ онъ продолжается, то существенно важно противодѣйствовать ему всѣми возможными средствами, и вы можете помочь здѣсь больше чѣмъ кто-либо вашими извѣстіями. Поэтому разскажу вамъ факты.

Мы имѣли недавно засѣданіе у императора. Дѣло шло здѣсь объ европейскихъ дѣлахъ и между прочимъ о дѣлахъ неаполитанскаго королевства. Князь Адамъ [2]), — какъ вы могли видѣть по моимъ послѣднимъ извѣстіямъ, что на этомъ порѣшено было въ составленномъ недавно военномъ комитетѣ, — предлагалъ усилить нашъ корпусъ, находящійся на Семи-Островахъ (Іоническихъ), такъ, чтобы отъ 15 т. довести его до 20 т., что̀ дало бы намъ возможность сдѣлать диверсію въ Италіи съ 15-тысячнымъ корпусомъ, который въ соединеніи съ туземными войсками и съ англійскимъ корпусомъ составилъ бы крупную массу, которую можно было бы выставить противъ Наполеоновской ар-

---

[1]) Это «мы» относится собственно къ императору Александру.

[2]) Чарторижскій.

міи. Эта мѣра подкрѣплялась сначала необходимостью быть, при первомъ знакѣ, готовымъ занять Калабрію прежде французовъ, потому что, такъ какъ эта страна покрыта горами и защищается двумя узкими дефиле, то первые, кто ее займетъ, не легко могутъ быть оттуда вытѣснены, и что нужно было отнять это преимущество у французовъ. Такъ какъ договоръ съ Австріей былъ уже подписанъ, то казалось, это согласіе позволяло намъ сдѣлать наше положеніе болѣе угрожающимъ и дать намъ возможность оказать помощь нашему союзнику, королю неаполитанскому. Кромѣ того, предлагали на случай снабдить Анрепа приказаніями, которыя бы уполномочивали его высадиться въ ту минуту, когда французы поставятъ хоть одного человѣка въ неаполитанскія крѣпости. На этихъ мѣрахъ чрезвычайно настаивали герцогъ Серра-Капріола и лордъ Гауэръ; первый, какъ отчаянный, кричитъ о помощи, второй требуетъ категорическихъ объясненій о томъ, что мы хотимъ сдѣлать для южной Италіи. Теперь вотъ возраженія. Онъ [1]) говорилъ, что договоръ съ Австріей не былъ еще ратификованъ, и до исполненія этой формальности было бы неблагоразумно выдвигать слишкомъ большое число войскъ, что неаполитанскій дворъ далъ уже доказательства дурного поведенія и не заслуживалъ никакого довѣрія, что съ той минуты, какъ они получатъ подобное удостовѣреніе, они сами не во-время начнутъ дѣло и откроютъ военныя дѣйствія прежде, чѣмъ обстоятельства созрѣютъ для этого, что вѣнскій дворъ самъ предвидѣлъ ненадежность неаполитанскаго министерства, потому что въ статьѣ, гдѣ говорится о помощи Неаполю, соглашаются также держать эту мѣру въ тайнѣ, для избѣжанія того, чтобы министерство не злоупотребило ею; что ревность, съ которой французы смотрятъ на увеличеніе нашихъ силъ на Семи-Островахъ, можетъ побудить ихъ къ занятію неаполитанскаго королевства, если бы наши силы, вмѣсто того, чтобы просто служить для охраненія этой республики отъ насилій, своимъ количествомъ не обнаруживали наступательныхъ намѣреній; что притомъ все это можетъ быть уже слишкомъ поздно, и что въ ту минуту, когда подкрѣпленіе придетъ, это королевство будетъ уже французской провинціей. Таковы были главные аргументы. Ничто не могло заставить отступиться отъ нихъ, ни то, что такъ потеряна будетъ отличная диверсія, что потерянъ будетъ существенный постъ, что приказанія, ожидаемыя отсюда, придутъ слишкомъ поздно, что тогда подкрѣпленія будутъ уже безполезны, и что такимъ образомъ обрѣзана будетъ общая система операцій, въ которой диверсія въ Италіи имѣетъ величайшую важность. Все было безполезно, и онъ предложилъ другой проектъ, главнымъ театромъ котораго былъ Рейнъ и сѣверная Италія. Онъ даже отказалъ въ своемъ согласіи послать генерала Ласси, подъ предлогомъ болѣзни, въ Неаполь,

[1]) Императоръ.

чтобы имѣть возможность наблюдать поведеніе неаполитанскаго двора и въ случаѣ разрыва принять главное начальство надъ дѣйствіями въ Италіи. Весь споръ велся съ такой нетерпимостью и упорствомъ, какую вы знаете за нимъ, когда онъ сожалѣетъ о мѣрахъ, и опасается, что его хотятъ увлечь къ чему-нибудь, чего онъ боится. Онъ прибавлялъ, что онъ еще не рѣшилъ, какимъ образомъ мы поступимъ во всемъ этомъ, что отъ васъ нѣтъ извѣстій и что все должно зависѣть отъ успѣха вашихъ переговоровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, при докладѣ князя Адама онъ сказалъ ему этими самыми словами: если Новосильцовъ успѣшно сдѣлаетъ свое дѣло, тогда мнѣ будетъ все равно и я безъ всякаго сожалѣнія пойду впередъ, если же нѣтъ, я не сдѣлаю рѣшительно ничего, и надобно ждать, что̀ онъ намъ скажетъ. Вы видите, любезный другъ, что вы держите въ рукахъ громы Юпитера. Вотъ причины всего этого. Вы припомните, что въ моемъ письмѣ отъ 26 прошлаго октября я говорилъ вамъ объ инсинуаціяхъ князя Лопухина и о томъ, какой мрачный горизонтъ онъ представлялъ глазамъ императора. Очень вѣроятно, что онъ не прекратилъ своихъ интригъ и продолжалъ его отговаривать. Когда онъ былъ уже поколебленъ съ этой стороны, ему стало важно знать всякія мнѣнія, и потому откопали всѣ письма, которыя писалъ ему Лагарпъ болѣе года и которыя были еще не распечатаны. Принялись вычитывать ученость этого человѣка, и эти письма не мало ухудшили дѣло. Вы счастливы, что не осуждены читать эти скучныя произведенія. Надобно, однако, дать вамъ понятіе о нихъ, чтобы вы знали на чемъ стоятъ вещи. Онъ взялъ текстомъ своихъ разсужденій тѣ изъ нашихъ актовъ, которые были напечатаны въ газетахъ, и онъ судитъ о системѣ нашего кабинета по этимъ пьесамъ, и такъ какъ по своей уединенности онѣ не представляютъ никакой связи, онъ воображаетъ, что не больше находится этой связи и въ нашемъ образѣ дѣйствій, и онъ порицаетъ все, что̀ дѣлается. Онъ находитъ, что регенсбургская нота слишкомъ сильна, что императоръ очень рискуетъ, и что, будучи по своему географическому положенію очень далеко и потому не имѣя возможности тотчасъ поддержать силою свои намѣренія, онъ только идетъ на опасность безъ всякой пользы. Затѣмъ онъ начинаетъ глубокомысленнымъ и суровымъ тономъ цитировать всякаго рода мудрыя изреченія: оставайтесь на второмъ планѣ, не вовлекайте безполезно въ опасность вашей страны, васъ хотятъ увлечь, остерегайтесь, берегите свои тайны и проч., и тысячу другихъ подчеркнутыхъ глупостей, которыя къ несчастью производятъ свое дѣйствіе на нашего добраго государя; онъ критикуетъ наше поведеніе относительно Вернега [1]) и

[1]) Эмигрантъ, состоявшій въ русскомъ подданствѣ, и въ 1804 г. по настоянію Наполеона арестованный въ Римѣ папскимъ правительствомъ и выданный французамъ. Богдан. I, стр. 328.

утверждаетъ, что мы не имѣли права имѣть его въ нашей службѣ. Если вы станете разбирать его письма, вы не найдете въ нихъ ничего; онъ не можетъ убѣдиться, что есть систематическій планъ, что не дѣлаютъ риска безъ вѣроятности успѣха. Онъ судитъ только по нѣсколькимъ отдѣльнымъ и безсвязнымъ фактамъ, и не воображаетъ, что они связаны звеньями, которыхъ онъ не можетъ видѣть и о которыхъ слѣдовало бы справиться прежде, чѣмъ произносить сужденіе; но онъ, не принявъ на себя этого труда, рѣшаетъ все и осуждаетъ. Все это вмѣстѣ съ проповѣдями Лопухина дѣлаетъ то, что мы теперь находимся въ страшномъ *low spirit* (уныніи). Только ваши извѣстія могутъ поправить дѣло; онъ [1]) говоритъ это при каждомъ докладѣ князя Адама.

Я началъ это письмо уже недѣли двѣ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ произошли перемѣны не въ *low spirit*, потому что это къ несчастію продолжается, но нѣкоторые пункты выиграны. Ласси, подъ предлогомъ болѣзни, будетъ посланъ въ Неаполь. Нѣсколькимъ полкамъ дадутъ приказъ быть готовыми сѣсть на суда по первому приказанію. Князь Адамъ получилъ эти пункты послѣ очень живого спора и написалъ уже Ласси, чтобы онъ былъ готовъ. Тѣмъ временемъ получено было извѣстіе, что вѣнскій дворъ ратификовалъ, и это, въ глубинѣ души, непріятно императору, который отъ времени до времени упрекаетъ себя, что вступилъ съ нимъ въ союзъ. Вотъ приблизительно картина внѣшняго положенія дѣлъ; что до внутренняго, скажу вамъ, что много разъ получены были извѣстія отъ Циціанова. Волконскій оставилъ его совершенно безъ съѣстныхъ припасовъ, за недостаткомъ которыхъ онъ долженъ былъ отступить изъ-подъ Эривани, хотя имѣлъ положительное свѣдѣніе, что Баба-ханъ [2]) долженъ былъ отступить черезъ десять дней. Въ теченіе блокады онъ нѣсколько разъ былъ аттакованъ съ очень превосходными силами, но онъ всегда побивалъ ихъ; наконецъ, совершенно лишенный припасовъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней кормилъ свою армію половинной порціей риса, и когда число больныхъ стало ужасающимъ образомъ увеличиваться, онъ принужденъ былъ воротиться въ Тифлисъ. Можете себѣ представить, при его характерѣ, въ какомъ бѣшенствѣ онъ долженъ былъ быть и какой пріемъ онъ сдѣлалъ Волконскому. Этотъ послѣдній своей трусостью испортилъ всѣ дѣла въ остальной Грузіи: видя, что у него нѣтъ твердости, партіи начали образовываться повсюду. Циціановъ принятъ былъ въ Тифлисѣ съ восторженной радостью; весь народъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу за пять верстъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ тамъ, все приходитъ въ порядокъ и оттуда получаются самыя лучшія извѣстія. Императоръ при этомъ случаѣ держалъ себя очень хорошо: онъ велѣлъ отозвать Волконскаго и написалъ Циціанову

---

[1]) Т.-е. императоръ.

[2]) Такъ онъ долженъ называться; см. Богдан. I, 300—304.

чрезвычайно благосклонный рескриптъ, гдѣ онъ ободряетъ его, показываетъ ему, что не считаетъ его отступленія вещью, которая могла бы послужить ему въ ущербъ, и всевозможнымъ образомъ поощряетъ его. Императоръ приказываетъ ему снова идти на Эривань, какъ только найдетъ это возможнымъ, и его подкрѣпили нѣсколькими полками. Сегодня пр..былъ отъ него курьеръ, съ извѣстіемъ, что спокойствіе возстановлено вполнѣ; такимъ образомъ, наши дѣла принимаютъ самый лучшій оборотъ. Прощайте, любезный другъ, у меня нѣтъ времени писать больше, курьеръ торопитъ меня. Я все собираюсь говорить вамъ о Поццо-ди-Борго, но опять вынужденъ отложить это до другого раза. Vale.

P. S. Въ послѣднемъ комитетѣ министровъ у насъ шло дѣло о бюджетѣ на 1805 годъ. Другъ Васильевъ шарлатанилъ и испугалъ императора дефицитомъ въ 13 милліоновъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Стали обрѣзывать направо и налѣво и уладили дѣло, какъ вы увидите изъ прилагаемой записки. Императоръ не хотѣлъ слышать о выпускѣ ба..овыхъ билетовъ.

Вамъ ничего нѣтъ отъ Врончента, потому что онъ не зналъ объ отъѣздѣ курьера, но я могу сообщить вамъ, что коммиссія идетъ неважно. Отправляю вамъ два письма, полученныя мною для васъ).

VI. *Гр. П. А. Строгановъ къ Новосильцову.*

Londres, 23 fevr.—7 mars, 1806.

J'ai eu dernièrement, mon cher ami, une visite d'Arthur Young qui a reçu des nouvelles de son fils qui se plaint que dans le gouvernement de Moscou il a trouvé une opposition générale à l'accomplissement du travail dont il est chargé. Le motif de cette opposition est, à ce qu'il dit, l'idée qui a prévalu généralement que la suite de cette description devait être l'emancipation des paysans, et que dans cette crainte il avait trouvè toute voye pour les informations fermée, et que l'opposition etait telle qu'il désespérait de pouvoir arriver à un résultat quelconque. D'un autre coté il se loue singulièrement des honnêtetés qu'il reçoit, mais aussitôt, dit il, qu'il veut ouvrir la bouche sur quelque chose relatif à l'objet de sa mission il trouve partout bouche close. Le père qui parait prendre la chose extremement à coeur, m'a demandé ce qu'il y avait à faire et si je n'y pouvais pas quelque chose. Je lui ai dit qu'il devait s'adresser à vous et au C-te Kotchoubey—que si à vous deux vous n'y pouviez rien, ma foi, personne n'y pourrait remédier. Je lui ai promis toutefois de vous en écrire. Il m'a proposé de le faire changer de gouv-nt et de lui faire

faire la description de celui de Pétersbourg par exemple, espérant que la proximité de la résidence contribuerait peut-être à diminuer le préjugé. Pour ce qui est relatif à la somme à payer qui pourrait former une objection, il m'a dit qu'il consentait à ne rien toucher pour le tems qu'il devrait passer de plus à ce travail et il m'a remit à cet égard une petite note que je ci-joins. Ie ne me rappelle pas bien si c'est au pro rata de 1/m. st. par an que doit être compté la gratification, ou de 1/m. st. par gouvernement; au reste n'importe. L'idée est que la gratification ne lui soit compté que pour le tems qu'il aurait dû passer à Moscou et que la différence du tems qu'il devra employer en passant d'un gouv-nt dans un autre ne sera compté pour rien. Il ne parait pas content non plus de l'interprête et desirerait qu'il fût changé, ce qui est aussi dans la note ci-jointe. Voyez donc, mon cher, ce que vous pouvez faire pour cela. Adieu, mon cher ami, je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience j'attend de vos nouvelles, surtout depuis la lettre que j'ai écrite à l'Emp-r.

P. Stroganoff.

(Любезный другъ, у меня былъ недавно Артуръ Юнгъ; онъ получилъ извѣстія отъ своего сына, который жалуется, что онъ встрѣтилъ въ Московской губерніи всеобщую оппозицію совершенію порученной ему работы. По словамъ его, причина этой оппозиціи есть вообще господствующая мысль, что слѣдствіемъ этого описанія (Московской и другихъ губерній) должно быть освобожденіе крестьянъ; и по этому опасенію всѣ пути къ собиранію свѣдѣній были для него закрыты; оппозиція была такова, что онъ отчаявался придти къ какому-нибудь результату. Съ другой стороны онъ не нахвалится гостепріимствомъ, которое ему оказываютъ, но какъ-только, говоритъ онъ,—онъ хочетъ заговорить о чемъ-нибудь относящемся къ предмету его порученія, онъ не можетъ добиться ни слова. Отецъ, кажется, принимаетъ это дѣло чрезвычайно къ сердцу; онъ спрашивалъ меня, что тутъ дѣлать и не могу-ли я помочь съ своей стороны. Я сказалъ ему, что ему надо обратиться къ вамъ и къ гр. Кочубею,—и что если вы двое ничего не можете сдѣлать, то тогда уже никто не въ состояніи помочь дѣлу. Я обѣщалъ ему все-таки написать вамъ. Онъ предлагалъ мнѣ, чтобы (его сыну) назначили другую губернію и напримѣръ поручили сдѣлать описаніе Петербургской губерніи, надѣясь, что, быть можетъ, близость столицы поможетъ ослабить предубѣжденіе. Что касается до суммы, изъ-за которой можетъ возникнуть возраженіе, онъ сказалъ, что (сынъ его) соглашается не получать ничего за лишнее время, которое ему пришлось бы употребить на этотъ трудъ, и онъ далъ мнѣ объ этомъ небольшую записку, которую я здѣсь прила-

гаю. Я не помню, какъ надо было разсчитывать вознагражденіе— 1000 фунт. ст. въ годъ, или за каждую губернію; но это все равно. Дѣло въ томъ, чтобы вознагражденіе было разсчитано за то время, которое онъ долженъ бы былъ провести въ Москвѣ, и что разница времени, которое онъ употребитъ переходя въ другую губернію, не пойдетъ въ счетъ совсѣмъ. Онъ, кажется, не доволенъ также переводчикомъ и желалъ бы, чтобы его перемѣнили, о чемъ также говорится въ прилагаемой запискѣ [1]). Посмотрите, пожалуйста, не можете-ли вы чего-нибудь тутъ сдѣлать. Прощайте, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду отъ васъ извѣстій, особенно послѣ письма, которое я писалъ къ императору).

VII. *Къ стр. 100—101.*

О томъ, какую роль игралъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія собственно самъ Завадовскій, мы видѣли сейчасъ нѣкоторое указаніе въ одномъ изъ писемъ Строганова, который жалуется, что онъ ничего не дѣлаетъ, а иногда мѣшаетъ. Что это могло быть похоже на правду, мы видимъ изъ еще болѣе любопытнаго отзыва самаго императора о Завадовскомъ въ одномъ изъ писемъ его къ Лагарпу, напечатанныхъ въ 5-мъ томѣ „Сборника Историческаго Общества,“ которыми мы получили возможность пользоваться только послѣ напечатанія настоящей главы. Въ письмѣ отъ 7-го іюля 1803 г., Александръ пишетъ къ Лагарпу: „Сожалѣнія ваши о назначеніи Завадовскаго министромъ народнаго просвѣщенія весьма бы уменьшились, еслибы вамъ извѣстна была организація его министерства. Онъ не имѣетъ никакого значенія. *Всѣмъ управляетъ* совѣтъ, состоящій изъ Муравьева, Клингера, Чарторижскаго, Новосильцова и др.; *нѣтъ бумаги, которая бы не была обработана ими, нѣтъ человѣка, назначеннаго не ими.* Частыя сношенія мои, въ особенности *съ двумя послѣдними,* мѣшаютъ министру ставить какія-либо преграды тому добру, которое мы стараемся дѣлать. Впрочемъ, мы сдѣлали его уступчивымъ до нельзя; настоящая овца; словомъ, онъ ничтоженъ и посаженъ въ министерство только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ“ (стр. 39). Такимъ образомъ, наибольшая доля въ устройствѣ министерства и въ его первой дѣятельности должна быть отдана друзьямъ Александра и ими выбраннымъ людямъ.

---

[1]) Объ этомъ же сынѣ знаменитаго агронома и экономиста Юнга см. Correspondence, despatches etc. of visc. Castlereagh, third series. Lond. 1853, I, 375 (въ 1814 г.).

III.

Сперанскій.

Кружокъ довѣренныхъ друзей, съ которыми императоръ Александръ дѣлилъ свои первые планы, держался недолго. Съ 1806 года они мало-по-малу устраняются отъ дѣлъ, и Тильзитскій миръ начинаетъ новый періодъ въ жизни Александра и въ его царствованіи. Но Александръ не покидалъ однако своихъ либеральныхъ намѣреній, и конституціонный вопросъ, который онъ поставилъ себѣ въ самомъ началѣ царствованія, продолжалъ занимать его почти до послѣднихъ лѣтъ его жизни. Въ этомъ второмъ періодѣ конституціонные планы получили новое замѣчательное развитіе въ рукахъ Сперанскаго. Удаленіе Сперанскаго, какъ удаленіе перваго кружка, также не остановило конституціонныхъ мечтаній Александра. Въ 1812 г., въ извѣстномъ разговорѣ съ г-жей Сталь, онъ полувысказываетъ свое желаніе дать не «случайныя» ручательства хорошаго правленія [1]). Въ томъ же, быть можетъ, еще болѣе оживленномъ настроеніи онъ былъ въ теченіи Наполеоновскихъ войнъ, когда онъ самъ и, подъ его вліяніемъ, его союзники говорили о свободѣ народовъ и обѣщали своимъ народамъ учрежденія, которыя должны были обезпечить эту свободу. Императоръ Александръ, въ то время тѣсно сблизившійся съ знаменитымъ Штейномъ, первый настаивалъ на либеральной программѣ, которую должны были принять правительства; мнѣнія, которыя онъ высказывалъ тогда почти публично, многимъ напо-

---

[1]) «Императоръ,—разсказываетъ г-жа Сталь, — съ энтузіазмомъ говорилъ мнѣ о своемъ народѣ и обо всемъ, чѣмъ этотъ народъ способенъ сдѣлаться. Онъ высказалъ мнѣ желаніе, о которомъ знаютъ всѣ,—улучшить положеніе крестьянъ, еще находящихся въ крѣпостномъ рабствѣ. «Государь, сказала я, вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи, и ваша совѣсть есть ея гарантія.»—Еслибъ это было и такъ, отвѣчалъ онъ, я все-таки былъ бы только счастливой случайностью! — Прекрасныя слова, я думаю—первыя слова такого рода, какія произносилъ абсолютный

минали принципы лучшихъ временъ революціи [1]). На вѣнскомъ конгрессѣ онъ упорно стоялъ за конституціонное устройство Польши, противъ мнѣнія почти всѣхъ безъ исключенія своихъ совѣтниковъ (Каподистрія, Поццо-ди Борго, самый Штейнъ и т. д.) и противъ мнѣнія другихъ державъ, и дѣйствительно въ Польшѣ введено было представительное правленіе. Александръ не только явился въ Польшѣ конституціоннымъ королемъ, но объявилъ, что такія же учрежденія онъ готовитъ и для Россіи. (Рѣчь при открытіи варшавскаго сейма, 15-го марта 1818). Эта русская конституція дѣйствительно тогда приготовлялась; ее составляли, кажется, по образцу той, какая дана была Польшѣ; проектъ ея найденъ былъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова и напечатанъ (на французскомъ языкѣ) въ одномъ политическомъ сборникѣ тридцатыхъ годовъ [2]). Александръ былъ конституціоннымъ государемъ и въ другомъ мѣстѣ—именно въ завоеванной у шведовъ Финляндіи. Современникъ разсказываетъ объ этомъ: «Своимъ благороднымъ образомъ дѣйствій относительно Финляндіи, императоръ Александръ какъ будто желалъ заставить забыть несправедливый способъ ея пріобрѣтенія, и вознаградить новыхъ подданныхъ за перемѣну правленія, которой они подверглись. Онъ далъ Финляндіи новое устройство и конституцію, и оставилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ: законодательномъ, административномъ и судебномъ, независимою отъ остальной имперіи. Тамъ установлено было національное представительство... Его благія намѣренія въ пользу этой части имперіи увѣнчаны были полнымъ успѣхомъ: во все его царствованіе Финляндія процвѣтала подъ сѣнью учрежденій, которыми обязана была великодушію этого государя» [3]).

Эти примѣры достаточно показываютъ, какъ въ разные періоды царствованія, до самыхъ послѣднихъ годовъ обнаруживались конституціонныя влеченія Александра. Мы остановимся теперь на томъ періодѣ его плановъ, когда сотрудникомъ его

государь». (Dix années d'exil, Brux. 1821, стр. 231. Эти слова были уже приведены въ 3-мъ томѣ «Considérations sur la révolution française»).

[1]) Фарнгагенъ, жившій въ Парижѣ въ 1814 г. въ военной и дипломатической средѣ и видѣвшій также императора Александра, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Многіе питали тогда искреннюю надежду, и даже на союзныхъ монарховъ смотрѣли съ довѣріемъ; они энергически и благоразумно вели свое дѣло, ихъ умѣренность была очевидна, и императоръ Александръ говорилъ языкомъ, напоминавшимъ прекраснѣйшія изліянія первыхъ временъ революціи» (Denkwürdigkeiten, 2-te Ausg. Leipz. 1843, III, 165).

[2]) Portfolio, ou Collection de documens politiques relatifs à l'histoire contemporaine. Traduit de l'anglais. Hambourg, 1837, т. V, стр. 378—419.

[3]) La Russie. III, стр. 122—123.

былъ Сперанскій, и когда его конституціонныя намѣренія относительно самой Россіи отличались, кажется, наибольшей степенью увлеченія.

Эти планы Александра были продолженіемъ той же главной мысли, которая была внушена ему воспитаніемъ и высказалась въ мѣрахъ и проектахъ первыхъ лѣтъ царствованія. Теперь его опытность увеличилась настолько, что онъ долженъ былъ еще больше прежняго видѣть «безобразіе зданія». Реакціонныя партіи не могли выставить пока ничего, чтò походило бы на какую-нибудь раціональную систему и чтò могло бы отвратить Александра отъ его намѣреній. Внѣшнія дѣла, которыя съ первой войны противъ Наполеона стали особенно отвлекать его вниманіе отъ внутреннихъ русскихъ дѣлъ, эти внѣшнія дѣла не уменьшали, повидимому, его либеральнаго настроенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще поддерживали его. Войны съ Наполеономъ въ свое время вызывали осужденія строгихъ домашнихъ политиковъ, какъ напр. въ запискѣ Карамзина. Дѣйствительно, можетъ быть, что русская политика выказала въ нихъ лишній задоръ и охоту мѣшаться въ чужія дѣла; при всемъ томъ были обстоятельства, объясняющія тогдашнюю роль Россіи. Строгіе судьи, какъ Карамзинъ, начавшіе смѣло судить и рядить о русской политикѣ при Александрѣ, прежде всего забывали, что политика, враждебная Франціи, начата была не Александромъ: она была принята уже Екатериной и Павломъ, и тогда имѣла даже гораздо меньше основаній,—потому что была исключительно дѣломъ реакціоннаго раздраженія противъ принциповъ, пріобрѣвшихъ господство во Франціи и изъ Франціи ничѣмъ не грозившихъ Россіи. Можно было сказать, что Александръ въ своихъ войнахъ только продолжалъ политику Екатерины,—для мудрости которой упомянутые судьи не находили вообще достаточныхъ похвалъ. Съ другой стороны, враждебное отношеніе къ Франціи имѣло теперь и иныя основанія: Наполеоновскіе захваты, завоеванія, нарушенія международнаго права, наконецъ задѣвавшія и Россію, побуждали ставить дѣло такъ, какъ наконецъ Александръ и поставилъ его. Война была ведена неискусно, даже плохо; Александръ самъ сдѣлалъ много ошибокъ, между прочимъ увлекшись желаніемъ явиться въ роли полководца, и т. п., но онъ могъ не безъ основанія говорить, что война велась за независимость и права народовъ и за политическое достоинство Россіи. При всѣхъ неудачахъ войны, это достоинство Россіи получило однако отъ Наполеона полное удовлетвореніе, и Тильзитскій миръ былъ заключенъ.

Въ массѣ общества этотъ миръ не былъ популяренъ, но

разнымъ обстоятельствамъ, и между прочимъ потому, что въ ней развивались уже особыя представленія о противникѣ Александра. Наполеонъ уже въ то время возбуждалъ въ русскихъ ненависть, которая дошла потомъ до своего послѣдняго предѣла въ 1812 году: его еще не называли и не считали Антихристомъ, но въ немъ уже видѣли исчадіе революціи и олицетвореніе якобинства. Наполеонъ доставлялъ наконецъ опредѣленную цѣль для той ненависти, которую, незатѣйливое въ своихъ идеяхъ, большинство общества почувствовало къ французской революціи еще съ конца правленія Екатерины. Эта вражда въ массѣ была совершенно искренняя, и литература, которой правительство по своимъ соображеніямъ позволило въ теченіе военныхъ дѣйствій говорить что̀ угодно противъ Наполеона, постаралась раздуть ее еще больше. Со временъ революціи въ русскомъ обществѣ стала особенно развиваться вражда къ французскимъ вліяніямъ — французскому воспитанію, литературѣ, нравамъ. Собственно говоря, эта вражда началась уже давно, со временъ «Живописца» и «Бригадира», и въ ней въ одно и тоже время сказывались и сатирическая реакція противъ поверхностнаго подражанія и вмѣстѣ старовѣрческая нелюбовь къ нововведеніямъ, и возбужденіе къ самостоятельности и упорство стараго невѣжества. Борьба противъ «галломаніи» — въ этомъ самомъ двусмысленномъ значеніи — совершенно совпадала съ политическими планами правительства противъ Франціи и «якобинскихъ идей» при Екатеринѣ и Павлѣ; теперь она опять совпадала съ войной. Понятно, поэтому, то впечатлѣніе, которое произвелъ въ обществѣ Тильзитскій миръ. Если были недовольные самымъ началомъ войны, потому что не видѣли для Россіи достаточнаго повода мѣшаться въ нее и тратить силы; если другіе были недовольны войной по той причинѣ, что она велась плохо (что̀ было справедливо), то быть можетъ, еще больше недовольны были миромъ: съ этого мира начинались дружескія отношенія между русскимъ императоромъ и «исчадіемъ революціи», которое успѣли уже возненавидѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинались для Россіи торговыя стѣсненія континентальной системы.

Александръ конечно мало руководился взглядами общества, которые потомъ вовсе не остались для него тайной. Миръ былъ вынужденъ необходимостью: воевать дольше физически было нельзя; кромѣ того, Александръ былъ раздраженъ противъ Англіи за ея слабое содѣйствіе, и это раздраженіе почти уничтожало поводы къ непріязни со стороны Наполеона. Условія мира— кромѣ континентальной системы, которая, впрочемъ, не особенно строго исполнялась съ русской стороны—были неожиданно вы-

годны и извѣстнымъ образомъ почетны для Россіи: съ ней трактовали какъ съ державой равной, а не какъ съ побѣжденной. Это объяснялось тѣмъ, что обстоятельства самого Наполеона требовали отъ него уступчивости и умѣренности.

Въ личной исторіи Александра Тильзитскій миръ отразился новыми вліяніями. Наполеонъ произвелъ на Александра сильное впечатлѣніе. Мудрено, конечно, опредѣлять, въ чемъ именно состояло это впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ геніальная энергія Наполеона, широкіе, полу-фантастическіе планы господства надъ Европой, ловкая лесть подѣйствовали на Александра; онъ удивлялся Наполеону. Въ Эрфуртѣ, только черезъ годъ послѣ Тильзита, Александръ былъ, кажется, уже гораздо сдержаннѣе; отвѣчая на лесть и любезности тѣмъ же, онъ однако не подавался такъ скоро на предложенія, и его подозрительность яснѣе указывала ему, и даже нѣкоторымъ изъ его окружающихъ, тѣ причины, которыя заставляли Наполеона расточать передъ нимъ свою внимательность [1]).

Въ Эрфуртъ императоръ взялъ съ собой и Сперанскаго. Въ это время Сперанскій вступалъ на высшую ступень своего значенія; какъ прежде своимъ первымъ приближеннымъ, такъ теперь ему Александръ сообщилъ свои планы и предположенія и обдумывалъ съ нимъ проекты всеобщаго преобразованія русскаго государственнаго устройства и управленія. На Сперанскаго, какъ разсказываютъ, Наполеонъ произвелъ также чрезвычайное впечатлѣніе, по которому отчасти можно вѣроятно судить и о впечатлѣніяхъ самого Александра. Отношенія Александра къ Наполеону были конечно весьма сложны. Здѣсь были чисто политическія отношенія, гдѣ дѣйствовалъ простой разсчетъ и понимаемыя какъ обыкновенно «государственныя пользы», которыхъ искали въ дипломатическихъ побѣдахъ, въ пріобрѣтеніи новыхъ земель и т. п.; были отношенія личныя, гдѣ Наполеонъ возбуждалъ въ Александрѣ удивленіе и быть можетъ невыгодно дѣйствовалъ на его характеръ [2]),—но ихъ встрѣча имѣла и обширный историческій смыслъ. Личность и дѣятельность Наполеона имѣли вообще двойственный характеръ, вслѣдствіе котораго Наполеонъ и въ тогдашней жизни одинаково справедливо вызывалъ и энтузіазмъ и ненависть, и въ исторіи является орудіемъ свободы

---

[1]) См. любопытныя замѣчанія объ ихъ сношеніяхъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ у Ланфре, Hist. de Napoléon, IV, 113—134, 393—415.

[2]) Александръ еще въ 1812 г. говорилъ г-жѣ Сталь о своемъ тогдашнемъ удивленіи Наполеону, который, какъ замѣчаетъ она, между прочимъ внушалъ ему макіавелическое презрѣніе къ людямъ. (Dix années d'exil, стр. 229).

и орудіемъ угнетенія. Человѣкъ личнаго властолюбія, съ крайнимъ безсердечіемъ и даже презрѣніемъ къ человѣчеству, онъ, при всемъ своемъ цезаризмѣ, оставался дѣйствительно сыномъ революціи, и въ его дѣятельности, хотя и среди множества противорѣчій, продолжали жить идеи, выработанныя французскимъ XVIII-мъ вѣкомъ. При всей жадности къ власти, къ завоеваніямъ, онъ оставался представителемъ націи, которая произвела громадный переворотъ въ своей внутренней жизни и, уничтоживъ въ ней средневѣковыя традиціи, стояла впереди Европы, еще погруженной въ эти традиціи. Имперія была реакціей противъ революціоннаго погрома, но эта реакція не была и не могла быть полной: многое было завоевано окончательно, и возстановленіе монархическихъ формъ было возможно только подъ условіемъ сохраненія завоеванныхъ общественныхъ принциповъ. Эти принципы имперія вносила и въ свои завоеванія: отсюда то странное явленіе, что Наполеоновское иго въ Германіи послужило для нея началомъ освободительнаго движенія. Уничтожая политическую независимость цѣлыхъ странъ, завоеваніе начинало для нихъ независимость гражданскую. Германскій феодализмъ былъ подорванъ также, какъ былъ подорванъ французскій. Необыкновенный организаціонный талантъ Наполеона дѣлалъ то, что учрежденія, законодательство, имъ наслѣдованныя отъ революціи и собранныя имъ въ систему, быстро бросали свои корни, и сохранили свое вліяніе на умы и въ то время, когда Наполеона уже не было. Новый Аттила былъ вмѣстѣ и представителемъ исторически созрѣвшей идеи, требовавшей обновленія политической жизни.

Едвали можно сомнѣваться, что въ этомъ историческомъ своемъ значеніи Наполеонъ имѣлъ вліяніе и на Александра. Тѣсная встрѣча открывала этотъ характеръ не только въ его мрачныхъ, отталкивающихъ сторонахъ, но и въ его преобразующемъ освободительномъ значеніи. Едвали совсѣмъ случайно было то обстоятельство, что съ этого времени начинается новый порывъ импер. Александра къ преобразованіямъ въ русской жизни, къ которымъ, повидимому, онъ нѣсколько охладѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ распался «комитетъ», работавшій такъ малоуспѣшно, и съ тѣхъ поръ, какъ потребность въ разнообразіи и въ шумной роли увлекла Александра въ путаницу европейскихъ дѣлъ. Въ такомъ же смыслѣ Наполеонъ произвелъ сильное впечатлѣніе и на Сперанскаго, который былъ теперь главнымъ дѣльцомъ при Александрѣ. Такимъ образомъ вліянія совпадали, и это способствовало согласію взглядовъ въ начавшихся теперь совмѣстныхъ работахъ императора и его перваго статсъ-секретаря.

Не слѣдуетъ впрочемъ преувеличивать этого вліянія. Этотъ

періодъ правленія Александра называютъ обыкновенно «французскимъ», какъ предшествовавшій называютъ «англійскимъ» — названія, которыя могутъ имѣть смыслъ развѣ по указанію на внѣшнія политическія связи Россіи за эти два періода, но затѣмъ едвали что объясняютъ. Сперанскаго винили въ наклонности къ «французской системѣ»; онъ, кажется, и самъ не спорилъ, что она ему нравилась, но несправедливо было бы сказать, что только въ этомъ вліяніи и заключался источникъ реформаторскихъ плановъ, надъ которыми думали теперь Александръ и Сперанскій. Мы видѣли, что у Александра эти мысли были давнія; несомнѣнно, что они не были новы и у Сперанскаго, — здѣсь они оба могли встрѣтить только новое возбужденіе, которое придало имъ энергіи и предпріимчивости. Начались новыя преобразовательныя предпріятія.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться на подробностяхъ дѣятельности Сперанскаго; мы можемъ ограничиться указаніемъ на книгу барона Корфа (1861), гдѣ читатель найдетъ массу свѣдѣній объ его служебной дѣятельности, и на рецензію этой книги въ «Современникѣ» 1861, гдѣ мѣтко и просто характеризована реформаторская дѣятельность Сперанскаго и его положеніе въ общественной жизни [1]). Мы остановимся только на нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, и затѣмъ хотѣли бы дать понятіе объ основномъ характерѣ и содержаніи реформъ, задуманныхъ Сперанскимъ. Эти реформы, какъ извѣстно, осуществились на дѣлѣ только въ однихъ второстепенныхъ своихъ частяхъ; основныя ихъ положенія остались только на бумагѣ. И въ то время и послѣ эти основныя положенія не были почти извѣстны въ русскомъ обществѣ, не говоря о литературѣ; онѣ не нашли мѣста и въ названной біографіи, которая ограничилась только изложеніемъ частей цѣлаго плана, исполненныхъ на практикѣ.

Сперанскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей молодого поколѣнія въ первые годы царствованія Александра. Своимъ умомъ, знаніями, быстротой работы онъ выдавался изъ массы чиновнаго люда; и это достаточно объясняетъ его блестящую карьеру. Образованіе его было духовно-академическое, но онъ скоро успѣлъ пріобрѣсти и ту ходячую французскую начитанность, которой ограничивалось теоретическое образованіе у лучшихъ государственныхъ людей эпохи,—не говоря о другихъ государственныхъ людяхъ, у которыхъ не было и этого. Въ самомъ началѣ царствованія Александра, Сперанскій былъ принятъ въ министерство Кочубеемъ, какъ человѣкъ, отъ кото-

[1]) «Русскій Реформаторъ», Совр. 1861, окт., стр. 211—250.

раго онъ ждалъ себѣ самой дѣйствительной помощи; тогда нужны были именно свѣжіе дѣятельные люди, которые съумѣли бы понять новыя желанія правительства, и въ состояніи были устроивать новый порядокъ вещей. Сперанскій совершенно оправдалъ ожиданія и уже въ это время выдавался изъ ряду какъ человѣкъ съ широкимъ взглядомъ на вещи. Министерство Кочубея получало особенное значеніе по обширному кругу дѣйствій и оживленной работѣ; въ глазахъ умныхъ людей служба въ его канцеляріи стала считаться своего рода школой, образовательнымъ средствомъ; журналъ этого министерства вызывалъ сочувствіе[1]). Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ здѣсь Сперанскій. Онъ не имѣлъ еще вполнѣ самостоятельной роли, но въ немъ уже опредѣлился человѣкъ новаго образа мыслей, партизанъ новой системы, какую заставляли предполагать мѣры правительства. Съ 1803 года ему уже начали поручать особыя важныя дѣла по новымъ преобразованіямъ. Когда около времени Тильзитскаго мира Александръ разошелся съ своими прежними совѣтниками, онъ тотчасъ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, и на него возложена была такая же масса разнообразныхъ дѣлъ, какая прежде была на рукахъ Новосильцова. Передъ поѣздкой въ Эрфуртъ, Александръ назначилъ его въ коммиссію законовъ, а вскорѣ по возвращеніи сдѣлалъ его товарищемъ министра юстиціи, что̀ должно было утвердить его значеніе въ коммиссіи, отъ которой ожидались теперь капитальныя законодательныя работы. Сперанскій, по словамъ Розенкампфа, еще прежде былъ усерднымъ почитателемъ французской системы централизаціи и Наполеонова кодекса; и теперь, когда императоръ Александръ, въ своемъ новомъ настроеніи, опять сталъ думать о широкой политической реформѣ, онъ не могъ найти сотрудника и исполнителя лучше Сперанскаго: порывистымъ желаніямъ и торопливости императора совершенно отвѣчала и смѣлая, неутомимая и систематическая дѣятельность Сперанскаго.

Съ такимъ направленіемъ мыслей Сперанскій приступалъ къ работамъ, о которыхъ мы будемъ говорить. Его личный характеръ и въ то время и послѣ, до сихъ поръ, подвергался многоразличнымъ осужденіямъ и самымъ ненавистнымъ клеветамъ. Не только его враги, ненавидѣвшіе его за образъ мыслей или вслѣдствіе личныхъ столкновеній, взваливали на него всевозможныя обвиненія; но и люди, совершенно расположенные цѣ-

---

[1]) См., напр., нелишенные интереса отзывы Евгенія, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, въ его частныхъ письмахъ 1804—1805 г. «Русскій Архивъ», 1870, стр. 841, 846.

нить многія благія его начинанія, строго осуждали недостатки его характера и вообще очень низко цѣнили его нравственное достоинство. Нечего конечно повторять и опровергать тѣ безсмысленные доносы и клеветы, которые распространялись его непріятелями: обвиненія въ измѣнѣ, которымъ повѣрилъ-было и самъ Александръ, во взяткахъ и т. п. Но объ немъ очень строго судятъ и такіе современники, какъ Н. И. Тургеневъ.

«Ни на одного изъ русскихъ государственныхъ людей не клеветали столько какъ на Сперанскаго; а по разбору фактовъ онъ оказывается человѣкомъ очень рѣдкаго природнаго благородства»,—говоритъ авторъ упомянутой статьи о книгѣ барона Корфа, составившій свое заключеніе изъ разныхъ данныхъ, собранныхъ въ этой книгѣ, и свидѣтельствующихъ о прямотѣ этого характера. Таковъ былъ и современный отзывъ сухого и безпристрастнаго Дмитріева, который говоритъ, что любилъ Сперанскаго, когда тотъ еще не имѣлъ своего высокаго служебнаго положенія, находя въ немъ «просвѣщеніе, благородство и привѣтливость». Впослѣдствіи, въ ихъ служебныхъ отношеніяхъ была между ними «нѣкоторая холодность», — «но это не мѣшало мнѣ, говоритъ Дмитріевъ, отдавать ему полную справедливость, и желать искренно, чтобы важный трудъ его, новое уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный государственнымъ совѣтомъ, и впослѣдствіи собственною опытностію, скорѣе былъ довершенъ и обнародованъ. Тогда бы имя его дошло до потомства» [1]). Припомнимъ, что это писалъ почитатель Державина и ближайшій другъ Карамзина.

Отзывы Тургенева [2]) безжалостны, и объясняются повидимому тѣмъ положеніемъ, въ какое сталъ Сперанскій по возвращеніи изъ ссылки, и особенно его ролью въ началѣ новаго царствованія. Тургеневъ вѣроятно и зналъ Сперанскаго только въ это время, по его возвращеніи въ Петербургъ, а въ это время въ немъ произошла сильная перемѣна, достаточно характеризованная въ книгѣ барона Корфа и въ статьѣ «Современника». Сперанскій послѣ ссылки былъ уже человѣкъ сломленный.

Въ это позднѣйшее время, когда онъ сталъ уклончивъ и искателенъ, когда онъ сталъ добиваться дружбы сильныхъ людей, какъ Аракчеева, и, принося «жертвы своему положенію», какъ говоритъ его біографъ, дошелъ до того, что даже написалъ похвальное слово военнымъ поселеніямъ,— его новыя связи на-

---

[1]) «Взглядъ» etc., стр. 199.

[2]) La Russie, I, 573—576: «le peu de valeur de l'homme moral»; «la pusillanimité de Speransky»; «il a pu donner quelque méthode à ses créations, mais il lui a été impossible de leur donner de l'âme, par la simple raison que lui-même n'avait pas d'âme».

бросывали дѣйствительныя пятна на его характеръ: его обвиняли въ безсердечномъ честолюбіи. Но если справедливо, что и въ это позднѣйшее время Сперанскій, какъ находилъ возможнымъ утверждать авторъ статьи «Современника», «былъ честолюбивъ, но не въ томъ дюжинномъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяется *съ этимъ словомъ: онъ хотѣлъ великой исторической* дѣятельности, онъ хотѣлъ заслужить славу въ потомствѣ государственными преобразованіями, и человѣка, имѣющаго такую цѣль, нельзя упрекать въ тщеславной суетности, когда онъ хлопочетъ о власти»,—то едвали можно сомнѣваться, что въ прежнее время его побужденія были столько же безкорыстны, что онъ дѣйствительно искалъ великой исторической дѣятельности и хотѣлъ заслужить славу въ потомствѣ государственными преобразованіями.

Говоря объ этихъ преобразованіяхъ, большая часть которыхъ осталась въ видѣ проектовъ, никогда не увидѣвшихъ свѣта, біографъ Сперанскаго не разъ называетъ его мечтателемъ, забѣгавшимъ въ будущее, дѣлавшимъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго. Нетрудно придти къ такому заключенію, когда мы знаемъ, какія событія совершались на дѣлѣ, какъ мало успѣха имѣла потомъ идея этихъ преобразованій и какъ обманчивы оказались надежды; но обыкновенно таковы бываютъ сужденія *a posteriori* о всякихъ неудавшихся предпріятіяхъ и планахъ. Репутація синицы, зажигающей море, легко остается за людьми, широкіе планы которыхъ не осуществились; но не всегда неудача бываетъ слѣдствіемъ самой сущности плана: вина ея можетъ быть въ недостаткѣ характера, или въ непригодности средствъ, а вовсе не въ намѣреніи и не въ идеѣ преобразованія. У Сперанскаго не было тогда умѣнья предвидѣть и бороться съ интригой, не было безжалостной рѣшимости раздавить своихъ враговъ, и не было низости, какой свергли его самого. Всѣ его надежды опирались на личности Александра. Мы не знаемъ подробностей ихъ «стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій», гдѣ они только вдвоемъ, въ тайнѣ отъ всѣхъ, обсуждали всеобщую реформу государственнаго устройства, и, слѣдовательно, намъ трудно судить о томъ, какое впечатлѣніе могла производить на Сперанскаго эта личность въ тѣ самыя минуты, когда онъ предлагалъ Александру свои проекты, когда императоръ раздѣлялъ его идеи, «поправлялъ и дополнялъ» его планъ. Этотъ планъ, какъ увидимъ, былъ исполненъ смѣлыхъ вещей, и что было думать Сперанскому, когда Александръ самъ поручалъ ему этотъ трудъ и одобрялъ эти смѣлыя вещи? Какое предвидѣніе могло ему открыть неуловимую подвижность этого характера, всю непрочность

опоры, на которой онъ хотѣлъ утвердить свое предпріятіе? Правленіе Александра въ то время еще не обнаружило до такой степени тѣхъ свойствъ, съ которыми оно неразлучно въ исторіи. Напротивъ, надежды вовсе еще не были разрушены, и впереди ожидалось преобразованіе Россіи.

Чтобы точнѣе опредѣлить «мечтательность» Сперанскаго, не надо забывать общихъ свойствъ времени, которыя отражались и на его понятіяхъ. Въ то время вообще мало знакомъ былъ тотъ скептицизмъ, который заставляетъ ближе присматриваться къ вещамъ, не даетъ увлекаться традиціонными призраками и который сталъ довольно обыкновененъ потомъ. То, что кажется невѣроятнымъ для насъ, не казалось невѣроятнымъ въ то время, и то, что кажется намъ самообольщеніемъ почти ребяческимъ, было тогда въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Недавно напечатана была цѣлая масса писемъ Сперанскаго къ его дочери и друзьямъ [1]), которыя ярко выставляютъ до сихъ поръ мало извѣстную сторону въ его характерѣ, именно мистицизмъ, и притомъ въ одной изъ очень странныхъ его формъ. Письма Лопухина къ Сперанскому (отъ 1804 года) показываютъ, что это была давняя черта мнѣній Сперанскаго, вовсе не внушенная модой или развитая только позднѣйшими обстоятельствами, какъ можно было бы подумать (если не ошибаемся, такимъ причинамъ приписывали его участіе въ Библейскомъ обществѣ). Мистицизмъ для многихъ замѣнялъ въ тѣ времена всякую идеальную и абстрактную философію, и можно себѣ представить, что онъ мало способствовалъ строгости мысли. Но какъ этотъ религіозный мистицизмъ мирился въ умѣ Сперанскаго съ очень смѣлыми и реальными политическими идеями, на которыхъ онъ основывалъ свои проекты, такъ съ этими реальными идеями мирился и своего рода мистицизмъ политическій, въ его пониманіи русскихъ вопросовъ. Тотъ характеръ общественнаго сознанія, который выразился напр. въ Радищевѣ, имѣлъ еще слишкомъ мало представителей; большинство людей, начавшихъ думать о государственной и общественной реформѣ, очень смутно понимали ея условія и средства исполненія. Признавая происхожденіе власти отъ народа, Сперанскій въ то же самое время оставался вѣренъ привычнымъ понятіямъ; какъ самъ Александръ озабочивался тѣмъ, какимъ образомъ ограничить «произволъ нашего правленія», такъ и Сперанскій искалъ ограниченія власти въ той же самой абсолютной власти. Оба забывали объ обществѣ и объ народѣ, не хотѣли искать въ нихъ элементовъ свободы, кото-

---

[1]) Переписка со Столыпинымъ, Цейеромъ, Лопухинымъ и др., въ «Р. Архивѣ».

рую хотѣли основать, рѣшали вопросы за нихъ и въ секретѣ отъ нихъ, и думали сдѣлать все одними административными предписаніями, назначить впередъ путь, по которому должна была идти освобождаемая ими жизнь. Этотъ взглядъ главнымъ образомъ принадлежалъ конечно императору, какъ ему вообще принадлежала инціатива; Сперанскій ошибался по крайней мѣрѣ тѣмъ, что безусловно подчинялся ему, не хотѣлъ провѣрить и исправить его. Мы постараемся дальше показать, чѣмъ объясняются разныя ошибки и пробѣлы въ политическихъ теоріяхъ Сперанскаго; но Сперанскій прежде всего на самомъ себѣ долженъ былъ испытать, какъ невѣрны были его разсчеты.

Къ 1808 году старое министерство окончательно разсѣялось,— Новосильцовъ, сдѣланный сенаторомъ, оставилъ всѣ дѣла и уѣхалъ надолго за границу; Чарторижскій замѣненъ былъ въ иностранныхъ дѣлахъ Будбергомъ и остался только попечителемъ виленскаго учебнаго округа; П. А. Строгановъ съ началомъ войны 1807 года перешелъ въ военную службу; наконецъ въ ноябрѣ этого года Кочубей также оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ былъ замѣненъ Куракинымъ. Сперанскій, до сихъ поръ не имѣвшій никакой самостоятельной роли, работавшій много, но только по чужимъ указаніямъ, сталъ теперь при Александрѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

«Пора пристрастія ко всему англійскому, господствовавшаго при прежнихъ любимцахъ, окончательно миновала,— разсказываетъ баронъ Корфъ. Если уже Тильзитскій миръ произвелъ совершенную перемѣну и въ политикѣ нашего кабинета, и въ личныхъ чувствахъ русскаго государя къ императору французовъ, то Эрфуртъ довершилъ ее окончательно. Александръ воротился въ Петербургъ, очарованный Наполеономъ, а его статсъ-секретарь— и Наполеономъ и всѣмъ французскимъ. Послѣ видѣннаго и слышаннаго при блестящемъ французскомъ дворѣ, Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать, что — по любимымъ тогдашнимъ его выраженіямъ — il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap. Данное ему новое, самостоятельное положеніе освобождало его отъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній, а милость Государя вдохнула въ него полную отвагу. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодого преобразователя; онъ снова находился какъ бы въ чаду, но уже съ тою разницею, что, найдя себѣ готовый образецъ для подражанія, совсѣмъ откинулъ прежнюю робость

малоопытности. Вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго».

Въ своемъ письмѣ къ императору изъ Перми въ январѣ 1813 года, Сперанскій указываетъ ходъ предпріятія, исполненіе котораго поручилъ ему Александръ. По возвращеніи въ Петербургъ, императоръ, занятый своей давнишней мыслью о преобразованіи имперіи, передалъ Сперанскому разные прежніе матеріалы и работы этого рода и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи сочиненій, относящихся къ этому предмету. Изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ и изъ личныхъ разговоровъ и мнѣній Александра надо было составить одно цѣлое. Выработанный такимъ образомъ «планъ государственнаго преобразованія», по словамъ Сперанскаго, въ сущности своей не представлялъ ничего новаго, но идеи, съ 1801 г. занимавшія Александра, приведены были въ систему. «Весь разумъ сего плана, — говорилъ Сперанскій, — состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на *началахъ постоянныхъ* и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы».

По словамъ барона Корфа, Сперанскій въ видѣ вступленія къ разрѣшенію этой задачи представилъ обширную записку о свойствѣ и предметахъ законовъ государственныхъ вообще, о раздѣленіи ихъ на преходящіе и коренные или неподвижные, и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. «Потомъ онъ принялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета государева до волостнаго правленія».

«Колоссаленъ былъ этотъ планъ, — продолжаетъ баронъ Корфъ, — исполненъ смѣлости, какъ по основной своей идеѣ, такъ и въ подробностяхъ развитія. Все еще живя жизнію болѣе мыслительною, кабинетною, нежели практическою, Сперанскій не чувствовалъ или скрывалъ отъ себя, что онъ, по крайней мѣрѣ частію своихъ замысловъ, опережаетъ и возрастъ своего народа, и степень его образованности; не чувствовалъ, что строитъ безъ фундамента, т.-е. безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ; наконецъ, что, увлекаясь живымъ стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ возвышенному, онъ, какъ сказалъ когда-то нѣмецкій писатель Гейне, хочетъ ввести будущее въ настоящее, или, какъ говорилъ Фридрихъ Великій про Іосифа II-го, дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго....

«Какъ бы то ни было, но работа создавалась, подъ перомъ

смѣлаго редактора, съ изумительною быстротою. Не далѣе октября 1809 года весь планъ уже лежалъ на столѣ Александра. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи разныхъ его частей, въ которыхъ государь дѣлалъ свои поправки и дополненія [1]). Наконецъ положено было приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе».

Но когда нужно было сдѣлать это, Александромъ, повидимому, овладѣла обычная нерѣшимость.

«Тутъ начались колебанія, — продолжаетъ баронъ Корфъ. Свѣтлый умъ Александра постигъ, что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное, и что, во всякомъ случаѣ, необходимы сперва разныя переходныя мѣры». Сперанскій, повидимому, соображаясь съ измѣнившимся мнѣніемъ или нерѣшительностью Александра, предлагалъ программу исполненія, по которой слѣдовало, избѣгая всякой торопливости, открывать новыя установленія только тогда, когда все образованіе ихъ будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учрежденій къ новымъ сдѣлать постепеннымъ и естественнымъ и наконецъ устроить такъ, чтобы имѣть всегда возможность остановиться и сохранить во всей силѣ прежній порядокъ, въ случаѣ еслибы для устройства новаго представились какія-нибудь непреодолимыя препятствія. Срокомъ окончательнаго введенія учрежденій онъ предлагалъ опредѣлить 1 сентября 1811. Еслибы это осуществилось, онъ ожидалъ, что тогда Россія «воспріиметъ *новое бытіе* и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится».

«Но въ книгѣ судебъ было написано другое,—говоритъ его біографъ. Сперанскому все казалось уже совершеннымъ, поконченнымъ, и исполненіе своего плана онъ раздѣлялъ на сроки единственно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе обезпечить его успѣхъ. Вмѣсто того, важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то, что̀ самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша»....

Біографъ Сперанскаго и не нашелъ нужнымъ или возможнымъ останавливаться на этомъ общемъ планѣ и ограничился только тѣми частями проекта, которыя получили дѣйствительное исполненіе.

Этотъ общій планъ преобразованія, въ свое время оставшійся никому недоступной тайной, былъ чрезвычайно мало из-

---

[1]) Объ этомъ говоритъ самъ Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ.

вѣстенъ и впослѣдствіи. Единственное небольшое извлеченіе изъ него сдѣлано въ много разъ нами цитированной книгѣ Н. И. Тургенева, откуда заимствовалъ потомъ Гервинусъ основанія своей характеристики Сперанскаго [1], — которой между прочимъ даетъ высокую цѣну и баронъ Корфъ. Изъ этого до сихъ поръ единственнаго источника и мы заимствовали немногія, приводимыя ниже свѣдѣнія о планахъ Сперанскаго.

Но обратимся сначала къ тому, что̀ было изъ нихъ исполнено на дѣлѣ. Это были только отдѣльныя и не самыя важныя части цѣлаго плана; да и эти части не даютъ точнаго понятія о характерѣ цѣлаго: по словамъ біографа Сперанскаго, онѣ получили исполненіе только «порознь, разновременно, во многомъ даже на другихъ основаніяхъ», и потому «далеко отошли отъ первоначальнаго общаго плана и почти потеряли всякую съ нимъ связь»; онѣ «не могли принять полной жизни въ томъ объемѣ и духѣ, какіе имъ предназначались». Мы увидимъ, что это замѣчаніе совершенно справедливо. Самъ Сперанскій, по открытіи одного изъ этихъ новыхъ учрежденій—преобразованнаго государственнаго совѣта, еще въ то время говорилъ въ своемъ общемъ отчетѣ за 1810 г. императору Александру: «тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню».

Въ такомъ отношеніи были новыя учрежденія къ настоящему цѣлому плану. Это была слабая тѣнь цѣлаго, отдѣльные отрывки, значительно смягченные Сперанскимъ въ практическомъ исполненіи не только для массы общества и членовъ правительства, которымъ хотѣли представить ходъ учрежденій постепеннымъ и естественнымъ, — но, какъ намъ кажется, смягченные Сперанскимъ и для самого императора Александра...

Цѣль новыхъ плановъ Александра была та же самая, къ которой стремились идеи, «занимавшія императора съ 1801 г.», т.-е. цѣль конституціонная. Какъ ни далеко отстояли учрежденія, осуществленныя на дѣлѣ, отъ первоначальнаго проекта, мы увидимъ, что и въ нихъ все-таки проглядываетъ эта идея.

Преобразованія, къ которымъ приступлено было послѣ колебаній императора и которыя были произведены или только успѣли начаться до паденія Сперанскаго, состояли въ новомъ «образо-

---

[1]) La Russie, III, 423 — 508, гдѣ кромѣ извлеченій изъ плана помѣщены также отрывки изъ пермскаго письма и записка Розенкампфа противъ Сперанскаго. Ср. Gervinus, Gesch. des neunzehnten Jahrh. II, стр. 707—716.

ванiи»: 1) государственнаго совѣта; 2) министерствъ; 3) сената; въ законодательствѣ представленъ былъ на разсмотрѣнie государственнаго совѣта проектъ гражданскаго уложенiя [1]).

Государственный совѣтъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ первые годы царствованiя Александра, представлялъ собой учрежденiе, не имѣвшее опредѣленной роли и круга дѣйствiй, учрежденiе безгласное, и имѣлъ мало влiянiя. Сперанскiй хотѣлъ расширить его значенiе и дать ему «публичныя формы». Въ одной изъ своихъ записокъ онъ указывалъ два обстоятельства, дѣлавшiя преобразованiе старыхъ учрежденiй необходимымъ, во-первыхъ, положенiе нашихъ финансовъ, требовавшее непремѣнно новыхъ и значительныхъ налоговъ, и дошедшее до послѣдней степени безпорядка смѣшенiе въ сенатѣ дѣлъ суда и управленiя. Относительно перваго Сперанскiй писалъ: «Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся *произвольными*. Нельзя каждому съ очевидностiю и подробностiю доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сiю должно замѣнить *убѣжденiемъ* въ томъ, что *не дѣйствiемъ произвола*, но точно необходимостiю, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ *власть державная* сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастiя самого народа; она охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ *нареканiй*, заградитъ уста злонамѣренности и злословiю, и самые налоги не будутъ казаться столь *тягостными* съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми». Относительно смѣшенiя суда и управленiя, онъ говорилъ, что въ этомъ отношенiи исправленiй отлагать больше нельзя, и что сдѣлать ихъ слѣдуетъ отдѣленiемъ извѣстной части управленiя и назначенiемъ для нея особеннаго порядка. Предлогами для образованiя государственнаго совѣта, онъ указывалъ: 1) разсмотрѣнiе проекта гражданскаго уложенiя, часть котораго была имъ къ тому же времени окончена, и 2) упомянутыя финансовыя дѣла.

Преобразованiе государственнаго совѣта готовилось въ величайшей тайнѣ; о немъ не зналъ даже Аракчеевъ и былъ въ бѣшенствѣ отъ этого. Проектъ показанъ былъ только значительнѣйшимъ лицамъ—графу Салтыкову, князю Лопухину, графу Кочубею, канцлеру Румянцеву; Аракчееву показали его почти наканунѣ обнародованiя.

Новый государственный совѣтъ открытъ былъ въ особенномъ

---

[1]) Мы касаемся этихъ предметовъ только въ самыхъ общихъ чертахъ; для подробностей читатель можетъ обратиться къ книгѣ барона Корфа, гдѣ этотъ предметъ изложенъ обстоятельно.

торжественномъ собраніи 1-го января 1810 года, рѣчью императора. Эта рѣчь (написанная Сперанскимъ, но исправленная Александромъ) — по словамъ барона Корфа — была исполнена чувства, достоинства и такихъ идей, которыхъ никогда еще Россія не слышала съ престола. Затѣмъ Сперанскій, въ качествѣ государственнаго секретаря, прочелъ манифестъ объ образованіи совѣта, положеніе о немъ, списокъ вновь назначенныхъ членовъ его и чиновниковъ. Это учрежденіе—говоритъ біографъ Сперанскаго — для всѣхъ присутствовавшихъ въ этомъ собраніи было совершенно ново по своему духу и содержанію. Въ манифестѣ, открывавшемъ государственный совѣтъ, «Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды;* совѣтъ и сенатъ прямо названы были *сословіями;* впервые всенародно выражено сознаніе, что *положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія;* впервые возвѣщено, что разумъ всѣхъ усовершеній государственныхъ долженъ состоять въ *учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона;* наконецъ, все образованіе совѣта, въ которомъ была особая глава подъ названіемъ *коренныхъ его законовъ*, носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ».

Дѣйствительно все это было ново для членовъ совѣта, большинство которыхъ всѣ свои политическія понятія извлекло изъ нравовъ Екатерининскихъ и Павловскихъ временъ,—потому что въ выраженіяхъ манифеста, какъ ни были они неопредѣленны или общи, говорилъ уже не прежній тонъ абсолютной власти, не допускавшей идеи о раздѣленіи своего права; слухъ, привычный къ прежнему тону власти, открывалъ въ этихъ выраженіяхъ то, что̀ и хотѣли сказать ими, но все еще опасались сказать совершенно ясно. Мы видѣли прежде, какъ въ подобномъ случаѣ комментировалъ Шторхъ слова указа объ опредѣленіи правъ и обязанностей сената. То, въ чемъ мы затрудняемся видѣть что-нибудь особенно новое, и можемъ увидѣть только особенно взвѣшивая выраженія, въ то время казалось гораздо болѣе яркимъ и сильнымъ.

Въ этихъ общихъ выраженіяхъ дѣйствительно можно прослѣдить тѣ же давнишнія мысли Александра о преобразованіи характера нашей верховной власти, объ ограниченіи «произвола нашего правленія»: отсюда заботы о томъ, чтобы добиться образа управленія, учрежденнаго на «твердыхъ и непремѣняемыхъ»

основаніяхъ закона; отсюда заботы о государственныхъ «установленіяхъ», безъ которыхъ не могутъ и законы имѣть силы. Всѣмъ этимъ Александръ и его совѣтникъ хотѣли обозначить учрежденія, которыя были бы независимы отъ «произвола», въ состояніи были бы поставить ему преграду. Отсюда и названіе совѣта и сената «сословіями»—терминъ, который, въ собственномъ его значеніи конечно вовсе не соотвѣтственъ тѣмъ учрежденіямъ, какимъ онъ былъ приданъ: ни государственный совѣтъ, ни сенатъ, вовсе конечно не составляютъ «сословій», — но это выраженіе намекало на тѣ états, Stände и т. п., которыя въ другихъ странахъ выражали собой извѣстную представительную автономію общества и ограниченіе «произвола».

Такой смыслъ новаго учрежденія еще болѣе указывали другія его подробности. Манифестъ [1]) упоминалъ въ самомъ началѣ, что внутреннія установленія русскаго государства, въ самаго основанія его, «постепенно усовершаясь, *прелагаемы были* по разнымъ *степенямъ* гражданскаго его существованія», и цѣлью этихъ усовершенствованій и перемѣнъ, происходившихъ въ русскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, по словамъ манифеста, было именно достигнуть управленія, основаннаго на (упомянутыхъ выше) «твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона», т.-е. достигнуть прекращенія произвола и утвержденія такъ-называемой тогда «истинной монархіи». Сказавъ о приготовляемомъ изданіи гражданскаго Уложенія, императоръ обѣщалъ — «по примѣрамъ древняго отечественнаго нашего законодательства, назначить порядокъ, коимъ Уложеніе сіе *совокупнымъ разсмотрѣніемъ избраннѣйшихъ сословій* имѣетъ быть *уважено* и достигнетъ своего совершенства». Подъ «примѣрами древняго законодательства» разумѣлись вѣроятно старинные соборы, и можетъ быть Екатерининская коммиссія. Государственному совѣту предназначалось образованіе, «свойственное *публичнымъ установленіямъ*». Во главѣ «коренныхъ законовъ государственнаго совѣта», дѣятельность его опредѣлялась тѣмъ, что въ совѣтѣ соображаются всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, и потому въ немъ предлагаются и разсматриваются всѣ законы, уставы и учрежденія въ ихъ первообразныхъ начертаніяхъ для представленія верховной власти, которой принадлежитъ окончательное ихъ утвержденіе,—и затѣмъ на предварительное разсмотрѣніе его представлялись еще слѣдующіе предметы (§ 29): во-первыхъ, всѣ предметы и случаи, требующіе новыхъ законовъ, отмѣны, измѣненія или разъясненія

[1]) См. Полн. Собр. Зак. № 24,064.

прежнихъ, и мѣры для успѣшнаго ихъ исполненія; далѣе, *общія* внутреннія *мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ*; *объявленіе войны, заключеніе мира* и подобныя внѣшнія мѣры, когда онѣ по обстоятельствамъ могутъ подлежать предварительному обсужденію; *ежегодныя смѣты* государственныхъ приходовъ и расходовъ, и чрезвычайныя финансовыя мѣры...; наконецъ, *отчеты* всѣхъ *министерствъ* по ихъ управленіямъ.—Въ этомъ опредѣленіи круга дѣйствій государственнаго совѣта опять обнаруживается желаніе предоставить «сословію» хотя предварительное обсужденіе тѣхъ мѣръ, въ которыхъ бываютъ особенно заинтересованы общество и нація, и которыя въ странахъ конституціонныхъ предоставляются на разсмотрѣніе національнаго представительства.

Мы скажемъ далѣе о томъ, какой результатъ дало это учрежденіе и насколько Александръ и особенно его совѣтникъ могли быть удовлетворены его дѣятельностью на практикѣ въ сравненіи съ тѣми ожиданіями, какія на него возлагались.

Другое преобразованіе совершено было въ министерствахъ. Первоначальное ихъ устройство въ 1802 году, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики, обнаружило различныя несовершенства. Сперанскій указывалъ ихъ въ слѣдующемъ: 1) въ недостаткѣ настоящей *отвѣтственности министровъ*; 2) въ неточномъ распредѣленіи дѣлъ между министерствами, и 3) въ недостаткѣ учрежденій, т.-е. въ недостаточномъ устройствѣ административнаго механизма министерствъ. Предложенныя имъ преобразованія внесены были на предварительное разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но прошли въ немъ безъ всякихъ замѣчаній и перемѣнъ, и затѣмъ приведены были въ дѣйствіе двумя манифестами,—отъ 25 іюля 1810, при которомъ обнародовано было новое распредѣленіе дѣлъ по министерствамъ, и манифестомъ отъ 25 іюня 1811 г., при которомъ издано было «общее образованіе министерствъ».

Такимъ образомъ, за устройствомъ совѣта, стоявшаго во главѣ законодательства, послѣдовало преобразованіе учрежденія, которое становилось во главѣ администраціи. Подробности и высокую оцѣнку этого новаго огромнаго труда Сперанскаго читатель найдетъ въ книгѣ барона Корфа, компетентнаго судьи въ этихъ предметахъ. По словамъ его, какъ бы мы ни смотрѣли на основную мысль этого произведенія, оно, по стройности системы, по логической послѣдовательности ея развитія и необыкновеннымъ достоинствамъ изложенія, можетъ одно составить славу своего автора и могло справедливо быть предметомъ его гордости.

«Перемѣнялись царствованія,—продолжаетъ біографъ Сперан-

скаго, — перемѣнялись многократно люди и системы, передѣлывались всѣ уставы, старые и новые, а общее учрежденіе министерствъ полвѣка стоитъ неподвижно, не только въ главныхъ началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ, будто изданное вчера, хотя въ практическомъ приложеніи его къ каждому министерству порознь, даже и въ общемъ его дѣйствіи, оно развилось *не на тѣхъ*, можетъ быть, *нитяхъ, которыя были приготовлены Сперанскимъ*. Прибавимъ, что и всѣ тѣ организаціонныя работы, которыя, впослѣдствіи, были произведены у насъ другими, представляютъ, постоянно, сколокъ съ этого образцоваго творенія, не въ одной только мысли, но въ самомъ ея выраженіи, въ планѣ, въ раздѣленіяхъ, почти въ словахъ».

Эта исторія учрежденія, послѣднее устройство котораго было вполнѣ дѣломъ Сперанскаго, показываетъ конечно, что Сперанскій обладалъ большимъ талантомъ организаціи, въ которомъ впослѣдствіи рѣдко кто могъ съ нимъ равняться. Но если устроенная имъ административная система стала потомъ обильнымъ источникомъ бюрократизма,—вслѣдствіе чего Сперанскаго и обвиняютъ всего чаще какъ родоначальника бюрократіи,—то едва-ли справедливо приписывать именно ему этотъ плачевный результатъ министерской реформы. Сперанскій конечно давалъ формы администраціи, но не его вина, если эти формы не наполнялись содержаніемъ; бюрократія создалась не отъ силы самыхъ формъ, а отъ всего склада управленія и всего склада жизни, въ которомъ власть административная (въ той ли, другой ли формѣ) всегда была всесильна надъ жизнью и угнетала ее формализмомъ и произволомъ. Наконецъ, позднѣйшее развитіе министерствъ дѣйствительно совершилось далеко *не на тѣхъ нитяхъ*, которыя Сперанскій приготовлялъ. *Отвѣтственность* министровъ на дѣлѣ вышла призрачная, или совершенно никакая, но это и не было то, чего собственно хотѣлъ Сперанскій.

Далѣе, стояло на очереди преобразованіе сената. Какъ въ реформѣ министерствъ Сперанскій старался дать ихъ дѣйствіямъ больше правильности съ конституціонной мыслью объ отвѣтственности министровъ за ихъ управленіе, такъ здѣсь онъ желалъ уничтожить ту путаницу дѣлъ, какая господствовала въ сенатѣ отъ смѣшенія судебной и административной властей. Мы видѣли, что уже первые совѣтники Александра приходили къ мысли дать сенату значеніе только высшей судебной инстанціи. Сперанскій также хотѣлъ отдѣлить части правительственныя отъ судныхъ, и изъ соединенія первыхъ составить сенатъ правительствующій, изъ вторыхъ судебный: первый, одинъ для всей имперіи, долженъ былъ состоять изъ министровъ и ихъ товарищей,

и изъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій; второй долженъ былъ состоять изъ сенаторовъ отъ короны, и сенаторовъ *по выбору* отъ дворянства, и долженъ былъ размѣститься по четыремъ судебнымъ округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ. Проекты обоихъ учрежденій были выработаны Сперанскимъ въ теченіе 1810 и въ началѣ 1811 года, разсмотрѣны были сначала въ особомъ комитетѣ изъ Завадовскаго, Лопухина и Кочубея, разосланы потомъ ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта и въ іюнѣ 1811 внесены въ его общее собраніе, гдѣ разсмотрѣніе проектовъ продлилось до половины сентября. Новое учрежденіе встрѣтило здѣсь весьма упорную оппозицію. Возраженія сводились вообще къ тому, что «перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ *печальное впечатлѣніе* на умы» — какъ будто бы прежнія времена могли внушить такой интересъ къ этому учрежденію и какъ будто возражатели въ самомъ дѣлѣ привыкли обращать вниманіе на «печальныя впечатлѣнія»; что раздѣленіе сената уменьшитъ его *важность*, что вдали отъ монарха въ него легче могутъ проникнуть слабость и пристрастіе, и что раздѣленіе повлечетъ большія издержки и трудность пріискать людей на разныя сенатскія должности; что назначеніе сенаторовъ *по выбору* противорѣчитъ духу самодержавія и можетъ еще обратиться во вредъ, потому что выборы могутъ подпасть вліянію богатыхъ помѣщиковъ, которые черезъ это пріобрѣтутъ возможность тѣснить кого захотятъ; что окончательное рѣшеніе дѣлъ сенатомъ также умаляетъ прерогативы самодержавія, тѣмъ болѣе, что преобразованіе еще не ручается за улучшеніе вмѣстѣ съ тѣмъ способности и свойства судящихъ; наконецъ, что выраженіе «державная власть», употребленное въ проектѣ, несвойственно Россіи, гдѣ есть только «самодержавная» власть. Въ этихъ возраженіяхъ была своя доля правды, но еще больше было, кажется, лицемѣрнаго подслуживанья передъ властью; при подачѣ голосовъ большинство совѣта все-таки, по разнымъ личнымъ соображеніямъ, высказалось за проектъ. Александръ утвердилъ мнѣніе большинства, но исполненіе не состоялось, отчасти потому, что оно требовало многихъ приготовительныхъ мѣръ и значительныхъ издержекъ, отчасти по обстоятельствамъ, заставлявшимъ готовиться къ войнѣ. По убѣжденіямъ самого Сперанскаго, какъ онъ говоритъ въ своемъ пермскомъ письмѣ, Александръ отложилъ исполненіе этого преобразованія до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ его царствованіе такихъ обстоятельствъ уже не наступало.

Мы упоминали, что во вновь образованный государственный

совѣтъ предполагалось съ самаго начала внести на *разсмотрѣніе* «проектъ гражданскаго Уложенія» и планъ финансовъ. И то, и другое было также трудомъ Сперанскаго. Эти труды, въ которыхъ опять высказывались новые пріемы и новый взглядъ на вещи, въ особенности послужили цѣлью нападеній противъ Сперанскаго. Читатель найдетъ достаточно подробностей объ этомъ въ книгѣ барона Корфа. Въ «Уложеніи», изготовленномъ слишкомъ поспѣшно, было много недостатковъ, хотя кажется до сихъ поръ не была по справедливости оцѣнена основная мысль этой работы, хотя и неудовлетворительно исполненной [1]). Съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ вообще Сперанскій въ то время, и въ которой нельзя не находить много вещей, чрезвычайно справедливыхъ, «Уложеніе» по своей мысли было совершенно параллельно тому цѣлому проекту, изъ котораго выходили, какъ отдѣльныя части, реформы совѣта, министерствъ и сената, и долженъ былъ выйти еще цѣлый рядъ новыхъ учрежденій. Не забудемъ, что Сперанскій предлагалъ только проектъ; дѣло того собранія, въ которое онъ былъ внесенъ, было принять и развить его, или отвергнуть; личная отвѣтственность автора отступаетъ на второй планъ. Но сущность поднятаго вопроса была вполнѣ дѣломъ Сперанскаго, и свободная отъ предубѣжденій исторія русскаго законодательства вѣроятно признаетъ, что Сперанскій былъ очень правъ во многихъ своихъ мнѣніяхъ о недостаткахъ прежняго русскаго законодательства и отчасти правъ и въ самомъ пріемѣ, которымъ онъ хотѣлъ исправить эти недостатки [2]). Мы увидимъ дальше, что мнѣнія Сперанскаго не были лишены основаній и доказательствъ.

Такъ шли задуманныя преобразованія. Въ этой формѣ они были однако чрезвычайно далеки отъ того идеала, который онъ составилъ себѣ и который раздѣлялъ съ нимъ Александръ. Баронъ Корфъ приводитъ любопытный отрывокъ изъ его общаго отчета государю за 1810 годъ (первый годъ существованія преобразованнаго совѣта), гдѣ ясно высказываются и исходная точка

---

[1]) Это конечно дѣло спеціалистовъ. Въ книгѣ барона Корфа опровергнуто впрочемъ нѣсколько несправедливыхъ обвиненій противъ Сперанскаго въ запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи.

[2]) По словамъ барона Корфа, Сперанскій въ то время «не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію».

Въ письмѣ къ Столыпину, въ августѣ 1809 г., онъ говоритъ: «Здѣсь хотятъ насъ увѣрить, что сенатъ вашъ (Столыпинъ служилъ въ сенатѣ) есть самый высшій образъ благоустроеннаго судилища. Вы знаете, склоненъ ли *я симъ чудесамъ въ Россіи вѣрить*», и пр. (Р. Арх. 1870, стр. 882).

реформъ, и нѣкоторое удовольствіе (быть можетъ, преувеличенное отчасти для императора) отъ пріобрѣтеннаго успѣха, и возраженія недовольнымъ, но вмѣстѣ съ этимъ и прискорбное сознаніе несовершенства дѣла, для полноты котораго недоставало необходимыхъ дальнѣйшихъ реформъ, а также недоставало и людей, способныхъ какъ слѣдуетъ понять и то, что сдѣлано.

«Излишне бы было изображать здѣсь пользу сего установленія,—говоритъ Сперанскій. Приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ вашимъ дѣйствіемъ, В. В. лучше другихъ можете объять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы *власти законодательной*, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, *дать* первый видъ, *первое очертаніе правильности*, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ бо́льшею зрѣлостію, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ бо́льшею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ бо́льшимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ *самовластія* къ *истиннымъ формамъ монархическимъ*. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: «внявъ мнѣнію совѣта» [1]); два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, *кои не знаютъ* связи и *истиннаго мѣста*, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню.

«Но сколь далеко еще отстоитъ установленіе сіе отъ совершенства!—говоритъ онъ дальше. Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще непродолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избирать только тѣхъ, кои, *по чинамъ ихъ и званіямъ*, могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ *составѣ совѣта* нельзя, конечно, и требовать, чтобъ съ перваго шага

---

[1]) О судьбѣ этой формулы впослѣдствіи, біографъ Сперанскаго говоритъ, что «*на практикѣ* она была употребляема весьма не долго послѣ паденія Сперанскаго, но *въ законѣ* она оставалась до изданія новаго образованія совѣта 15 апрѣля 1842 года и включена была и въ первое изданіе Свода (1832)». Жизнь Спер., I, 137, прим.

поравнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои *въ семъ родѣ* въ *другихъ государствахъ* существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однакоже, быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ *прочихъ политическихъ установленіяхъ*, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится».

Эти «прочія политическія установленія», какъ мы говорили уже, не увидѣли свѣта, и тѣ слабые элементы «истинной монархіи», которые Сперанскій ввелъ въ учрежденіе совѣта и министерствъ и которые могли развиться только съ другими широкими реформами, были теперь предоставлены самимъ себѣ, и не поддерживаемые ничѣмъ, слились и затерялись въ прежнемъ традиціонномъ теченіи государственной жизни. Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій, вѣроятно уже предчувствовавшій полное паденіе своихъ плановъ, съ тяжелымъ чувствомъ говоритъ о возраженіяхъ, какими встрѣченъ былъ проектъ преобразованія сената: «Возраженія сіи, большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, *не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка*, чтобъ признать благотворныя ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, *еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія*, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія».

Между тѣмъ противъ Сперанскаго уже начиналась вражда, которая достигла наконецъ его низверженія. Источники этой вражды достаточно разъяснены въ его біографіи и въ указанной статьѣ «Современника». Сперанскій держался исключительно расположеніемъ императора Александра. Это былъ человѣкъ чуждый придворной и правительственной сферѣ. Онъ былъ въ ней выскочка, тѣмъ болѣе ненавистный, что онъ и не хотѣлъ сближаться съ ней: обремененный множествомъ дѣлъ, онъ и прежде былъ довольно недоступенъ; теперь онъ еще рѣже сталъ показываться въ свѣтъ. Занятый своими преобразовательными проектами, которыми искренно увлекался, онъ велъ уединенную, скромную жизнь; онъ не могъ дѣлиться своими мыслями и тайной своихъ работъ; его интересы слишкомъ расходились съ обыкновенными интересами того общества, къ которому онъ принадлежалъ теперь по своему положенію. Въ немъ заискивали [1]),

[1]) Даже высшіе государственные сановники униженно за нимъ ухаживали. «Всякій разъ,—говоритъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ,—когда онъ ни входилъ отъ го-

пока считали его обыкновеннымъ временщикомъ, дружба съ которымъ даетъ всякія выгоды и почести; но какъ скоро поняли, что онъ пользуется расположеніемъ императора вовсе не для своихъ личныхъ цѣлей, что онъ дѣйствительно думаетъ о государственныхъ дѣлахъ, и что онъ вовсе не собираетъ своей партіи, не возвышаетъ своихъ друзей, — къ нему стали относиться совершенно иначе. При всемъ своемъ умѣ, Сперанскій не понялъ достаточно всей опасности своего положенія въ подобныхъ условіяхъ. Баронъ Корфъ сообщаетъ любопытный фактъ, характеризующій нравы и объясняющій паденіе Сперанскаго. «Два лица, уже облеченныя до нѣкоторой степени довѣріемъ государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ *своимъ видамъ* и учредить, изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій. Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе; но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или, можетъ быть, по другому тонкому чувству умолчать о томъ передъ государемъ». Онъ далъ этимъ оружіе своимъ врагамъ противъ самого себя.

Къ этому присоединились другія обстоятельства. Сперанскій прямо вооружилъ противъ себя придворную среду и огромную чиновничью массу знаменитыми указами о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на чины (1809 г.). Оба указа, данные Александромъ по совѣщанію съ однимъ Сперанскимъ, приписаны были исключительно его вліянію, и возбужденное ими озлобленіе, безъ сомнѣнія, очень содѣйствовало тому, что на Сперанскаго легко стало сваливать потомъ всякія мѣры, которыя были или считались стѣснительными, какъ потомъ сваливались на него финансовыя затрудненія и т. п., а наконецъ взводить на него и совсѣмъ фантастическія обвиненія. Наконецъ — самыя государственныя реформы. Какъ ни были осторожны новыя учрежденія, вводимыя Сперанскимъ, какъ ни была неопредѣленна перспектива дальнѣйшаго государственнаго преобразованія, какую представляли собой эти учрежденія, но консервативныя части общества тѣмъ не менѣе почуяли здѣсь что-то грозившее старому порядку и стали защищать его. Услужливые и, можетъ быть, дальновидные сановники упрямо отвергали

сударя въ залу общаго собранія совѣта, нѣкоторые изъ членовъ обступали съ шептаньемъ, отбивая одинъ другого, между тѣмъ какъ многіе изъ-за нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и домогались ласковаго его воззрѣнія» («Взглядъ», стр. 194).

ту долю самостоятельности, какую само правительство желало предоставить обществу, и охраняли абсолютность самодержавія даже отъ тѣхъ умѣренныхъ смягченій, которыя отдавалъ на ихъ обсужденіе самъ императоръ. Въ консервативной массѣ было такъ мало мысли о какихъ-нибудь улучшеніяхъ, такъ сильна была грубая любовь къ старому застою, что нововведеніе, нарушавшее ихъ спокойствіе, становилось настоящимъ преступленіемъ. Въ оппозиціи, которую встрѣтили въ обществѣ планы Сперанскаго, были уже не только люди съ своекорыстными разсчетами, не только легковѣрные невѣжды, но даже и люди, болѣе или менѣе порядочные. Въ запискѣ Карамзина, кромѣ его личныхъ мнѣній, конечно повторено много толковъ и «московскихъ вѣстей», которыя онъ слышалъ въ обществѣ своего и другихъ круговъ. Озлобленный тонъ записки достаточно показываетъ настроеніе консервативнаго большинства, которое теперь уже дѣлало Карамзина своимъ оракуломъ.

Сперанскій задолго до печальной развязки, разрушавшей всю его дѣятельность и съ злой ироніею опровергавшей его политическія мечтанія — начиналъ уже чувствовать невозможность удержаться. За годъ до ссылки, въ февралѣ 1811 года, въ отчетѣ императору онъ изображалъ свое трудное положеніе и свои столкновенія съ людскими страстями, «а еще болѣе съ неразуміемъ», и настойчиво просилъ разрѣшенія покинуть всѣ свои занятія по текущимъ дѣламъ, и работать только въ коммиссіи законовъ. Александръ удержалъ его [1]). Къ концу 1811 г. Сперанскій, повидимому, уже пересталъ вѣрить въ свои надежды. Въ октябрѣ 1811 года онъ пишетъ къ своему другу Столыпину: «...Поѣздка (въ деревню) и паче воздержаніе отъ *излишнихъ затѣй* по службѣ возвратили мнѣ почти все мое здоровье. Я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе *двинуть грубую толщу*, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно. Пусть же она остается спокойна; а я не буду терять моего здоровья въ тщетныхъ усиліяхъ. Вотъ вамъ краткое описаніе физическаго и политическаго моего бытія. Девизъ мой: *хоть трава не рости*»... [2]). Это былъ совершенно естественный исходъ.

---

[1]) Въ запискахъ Дмитріева сообщается любопытное свѣдѣніе, что уже *съ августа 1811 г.* министръ полиціи «получилъ тайное приказаніе примѣчать за поступками Сперанскаго» («Взглядъ» и пр., стр. 194). Это свѣдѣніе, если оно вѣрно, прибавляетъ новую чрезвычайно странную черту къ исторіи этого дѣла и къ образу дѣйствій импер. Александра. Біографъ Сперанскаго, имѣвшій въ рукахъ записки Дмитріева, не объяснилъ этого обстоятельства; также и авторъ «Исторіи Александра I», см. III, стр. 190 и слѣд.

[2]) Р. Арх. 1870, стр. 884.

Извѣстно, какой оборотъ получило дѣло подъ конецъ, когда усилилась тревога передъ войной. Сперанскій былъ вольнодумецъ, революціонеръ, мартинистъ, иллюминатъ: теперь его называли измѣнникомъ. Всѣ темныя обвиненія чрезвычайно легко принимаются и распространяются въ грубомъ обществѣ, притомъ лишенномъ публичной жизни и сколько-нибудь свободной печати. Извѣстно, съ какимъ успѣхомъ интрига поразила Сперанскаго. Александръ подъ первымъ впечатлѣніемъ доносовъ хотѣлъ разстрѣлять Сперанскаго. При послѣднемъ докладѣ Сперанскаго, въ концѣ котораго императоръ высказалъ ему свою немилость и свои обвиненія, Александръ, повидимому, не рѣшился даже сказать ему *всего*, въ чемъ онъ его заподозрилъ, и несмотря на то, что чувство справедливости къ Сперанскому, повидимому, удержало его отъ этого сознанія, онъ не далъ Сперанскому возможности что-нибудь сказать въ свое оправданіе. Сперанскій все-таки осужденъ былъ на ссылку. Въ этой ссылкѣ идеальному патріоту пришлось вынести тяжелыя испытанія—его удалялись или оскорбляли какъ измѣнника: темное обвиненіе натравляло на него народную злобу.

Обвиненія, заключавшіяся въ этихъ доносахъ, и обстоятельства, въ какихъ эти доносы были сдѣланы, до сихъ поръ не могли быть разъяснены вполнѣ,—но сущность обвиненій сводилась къ государственной измѣнѣ и къ намѣренію вооружить народъ противъ правительства. Въ книгѣ барона Корфа собрано много свѣдѣній и объ этомъ предметѣ. Обвиненія не заслуживаютъ, конечно, опроверженій. Сперанскій чрезвычайно просто, съ большимъ достоинствомъ и чувствомъ полной правоты, объяснилъ и оправдалъ свою политическую дѣятельность въ томъ письмѣ [1]), которое удалось ему только съ помощью небольшой хитрости, обманувшей его враговъ, переслать къ императору Александру изъ Перми въ январѣ 1813 года.

Обратимся наконецъ къ первоначальнымъ проектамъ, къ тому «колоссальному плану», которому суждено было погубить своего автора, но никогда не осуществиться.

Біографъ Сперанскаго, не входя въ разборъ этого плана, этихъ «начинаній, не достигшихъ полной зрѣлости и самимъ

---

[1]) Это письмо, къ которому намъ не разъ надо было обращаться, часто цитируется въ книгѣ барона Корфа, приведено съ выпусками въ изданіи писемъ Сперанскаго къ Масальскому, и вполнѣ, но со множествомъ грубыхъ ошибокъ, напечатано въ одномъ заграничномъ изданіи (Парижъ, Франкъ, 1858). Мы сочли не безполезнымъ напечатать его по списку, болѣе исправному, и въ полномъ составѣ. См. ниже приложенія.

Сперанскимъ впослѣдствіи покинутыхъ», не сомнѣвается при этомъ, что «подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ исторіи Россіи и въ біографіи императора Александра». Но кромѣ того, эти подробности существенно необходимы и для полноты біографіи самого Сперанскаго. Можно положительно сказать, что безъ нихъ его характеръ и лучшая половина его жизни и трудовъ останутся неясными, безъ нихъ невозможно дать достаточнаго оправданія дѣятельности, которая въ свое время подверглась такой озлобленной враждѣ и которую иначе слишкомъ легко обвинять въ легкомысленной мечтательности. Въ этомъ проектѣ мы находимъ положительное разъясненіе тѣхъ реформъ, которыя были осуществлены въ неполномъ видѣ; находимъ ключъ къ отдѣльнымъ мѣрамъ и мнѣніямъ, и готовый отвѣтъ на многія возраженія и обвиненія, которыя дѣлались потомъ противъ Сперанскаго его критиками и его врагами. Во многихъ случаяхъ, съ своей точки зрѣнія Сперанскій могъ справедливо говорить, что въ реформахъ «порицали то, чего еще не знали», и «искали тамъ конца, гдѣ полагалось только начало».

Между тѣмъ этотъ планъ, въ свое время составлявшій тайну, былъ очень мало извѣстенъ и впослѣдствіи; въ нашей литературѣ кажется до сихъ поръ не было никакого обзора его содержанія. Прошло уже шестьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Сперанскій работалъ съ импер. Александромъ надъ этими предположеніями; тридцать лѣтъ прошло со смерти ихъ автора. Теперь, кажется, можетъ наступить время для исторической оцѣнки, или по крайней мѣрѣ для ея начала.

Проектъ Сперанскаго для нашего времени потерялъ уже свой непосредственный интересъ. За нимъ остается интересъ чисто историческій. Если русская жизнь и до сихъ поръ не достигла тѣхъ формъ, идея которыхъ проникаетъ планы Сперанскаго, то исторія сдѣлала однако свое дѣло: она разъяснила вопросъ, открыла въ немъ новыя стороны и, въ частности, произвела въ русской жизни капитальный переломъ, на который Сперанскій въ свое время не рѣшался разсчитывать и безъ котораго однако самая идея его не могла осуществиться вполнѣ разумно. Освобожденіе крестьянъ, о которомъ Сперанскій думалъ только отдаленнымъ образомъ, поставило русскую жизнь на такой путь, гдѣ его идеалъ не можетъ имѣть непосредственнаго значенія.

Можно думать, что и въ свое время проектъ Сперанскаго, при всей широтѣ его, не удовлетворилъ бы стремленіямъ лучшихъ передовыхъ людей, — правда, чрезвычайно немногихъ, — не удовлетворилъ бы именно отсутствіемъ рѣшенія крестьянска-

го вопроса; но при всемъ томъ, въ виду общаго характера понятій и общаго хода дѣлъ онъ дѣйствительно представляетъ собой трудъ смѣлый и колоссальный. Оставшись совершенно неизвѣстнымъ, онъ не имѣлъ конечно никакого практическаго вліянія на развитіе общественныхъ идей (или только очень небольшое, ограниченное тѣми людьми, которые могли съ нимъ ознакомиться), но самъ по себѣ онъ остается чрезвычайно любопытнымъ моментомъ въ ихъ развитіи. Чтобы обозначить историческую цѣнность этого момента, мы воспользуемся словами современника, который самъ вовсе не расположенъ къ Сперанскому, судитъ его, быть можетъ, слишкомъ строго и который однако говоритъ объ его проектѣ слѣдующими словами:

«Если Россія когда-нибудь будетъ имѣть безпристрастную исторію, имя Сперанскаго будетъ въ ней упомянуто съ нѣкоторой честью. Потомство забудетъ, или никогда не будетъ знать нравственную незначительность этого человѣка (le peu de valeur de l'homme moral); оно не остановится на тѣхъ его дѣлахъ, которыя увидѣли свѣтъ, и которыя не заслуживаютъ большого вниманія (за исключеніемъ «Свода»); но оно отдастъ ему справедливость, что онъ обращалъ свои мысли къ лучшему будущему для своего отечества и выразилъ ихъ въ проектѣ государственнаго устройства. Этотъ проектъ, составленный такъ-сказать на глазахъ императора и имъ одобренный, есть одно изъ столь многочисленныхъ доказательствъ либеральныхъ влеченій Александра. Малодушіе Сперанскаго никогда не позволило бы ему высказываться такъ смѣло, какъ онъ высказывается въ этомъ трудѣ, если бы онъ не получилъ на это надлежащаго полномочія.

«Проектъ Сперанскаго былъ очень мало извѣстенъ въ Россіи... Въ немъ говорится о различныхъ учрежденіяхъ, которыя должны были привести русскихъ къ легальному правленію, къ конституціонной представительной формѣ правленія. Онъ написанъ откровеннымъ языкомъ, что производитъ пріятное впечатлѣніе въ читателѣ, любящемъ свое отечество. Если вспомнить, что этотъ трудъ былъ написанъ до 1812 года, то нельзя не признать, что Сперанскій былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего времени не только для Россіи, но и для континентальной Европы» [1]).

Мы возвратимся къ историческому значенію плановъ Сперанскаго, и перейдемъ теперь къ самому проекту. Выше было упомянуто, что ему предшествуетъ обширная вступительная за-

---

[1]) La Russie, I, 573—574.

писка объ общихъ вопросахъ государственнаго устройства, и затѣмъ слѣдуетъ самый проектъ. Не имѣя въ рукахъ самаго документа, мы пользуемся только тѣмъ, что было извлечено Тургеневымъ и, слѣдовательно, переводимъ съ французскаго.

Вотъ нѣсколько отрывковъ, — во-первыхъ изъ введенія къ проекту.

Въ самомъ началѣ изложенія авторъ обращается къ исторіи для указанія той потребности, которая всегда чувствовалась въ правильномъ (представительномъ) порядкѣ государственнаго устройства. Сперанскій говоритъ:

«Уже въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича была почувствована необходимость положить границы абсолютной власти. Нравы того вѣка не позволили установить въ этомъ отношеніи учрежденій прочныхъ; но по крайней мѣрѣ внѣшнія формы достаточно открывали желаніе достигнуть нѣкогда такихъ учрежденій.

«Во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ считали необходимымъ совѣтоваться съ боярами, составлявшими тогда образованнѣйшую часть народа, и испрашивать, для принимаемыхъ мѣръ, благословеніе патріарха.

«Во внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству во времена Петра I, нисколько не думали о свободѣ политической; но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ дорогу и свободѣ. Не имѣя никакого яснаго намѣренія дать Россіи политическое бытіе, этотъ государь приготовилъ для него путь уже тѣмъ однимъ, что онъ имѣлъ инстинктъ цивилизаціи.

«Основанія, установленныя Петромъ I, получили такую твердость, что при вступленіи на престолъ императрицы Анны, сенатъ могъ счесть себя въ правѣ требовать политическаго бытія, и явиться посредникомъ между народомъ и престоломъ.

«Но эта попытка была преждевременна, и довольно было придворной интриги, чтобъ сдѣлать ее неудачной.

«Царствованіе императрицы Елизаветы, безплодное для славы государства, не болѣе благопріятно было и для политической свободы; но промышленность и торговля скрывали въ себѣ сѣмена этой свободы, которыя только выростали и развивались съ ними.

«Настало наконецъ царствованіе Екатерины II. Все, что сдѣлано было въ другихъ странахъ для устройства сословныхъ собраній, все, что политическіе писатели того времени предлагали наилучшаго для содѣйствія успѣху свободы, все, что пытались сдѣлать во Франціи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ для преду-

преждeнія того великаго переворота, настоятельность котораго предвидѣли, — все это Екатерина употребила при устройствѣ коммиссіи объ уложеніи. Созваны были депутаты націи, и созваны въ строгихъ формахъ національнаго представительства; для этого собранія составленъ былъ Наказъ, заключавшій въ себѣ собраніе лучшихъ политическихъ истинъ того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собраніе всѣми гарантіями свободы и всѣми аттрибутами достоинства, чтобы дать ему, чтобы дать Россіи, которую оно представляло, политическое бытіе. Но все это было такъ незрѣло, такъ преждевременно, что только величіе первой мысли и блескъ послѣдовавшихъ военныхъ, и политическихъ подвиговъ могли спасти эту попытку отъ всеобщаго неодобренія.

«Съ тѣхъ поръ мысли Екатерины II, какъ это можно видѣть по ея дальнѣйшему образу дѣйствій, совершенно измѣнились. Неуспѣхъ этой попытки, кажется, охладилъ ее и такъ сказать устрашилъ ее отъ внутреннихъ политическихъ реформъ.

«Царствованіе императора Павла I замѣчательно закономъ о престолонаслѣдіи, и также закономъ, который установляетъ за правило, что крестьяне должны работать на помѣщика не больше трехъ дней въ недѣлѣ. Это былъ первый законъ, обнаружившій благопріятное расположеніе къ крестьянамъ, со времени ихъ подчиненія землевладѣльцамъ.

«Въ настоящее царствованіе можно указать слѣдующія государственныя установленія:

«1) Дозволеніе всѣмъ свободнымъ сословіямъ владѣть землями.

«2) Учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ.

«3) Учрежденіе министерствъ, съ отвѣтственностью министровъ.

«4) Мѣры, принятыя для Лифляндіи, какъ опытъ и примѣръ общаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

«Все это доказываетъ, что Россія, несмотря на свое абсолютное правленіе, очевидно идетъ къ свободѣ.»

О необходимости представительныхъ формъ, вытекающей изъ настоящаго положенія дѣлъ, Сперанскій говорилъ:

«Всѣ жалуются на смѣшеніе, которое царствуетъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ; но гдѣ средство улучшить ихъ, ввести въ нихъ желаемый порядокъ, когда мы не имѣемъ законовъ политическихъ! Къ чему служатъ законы, опредѣляющіе права собственности каждаго, когда сама эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день

разбиться о первый камень абсолютизма? Жалуются на безпорядокъ въ финансахъ: но можно ли устроить хорошо финансы тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго кредита, гдѣ не существуетъ никакого политическаго учрежденія, которое могло бы обезпечивать его прочность? Жалуются на медленность, съ какой распространяются просвѣщеніе, промышленность: но гдѣ принципъ, который могъ бы оживотворить ихъ? Къ чему стараться просвѣщать раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другого дѣйствія, кромѣ того, что оно заставитъ его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія?

«Наконецъ, это общее недовольство, эта наклонность все критиковать, суть не что иное какъ выраженіе скуки отъ нынѣшняго порядка вещей.

«...Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ; и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ мнѣніяхъ, только желаніемъ другого правленія, желаніемъ, пожалуй, неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ... Все это доказываетъ, что существующая система правленія не соотвѣтствуетъ болѣе состоянію общественнаго мнѣнія, и что пришло время замѣнить эту систему другою».

О недостаточности и неопредѣленности существующихъ законовъ Сперанскій говорилъ:

«Въ хаосѣ указовъ есть распоряженія, не только темныя и недостаточныя, но и противорѣчащія одно другому. Повѣрять ли, что у насъ нѣтъ точнаго закона о наслѣдствѣ ab intestato, о завѣщаніяхъ? Въ уголовномъ законодательствѣ не опредѣлены вещи самыя простыя, самыя обыкновенныя: такъ, всегда судили и приговаривали, и продолжаютъ судить и приговаривать за переливъ монеты, и однакоже въ законахъ нѣтъ ни слова, гдѣ бы предписывалось наказывать это дѣйствіе. Не говорю здѣсь о предметахъ болѣе важнаго свойства, именно объ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, т.-е. объ отношеніяхъ милліоновъ людей, составляющихъ полезнѣйшую часть населенія, съ горстью тунеядцевъ [1]), которые присвоили себѣ, Богъ знаетъ почему и какъ, всѣ права, всѣ привилегіи».

За этими отрывками изъ вступительной записки слѣдуютъ, въ нашемъ источникѣ, извлеченія изъ самаго плана государственнаго образованія. Въ этихъ извлеченіяхъ указаны только главнѣйшіе пункты плана, чтобы дать только самое общее по-

[1]) Въ одной изъ рукописей это выраженіе (fainéants) зачеркнуто и замѣнено: горстію людей. Примѣч. Тургенева.

нятіе о трудѣ Сперанскаго. Извлеченіе буквально слѣдуетъ выраженіямъ самаго проекта.

И здѣсь опять, прежде всего, выставлены общія соображенія.

«Найти средства сдѣлать основные государственные законы ненарушимыми и священными для всѣхъ, не исключая особы монарха,—говоритъ Сперанскій,—всегда было предметомъ размышленій для всѣхъ добрыхъ царей, для лучшихъ умовъ, для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ свое отечество и не отчаявается въ его благоденствіи».

Относительно формъ правленія, авторъ, послѣ многихъ теоретическихъ разсужденій, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, указывающимъ на близость того времени къ эпохѣ 1789 года:

«1) Никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны.... 4) Источникъ всякой власти есть государство, страна. 5) Всякое правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ, и законно только до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія.

«Въ дѣтствѣ обществъ, форма правленія могла быть только деспотическая... Но когда государи перестали быть отцами своихъ подданныхъ, когда они начали пользоваться своимъ могуществомъ противно истиннымъ интересамъ подданныхъ, тогда къ общимъ условіямъ, на которыхъ воля народа основала правленіе, и которыя, по своей неопредѣленности и недостаточности, привели наконецъ къ произволу, найдено было необходимымъ прибавить спеціальныя правила, опредѣлить болѣе строго предметъ желаній народа. Эти правила названы были *основными законами* страны, и ихъ цѣлость учрежденіями (конституціей).

«Правленіе, организованное такимъ образомъ, можетъ быть или ограниченная монархія, или ограниченная аристократія.

«Отсюда слѣдуетъ: 1) что основные законы государства должны быть дѣломъ націи; 2) что основные законы государства полагаютъ границы абсолютной власти.

«Всѣ государства имѣли всегда и будутъ всегда имѣть двѣ формы правленія: форму внѣшнюю и форму внутреннюю. Первая состоитъ въ грамотахъ, основныхъ законахъ, учрежденіяхъ, внѣшнимъ образомъ опредѣляющихъ взаимныя отношенія различныхъ силъ государства; вторая состоитъ въ такомъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла получить господства надъ другими.

«Внѣшняя форма не имѣетъ никакой важности; дѣйствительную важность имѣетъ только форма внутренняя. Со всѣми внѣшними признаками свободы, законности, народъ въ дѣйствительности можетъ быть рабомъ.

«Когда народъ установилъ основные законы, когда онъ взялъ клятву отъ исполнительной власти въ ихъ сохраненіи, когда онъ устроилъ какой-нибудь парламентъ, сенатъ, онъ еще не основалъ этимъ свободы, если могущество правительства остается тѣмъ же, чѣмъ оно было до существованія этихъ учрежденій.

«Одна внѣшняя форма никогда не въ состояніи была бы установить въ Англіи правленіе, какое мы въ ней видимъ.

«Правленіе Рима при цезаряхъ было въ сущности деспотическое, между тѣмъ какъ внѣшняя форма была совершенно республиканская.

«Тотъ, кто захотѣлъ бы судить о Россіи по внѣшней формѣ правленія, по грамотамъ, даннымъ различнымъ сословіямъ націи, по ея сенату, по ея дворянству, учрежденному въ наслѣдственное сословіе, не сказалъ ли бы тотъ, что она имѣетъ правленіе монархическое? Однакоже, это далеко не такъ».

О внутренней формѣ правленія Сперанскій говорилъ:

«Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. Сила можетъ быть ограничена только силою... Созданія, исходящія только изъ личной воли монарха, не могутъ служить противовѣсомъ силѣ; приписывать имъ это значеніе значило бы измѣрять пространство тяжестью... Итакъ, власть правительства можетъ быть ограничена только властью народа.

«Обѣ эти власти имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, такъ какъ правительство не можетъ имѣть иной власти, какъ та, которую вручилъ ему народъ».

Изъ этого принципа авторъ извлекаетъ между прочимъ то слѣдствіе, что «всякое правленіе абсолютное или произвольное есть правленіе узурпированное и никогда не можетъ быть законно».

«Власть или силы народа, дѣйствительно, всегда бываютъ больше силъ правительства, такъ какъ народъ самъ создаетъ свои силы, между тѣмъ какъ правительство бываетъ сильно и могущественно только въ той степени, въ какой допускаетъ это народъ.

«Но силы народа слишкомъ часто бываютъ на дѣлѣ парализованы: 1) отъ незнанія народомъ его правъ; 2) отъ различія интересовъ и недостатка связи между отдѣльными лицами.

«Распаденіе народа на различныя сословія, на различныя корпораціи можетъ считаться причиной всякаго абсолютнаго правленія. Divide, ut imperes.

«Первый шагъ, который нужно сдѣлать для ограниченія абсолютной власти, это положить конецъ раздорамъ, существующимъ

между различными сословіями и различными состояніями, соединить ихъ всѣ, чтобы уравновѣсить силу правительства.

«Такъ какъ весь народъ въ цѣлости не можетъ блюсти за тѣмъ, чтобы правительство оставалось въ предѣлахъ, предписанныхъ закономъ, то совершенно необходимо, чтобы было сословіе, которое, становясь между имъ и правительствомъ, было достаточно просвѣщенно, чтобы понимать, какіе должны быть истинные предѣлы власти, достаточно независимо, чтобы не бояться ея, и достаточно связано интересами съ народомъ, чтобы никогда не имѣть покушенія измѣнить ему.

«Отсюда слѣдуетъ, что въ ограниченной монархіи нужно установить два большіе отдѣла: высшій классъ, обязанный блюсти за исполненіемъ законовъ, и низшій классъ, отдѣленный отъ перваго по имени и по наружности, но тождественный съ нимъ по своимъ интересамъ».

Въ устройствѣ и организаціи этого высшаго класса авторъ взялъ образцомъ англійскую аристократію. Изложивши устройство этой аристократіи, онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ положеніе и особенности низшаго класса.

«1) Народъ состоитъ изъ всего того, что не входитъ въ аристократію. Дѣти перваго государственнаго сановника, кромѣ старшаго, принадлежатъ къ народу.

«2) Никакой классъ народа не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на владѣніе той или другой собственностью; но всѣ граждане должны имѣть пользованіе тѣмъ, что они пріобрѣтаютъ.

«3) Народъ долженъ участвовать въ составленіи законовъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ.

«4) Народъ довѣряетъ аристократіи блюсти за исполненіемъ законовъ, такъ какъ она обязана представлять его.

«5) Всякая собственность народа наслѣдственна; но его должности избирательны.

«6) Никто не долженъ быть судимъ иначе, какъ своими равными.

«Если, несмотря на всѣ предосторожности, какія найдутъ нужнымъ принять, власть, глухая къ воплю народа и презирающая его гнѣвъ, доходитъ до всѣхъ крайностей, какія произволъ можетъ себѣ дозволить въ своемъ безуміи, то какія средства представитъ предлагаемая нами форма правленія, чтобы воспротивиться имъ? Отвѣтъ легкій: какія средства могутъ человѣческія силы противопоставить Тамерлану и другимъ подобнымъ чудовищамъ? Какіе законы могли когда-нибудь держаться, когда государства падали въ развалинахъ?»

Авторъ оканчиваетъ эти общія соображенія цитатой изъ Монтескьё: «point de noblesse, point de monarchie».

Затѣмъ слѣдуютъ частныя соображенія собственно о Россіи въ до-александровскую эпоху и при Александрѣ I.

«Я не знаю, — говоритъ авторъ въ началѣ, — въ чемъ состояли истинныя намѣренія русскихъ государей со времени Петра I относительно устройства Россіи; однакоже ихъ величайшей заботой было, кажется, дать этой имперіи всѣ внѣшніе признаки монархическаго правленія, сохраняя въ своихъ рукахъ власть самую абсолютную. Думали ли они, дѣйствительно, что права и грамоты, данныя на бумагѣ, достаточно опредѣляли форму правленія, или напротивъ, не считали ли они необходимымъ пріучить народъ къ словамъ, прежде чѣмъ позволить ему обладать вещами, дѣйствительностью? Признавали ли они, въ своей совѣсти, справедливыми и полезными принципы, которыхъ они не рѣшались обращать въ факты? Наконецъ, не дѣйствовали ли они только вслѣдствіе внезапныхъ вдохновеній, безъ всякаго опредѣленнаго плана? Какъ бы то ни было, нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ слова соотвѣтствуютъ вещамъ меньше чѣмъ въ Россіи.

«Всѣ установленныя власти, какъ административныя, такъ и судебныя, имѣютъ свои имена и представляютъ монархическіе внѣшніе признаки. Сенатъ называется хранителемъ законовъ; дворянство есть природный хранитель ихъ. Мы также имѣемъ въ народѣ свободные классы; развѣ купцы, мѣщане, даже государственные крестьяне не имѣютъ своихъ правъ, своихъ привилегій? Развѣ они не судятся своими равными?

«Вотъ источникъ ошибки, въ которую необходимо впадаютъ всѣ, кто судитъ о Россіи по внѣшнимъ признакамъ.

«По внѣшности у насъ есть все, а на дѣлѣ у насъ нѣтъ ничего; и въ особенности у насъ еще нѣтъ монархическаго правленія.

«Не говоря о другихъ учрежденіяхъ, что̀ такое само русское дворянство, когда личность всякаго дворянина, его собственность, его честь, все наконецъ, зависитъ не отъ закона, но только отъ воли абсолютнаго властителя? Самый законъ не зависитъ ли также отъ этой воли, которая одна дѣлаетъ и провозглашаетъ этотъ законъ?... Право собственности есть только право терпимое верховной властью, и собственники суть только люди, имѣющіе эту собственность въ своемъ пользованіи (usufruitiers).»

«Я желалъ бы, — продолжаетъ авторъ, — чтобы кто-нибудь показалъ мнѣ, какая есть разница между отношеніемъ крѣпостныхъ къ ихъ господамъ и отношеніемъ дворянъ къ верховной

власти. Развѣ послѣдняя не имѣетъ надъ дворянами тойже самой власти, какъ дворяне надъ крѣпостными?

«Итакъ, вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это — рабы верховной власти, и рабы землевладѣльцевъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ; въ дѣйствительности, въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ.

«Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, это — тѣ отношенія, въ которыхъ поставлены между собою эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ... Престолъ всегда представляется крестьянамъ какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ».

Авторъ объявляетъ, что однимъ изъ слѣдствій этого порядка вещей является невозможность, для народа вообще, сдѣлать какой-нибудь дѣйствительный успѣхъ въ просвѣщеніи.

«Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ, — что̀ такое образованіе, знанія, для народа несвободнаго, какъ не средство живѣе почувствовать бѣдственность своего положенія, какъ не источникъ волненій, которыя могутъ только способствовать къ бо̀льшему его порабощенію, или могутъ навлечь на страну ужасы безначалія. Изъ человѣколюбія столько же, какъ изъ политики, слѣдуетъ оставить рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободы.

«Полагаютъ, — продолжаетъ авторъ, — что просвѣщеніе должно предшествовать свободѣ. Но что̀ разумѣютъ подъ этимъ словомъ просвѣщеніе? Если оно означаетъ возвышенный образъ мыслей, способность понимать тонкія различія, существующія между истиной и ложью, наконецъ, если оно означаетъ чувство нравственнаго добра, тогда надо признать, что ни одинъ народъ на свѣтѣ никогда не достигалъ до этой степени совершенства, что еще долго ни одинъ народъ не достигнетъ ея, въ чемъ я и не вижу впрочемъ никакой необходимости. Нравственное чувство замѣняется у народа религіей, которая говоритъ ему, безъ сомнѣнія менѣе тонкимъ образомъ, но во всякомъ случаѣ довольно ясно, — въ чемъ состоитъ грѣхъ, въ чемъ спасеніе; за отсутствіемъ логики, простой здравый смыслъ показываетъ ему, сколько нужно, добро и зло, истину и ложь. А что касается до способности обнять мыслью неизмѣримость вселенной, уразумѣть ничтожество желаній, человѣческихъ страстей, ничтожество самой науки, то я не знаю, къ чему вся эта возвышенная философія можетъ служить земледѣльцу. Если же, напротивъ, подъ просвѣщеніемъ

разумѣютъ знаніе полезныхъ истинъ, которое почерпается изъ книгъ, усовершенствованіе промышленности, общественной жизни, то я не понимаю, какимъ образомъ рабъ могъ бы пріобрѣсти подобное воспитаніе; я думаю даже, что ему надо было бы имѣть сначала нѣкоторую свободу для того, чтобы разумъ его могъ просвѣтиться, и воля—перестать быть безплодной....»

«Такимъ образомъ, — продолжаетъ авторъ, — Россія, раздѣленная на различные классы, истощаетъ свои силы въ борьбѣ, которую эти классы ведутъ между собой, и оставляетъ правительству весь объемъ безграничной власти.

«Государство, устроенное такимъ образомъ, если оно и будетъ имѣть то или другое внѣшнее устройство, тѣ или другія грамоты дворянству, грамоты городамъ, два сената и столько же парламентовъ, есть государство деспотическое , и пока оно будетъ состоять изъ тѣхъ же элементовъ, ему невозможно будетъ быть государствомъ монархическимъ....

«Если не хотятъ рѣшиться коснуться до этого основного порядка вещей, всѣ усилія правительства должны ограничиться слѣдующими второстепенными предметами:

«1) Населить и расчистить необработанныя и ненаселенныя земли; потому что человѣческое племя можетъ плодиться даже подъ абсолютнымъ правленіемъ, если оно не слишкомъ дурно;

«2) Держать подъ ружьемъ сильную армію;

«3) Улучшить полицію;

«4) Упростить судебный порядокъ: безъ сомнѣнія, подъ абсолютнымъ правленіемъ судъ никогда не можетъ быть совершаемъ вполнѣ справедливымъ образомъ, но по крайней мѣрѣ онъ можетъ быть скорый;

«5) Собрать въ систематическомъ порядкѣ законы и указы;

«6) Упорядочить налоги и финансовое управленіе.

«Вотъ все, что можно, все, что должно стремиться сдѣлать при нынѣшнемъ правленіи.

«Но, чтобъ остаться вѣрнымъ своимъ планамъ, чтобъ не уничтожить того немногаго счастія, какое дозволено народу имѣть при этомъ правленіи, чтобъ не расточить національныхъ богатствъ въ безполезныхъ попыткахъ, правительство въ тоже время должно отказаться:

«1) Отъ всякой мысли имѣть твердые и прочные законы, потому что подъ такимъ правленіемъ подобные законы невозможны;

«2) Отъ всякихъ усилій въ пользу народнаго образованія: человѣколюбіе повелѣваетъ принять этотъ послѣдній принципъ, потому что образованный рабъ есть несчастнѣйшій изъ людей;

«сдѣлать это было бы также и хорошей политикой, потому что, давая образованіе массѣ народа, нельзя было бы не повредить абсолютному правленію, и не вызвать къ волненію и неповиновенію;

«3) Отъ всякихъ предпріятій, которыя имѣли бы цѣлью усовершенствовать національную промышленность, т.-е. отъ основанія всякихъ фабрикъ или мануфактуръ, требующихъ примѣненія свободныхъ искусствъ;

«4) Отъ всякаго возвышенія національнаго характера, такъ какъ рабъ не можетъ имѣть національнаго характера; рабъ можетъ быть здоровъ тѣломъ, крѣпокъ своими физическими силами, но онъ никогда не способенъ къ великимъ дѣламъ; безъ сомнѣнія есть исключенія, но они не уничтожаютъ правила;

«5) Отъ всякаго замѣтнаго увеличенія національнаго богатства: главное основаніе всякаго богатства заключается въ религіозномъ уваженіи права собственности, а это уваженіе становится невозможно при отсутствіи законовъ.

«6) Тѣмъ болѣе еще надо будетъ отказаться отъ улучшенія положенія низшаго класса народа: плодъ его трудовъ будетъ всегда истребляемъ роскошью высшаго класса»....

«Предполагая,—говоритъ авторъ дальше,—что благодѣтельныя намѣренія императора встрѣтятъ препятствія въ силѣ обстоятельствъ, мы постараемся по крайней мѣрѣ съ бо́льшей заботливостью изыскать, какія средства улучшенія можетъ допустить настоящее положеніе вещей.

«Совершенная невозможность обезпечить счастіе Россіи, не касаясь нынѣшняго устройства различныхъ классовъ націи, достаточно доказываетъ необходимость подвергнуть ихъ преобразованію. Уже полвѣка назадъ признано было, что ни одно европейское государство, находясь въ сношеніяхъ съ другими государствами, не могло бы надолго сохранить деспотическое правленіе. Довольно принять въ соображеніе ту степень, какой вообще достигло просвѣщеніе, довольно видѣть примѣръ, представляемый другими націями, и его заразительность, наконецъ спросить внутреннее чувство, прислушаться къ желаніямъ народа, какъ ни слабо онъ ихъ выражаетъ, — чтобы убѣдиться въ необходимости преобразованія и узнать положительно, въ чемъ состоятъ желанія и надежды всѣхъ.

«Въ чемъ должно состоять это преобразованіе?... Преобразованіе должно стремиться по крайней мѣрѣ изгладить то вопіющее противорѣчіе, которое существуетъ у насъ между наружной формой и дѣйствительной формой правленія; исполнить то, о чемъ государи въ теченіе столѣтія не переставали говорить народу;

укрѣпить престолъ, не удерживая народъ въ его летаргическомъ снѣ и въ его предразсудкахъ, но ставя основаніемъ этого престола законъ и всеобщій порядокъ....

«Мудрость правительства состоитъ не въ томъ, чтобы ожидать событій и подчиняться имъ, но въ томъ, чтобы управлять ими, умѣть отнять у случая то, что этотъ случай можетъ принести вреднаго.

«Предпринимая преобразованіе, надо начать съ того, чтобы организовать иначе, чѣмъ есть, различные классы народа, и измѣнить отношенія ихъ между собою и къ престолу.

«Мы видѣли выше, что въ хорошо организованномъ государствѣ вся масса національныхъ силъ должна быть раздѣлена на два класса: классъ высшій и классъ низшій.

«Высшій классъ долженъ быть основанъ на правѣ первородства (майоратѣ). Онъ предназначенъ занимать первыя государственныя должности и блюсти за сохраненіемъ законовъ. Связанный съ народомъ неразрѣшимыми связями родства, владѣнія, онъ будетъ связанъ съ престоломъ столь же неразрѣшимыми связями почестей и отличій, также какъ и привилегіей короны вводить въ ряды этого класса всѣхъ тѣхъ, кого она сочтетъ того достойнымъ. Этотъ классъ составитъ истинную монархическую аристократію.

«Низшій классъ будетъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ, по праву первородства или по волѣ монарха, призванъ въ классъ высшій. Этотъ классъ будетъ привязанъ къ престолу гражданской и военной службой, почестями, богатствами, и къ высшему классу связями родства, уваженія, мыслью, что этотъ послѣдній будетъ хранителемъ законовъ. Низшему классу необходимо будетъ принадлежать бо́льшая часть богатствъ и образованности страны. Въ немъ нельзя будетъ установить другихъ отличій, кромѣ дарованій, способностей и добродѣтели. Кто осмѣлится тогда угнетать его или смотрѣть на него съ презрѣніемъ?

«Ничто не помѣшало бы правительству отдѣлить три или четыре первые класса нынѣшней дворянской іерархіи отъ остального дворянства, и начать съ установленія для этихъ четырехъ классовъ права первородства. Собственно говоря, это не было бы нововведеніемъ.

«Такая реформа не была бы ущербомъ для самого этого высшаго класса....

«Здѣсь было бы конечно и свое неудобство, происходящее изъ того, что четыре первые класса въ настоящее время заключаютъ въ себѣ много дворянъ безъ значенія, безъ заслугъ, и которые слѣдовательно не внушаютъ никакого уваженія. Но

это неудобство будетъ только временное: не пройдетъ столѣтія, какъ это дворянство очистится и пріобрѣтетъ весь необходимый блескъ и значеніе. Притомъ отъ воли императора будетъ зависѣть ввести въ него нѣкоторыхъ изъ богатыхъ лицъ низшаго класса. Наперекоръ всѣмъ химерамъ людей, мечтающихъ о метафизическомъ равенствѣ, великое государство должно имѣть не только Юліевъ Цезарей, но и Крассовъ. Пока эти послѣдніе существуютъ, другіе не осмѣливаются узурпировать высшую власть.

«Нынѣшнее мелкое дворянство также не будетъ имѣть разумнаго основанія жаловаться на такую реформу.... Развѣ оно уже теперь не засѣдаетъ въ судахъ рядомъ съ людьми изъ низшихъ классовъ, и развѣ императоръ не можетъ возвести въ дворянство половину населенія страны?...

«Остается только опредѣлить время, когда это раздѣленіе произойдетъ, и способъ, какимъ оно должно быть исполнено.

«Тоже народное собраніе [1]), которое созвано будетъ для изготовленія законовъ, положитъ и первыя основанія этого раздѣленія.

«Чтобы не рисковать ничѣмъ, нужно — 1) чтобы это раздѣленіе было съ самаго начала указано распоряженіями, которыя будутъ приняты для созыва собранія и въ которыхъ сказано будетъ, что дворяне, принадлежащіе къ первымъ четыремъ классамъ, составятъ особую палату, а остальное дворянство будетъ засѣдать съ депутатами отъ народа; 2) чтобы среди работъ собранія первой палатѣ предложено было возстановить древній законъ Петра I о первородствѣ, ограничивая его примѣненіе высшимъ классомъ; вторая палата не будетъ имѣть повода возражать, такъ какъ этотъ законъ не будетъ прямо къ ней относиться; 3) чтобы въ тоже время предложенъ былъ законъ въ томъ смыслѣ, что за исключеніемъ первыхъ четырехъ классовъ не будетъ больше классовъ или номинальныхъ степеней: совѣтникъ какого-нибудь управленія будетъ совѣтникъ, копіистъ будетъ копіистъ и ничего больше; этимъ уничтожены будутъ всѣ отличія классовъ или іерархическихъ чиновъ; останется только отличіе, связанное съ занимаемымъ мѣстомъ, съ исполняемой должностью; 4) нужно поставить правиломъ и повелѣть, чтобы всѣ дѣла, приносимыя въ суды, рѣшаемы были всѣми засѣдателями совмѣстно [2]), исключая однако дѣла уголовныя первыхъ

---

[1]) У Тург.: «le même congrès national».

[2]) Выборные засѣдатели принимали участіе только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касались лицъ ихъ сословія.

четырехъ классовъ, которыя должны быть судимы въ высшемъ судѣ. Исполненіе подобнаго закона такъ легко, что даже въ наше время недоставало только двухъ или трехъ голосовъ, чтобы онъ былъ принятъ сенатомъ.

«Эти четыре распоряженія, когда время освятитъ ихъ, изгладятъ всѣ нелѣпыя различія, существующія теперь, и соединятъ всѣ части народа въ одно цѣлое. Дворянинъ сохранитъ свой дворянскій титулъ, и, если это ему нравится, можетъ имъ гордиться; но весь русскій народъ будетъ пользоваться тѣми же правами какъ онъ.

«Правда, что, несмотря на эти перемѣны, дворянство сохранитъ еще прерогативу, которая и послѣ будетъ отличать его отъ другихъ классовъ: оно будетъ по прежнему имѣть крестьянъ. Но, какія бы трудности ни могло представить освобожденіе, крѣпостное рабство есть вещь, столь противорѣчащая здравому смыслу, что его нельзя считать иначе какъ временнымъ зломъ, которое неминуемо должно имѣть свой конецъ».

«Мнѣ кажется,—продолжаетъ авторъ,—что, раздѣливъ дѣло освобожденія на двѣ эпохи, можно было бы привести его къ счастливому рѣшенію.

«Въ первой эпохѣ ограничатся тѣмъ, чтобы опредѣлить повинности, которыя владѣлецъ можетъ законно требовать отъ крестьянина. Въ тоже время, въ интересѣ самихъ владѣльцевъ, установлена будетъ какая-нибудь судебная власть, которая будетъ рѣшать споры между владѣльцами и земледѣльцами. Подобное учрежденіе указано уже въ Наказѣ императрицы Екатерины II.... Такимъ образомъ, и безъ особеннаго формальнаго закона, крестьяне, изъ крѣпостныхъ или рабовъ, каковы они теперь, сдѣлаются только приписанными къ землѣ, *glebae adscripti*. Это будетъ первая степень ихъ освобожденія.

«Къ этой мѣрѣ можно было бы прибавить двѣ другія, которыя состояли бы: первая—въ томъ, чтобы обратить подушную подать въ поземельный налогъ; вторая—въ томъ, чтобы предписать, при совершеніи актовъ, указывать не число душъ, но пространство земель, составляющихъ предметъ сдѣлки.

«Во второй эпохѣ, которой впрочемъ должны предшествовать различныя распоряженія второстепенныя, крѣпостнымъ крестьянамъ возвращено будетъ ихъ древнее право свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Этимъ совершится ихъ окончательное освобожденіе».

Въ заключеніи этого отдѣла авторъ говоритъ:

«Представляя всѣ эти соображенія, мы не имѣли въ виду ни установлять основные законы, ни излагать внѣшнюю форму,

которую слѣдуетъ дать правленію; мы хотѣли только изыскать основанія, на которыхъ эти законы должны быть утверждены, если когда-либо Провидѣніе, которое нынѣ столь очевидно покровительствуетъ Россіи, удостоитъ благопріятствовать такому дѣлу. Поэтому, мы только вкратцѣ указали нѣкоторыя, впрочемъ весьма важныя частности,—что отняло у цѣлаго ту ясность, какую оно могло бы имѣть. Это цѣлое было бы полнѣе, еслибы начерченъ былъ впередъ планъ зданія, котораго мы стараемся утвердить основы».

Въ новомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ «о духѣ предпринимаемыхъ реформъ». Прежде, чѣмъ перейти къ нему, замѣтимъ, что, по предположенію г. Тургенева, различныя части проекта были написаны въ разное время, чѣмъ онъ и объясняетъ нѣкоторыя, неважныя впрочемъ, противорѣчія, которыя встрѣчаются въ отдѣльныхъ трактатахъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ихъ нашъ источникъ не представляетъ уже прямыхъ извлеченій изъ текста Сперанскаго, и сообщаетъ только главные принципы, къ которымъ Сперанскій приходитъ «послѣ долгихъ разсужденій». Здѣсь уже начинается проектъ самой регламентаціи новыхъ отношеній, которыя реформаторъ хотѣлъ внести въ русскую жизнь. Это была самая трудная часть его плана, потому что вообще гораздо легче понять ненормальность извѣстнаго порядка вещей, чѣмъ найти настоящія средства къ исправленію; естественно, что эта часть проекта довольно легко поддается критикѣ.

Цѣль реформы, по объясненіямъ Сперанскаго, не можетъ быть иная, какъ основать правленіе, до тѣхъ поръ абсолютное, на «твердыхъ и непремѣняемыхъ» законахъ.

Инициатива новыхъ законовъ должна исключительно принадлежать исполнительной власти.

Власть судебная, по своей сущности, входитъ въ аттрибуты исполнительной власти; но эта послѣдняя предоставляетъ отправленіе ея судьямъ, избираемымъ самими тѣми, кто нуждается въ этомъ ея отправленіи. Исполнительная власть такимъ образомъ присвоиваетъ себѣ только право блюсти за строгимъ исполненіемъ судебныхъ формъ.

Всѣ гражданскія права не могутъ быть даны всѣмъ безразлично. Такъ какъ земли, занятыя земледѣльцами, могутъ быть во владѣніи только у извѣстнаго привилегированнаго класса, это обстоятельство составитъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Впрочемъ, владѣніе этими землями должно бы всегда быть сообразно съ законами, опредѣляющими этотъ предметъ.

Это различіе въ правѣ владѣнія есть первый источникъ неравенства состояній.

Второй источникъ этого неравенства указывается владѣніемъ собственностью вообще. Лица, не владѣющія совершенно ничѣмъ, не должны имѣть участія въ пользованіи политическими правами.

Этихъ правъ не должны также имѣть слуги, рабочіе поденщики и пр.

Всѣ гражданскія и политическія права могутъ быть раздѣлены на три разряда: 1) общія гражданскія права, принадлежащія всѣмъ гражданамъ; 2) особенныя гражданскія права, принадлежащія только лицамъ, которыя могутъ пользоваться ими по своему воспитанію и роду жизни; 3) политическія права, принадлежащія собственникамъ.

Отсюда три слѣдующія состоянія: 1) дворянство; 2) среднее сословіе; 3) рабочій классъ.

Дворяне будутъ пользоваться всѣми гражданскими правами, принадлежащими русскимъ подданнымъ.

Они будутъ изъяты отъ личной очередной службы; но каждый дворянинъ обязанъ будетъ вступать на государственную службу, по гражданской или по военной части, и оставаться въ ней не менѣе десяти лѣтъ, не перемѣняя рода службы.

Дворяне одни будутъ имѣть право владѣть населенными землями, управляя ими по предписаніямъ закона.

Дворяне, смотря по значенію ихъ собственности, будутъ пользоваться политическими правами, т.-е. тѣми, которыя даютъ возможность быть избирателемъ или избираемымъ.

Дворянамъ разрѣшается заниматься всякаго рода промышленностью; они могутъ быть негоціантами, купцами и т. д., не теряя этимъ правъ, связанныхъ съ дворянствомъ.

Дворянство бываетъ двухъ родовъ: личное и потомственное. Дѣти потомственныхъ дворянъ дѣлаются сами дворянами только прослуживши предписанный закономъ срокъ. Дѣти личныхъ дворянъ принадлежатъ къ среднему сословію. Личные дворяне не дѣлаются потомственными отъ того только, что провели на службѣ предписанный закономъ срокъ; для этого нужно еще, чтобы они оказали особенныя заслуги. Потомственное дворянство теряется по отказѣ вступить въ государственную службу или оставаться въ ней требуемое время. Оно теряется также по судебному приговору, а также вступленіемъ дворянина въ рабочій классъ.

Среднее сословіе пользуется общими гражданскими правами, но не всѣми особенными гражданскими правами, и не всѣми правами политическими.

Личная служба людей средняго сословія должна быть опредѣлена закономъ, смотря по ихъ положенію и роду промышленности, которою они занимаются.

Имъ можно будетъ пріобрѣтать личное дворянство, добровольно поступая на службу, по исполненіи той, которую наложитъ на нихъ вышеуказанный законъ.

Среднее сословіе составляется изъ негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и также крестьянъ, владѣющихъ извѣстной поземельной собственностью.

Рабочій классъ будетъ пользоваться общими гражданскими правами.

Вступленіе въ высшій классъ будетъ разрѣшено для каждаго человѣка изъ рабочаго сословія, который успѣетъ пріобрѣсти извѣстное количество поземельной собственности, и удовлетворитъ требованіямъ службы, опредѣленной закономъ для его сословія.

Къ рабочему классу будутъ принадлежать всѣ крестьяне, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, ремесленники и ихъ работники, и наконецъ слуги.

Такимъ образомъ всѣ классы народа будутъ связаны другъ съ другомъ. Лица низшихъ классовъ, отправленіемъ своего промысла, своими трудами, всегда будутъ имѣть возможность достигнуть вступленія въ высшее сословіе.

Наконецъ въ трактатѣ «о духѣ органическихъ законовъ» Сперанскій излагаетъ самую систему учрежденій—ту самую, которую начали-было приводить въ исполненіе преобразованіемъ государственнаго совѣта и новымъ устройствомъ министерствъ. Мы прослѣдимъ въ немногихъ словахъ главные пункты этой системы; изъ этого короткаго обзора будетъ достаточно видно, что Сперанскій былъ съ своей точки зрѣнія правъ, когда говорилъ, что выполненіе цѣлой системы дало бы иной видъ тѣмъ реформамъ, которыя безъ этого казались отрывочны и непонятны.

Органическіе законы опредѣляютъ форму учрежденій, которыя служатъ средствами дѣйствія для силъ государства. Во главѣ этихъ учрежденій долженъ стоять государственный совѣтъ, въ которомъ Сперанскій видѣлъ послѣднее звѣно всей государственной организаціи. Затѣмъ слѣдуютъ другія учрежденія: министерство, «государственная дума», сенатъ. Въ этихъ трехъ учрежденіяхъ заключаются всѣ государственныя силы или власти, именно: законодательство ввѣрено государственной думѣ; судъ или судебная часть—сенату; администрація—министерству. Дѣйствіе этихъ трехъ учрежденій соединяется въ государственномъ совѣтѣ и черезъ него восходитъ къ престолу.

Государственный совѣтъ во внѣшней своей формѣ, повидимому, устроенъ былъ такъ, какъ и предполагалось въ проектѣ; но ему недоставало подготовительныхъ учрежденій и — людей.

Дальнѣйшія правительственныя учрежденія предполагалось устроить слѣдующимъ образомъ:

Государственная дума должна была имѣть значеніе законодательнаго собранія. Она должна была составиться изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ, выбираемыхъ, какъ мы покажемъ дальше, въ губернскихъ собраніяхъ. Президентъ думы назначается изъ трехъ кандидатовъ, выбираемыхъ собраніемъ.

Законы предлагаются вообще правительствомъ; они обсуждаются въ государственной думѣ и утверждаются императоромъ.

Дума получаетъ отчеты отъ министровъ. Въ случаѣ явнаго нарушенія государственной конституціи, дума имѣетъ право требовать отвѣта у министровъ, и дѣлать по этому предмету представленія престолу.

Никакой новый законъ не можетъ быть обнародованъ безъ участія думы. Всѣ законы финансовые, установленіе новыхъ налоговъ, какого бы то ни было рода, должны быть обсуждаемы въ думѣ. Законъ, принятый думой, представляется на утвержденіе императора. Законъ, отвергнутый большинствомъ голосовъ въ думѣ, останется недѣйствителенъ. Для разсмотрѣнія проектовъ законовъ, дума назначаетъ изъ среды своей спеціальныя коммиссіи.

Дума собирается ежегодно, въ извѣстный срокъ, безъ всякаго особеннаго призыва. Засѣданія продолжаются сообразно количеству разсматриваемыхъ дѣлъ. Полномочія думы прекращаются: отсрочкой до слѣдующаго года, и распущеніемъ, — то и другое совершается верховной властью, по представленію государственнаго совѣта.

Дѣла предлагаются на разсмотрѣніе думы, отъ имени верховной власти, однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Отсюда исключаются: 1) представленія о нуждахъ государства; 2) представленія объ отвѣтственности; 3) представленія относительно мѣръ, противныхъ основнымъ законамъ государства. Въ этихъ трехъ случаяхъ, депутаты сами могутъ взять инициативу, исполняя предписанныя на этотъ случай формальности.

Сенатъ представляетъ высшую инстанцію судебную. Сенаторы назначаются государственной думой. Сенатъ дѣлится на четыре департамента: два гражданскихъ и два уголовныхъ, распредѣленныхъ между двумя столицами. Всѣ судебныя дѣла подлежатъ ревизіи сената и его департаментовъ. При сенатѣ будетъ также высшій уголовный судъ, составленный изъ членовъ государственнаго совѣта, государственной думы и сената. Этому высшему суду подлежатъ государственныя преступленія, а также преступ-

ленія, совершенныя министрами, членами совѣта, сенаторами, генералъ-губернаторами и т. п. Министръ юстиціи есть блюститель судебныхъ формъ въ судопроизводствѣ гражданскомъ и уголовномъ, какъ въ сенатѣ, такъ и во всѣхъ другихъ судахъ.

Засѣданія сената публичны; его рѣшенія печатаются.

Министерство представляетъ собой высшую административную власть.

Главные недостатки устройства министерствъ 1802 г. Сперанскій указываетъ здѣсь въ слѣдующемъ: 1) въ недостаткѣ отвѣтственности; 2) въ недостаткѣ точности въ раздѣленіи дѣлъ; 3) въ недостаткѣ учрежденій [1]).

Относительно перваго, въ проектѣ изложены слѣдующія соображенія. Не одинъ разъ являлась мысль дать или возвратить сенату нѣкоторыя политическія права, чтобы поднять его на высоту учрежденія, передъ которымъ министры были бы отвѣтственны за свое управленіе. Но подобныя попытки не могли бы привести ни къ какому результату. Собраніе, совершенно зависящее отъ верховной власти, никогда не могло бы замѣнить собранія, составленнаго изъ выборныхъ націи.

Недостатокъ отвѣтственности даетъ всѣмъ дѣйствіямъ министровъ видъ произвола и дѣлаетъ то, что, вмѣсто серьезныхъ сужденій, эти дѣйствія встрѣчаютъ только такіе отзывы, которые приводятъ въ заблужденіе публику; въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе публики, не находя никакой точки опоры, теряется въ пустыхъ предположеніяхъ, все осмѣиваетъ и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать правительству, нападаетъ и клевещетъ на него.

Такое положеніе вещей, дѣйствуя обратно на правительство, производитъ въ немъ робость; оно боится браться за вопросы, требующіе силы, твердости. Оттого его дѣятельность направляется главнымъ образомъ на текущія дѣла, и вся тактика министровъ состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать важныхъ вещей, имѣя однако видъ, что они неутомимо дѣйствуютъ и много хлопочутъ.

Для устраненія этого недостатка и исправленія другихъ слабыхъ сторонъ министерскаго устройства, крайне вредившихъ управленію и затруднявшихъ его, Сперанскій предлагалъ свои мѣры, которыя, относительно распредѣленія дѣлъ и установленія правилъ администраціи, были до значительной степени осуществлены въ состоявшемся преобразованіи министерствъ 1810 года. Что касается отвѣтственности министровъ, то Сперанскій (въ излагаемомъ здѣсь проектѣ) полагалъ, что она установится сама собой, когда будетъ «государственная дума», которая будетъ

[1]) Ср. Корфа, Жизнь Спер. I, стр. 122 — 123.

имѣть право требовать у нихъ отчета въ веденіи порученныхъ имъ дѣлъ: нужно будетъ только опредѣлить правила этой отвѣтственности. (Предположенная здѣсь отвѣтственность никогда не была введена).

Въ такомъ видѣ предполагалъ Сперанскій устроить высшія учрежденія власти—законодательной, судебной и административной. Онъ начертилъ и цѣлый планъ правительственной іерархіи отъ этихъ высшихъ пунктовъ до низшихъ мѣстъ управленія, отъ государственнаго совѣта до волостного правленія.

Онъ предполагалъ, между прочимъ, для этого новое дѣленіе имперіи на области и губерніи; первыя должны были заключать тѣ части имперіи, которыя по своему пространству и населенію не могли входить въ общую систему государственнаго управленія, какъ Сибирь, Кавказъ, Земля Войска Донского и т. п. Затѣмъ—новое распредѣленіе на губерніи, уѣзды и волости. Эти дѣленія должны были служить для различныхъ степеней учрежденій, которыя должны были быть устроены въ правильной градаціи, учрежденій порядка законодательнаго, судебнаго и административнаго. Всѣ эти учрежденія должны были имѣть четыре степени.

Въ порядкѣ *законодательномъ*:

Первую степень составляетъ «волостная дума».

Въ главномъ мѣстечкѣ волости, каждые три года собирается «волостная дума», составленная изъ всѣхъ поземельныхъ собственниковъ; въ нее посылаютъ и казенные крестьяне своихъ депутатовъ, по одному съ пятисотъ душъ.

Эта волостная дума назначаетъ членовъ волостного правленія, которому принадлежитъ управленіе волостью; она контролируетъ волостные доходы и расходы; выбираетъ депутатовъ въ уѣздную думу, и составляетъ списокъ двадцати значительнѣйшихъ лицъ волости, не исключая и отсутствующихъ [1])

Окончивъ свои занятія, дума расходится и мѣсто ея занимаетъ волостное правленіе.

Вторую степень составляетъ «уѣздная дума».

Депутаты, выбранные волостными думами, собираются, каждые три года, въ уѣздную думу, которая выбираетъ: 1) членовъ уѣзднаго правленія или совѣта; 2) членовъ уѣздныхъ судовъ; 3) депутатовъ въ губернскую думу.

Уѣздная дума разбираетъ желанія и представленія волостей, и передаетъ ихъ въ губернскую думу. На основаніи списковъ, доставленныхъ волостными думами, она составляетъ новый спи-

[1]) По замѣчанію г. Тургенева, составленіе этихъ списковъ, повторяющееся на каждой степени, напоминаетъ списки нотаблей въ конституціи, составленной Сіэсомъ.

совъ въ двадцать человѣкъ, выбирая ихъ изъ значительнѣйшихъ лицъ уѣзда. Послѣ этихъ занятій она расходится.

Третью степень составляетъ «губернская дума». Она составляется тѣмъ же порядкомъ изъ депутатовъ отъ уѣздныхъ думъ и выбираетъ: 1) членовъ губернскаго правленія или совѣта; 2) членовъ губернскаго суда, и 3) депутатовъ въ государственную думу. Эти послѣдніе депутаты выбираются изъ двухъ сословій, имѣющихъ политическія права; число ихъ, отъ каждой губерніи, опредѣляется закономъ.

Губернская дума составляетъ, на основаніи уѣздныхъ списковъ, свой списокъ двадцати значительнѣйшихъ лицъ губерніи, не исключая отсутствующихъ. Она контролируетъ доходы и расходы губерніи и, на основаніи свѣдѣній доставленныхъ уѣздными думами, составляетъ представленія о нуждахъ края.

По закрытіи засѣданій губернской думы, предсѣдатель ея посылаетъ списки выборныхъ должностныхъ лицъ, волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ, къ канцлеру юстиціи (въ сенатѣ), а къ канцлеру государственной думы посылаетъ также списокъ депутатовъ, выбранныхъ отъ губерніи въ государственную думу, списокъ значительнѣйшихъ лицъ и наконецъ представленія о нуждахъ губерніи.

Четвертую и послѣднюю степень учрежденій законодательнаго порядка составляетъ «государственная дума», состоящая изъ депутатовъ отъ губерній, и по достоинству равная сенату и министерствамъ. Устройство ея мы видѣли выше.

Въ порядкѣ *судебномъ*:

Первая степень есть волостной судъ. Онъ разбираетъ споры частныхъ лицъ третейскимъ судомъ и старается примирить ихъ. Въ дѣлахъ по нарушенію полицейскихъ правилъ онъ долженъ употреблять скорѣе суммарное, чѣмъ формальное и письменное производство.

Волостной судъ состоитъ изъ судьи, его помощника, и судей, выбранныхъ различными частями волости и находящихся въ разныхъ мѣстахъ волости. Въ извѣстныхъ дѣлахъ и преступленіяхъ волостной судья не можетъ рѣшать, не вызвавъ отъ волостного правленія двухъ депутатовъ, которые будутъ исполнять должность присяжныхъ. Судья будетъ président du jury [1]). Эти присяжные должны быть взяты изъ того класса, къ которому принадлежитъ подсудимый. Если таковыхъ не окажется, подсудимый передается уѣздному суду.

---

[1]) По замѣчанію г. Тургенева, эти слова такъ и стоятъ въ проектѣ по-французски.

Дѣла, подлежащія волостному суду, и способъ его дѣйствій предполагалось опредѣлить особымъ закономъ.

Вторая степень — уѣздный судъ, составляющій первую инстанцію въ судебной процедурѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, гражданскаго и уголовнаго. Число членовъ его, компетентность, способъ дѣйствій и пр. должны были быть опредѣлены особымъ закономъ.

Предсѣдатель уѣзднаго суда выбирается изъ числа двадцати значительнѣйшихъ лицъ уѣзда, и его назначеніе утверждается министромъ юстиціи; онъ будетъ имѣть не обязанности судьи, а долженъ быть блюстителемъ законныхъ формъ и производства. Въ этомъ судѣ также являются присяжные.

Третья степень — губернскій судъ. Онъ устроивается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ уѣздный. Предсѣдатели, изъ списка губернскихъ думъ, назначаются министромъ юстиціи и утверждаются въ должности государственнымъ совѣтомъ.

Четвертая степень — сенатъ, предполагавшееся устройство котораго мы видѣли.

Въ порядкѣ *административномъ:*

Управленіе состоитъ изъ четырехъ главныхъ элементовъ: 1) управленіе государственное, или министерство; 2) управленіе губернское; 3) уѣздное; 4) волостное. Такъ какъ администрація можетъ исходить только отъ верховной власти, то всѣ второстепенныя и низшія подраздѣленія должны быть устроены сколько возможно сообразно съ высшимъ учрежденіемъ. Поэтому прежде всего должно быть организовано министерство. (Мы видѣли выше предположенія и исполненныя мѣры по этому предмету).

Мѣстное управленіе въ губерніяхъ должно имѣть тоже единство, которое свойственно организаціи исполнительной власти вообще. Губернія представляетъ, въ меньшихъ размѣрахъ, ту же администрацію какъ министерство. При настоящемъ порядкѣ (т.-е. порядкѣ того времени) въ прямое вѣдѣніе губернатора входитъ только полиція; на другія части администраціи онъ имѣетъ только косвенное дѣйствіе. Отсюда смѣшеніе въ администраціи.

Сперанскій предполагалъ соединить губернское правленіе и казенную палату въ одно управленіе (подъ названіемъ «губернскаго правительства»), раздѣливъ его на нѣсколько отдѣленій. При этомъ «правительствѣ» долженъ былъ находиться «совѣтъ» изъ депутатовъ отъ поземельныхъ собственниковъ губерніи, безъ различія состояній. Этотъ совѣтъ будетъ собираться ежегодно; губернаторъ будетъ представлять ему отчетъ во всѣхъ доходахъ и расходахъ и бюджетъ на слѣдующій годъ; разсмотрѣвъ отчетъ, совѣтъ будетъ распредѣлять налоги на слѣдующій годъ.

Уѣздное управленіе должно устроиться, въ меньшихъ размѣрахъ, на томъ же основаніи. Мѣсто губернатора займетъ здѣсь вице-губернаторъ.

Волостное управленіе сохранитъ тѣ же формы въ еще меньшихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, всѣ части государственной администраціи будутъ имѣть однообразное устройство; отъ министра до волостного правителя дѣла будутъ идти такъ-сказать по прямой линіи и не будутъ уклоняться безпрестанно въ стороны,—какъ теперь, когда теряется даже слѣдъ всякихъ злоупотребленій, которыя правительство хотѣло бы уничтожить.

Упомянемъ наконецъ спеціальный проектъ Сперанскаго объ устройствѣ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій въ имперіи. По этому проекту значительная доля должностныхъ лицъ, какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ вѣдомствѣ, должны были назначаться путемъ выборовъ.

Таковъ былъ проектъ Сперанскаго. Прежде чѣмъ говорить объ его значеніи, достоинствахъ или недостаткахъ, возвратимся къ мнѣніямъ писателя, у котораго мы заимствовали изложеніе проекта и который одинъ пока высказался о немъ.

«Читая трудъ Сперанскаго, — говоритъ г. Тургеневъ, — я въ особенности искалъ какихъ-нибудь рѣшеній о капитальномъ для Россіи предметѣ, который, еслибы начата была какая-нибудь реформа, долженъ предшествовать всему: отмѣнѣ крѣпостного права. Я не нашелъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго. Правда, цѣлый проектъ организаціи для имперіи показывалъ, что крѣпостное право не могло найти въ немъ мѣста; но вступая въ подробности о многихъ другихъ вопросахъ гражданскаго и политическаго устройства, Сперанскій кажется хотѣлъ избѣгать этого. Но онъ открыто нападалъ на нѣкоторыя финансовыя учрежденія, связанныя съ крѣпостнымъ правомъ, напр. на подушную подать. Вообще, — говоритъ авторъ, — если этотъ трудъ носитъ на себѣ очевидные слѣды легкомыслія, съ которымъ этотъ реформаторъ брался за самые важные вопросы и трактовалъ ихъ, тѣмъ не менѣе при всей неполнотѣ и необработанности, этотъ трудъ сохранитъ отъ забвенія имя своего автора».

«Я не хочу оспаривать заслуги проектовъ Сперанскаго,— говоритъ тотъ же писатель далѣе, — я убѣжденъ, что исполненіе его плана, даже въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ проектѣ общей организаціи, было бы прогрессомъ и, слѣдовательно, благодѣяніемъ для страны; но я не могу не сказать, что въ этомъ

трудѣ, какъ и во всѣхъ другихъ трудахъ своихъ Сперанскій слишкомъ много заботится о формѣ, и не довольно о сущности вещей. Онъ видѣлъ безпорядокъ, хаосъ повсюду; онъ признавалъ нелѣпость основныхъ учрежденій и порядка вещей, устроеннаго по этимъ учрежденіямъ; и всему этому злу онъ хотѣлъ помочь болѣе систематической, болѣе связной организаціей различныхъ государственныхъ вѣдомствъ, законодательнаго, административнаго и судебнаго. Онъ передѣлывалъ сенатъ, раздѣлялъ министерства, назначалъ каждому сферу, которой они должны ограничиться; онъ установлялъ порядокъ, которымъ дѣла должны были переходить изъ одной канцеляріи въ другую, отъ одной власти къ другой; онъ предписывалъ форму, какую должны имѣть дѣловыя бумаги; однимъ словомъ, онъ какъ будто вѣровалъ во всемогущество уставовъ, правилъ, писанныхъ на бумагѣ, во всемогущество формы. Онъ могъ дать своимъ твореніямъ нѣкоторую методу, но онъ не въ состояніи былъ дать имъ душу, по той простой причинѣ, что у него самого не было души. Во всѣхъ опытахъ, какіе дѣлалъ Сперанскій, во всѣхъ его вдохновеніяхъ нѣтъ ничего такого, что̀ было бы способно интересовать массы, ничего, что̀ обращалось бы къ тѣмъ благороднымъ и сильнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, которыя одни способны произвести какой-нибудь порывъ къ добру, къ прогрессу, къ совершенствованію» [1]).

Въ этихъ словахъ писателя, какъ мы замѣтили, вовсе не расположеннаго къ Сперанскому, отдана справедливость труду Сперанскаго, но вмѣстѣ рѣзко высказалось довольно распространенное неблагопріятное мнѣніе о Сперанскомъ. Мы упоминали выше, что отзывы г. Тургенева, который зналъ Сперанскаго, повидимому, только позднѣе, по возвращеніи его изъ ссылки, съ одной стороны вызывались характеромъ Сперанскаго за это время, съ другой усиливались особенно его ролью въ началѣ слѣдующаго царствованія. Между тѣмъ едвали возможно отвергать, что это не былъ его прежній характеръ, что Сперанскій, въ прежнее время смѣло выносившій ожесточенную ненависть многочисленныхъ враговъ, былъ сильно надломленъ тяжкими испытаніями ссылки. Довольно представить себѣ въ самомъ дѣлѣ, какія безотрадныя разочарованія должны были представляться ему въ эти годы ссылки, когда онъ долженъ былъ предчувствовать и полное разрушеніе своихъ плановъ и выносить тупую ненависть того самаго общества, для котораго онъ хотѣлъ работать, — чтобы увидѣть возможность этой перемѣны и этого паденія. Обществен-

---

[1]) La Russie I, 574—576.

ныя идеи, которыми онъ былъ проникнутъ, были еще очень новы въ русской жизни, и на первое время въ людяхъ еще не выработалась твердость убѣжденія, которая является только послѣ извѣстнаго періода сознательнаго пониманія ихъ въ обществѣ, или послѣ сильнаго ихъ возбужденія. Поэтому, Сперанскаго, даже въ разгарѣ его дѣятельности, никакъ нельзя было бы сравнивать, напримѣръ, съ энтузіастами того поколѣнія, которому принадлежитъ его критикъ и которое показало рѣдкій примѣръ стойкости убѣжденій: ихъ взгляды были сходны, — хотя только въ одной общей идеѣ, — но положенія ихъ были совсѣмъ непохожи; стремленія ихъ развивались различными путями и въ различной сферѣ. Сперанскій совершенно не имѣлъ той общественной школы, въ которой образовались мнѣнія этихъ позднѣйшихъ людей, и его развитіе было поэтому лишено оживляющей среды, вліяніе которой даетъ убѣжденіямъ ихъ силу, жизненность и солидарность по крайней мѣрѣ съ извѣстной долей общества. Напротивъ, по самымъ условіямъ его жизни и положенія, мысли его созрѣвали въ одиночествѣ и въ тайнѣ. Мы указывали обстоятельства, которыя создавали такое одиночество даже и независимо отъ оффиціальныхъ условій: къ тому времени Сперанскій былъ уже предметомъ ненависти, и это дѣлало для него почти невозможнымъ обмѣнъ мысли и чувства, даже повѣрку своихъ мнѣній. Составляясь, такимъ образомъ, путемъ одинокой теоретической мысли, понятія Сперанскаго естественно должны были пріобрѣсти меньше устойчивости: ему легче могла представляться возможность ошибки; съ другой стороны ему казалось, что еще возможна дальнѣйшая дѣятельность. Сперанскій безъ сомнѣнія не вдругъ отказался отъ своихъ прежнихъ понятій и надеждъ, но ему не представлялось никакой возможности борьбы (она и дѣйствительно едва ли была): онъ и прежде уклонялся отъ нея, надѣясь, что авторитетъ власти дастъ его реформамъ силу; теперь своими уступками онъ надѣялся возстановить свое значеніе для будущаго времени. Но уступки слишкомъ часто требуютъ все новыхъ и новыхъ уступокъ.

Но признавъ эту перемѣну характера, надо быть безпристрастнѣе къ прежнему времени, и приведенный проектъ Сперанскаго не можетъ не требовать этого безпристрастія. Правда, онъ очень неполонъ, въ немъ есть ошибки, но и много положительныхъ достоинствъ. У Сперанскаго дѣйствительно нѣтъ прямого рѣшенія крестьянскаго вопроса, но онъ и не забываетъ его: самъ г. Тургеневъ находитъ, что въ его планѣ не остается мѣста для крѣпостного права; мало того, Сперанскій положительно указываетъ необходимость и предлагаетъ форму рѣшенія

вопроса. Предложенная форма конечно не удовлетворительна съ нашей точки зрѣнія, потому что предполагаетъ «полнымъ» освобожденіе крестьянъ безъ земли; но это было довольно обыкновенное представленіе того времени. Едвали можно винить Сперанскаго и въ томъ, что его проекты не могли «интересовать массы», «не обращались къ благороднымъ и сильнымъ чувствамъ человѣческаго сердца»: форма его проектовъ была такова, что они и не могли имѣть подобнаго дѣйствія, а эта форма необходимо опредѣлялась самыми условіями его работы и всего его положенія. Проекты нисколько не предназначались для массы: они по своей программѣ должны были состоять въ развитіи политической теоріи и въ проектѣ учрежденій, — первое необходимо отвлеченно, второе необходимо сухо и формально. Проекты Сперанскаго были почти-что дѣловыя бумаги. Не мудрено однако видѣть, что за теоретическими разсужденіями лежитъ общественная мысль, которой никто не откажетъ въ серьезности. Холодный бюрократъ, какимъ у насъ привыкли считать Сперанскаго, не въ состояніи былъ бы написать многихъ страницъ проекта, которыя были своего рода подвигомъ. Какъ ни сильна могла быть поддержка императора Александра въ этой работѣ, строгая постановка вопроса была со стороны Сперанскаго большой смѣлостью; эта смѣлость далеко не была въ русскихъ нравахъ, и ея нельзя не оцѣнить, если вспомнить всеобщее раболѣпство и крайнюю боязнь сколько-нибудь свободнаго выраженія своей мысли.

Проектъ Сперанскаго — столько же драгоцѣнный историческій документъ, какъ протоколы Строганова: и въ томъ, и въ другомъ мы видимъ самый процессъ развитія политическихъ и общественныхъ элементовъ, какъ онъ обнаруживался въ высшей правительственной сферѣ, которая въ эту пору еще продолжала сохранять то передовое значеніе, какое имѣла она въ первые годы царствованія. Правительство продолжало быть представителемъ новаго направленія, которое начинало обнаруживаться въ наиболѣе образованномъ, хотя очень немногочисленномъ, меньшинствѣ. Поэтому и теперь, въ той же сферѣ могла высказаться новая ступень развитія общественныхъ идей, представляемая проектомъ Сперанскаго. Выполненный только одной небольшой частью, въ цѣломъ оставшійся никому неизвѣстнымъ, онъ остается однако чрезвычайно интересенъ какъ историческій указатель движенія идей. Онѣ уже бросили корень въ жизни; непосредственные практическіе планы не удались, личность стерлась, самая сфера потомъ совершенно измѣнилась, — но идеи не погибли: онѣ продолжали развиваться, нашли для себя новыхъ приверженцевъ уже въ самомъ обществѣ.

Мы упоминали, что, по словамъ самого Сперанскаго въ пермскомъ письмѣ, его планъ всеобщаго государственнаго образованія «въ существѣ своемъ не содержалъ ничего новаго», но что «идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ императора, дано въ немъ систематическое расположеніе». Въ какомъ именно отношеніи стоялъ трудъ Сперанскаго къ прежнимъ работамъ (которыя сообщилъ ему императоръ Александръ), мы не можемъ рѣшать съ точностью, за неимѣніемъ этихъ прежнихъ работъ. Но, ограничившись общими чертами, мы увидимъ, что связь между ними конечно была. Одна основная мысль занимала Александра тогда и занимала теперь, это — забота объ ограниченіи «произвола нашего правленія». Къ ней сводились разсужденія въ «комитетѣ», записки, представляемыя разными довѣренными государственными людьми, и проекты, которые выработывались въ самомъ комитетѣ. Была связь и въ частностяхъ мѣръ, которыя предлагались для достиженія этой цѣли тогда и предлагались теперь: въ этихъ мѣрахъ имѣлось въ виду приблизить русскую форму правленія къ «истинной монархіи» или къ формамъ конституціоннаго характера; была мысль о представительствѣ, было желаніе установить отвѣтственность министровъ, отдѣлить судебную власть отъ административной; изъ числа прежнихъ учрежденій вычеркнута тайная экспедиція, введены вновь министерства и государственный совѣтъ.

Но съ другой стороны едвали можно сомнѣваться, что работы Сперанскаго далеко не ограничивались однимъ сводомъ прежнихъ мнѣній; трудъ «систематическаго расположенія» былъ самостоятельный до очень значительной степени. Въ этомъ, кажется, убѣждаетъ сличеніе его проекта съ тѣми прежними матеріалами, по крайней мѣрѣ, которые до сихъ поръ извѣстны [1]. Разница между ними бросается въ глаза: то, что въ прежнихъ проектахъ высказывается какъ неопредѣленная, нерѣшительная мысль, въ планѣ Сперанскаго развивается въ положительную и ясную теорію; нетвердыя, колеблющіяся и отрывочныя предположенія выростаютъ въ цѣлую, связную систему учрежденій, которой нельзя отказать ни въ смѣлости, ни въ умной комбинаціи. Словомъ, работа Сперанскаго отличается отъ прежнихъ какъ цѣльная, сознательно обдуманная система, въ которой общая мысль находитъ уже практическое цѣлесообразное исполненіе и гдѣ указываются способы для достиженія предположенной цѣли. Когда болѣе будутъ извѣстны историческіе документы того вре-

---

[1]) Отчасти они были указаны нами прежде: протоколы Строганова, записки Лагарпа, А. Р. Воронцова, Державина, Зубова, отрывокъ «Уложенія», сохранившійся въ бумагахъ Строганова, и т. п.

мени, можно будетъ съ бо́льшей точностью опредѣлить отношеніе этихъ работъ, но можно, кажется, положительно сказать, что шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Замѣтимъ наконецъ, что между работами этихъ двухъ періодовъ, какъ мы упоминали прежде, мудрено указать ту разницу, которую обыкновенно указываютъ въ нихъ, называя одинъ періодъ англійскимъ, другой французскимъ. Насколько мы знаемъ документы, эта разница едвали выразилась въ проектахъ до такой степени, чтобы ее можно было дѣлать характеристической. Напротивъ, въ обоихъ періодахъ можно находить одинаково слѣды и французскихъ, и англійскихъ образцовъ. Сперанскій могъ имѣть, и вѣроятно имѣлъ, въ виду какія нибудь французскія конституціи (начиная съ 1791 и пр.), но имѣлъ въ виду и англійскія учрежденія, напр. майоратъ, на которомъ онъ хотѣлъ построить новую аристократію. Точно также прежніе реформаторы не заимствовались своими образцами только изъ Англіи, какъ напр. въ устройствѣ министерствъ. Однимъ словомъ, у тѣхъ и другихъ гораздо больше высказываются общія стремленія къ «истинной монархіи», чѣмъ увлеченіе какими-нибудь спеціальными образцами учрежденій, и существенное различіе двухъ періодовъ заключается только въ степени и сознательности этого стремленія: у Сперанскаго оно было, во всякомъ случаѣ сильнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ.

Кромѣ этого общаго историческаго значенія, какъ момента или ступени въ развитіи политическихъ понятій, планъ Сперанскаго чрезвычайно любопытенъ въ частности для опредѣленія его собственной дѣятельности. Можно сказать, что этотъ проектъ во многихъ отношеніяхъ есть его защита и оправданіе. По этому плану можно судить, въ чемъ состояли его настоящія желанія, насколько практическое исполненіе отстояло отъ цѣлаго объема задуманныхъ преобразованій, и насколько истинный смыслъ учрежденій, осуществленныхъ на дѣлѣ, зависѣлъ именно отъ исполненія цѣлаго плана. Въ самомъ дѣлѣ, исполненіе, какъ видимъ, было крайне неполно. Изъ цѣлой системы остались только отрывки, сами по себѣ не представлявшіе наконецъ никакого, собственно политическаго, улучшенія, о которомъ всего больше и говорилъ императоръ Александръ. Государственный совѣтъ, которому въ проектѣ предоставлялась своя, довольно раціонально соображенная дѣятельность при сенатѣ, министерствахъ и «думѣ», далеко не имѣлъ того смысла на дѣлѣ, безъ этой системы учрежденій. Сенатъ остался безъ преобразованія. Министерства были усовершенствованы въ админи-

стративномъ, исполнительномъ отношеніи, но остались по прежнему безъ противовѣса въ отвѣтственности передъ «думой», гдѣ эта отвѣтственность могла бы стать со временемъ дѣйствительно серьезной. Существенный элементъ плана, первый опытъ представительства, былъ вовсе покинутъ; отъ него уцѣлѣлъ только крайне неясный намекъ въ двухъ-трехъ обоюдныхъ выраженіяхъ манифеста о государственномъ совѣтѣ. Не говоримъ наконецъ о цѣломъ рядѣ учрежденій низшихъ степеней, которыя остались также совсѣмъ незатронутыми. Очевидно, что о преобразованіяхъ Сперанскаго можно судить справедливо только въ связи ихъ съ планомъ...

Въ планѣ есть недостатки, и очень крупные. Онъ составленъ дѣйствительно «легко»,—хотя не слѣдуетъ преувеличивать этой легкости. Для многихъ, и въ то время, и теперь, самымъ кореннымъ недостаткомъ показалось бы то, что Сперанскій вообще очень мало опирался на «историческихъ основаніяхъ», пожалуй даже совсѣмъ не опирался на нихъ. Сперанскій и здѣсь, какъ въ проектахъ уложенія, хотѣлъ строить заново, мало соображался съ преданіями и существующимъ порядкомъ вещей. Но этотъ недостатокъ, собственно говоря, очень условный. Въ гражданскомъ уложеніи Сперанскій, быть можетъ, былъ неправъ, когда слишкомъ задался законодательствомъ теоретическимъ и упустилъ изъ виду существующія практическія отношенія: это стоило ему несомнѣнныхъ ошибокъ. Такія ошибки, или практическія упущенія, есть и въ планѣ государственнаго образованія. Но это всего чаще недостатки частностей, а не основной мысли; и что касается до послѣдней, то мы не находимъ поводовъ обвинять Сперанскаго въ легкомысліи.

Во-первыхъ, не надо забывать, что его планъ былъ дѣйствительно планъ, проектъ, не болѣе. Многія части его были совершенно не отдѣланы; для многихъ предположенныхъ учрежденій еще надо было составить спеціальныя правила и уставы. По всей вѣроятности, проектъ долженъ былъ быть внесенъ на окончательное разсмотрѣніе въ открытый уже государственный совѣтъ, черезъ который прошло образованіе министерствъ, черезъ который проходило преобразованіе сената и гражданское уложеніе. Такимъ образомъ, въ «планѣ» мы имѣемъ не готовую къ исполненію государственную мѣру, а только единичный проектъ, который могъ испытать съ вѣдома и добровольнаго участія автора значительныя видоизмѣненія; и слѣдовательно въ намѣреніи автора мы должны видѣть не окончательное рѣшеніе практическаго реформатора, а только предположенія, открытыя для критики. Во-

вторыхъ, по сущности дѣла, Сперанскому не представлялось иной дороги, кромѣ нововведеній: на этой почвѣ дѣйствительно слѣдовало строить вновь потому, что старая жизнь, къ сожалѣнію, давала слишкомъ мало «историческихъ основаній», на которыхъ можно было бы послѣдовательно, органически развить новыя учрежденія. Какъ повидимому это ни странно, но мы и въ настоящее время, при всемъ господствѣ консервативныхъ взглядовъ и намѣреній, нерѣдко должны убѣждаться въ этомъ положеніи дѣла[1]). Сперанскій, въ началѣ проекта, ссылался на извѣстныя данныя прошедшей исторіи, которыя, по словамъ его, доказывали историческое существованіе той идеи государственнаго преобразованія, которую хотѣлъ выполнить императоръ Александръ. Мы видѣли, что и въ манифестѣ 1 января 1810 г. повторена неясная историческая ссылка. Но Сперанскій едва ли серьезно понималъ эту ссылку, потому что на дѣлѣ она могла быть справедлива развѣ только въ самомъ общемъ смыслѣ, и вовсе не приходилась къ тому спеціальному примѣненію, въ которомъ хотѣли ее употребить. Исторически, развитіе шло иначе. Конституціонная идея, какъ разумѣлъ эту идею планъ Сперанскаго, не имѣла основанія въ прошедшемъ; въ этомъ видѣ она никогда не существовала въ русской жизни; она не имѣла ничего общаго съ древними демократическими учрежденіями и съ позднѣйшими думами и соборами. Съ Петра В. въ русской жизни не существовало никакого учрежденія, никакого преданія, которыя бы могли имѣть смыслъ какого-нибудь ограниченія верховной власти; напротивъ, эта власть развилась до своего апогея. Съ этой стороны для новѣйшаго реформатора невозможно было найти никакихъ «историческихъ основаній». Тѣмъ не менѣе, основанія для реформы были, но онѣ заключались въ совершенно иномъ элементѣ — въ развитіи самого общества, развитіи, которое совершалось подъ вліяніемъ европейской образованности, внѣ какихъ-нибудь учрежденій, и которое, расширяя кругъ общихъ знаній и сообщая новыя нравственныя и общественныя понятія, наконецъ совершенно естественно приводило и къ извѣстному политическому сознанію. Единственное и очень достаточное «основаніе», которое имѣлъ здѣсь Сперанскій, было то, что практическая жизнь, государственная и народная, страдала множествомъ дѣйствительныхъ неустройствъ, и что въ людяхъ наиболѣе образованныхъ уже являлось сознаніе неудовлетворительности преж-

[1]) Лучшія реформы послѣдняго времени никакъ нельзя натянуть на «историческія основанія»,—сколько ни старались иногда славянофилы толковать нашу старину въ этомъ смыслѣ.

няго порядка и желаніе улучшить и усовершенствовать его по тѣмъ требованіямъ, какія указывали новыя понятія объ истинномъ благѣ государства и о достоинствѣ самой власти. Изъ этихъ требованій дѣйствительно и исходили всѣ преобразовательныя мечты императора и планы Сперанскаго. Понятно, что съ этой точки зрѣнія передъ реформаторомъ конечно открывался значительный просторъ: онъ не могъ вести своего дѣла иначе, какъ путемъ нововведеній. Надо было вносить въ жизнь новые элементы, новыя учрежденія, неизбѣжно нарушать традицію и ожесточать тѣхъ, кто былъ тупо къ ней привязанъ.

Нововведенія были не всегда удачны; иногда были слишкомъ произвольны. Такъ, мысль объ установленіи майората была случайная и произвольная; самое средство, предлагаемое Сперанскимъ для его введенія, какъ справедливо замѣтилъ г. Тургеневъ, похоже на фокусъ, tour de passe-passe; другія средства, которыми Сперанскій хотѣлъ ввести равенство правъ и уничтожить различія сословій, также мелочны. Способъ и объемъ исполненія вообще мало соотвѣтствуютъ положительной постановкѣ принциповъ, и своей крайней осторожностью свидѣтельствуютъ о желаніи ввести новый порядокъ вещей сколько возможно незамѣтнымъ образомъ,—какъ будто авторъ плана хотѣлъ, чтобы общество и народъ даже не почувствовали сильной перемѣны, которая произошла бы въ ихъ жизни. Это стараніе избѣгать всего, сколько-нибудь похожаго на крутой переходъ, вѣроятно всего больше происходившее отъ вліянія взглядовъ императора Александра, составляетъ, какъ мы скажемъ дальше, самую слабую сторону цѣлаго предпріятія, и вмѣстѣ характеристическую черту времени.

Но, при всѣхъ недостаткахъ, какіе мы можемъ открывать въ проектѣ Сперанскаго, нельзя не отдать справедливости его замѣчательнымъ достоинствамъ. Въ основаніи всякой разумной реформы должно лежать ясное критическое отношеніе къ существующему порядку, и въ этомъ отношеніи трудъ Сперанскаго стоитъ, быть можетъ, выше всего, что только было сдѣлано русской мыслью до тѣхъ временъ. Примѣры такого здраваго критическаго отношенія являются уже давно, — ихъ можно начинать еще съ Котошихина; въ теченіе XVIII-го вѣка они изрѣдка повторялись въ публицистическихъ трудахъ въ родѣ Посошкова, въ цѣломъ рядѣ сатирической литературы, доходя наконецъ до Новикова, Радищева и реформаторовъ первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра; но едвали гдѣ-нибудь были такъ положительно и опредѣленно указаны общіе принципы. Самая

теорія не нова и не оригинальна; она несомнѣнно составилась подъ вліяніемъ европейскихъ теорій конца XVIII-го вѣка, начиная съ Монтескьё; но она была усвоена Сперанскимъ достаточно серьезно, что можно видѣть изъ самыхъ примѣненій къ русскимъ государственнымъ отношеніямъ, въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Нельзя не признать, что эти политическія отношенія и ихъ частныя явленія и слѣдствія опредѣляются иногда чрезвычайно вѣрно. Таково напр. историческое замѣчаніе, что крѣпостное подчиненіе крестьянства отражалось усиленіемъ верховной власти до абсолютизма, такъ какъ интересъ крестьянства требовалъ, чтобы надъ помѣщиками стояла безграничная власть, которая бы могла внушать имъ спасительный страхъ и ограничивать ихъ деспотизмъ надъ крестьянами. Дѣйствительн otаковъ былъ инстинктъ самого крестьянства: царская власть всегда была его надеждой, которая долго поддерживалась только слабо фактами, но наконецъ оправдалась, потому что эта власть наконецъ совершила освобожденіе. Чрезвычайно справедливы также мнѣнія Сперанскаго о томъ, должно ли вообще просвѣщеніе предшествовать свободѣ, какъ многіе думали тогда и еще думаютъ теперь. Замѣчанія Сперанскаго впередъ опровергаютъ приторныя разсужденія Карамзина, который именно развивалъ мысль, что надо *сначала* просвѣтить крестьянъ, а потомъ освобождать ихъ. Крестьяне конечно никогда бы не были освобождены по этой программѣ. Наконецъ, нельзя не признать большой силы въ той дилеммѣ, которую Сперанскій ставитъ между предлагаемыми реформами и старымъ порядкомъ, гдѣ съ одной стороны открывалась обширная перспектива благотворныхъ преобразованій и улучшеній въ цѣлой національной жизни при новой внутренней политикѣ, а съ другой — только возможность однихъ частныхъ и мелкихъ починокъ въ старомъ зданіи. Любопытно видѣть, какъ въ этой послѣдней категоріи вещей, которыя можно сдѣлать только на худой конецъ, указанъ былъ тотъ трудъ собиранія старыхъ указовъ, которымъ потомъ ограничилась послѣдняя дѣятельность Сперанскаго.

Языкъ Сперанскаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проекта и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, можетъ показаться очень смѣлымъ: иначе и не могло быть при той сильной мысли, которую онъ высказывалъ. Сперанскій рѣзко ставитъ вопросъ объ учрежденіяхъ и очень невысокаго мнѣнія о старыхъ порядкахъ вообще, и чтобы понять суровость нѣкоторыхъ его мнѣній, которую вообще объясняли въ немъ самонадѣянностью, надо только вспом-

нить, что всего десять лѣтъ передъ тѣмъ окончилось наше XVIII-е столѣтіе, которое доставляло слишкомъ много «оправдательныхъ пьесъ» для его мнѣній: чтобы притти къ такимъ мнѣніямъ, надо было только оглянуться кругомъ себя.

Вообще, проектъ Сперанскаго въ историческомъ отношеніи чрезвычайно любопытенъ, такъ какъ онъ наглядно представляетъ пунктъ столкновенія традиціоннаго устройства и характера власти съ новыми идеями времени, которыя заявляли о своемъ существованіи въ русскомъ обществѣ. Несвободный отъ недостатковъ и произвольныхъ гипотезъ относительно будущаго устройства государства, проектъ остается замѣчателенъ яснымъ пониманіемъ результатовъ прошедшаго и недостатковъ настоящаго. Эти существенные недостатки, замѣчаемые прежде только немногими лучшими умами, признавались теперь, въ тайнѣ, на самой вершинѣ правительства. Это критическое отношеніе къ прошедшему и настоящему было важнымъ фактомъ въ цѣломъ историческомъ движеніи: съ этого долженъ былъ начаться поворотъ въ цѣломъ сознаніи общества, таково должно было быть первое основаніе для дальнѣйшихъ стремленій общественнаго развитія. Проектъ Сперанскаго выражаетъ собой этотъ поворотный пунктъ. Дальше, жизнь должна была вступить на другую дорогу и дѣйствительно вступала на нее: отношенія должны были измѣниться; общество, сначала мало замѣтно, съ остановками и колебаніями, но больше и больше обнаруживало попытки самостоятельности и открывало себѣ независимый путь развитія. Скептицизмъ и проекты Сперанскаго были однимъ изъ важныхъ фактовъ въ исторіи нашего общественнаго мнѣнія,—хотя въ мысляхъ Сперанскаго могли быть неполноты и ошибки, и хотя съ нашей точки зрѣнія ихъ можетъ набраться больше еще, чѣмъ съ тогдашней.

Мы упоминали выше, какимъ тяжелымъ осужденіямъ подвергся этотъ проектъ даже съ точки зрѣнія тогдашней либеральной партіи, и объясняли, что̀ въ этихъ осужденіяхъ было не совсѣмъ справедливаго. Проектъ Сперанскаго могъ не «интересовать массъ», онъ дѣйствительно и не разсчитывалъ на это; но несправедливо было бы представлять его только дѣломъ безжизненной регламентаціи. Достаточно вникнуть въ нѣсколько характеристическихъ фразъ проекта, чтобы увидѣть въ немъ «душу», которой не хотѣлъ замѣчать строгій судья Сперанскаго. «Весь русскій народъ» — вотъ послѣдняя цѣль желаній и усилій Сперанскаго, и онъ конечно, во многомъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ лучшихъ стремленій своего времени. Въ

проектѣ ясно выразилась выроставшая въ обществѣ потребность въ извѣстной самостоятельной дѣятельности.

Но самые пріемы и способы исполненія, — которыхъ мы не приписываемъ собственному выбору Сперанскаго, — показываютъ, или что эта потребность только еще начинала складываться или, скорѣе, что слишкомъ сильны были привычки стараго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, въ проектѣ, какъ вообще во всѣхъ тогдашнихъ планахъ императора Александра, идетъ дѣло именно о томъ, чтобы ограничить въ русской жизни угнетающее начало безграничнаго авторитета, предоставить извѣстный просторъ самому обществу, возбудить его самостоятельную дѣятельность въ общественно-политическихъ вопросахъ, — и между тѣмъ, самая мысль объ этомъ сколько возможно скрывается отъ общества, важныя государственныя преобразованія приготовляются въ тайнѣ даже отъ членовъ высшаго правительства, и только нѣкоторыя частныя, стоящія на очереди, нововведенія сообщаются предварительно двумъ-тремъ довѣреннѣйшимъ лицамъ (какъ это было съ преобразованіемъ госуд. совѣта). Этотъ пріемъ, отражавшій въ себѣ обыкновенную нерѣшительность импер. Александра, очевидно, заключалъ въ себѣ странное недоразумѣніе. Если, по словамъ Сперанскаго, нельзя было дать народу просвѣщеніе безъ свободы, то еще меньше можно было приготовить свободу безъ свободы. Императоръ Александръ имѣлъ великодушный планъ расширить общественную свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пугался сильной перемѣны; онъ не отказывался отъ плана, но старался дать исполненію самыя мягкія формы, произвести освобожденіе самыми незамѣтными переходами: въ то время думали, что это можно сдѣлать безъ вѣдома самого общества, и не думали, что, напротивъ, для этого прежде всего надо было начать съ первыхъ вопросовъ освобожденія—съ защиты крестьянина, съ распространенія образованія, съ терпимости къ его свободѣ, съ освобожденія литературы, съ открытаго суда и т. п. Тогда только либеральныя начинанія правительства нашли бы отвѣтъ въ обществѣ, привлекли къ себѣ всѣ лучшіе его элементы, и дѣло реформы воспользовалось бы всѣми силами той части общества, которая уже чувствовала въ нихъ потребность. На дѣлѣ вышло на оборотъ: наиболѣе просвѣщенная и либеральная доля общества не могла высказываться, и оставалась подъ страхомъ, когда еще продолжались старые порядки, между тѣмъ для консервативной оппозиціи была вся возможность дѣйствовать, интриговать, и выдавать свои гнусности и интриги за ревность ко благу отечества. Но Сперанскій мало былъ виноватъ въ этомъ ходѣ дѣла. Этотъ способъ

дѣйствій принадлежалъ, конечно, самому императору Александру: отчасти это была его обыкновенная опасливая осторожность, отчасти—пріемъ, наслѣдованный отъ прежней правительственной практики, которая никогда не хотѣла дозволять обществу самому думать объ общественныхъ дѣлахъ. Правительство, не довѣряя обществу, собственно говоря, мало знало его внутреннюю жизнь и его интересы. Объ его настроеніи, его желаніяхъ или неудовольствіяхъ знали только по слухамъ, всего чаще неполнымъ, ошибочнымъ или преувеличеннымъ. Понятно, въ какую сторону ловкіе люди эксплуатировали эти слухи при извѣстномъ характерѣ Александра. Можно винить Сперанскаго, что онъ не старался измѣнить этого положенія дѣла, но трудно сказать, насколько это было для него возможно, еслибы онъ и захотѣлъ этого. Это былъ давнишній взглядъ, историческое недовѣріе и недоразумѣніе, и передѣлать его вдругъ было бы нелегко во всякомъ случаѣ.

Это явленіе было прискорбно; къ сожалѣнію, оно находило себѣ обильную пищу: огромное большинство самого общества дѣйствительно и не думало о какихъ-нибудь подобныхъ требованіяхъ, было довольно стариной и не искало никакой свободы. Доказательствомъ былъ оракулъ этого большинства, Карамзинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо Сперанскаго къ Императору Александру въ январѣ 1813 г., изъ Перми.

Всемилостивѣйшій Государь!

При отлученіи меня, В. И. В. между прочими знаками милостиваго вниманія сказали мнѣ: что „во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили бы годъ или два, чтобъ точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ Вамъ о мнѣ дошедшія". Изъ сего я долженъ заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ еще не рѣшено не возвратно. Въ послѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная, защита Ваша утвердили еще болѣе сію надежду.

Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что В. В. удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ?

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери, потому, что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего вниманія объясненія, при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться. Но государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

Есмь съ благоговѣніемъ и пр.

М. Сперанскій.

Въ самомъ началѣ царствованія В. И. В. поставили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія и слѣдовать ему неуклонно.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія Ваши, кои, по важности и пространству своему, могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, еслибы или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители, коихъ В. В. употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно, въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ бо́льшей или ме́ньшей степени. Сему и быть надлежало, когда В. В. и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ-называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычка и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе чрезъ 12 лѣтъ В. В. постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы, но главная мысль и намѣреніе оставались неизмѣнными.

До 1808 года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразова́ній; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1803 году В. В. угодно было поручить мнѣ чрезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, В. В. начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій В. В., надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія.

Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801 г. занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, В. В. положили наконецъ приводить его въ дѣйствіе.

Полезнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но В. В. признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но въ послѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій.

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшія.

I. *Совѣтъ*. Учрежденіе сіе, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу Салтыкову и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили; всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому, хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ они ничего не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его рѣшатся? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

II. *Министерства*. Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ, но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе, при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. В. В., стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ В. В. составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе предсѣдателей совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны, и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію В. В. въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылію и прахомъ; но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ *частнымъ уставамъ*. Возложено было на самихъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства, и это былъ — я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе нежели на

100 тыс. рублей. Въ самыхъ правилахъ наказовъ надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти. привести ее въ предѣлы, ограничить насильныя завладѣнія одной части надъ другою, и словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. Можно ли было сего достигнуть. не прослывъ рушителемъ всего добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

Другіе, можетъ быть, меня счастливѣе, совершатъ сію работу; но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія, иначе они станутъ другъ друга затруднять, какъ то опытъ уже доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ какъ занимались сею работою, В. В. подтверждали мнѣ многократно о образованіи сената.

III. *Сенатъ.* Образованіе сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ.

Проектъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ графу Заводовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи предсѣдателей, напечатанъ и внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ хода сего дѣла всякъ легко могъ усмотрѣть. что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію.

Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзавшаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи, большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего недовольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобъ признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестію вырывалась у меня въ самыхъ публичныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ и В. В., и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ и теперь должна находиться. Могъ ли я тогда подумать, что сіе самое разсужденіе дастъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое въ послѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проекта были многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній, В. В. не рѣшались еще остановить исполненія. Двумя записками, въ разное время отъ

меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы, при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили, наконецъ, В. В. отложить его до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! чтобъ время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ, или и совсѣмъ передѣланъ людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства сената, сообразнаго устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

IV. *Законы.* Есть люди, кои и коммиссію законовъ считаютъ вреднымъ уновленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано, въ теченіи двухъ лѣтъ, болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

Со всѣмъ тѣмъ, никогда не хвалился я сими работами и охотно, и въ свѣтѣ и передъ В. В., раздѣлялъ честь ихъ съ коммиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня, наконецъ, быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммиссіи, т. е. отъ г. Розенкампфа, и если найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно, ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе. Ложь или незнаніе, кои изобличить также не трудно: ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ.

V. *Финансы.* Въ исходѣ 1809 г., тогда, какъ В. В. занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекавшій на себя все Ваше вниманіе. В. В. съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постоянный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ пополненію недостатковъ, Вамъ представляемыя, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возрасло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужас-

ный недостатокъ въ 105,000,000 рублей, а способовъ къ замѣнѣ его въ виду не было.

Вступало къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. В. В. желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность. Сею одною рѣшительностію, смѣло могу утвердить, В. В. спасли тогда государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій, составленъ былъ планъ финансовъ и внесенъ въ комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался. По двухнедѣльномъ предварительномъ разсмотрѣніи, онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрили: принялись за исполненіе.

Здѣсь, тѣже самые члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его; и тотъ, кто долженъ былъ главнымъ быть его исполнителемъ, министръ финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противурѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать: прекратить выпускъ ассигнацій; но надобно было чѣмъ-нибудь ихъ замѣнить; для сего надлежало:

1) Сократить и привести въ порядокъ издержки; а здѣсь-то неудобства и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и, въ концѣ всего, еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія сего не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало, однакожъ, чтобъ кто-нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами и пр., а другіе были въ сторонѣ.

Были попытки и тогда уже окружить ваше величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями ко мнѣ. Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастіе представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія, и тогда же просилъ уволить меня отъ званія государственнаго секретаря. Ваше величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія.

Такъ прошелъ 1810 годъ.

1811 годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные. Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ, ничто не остановилось и передержка была мало-

значуща. Тѣмъ не менѣе я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и, сверхъ того, близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную. Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность и, по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

Еслибы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ совѣта, а манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣятъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ, она начала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ [1]).

Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть [2]) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ. Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня В. В. сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ.

1) *О финансахъ.* Къ 1810-му году доходы государственные составляли около 125.000.000. Къ 1812-му они доведены были до 300.000.000. Приращеніе—въ два года 175.000.000.

Слова можно прикрасить, исказить, и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

Смѣло могу еще разъ утверждать, что, перемѣнивъ систему финансовъ, В. В. спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, всемилостивѣйшій государь, когда благія учрежденія ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ. Тогда, смѣю думать, и мое имя и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честью самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ

[1]) Большая часть ихъ и теперь существуетъ.

[2]) Разумѣю моихъ доносителей.

государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что еслибы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обширныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отъ чего же столько ропоту? Отъ того. что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отъ чего же—еще вопрошаютъ—понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства; онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ то же самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46.000.000 новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, единственно по незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но со всѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохранили постоянно свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе, по цѣнѣ ихъ, принимаются въ народѣ. нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?...

2) *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобы народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а со временемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги? но можно-ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда дѣвалась сія опасность въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ же волшебствомъ тотъ же народъ, то же дворянство, коего ропотомъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно опасный ропотъ сей былъ басня, выдуманная людьми легкомысленными. кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстямъ судятъ о дѣлахъ государственныхъ и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

Не могу миновать здѣсь одного примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался сколько могъ означить. Не попустите, всемилостивѣйшій государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе вашего величества, чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ состав-

лялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и вамъ, всемилостивѣйшій государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, —могутъ, въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропотъ, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіи сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самаго величества. Но Богъ, проведшій васъ сквозь толикое множество трудныхъ произшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. Истинныя русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ, а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ—строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, всемилостивѣйшій государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.

3) *Объ отзывахъ.* Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ. Если доносители разумѣютъ подъ именемъ правительства тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, т. е. разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время съ горестью многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, и мнѣніе вашего величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть—видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчію и при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ ваши желанія, горесть сія часто, а особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, всемилостивѣйшій государь, измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими уко-

ризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И, впрочемъ, сія самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбились, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

Но чтобъ могъ я подъ именемъ правительства разумѣть особу вашего величества, душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету, иначе какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года, чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душею за всѣми вашими намѣреніями, и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы мною были не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ сего смѣю сослаться на собственныя ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою лживостью, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи столь многихъ лѣтъ? Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? возбудить неудовольствіе,—но въ комъ?—въ Армфельдѣ и Балашевѣ?—и на какой же конецъ? чтобъ сдѣлать переворотъ въ правительствѣ? Но въ чью пользу? гдѣ способы? гдѣ сообщники? гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20-лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двухгодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце: непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ; но ваше величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое было столь ясно, что если бы бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе вашего величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей предшествовавшія? Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ гр. Нессельроде, на краткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли

представлялъ вашему величеству открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ? И впрочемъ, еслибы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ тоже время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласятъ все сіе мои доносители: мнѣ и писать и мыслить о семъ уже омерзительно.

Между тѣмъ однакоже, сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія [1]), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, всемилостивѣйшій государь, вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать въ вѣчной правдѣ предъ Богомъ, вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія; вашею тайною, а не своею, я связанъ; слѣдовательно вамъ же и развязать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а *душа* сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ.

Еслибы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было не спускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ и произхожденіе; открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы и личные корыстолюбивые ихъ разсчеты; указать всѣ лица, запечатлѣть каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ея средоточіи, и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? онѣ будутъ теперь имѣть видъ рекриминацій, всегда ненавистныхъ. И сверхъ того, враги мои, можетъ быть, и въ сію минуту стоятъ предъ вашимъ величествомъ, а я за 2000 верстъ, и весь почти совершенно въ ихъ власти [2])

Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвине-

[1]) А паче въ Пермь.

[2]) Это не фраза, а сущая истина.

нію постороннимъ, чрезмѣрно однакоже обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

Ваше величество припомнить, безъ сомнѣнія, изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у васъ минуту вниманія. „На что“? изволили вы спросить. „Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ показать канцлеру, не представивъ прежде вамъ“. Ваше величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера, что дѣйствительно и исполнили и, давъ ему ваши наставленія, дозволили и впредь въ подобныхъ случаяхъ къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что-либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать, въ чистотѣ совѣсти, не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ изрѣдка и безъ связи получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ вашему величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой-нибудь г. Бушъ и ему подобные, жалкіе дипломаты? Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ [1]) удостовѣритъ васъ, всемилостивѣйшій государь, въ маловажности ихъ; числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи;—а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никто никогда не въ силахъ превратить его въ государственное преступленіе.

Со всѣмъ тѣмъ и прежде и теперь, я повергаю себя единственно въ ваше великодушіе и желаю еще лучше быть *прощеннымъ*, нежели во всемъ *правымъ*.

Нужно-ли, всемилостивѣйшій государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣваемы были моими врагами, о нравственныхъ моихъ правилахъ и о связяхъ моихъ съ мартинистами, иллюминатами, и проч.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ; вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда ваше величество пожелали о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными вашими чувствами. Не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій, почерпалъ я сіи ис-

---

[1]) При удаленіи, я представилъ ихъ Вашему Величеству.

тины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали, слишкомъ рано, сіи лестныя для меня сношенія и хотя не имѣлъ я еще времени открыть вамъ во всемъ пространствѣ истинныя ихъ знаменованія, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное ваше сердце и на самыя бумаги, у васъ оставшіяся, чтó другое въ сихъ истинахъ вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго? Да и когда, при какомъ случаѣ, слышали вы, всемилостивѣйшій государь, отъ меня другія правила? Во все время, какъ я пользовался вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ вашихъ? На кого навелъ я какую-либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коими Богъ и природа въ благости своей васъ одарили.

Всемилостивѣйшій государь! въ невидимомъ присутствіи Бога сердцевѣдца, смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего государя и желающій привесть его въ ненависть!

Простите, всемилостивѣйшій государь, пространность сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ; въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе В. В—ву, къ славѣ вашей и къ благу государства подъятыхъ; въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ, милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между вами и мною, — прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую-либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ вашего величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: *свободы* и *забвенія*.

Богъ, общій Отецъ и Судія государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія вашего величества на пользу государства, да ниспошлетъ вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично вамъ преданнѣе.

IV.

Карамзинъ. Записка «о древней и новой Россіи».

Начиная говорить о Карамзинѣ, мы невольно вспоминаемъ слова, сказанныя о немъ Бѣлинскимъ:

«....Вотъ имя,—говорилъ Бѣлинскій,—за которое было дано столько кровавыхъ битвъ, произошло столько отчаянныхъ схватокъ, переломлено столько копій! И давно ли еще умолкли эти бранные вопли, этотъ звукъ оружій?... И теперь, на могилѣ незабвеннаго мужа, развѣ уже рѣшена побѣда, развѣ восторжествовала та или другая сторона? Увы! еще нѣтъ! Съ одной стороны насъ, «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны», призываютъ «молиться на могилѣ Карамзина» и «шептать его святое имя»; а съ другой слушаютъ это воззваніе съ недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой. Любопытное зрѣлище! Борьба двухъ поколѣній, не понимающихъ другъ друга!...

«Карамзинъ... mais je reviens toujours à mes moutons...,—продолжаетъ Бѣлинскій. Знаете ли, чтò наиболѣе вредило, вредитъ и, какъ кажется, еще долго будетъ вредить распространенію на Руси основательныхъ понятій о литературѣ и усовершенствованію вкуса? Литературное идолопоклонство! Дѣти, мы еще все молимся и поклоняемся многочисленнымъ богамъ нашего многолюднаго Олимпа, и ни мало ни заботимся о томъ, чтобы справляться почаще съ метриками, дабы узнать, точно ли небеснаго происхожденія предметы нашего обожанія. Чтò дѣлать! Слѣпой фанатизмъ всегда бываетъ удѣломъ младенчествующихъ обществъ.... Да—много, слишкомъ много нужно у насъ безкорыстной любви къ истинѣ и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетикъ, не только что авторитетъ: развѣ пріятно вамъ будетъ, когда васъ во всеуслышаніе ославятъ ненавистникомъ отечества, завистникомъ таланта, бездушнымъ зоиломъ... И кто же? Люди, почти безграмотные, невѣжды,

ожесточенные противъ успѣховъ ума, упрямо держащіеся за свою раковинную скорлупку, когда все вокругъ нихъ идетъ, бѣжитъ, летитъ! И не правы ли они въ семъ случаѣ? Чего остается имъ ожидать для себя, когда они слышатъ, что Карамзинъ не художникъ, не геній и другія подобныя безбожныя мнѣнія?» [1])

Прошло почти сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, и они остаются однако въ общемъ смыслѣ вѣрны. До сихъ поръ, если заходитъ рѣчь о Карамзинѣ, онъ вызываетъ весьма различныя мнѣнія: съ одной стороны, насъ «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны» все еще приглашаютъ «шептать святое имя», съ другой точно также слушаютъ эти призывы недовѣрчиво и насмѣшливо. Борьба поколѣній продолжается; они все еще не понимаютъ другъ друга.

Это довольно понятно. Карамзинъ былъ въ литературѣ однимъ изъ очень крупныхъ людей, и борьба мнѣній литературныхъ и общественныхъ естественно захватывала и Карамзина, который былъ въ свое время представителемъ цѣлаго направленія. Но споръ о значеніи Карамзина ведется уже съ другихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ въ тѣ времена, о которыхъ говорилъ Бѣлинскій. Теперь не спорятъ о «старомъ» и «новомъ слогѣ», о красотахъ «Бѣдной Лизы», о научномъ достоинствѣ «Исторіи Государства Россійскаго», о которыхъ спорили при появленіи сочиненій Карамзина и еще не кончили спорить, когда началъ писать Бѣлинскій. Чисто литературная сторона дѣла отступаетъ на второй планъ: она разъяснена, или потеряла интересъ; взамѣнъ ея критика старается опредѣлить общее содержаніе понятій Карамзина, въ особенности его общественныя понятія, въ которыхъ, конечно, всего яснѣе окажется его историческое значеніе, какъ дѣятеля общественной жизни.

Современники восхищались въ сочиненіяхъ Карамзина новымъ легкимъ стилемъ, трогались его сентиментальностью, которая — худо ли, хорошо ли — сообщала или дѣлала имъ доступными извѣстныя гуманныя идеи, но не думали доискиваться глубокихъ корней его образа мыслей; крайняя партія литературныхъ старовѣровъ возстала-было противъ нововведеній его въ языкѣ и предполагавшагося французскаго вольнодумства, — но ея нападенія уже вскорѣ оказались неосновательными; въ «Исторіи» современники изумлялись потомъ произведенію дѣйствительно еще невиданному, его ученымъ и литературнымъ достоинствамъ, но опять мало отдавали себѣ отчетъ въ цѣломъ ея направленіи [2]). Только не-

---

[1]) Соч. I, 60—62. Писано въ 1834 году.

[2]) Въ письмѣ объ «Исторіи» Карамзина, Сперанскій, который долженъ былъ хорошо ее понимать, считаетъ, что тогда не время (т. е. безполезно) было бы до-

многіе представители новой школы, какъ увидимъ послѣ, прилагали къ ней тогда эту болѣе широкую критику. Большинство восхищалось безусловно и не мудрствуя лукаво. Въ первомъ періодѣ дѣятельности Карамзина, до выхода въ свѣтъ «Исторіи», этого вопроса объ его общественномъ направленіи и вовсе не было: во-первыхъ, оно не достаточно сильно высказывалось въ печатныхъ сочиненіяхъ; во-вторыхъ, и публика еще мало задавалась этими вопросами, и развѣ только упомянутые старовѣры заподозрѣвали Карамзина въ вольнодумствѣ.

Любопытно въ самомъ дѣлѣ, что то сочиненіе Карамзина, въ которомъ всего ярче выразились его общественныя понятія и гдѣ онъ непосредственно говоритъ о внутреннихъ политическихъ вопросахъ своего времени, осталось — точно также, какъ изложенный нами планъ Сперанскаго — повидимому совершенно неизвѣстно современникамъ. Два эти произведенія, представляющія собой два противоположные полюса тогдашнихъ понятій и выражавшія ихъ наиболѣе яснымъ и открытымъ образомъ, остались для публики секретомъ, столь великимъ, что дѣйствіе его длится и до нашего времени. «Планъ» Сперанскаго и записка «О древней и новой Россіи» до сей поры не были, т.-е. *не могли* быть напечатаны въ Россіи, какъ это ни странно въ особенности относительно сочиненія Карамзина [1]). Оба произведенія, какъ нарочно, писаны были въ одно и тоже время (1810—1811); авторы защищали два совершенно различные взгляда, и такимъ образомъ сражаясь между собою, оба не знали одинъ о другомъ. Оба автора одинаково не имѣли въ виду другихъ читателей, кромѣ

искиваться этого. Онъ очень хвалитъ книгу, и замѣчаетъ только: «Есть точка зрѣнія, съ коей можно *совсѣмъ иначе* и, можетъ быть, *справедливѣе* смотрѣть на нашу исторію и написать ее, но сей видъ должно *предоставить потомству* и будущимъ томамъ». (Р. Арх. 1869, стр. 920). Это писано было въ мартѣ 1818. Понятно, что и въ «будущихъ томахъ» Карамзинъ не могъ дойти до точки зрѣнія, о которой говорилъ Сперанскій.

[1]) Понятно изъ этого, что мы все еще должны считать «Записку» Карамзина не вполнѣ извѣстной. Отрывки ея въ первый разъ напечатаны были въ «Современникѣ» 1837 г., т. V, стр. 89 — 112; потомъ, нѣсколько полнѣе въ Эйнерлинговомъ изданіи Исторіи Госуд. Росс. III, стр. XXXIX — XLVII. Затѣмъ содержаніе ея изложено было въ статьѣ г. Лонгинова о Сперанскомъ, Р. Вѣстн. 1859, № 20, стр. 535—547, и отдѣльныя части приведены въ «Жизни Сперанскаго», бар. Корфа, 1861. Рукопись «Записки», хранящаяся въ П. Библіотекѣ, вѣроятно не закрыта для желающихъ познакомиться съ нею; наконецъ, инымъ вѣроятно извѣстно заграничное изданіе ея (хотя не безошибочное): «О древней и новой Россіи» и проч. (вмѣстѣ съ запиской о Польшѣ, 1819), Берлинъ, Шнейдеръ, 1861; 160 стр. Но у насъ до сихъ поръ нѣтъ цѣлаго изданія, доступнаго для всѣхъ. Прибавимъ еще, что значительная часть ея, во французскомъ переводѣ, помѣщена въ книгѣ г. Тургенева, «La Russie et les Russes» (также съ запиской о Польшѣ), т. I, стр. 469—517.

императора. Только здѣсь, въ этомъ центрѣ, сходились принципы, выражавшіе собой стремленія общества, однѣ — зарождавшіяся, другія—господствовавшія въ житейской рутинѣ.

Эта внѣшняя судьба двухъ произведеній очень характеристична. Общественному мнѣнію, до тѣхъ поръ совершенно безгласному и едва существовавшему какимъ-то темнымъ образомъ, только-что дана была первая возможность высказаться, столь ограниченная, что выслушалъ его только одинъ императоръ. Люди, которые представляли собой двѣ стороны общественнаго мнѣнія, оба были люди замѣчательные, каждый въ своей сферѣ, а потому ихъ мнѣнія особенно исключали одно другое. Естественно, что если бы поставленные ими вопросы были хоть до нѣкоторой степени доступны для взаимной критики обѣихъ сторонъ, эти вопросы нашли бы себѣ какое-нибудь разъясненіе. Но этого не случилось: вся практика жизни не допускала еще ничего подобнаго. Императоръ Александръ хотѣлъ одинъ быть рѣшителемъ основнаго вопроса общества и народа,—и не рѣшилъ его: все время своего правленія онъ колебался между двумя дорогами—и не могъ одолѣть задачи. Между тѣмъ задача дѣйствительно стояла; высказавшіяся мнѣнія представляли собой два направленія, дѣйствительно существовавшія въ обществѣ, и нерѣшенный вопросъ стала разъяснять сама жизнь—тѣмъ сложнымъ и труднымъ процессомъ, которымъ она наперекоръ препятствіямъ достигаетъ своихъ цѣлей.

Теперь гораздо яснѣе обнаруживается общественное значеніе Карамзина, чѣмъ то было для современныхъ ему критиковъ. Съ одной стороны становятся извѣстны матеріалы, исторически характеризующіе его личность и для нихъ неизвѣстные; съ другой понятія, которыя онъ защищалъ, имѣли свою исторію въ дальнѣйшемъ общественномъ движеніи. Борьба понятій, которая шла въ его время, правда, и теперь еще не кончилась, но съ той поры она уже прошла нѣсколько періодовъ, и сама исторія дала намъ ясно видѣть, къ чему вела точка зрѣнія Карамзина и къ чему дѣйствительно она приводитъ въ настоящее время, — что̀ значили собственно его идеи и кто поклонникъ этихъ идей въ настоящую минуту.

Между прочимъ это отчасти высказалось въ недавно отпразднованномъ юбилеѣ рожденія Карамзина (1 декабря 1866). Юбилейная литература, въ особенности расплодившаяся у насъ въ послѣднее время, отличается извѣстными свойствами, которыя дѣлаютъ нашу юбилейную исторію особенно сомнительной. По нашимъ нравамъ у насъ вообще возможны были юбилеи только одни консервативно-нравоучительные — таковъ же вышелъ и юбилей

Карамзина. Пересматривая довольно многочисленную литературу, имъ вызванную, нельзя не замѣтить въ ней самую положительную тенденціозность, охранительнаго свойства, вездѣ, гдѣ только эта литература касалась вопросовъ общественныхъ. Нечего говорить, что все это были панегирики, рѣдко умѣренные, большей частью неумѣренные. Въ Карамзинѣ восхваляли не только его дѣйствительныя заслуги въ свое время, но и выставляли его какъ прямой образецъ въ настоящемъ; намъ не только изображали его *историческое* значеніе, но опять насъ приглашали «какъ вѣрныхъ сыновъ отчизны» — «шептать святое имя», выводили изъ Карамзина мораль для настоящей минуты и въ довершеніе всего, извлекли изъ Карамзина даже аргументы въ пользу консервативно - крѣпостническихъ тенденцій, особенно разыгравшихся ко времени этого юбилея.

Понятно, что стать въ ту пору (пожалуй и теперь) противъ этого потока юбилейныхъ панегириковъ Карамзину значило бы, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, прослыть «ненавистникомъ отечества», «бездушнымъ зоиломъ» и т. п. Люди, иначе смотрѣвшіе на предметъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, слушали юбилейные панегирики съ той же «недовѣрчивой и насмѣшливой улыбкой», но ихъ мнѣнія и не высказались въ эту пору, потому между прочимъ, что послѣдніе годы закрыли печать для цѣлыхъ направленій, существовавшихъ въ литературѣ.

Такимъ образомъ, давнишній споръ о значеніи Карамзина, въ нынѣшнемъ литературномъ періодѣ, даже не былъ веденъ какъ онъ велся прежде: высказывалась одна только сторона...

По цѣли нашихъ очерковъ, мы не входимъ въ полную оцѣнку значенія Карамзина; мы коснемся только нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ въ опредѣленіи его характера и воззрѣній какъ общественнаго писателя, преимущественно въ описываемое время, до 1812 года, въ эпоху записки «О древней и новой Россіи». Мы замѣтили выше, что общественныя тенденціи Карамзина нашли свой отголосокъ даже въ извѣстныхъ направленіяхъ нынѣшняго времени, и потому, намъ нужно будетъ коснуться и упомянутыхъ современныхъ мнѣній, высказавшихся въ юбилейной литературѣ. Эта литература иногда какъ будто прямо возвращаетъ насъ къ десятымъ и двадцатымъ годамъ, — начиная съ громоздкой компиляціи г. Погодина «Н. М. Карамзинъ» (2 ч. М. 1866), собирающей старательно все, что̀ могло служить для бо́льшаго обогащенія панегирика, и какъ будто даже приноровленной ad usum Delphini. Часто не соглашаясь вообще съ ходячими мнѣніями о Карамзинѣ, мы по необходимости, вмѣсто простого изложенія нашего взгляда, должны были и указы-

вать эти мнѣнія и обращаться къ самымъ сочиненіямъ Карамзина, — чтобы дать нашимъ словамъ наглядную доказательность.

Рано начавши свою литературную дѣятельность, Карамзинъ очень скоро пріобрѣлъ замѣтное мѣсто въ литературѣ. Одаренный отъ природы, онъ рано началъ умственную жизнь и успѣлъ пріобрѣсти много свѣдѣній, преимущественно литературныхъ, которыя—особенно при тогдашнемъ уровнѣ просвѣщенія — дѣлали его однимъ изъ образованнѣйшихъ людей его поколѣнія. Карамзинъ много читалъ еще дома, много пріобрѣлъ отъ профессора Шадена, у котораго онъ учился, еще больше, быть можетъ, пріобрѣлъ въ Дружескомъ Обществѣ, гдѣ нашелъ въ Петровѣ товарища, котораго умъ и характеръ онъ высоко цѣнилъ и авторитетъ котораго, кажется, охотно признавалъ во многихъ случаяхъ. Ихъ переписка открываетъ намъ маленькую перспективу въ умственную дѣятельность этого страннаго круга, гдѣ сектаторски упрямый мистицизмъ старыхъ масоновъ соединялся съ ревностными заботами о распространеніи образованія и литературныхъ вкусовъ въ полуграмотной публикѣ, и подавалъ руку молодымъ поколѣніямъ, которыя должны были продолжать эти заботы. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о томъ, какое странное соединеніе разнорѣчащихъ элементовъ представляли эти люди, у которыхъ чистые порывы къ общественному благу своимъ нравственнымъ достоинствомъ далеко превышали достоинство тѣхъ умственныхъ средствъ и круга понятій, какими они владѣли. Люди новаго поколѣнія, какъ Петровъ и Карамзинъ, проходили уже иную, болѣе прочную школу, чѣмъ ихъ предшественники; степень образованія была выше, но общій тонъ Дружескаго Общества отражался въ нихъ вѣроятно глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Не говоря о разныхъ внѣшнихъ примѣтахъ, которыя носятъ масонскій характеръ, напр., что въ письмахъ Петрова не разъ упоминается «Іоанновъ день» (масонскій праздникъ), какъ исключительная эпоха, что у Карамзина былъ свой масонскій псевдонимъ, повидимому вообще тогда употребительный въ ихъ дружескомъ кругу, что друзья Карамзина, Петровъ и Кутузовъ, были, особенно послѣдній, близкими довѣренными людьми старшаго масонскаго кружка [1]), — не говоря о всемъ этомъ, въ тогдашнемъ настроеніи Карамзина, какъ оно выразилось въ его

---

[1]) Кутузовъ былъ агентомъ московскаго общества у берлинскихъ розенкрейцеровъ; Петрову, кажется, готовилась масонская миссія въ провинціи.

перепискѣ того времени, въ самыхъ «Письмахъ русскаго путешественника», отразился мистическій тонъ кружка, и притомъ не въ видѣ преходящаго настроенія, какъ обыкновенно думаютъ, а болѣе глубокимъ и дѣйствительнымъ образомъ.

Обыкновенно полагаютъ, что когда, передъ поѣздкой за границу, Карамзинъ разстался съ кружкомъ старшихъ масоновъ, заявивъ свое несогласіе съ нѣкоторыми ихъ воззрѣніями и обычаями, то онъ уже вступилъ на иную дорогу. Это не вполнѣ такъ. Карамзинъ дѣйствительно отказался отъ крайностей розенкрейцерской школы, и могъ это сдѣлать по разнымъ основаніямъ: болѣе свѣжее образованіе помогло развиться въ немъ здравому смыслу и внушило ему недовѣріе къ апокрифической таинственности, масонско-алхимическимъ костюмамъ и обрядамъ; сравнительно короткое пребываніе въ этомъ обществѣ могло не дать ему настолько сродниться съ его учрежденіями, чтобы сдѣлать такое удаленіе особенно труднымъ; быть можетъ, другія постороннія вліянія и соображенія внушали ему и нѣкоторую осторожность (въ своихъ письмахъ и въ самой книгѣ онъ не одинъ разъ высказываетъ, въ очень темныхъ выраженіяхъ, какую-то тяжелую свою заботу,—быть можетъ, она исходила изъ опасеній за кружокъ и за самого себя). Но при всемъ томъ, несмотря на внѣшнее разъединеніе, несмотря на дѣйствительную неохоту къ алхимическимъ волшебствамъ, вліянія мистицизма остались въ немъ, одѣвшись въ иную форму. Въ розенкрейцерствѣ, какъ въ мартинизмѣ было, среди всѣхъ странностей, извѣстное идеалистическое воззрѣніе на природу. Наши масоны, какъ извѣстно, ушли не далеко въ степеняхъ своего ордена, въ практической алхиміи и магіи, и какъ сами они, такъ въ особенности ихъ младшіе друзья должны были ограничиваться только самыми общими представленіями о могуществѣ природы, объ ея таинственныхъ отношеніяхъ къ человѣку. Въ нравственныхъ понятіяхъ они были мистическіе піэтисты и филантропы; ихъ возбужденное чувство переходило границы спокойныхъ ощущеній, оно легко становилось паѳосомъ, аскетизмомъ, а также—меланхоліей или сантиментальностью.

Слѣды этого хода понятій и настроенія чувства мы найдемъ и въ Карамзинѣ. Панегиристы вообще стараются приписать развитіе Карамзина его личнымъ силамъ, и то новое, что̀ съ нимъ входило въ литературу, сдѣлать его исключительной заслугой. Но отдавъ его личному дарованію всю справедливость, не слѣдуетъ преувеличивать дѣла. Напримѣръ, панегиристы удивляются обширнымъ свѣдѣніямъ Карамзина, его большому знакомству съ литературой, удивляются его необыкновенной оцѣнкѣ Шек-

спира [1]), что въ 1787 году Карамзинъ «выразилъ вѣрное мнѣніе о великомъ англійскомъ трагикѣ, о которомъ тогда не только въ Россіи, но *и вообще* въ Европѣ господствовали очень смутныя понятія». Будто бы? Панегиристъ забылъ или не зналъ, что «Литературныя Письма», гдѣ Лессингъ началъ свою знаменитую литературную борьбу противъ классицизма, вышли въ свѣтъ, когда Карамзина еще не было на свѣтѣ, а «Гамбургская Драматургія», гдѣ уже былъ вполнѣ развитъ его взглядъ на Шекспира, вышла, когда Карамзину было два года. Карамзинская оцѣнка Шекспира была только отголоскомъ идей Лессинга—не болѣе.

Карамзинъ дѣйствительно стоялъ выше массы своихъ современниковъ по образованію, но его средства въ этомъ отношеніи не были созданы только имъ самимъ, и не были такъ глубоки, какъ обыкновенно говорятъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало разъясненъ характеръ кружка, въ которомъ жилъ Карамзинъ въ первые годы молодости, но въ немъ очевидно умственныя средства были несравненно выше, чѣмъ у старшаго литературнаго поколѣнія. Сохранившіяся письма Петрова показываютъ, что у него эти средства были едва ли не значительнѣе, чѣмъ у его друга; мы ничего не знаемъ о Кутузовѣ, но дружба его съ Радищевымъ достаточно показываетъ, что это не могъ быть только ограниченный мистикъ; поэтъ Ленцъ, котораго судьба занесла въ Москву, былъ живымъ представителемъ нѣмецкой литературы того времени и вѣроятно много помогъ своимъ московскимъ друзьямъ познакомиться съ нею; Дружеское Общество, повидимому, слѣдило за явленіями нѣмецкой литературы, которая давала пищу для его изданій и для его масонскихъ цѣлей. Знакомство съ нѣмецкимъ литературнымъ движеніемъ, которое обнаруживается въ «Письмахъ русскаго путешественника», нерѣдко вѣроятно идетъ изъ этого источника: Карамзинъ знаетъ полемику Николаи по поводу іезуитства и крипто-католицизма, знаетъ гоф-предигера Штарка и питаетъ къ нему уваженіе, знаетъ Морица, автора «Антона Райзера», ему извѣстны похожденія масонскаго шарлатана Шрепфера, онъ еще въ Москвѣ преклоняется передъ Лафатеромъ и т. п. Съ одной стороны, эти вещи лежали въ предѣлахъ масонскаго горизонта и масонскаго интереса; съ другой, Карамзинъ не обнаруживаетъ особенно глубокаго знакомства съ тѣми вещами, которыя лежали внѣ этого горизонта (исключая развѣ только чисто литературные предметы). Далѣе, въ

[1]) Погод. I, 57,—хотя въ другихъ мѣстахъ (напр. I, 37) проводятся указанія, по которымъ дѣло объясняется проще.

молодомъ кружкѣ еще могли сохраняться слѣды преподаванія Шварца, у котораго масонская мистика и «орденская» дѣятельность соединялись съ извѣстнымъ ученымъ образованіемъ, какъ это видно по его лекціямъ.

Карамзинъ, при помощи этихъ источниковъ, могъ ознакомиться съ главнѣйшими явленіями тогдашней литературы, главнымъ образомъ нѣмецкой, а также французской и англійской,—безъ особыхъ геніальныхъ усилій, какія ему приписываютъ. Объ этомъ можно судить по тому, какъ онъ пользовался своими средствами.

Карамзинъ до большой степени остается на томъ уровнѣ идей, который давала масонская мистика. Новый слой образованія видоизмѣнилъ эту основу, удаливши ея крайности, въ особенности ея алхимическій костюмъ; поэтическіе элементы расширили, уяснили и облагородили это содержаніе, но затѣмъ на его взглядахъ остался отпечатокъ какой-то вялости общихъ воззрѣній, гдѣ сомнѣніе никогда не доростало до освѣжающаго сильнаго скептицизма, а гуманныя идеи останавливались на степени какой-то разслабленной чувствительности, которая доходила до приторности на словахъ, и могла однако совсѣмъ отсутствовать на дѣлѣ.

«Письма русскаго путешественника», гдѣ въ первый разъ Карамзинъ выразился и пріобрѣлъ популярность какъ писатель, были конечно важнымъ явленіемъ въ русской литературѣ; но эта важность была очень относительная. Заслуга Карамзина съ чисто внѣшней стороны, въ преобразованіи языка, въ улучшеніи формъ, не подлежитъ спору; но содержаніе, какое онъ давалъ, стоитъ ниже тѣхъ восхваленій, какія расточали ему его старые и новые поклонники.

Его взгляды, въ отвлеченныхъ предметахъ, были еще въ той мистической сферѣ, въ которой витала масонская школа. Его занимаютъ вопросы: «кто *я*, что *я*, откуда *я*»? и т. д., вопросы, совершенно естественные въ человѣкѣ, котораго интересуютъ высшіе вопросы жизни,—но у него не было энергіи мысли, которая бы приводила его къ ясной постановкѣ ихъ. Его внутреннія сомнѣнія выражались и ограничивались мистической чувствительностью и меланхоліей; въ сущности, эта черта осталась за нимъ навсегда: «меланхолическіе припадки», на которые онъ самъ жаловался, современемъ изъ острыхъ сдѣлались хроническими, и наложили отпечатокъ на весь характеръ его понятій. Въ старшемъ поколѣніи, это броженіе мысли у многихъ кончилось, какъ извѣстно, настоящимъ религіознымъ квіетизмомъ; нѣчто, похожее на квіетизмъ нравственный, мало-по-малу разви-

лось въ Карамзинѣ. Мы увидимъ дальше образчики этого настроенія. Въ литературѣ онъ останавливается всего больше на томъ, что̀ питаетъ эту безплодную сантиментальность; гораздо меньше дѣйствуетъ на него то, въ чемъ обнаруживалась прямая литературная и общественная борьба, гдѣ ставились положительные вопросы философіи и рѣшались споры дѣйствительной жизни. Онъ былъ хорошо приготовленъ къ путешествію,—говорятъ о немъ,—его начитанность открывала передъ нимъ возможность воспринять все, что̀ было сдѣлано лучшаго европейской мыслью. Дѣйствительно, онъ знаетъ многое, онъ стремится видѣть знаменитости нѣмецкой литературы, знакомится и со многими второстепенными дѣятелями; слава Канта, Гердера, Виланда, Гёте наполняетъ его великимъ почтеніемъ къ нимъ; онъ очень любознателенъ; онъ спѣшитъ извлечь изъ счастливыхъ встрѣчъ что̀ нужно ему для рѣшенія его недоумѣній, повѣряетъ эти послѣднія и Канту, и Виланду и т. д.; повидимому, онъ наблюдательно и серьезно вникаетъ въ то, что̀ слышитъ, — и что̀ же въ результатѣ? Въ результатѣ, къ сожалѣнію, очень немного,— напримѣръ, въ результатѣ для Карамзина что Кантъ, что Лафатеръ — все равно, или нѣтъ, Лафатеръ несравненно интереснѣе. Вкусы бываютъ различны, и Карамзинъ имѣлъ полное право предпочитать Лафатера кому угодно, но когда онъ самъ говоритъ, что онъ искалъ рѣшенія вопросовъ о натурѣ и человѣчествѣ, когда потомъ его послѣдователи и поклонники превозносятъ его, какъ олицетвореніе мудрости, мы вправѣ также удивиться нетребовательности философа, который, насказавши комплиментовъ Канту, пошелъ поучаться изреченіями, записочками и манускриптами Лафатера. Карамзинъ былъ тогда еще молодъ, но молодость именно и бываетъ богата одушевленіемъ къ возвышеннымъ идеаламъ и стремленіямъ, къ рѣшенію своихъ сомнѣній широкими и смѣлыми теоріями. Кантъ былъ извѣстенъ Карамзину, der alles zermalmende Kant, какъ повторяетъ онъ самъ эпитетъ, данный Канту Мендельсономъ; но тѣмъ не менѣе онъ ищетъ откровенія у Лафатера и глубокихъ объясненій «натуры» у Боннета.

Надо прочесть «Письма», чтобы видѣть, какимъ удивленіемъ проникнутъ былъ Карамзинъ къ Лафатеру. Карамзинъ упоминаетъ объ одномъ сочиненіи, которое Лафатеръ разрѣшилъ открыть только черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и завидуетъ девятнадцатому столѣтію: «Девятыйнадесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что̀ теперь почитается тайною!» И надо вспомнить, что̀ такое былъ Лафатеръ, чтобы понять, какое умственное дѣйствіе

могла производить его личность и его сочиненія [1]). Человѣкъ конечно съ талантомъ, и всего больше съ чрезвычайно возбужденнымъ воображеніемъ, Лафатеръ представлялъ собой странную нравственную смѣсь: въ одно и тоже время послѣдователь Руссо и Сенъ-Мартена, онъ соединялъ республиканскую любовь къ свободѣ съ самымъ темнымъ мистицизмомъ, искреннее благочестіе съ натянутыми и насильственными экстазами, чисто средневѣковое суевѣріе съ идеалистическими фразами, теплое чувство переходило въ фальшивую сантиментальность, и умъ слишкомъ часто переставалъ дѣйствовать въ самыхъ дикихъ фантазіяхъ. Его знаменитая «Физіономика», которую онъ выдавалъ за «науку», была пародіей на нее, какъ это уже тогда доказалъ Лихтенбергъ.

Онъ писалъ множество, имѣлъ огромную массу почитателей между людьми, у которыхъ воображеніе преобладало надъ здравымъ смысломъ и недостатокъ серьезныхъ свѣдѣній былъ причиной крайняго легковѣрія. Лафатеръ не былъ именно такой шарлатанъ, какъ Каліостро, но въ немъ были черты, по которымъ онъ вовсе не годился и въ пророки, какимъ хотѣли его видѣть его поклонники. Его собственное самообольщеніе доходило до размѣровъ, не внушавшихъ уваженія, напримѣръ тогда, когда онъ самъ преклонялся передъ Каліостро. Удивленіе Карамзина передъ Лафатеромъ даетъ намъ чрезвычайно характеристичный образчикъ его собственнаго настроенія. Этотъ хаосъ республиканства, мистицизма, сантиментальности увлекалъ Карамзина, потому что въ немъ самомъ бродили всѣ эти элементы и подобная неурядица была въ его собственныхъ мысляхъ и ощущеніяхъ. При всемъ томъ увлеченіе Карамзина остается очень страннымъ. Карамзинъ былъ свободенъ отъ тѣхъ обстоятельствъ, какія создавали вліяніе Лафатера въ нѣмецкомъ обществѣ; онъ былъ человѣкъ другой жизни и, въ первый разъ знакомясь съ Лафатеромъ, могъ уже имѣть въ рукахъ достаточно средствъ понять эту личность и ея характеръ. Полемика Лафатера съ его противниками, съ которой нетрудно было познакомиться Карамзину, могла открыть ему глаза.

---

[1]) Объ Лафатерѣ есть значительная литература; между прочимъ любопытную характеристику даетъ Шлоссеръ, Ист. Восемн. Стол., новое изд. II, 439—446. IV, 161—175, и др. Изъ старыхъ книгъ очень интересно сочиненіе, написанное Мирабо, или ему приписанное. Въ нѣмецкомъ переводѣ оно называется: Schreiben des Grafen von Mirabeau an***, die Herren von Cagliostro und Lavater betreffend. Berlin und Libau. 1786. Эту книжку уже могъ бы знать Карамзинъ, какъ могъ бы вообще знать сочиненія противниковъ Лафатера и напр. въ особенности уничтожающую критику и сатиру Лихтенберга. — О Боннетѣ тамъ же у Шлоссера II, стр. 441—442.

Но онъ съ сантиментальной точки зрѣнія не вѣрилъ критикѣ, и напр. удивлялся нетерпимости Николаи къ его противникамъ. «Тотъ есть для меня истинный философъ,—говорилъ Карамзинъ, — кто *со всѣми можетъ ужиться* въ мирѣ, кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей». Прекрасная максима, безъ сомнѣнія, но трудно исполнимая на практикѣ; мы увидимъ дальше, какъ онъ самъ въ другихъ случаяхъ исполнялъ ее. Желательно, конечно, чтобы въ литературной борьбѣ господствовала терпимость, но «со всѣми ужиться въ мирѣ» можно было развѣ только въ литературѣ, гдѣ не о чемъ было и спорить, или когда ни одна мысль не принимается серьезно и не влечетъ за собой никакихъ результатовъ. Если такое правило Карамзинъ могъ примѣнять къ тогдашней русской литературѣ, то нѣмецкая литература того времени, и непріятная Карамзину полемика Николаи, уже захватывали дѣйствительные спорные пункты общественной жизни; дѣло шло о вещахъ болѣе серьезныхъ, чѣмъ полагалъ Карамзинъ; терпимость была очень мудрена, потому что и борьба «просвѣтителей», между прочимъ, направлялась противъ тупого обскурантизма, который являлся и въ образѣ самого Лафатера. Аркадская точка зрѣнія была невозможна.

Съ чувствительной точки зрѣнія вещи получали, такимъ образомъ, свою особую окраску, въ сущности дававшую имъ совершенно фальшивый видъ. Изъ указанныхъ примѣровъ читатель можетъ видѣть, какая неясность господствовала въ философскихъ и литературныхъ воззрѣніяхъ Карамзина. Тоже самое было и въ его понятіяхъ о политической и общественной жизни,—таже поверхностная чувствительность, и тоже отсутствіе послѣдовательной критической мысли, погоня за красивыми словами и крайнее противорѣчіе ихъ съ непосредственнымъ пониманіемъ дѣйствительности.

Карамзинъ былъ великимъ поклонникомъ Руссо. Ему казалось, что здѣсь онъ находитъ тоже родственное ему содержаніе, какое онъ отыскивалъ у сантиментальныхъ поэтовъ періода Sturm und Drang, у Томсона, у мистическихъ поклонниковъ «натуры», у Лафатера и Боннета; и точно также какъ онъ не отличалъ философіи Канта отъ философіи Лафатера, такъ здѣсь мало чувствовалъ, какой глубокій протестъ противъ существующаго порядка вещей скрывался въ мечтахъ Руссо, и находилъ въ нихъ только «сладкую чувствительность». Въ то время уже ясно увидѣли, что̀ значила та французская литература, къ которой принадлежалъ Руссо; это слышалъ и Карамзинъ, но тѣмъ не менѣе онъ остается какъ будто въ невѣдѣніи относительно смысла этой литературы: онъ восторгается фразами книги,

и не понимаетъ, что̀ она означаетъ въ дѣйствительности. Немудрено, что онъ и самъ говорилъ много фразъ, не отдавая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ,—какъ упрекалъ его еще Бѣлинскій.

Карамзинъ былъ въ восторгѣ отъ Парижа. «Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе.... Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій». Это была, какъ мы знаемъ, общая мысль русскихъ образованныхъ людей тогдашняго времени, которые вообще видѣли въ Парижѣ «столицу ума и вкуса». Но Парижъ, восхитившій Карамзина, былъ именно Парижъ стараго режима; онъ восхищается Версалью и Тріанономъ, дворцомъ графа д'Артуа и французской аристократіей; онъ самъ познакомился съ какимъ-то богатымъ домомъ, участвуетъ на литературномъ чтеніи, разсказываетъ содержаніе «розовой тетрадки» аббата, заключавшей разсужденіе о любви, пишетъ нѣжные стишки. Но онъ не могъ постичь, что̀ значила новая политическая жизнь, которая въ это время уже охватила Парижъ и, по его собственнымъ словамъ, занимала всѣ умы. Онъ просто не разумѣлъ, чего хотятъ французы; ему очень прискорбно, что «французы думаютъ нынѣ о революціи, а не о памятникахъ любви и *нѣжности*»; народъ, проснувшійся теперь съ сознаніемъ своего права и возставшій противъ феодальнаго угнетенія стольких вѣковъ, и представители этого народа, просто — «парижскіе варвары», дерзкіе смѣльчаки, «поднявшіе сѣкиру на священное дерево», т.-е. на старую монархію, «при которой — по мнѣнію Карамзина—*все благоденствовало*»! Въ одномъ и томъ же письмѣ (изъ Франкфурта, 29 іюля) Карамзинъ восхищается героизмомъ Фіэски въ трагедіи Шиллера и презрительно отзывается о парижскихъ сценахъ: такъ расходились въ его понятіяхъ книга и фраза съ жизнью. На французскія событія вообще ложится неблагопріятная тѣнь въ его разсказѣ; ему хочется даже ограничить размѣры движенія, какъ будто дѣйствовала только шайка буяновъ, — хотя еще до пріѣзда его въ Парижъ совершились событія, которыя были возможны только потому, что были дѣломъ цѣлой народной массы, и хотя ему самому приходится упоминать, что «цѣлыя *деревни* вооружаются», «солдаты не слушаются офицеровъ», «бабы говорятъ о революціи», и даже тѣ, кто могъ дѣйствительно «благоденствовать» при старой монархіи, «французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона». Онъ скорбитъ, что «грозная туча носится надъ баш-

нями Парижа», что «златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лицо свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками»; онъ скорбитъ о «прекрасной Маріи», о какомъ-то «кавалерѣ св. Людовика», выгнанномъ «бунтующими поселянами» изъ своего помѣстья. Все движеніе представляется ему общимъ бунтомъ; онъ не понимаетъ, чѣмъ была «прекрасная Марія», чѣмъ были «кавалеры» для поселянъ, забываетъ, что «грозная туча», между прочимъ, пронеслась надъ башнями Бастильи, и наконецъ забываетъ, что идеи народнаго права, которыя теперь такъ громко высказывались, были идеи его Руссо, что онъ уже требовалъ справедливости и свободы, отказъ въ которыхъ вызвалъ наконецъ эту страшную бурю. Поклонникъ Руссо ничего не понялъ во французскомъ движеніи: онъ оказался на сторонѣ салонныхъ франтовъ и аббатовъ съ розовыми тетрадками о любви....

Почитатели и панегиристы Карамзина возстаютъ противъ критиковъ, которые удивлялись, что письма Карамзина изъ Франціи обнаруживаютъ такое непониманіе событій, совершавшихся у него на глазахъ. Почитатели Карамзина возражаютъ, что «это были письма интимныя», письма къ Алексѣю Александровичу и Настасьѣ Ивановнѣ [1]), что «съ ними онъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ, вотъ и все»; что изъ писемъ Мелодора къ Филалету и обратно, можно опредѣлить отношеніе Карамзина къ французскому перевороту: началось оно сочувствіемъ, а кончилось разочарованіемъ, и что конечно этотъ интересъ его къ французскому перевороту начался не въ 1794, когда писаны были упомянутыя письма, а гораздо ранѣе: «какъ доказать, что не ранѣе? И нужно ли это доказывать?» Другой апологистъ замѣчаетъ, что Карамзинъ «хотѣлъ изучить въ Парижѣ *веселую* французскую *жизнь стараго времени*, видѣть зданія и чудеса искусства, набраться новыми впечатлѣніями. Странно было бы ожидать отъ Карамзина, чтобъ онъ слѣдилъ въ Парижѣ за новыми явленіями (?). На волненіе его онъ смотрѣлъ «съ тихою душею, какъ мирной пастырь смотритъ съ горы на бурное море», и т. д. [2]).

Эти возраженія однако неудовлетворительны, и прежде всего тотъ аргументъ, что письма были писаны къ Настасьѣ Ивановнѣ, имѣлъ бы силу только въ томъ случаѣ, еслибы онѣ и остались у нея въ ящикѣ или читались только въ семейномъ кругу: какъ скоро онѣ были напечатаны, то публикѣ все равно, кому они

---

[1]) Плещеевымъ, съ которыми онъ былъ въ дружбѣ.

[2]) Галаховъ, Ист. Р. Слов. II, 9 и др. Казанскій юбилей Кар., стр. 65 и др.

присылались авторомъ. Что Карамзинъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ — также невѣрно, потому что письма преисполнены сужденіями о важныхъ матеріяхъ, именно о философскихъ матеріяхъ первой важности, о крупныхъ явленіяхъ литературы, и даже политики, — сужденіями, которыя часто дѣлаютъ честь уму писателя, но часто были и указаннаго выше сорта. Въ какое время составлялись взгляды Филалета и Мелодора, въ 1794 или въ 1790, это, пожалуй, все равно; но замѣтимъ, что «Письма русскаго путешественника» напечатаны были уже въ 1791—1792 годахъ. Далѣе, приписывать Карамзину желаніе изучать въ Парижѣ только веселую жизнь стараго времени—довольно странно, какъ будто Карамзинъ хотѣлъ въ Европѣ только «жуировать»; съ другой стороны онъ вовсе не предпринималъ и археологическаго изысканія. Карамзинъ, какъ вообще путешественникъ, желалъ просто видѣть европейскую жизнь, какъ она была въ то время. Отъ него никто не требовалъ, чтобы онъ «слѣдилъ» за новыми явленіями, но онъ же безпрестанно о нихъ говоритъ и судитъ, и потому очень можно удивляться, какъ онъ не понялъ того, что̀ передъ нимъ происходило во Франціи и что̀ уже въ то время привлекало вниманіе всей Европы. Всего скорѣе можно было бы (какъ нѣкоторые и дѣлали) ссылаться на цензурныя опасенія, которыя могли мѣшать ему говорить искренно свои мысли; но и тогда замѣтна была бы эта вынужденная сдержанность. Ея однако вовсе нѣтъ, и Карамзинъ вообще весьма положительно высказался о французскомъ переворотѣ, какъ показываютъ даже приведенныя цитаты, и незачѣмъ прибѣгать къ Филалету или Мелодору, чтобы выяснить его отношеніе къ дѣлу. Сущность взгляда его сводится къ тому, что при старой монархіи все во Франціи благоденствовало, но затѣмъ явились дерзкіе смѣльчаки и подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: «мы лучше сдѣлаемъ»; вслѣдствіе того раздался грозный крикъ парижскихъ варваровъ, поселяне начали бунтовать, солдаты перестали слушаться офицеровъ, дворянство и духовенство оказались плохими защитниками трона, и печальнымъ результатомъ этого было то, что «прекрасная Марія» была крайне огорчена, златая роскошь съ горестью поднялась на воздухъ и скрылась за облаками, «кавалеры» страдали, изгнанные бунтующими поселянами, и наконецъ французы вообще перестали думать о памятникахъ любви и нѣжности, и нація, столь веселая, остроумная и любезная, должна была вѣроятно утратить свой пріятный характеръ.

Мы не прибавили ни одной черты, которой нѣтъ у Карам-

зина, и намъ кажется, что такая картина французскаго переворота достаточно ясно опредѣляетъ взгляды наблюдателя. Не требуя вовсе отъ Карамзина, «чего онъ не можетъ дать», кажется слѣдуетъ требовать отъ человѣка, выражающагося такъ рѣшительно, чтобы онъ ясно понималъ, что̀ говоритъ. Карамзинъ восхищается Руссо и дѣлитъ его мечтанія; онъ знаетъ вообще французскую литературу, возстававшую противъ всякихъ несправедливостей и бѣдствій стараго порядка и создававшую новые идеалы свободы и просвѣщенія, онъ могъ быть этимъ хоть нѣсколько подготовленъ къ уразумѣнію того броженія идей, какое онъ встрѣтилъ во французской жизни. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ, когда уже совершились первыя бурныя сцены революціи. Никто не станетъ ни одну минуту требовать, чтобы Карамзинъ, воспитанный въ повиновеніи властямъ, и чувствительный, одобрялъ эти сцены, чтобы ему нравились народныя волненія; но серьезный человѣкъ, если уже начинаетъ говорить о нихъ, долженъ бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, *отъ чего* же наконецъ происходили эти сцены и эти волненія. Карамзинъ просто отвѣчаетъ, что это «бунтъ»—хотя легко могъ узнать въ Парижѣ, если не понималъ самъ, почему разрушена была Бастилья, почему поселяне изгоняли «кавалеровъ», почему солдаты переставали повиноваться офицерамъ, и почему наконецъ вся эта народная масса стала такъ легко поддаваться бурному потоку, конечно не обѣщавшему ничего добраго для Версали, Тріанона и для «памятниковъ нѣжности». Всѣ эти вопросы какъ будто не существуютъ для Карамзина, — а ему, повторяемъ, не трудно было бы, хотя нѣсколько, разъяснить себѣ эти вопросы, —безъ чего онъ и не могъ собственно высказать, благоразумно, своего приговора о событіяхъ. Онъ даже лицомъ къ лицу видѣлъ нѣкоторыя событія, онъ бесѣдовалъ съ «французскимъ Платономъ», онъ былъ въ національномъ собраніи и слушалъ Мирабо.... Въ тоже время говорятъ намъ, что отношеніе Карамзина къ этому движенію началось «сочувствіемъ».

Мы не будемъ винить Карамзина за эти противорѣчія; онъ былъ еще молодъ, не умѣлъ понимать дѣйствительности, не могъ согласить своихъ сантиментальныхъ теорій съ жизнью, ему трудно было осмотрѣться въ событіяхъ—все это было очень возможно для человѣка, впервые увидѣвшаго Европу послѣ патріархальныхъ нравовъ и бѣдной умственной жизни русскаго общества; мы хотимъ только сказать, что не находимъ въ «Письмахъ» основанія для преувеличенныхъ восхваленій, которыя считаютъ своей обязанностью его нынѣшніе поклонники, и все-таки находимъ гораздо болѣе справедливыми слова обличаемаго ими Бѣлинскаго. «Столько-ли Карамзинъ сдѣлалъ, сколько могъ, или

меньше?—спрашиваетъ Бѣлинскій. Отвѣчаю утвердительно: *меньше*». «Онъ отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоялъ ему развернуть передъ глазами своихъ соотечественниковъ великую и обольстительную картину вѣковыхъ плодовъ просвѣщенія, успѣховъ цивилизаціи и общественнаго образованія благородныхъ представителей человѣческаго рода!... Ему такъ легко было это сдѣлать!... И что жъ онъ сдѣлалъ вмѣсто всего этого? Чѣмъ наполнены его Письма Русскаго Путешественника?... Карамзинъ видѣлся со многими знаменитыми людьми Германіи, и что же онъ узналъ изъ разговоровъ съ ними? То, что всѣ они люди добрые, наслаждающіеся спокойствіемъ совѣсти и ясностію духа. И какъ скромны, какъ обыкновенны его разговоры съ ними!...» При всемъ томъ, Бѣлинскій справедливо замѣчалъ, что недостатки «Писемъ» происходили больше отъ его личнаго характера, чѣмъ отъ недостатка въ свѣдѣніяхъ. Карамзинъ мало зналъ умственныя нужды русскаго общества, — но кромѣ того, онъ и самъ не выработалъ себѣ прочнаго образа мыслей, который бы предохранилъ его отъ странныхъ колебаній и противорѣчій между возвышенными сантиментальностями въ теоріи и поверхностными, узкими взглядами на дѣлѣ. Не надо думать, чтобы лучшіе взгляды были невозможны. Такъ относительно французской революціи, господствующаго политическаго явленія той эпохи, въ русскомъ обществѣ уже въ то время существовали очень вѣрныя представленія. Назовемъ, напримѣръ, книгу Радищева: каковы бы ни были мнѣнія объ этой книгѣ и объ увлеченіяхъ ея автора, нельзя не признать, что въ ней есть замѣчательное пониманіе совершавшихся событій; Радищевъ также не сочувствуетъ «необузданностямъ» революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно здраво судитъ объ ея происхожденіи и общемъ ея смыслѣ. Намъ случалось указывать другаго современника, который точно также очень ясно видѣлъ значеніе событій; это былъ масонъ И. В. Лопухинъ, человѣкъ того самаго общества, отъ котораго Карамзинъ отдѣлился, конечно, считая его отсталымъ.

Но, при всей странности этихъ взглядовъ Карамзина, мы находимъ у него сочувствіе тѣмъ идеямъ, которыя хотѣла осуществлять французская революція, т.-е. этимъ идеямъ, какъ онѣ представлялись ему въ книгахъ, а не въ бурномъ историческомъ процессѣ, гдѣ онъ ихъ не понялъ. Въ кругу отвлеченныхъ понятій, Карамзинъ есть нѣжнѣйшій другъ человѣчества [1]), защит-

[1]) Нѣсколько позднѣе, въ 1793, въ частномъ письмѣ къ Дмитріеву онъ выражается такъ: «ужасныя происшествія Европы волнуютъ всю душу мою... Назови меня Донъ-Кишотомъ; но сей славный рыцарь не могъ любить Дульцинею свою такъ страстно, какъ *я люблю человѣчество*».

никъ его правъ, просвѣщенія, человѣческаго достоинства; его идеалы — идеалы просвѣтительной литературы конца XVIII-го вѣка. Это совершенно ясно выразилось въ его тогдашнихъ сужденіяхъ о реформѣ Петра, особенно интересныхъ при сравненіи ихъ съ его позднѣйшими мнѣніями объ этомъ предметѣ, которыя мы приведемъ дальше. Статуя Людовика XIV напомнила ему о Петрѣ Великомъ, и Карамзинъ называетъ Петра «лучезарнымъ богомъ свѣта», освѣщающимъ кругомъ себя глубокую тьму; онъ считаетъ его «благодѣтелемъ человѣчества» — въ томъ смыслѣ, какъ благодѣтелей человѣчества разумѣли философы просвѣщенія. Онъ самый пламенный поклонникъ реформы, потому что «путь просвѣщенія одинъ для всѣхъ народовъ»; сожалѣнія о русской старинѣ кажутся ему «жалкими іереміадами» или «шуткою, происходящею отъ недостатка въ основательномъ размышленіи». «Мы не таковы, какъ брадатые предки наши—тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. *Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло стать людьми, а не славянами.* Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо *я человѣкъ*».

Панегиристы Карамзина, указывая эти его мнѣнія, спѣшатъ обыкновенно успокоить читателя, что позднѣйшее развитіе мыслей Карамзина, въ особенности глубокое изученіе русской исторіи, совершенно излечили его отъ этой космополитической ереси и привели его къ другимъ, болѣе основательнымъ понятіямъ, которыхъ онъ постоянно и держался впослѣдствіи. Панегиристы вообще считаютъ приведенныя выше мысли Карамзина заблужденіемъ молодости. Можно совершенно согласиться съ ними, что этого мнѣнія вовсе нельзя считать характеристическимъ мнѣніемъ настоящаго Карамзина, но трудно согласиться, чтобы Карамзинъ пришелъ къ лучшему, когда отказался отъ своего прежняго взгляда, или, лучше сказать, когда отказался впослѣдствіи развить этотъ взглядъ въ болѣе совершенное воззрѣніе при помощи тѣхъ средствъ, какія давали ему потомъ дальнѣйшія наблюденія надъ событіями и «глубокое изученіе» русской исторіи. Нельзя не повторить еще разъ, что употребленіе, какое дѣлаютъ теперь панегиристы Карамзина изъ его позднѣйшихъ, настоящихъ его мнѣній, способно еще усилить сожалѣніе, что онъ такъ скоро и, кажется, легко бросилъ свою прежнюю точку зрѣнія.

Дѣйствительно, бросить ее нельзя было безнаказанно. Оставивъ ее, Карамзинъ очень послѣдовательно пришелъ къ консерватизму, вообще самому непривлекательному. Новѣйшіе славяне радуются, что Карамзинъ впослѣдствіи такъ измѣнилъ свои мнѣнія, что сказалъ бы свои прежнія фразы въ обратномъ порядкѣ,— онъ предпочелъ бы народное человѣческому, и посовѣтовалъ бы соотечественникамъ сначала быть славянами, а потомъ людьми. Но новѣйшіе славяне забываютъ, что «человѣческое» есть только тотъ запасъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, и запасъ научнаго знанія, который собранъ коллективнымъ трудомъ цѣлаго человѣчества, и въ этомъ смыслѣ никакимъ образомъ не можетъ представлять чего-либо несовмѣстнаго съ сущностью какой-либо отдѣльной національной природы, или противоположнаго ей; и что, съ другой стороны, «народное», совмѣщая въ себѣ всѣ индивидуальныя особенности націи, и ея достоинства, и ея недостатки, представляетъ собой тотъ же запасъ идеаловъ и знанія, только болѣе тѣсный, потому что онъ ограниченъ средствами одной націи. Такимъ образомъ, «человѣческое» и «народное»—не противоположности, а только градація. Когда индивидуально-народное дѣло или идея становится общечеловѣческимъ, это—высшая историческая заслуга и величіе націи; но чтобы достигать этого, нація необходимо должна воспринять и разработать въ себѣ интересъ общечеловѣческій. Въ этомъ взаимодѣйствіи совершается движеніе цивилизаціи и отъ него зависитъ различіе въ относительномъ значеніи націй. Такимъ образомъ «человѣческое» является необходимымъ элементомъ въ жизни народа, если онъ стремится къ историческому значенію. Можно спорить о практическихъ средствахъ и путяхъ, которыми отставшій народъ можетъ усвоить себѣ существующій запасъ общечеловѣческаго содержанія, но не можетъ быть спора о выборѣ между народнымъ и человѣческимъ, какъ между противоположностями. Поэтому, исключительные защитники «народнаго», противополагаемаго «человѣческому», «космополитическому», въ концѣ концовъ всегда и впадаютъ въ узкій консерватизмъ, крайне вредный для интересовъ общества и народа, когда такіе люди, становясь общественной и политической партіей, пріобрѣтаютъ значеніе и силу. Этотъ вредъ является необходимо, потому что, защищая народное, обыкновенно защищаютъ и его недостатки и его отсталость. Замѣтимъ, что такіе споры о народномъ и человѣческомъ и боязнь этого послѣдняго составляютъ въ особенности принадлежность обществъ, которыя не успѣли еще воспринять въ себя достаточно общечеловѣческихъ идей, знаній и учрежденій; другія общества и націи, уже вос-

принявшія болѣе или менѣе это общечеловѣческое содержаніе и работавшія для него, напротивъ стремятся отождествлять себя съ человѣчествомъ, считать себя его представителями. Довольно вспомнить, *какъ* говорятъ въ подобныхъ случаяхъ французы, нѣмцы, англичане.

Измѣненіе взглядовъ Карамзина, восхваляемое новѣйшими панегиристами его, особенно рельефно выказалось на его сужденіяхъ о Петрѣ Великомъ, что́ и естественно. Изъ великаго поклонника реформы Карамзинъ сталъ потомъ строгимъ ея порицателемъ. Защищая «народное», т.-е., какъ обыкновенно, старину, Карамзинъ долженъ былъ и въ новой жизни защищать все, что наслѣдовала она отъ старины или въ чемъ продолжала ее. Ему надо было защищать недавній status quo отъ всякихъ реформъ—онъ и защищалъ его съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, потому что—ему пришлось восхвалять то, что далеко не стоило похвалы, и умалчивать о томъ, что требовало осужденія. Онъ дѣлалъ то и другое.

Мы увидимъ, какъ эти мнѣнія и это фальшивое положеніе Карамзина выказались особенно въ запискѣ «О древней и новой Россіи». Впрочемъ, эта перемѣна не была какимъ-нибудь рѣзкимъ поворотомъ въ мнѣніяхъ Карамзина. Онъ и послѣ, какъ въ періодѣ «Писемъ», говорилъ о любви къ человѣчеству, о добродѣтели, о натурѣ; но въ сущности онъ не приходилъ къ какому-нибудь ясному общественно-политическому воззрѣнію, и повторяя тѣ же сантиментально неопредѣленныя общія фразы, онъ могъ теперь извлекать изъ нихъ одни заключенія, потомъ—совершенно другія.

Въ «Письмахъ»—или въ то время, когда онъ, по его словамъ, «ожидалъ торжества разума», и когда, говорятъ, сочувствовалъ французскому движенію—онъ разсуждаетъ о событіяхъ такимъ образомъ: «Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ *несовершеннѣйшемъ* надобно *удивляться чудесной гармоніи*, благоустройству, порядку (?)... Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія *добродѣтель* необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во *всякомъ* правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни (?). Всякія же насильственныя потрясенія гибельны... Предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ свой планъ; въ его рукѣ сердца государей—и довольно. Легкіе умы думаютъ, что все легко; *мудрые* знаютъ опасность *всякой* (?) перемѣны, и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ: подъ ея мирною сѣнію возрастали

науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево» и проч.

Панегиристы замѣчаютъ, что въ это время Карамзину было только 23 года и удивляются мудрости изреченій. Признаемся, находимъ изреченія вполнѣ соотвѣтственными возрасту и видимъ въ нихъ не столько мудрость, сколько непослѣдовательность или необдуманность. Если Карамзинъ думаетъ, что надо предаться Провидѣнію и что оно конечно имѣетъ свой планъ, въ такомъ случаѣ и разсуждать о событіяхъ было бы безполезно, а тѣмъ болѣе было бы ошибочно осуждать ихъ. Онъ, конечно, не могъ претендовать, что ему извѣстны планы Провидѣнія, и могъ ли онъ оспаривать, что тѣми событіями, какія совершались, Провидѣніе именно хотѣло наказать несправедливость стараго порядка и само разрушило власть, злоупотребившую своей силой: можно ли тогда осуждать людей, которые исполнили его волю? Трудно понять далѣе, какъ въ «несовершеннѣйшемъ» порядкѣ вещей бываетъ «чудесная гармонія», какими путями люди увѣрятся въ «необходимости добродѣтели», въ чемъ ихъ тщетно убѣждаютъ съ сотворенія міра, какъ могутъ быть опасны «всякія» перемѣны, напр. перемѣны благодѣтельныя для народа? Наконецъ, утвержденія Карамзина о всеобщемъ благоденствіи при старой монархіи могли бы свидѣтельствовать развѣ только о недостаточномъ знаніи французской исторіи, потому что старая монархія произвела очень немного великихъ государей и министровъ, и гораздо больше совершенно ничтожныхъ, а великіе люди «въ разныхъ родахъ» гораздо рѣже были ея созданіемъ, а всего чаще были или ея противниками или жертвами.

Критики Карамзина составляютъ, по его сочиненіямъ, цѣлую нравственно-политическую философію и называютъ ее оптимизмомъ; можетъ быть, но въ примѣненіяхъ къ фактамъ и событіямъ, какъ мы видѣли, эта философія бываетъ скорѣе похожа на туманный фатализмъ, обыкновенно очень сантиментальный, а иной разъ, при всей чувствительности автора, забывающій требованія простого человѣколюбія и справедливости, и въ концѣ концовъ дающій событіямъ и общественнымъ явленіямъ самыя странныя толкованія.

Чтобы закончить съ разсужденіями Карамзина объ европейскихъ событіяхъ, мы остановимся еще на послѣднихъ его выводахъ о французской революціи, высказанныхъ уже въ царствованіе Александра, въ «Вѣстникѣ Европы». Прошло много времени, совершилось много потрясающихъ событій, общественное

настроеніе въ Россіи вызывало интересъ къ политическимъ вопросамъ, авторъ былъ въ полной силѣ своей литературной дѣятельности,—но въ сущности его пониманія вещей не произошло большой перемѣны.

Карамзинъ желаетъ, чтобъ началась новая эпоха не только для политики, но и для самаго человѣчества. «По крайней мѣрѣ истинная философія ожидаетъ хотя сего единственнаго счастливаго дѣйствія ужасной революціи, которая останется пятномъ восьмаго-надесять вѣка, слишкомъ рано названнаго философскимъ. Но девятый-надесять вѣкъ долженъ быть счастливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а государей въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца»... Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Революція *объяснила идеи:* мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій;... что всѣ смѣлыя теоріи ума.... должны *остаться въ книгахъ* (!);.. что учрежденія *древности* имѣютъ *магическую силу*, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно *время* и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ.... То есть, французская революція, грозившая испровергнуть всѣ правительства, *утвердила* ихъ... *Теперь* гражданскія начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума». Упомянувъ, какъ съ половины XVIII-го вѣка всѣ сильные умы желали перемѣнъ, какъ вездѣ обнаруживалось *неудовольствіе*, «люди скучали и жаловались *отъ скуки* (?), видѣли одно зло и не чувствовали цѣны блага, проницательные наблюдатели ожидали бури, Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію»,—Карамзинъ заключаетъ, что: «теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, *не думая о новостяхъ*.... Съ другой стороны правительства *чувствуютъ важность* сего союза и *общаго мнѣнія, нужду въ любви народной*, необходимость истребить злоупотребленія».

Такимъ образомъ, прошло много лѣтъ, и мнѣнія Карамзина не измѣнились. Сужденіе его о смыслѣ господствующаго событія той эпохи остается также неопредѣленно. Французскій переворотъ дѣлаетъ стыдъ восемнадцатому вѣку и былъ только ужаснымъ бѣдствіемъ. Но проницательные люди ждали бури, даже съ разительной точностью предсказали ее; были, слѣдовательно,

достаточныя основанія предвидѣть переворотъ — Карамзинъ не замѣчаетъ этихъ основаній, находитъ только, что люди почему-то хотѣли перемѣнъ и жаловались *отъ скуки*! Онъ смѣло затѣмъ утверждаетъ, будто французская революція, грозившая испровергнуть правительства, только утвердила ихъ, точно Бурбоны жили тогда въ Парижѣ, а не кочевали въ Европѣ изгнанниками. Далѣе Карамзинъ настаиваетъ, что смѣлыя теоріи ума должны остаться въ книгахъ, а что учрежденія древности имѣютъ магическую силу — какъ будто европейскіе умы восьмнадцатаго вѣка работали только для книгъ; онъ забываетъ, что «смѣлыя теоріи» угадывали и высказывали потребности времени, что развитыя XVIII-мъ вѣкомъ идеи терпимости, общественной и умственной свободы, гражданскаго достоинства и были предметомъ революціонныхъ стремленій, которыя во многомъ и достигли своей цѣли; онъ забываетъ и то, что магическая сила древности напротивъ не спасла старой деспотической монархіи и ея аттрибутовъ. Но, доказывая эту безплодность переворота, самъ Карамзинъ находитъ однако, что когда ужасныя бѣдствія кончились, то въ результатѣ правительства чувствуютъ важность «общаго мнѣнія», нужду «въ любви народной» и т. д.; — но откуда же эта важность общаго мнѣнія?

Для русскихъ читателей и людей русскаго общества онъ дѣлаетъ одно замѣчаніе о событіяхъ:... «мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ». Совѣтъ быть «разсудительнымъ» и «тихимъ» онъ повторяетъ нѣсколько разъ, — хотя совѣтъ былъ совершенно излишній: съ давнихъ временъ русское общество было очень уже тихо. Общій нравственно-политическій выводъ Карамзина былъ тотъ, что народамъ и отдѣльнымъ людямъ нужно только повиновеніе, что волненія и теоріи гибельны, и что все слѣдуетъ предоставить «времени» и «Провидѣнію». Это былъ цѣлый общественный квіетизмъ. Правда, Карамзинъ говорилъ, что нужно «просвѣщеніе», но онъ остерегался говорить, должно ли это быть настоящее просвѣщеніе, или что съ нимъ дѣлать, если оно будетъ приходить къ «теоріямъ». На всѣхъ разсужденіяхъ Карамзина лежитъ отпечатокъ чего-то крайне неяснаго: обществу онъ рекомендуетъ только просвѣщеніе, повиновеніе и добродѣтель, но нигдѣ онъ не говоритъ ясно о существенныхъ вопросахъ внутренней жизни, тѣхъ вопросахъ, гдѣ обнаруживались общественныя противорѣчія и гдѣ надо было сказать прямо чего онъ хочетъ. Мы увидимъ, что когда онъ прилагалъ свои разсужденія къ русскимъ дѣламъ, въ этихъ случаяхъ онъ или просто умал-

чиваетъ объ извѣстныхъ вещахъ, или замаскировываетъ ихъ благовидными орнаментами, когда ихъ смыслъ не совсѣмъ укладывался въ его теорію. А теорія при всей благовидности фразъ была та самая, которую нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя проповѣдовала другая школа, какъ высокую русскую добродѣтель, подъ именемъ «приниженія личности».

По возвращеніи изъ-за границы Карамзинъ сталъ издавать журналъ, потомъ нѣсколько альманаховъ и т. п. Литературная дѣятельность его, основавшая извѣстную сентиментальную школу, имѣла большой успѣхъ, но Карамзинъ не былъ спокоенъ и жаловался въ письмахъ къ Дмитріеву, что теряетъ охоту «ходить подъ черными облаками». Біографы Карамзина объясняютъ, что эти черныя облака, «помрачавшія всѣ цвѣта жизни», могли означать только то, что Карамзина огорчало равнодушіе и холодность императрицы Екатерины къ его трудамъ. Во время Новиковскаго дѣла названо было имя Карамзина, хотя самъ Прозоровскій тотчасъ увидѣлъ, что Карамзинъ не имѣетъ къ дѣлу никакого отношенія. Біографы предполагаютъ, что на Карамзинѣ могли остаться темныя подозрѣнія, которыя и безпокоили его. «Какъ бы то ни было,—говоритъ г. Погодинъ,—не находя возможности дѣйствовать на избранномъ имъ поприщѣ, по желанію, *съ полною свободою*, Карамзинъ оставилъ его, но *умѣя находиться* во всякихъ данныхъ обстоятельствахъ.... *безъ напрасныхъ жалобъ*, онъ *спокойно* перешелъ на другое поприще... *завелъ себѣ четверню лошадей* и началъ разъѣзжать по городу. Его любезность, образованность, его слава, обезпечивали ему успѣхъ въ большомъ свѣтѣ» [1]). Такимъ образомъ, Карамзинъ видѣлъ нѣкоторыя неудобства тогдашнихъ порядковъ, хотя, какъ видимъ, для него лично они не были особенно тяжелы. Онъ провелъ царствованіе Екатерины и Павла совершенно спокойно; черныя облака прошли мимо. Это и не мудрено. Въ тогдашнихъ изданіяхъ его попадались иногда вольнодумныя мысли, которыя могли инымъ давать поводъ считать его за вольнодумца, но рядомъ съ ними шли самыя благонамѣренныя разсужденія «Писемъ русскаго путешественника»; всѣ литературныя связи Карамзина были совершенно солидныя, какъ напр. Державинъ, Херасковъ, Дмитріевъ и т. п., — и вольнодумство не навлекло ему никакихъ дѣйствительныхъ непріятностей. При Павлѣ на него дѣлали доносы,—вѣроятно тотъ же Голенищевъ-Кутузовъ, кажется исключительно доносившій на Карамзина, теперь и впослѣдствіи, при Александрѣ—но эти доносы были такъ невѣже-

---

[1]) «Н. М. Карамзинъ» I, 245.

ственны (хотя Голенищевъ-Кутузовъ все-таки могъ быть при Александрѣ попечителемъ московскаго университета), такъ грубы и аляповаты, что не только при Александрѣ, но и раньше, при Павлѣ, не имѣли никакого вліянія. Доносы, конечно, были и грубо несправедливы, потому что даже въ ту эпоху, когда онъ «сочувствовалъ» французскому перевороту, когда онъ, какъ говорятъ, удивлялся Робеспьеру,—все это сочувствіе и удивленіе оставались столь платоническими, что не мѣшали Карамзину въ тоже самое время писать о французскомъ переворотѣ вещи, какія мы приводили.

Правленіе имп. Павла, какъ мы говорили прежде, заставило думать о положеніи дѣлъ въ обществѣ даже людей, которыхъ до того времени эти дѣла вовсе не интересовали. Нечего говорить, насколько смыслъ этого правленія долженъ былъ быть ясенъ для людей образованныхъ, которымъ были доступны нѣкоторыя нравственно-общественныя понятія. Это время явилось характеристическимъ образчикомъ нашего общественнаго устройства. Карамзинъ не извлекъ изъ него никакого опыта.

Наступило наконецъ время Александра.

Можно было бы не придавать особеннаго значенія тому, что Карамзинъ, вмѣстѣ съ литературной толпой, писалъ восхвалительныя оды, свойство которыхъ бывало обыкновенно то, что онѣ переходили всякую мѣру лести предержащимъ властямъ. Написавши оду въ 1796 году, онъ потомъ разочаровался, но съ новой ревностью писалъ оды въ 1801. Это послѣднее одописаніе легко объяснить всеобщимъ восторженнымъ настроеніемъ, съ которымъ принято было воцареніе Александра, но отъ писателя, какъ Карамзинъ, надо было бы по крайней мѣрѣ ожидать, что онъ не хочетъ только льстить, какъ толпа тогдашнихъ риѳмотворцевъ, что онъ не говоритъ на вѣтеръ, что онъ несетъ отвѣтственность за свои слова. Карамзинъ получилъ отъ императора нѣсколько подарковъ за свои панегирики, и къ сожалѣнію забылъ объ этомъ, когда писалъ свою записку о древней и новой Россіи: быть можетъ, воспоминаніе о прежнихъ одахъ внушило бы бо̀льшую осмотрительность карательному краснорѣчію «Записки»....

Кромѣ двухъ одъ, которыми Карамзинъ привѣтствовалъ новаго императора, онъ въ первое же время написалъ похвальное слово Екатеринѣ II. По словамъ новѣйшихъ біографовъ, Карамзинъ, ободренный благосклоннымъ принятіемъ его одъ (онъ получилъ за нихъ два перстня), «вознамѣрился выразить яснѣе свои мысли о желаемомъ правленіи» посредствомъ описанія дѣлъ Екатерины. Цѣль была нѣсколько дипломатическая. «Примѣръ ка-

зался для Карамзина гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе всѣхъ умозрительныхъ, отвлеченныхъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что онѣ могли подать еще поводъ къ невыгоднымъ предположеніямъ о непрошенныхъ наставленіяхъ, а по мнѣнію другихъ, пожалуй, и дерзкихъ. Подъ щитомъ императрицы Екатерины, *которой имя было возвѣщено* въ первомъ манифестѣ, Карамзинъ могъ гораздо безопаснѣе проводить свои собственныя мысли». При этомъ Карамзинъ забылъ свои собственныя непріятныя воспоминанія объ томъ времени, или объяснялъ ихъ тревожными обстоятельствами конца правленія Екатерины, и «хотѣлъ только почтить благодѣянія». Вообще, онъ «пропустилъ, и даже не намекнулъ объ ея недостаткахъ и порокахъ, потому ли, что считалъ неприличнымъ принимать на себя слишкомъ явно учительный тонъ, опасался оскорбить тѣмъ самолюбіе молодого государя, или считалъ неумѣстнымъ, *въ похвальномъ словѣ*, судить обо всей жизни въ совокупности, или, наконецъ, до того очаровался общимъ впечатлѣніемъ блистательнаго царствованія, что всѣ тѣни ускользнули (?) въ эту минуту отъ его вниманія» [1]).

То-есть, біографъ самъ чувствуетъ, что подобное описаніе царствованія нуждается въ объясненіи, и приводитъ ихъ сколько можетъ. Относительно перваго, можно замѣтить, что какое дипломатическое значеніе ни придавалъ бы Карамзинъ своему труду, ничто не мѣшало ему сказать хотя часть правды, вовсе не впадая въ учительный тонъ, и вовсе не оскорбляя самолюбія, особенно съ тѣмъ медовымъ стилемъ, какимъ онъ отличался. Онъ могъ «считать это неумѣстнымъ въ похвальномъ словѣ», — но его добрая воля была выбирать эту несчастную литературную форму, которая вмѣстѣ съ одой расплождала въ старой литературѣ столько искаженія правды и столько рабской лести: ему никто не мѣшалъ дать своему труду форму историческаго обозрѣнія, которая была бы весьма естественна и невинна, и открывала бы полную возможность для критическихъ замѣчаній, хотя бы самыхъ тонкихъ и деликатныхъ. Если онъ «очаровался» — такъ внезапно и заднимъ числомъ, — это во всякомъ случаѣ было бы нѣсколько странно въ глубокомъ историкѣ и политикѣ, какимъ изображаютъ его біографы. Онъ не въ первый разъ знакомился съ царствованіемъ Екатерины: онъ прожилъ въ немъ лѣтъ пятнадцать своей сознательной жизни, когда онъ могъ достаточно судить о вещахъ. Ему должны были быть особенно памятны послѣдніе годы царствованія, когда онъ «ходилъ подъ черными облаками, которыхъ тѣнь помрачала въ его глазахъ

---

[1]) Погод. I, 326.

всѣ цвѣты жизни»[1]),—и если бы онъ хотѣлъ серьезно смотрѣть на вещи, то могъ бы видѣть, что «облака» не были случайностью, что, напротивъ, это былъ цѣлый порядокъ вещей, который повторялся и потомъ, и который онъ самъ опять хорошо чувствовалъ, когда писалъ въ августѣ 1801 г. объ императорѣ Александрѣ: «мы при немъ *отдохнули;* главное то, что можемъ *жить спокойно».* Со стороны Карамзина было бы великодушно, еслибы, «очаровавшись», онъ въ своемъ панегирикѣ забывалъ одни свои личныя испытанія и тягости; но онъ забывалъ и тягости общества, а главное тягости народа, который при Екатеринѣ дорого расплачивался за блистательное царствованіе. Забыть, очаровавшись, всю дѣйствительную исторію—не было особой заслугой ни для историка, ни особымъ выигрышемъ для дипломата, потому что въ обоихъ случаяхъ дѣло было поставлено фальшиво; исторически, постановка была одностороння и невѣрна; въ публицистическомъ отношеніи сочиненіе не достигало цѣли, потому что терялось въ кучѣ похвалъ и лести, ничего не дѣлало для общественной свободы (о которой Карамзинъ въ это время все-таки говорилъ) и для объясненія потребностей общества монарху. Дипломатическій разсчетъ былъ тѣмъ болѣе невѣревъ, что императоръ Александръ самъ видѣлъ, и очень близко, царствованіе Екатерины, еще юношей онъ замѣчалъ его слабыя и непривлекательныя стороны, и неумѣренная похвала по этому уже могла возбудить въ немъ сомнѣніе и не достигнуть цѣли.

Въ сочиненіяхъ Карамзина, писанныхъ за первые годы царствованія имп. Александра, какъ мы отчасти уже указывали, господствуетъ тотъ же общій характеръ, какимъ отличаются его «Письма»,—тотъ же сантиментальный туманъ и странное отношеніе къ практическимъ фактамъ въ исторіи и въ настоящемъ. Такъ въ русскомъ XVIII-мъ столѣтіи, только что пережитомъ, Карамзинъ находитъ сюжетъ только для панегирика. Въ его вѣчномъ противорѣчіи между чувствительными увлеченіями и практическими взглядами, между словами и дѣломъ, уже не трудно видѣть задатки позднѣйшаго упорнаго консерватизма; потому что либерализмъ его отвлеченныхъ принциповъ, его любовь къ человѣчеству, къ «просвѣщенію», восхваленіе «республиканскихъ» добродѣтелей были слишкомъ книжно изысканны, въ нихъ слишкомъ большую роль играла старательно обдѣланная и украшенная фраза, чтобы за этой фразой можно было ожидать настоящаго чувства и продуманной мысли. Но на первое время его консерватизмъ не высказывался такъ откровенно, какъ впо-

---

[1]) Въ письмѣ къ Дмитріеву, 1795, 14 іюня.

слѣдствіи; онъ раздѣляетъ либеральныя увлеченія того времени и говоритъ тѣмъ свободолюбивымъ тономъ, въ какомъ былъ настроенъ императоръ Александръ и его первые друзья.

Въ первой одѣ Александру, Карамзинъ повторяетъ то сравненіе, какимъ воспользовался и Державинъ; онъ радуется, что—

....милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Во второй одѣ онъ говоритъ о томъ,—

Сколь трудно править *самовластно*
И небу лишь отчетъ давать,

и замѣчаетъ тутъ-же:—

Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу (!) подражать....
Онъ можетъ *все*, но *свято чтитъ*
Его-жъ премудрости *законы*».

Народу нужны законы и свобода,—какъ мечталъ въ то время и самъ Александръ:

Короны блескомъ ослѣпленный
Другой въ подвластныхъ зритъ—рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ.
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но *можно ли рабу любить?*
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со *страхомъ* несовмѣстна.
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.

Далѣе, призыванія къ свободѣ:

Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, *свобода*, намъ *мила*,
И съ пользою царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была, и т. д.

И желаніе, чтобы новый царь давалъ новые законы:

«Трудись, давай уставы намъ», и пр.

Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ авторъ приходитъ въ восторгъ отъ «Наказа», «лобызаетъ державную руку», которая «подъ божественнымъ вдохновеніемъ души» начертала тѣ его строки, гдѣ говорится, что «самодержавство разрушается, когда государи.... собственныя мечты уважаютъ болѣе законовъ», что «не-

счастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить свое мнѣніе» и т. д. Карамзинъ восхваляетъ либеральныя разсужденія императрицы о свободѣ выраженія мнѣній и о свободѣ печати, стѣсненіе которой будетъ «угнетеніемъ разума, производитъ невѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума»; — онъ восхваляетъ ея заботы о просвѣщеніи народа; — восторгается коммиссіей объ уложеніи, которая была «славнѣйшей эпохой славнаго царствованія». Въ историческомъ отношеніи Карамзинъ далъ здѣсь слишкомъ пристрастную и подкрашенную картину царствованія Екатерины, но по тѣмъ общественно-политическимъ мнѣніямъ, которыя онъ хотѣлъ тутъ высказать, мы находимъ у него тотъ же общій тонъ, какимъ говорили наиболѣе либеральные люди того времени, и какимъ говорили совѣтники Александра. Желаніе свободы и просвѣщенія, основаніе правленія па законахъ, необходимость свободы слова и печати, даже одобреніе представительства въ видѣ восхваленія Екатерининской «коммиссіи» — вотъ предметы, которые были указаны Карамзинымъ.

Когда онъ издавалъ «Вѣстникъ Европы», въ теченіе 1802 и 1803 года, онъ нерѣдко обращался къ общественнымъ вопросамъ того времени.. Царствованіе Александра уже заявило тогда свои тенденціи и Карамзинъ опять является въ роли восторженнаго панегириста либеральныхъ мѣръ.

По поводу новаго плана народнаго просвѣщенія, Карамзинъ, называя указъ объ этомъ «безсмертнымъ», смѣло говоритъ: «Многіе государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едвали кто-нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія.... Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи моральнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія.... Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію, скажемъ, что *всѣ* новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха». Относительно исполненія плана, Карамзинъ говоритъ, что конечно только въ будущемъ явятся плоды и вѣнецъ дѣла, потому что просвѣщеніе идетъ обыкновенно медленными и неровными шагами; а пока — «довольно, что сей безсмертный уставъ для совершеннаго просвѣщенія имперіи нашей требуетъ только — вѣрнаго исполненія; а *можно ли сомнѣваться* въ исполненіи того, что̀ монархъ Россіи повелѣваетъ россіянамъ?»

Вспомнимъ мимоходомъ, что въ новомъ министерствѣ былъ между прочимъ М. Н. Муравьевъ, покровитель Карамзина, доставившій ему званіе исторіографа и состоявшій тогда попечителемъ московскаго университета. Въ 1803 г., Карамзинъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» статью о публичныхъ лекціяхъ, которыя были тогда устроены въ этомъ университетѣ; въ этой статьѣ, по словамъ г. Погодина, «онъ хотѣлъ въ особенности доставить удовольствіе своему покровителю, М. Н. Муравьеву», и панегирикъ выходитъ изъ береговъ. «Послѣ всего, что великодушный Александръ сдѣлалъ и дѣлаетъ для укорененія наукъ въ Россіи, мы не исполнимъ долга патріотовъ и даже поступимъ неблагоразумно, если будемъ еще отправлять молодыхъ людей въ чужія земли учиться тому, что́ преподается въ нашихъ университетахъ (!). Московскій отличается уже въ разныхъ частяхъ достойными учеными мужами: скоро новые профессоры, вызванные изъ Германіи и въ цѣлой Европѣ извѣстные своими талантами, умножатъ число ихъ, и первый университетъ россійскій, подъ руководствомъ своего дѣятельнаго и ревностнаго къ успѣху наукъ попечителя, возвысится еще на степень славнѣйшую въ ученомъ свѣтѣ».

Указъ о правахъ и должностяхъ сената и манифестъ объ учрежденіи министерствъ не только не вызываетъ возраженій, но, напротивъ, новый потокъ панегирика. «Читая указъ о правахъ и должностяхъ сената, россіянинъ благоговѣетъ въ душѣ своей предъ симъ верховнымъ мѣстомъ имперіи, которое никакому правительству въ мірѣ не можетъ завидовать въ величіи (!), будучи храмомъ вышняго правосудія и блюстителемъ законовъ, столь священныхъ нынѣ въ Россіи. Сей указъ напоминаетъ намъ славное начало сената, когда первый императоръ Россіи, побѣдивъ шведовъ и приготовляясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основалъ его, какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства» и проч. О новыхъ министрахъ: «Кто не увѣренъ въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именемъ министровъ Россіи, державы, которая никогда не была столь близка къ исключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ?... Не одна Франція должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами, не одна Данія должна прославлять своихъ Бернсторфовъ.... *Уже прошло* то время въ Россіи, когда одна милость государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ счастливый вѣкъ Екатерины II...; теперь лестно и славно заслужить, вмѣстѣ съ милостію государя, и любовь просвѣщенныхъ россіянъ»....

Уничтоженіе Тайной Экспедиціи вызвало у Карамзина воспоминаніе объ ужасахъ тайной канцеляріи. «Воспоминаніе, конечно, горестное; но въ ту же самую минуту вы произносите имя Александра, и сердце ваше отдыхаетъ!» и проч.

Въ числѣ желаній, которыя заявлялъ Карамзинъ для благополучія отечества, было желаніе имѣть систематическій кодексъ:— вѣкъ Александра украсится великимъ дѣломъ, «когда будемъ имѣть полное *методическое* собраніе гражданскихъ *законовъ, ясно и мудро написанныхъ*.... Александръ даруетъ намъ собраніе законовъ, то-есть кодексъ, или *систему гражданскихъ законовъ*, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою» и пр. Нельзя кажется обманываться, что въ этихъ словахъ Карамзинъ желалъ не одного простого сбора старыхъ указовъ, какъ онъ настаивалъ на этомъ впослѣдствіи, а желалъ именно *новаго* систематическаго законодательства, о которомъ тогда думало правительство.

Общее состояніе Россіи представлялось Карамзину въ тѣ годы въ самомъ блистательномъ свѣтѣ: «Взоръ русскаго патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы (успокоеніе революціи при Наполеонѣ), съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлить съ другими европейскими народами, мы, *осыпанные блескомъ славы* и благотвореніями человѣколюбиваго монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Италіянская война доказала міру, что колоссъ Россіи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля. Когда другія державы трепетали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величественно.... Она судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ». Внутри, онъ видитъ спокойствіе сердецъ, «вѣрное доказательство мудрости начальства въ гражданскомъ порядкѣ». «Съ другой стороны другъ людей и патріотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ россіянъ возвышается»....

Перечитывая всѣ эти тирады, наконецъ утомляешься этимъ тономъ лести, преклоненія и восторга. Карамзинъ конечно въ значительной степени выражалъ дѣйствительную радость общества въ первыя недѣли и мѣсяцы правленія Александра, и мы были бы готовы помириться съ этимъ тономъ; но онъ тянется годы, и тянется въ такое время, когда было бы наконецъ

возможно сказать и нѣчто болѣе критически-хладнокровное, серьезное и нужное. Карамзинъ уже въ то время пользовался авторитетомъ; способъ дѣйствій правительства открывалъ возможность болѣе открытаго изложенія мыслей; самъ Карамзинъ говорилъ о свободѣ, которая нужна и которая приходила къ обществу,—но, вмѣсто того, чтобы пользоваться этой свободой, онъ три года не дѣлаетъ даже попытки выйти изъ тона панегирика или отвлеченно-чувствительныхъ взываній къ добродѣтели согражданъ; здѣсь нѣтъ и рѣчи о какой-либо серьезной критикѣ общественныхъ или правительственныхъ недостатковъ: въ «нравахъ» есть конечно недостатки, потому что *«разныя обстоятельства* измѣнили нашъ простой, добрый характеръ»,—но о чемъ-либо болѣе осязательномъ, о какихъ-нибудь недостаткахъ въ устройствѣ жизни не говорится, или же говорится съ смиреніемъ, преувеличеннымъ до непріятной степени [1]. Если мы опять спросимъ: столько ли онъ сдѣлалъ въ это время, сколько могъ, или меньше? Надо снова отвѣтить: меньше. Въ то время, когда передъ серьезнымъ писателемъ открывалась именно возможность говорить о дѣйствительныхъ интересахъ общества и съ пользой служить самому правительству, Карамзинъ довольствуется льстивыми восхваленіями, которыми литература и безъ того была издавна наполнена черезъ мѣру, и возбужденіемъ національнаго самодовольства и самолюбія.

Только въ одномъ вопросѣ Карамзинъ хотѣлъ разсуждать нѣсколько самостоятельно, и гдѣ онъ уже не раздѣлялъ «истинно-человѣческихъ идей»—это былъ крестьянскій вопросъ, едва затронутый тогда имп. Александромъ. Мы остановимся дальше на мнѣніяхъ Карамзина объ этомъ предметѣ.

Намъ могутъ сказать, что въ тогдашнемъ положеніи общественнаго развитія было много и то, что сдѣлалъ Карамзинъ; что общество только впервые начинало знакомиться съ подобными предметами, и сдѣлать больше, быть можетъ, не позволили бы самыя условія. Но это едва ли такъ: условія нисколько не требовали того приторно-льстиваго тона, какимъ говорилъ Карамзинъ, и онъ могъ бы говорить иначе, еслибы хотѣлъ. Наконецъ, мы и не ставили бы Карамзину такихъ требованій, еслибы ему не приписывали вообще такого господствующаго зна-

[1]) Въ одной статейкѣ «В. Евр.», писанной вѣроятно самимъ Карамзинымъ, авторъ возстаетъ противъ заѣзжихъ иностранцевъ, которымъ у насъ поручали воспитаніе, и обличаетъ неблагодарность тѣхъ изъ нихъ, которые, оставивъ Россію, бранятъ ее. Онъ собирался сдѣлать выписку изъ одной книги подобнаго рода, но не сдѣлалъ этого; «мнѣ совѣстно,—говоритъ онъ,—что я имѣлъ любопытство читать такую книгу и не хочу въ нее снова заглядывать». Такъ велика дѣвическая стыдливость автора.

ченія, еслибы онъ самъ не говорилъ съ такимъ эмфазомъ, и въ особенности, еслибы онъ немного лѣтъ спустя не явился такимъ нетерпимымъ судьей современныхъ людей и событій въ своей запискѣ «о древней и новой Россіи».

Эта записка вообще вызываетъ самыя усердныя восхваленія нынѣшнихъ почитателей Карамзина. «Важнѣйшее государственное сочиненіе, — говоритъ одинъ, — стóитъ политическаго завѣщанія Ришелье, которое могъ написать только Карамзинъ съ его яснымъ умомъ, съ его наблюдательнымъ расположеніемъ, съ его долговременнымъ изученіемъ Россіи... Можетъ быть, онъ самъ удивился своему труду». Другой, съ нѣсколько либеральными тенденціями, хотя дѣлаетъ неясную оговорку о возможности нѣкоторыхъ ошибокъ въ мнѣніяхъ Карамзина, но все-таки говоритъ о «Запискѣ» весьма патетически. «Записка о древней и новой Россіи представляетъ, послѣ исторіи, самое замѣчательное произведеніе Карамзина, его послѣдняго, *зрѣлаго* періода литературной дѣятельности, тѣмъ особенно, что, отрываясь отъ прошедшаго... Карамзинъ высказываетъ здѣсь свой взглядъ на современное состояніе Россіи и *въ первый разъ* (а прежде-то?) становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію. Съ *глубокимъ чувствомъ гражданина*, оставаясь во всей запискѣ *вѣрнымъ эпиграфу*, взятому имъ изъ псалма «нѣсть льсти во языцѣ моемъ», Карамзинъ хочетъ говорить монарху одну истину, какъ она представляется его уму и душѣ, какъ она *давно* созрѣла въ его убѣжденіяхъ, воспитанная внимательнымъ и глубокимъ изученіемъ прошедшаго родины... Записка Карамзина имѣетъ мѣсто въ его біографіи, какъ доказательство, что историкъ, занимаясь прошедшимъ, былъ не чуждъ вопросовъ времени и *живо, сознательно*, съ *глубокимъ чувствомъ понималъ, чего недостаетъ* его родинѣ, *гдѣ* болѣзни ея и чѣмъ могутъ быть излечимы онѣ... Карамзинъ былъ *вообще* правъ, потому что въ выводахъ своихъ опирался на исторію прошлаго. Больше другихъ его современниковъ, увлеченныхъ легкостію дѣлать бумажные опыты надъ жизнію народа, какъ историкъ, онъ уважалъ и цѣнилъ эту жизнь и понималъ только то крѣпкимъ и прочнымъ въ ней, чтó выросло изъ нея самой, а не наброшено сверху творчески самовластною рукою чиновника-администратора, воображающаго себя Пигмаліономъ (!) передъ бездушною статуею страны... Тайна скрыла отъ насъ то впечатлѣніе, какое произвела искренняя и смѣлая рѣчь патріота-историка на сердце царя...» и т. д.

Новѣйшіе почитатели Карамзина, какъ видимъ, даютъ «Запискѣ» чрезвычайное значеніе: не только Карамзину отдается за нее великая похвала, не только обличается «самовластный» Сперанскій, но изъ нея дѣлается настоящая программа для предбудущихъ временъ—«стоитъ политическаго завѣщанія Ришелье», говорятъ они совершенно серьезно. Озлобленный консерватизмъ Карамзина нашелъ себѣ отголосокъ въ новѣйшихъ охранителяхъ.

Изъ этого восхищенія охранителей можно угадывать значеніе «Записки». Она дѣйствительно очень любопытна исторически, потому что Карамзинъ высказывалъ здѣсь не только свои личные взгляды, но во многихъ случаяхъ излагалъ мнѣнія цѣлаго консервативнаго большинства. Самъ Карамзинъ высказывается наконецъ весь, потому что «Записка», безъ сомнѣнія, была однимъ изъ наиболѣе искреннихъ и наименѣе искусственныхъ и натянутыхъ его сочиненій: для изученія его общественныхъ понятій она представляетъ наиболѣе характеристическихъ данныхъ. Что касается внутренняго достоинства ея содержанія,—глубины и справедливости ея основной мысли, доказательности аргументовъ, отличающаго ее настроенія чувства — то, разсматриваемая безъ охранительнаго задора поклонниковъ Карамзина, она представится далеко въ иномъ свѣтѣ.

Мы не станемъ оспаривать ея литературныхъ достоинствъ,— со словъ ея восхвалителей должно признать, что она прекрасно выражаетъ охранительную точку зрѣнія на русскую исторію древнюю и новѣйшую, — но нельзя не видѣть, что она крайне непослѣдовательна, что во многихъ случаяхъ она обличаетъ самого Карамзина и, наконецъ, что политическая мудрость, на которой она построена, подлежитъ большому сомнѣнію, и чувство, ее проникающее, мало способно вызывать симпатію.

Записка «о древней и новой Россіи» имѣетъ задачей представить внутреннюю политическую исторію Россіи и ея современное состояніе. Основная тема «Записки»—доказать, что все величіе, вся судьба Россіи заключается въ развитіи и могуществѣ самодержавія, что Россія процвѣтала, когда оно было сильно, и падала, когда оно ослабѣвало. Урокъ, слѣдовавшій изъ этой темы для Александра, долженъ былъ быть тотъ, что и въ настоящую минуту Россіи ничего не нужно больше, что либеральныя реформы только вредны, что нужна только «патріархальная власть» и «добродѣтель». «Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго»—этими словами Карамзинъ началъ свою записку: это прошедшее должно было доставить ему основаніе для его выводовъ о настоящемъ, — вся сущность записки и цѣль ея

заключается собственно въ разсмотрѣніи и критикѣ царствованія имп. Александра. Характеристика древней русской исторіи, на которой мы не будемъ долго останавливаться, соотвѣтствуетъ конечно всему направленію его тогдашнихъ историческихъ трудовъ, и черезъ мѣру окрашена тенденціозными красками, которыхъ не слѣдовало бы употреблять и по тогдашнему состоянію нашей исторической науки.

Для доказательства основной темы «Записки», Карамзину нужно было показать, что въ древности единовластіе основало величіе Россіи, которое потомъ пало отъ раздѣленія княжеской власти и отъ удѣльной системы, и онъ утверждаетъ, что «въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже *не менње* нынѣшней, то-есть, во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго»— чего, замѣтимъ, на дѣлѣ вовсе не было; далѣе, что въ половинѣ XI-го столѣтія «Россія была не только обширнымъ, но въ сравненіи съ другими, и *самымъ образованнымъ* государствомъ» — чего также не было. Но когда наступила удѣльная система, для Россіи наступилъ и упадокъ: «вмѣстѣ съ причиною ея могущества (единовластіемъ), столь необходимаго для благоденствія, изчезло все могущество и благоденствіе народа»—положеніе, которое по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ совпадало съ фактами.

Въ московскомъ періодѣ всѣ похвалы сосредоточиваются на мудрой политикѣ московскихъ князей, которые успѣли освободить Россію отъ монгольскаго ига и создать изъ нея могущественное государство. Восхваляя самодержавіе, основанное московскими князьями, Карамзинъ всячески прикрашиваетъ тѣ времена, при чемъ нерѣдко дѣлаетъ насиліе исторіи. Все получаетъ благовидную внѣшность. Татарское иго не благопріятствовало наукамъ и искусствамъ, — и кажется, можно бы признать, что науки и искусства были плохи, — «однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе, сдѣлались у насъ извѣстны *весьма скоро* по ихъ изобрѣтеніи»;—напр. книги стали печататься едва черезъ сто лѣтъ по изобрѣтеніи книгопечатанія; управляться съ порохомъ и пушками не умѣли хорошенько до самаго Петра Великаго. «Библіотеки царская и митрополитская, наполненныя рукописями греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ европейцевъ» — тѣмъ больше, что въ Москвѣ некому было и пользоваться этими рукописями, притомъ почти только богослужебными и церковными. «Политическая система государей московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростію», — хотя всѣ путешественники удивлялись азіатскому деспотизму власти и

рабству, грубости и невѣжеству народа, и хотя самъ историкъ тутъ же говоритъ, что «жизнь, имѣніе зависѣли отъ *произвола* царей». Народъ, по словамъ Карамзина, былъ доволенъ: «Народъ, избавленный князьями отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, *не жалѣлъ* о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ», — хотя уходилъ цѣлыми толпами въ казачество и грабилъ ту же Россію.

Приступая къ временамъ Петра, Карамзинъ собираетъ всю силу своихъ аргументовъ, чтобы доказать ошибку реформы. Теперь онъ думалъ о ней совсѣмъ иначе, нежели въ Парижѣ. Мы упоминали выше объ этой перемѣнѣ его мнѣній. Эта перемѣна мнѣній у Карамзина не имѣла вообще значенія такого строго послѣдовательнаго развитія взглядовъ, отъ космополитизма къ національности, отъ свободомыслія къ покорной умѣренности, какъ обыкновенно изображаютъ; напротивъ, какъ мы видѣли, у него издавна, въ пору самыхъ свободолюбивыхъ увлеченій, были всѣ задатки консерватизма — въ видѣ восхваленія старой французской монархіи, въ видѣ проповѣди повиновенія, отвращенія къ новостямъ, приверженности къ «магической силѣ древности». Теперь только сильнѣе стала выдвигаться эта послѣдняя сторона его мнѣній. Ей всего больше благопріятствовала русская жизнь. Сантиментализмъ Карамзина никогда не доходилъ до опредѣленныхъ общественныхъ представленій; его идеалы, всегда туманные, остановились въ концѣ концовъ на общественной неподвижности, и на безмолвной покорности, которыми издавна была преисполнена русская жизнь. Реформа Петра была единственнымъ фактомъ въ русской исторіи, который нарушалъ эту теорію революціонной рѣзкостью преобразованія, и Карамзину надо было доказывать, что реформа была вредна, что перемѣны даже не были и нужны, потому что и до Петра Россія уже принимала спокойно и умѣренно плоды европейской образованности. Въ XVII-мъ столѣтіи, «еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи.... Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно.... Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ». Нѣтъ спора, что Петръ дѣйствовалъ круто, но историкъ могъ бы поставить вопросъ: не былъ ли именно нуженъ крутой переворотъ, не потому ли только дѣло Петра и удержалось впослѣдствіи, что на него были

потрачены эти страшныя усилія и неукратимая энергія? И эта энергія самого Петра не выражала ли только національную потребность, понятую геніальнымъ умомъ, вырваться изъ того полу-варварства, въ которомъ слишкомъ долго оставалась древняя Россія? Прежнее, до-петровское движеніе Россіи, на которое ссылается Карамзинъ, въ самомъ дѣлѣ было такъ тихо и такъ «едва замѣтно», что въ національной жизни вовсе не представляло собой никакой дѣйствительной силы, какою стала потомъ реформа. На многія жалобы противъ Петра отвѣчалъ очень удовлетворительно самъ Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника».

Аргументы Карамзина противъ реформы, очень благовидные по наружности, вообще однако слишкомъ натянуты и далеко не доказательны.

Петръ Великій унижалъ народный духъ, пренебрегалъ старыми обычаями, представлялъ ихъ смѣшными и глупыми; «государь Россіи унижалъ россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ: презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ?» Карамзинъ припоминаетъ, что этотъ народный духъ и вѣра спасли Россію при самозванцахъ. Этотъ духъ «есть ни что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, ни что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству.... Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія: художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода, не мѣшали заведенію школъ» и т. д. Это справедливо было относительно одежды, пищи и бороды, но только съ сантиментальной точки зрѣнія можно было думать, что просвѣщеніе могло обойтись безъ столкновенія съ нравами. Просвѣщеніе, конечно, заключается въ знаніи нужнаго для благоденствія, но въ томъ и состоитъ спорный пунктъ, что благоденствіе представляется совершенно различно на разныхъ ступеняхъ просвѣщенія Существуетъ обыкновенно большое разстояніе не только между людьми просвѣщенными и непросвѣщенными, но и между людьми, стоящими на различныхъ ступеняхъ просвѣщенія, и эта разница въ степеняхъ просвѣщенія всегда въ практическихъ примѣненіяхъ была источникомъ несогласія и недовѣрія двухъ сторонъ другъ къ другу. Самая слабая доля просвѣщенія способна вызвать въ грубой массѣ подозрительность и вражду, и опредѣляя дѣло исторически, трудно сказать, съ которой стороны эта вражда высказалась раньше, которая сдѣлала вызовъ

и которая была болѣе неправа. Карамзину могло быть извѣстно, что народный разладъ изъ-за стараго и новаго начался еще задолго до Петра, что даже то «медленное и тихое» движеніе,—которое обнаруживала Россія XVI — XVII вѣка и которое выразилось и въ Никоновской реформѣ книгъ,—взволновало народную массу до того, что она раскололась на двѣ смертельно враждебныя стороны. Петръ еще въ дѣтствѣ пережилъ впечатлѣнія этого страшнаго раздора; вражда старой Россіи противъ него началась еще въ то время, когда онъ самъ не сдѣлалъ еще ничего противъ нея: настоящая старая Россія ушла въ расколъ еще при Никонѣ, и слѣдствія *этого* раздора, явившагося задолго до дѣятельности Петра и независимо отъ него, конечно играли главнѣйшую роль въ томъ разладѣ, вину котораго сваливаетъ Карамзинъ на одного Петра. Каковы могли быть отношенія между двумя сторонами въ то время, когда реформа еще только обдумывалась и начиналась и когда однако противъ нея уже *готова* была оппозиція настоящей, т.-е. раскольничьей древней Россіи, объ этомъ даютъ понятіе страшные факты исторіи стрѣлецкаго бунта. Чтò могъ думать Петръ, объ этомъ Карамзинъ могъ судить по своимъ собственнымъ мыслямъ, когда, въ прежнее время, онъ самъ думалъ, что Петръ долженъ былъ «свернуть голову» старому русскому упорству и невѣжеству (см. «Письма русскаго путешественника»).

Карамзинъ могъ бы и съ другой стороны изслѣдовать, насколько это «униженіе народнаго духа» было личной ошибкой и виной Петра. Въ самомъ дѣлѣ, это униженіе было само по себѣ слишкомъ естественнымъ результатомъ крайней загнанности народа, и «чернаго» и бѣлаго. Іоаннъ Грозный говорилъ о русскихъ съ презрѣніемъ, на которое, конечно, имѣлъ не больше права, чѣмъ Петръ Великій; у Петра презрѣніе къ народнымъ обычаямъ не было по крайней мѣрѣ явленіемъ безумнаго тиранства и произвола и вызывалось мотивами, которые совершенно понятны; его собственныя побужденія часто были истинно возвышенны. «Униженіе народнаго духа» дошло до него, какъ готовая традиція,—потому что еще съ Іоанна IV верховная власть московская уже вполнѣ приняла характеръ восточнаго деспотизма, который не останавливался ни передъ какими соображеніями человѣческаго достоинства и уваженія къ народу. Послѣ того, чтò позволялось противъ народа въ прежнія и въ позднѣйшія времена, вина Петра находитъ себѣ много извиненій. До какой степени это «униженіе» вытекало изъ цѣлаго характера жизни,—страннымъ образомъ обнаружилось потомъ въ царствованіе самого Александра, когда, по возвращеніи изъ Европы, онъ не разъ высказывалъ пре-

небреженіе къ русскому и русскимъ, которое едва ли было извинительнѣе, чѣмъ оскорбленіе народныхъ обычаевъ Петромъ Великимъ.

Въ сужденіяхъ о реформѣ еще разъ обнаружилось свойство сантиментальныхъ взглядовъ Карамзина. Онъ всегда рекомендовалъ «просвѣщеніе» и «добродѣтель» какъ панацею всѣхъ гражданскихъ и государственныхъ золъ, но онъ какъ будто никогда не думалъ о томъ, что въ практической жизни «просвѣщеніе» не можетъ оставаться однимъ пріятнымъ «украшеніемъ ума», а что оно можетъ вести за собой такую перемѣну понятій, которая будетъ отражаться перемѣнами и волненіемъ въ самой жизни, въ ея нравахъ и устройствѣ. Съ этимъ туманнымъ представленіемъ Карамзинъ остался на вѣкъ: если онъ, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, дурно понималъ умственныя потребности русскаго общества, когда писалъ свои «Письма», то также точно онъ не понималъ ихъ и послѣ, черезъ двадцать и тридцать лѣтъ;—онъ мало понималъ ихъ условія и въ прошедшемъ.

Карамзинъ считаетъ вредной ошибкой уничтоженіе патріаршества, и жалуется, что со временъ Петра духовенство въ Россіи упало. По его мнѣнію, патріаршество не было опасно для самодержавія, потому что «первосвятители имѣли у насъ одно право—вѣщать истину государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать». Напротивъ, Петръ уже испытывалъ противодѣйствіе церковной власти, которая, по низкому уровню тогдашняго образованія въ русскомъ духовенствѣ, пожалуй не замедлила бы и болѣе сильнымъ противодѣйствіемъ, еслибы патріаршество продолжало существовать въ старинной его формѣ и стилѣ. Столкновеніе было неизбѣжно, потому что въ сущность реформы Петра входила секуляризація верховной власти, которая прежде имѣла сильныя ѳеократическія примѣси—конечно, отживавшія свой вѣкъ въ XVIII столѣтіи. Упадокъ вліянія духовенства не подлежитъ сомнѣнію, но онъ произошелъ не отъ того, что духовенство хотѣли унижать, а отъ того, что оно само отстало отъ движенія, которое шло въ свѣтской образованности. Петръ легко сходился съ тѣмъ духовенствомъ, которое могло, по своему образованію, помогать его планамъ: оттого выдвигаются при немъ духовныя лица западно-русскаго, кіевскаго образованія, какъ Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ. Несмотря на мирный характеръ духовенства, Карамзинъ видитъ однако возможность столкновеній, но на этотъ случай онъ рекомендуетъ нѣсколько макіавелическія правила, которыя несовсѣмъ согласны съ «добродѣтелью», которую онъ обыкновенно рекомендуетъ государямъ: «*Умный* монархъ въ дѣлахъ государственной пользы всегда найдетъ спо-

собѣ согласить волю митрополита или патріарха съ волею верховною; но лучше, если сіе согласіе *имѣетъ видъ свободы* и внутренняго убѣжденія, а не вѣрноподданнической покорности», т.-е. другими словами, — съумѣетъ втихомолку произвести тоже принужденіе, которое Петръ предпочелъ сдѣлать болѣе откровеннымъ образомъ? Это дѣйствительно и практиковалось не одинъ разъ на дѣлѣ, и нельзя сказать, чтобы эта практика—которую, конечно, нельзя скрыть—содѣйствовала къ возвышенію значенія духовенства въ глазахъ общества.

Свои выводы о реформѣ и ея слѣдствіяхъ Карамзинъ высказываетъ въ сожалѣніи о томъ, что мы, хотя во многомъ лучше нашихъ предковъ, но съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскія. «*Имя русскаго*—говоритъ онъ— имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь—первое государство. Пусть назовутъ то *заблужденіемъ;* по какъ оно *благопріятствовало любви къ отечеству* и нравственной силѣ его! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; *спрашиваю* (!): кому бы легче было покорить Россію— невѣрнымъ или братьямъ? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ, или Өеодорѣ, вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣкъ оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы *стали* гражданами міра (!), но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною—Петръ».

Здѣсь опять исторически ошибочно то преувеличеніе «многихъ выгодъ иноземныхъ обычаевъ», будто бы пріобрѣтенныхъ русскими *до* Петра,—на которое мы имѣли случай указывать,— и чрезвычайно странны разсужденія о гражданскихъ добродѣтеляхъ старины, утраченныхъ потомками. Чтобы выставить дѣло ярче, Карамзинъ по обыкновенію не постоялъ за преувеличеніями. Обвинять русскихъ, что они стали слишкомъ «гражданами міра» — можно было развѣ только для смѣха, потому что «гражданъ міра», если ужъ они были, было развѣ пять человѣкъ, а народная масса оставалась совершенно вѣрна взглядамъ древней

Руси. Въ слѣдующемъ же году Карамзинъ долженъ былъ увидѣть доказательства; народъ считалъ Наполеона Антихристомъ, его войско—нехристями, не людьми; больше нечего было желать. Въ образованномъ меньшинствѣ были, правда, люди, въ которыхъ Карамзинъ могъ справедливо находить упадокъ этой древнерусской добродѣтели, были люди, которые дѣйствительно сомнѣвались, что «правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ» и проч.,—но совершенно непонятно, что́ хотѣлъ сказать Карамзинъ и чего онъ хотѣлъ требовать отъ этихъ людей? Если было тогда справедливо, что «имя русскаго» потеряло «силу неисповѣдимую», какую имѣло въ тѣ времена, когда думали, что «правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь—первое государство»,—это просто объяснялось тѣмъ, что многіе стали считать эти древнія мнѣнія *заблужденіемъ*: неужели надо было сохранять это наивное заблужденіе старины людямъ, которые были уже нѣсколько образованы, знали другіе примѣры и могли сравнивать? Смѣшно было говорить, что русскіе заразились космополитизмомъ, но у людей образованныхъ дѣйствительно являлось новое понятіе о національномъ достоинствѣ и «совершеннѣйшемъ гражданинѣ», понятіе, при которомъ они не могли держаться патріархальныхъ убѣжденій старины и вмѣстѣ не могли восхищаться настоящимъ порядкомъ вещей, гдѣ «совершеннѣйшее гражданство» было невозможно. Весь смыслъ новой исторіи общества и состоялъ именно въ томъ, что оно пріобрѣтало съ увеличеніемъ образованія и новыя нравственно-общественныя понятія и стремилось дать имъ мѣсто въ жизни. Только такой смыслъ и могло имѣть «просвѣщеніе», если оно имѣло у насъ какой-нибудь смыслъ, и этого опять совершенно не понималъ тотъ же писатель, который такъ много и съ такимъ жаромъ разсуждалъ о просвѣщеніи.

Свои жалобы на упадокъ старинныхъ гражданскихъ добродѣтелей, Карамзинъ подтверждаетъ ссылкой на вельможъ, которые столь охладѣли къ отечеству, что спокойно́ читаютъ въ европейскихъ столицахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ. Какъ видимъ, это тотъ же пресловутый вопросъ объ абсентеизмѣ, который еще недавно снова трактовался въ нашей литературѣ и котораго никакъ не могутъ разрѣшить люди мнѣній Карамзина и московскаго «Дня». Достаточно сказать, что абсентеисты пожалуй даже старѣе петровской Россіи, — потому что, собственно говоря, еще Курбскій былъ абсентеистомъ, потомъ, говорятъ, еще при Годуновѣ русскіе, посланные за границу въ ученье, не возвратились потомъ въ Россію, — и причины новѣйшаго абсентеизма достаточно ясны: для одних это было тяго-

стное чувство отъ отсутствія сколько-нибудь свободной умственной и гражданской жизни дома; для другихъ,—и особенно для тѣхъ людей, которыхъ разумѣлъ Карамзинъ,—полная гражданская испорченность, источникъ которой лежалъ въ тѣхъ же домашнихъ условіяхъ. Эти послѣдніе были обыкновенно люди, которые, воспитавшись въ аристократической сферѣ, никогда не имѣли никакого интереса къ народу, избалованные крѣпостными богатствами, видѣли въ русскомъ народѣ только мужиковъ, доставлявшихъ деньги. Полагаемъ, что нѣтъ надобности подробно объяснять, что виной этого явленія была вовсе не реформа Петра, вовсе не то, что эти люди вмѣсто русскаго кафтана надѣли французскій кафтанъ, — а именно тотъ порядокъ вещей, который осыпается похвалами Карамзина и который онъ совѣтуетъ еще укрѣпить и усилить.

Выводъ Карамзина о Петрѣ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ великъ безъ сомнѣнія, но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей». Мы видѣли отчасти, насколько можно приписывать Петру упадокъ русскихъ гражданскихъ добродѣтелей. Карамзинъ соглашается, что самая дѣятельность Петра была возможна только при безграничности его власти: «въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной: ничто не казалось ему страшнымъ». Такая власть создана была древней Россіей, такой власти и желалъ Карамзинъ для Россіи, и можно было бы спросить: на какихъ же основаніяхъ можно указывать ей образъ дѣйствій? Что̀ можетъ удерживать ея заблужденія и излишества, если, по мнѣнію Карамзина, она не должна имѣть никакихъ ограниченій? Карамзинъ отвѣчаетъ вообще: «добродѣтель», а здѣсь приводитъ еще аргументы, вычитанные изъ «Общественнаго Договора». Сказавъ о томъ, какъ Петръ Великій попиралъ народные обычаи, т. е. одежду, пищу, бороду, патріарха и т. д., Карамзинъ говоритъ: «Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ, *въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами*, сказалъ имъ: блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго,—но не сказалъ: противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Все это прекрасно, но кому же извѣстно что-нибудь объ этомъ первоначальномъ завѣтѣ, и отчего еще, если возможенъ былъ одинъ завѣтъ, невозможенъ другой?

Итакъ, древняя Россія была создана и возвеличена единодер-

жавіемъ и самодержавіемъ. Тѣмъ же самодержавіемъ она была преобразована при Петрѣ. Петръ былъ великій мужъ, который самыми ошибками доказываетъ свое величіе: «какъ хорошее, такъ и худое онъ дѣлаетъ на вѣки». Но дѣло его осталось неконченнымъ, и преемники его до самой Екатерины неспособны были быть его продолжателями.

Картина XVIII-го вѣка въ «Запискѣ» Карамзина довольно безпристрастна, хотя она опять не приводитъ его къ правильному уразумѣнію настоящаго состоянія народа и общества. Въ первое время послѣ Петра, «пигмеи спорили о наслѣдіи великана; аристократія, олигархія губили отечество», вслѣдствіе того, «самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка». При Аннѣ оно и возстановилось вполнѣ, — но дѣло не поправилось: «истинные друзья престола и Анны гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давалъ право ждать милостей царскихъ». Затѣмъ два новые заговора, Биронъ и правительница Анна теряютъ власть и свободу, вступаетъ на престолъ Елизавета. «Усыпленная нѣгою монархиня давала канцлеру Бестужеву волю торговать политикою и силами государства»; только счастье спасало Россію отъ чрезвычайныхъ золъ, но «счастіе не могло спасти государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова». Характеръ правленія не отличался мягкостью: «грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей; осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильнаго; еще пытки и тайная канцелярія существовали». Потомъ новый заговоръ, и за нимъ паденіе и смерть «жалкаго» Петра III, и воцареніе Екатерины.

Мы указывали выше, какими неумѣренными восхваленіями Карамзинъ прославлялъ Екатерину въ своемъ «Похвальномъ Словѣ». Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и тотъ же Карамзинъ самъ опровергаетъ свой панегирикъ, потому что, хотя и здѣсь онъ преклоняется передъ «истинной преемницей величія Петрова и второю образовательницей новой Россіи», но видитъ и слабыя стороны царствованія, которыхъ даже на его взглядъ оказывается очень много. Не будемъ спорить о томъ, насколько «ею смягчилось самодержавіе», дѣйствительно ли «страхи тайной канцеляріи изчезли» и т. д. Для примѣра противорѣчій пришлось бы перебрать все «Похвальное Слово» и все, что говорится объ Екатеринѣ въ «Запискѣ». Довольно нѣсколькихъ указаній. Такъ, по «Похвальному Слову» Екатерина «научила насъ любить въ порфирѣ добродѣтель», а здѣсь самъ же Карамзинъ, говоря о нравахъ тогдашняго двора, спрашиваетъ: «богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лицо

красивое?» Картина, которую онъ рисуетъ теперь, ясно показываетъ, что внѣшній блескъ того времени покрывалъ чрезвычайную внутреннюю неурядицу. Указавъ, въ числѣ «нѣкоторыхъ пятенъ» царствованія Екатерины, на испорченность придворныхъ нравовъ, Карамзинъ продолжаетъ: «Замѣтимъ *еще*, что *правосудіе не цвѣло* въ сіе время.... Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе *блеска*, нежели *основательности*: избиралось не лучшее по состоянію вещей, но *красивѣйшее по формамъ*.... Екатерина дала намъ суды, не образовавъ судей, дала правила безъ средствъ исполненія.... Чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ [1]); дворъ *забылъ языкъ русскій*; отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши, *дворянство одолжало*; *дѣла безчестныя*, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали *обыкновенные*.... Екатерина — великій мужъ въ главныхъ соображеніяхъ государственныхъ — являлась женщиною въ подробностяхъ монаршей дѣятельности, *дремала на розахъ, была обманываема;* не видала, или *не хотѣла видѣть* многихъ злоупотребленій....» и т. д. Несмотря на то, царствованіе Екатерины осталось для него идеаломъ и онъ указываетъ въ немъ Александру образецъ для подражанія!

Итакъ, Карамзинъ могъ самъ видѣть, когда хотѣлъ видѣть, потому что если приведенныя слова и не заключаютъ еще полнаго изображенія тѣхъ внутреннихъ неустройствъ и общественныхъ тягостей, которыхъ много представляло прославленное царствованіе, то все-таки здѣсь указано многое. Понятно, что все это стало ясно Карамзину не теперь только; онъ самъ говоритъ, что «въ послѣдніе годы ея жизни.... мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину». Въ описаніи царствованія Павла Карамзинъ говорилъ всю правду, и относительно общественнаго настроенія высказываетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, россіяне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное *остервенѣніе противъ злоупотребленій власти* заглушало голосъ личной осторожности» [2]). Всѣ эти

---

[1]) Карамзинъ ставитъ это въ число «вредныхъ слѣдствій Петровой системы»; проще и вѣрнѣе было бы поставить это въ число вредныхъ слѣдствій стариннаго невѣжества, потому что потребности въ образованіи нельзя было удовлетворить русскими средствами, которыя были еще слишкомъ слабы.

[2]) Карамзинъ говоритъ, что это было «дѣйствіе Екатеринина человѣколюбиваго царствованія», которое «не могло быть истреблено въ четыре года Павлова»—дѣло

опыты, повидимому, могли бы навести на нѣкоторыя сомнѣнія, или по крайней мѣрѣ, если Карамзинъ былъ слишкомъ привязанъ къ своей системѣ, внушить больше осмотрительности въ ея доказательствахъ. Но онъ, по обыкновенію, всѣ трудности обходитъ словами, и всѣ опыты были напрасны. Увидѣвъ и испытавъ даже на себѣ недостатки правленія Екатерины, онъ способенъ былъ потомъ писать самый неумѣренный панегирикъ, старательно обдѣлывая его реторическія украшенія, и послѣ царствованія Павла, описавъ «остервенѣніе», неспособенъ былъ понять, что при такомъ ходѣ вещей въ людяхъ, истинно преданныхъ отечеству, могло явиться глубокое сомнѣніе въ самой системѣ и искреннее желаніе найти какую-нибудь гарантію безопасности и спокойствія.

Карамзинъ говоритъ, что благоразумнѣйшіе россіяне сожалѣли, что зло вреднаго царствованія было пресѣчено способомъ вреднымъ. Сожалѣніе было конечно справедливо. Онъ разсуждаетъ далѣе, что подобные заговоры сдѣлаютъ самодержавіе только игралищемъ олигархіи, и поведутъ къ безначалію, которое ужаснѣе самаго злѣйшаго властителя. «Кто вѣритъ Провидѣнію— говоритъ онъ—да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго! Снесемъ его какъ бурю, землетрясеніе, язву, феномены страшные, но рѣдкіе: ибо мы въ теченіе 9-ти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ.... Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія государей! Да устрашаютъ и государей для спокойствія народа!» и т. д.

Этими словами Карамзинъ устранялъ самый вопросъ о преобразованіяхъ, поставленный въ началѣ царствованія Александра самой властью. Въ словахъ Карамзина заключалась конечно цѣлая политическая система. Карамзину нужно было сказать эти слова, чтобы поддерживать потомъ свою теорію безусловнаго подчиненія и безправной покорности, и изображать врагами божескими и человѣческими людей, которые думали бы иначе. Карамзинъ хочетъ отнять у общества самую мысль объ усовершенствованіи порядка вещей, подъ которымъ оно живетъ. Это—воля Провидѣнія! сносите ее какъ бурю, какъ землетрясеніе, и не помышляйте о томъ, чтобы могъ наступить иной порядокъ вещей, въ которомъ право и законъ устраняли бы необходимость подвергаться землетрясеніямъ. Мы уже видѣли эти ссылки на Провидѣніе, которыя такъ часто злоупотребляются въ подобныхъ случаяхъ. Чѣмъ могъ онъ ручаться, что онъ

достаточно объясняется чувствомъ «общаго бѣдствія», на которое указываетъ онъ самъ.

вѣрно истолковываетъ событія, что волю Провидѣнія исполняло именно то событіе, которое онъ указываетъ, а не другое? Если онъ въ одномъ случаѣ будетъ указывать намъ бичъ гнѣва небеснаго для народа (и за что?), то другіе объяснятъ другія событія какъ наказаніе для самой власти за неисполненіе *ея* обязанностей. Тотъ, «кто вѣритъ Провидѣнію», безъ сомнѣнія можетъ принимать одинаково и то, и другое...

Далѣе, за недостаткомъ другихъ политическихъ принциповъ, Карамзинъ хочетъ только пугать и государей и народъ опасностью заговоровъ. «Заговоры суть бѣдствія—говоритъ онъ тамъ же—колеблющія основу государствъ и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно губить монарховъ, или смѣнять ихъ, что̀ будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи, и должно скоро обратиться въ безначаліе...» Совершенно справедливо; но этотъ самый порядокъ вещей, обычный нѣкогда только въ византійскомъ и турецкомъ Константинополѣ, проходитъ через все наше XVIII-е столѣтіе, благодаря безсилію закона и безправности общества. Поэтому именно первыя либеральныя стремленія Александра избѣжать подобныхъ колебаній установленіемъ какихъ-нибудь прочныхъ законовъ и возбужденіемъ подавленнаго до тѣхъ поръ общества, и были вѣрнымъ пониманіемъ исторической потребности.

Карамзинъ говоритъ въ утѣшеніе, что «мы въ теченіи 9-ти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ», — утѣшеніе очень простодушное или лицемѣрное. Онъ самъ передъ тѣмъ только называлъ тиранническими многія мѣры самого Петра, которыя были иногда дѣйствительно жестоки; онъ самъ только что разсказывалъ объ угнетеніи отъ разныхъ властолюбивыхъ олигарховъ, при Екатеринѣ I, при Аннѣ, при Елизаветѣ. Или, по его мнѣнію, тиранство есть только прямое истребленіе людей, огнемъ и мечемъ, какъ бывало при Иванѣ Грозномъ?...

Съ такимъ предисловіемъ приступаетъ онъ къ царствованію Александра. Эта часть «Записки» есть самое рѣшительное отрицаніе либеральныхъ предпріятій первыхъ годовъ царствованія.

Мы видѣли, что эти предпріятія были часто очень несостоятельны, по нерѣшительности самого императора и недостатку реальныхъ свѣдѣній у него самого и его помощниковъ. Когда прошло нѣсколько времени, эти свойства дѣла стали обнаруживаться сами собой, и потому не особенно трудно было видѣть ихъ слабыя стороны и противорѣчія; и Карамзинъ часто указываетъ ихъ довольно искусно. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ правъ въ своей критикѣ. Во-первыхъ, она была ошибочна теоретически,

потому что для исправленія неудачъ предлагала полную общественную и государственную неподвижность. Нравственно, онъ не былъ правъ потому, что винилъ Александра не только за его личныя ошибки, но и за ошибки цѣлой эпохи, цѣлаго общественнаго настроенія, отъ которыхъ не былъ вовсе свободенъ и самъ критикъ, потому что онъ самъ былъ въ числѣ людей, которые прежде создавали кругомъ Александра фальшивыя и вредныя иллюзіи.

Указавъ, что въ началѣ царствованія господствовали въ умахъ два мнѣнія: одно, желавшее ограниченія самовластія, другое, хотѣвшее только возстановленія Екатерининской системы, Карамзинъ присоединяется къ послѣднему, и смѣется надъ тѣми, кто думалъ «законъ поставить выше государя». Ему можно было бы напомнить, что въ ту пору и самъ онъ въ своихъ одахъ Александру «пѣлъ» свободу («сколь ты свобода намъ мила»), вызывалъ Александра «давать уставы» («свобода тамъ, гдѣ есть уставы»), и въ примѣръ указывалъ самого Бога:

> Его велѣньямъ нѣтъ препоны
> . . . .
> Онъ можетъ все, но свято чтитъ
> Его жъ премудрости законы, –

другими словами, Карамзинъ говорилъ тоже самое, надъ чѣмъ теперь насмѣхался. Ему бы слѣдовало, по крайней мѣрѣ, быть умнѣе прежде, потому что, какъ теперь оказывалось по его словамъ, дѣло было совсѣмъ невѣроятное.

«Кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? — спрашиваетъ онъ. Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники царя, во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти, вижу аристократію, а не монархію. Далѣе: что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрагается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто»... Карамзинъ грозитъ, что съ перемѣною государственнаго устава Россія должна погибнуть, что самодержавіе необходимо для единства громадной и состоящей изъ разнообразныхъ частей имперіи, что наконецъ монархъ не имѣетъ права законно ограничить свою власть, потому что Россія вручила его предку самодержавіе нераздѣльное; наконецъ, предположивъ даже, что Александръ предпишетъ

власти какой-нибудь уставъ, то будетъ ли его клятва уздою для его преемниковъ, безъ иныхъ способовъ, невозможныхъ или опасныхъ для Россіи? «Нѣтъ, — продолжаетъ онъ, — оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіяхъ власти: да царствуетъ добродѣтельно! да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? *страхомъ*—возбудить *всеобщую ненависть* въ случаѣ противной системы царствованія»...

Здѣсь высказаны, конечно, всѣ возраженія, какія можно было сдѣлать противъ такого октроированія конституціонныхъ учрежденій, о какомъ тогда думали. Эти возраженія очень сильны, и для тогдашнихъ отношеній они справедливо указывали если не невозможность, то чрезвычайную затруднительность предпріятія. Но мнѣніе Карамзина, отчасти вѣрное для данной минуты, заключало въ себѣ ту всегдашнюю ошибку фанатическаго консерватизма, что Карамзинъ рѣшалъ вопросъ и за будущее. Въ этомъ отношеніи либералы видѣли дальше, или предчувствовали вѣрнѣе. Для общества, раньше или позже, долженъ былъ наступить періодъ, когда оно пойметъ необходимость преобразованія и когда его все-таки пришлось бы совершить. Либералы и не думали тогда о полной конституціонной реформѣ; они думали только о нѣкоторыхъ освободительныхъ мѣрахъ, о первомъ возбужденіи общественной дѣятельности, безъ которой наконецъ немыслимо было правильное развитіе и внутреннее благосостояніе страны. Вопросъ шелъ только *о приготовленіи* другого лучшаго порядка, и эта забота была совершенно основательна, потому что для разсудительныхъ людей негодность стараго была очевидна. Карамзинъ для бо́льшей убѣдительности опять прибѣгаетъ къ системѣ устрашенія, и пугаетъ Александра двумя львами, терзающими другъ друга въ одной клѣткѣ. Само собою разумѣется, что «двухъ львовъ» въ тогдашней Россіи не могло бы отыскаться, и дѣло шло вовсе не о борьбѣ двухъ равныхъ политическихъ силъ, а только объ уничтоженіи безурядицъ, одинаково тяжелыхъ и для власти и для общества, и противъ которыхъ правительство, чувствуя себя безсильнымъ, хотѣло воспользоваться и содѣйствіемъ общества. Средства, предложенныя самимъ Карамзинымъ, были конечно ученическимъ мудрствованіемъ: что значитъ — править добродѣтельно, пріучать ко благу? Это были въ данномъ случаѣ ничего не значущія фразы, нравоученіе, годное только для прописей: чтобы править по истинѣ «добро-

дѣтельно», надо было бы прежде всего сдѣлать такія вещи, отъ которыхъ Карамзинъ первый пришелъ бы въ ужасъ—напримѣръ, хоть освободить съ хорошимъ надѣломъ крестьянъ. И отчего монархъ не могъ бы быть добродѣтеленъ и при томъ порядкѣ вещей, противъ котораго Карамзинъ вооружался? Онъ тогда не посмѣялся бы «десять разъ» на дѣлаемыя ему представленія, напротивъ соглашался бы съ ними, когда они справедливы, и слѣдовательно дѣло пошло бы какъ нельзя лучше. Въ концѣ концовъ, послѣ внушеній о добродѣтели, Карамзинъ находитъ только одно средство «удержать будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти»—это страхъ народной ненависти, конечно съ ея послѣдствіями. Это дѣйствительно заставляетъ иногда государей воздерживаться отъ слишкомъ жестокой тиранніи; но неужели для правителей нѣтъ другого побужденія оставаться въ предѣлахъ благоразумія и справедливости, и неужели неправы были люди, которые стремились къ такому государственному порядку, гдѣ можно было бы избѣгать этого ужаснаго крайняго средства?

Рѣшивъ этотъ первый вопросъ, Карамзинъ переходитъ къ разсмотрѣнію внѣшней и внутренней дѣятельности правительства. Указавъ, какъ всѣ «россіяне» согласны были въ добромъ мнѣніи о качествахъ монарха, его ревности къ общему благу и т. д., Карамзинъ собираетъ твердость духа, чтобы «сказать истину», что «Россія наполнена недовольными: жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры»... Что Россія очень могла быть наполнена недовольными, это было совершенно возможно,—но, если исключить чиновническій міръ, раздраженный тогда указомъ объ экзаменахъ, и дворянство, большинство котораго опасалось либеральныхъ мѣръ правительства по крестьянскому вопросу,—это недовольство едва ли не было преувеличено Карамзинымъ въ смыслѣ его тенденціи. По крайней мѣрѣ, мы видѣли, что люди той же тенденціи говорили эти самыя вещи уже на второй и третій годъ царствованія Александра, когда, конечно, было гораздо меньше поводовъ къ недовольству.

Карамзинъ начинаетъ съ суроваго осужденія внѣшней политики, ошибокъ дипломатическихъ и военныхъ. Онъ осуждаетъ въ особенности посольство графа Маркова, его высокомѣріе въ Парижѣ и воинственный задоръ нѣкоторыхъ лицъ при дворѣ. По дешевому способу—осуждать вещи, не имѣвшія успѣха, онъ сурово обличаетъ дѣйствія, результатъ которыхъ былъ неудаченъ, и не забываетъ «стараго министра», который, «съ тонкою улыбкою давалъ чувствовать, что онъ способствовалъ графу Маркову

получить голубую ленту въ досаду Консулу». Въ самомъ дѣлѣ, воинственный азартъ есть одна изъ самыхъ антипатичныхъ и пошлыхъ вещей, какими могутъ страдать народы и правительства; но Карамзину могли бы возразить, что въ дѣлахъ съ Наполеономъ замѣшивалась наконецъ и національная честь, которою правительства не могутъ не дорожить. Кромѣ того, на правительствѣ могли отражаться и взгляды тѣхъ «добрыхъ россіянъ», на которыхъ такъ часто ссылается Карамзинъ: что̀ они говорили тогда, и какой образъ дѣйствій могло бы извлечь правительство изъ ихъ сужденій, если бы къ нимъ прислушивалось? Масса «добрыхъ россіянъ» была уже издавна проникнута полнѣйшимъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости «россовъ» и въ ихъ превосходствѣ надъ всѣми другими народами и предавалась національному самохвальству, которое съ XVIII-го вѣка въ особенности распространяла рабски-льстивая литература одъ, похвальныхъ словъ и т. д., и которое по мѣрѣ силъ поощрялъ и самъ Карамзинъ въ своемъ «Вѣстникѣ Европы». Въ отвѣтъ на обвиненія, графъ Марковъ и «старый министръ» (съ такой же «тонкой улыбкой») могли бы сказать Карамзину, что они въ его же собственномъ журналѣ въ то самое время вычитали, и имѣли неблагоразуміе повѣрить, что «колоссъ Россіи ужасенъ», что «рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля», что «никогда величіе Россіи не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ», что «она можетъ презирать обыкновенныя хитрости дипломатики» и т. д., и т. д.

Въ разборѣ внутреннихъ преобразованій, Карамзинъ находитъ еще больше поводовъ къ осужденіямъ. Измѣнять было нечего, по его словамъ,—стоило только возстановить Екатерининскіе порядки и все было бы прекрасно. «Сія система правительства (Екатерининская) не уступала въ благоустройствѣ никакой иной европейской, заключая въ себѣ, кромѣ общаго со всѣми, нѣкоторыя особенности, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами имперіи». Этого и слѣдовало держаться. Но,—«вмѣсто того, чтобы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ исправить по основательному размышленію, совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правило мудрыхъ (?), что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгнуть только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ и все дѣлаемъ лучше отъ привычки».

Такова была основа мнѣнія Карамзина. Но онъ только-что

передъ тѣмъ, изображая правленіе Екатерины, описывалъ (и все еще очень неполно) то жалкую, то ужасную картину внутренней неурядицы, какую создавала «сія система». Императоръ Александръ былъ почти юношей, когда вступалъ на престолъ, конечно далеко еще не имѣлъ практическаго знанія жизни,— но онъ уже въ то время гораздо яснѣе «глубокаго знатока исторіи» понималъ недостатки этой системы и больше имѣлъ сердца къ тому бѣдственному положенію вещей, которое при ней развивалось,—къ угнетенію народной массы, ко всеобщему грабежу, ко всеобщему неправосудію и т. д. Конечно, глубже чувствовали историческую потребность тѣ, кто желалъ широкой реформы, нежели тѣ, кто желалъ только починки и штопанья стараго хлама. Исполненіе было неудачно, потому между прочимъ, что и задача была трудна, — но основная мысль, выставленная совѣтниками Александра, сдѣлаетъ имъ честь въ исторіи. «Исправить по основательному размышленію», — но если основательное размышленіе и приводило къ мысли, что старыми способами нельзя ничего поправить? «Правило мудрыхъ» подлежитъ большому сомнѣнію, потому что въ государственномъ порядкѣ всякая новость есть благо, когда она устраняетъ какое-нибудь застарѣлое зло,—а этого, по крайней мѣрѣ, желали (и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достигли) совѣтники Александра.

Переходя къ частностямъ, Карамзинъ строго критикуетъ новыя учрежденія Александра, напр. учрежденіе министерствъ, мѣры по министерству народнаго просвѣщенія, устройство милиціи, предположенія объ освобожденіи крестьянъ, мѣры финансовыя, проекты законодательные и т. д. Мы не будемъ подробно приводить его обличеній, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, относящіяся къ дѣятельности Сперанскаго, были уже указаны авторомъ «Жизни Сперанскаго», который во многихъ случаяхъ вѣрно оцѣнилъ ихъ достоинство. Мы ограничимся общими замѣчаніями и тѣми подробностями, которыя менѣе извѣстны.

Карамзинъ считалъ министерства вещью вовсе ненужной и предпочиталъ старыя коллегіи [1]). Онъ ставитъ въ великое преступленіе авторамъ новаго учрежденія поспѣшность, съ какой оно было введено, и тѣ временныя практическія неудобства, которыя были почти неизбѣжны при установленіи новой администраціи. Все новое для него дурно, все старое прекрасно: «съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокурорами у насъ шли дѣла и прошло *блестящее* царствованіе Екатерины II» (*какъ* прошло, это онъ только-что разсказывалъ за нѣсколько стра-

[1]) См. «Жизнь Сперанскаго», I, 132—144.

ницъ); въ коллегіяхъ трудились «знаменитые чиновники», у нихъ былъ «долговременный навыкъ», «строгая отвѣтственность»—въ министерствахъ ничего этого не было. Біографъ Сперанскаго показалъ уже, насколько правды было въ этомъ восхваленіи старыхъ коллегій и дѣйствительно ли таковы были труды «знаменитыхъ чиновниковъ». Онъ замѣтилъ здѣсь и то противорѣчіе, какихъ вообще не мало въ запискѣ Карамзина и которыя производятъ очень непріятное впечатлѣніе, заставляя предполагать въ авторѣ или крайнюю необдуманность, или не совсѣмъ хорошій выборъ полемическихъ средствъ. Карамзинъ въ одномъ мѣстѣ претендуетъ, что правительство, создавая учрежденіе, не объясняло своихъ основаній и побужденій: «Говорятъ россіянамъ: было такъ, отнынѣ будетъ иначе; для чего?—не сказываютъ», и ссылается на Петра: «Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ *давалъ отчетъ народу:* взгляните на Регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего устава». Но въ другомъ мѣстѣ, Карамзинъ съ такой же смѣлостью утверждаетъ, что «въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи государевой.» Къ чему же было ссылаться на Петра, который и раскрывалъ свою душу именно затѣмъ, чтобы внушить одобреніе къ своимъ законамъ? Немного далѣе, Карамзинъ, отвергая мысль объ отвѣтственности министровъ, разсуждаетъ такъ: «Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ *безъ шума, тихо и скромно.* Худой министръ есть ошибка государева: должно исправлять подобныя ошибки, но *скрытно,* чтобъ народъ *имѣлъ довѣренность* (!) къ личнымъ выборамъ царскимъ». Итакъ, опять рекомендація способа дѣйствовать «шито и крыто», въ которомъ Карамзинъ очевидно и считалъ государственную мудрость. Эта система дѣйствій «подъ рукой», «тихо и скромно», «безъ шума»,—система, по которой практиковали старинные и позднѣйшіе Архаровы, Еропкины, Эртели и т. п., — которую такъ усердно рекомендуетъ Карамзинъ Александру и для министровъ, и для духовенства, и для жестокихъ помѣщиковъ, — сама по себѣ достаточно характеризуетъ его понятія о государственномъ управленіи.

Мѣры по министерству народнаго просвѣщенія вызываютъ опять суровѣйшія осужденія Карамзина. Императоръ Александръ— «употребилъ милліоны для образованія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества (!!). Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей,

но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ латинскій и число ихъ такъ невелико, что профессоры теряютъ охоту ходить въ классы». «Вся бѣда оттого, что мы образовали свои университеты по нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства». Тамъ множество слушателей, а у насъ — «у насъ *нѣтъ охотниковъ* для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ (!), а купцы желаютъ знать существенно ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли;... наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ» (?), а выгоды «ученаго состоянія» еще неизвѣстны. Карамзинъ думалъ, что слѣдовало, вмѣсто 60-ти профессоровъ вызвать не больше 20-ти и только увеличить число казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ: тогда «призрѣнная бѣдность черезъ 10, 15 лѣтъ произвела бы ученое состояніе» (Карамзинъ еще въ «Вѣстникѣ Европы» думалъ, что у насъ ученыхъ людей и воспитателей юношества слѣдовало бы приготовлять изъ «мѣщанскихъ дѣтей»; для дворянина, очевидно, это была бы вещь унизительная!).... «Строить и покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ—есть пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани?» и проч. Карамзинъ сильно осуждаетъ порученіе университетскаго хозяйства совѣту, осмотръ училищъ профессорами, жалуется на недостатокъ русскихъ учителей, и наконецъ рѣшаетъ, что «вообще министерство такъ называемаго (!) просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности, и какъ бы не вѣдая, что̀ ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя».

Вся тирада о министерствѣ народнаго просвѣщенія есть одно изъ самыхъ жалкихъ мѣстъ въ Запискѣ «о древней и новой Россіи». Въ словахъ Карамзина слышится такое недоброжелательство, которое даже трудно объяснить себѣ и которое производитъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе, если вспомнить, что эти слова говорились однимъ изъ первыхъ людей тогдашней литературы и образованнаго общества. Основаніе университетовъ кажется ему только прискорбнымъ убыткомъ для казны! У него нѣтъ и мысли о томъ, что еслибы даже были серьезныя ошибки въ дѣйствіяхъ министерства, то онѣ были бы весьма понятны и извинительны при первыхъ опытахъ и особенно, когда ихъ надо было дѣлать въ странѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ невѣжественной. Вмѣсто доброжелательнаго совѣта, у Карамзина нашлись только

раздражительныя осужденія. Не говоря о томъ, что человѣку, истинно любящему просвѣщеніе, не пришло бы въ голову жаловаться на *такія* траты правительства, Карамзинъ забываетъ, что еслибы тутъ и въ самомъ дѣлѣ иныя траты остались на первое время непроизводительными, *этотъ* убытокъ все-таки не могъ быть такъ великъ и вреденъ, какъ другого рода убытки, къ которымъ издавна привыкла русская казна, — убытки отъ всякаго чиновническаго грабежа и воровства, убытки въ родѣ тѣхъ, на какіе жалуется Карамзинъ, говоря о временахъ Екатерины, и т. д.; наконецъ, что этотъ убытокъ долженъ былъ вознаграждаться полезнымъ дѣйствіемъ на общество (какъ это и было) и тѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ, какого можно было ожидать отъ учебныхъ учрежденій впослѣдствіи. Онъ жалуется, что правительство основало университеты, но не приготовило учениковъ; — но, во-первыхъ, рядомъ съ университетами основаны были приготовительныя школы и гимназіи, которыя могли открывать путь въ университетъ; во-вторыхъ, правительство могло разсчитывать на прежнія учебныя заведенія и на тѣ Екатерининскія школы, которыя уже существовали и о которыхъ съ такимъ краснорѣчіемъ говорилъ и Карамзинъ въ своемъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ. Если правительство не принялось тотчасъ же само за отысканіе учениковъ для университетовъ, то въ этомъ винить его невозможно; оно весьма естественно могло ждать, что общество отзовется сколько-нибудь на его заботы и не нужно будетъ «призрѣвать» только одну бѣдность, чтобы «добрые россіяне» стали чему-нибудь учиться. «Дворяне служатъ», возражаетъ Карамзинъ; но правительство и могло ожидать, что съ открытіемъ университетовъ, съ возможностью учиться, дворяне захотятъ «служить» уже не такими невѣждами, какими они бывали... Карамзинъ страннымъ образомъ полагаетъ, что университеты основаны только для того, чтобы произвести какое-то особое «ученое состояніе», какъ будто образованіе должно ограничиваться однимъ нарочно къ тому предназначеннымъ сословіемъ; онъ думаетъ, что рѣшилъ дѣло, сказавши, что «дворяне служатъ», что «наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ» и т. д.,—что же, ни дворяне, ни судьи, ни священники не нуждаются въ образованіи, какое доставляли университеты?

И все это говорилъ тотъ же человѣкъ, который съ чувствительностью и жаромъ толковалъ бывало о просвѣщеніи, которое должно привести людей къ благополучію; — и тотъ же человѣкъ, который при первыхъ мѣрахъ этого министерства осыпалъ ихъ самыми преувеличенными восхваленіями. «Я чту ве-

ликія твои дарованія, краснорѣчивый Руссо!... но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами»,—восклицаетъ Карамзинъ въ статьѣ «Нѣчто о наукахъ», и защищаетъ просвѣщеніе отъ обвиненій Руссо, между прочимъ такими словами: «Такъ! просвѣщеніе есть *палладіумъ благонравія* — и когда вы, вы, которымъ вышняя власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ *область добродѣтели*, то любите науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы *какое нибудь состояніе* въ гражданскомъ обществѣ долженствовало *пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ* — нѣтъ! *Сіе златое солнце* сіяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; *сей текущій кристаллъ* утоляетъ жажду и властилина и невольника; *сей столѣтній дубъ* обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пастуха и героя.... *Цвѣты грацій* украшаютъ всякое состояніе — просвѣщенный земледѣлецъ....» — впрочемъ, довольно.

Обличеніе указа объ экзаменахъ приведено и объяснено въ книгѣ барона Корфа [1]). Указъ былъ черезъ мѣру требователенъ, и не мудрено было возражать на него; но и здѣсь Карамзинъ не могъ обойтись безъ преувеличеній и каррикатуры. Намѣреніе и вліяніе этого указа достаточно опредѣлены въ «Жизни Сперанскаго». Карамзинъ справедливо говорилъ, что правительство, «съ неудовольствіемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ университетахъ, желало насъ *принудить къ тому*», — дѣйствительно желало принудить, когда увидѣло, какъ упрямо старое невѣжество. Указъ былъ неудаченъ, но учиться онъ принудилъ, и трудно винить правительство, что оно употребило такое средство, когда даже лучшіе представители образованнаго общества могли разсуждать о просвѣщеніи, какъ разсуждалъ Карамзинъ. Клинъ приходилось выбивать клиномъ.

Далѣе, Карамзинъ говоритъ о крестьянскомъ вопросѣ. Онъ былъ, какъ извѣстно, рѣшительный противникъ освобожденія. Мы не стали бы оспаривать у него права быть человѣкомъ своего времени, дѣлить предразсудки и заблужденія этого времени, — еслибы Карамзинъ не давалъ намъ права предъявлять къ нему болѣе высокія требованія, чѣмъ къ массѣ его современниковъ, еслибы самъ онъ не говорилъ такъ много о натурѣ, о свободѣ, о просвѣщеніи, о человѣчествѣ: естественно требовать, чтобы онъ—въ извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ—наконецъ сколько нибудь исполнялъ тѣ прекрасныя отвлеченныя

[1]) «Жизнь Спер.», I, 180 — 181.

правила, которыми его сочиненія переполнены. Къ сожалѣнію, изъ-за красивыхъ фразъ о натурѣ и человѣчествѣ безпрестанно выглядываетъ самое дюжинное крѣпостничество.

Онъ осуждаетъ указъ, запрещавшій продажу и покупку рекрутъ, которая сдѣлалась въ то время цѣлымъ гнуснымъ промысломъ. Карамзинъ защищаетъ эту торговлю въ интересѣ «небогатыхъ владѣльцевъ», которые «лишились бы средства сбывать худыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей съ пользою для себя и для общества»; онъ знаетъ о «дворянахъ-извергахъ, которые торговали крестьянами безчеловѣчно»,—но полагаетъ, что довольно было бы «грознымъ указомъ» запретить такой промыселъ. Если дѣйствительно жаль было, что «лучшіе земледѣльцы» теряли возможность сохранить семью наймомъ рекрута,—какъ утверждаетъ Карамзинъ,—это могло быть неудобствомъ указа; но въ цѣломъ онъ, конечно, вызванъ былъ примѣрами ужасной торговли людьми, существованіе которой Карамзинъ признаетъ и самъ и которую правительство хотѣло прекратить окончательно. Что касается до «худыхъ крестьянъ», которыхъ надо было сбывать небогатымъ владѣльцамъ, и число которыхъ, по словамъ его, стало больше, чѣмъ прежде («крестьяне стали хуже въ селеніяхъ», замѣчаетъ онъ вообще), то поклонникъ «натуры», влюбленный въ человѣчество, не подумалъ даже спросить себя: отъ чего же стали умножаться эти худые крестьяне и могутъ ли вообще *улучшаться* крѣпостные?

Это «ухудшеніе» крестьянъ было, конечно, только лишнимъ аргументомъ за тѣ освободительныя мѣры, къ которымъ робко приступало тогдашнее правительство. Карамзинъ не могъ пропустить того обстоятельства, что «нынѣшнее правительство имѣло, *какъ увѣряютъ*, намѣреніе *дать господскимъ людямъ свободу*», и излагаетъ свои резоны противъ этого. Его теорія—таже, какую выставляли и въ недавнее время всѣ крѣпостники, считавшіе возможнымъ только личное освобожденіе крестьянъ съ вознагражденіемъ помѣщика. Онъ начинаетъ крѣпостное право съ IX-го вѣка (холопство) и утверждаетъ, что крестьяне никогда не были владѣльцами земли, которая есть неотъемлемая собственность дворянъ; что крестьяне, происшедшіе изъ холоповъ, также законная собственность дворянъ и не могутъ быть освобождены даже лично «безъ особеннаго нѣкотораго удовлетворенія помѣщикамъ»; что только вольные крестьяне, закрѣпленные Годуновымъ, могутъ «по справедливости» требовать прежней свободы; но такъ какъ *мы не знаемъ нынѣ*, кто изъ нынѣшнихъ крестьянъ происходитъ отъ холопей, кто отъ вольныхъ людей, то—законодателю очень трудно было бы рѣшить этотъ вопросъ, еслибы

онъ не имѣлъ смѣлости разсѣчь Гордіева узла, то-есть дать свободу всѣмъ по праву естественному и праву самодержавія. «Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому, и что благоразумный самодержавецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими».

А вреднымъ крѣпостного права Карамзинъ и не думалъ считать, — и напротивъ, рисуетъ бѣдственное и опасное состояніе крестьянъ, освобожденныхъ *безъ земли*, — «которая, *въ чемъ не можетъ быть спора*, есть собственность дворянская». Крестьяне будутъ пьянствовать и злодѣйствовать; помѣщики, которые прежде «щадили въ крестьянахъ свою собственность» (!), не будутъ ихъ щадить; крестьяне начнутъ ссориться между собой, и не имѣя прежняго «суда помѣщичьяго, рѣшительно безденежнаго», станутъ жертвой мздоимныхъ исправниковъ и «безсовѣстныхъ судей» [1]); начнется затрудненіе въ уплатѣ податей и отъ буйства крестьянъ опасность для государства и т. д. и т. д. Напугавъ всѣмъ этимъ своего читателя, Карамзинъ кончаетъ: «Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое *прежде тебя существовало* (*положимъ*, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло),—но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ».

Это «положимъ» также очень характеристично: Карамзину точно досадно, что приличіе не позволяетъ ему оспаривать это мнѣніе [2]).

Крѣпостничество Карамзина тѣмъ удивительнѣе, что отъ «глубокаго знатока» исторіи можно было бы ждать нѣкотораго пониманія тѣхъ вліяній, которыя оказывало на жизнь крѣпостное право, какъ съ другой стороны можно было бы ждать болѣе человѣчнаго, сочувственнаго взгляда на бѣдственное положеніе крѣпостного населенія отъ человѣка, который все-таки раз-

---

[1]) Таковы слѣдовательно оказывались судьи, которымъ не для чего было учиться въ университетахъ.

[2]) Карамзинъ еще въ «Вѣстн. Европы» высказался противъ освобожденія; онъ считалъ возможнымъ только ограниченіе власти помѣщиковъ, но оставлялъ за ними и владѣніе, и право непосредственнаго надзора. «Многія замѣчанія Карамзина,—говоритъ г. Погодинъ (I, стр. 360), остаются вѣрными и требуютъ до сихъ поръ вниманія: освобожденные и надѣленные землею крестьяне *не могутъ быть предоставлены себѣ*, особенно при неограниченномъ распространеніи кабаковъ, и имѣютъ нужду *въ ближайшемъ надзорѣ и руководствѣ*». Это постоянно утверждала газета «Вѣсть», при чемъ пользовалась иногда тѣми самыми аргументами, какіе указывалъ Н. М. Карамзинъ.

мышлялъ, который хвалился нѣжностью сердца и страстной любовью къ человѣчеству. Къ сожалѣнію здѣсь еще разъ приходится убѣждаться, что такая преувеличенная чувствительность слишкомъ часто бываетъ одной фразой, и можетъ граничить съ совершеннымъ безсердечіемъ на дѣлѣ. Въ словахъ Карамзина, при всемъ стараніи, нельзя услѣдить ни малѣйшей тѣни сочувствія къ угнетенному классу; это только отношеніе барина, который считаетъ, что дѣло иначе и быть не должно, который въ книжкѣ съ нѣжностью описываетъ поселянъ, а на дѣлѣ съ пренебреженіемъ говоритъ о «господскихъ людяхъ», требуетъ отъ нихъ только исполненія работы и негодуетъ на ихъ пьянство, буйство и т. п., и какъ будто не хочетъ вѣрить, что дѣйствительно правительство хотѣло дать этимъ «господскимъ людямъ» свободу. Конечно, онъ не одобряетъ «дворянъ-извергов», но это нисколько не измѣняетъ его мнѣнія. Указывая на трудности даже личнаго освобожденія, Карамзинъ замѣчаетъ: «Тогда (при Годуновѣ, который закрѣпилъ крестьянъ) они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ *навыкъ рабовъ*; мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго *безопаснѣе порабощать людей*, нежели дать имъ не во время свободу». Безопасность порабощенія даже такихъ темныхъ, забитыхъ и безпомощныхъ людей, какъ были крестьяне, показали возстанія Стеньки Разина и Пугачева, показалъ разбродъ русскаго населенія, бѣжавшаго толпами куда только можно, — въ высшемъ быту порабощеніе обезсилило русское общество, въ крѣпостномъ быту оно подавило народную жизнь, довело ее до страшнаго отупѣнія и безсилія. «Глубокій знатокъ» исторіи не видѣлъ ничего этого; онъ остался чуждъ и тѣмъ протестамъ противъ крѣпостного права, которые еще за десятки лѣтъ до того времени исходили отъ Новикова, и потомъ отъ Радищева; въ то время, когда въ русскомъ обществѣ снова возрождались инстинкты человѣколюбія и справедливости, и начинало сказываться сознаніе объ общественномъ вредѣ крѣпостного права, когда даже въ остзейскомъ обществѣ высказывались потрясающія и глубокія обличенія Меркеля — къ сожалѣнію, очень приложимыя нерѣдко и къ русской тогдашней жизни, — Карамзинъ, «какъ историкъ, уважающій жизнь», предпочиталъ нравы добраго стараго времени, и строго осуждалъ либеральное вольнодумство, которое вообразило, что слова «любовь къ человѣчеству» могутъ имѣть какой-нибудь серьезный смыслъ.

Впрочемъ, въ *этихъ* мнѣніяхъ Карамзина нисколько не была виновата исторія, изученію которой его біографы приписываютъ консерватизмъ его мнѣній въ эпоху «Записки». Отношеніе Ка-

рамзина къ живому народу, въ которомъ столько было «господскихъ людей», всегда было очень барское. Когда онъ переносилъ къ намъ литературную сантиментальную школу, и перелагалъ ее на русскіе нравы въ «Бѣдной Лизѣ» или «Фролѣ Силинѣ», онъ и тогда понималъ всѣ свои возвышенныя чувства только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ представлялъ народную жизнь въ видѣ той же старинной пасторали и идилліи, а на жизнь настоящую смотрѣлъ съ брезгливостью помѣщика, считавшаго, что крестьяне принадлежатъ къ другой породѣ. Образчиковъ его мнѣній обоего рода можно было бы привести не мало изъ его сочиненій, гдѣ онъ является въ своемъ литературномъ костюмѣ, и изъ его писемъ, гдѣ мы видимъ его въ домашнемъ халатѣ: какъ старательно, напримѣръ, разбираетъ онъ, въ письмахъ къ Дмитріеву, всѣ тонкости сантиментальной фразы, подбираетъ для нея чувствительные эффекты и удаляетъ все «низкое»; съ какой простотой онъ понимаетъ съ другой стороны практическія отношенія. Въ оффиціальныхъ такъ-сказать сочиненіяхъ онъ не можетъ говорить о поселянинѣ безъ нѣжнаго чувства, онъ желаетъ ему всякихъ благъ, и напримѣръ просвѣщенія. Въ указанной статьѣ «Нѣчто о наукахъ», онъ говоритъ: «Цвѣты грацій украшаютъ всякое состояніе — просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени, съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ счастію роскошнѣйшаго сатрапа». Гдѣ видалъ Карамзинъ *такого* земледѣльца, неизвѣстно; но вотъ практическій образчикъ того просвѣщенія, какое устроивалось на дѣлѣ для земледѣльца настоящаго: «Мальчикъ форейторъ, — пишетъ онъ брату въ 1800 году, — кажется мнѣ мало способнымъ къ поваренному искусству. Развѣ не отдать ли Вуколку къ хорошему повару на годъ? Онъ уже нѣсколько времени учился.... Есть ли вамъ угодно, то мы помѣнялись бы: я доставилъ бы вамъ чрезъ годъ очень хорошаго повара, а вы мнѣ лакея. Впрочемъ, какъ вамъ угодно. Естьли прикажете; то я отдамъ учиться и мальчика.... Между тѣмъ буду искать нанять вамъ повара.... И купить хорошаго повара никакъ нельзя; продаютъ однихъ несносныхъ пьяницъ и воровъ».

Какъ же было не исполниться негодованіемъ на либерализмъ, который хотѣлъ истребить такую торговлю людьми, какъ собаками?

О томъ, какъ пріобрѣтались поселянами — на практикѣ — нѣжныя подруги, можно видѣть изъ писемъ Карамзина къ его бурмистру: парни женились и дѣвки выходили замужъ по барскому и бурмистрову приказанію, — хотя бывали примѣры, что

противъ этихъ мѣропріятій крестьяне возставали «міромъ», — вѣроятно, не безъ причины [1]).

Слѣдуетъ въ «Запискѣ» критика финансовыхъ мѣръ; мы не будемъ останавливаться на ней, по спеціальности вопроса [2]); достаточно сказать, что здѣсь указано нѣсколько дѣйствительныхъ ошибокъ, непрактическихъ мѣръ, но есть по обыкновенію преувеличенія, и опять недостаетъ безпристрастія, чтобы оцѣнить то, что́ было справедливаго въ нѣкоторыхъ принципахъ Сперанскаго.

Далѣе, одно изъ самыхъ раздражительныхъ обвиненій направлено противъ законодательныхъ предпріятій царствованія и въ частности противъ работъ Сперанскаго [3]). Въ этомъ отдѣлѣ «Записки» есть мѣста, гдѣ Карамзинъ былъ всего больше правъ; онъ очень ѣдко и справедливо смѣялся надъ первыми работами «Коммиссіи законовъ», когда главнымъ дѣльцомъ ея былъ Розенкампфъ, указывалъ слабыя стороны проекта «Уложенія» Сперанскаго,—работы, слишкомъ поспѣшно и слишкомъ въ сыромъ видѣ пущенной имъ въ ходъ, — но, какъ всегда, Карамзинъ не заботился о точности, когда нужно бросить лишнюю тѣнь на вещь ему ненавистную, а то, что онъ выставляетъ въ замѣнъ, далеко не серьезно, а иногда ребячески наивно.

«Какое изумленіе для россіянъ!» — восклицаетъ онъ, назвавъ проектъ «Уложенія» переводомъ Наполеонова кодекса. «Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя, у насъ еще не Вестфалія», и пр., и вооружается противъ самаго кодекса. «Для того ли существуетъ Россія какъ сильное государство около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія (Карамзинъ разумѣлъ тѣ различныя коммиссіи, которыя со временъ Петра учреждались для составленія законовъ), чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однако же не велѣлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, взять, напримѣръ, шведскіе законы и на-

---

[1]) Нечего говорить о томъ, чтобы *такое* отношеніе къ крестьянамъ было у Карамзина только непремѣнной чертой времени. Не всѣ помѣщики бывали таковы, какъ описанные С. Т. Аксаковымъ, и Карамзину можно было бы отличаться даже отъ большинства, еслибы оно было таково. Невольно, въ контрастъ Карамзину, вспоминается Шишковъ, человѣкъ еще болѣе стараго покроя, и однако относившійся къ своимъ крестьянамъ съ замѣчательной, даже трогательной мягкостью.

[2]) Эта часть записки передана также, хотя не вполнѣ, въ «Жизни Спер.» I, 224 — 230.

[3]) Тамъ же, I, стр. 161—165.

звать ихъ русскими, ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ....» Тысяча лѣтъ существованія Россіи конечно вставлена только для украшенія, потому что и за тысячу лѣтъ у насъ брались цѣликомъ византійскіе и варяжскіе законы, потомъ брались татарскіе обычаи, потомъ, именно при Петрѣ, шведскіе законы, при Екатеринѣ собирались подражать французскимъ моднымъ идеямъ и т. д. Карамзинъ не хотѣлъ знать, *каковы* были труды, надъ которыми сто лѣтъ работали старыя коммиссіи: между прочимъ, эти труды, такъ долго безплодные, и усиливали ту общественную потребность въ цѣломъ здравомъ законодательствѣ, которая повела къ торопливымъ трудамъ Сперанскаго. Высокомѣрное отношеніе къ Наполеонову кодексу объясняется, конечно, только незнаніемъ, и указаніе на эксъ-якобинцевъ едва ли не было предназначено внушить Александру новое понятіе о характерѣ Сперанскаго. Ссылка на Петра Великаго мало соотвѣтствовала собственнымъ отзывамъ Карамзина, который въ другомъ мѣстѣ жаловался, что Петръ хотѣлъ сдѣлать Россію Голландіею; о законодательствѣ Петра біографъ Сперанскаго замѣтилъ уже, что Карамзинъ— завѣдомо или невѣдомо — самъ дѣлалъ здѣсь ошибку, потому что нѣкоторые законы Петра были именно цѣликомъ переведены съ шведскаго, голландскаго и нѣмецкаго, какъ напр. часть воинскаго устава, генеральный регламентъ, военные артикулы и др.

Взгляды самого Карамзина на законодательные предметы иногда приводятъ въ недоумѣніе. «Кстати ли,—говоритъ онъ,— начинать напр. Русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ *не было* и *нѣтъ* въ Россіи? У насъ только *политическія* или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч., всѣ они имѣютъ свои особенныя права, общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ». Біографъ Сперанскаго замѣчаетъ, что «такое странное утвержденіе можно объяснить въ критикѣ только однимъ движеніемъ раздраженной страсти».

Но, осуждая проектъ, Карамзинъ, тѣмъ не менѣе, самъ признавалъ необходимость «систематическаго» кодекса, только онъ желалъ строить его не на кодексѣ Наполеона, а на Юстиніановыхъ законахъ и на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ-то и былъ споръ, и конечно, задумывая планъ новаго систематическаго кодекса не съ археологическими цѣлями, естественнѣе было подумать о новомъ европейскомъ законодательствѣ, чѣмъ о византійскомъ и томъ старомъ русскомъ, гдѣ и Карамзинъ

считалъ необходимымъ исправить нѣкоторые, особенно уголовные законы, «жестокіе, варварскіе», — да и одни ли уголовные? — которые, хотя и не исполнялись, но существовали «къ стыду нашего законодательства». Этотъ-то стыдъ и почувствовали серьезно люди, которые предпочли искать образца въ Наполеоновомъ кодексѣ. Если бы это систематическое законодательство оказалось слишкомъ труднымъ, Карамзинъ, какъ извѣстно, предлагалъ простое собраніе существующихъ законовъ, — какъ это же самое предлагалъ, въ худшемъ случаѣ, и Сперанскій.

Указавъ двумя словами еще нѣсколько ошибочныхъ мѣръ правительства, Карамзинъ приходитъ къ такому общему заключенію о положеніи вещей: «....Удивительно ли, что общее мнѣніе столь не благопріятствуетъ правительству? Не будемъ скрывать зла, не будемъ обманывать себя и государя, не будемъ твердить, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ, но сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ государствѣ».

Онъ предлагаетъ затѣмъ свои собственныя мнѣнія о томъ, чтò надо было сдѣлать для благосостоянія Россіи и въ чемъ должна была состоять сущность правленія. Главную ошибку новыхъ законодателей онъ видитъ въ «излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности»;—дѣла не лучше ведутся, только въ мѣстахъ и чиновниками другого названія. По его мнѣнію, важны не формы, а люди: министерства и совѣтъ могутъ пожалуй существовать, и будутъ полезны, если только въ нихъ будутъ «мужи, знаменитые разумомъ и честію». Поэтому главный совѣтъ Карамзина — «искать людей», и не только для министерствъ, но въ особенности на губернаторскія мѣста. Онъ полагаетъ, что все пойдетъ отлично, и министрамъ можно будетъ «отдыхать на лаврахъ», если найдутъ 50 хорошихъ губернаторовъ: они обуздаютъ корыстолюбіе чиновниковъ, укротятъ жестокихъ господъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земледѣльцевъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Онъ желалъ, чтобы губернаторы были тѣмъ, чтò были при Екатеринѣ намѣстники, т.-е. полные хозяева края, и сожалѣетъ, что губернаторамъ оставались не подчинены многія части и дѣла въ губерніи: школы, удѣльныя имѣнія, почта и проч.

Итакъ, слѣдуетъ только «искать людей». Карамзинъ не вѣритъ въ силу «закона», объ утвержденіи котораго «пѣли сирены вокругъ трона». Онъ стоитъ на томъ, что «въ Россіи государь есть живой законъ», что «въ монархѣ россійскомъ соединяются всѣ власти: наше правленіе есть отеческое, патріархальное», и главнымъ средствомъ власти указываетъ награды и въ особен-

ности наказанія, ссылаясь на слова Макіавеля, что «страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ». Государь добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, судитъ и наказываетъ безъ протокола какъ отецъ семейства. «Строгость безъ сомнѣнія непріятна для сердца чувствительнаго», но она необходима. Въ Россіи не будетъ правосудія, если государь не будетъ «смотрѣть за судьями». «Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви», и пусть каждый начальникъ отвѣчаетъ за подчиненныхъ. «Не должно позволять, чтобы кто нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно (?) представлять лице недовольнаго.... Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью. Скажите имъ слово на ухо, они лежатъ у ногъ вашихъ» (!).

Указавъ потомъ, какъ ошибочно правительство употребляло иногда другое средство — награды, Карамзинъ повторяетъ еще разъ: «Сіе искусство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для государя россійскаго; безъ сего искусства тщетно будетъ искать народнаго блага въ органическихъ уставахъ!...»

Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ Карамзинъ присоединяетъ еще нѣкоторыя частныя. Онъ защищаетъ интересы дворянства, къ которому предполагалъ въ Александрѣ нерасположеніе. Онъ развиваетъ ту извѣстную тему, которую мы встрѣтили даже въ запискѣ Сперанскаго: point de noblesse, point de monarchie, —но съ той разницей, что по мнѣнію Сперанскаго у насъ еще нужно было основать и приготовить политически настоящую аристократію, а Карамзинъ находилъ, что она уже есть какъ слѣдуетъ; далѣе, у Сперанскаго, аристократія должна была составить конституціонный элементъ, а по Карамзину, дворянство есть только привилегированный классъ ближайшихъ слугъ государя, — «не отдѣлъ монаршей власти, но главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный». Нація распредѣляется самымъ простымъ образомъ: «народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ». Карамзинъ дѣлаетъ оговорку въ пользу «превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи», но настаиваетъ на томъ, чтобы государь «имѣлъ правиломъ возвышать санъ дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ царскаго сіянія»....

Во-вторыхъ, онъ совѣтуетъ возвысить духовенство. Онъ «не предлагаетъ возстановить патріаршество», но желаетъ, чтобы синодъ имѣлъ больше важности, чтобы въ немъ были напр. одни архіепископы, чтобы онъ вмѣстѣ въ сенатомъ сходился для выслушанія новыхъ законовъ, для принятія ихъ въ свое хранилище и обнародованія, — «*разумѣется* безъ всякаго проти-

ворѣчія». Кромѣ хорошихъ губернаторовъ, надо дать Россіи и хорошихъ священниковъ: «безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ».

Въ заключеніи своемъ Карамзинъ повторяетъ свои мнѣнія о вредѣ нововведеній, о необходимости спасительной строгости, о выборѣ людей, о разныхъ частныхъ мѣрахъ, и выражаетъ надежду на исправленіе ошибокъ и успокоеніе недовольства. Свою консервативную программу онъ еще разъ совмѣстилъ въ такія слова: «дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей. Вотъ основаніе россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ»....

Возвратимся еще къ послѣднему отрывку. Слова Карамзина объ излишнемъ уваженіи формъ казались вообще его біографамъ мѣткой критикой преобразовательныхъ плановъ Александра. И дѣйствительно, пристрастіе къ формѣ было крупнымъ недостаткомъ этихъ плановъ; государственныя преобразованія остались чисто формальными; но формы имѣли однако свое значеніе. И самъ Александръ, въ свои либеральныя минуты, и особенно его совѣтники вовсе не думали ограничиваться введеніемъ однихъ новыхъ формъ, но хотѣли и тѣхъ вещей, которыя изображались этими формами. Дѣло шло о томъ, чтобы измѣнить традиціонный характеръ власти, и ограничить ея произволъ извѣстнымъ участіемъ общества въ управленіи, а для этого созданіе новыхъ формъ являлось необходимымъ: какимъ бы образомъ иначе могло быть достигнуто «ограниченіе произвола», какимъ образомъ могла обнаружиться самостоятельная дѣятельность и вмѣшательство общества? Изложенный выше планъ Сперанскаго показываетъ, что новыя учрежденія были бы не одной внѣшней перемѣной. Онъ могъ остаться неудачнымъ, вызвавъ противъ себя массу приверженцевъ патріархальной старины [1]), но въ тѣхъ формахъ, которыя онъ хотѣлъ ввести, было все-таки больше смысла, чѣмъ въ мнѣніяхъ Карамзина.

Въ самомъ дѣлѣ, эти мнѣнія ровно ничего не говорили. Легко сказать—«выбрать людей», но ихъ надо было выбрать изъ того же испорченнаго общества, и что сдѣлалъ бы самый добродѣтельный человѣкъ тамъ, гдѣ всѣ условія жизни, создавшіяся цѣлыми десятками и сотнями лѣтъ, дѣлали невозможной желаемую добродѣтель въ управляемыхъ? Могъ ли бы онъ, напр., уничтожить хотя «мздоимныхъ» чиновниковъ, когда этимъ чиновни-

---

[1]) Ср. «Жизнь Спер.» I, стр. 143.

камъ съ однимъ жалованьемъ, большею частью, пришлось бы нищенствовать, когда само общество совершенно понимало эту причину мздоимства, и обыкновенно спокойно его выносило? Понятно, что этотъ общій ходъ дѣлъ долженъ былъ овладѣть наконецъ и тѣмъ человѣкомъ, который предназначался исправить его. Да и онъ вышелъ изъ того же общества, и самъ зналъ все это. Тоже самое произошло бы и въ разныхъ другихъ случаяхъ, гдѣ Карамзинъ возлагалъ на 50 добродѣтельныхъ губернаторовъ свои фантастическія надежды.

Правленіе должно быть «отеческое», «патріархальное»,—точно въ самомъ дѣлѣ для управленія огромнымъ государствомъ годились средства, употреблявшіяся для помѣщичьихъ имѣній. Положимъ, монархъ — добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ и смотритъ за судьями; но какъ узнать тѣхъ и другихъ, какъ усмотрѣть за судьями? Карамзинъ пересмотрѣлъ цѣлое столѣтіе, и въ самыя блестящія царствованія, даже въ царствованія людей какъ Петръ и Екатерина, онъ не находитъ исполненія своего идеала,—и не думаетъ спросить себя: достижимъ ли вообще когда-нибудь этотъ идеалъ такими патріархальными путями? Далѣе, главнѣйшее средство, которое рекомендуетъ Карамзинъ для достиженія народнаго благополучія—страхъ, — есть конечно сильное обуздывающее патріархальное средство, но опять странно видѣть въ писателѣ, влюбленномъ въ человѣчество, такое пристрастіе къ этому средству. Онъ забываетъ всѣ общественныя влеченія человѣка, всѣ средства, какія даетъ просвѣщеніе, и не заботится о воспитаніи въ людяхъ чувства человѣческаго достоинства и сознанія права и справедливости; взамѣнъ всего этого, онъ предпочитаетъ страхъ: для правителя — страхъ, что его возненавидятъ и составятъ противъ него заговоръ, для управляемыхъ — что ихъ «казнятъ», однимъ словомъ, предпочитаетъ патріархальныя бухарскія средства.

Защита интересовъ дворянства у Карамзина была предисловіемъ той дворянской теоріи, которая до недавняго времени сильно господствовала въ извѣстныхъ кругахъ и въ послѣдніе годы имѣла достойнаго представителя въ газетѣ «Вѣсть». Полагаемъ, что она не нуждается въ опроверженіи. Карамзинъ извлекалъ ее изъ барскихъ преданій своего сословія, къ которымъ прибавляетъ еще ребяческія ссылки на Монтескьё, — ребяческія, потому что аристократія, о которой говорилъ Монтескьё, была не совсѣмъ то, что̀ было русское дворянство....

Совѣты Карамзина относительно духовенства напоминаютъ приведенныя нами выше слова его о томъ, какъ можетъ обращаться «умный монархъ» съ митрополитами. Онъ, возстававшій

противъ формъ, предлагаетъ здѣсь еще худшую форму — внѣшніе возвеличеніе синода, — «разумѣется безъ всякаго противорѣчія», т.-е. безъ всякой самостоятельности: понятно, что роль такого синода могла быть одна; онъ долженъ былъ лишнимъ лицемѣріемъ и обманомъ усилить «добродѣтель» правленія.

Мы должны были остановиться подробнѣе на «Запискѣ» Карамзина, потому что до сихъ поръ она мало извѣстна большинству читателей, и между тѣмъ чрезвычайно характерна. Какъ планъ Сперанскаго представляетъ собой одну сторону тогдашнихъ мнѣній, крайній выводъ тогдашняго либеральнаго движенія, высказанный однимъ изъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія, такъ «Записка» Карамзина представляетъ другой полюсъ этихъ мнѣній, оппозицію мнимо-историческаго консерватизма стараго общества, оппозицію, высказанную замѣтнѣйшимъ представителемъ стараго поколѣнія [1]). Это крайніе пункты, которые даютъ мѣрку всего движенія: здѣсь оно выразилось ярче и яснѣе, чѣмъ въ какихъ-нибудь произведеніяхъ тогдашней печатной литературы и другихъ явленіяхъ общественной жизни.

Мы указывали выше, какое великое значеніе придаютъ запискѣ Карамзина его нынѣшніе біографы и панегиристы. Имъ кажется, что здѣсь заключается цѣлое откровеніе объ истинномъ политическомъ устройствѣ Россіи: юбилей Карамзина совпалъ съ наибольшей крѣпостнической реакціей, и печально сказать, что онъ послужилъ однимъ изъ заявленій этой реакціи. Это уже бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на смыслъ общественныхъ идеаловъ Карамзина.

Собирая наши замѣчанія, не можемъ не обратиться еще къ сужденіямъ писателя, почти современнаго той эпохѣ, еще видѣвшаго дѣятельность Карамзина и его самого. Отзывъ Н. И. Тургенева любопытенъ и тѣмъ, что въ немъ сказывается не одно личное мнѣніе, но отчасти и взгляды молодого либеральнаго поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, въ которомъ направленіе Карамзина—насколько оно обнаруживалось въ его сочиненіяхъ и мнѣніяхъ его кружка (потому что самая Записка тогда не была извѣстна)—уже начинало возбуждать антипатію.

Самъ г. Тургеневъ проникнутъ большимъ уваженіемъ къ личному характеру Карамзина и о «Запискѣ» думаетъ, что въ ней «нельзя не признать нѣсколькихъ взглядовъ, достойныхъ

---

[1]) Конечно, эти выраженія нѣсколько условны: собственно Карамзинъ былъ старше Сперанскаго только на пять лѣтъ.

настоящаго государственнаго человѣка». Указавши на смѣлость «Записки»—хотя, какъ увидимъ, она была только относительная—и очертивъ ея содержаніе, г. Тургеневъ высказывается объ ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: [1]).

...«Что меня особенно непріятно поразило въ этой запискѣ, это то, что Карамзинъ иногда ставитъ себя какъ будто органомъ дворянства. Онъ забываетъ приличія, которыя долженъ соблюдать всякій разсудительный и умный человѣкъ; онъ забываетъ свое собственное достоинство до того, что серьезно говоритъ о привилегіяхъ (sic), данныхъ государями этому сословію.

«Не знаю, ошибался ли я, но мнѣ всегда казалось, что въ томъ, что̀ написалъ Карамзинъ о Россіи, онъ хотѣлъ сказать русскимъ: «Вы неспособны ни къ какому прогрессу; довольствуйтесь быть тѣмъ, чѣмъ васъ сдѣлали ваши правители; не пробуйте никакой реформы, чтобъ не надѣлать глупостей». Это объясняетъ, какимъ образомъ онъ могъ всегда сохранить дружбу Александра. Несмотря на всю свою искренность и доброту, Александръ былъ все-таки монархъ, и притомъ абсолютный. Быть можетъ, онъ разсердился бы, наконецъ, на человѣка, который не говорилъ ему всегда лести, а иногда говорилъ даже немного жесткія вещи,—еслибы возраженія Карамзина не основывались, въ концѣ концовъ, на уваженіи и любви къ абсолютной власти, на какомъ-то поклоненіи передъ ней. Еслибы такіе принципы проповѣдовалъ рабъ, они могли бы не понравиться Александру; но въ устахъ человѣка образованнаго и человѣка честнаго, они пріятно щекотали тайные инстинкты монарха [2]).

«....Карамзинъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и съ умомъ просвѣщеннымъ; онъ былъ одаренъ благородной и возвышенной душой. Но эти качества не помѣшали ему провозглашать необходимость и пользу абсолютизма для Россіи. Онъ долженъ былъ выражаться такъ по убѣжденію, потому что былъ неспособенъ къ лицемѣрію или лжи. Однакоже, извѣстно было,

---

[1]) См. La Russie I, стр. 462—469. Приводимъ въ главныхъ чертахъ этотъ отзывъ между прочимъ потому, что его еще ни разу не принимали въ соображеніе наши критики и біографы Карамзина (которымъ онъ могъ бы, однако, послужить съ пользой), и слѣд. онъ еще новъ для нашей литературы.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ, по поводу извѣстной Записки Карамзина о Польшѣ (1819), г. Тургеневъ замѣчаетъ тоже: «Правда, что хотя Карамзинъ — по его мнѣнію — защищалъ только интересы Россіи, въ сущности онъ говорилъ въ пользу императорской власти; и если подобной оппозиціей можно на минуту задѣть капризъ самодержавнаго монарха, то здѣсь нѣтъ, однако, опасности возстановить его противъ себя серьезно и надолго»... (La Russie, I, стр. 89). Наши критики не дѣлали такого психологическаго наблюденія; между тѣмъ оно очень объясняетъ отношенія.

что онъ вовсе не былъ врагомъ формъ правленія, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія управляютъ Россіей; онъ былъ даже энтузіастомъ ихъ. «Я республиканецъ въ душѣ, говорилъ онъ иногда; но Россія прежде всего должна быть велика, а въ томъ видѣ, какъ она есть, только самодержавный монархъ можетъ сохранить ее сильною и страшною».—Въ молодости Карамзинъ видѣлъ Европу; онъ пріѣхалъ во Францію во время террора [1]). Робеспьеръ внушалъ ему чуть не поклоненіе. Его друзья разсказывали, что при извѣстіи о смерти страшнаго трибуна, онъ пролилъ слезы; въ старости онъ еще говорилъ о немъ съ уваженіемъ, удивляясь его безкорыстію, серьезности и твердости его характера, и даже его скромному костюму, который, по словамъ его, былъ контрастомъ костюму людей этого времени».

Изученіе русской исторіи приводило Карамзина къ заключенію, что всѣ успѣхи и величіе Россіи были достигнуты самодержавіемъ.

«Изъ этихъ соображеній—продолжаетъ г. Тургеневъ—проистекали, по мнѣнію Карамзина, необходимость и непогрѣшимость автократіи не только для излеченія золъ русской имперіи, но и для сохраненія ея величія. Карамзинъ, повидимому, думалъ, что это величіе было единственное, на какое только можетъ имѣть притязаніе русскій народъ. Онъ любилъ свое отечество съ энтузіазмомъ, и его любящая и благородная душа не могла оставаться равнодушна къ счастію людей; но *считать народъ за ничто* и желать величія только той, конечно привлекательной, отвлеченности, которую называютъ отечествомъ, значитъ не признавать естественныхъ правъ, значитъ слишкомъ дешево цѣнить достоинство человѣка. Соотечественники Карамзина не могли считать лестнымъ для себя такое вѣрованіе.

«Карамзину отвѣчали на его мнѣніе о необходимости абсолютизма: — «признайтесь, по крайней мѣрѣ, что если Россія поднялась при помощи абсолютной власти, то она поднялась только на колѣняхъ». И это разсужденіе было такъ справедливо (замѣчаетъ г. Тургеневъ), что его дѣлали всѣ разсудительные люди при чтеніи исторіи Карамзина, который дѣлаетъ апотеозъ автократіи.... На все это онъ отвѣчалъ только, что Россія велика, сильна, и что ея боятся въ Европѣ».

Наконецъ, г. Тургеневъ въ особенности не прощаетъ Карамзину его уклоненій говорить о крѣпостномъ правѣ. «Онъ легко скользитъ по этому предмету (т.-е. въ «Исторіи Государства Рос-

---

[1]) Это не совсѣмъ точно; Карамзинъ въ эпоху террора былъ уже въ Россіи.

сійскаго») всякій разъ, когда онъ является подъ его перомъ, и если встрѣчаются вещи, которыхъ онъ положительно не можетъ пропустить, онъ относитъ ихъ въ примѣчанія. Онъ не только не осуждаетъ роковыхъ законовъ, прикрѣпившихъ русскаго крестьянина къ землѣ, но кажется извиняетъ ихъ и дѣлаетъ имъ родъ апологіи, рисуя печальную картину нищеты, въ которой находились крестьяне въ то время, когда пользовались своей свободой. Дѣйствительно, въ это время земледѣльцы въ Россіи, какъ и вездѣ, были чрезвычайно бѣдны; но потомъ въ другихъ странахъ ихъ положеніе улучшилось, между тѣмъ какъ въ Россіи, мѣра, почти просто полицейская, прикрѣпившая крестьянъ къ землѣ, которую они обработывали, произвела съ теченіемъ времени настоящее рабство».

Довольно понятно, почему Александръ въ первую минуту былъ пораженъ «Запиской» Карамзина очень непріятно: сначала, и тонъ, и содержаніе Записки могли вызывать въ немъ очень справедливое неудовольствіе; но затѣмъ Александръ помирился съ Карамзинымъ подъ вліяніемъ другихъ ея сторонъ. Это послѣднее указано г. Тургеневымъ; этого не могъ не замѣтить и біографъ Сперанскаго, который говоритъ, что, «вникнувъ ближе въ *истинный смыслъ* Записки, Александръ простилъ смѣлую ея искренность» [1]). Она противорѣчила многимъ мѣрамъ и мнѣніямъ Александра, во многомъ была совершенно несправедлива, не разъ должна была задѣвать его самолюбіе и даже его искреннія добрыя побужденія, но въ концѣ концовъ она льстила инстинкту власти....

Мы видѣли, какъ панегиристы Карамзина превозносятъ государственную мудрость «Записки»; даже тѣ изъ нихъ, которые какъ будто хотѣли относиться къ ней критически, находятъ, что онъ «былъ вообще правъ». Намъ кажется, напротивъ, что если въ «Запискѣ» и есть вѣрныя замѣчанія о нѣсколькихъ неудачныхъ мѣрахъ тогдашняго правительства, то въ цѣломъ раздражительная вражда Карамзина противъ какихъ-нибудь перемѣнъ вовсе не говоритъ о широтѣ его государственныхъ взглядовъ,—потому что взамѣнъ онъ не представилъ ничего лучшаго, а развѣ еще худшее, — и «вообще» онъ былъ совершенно неправъ.

Въ Запискѣ Карамзина и въ планахъ Сперанскаго встрѣтились два основные принципа русской внутренней жизни, одинъ—отживавшій свое время, другой—только-что появлявшійся. Европейское вліяніе, постоянно возраставшее съ Петра Великаго,

---

[1]) «Жизнь Спер.», I, 153.

въ это время подѣйствовало на общественныя понятія. Первые признаки сознанія выразились въ критическомъ отношеніи къ господствующему порядку вещей, и затѣмъ въ желаніи достигнуть лучшаго порядка, гдѣ общество могло бы освободиться отъ неограниченнаго владычества государства и начать болѣе самостоятельную дѣятельность, въ которой и должно было ждать единственныхъ залоговъ общественнаго и національнаго блага въ будущемъ. Таковы были тогда стремленія еще немногихъ людей, которые однако были лучшими представителями общественнаго интереса, потому что понимали его всего яснѣе. Принципы, на которыхъ утверждалось существовавшее устройство общественныхъ отношеній, были тѣже порядки XVI—XVII вѣка, мало измѣнившіеся и отъ петровской реформы. Это былъ завѣщанный до-петровской Россіей, почти восточный абсолютизмъ, при которомъ и личность каждаго и цѣлое общество были совершенно безправны. Европейскіе нравы смягчили внѣшность абсолютизма, но не уничтожали его сущности. Между тѣмъ въ русскую жизнь съ XVIII-го вѣка проникли нѣкоторыя вліянія европейской образованности; лучшихъ людей начинало тяготить сознаніе личной и общественной безправности; для успѣховъ внутренняго развитія уже чувствовалась потребность въ бо́льшей долѣ общественной свободы. Европейское движеніе конца прошлаго столѣтія отразилось въ нашемъ образованномъ обществѣ нѣсколькими отвлеченными понятіями, которыя дали этой практически выроставшей потребности и свои теоретическія основанія. Правленіе Павла еще болѣе разъяснило необходимость какого-нибудь преобразованія существующаго порядка, и въ царствованіе Александра мы видимъ уже первое столкновеніе старыхъ преданій и новыхъ жизненныхъ потребностей общества, первое столкновеніе между старыми порядками безграничнаго абсолютизма и стремленіемъ къ новымъ учрежденіямъ въ смыслѣ европейской конституціонной монархіи. Новое направленіе было еще слабо; приверженцы его были немногочисленны; дѣйствія часто неудачны, но въ основной мысли оно было право: будущее зависѣло отъ развитія общественной самостоятельности; правительственная мудрость должна была заключаться въ расширеніи народной образованности и въ освободительныхъ реформахъ.

Таковъ былъ историческій моментъ, который надо было понять человѣку, желавшему стать судьей общества и его исторіи, и указывать его будущее. Для яснаго, истинно государственнаго или философскаго ума, это будущее и потребности общества въ настоящую минуту едва ли могутъ казаться сомнительными — для этого уже въ то время могло быть достаточно указаній исто-

рическихъ и философско-политическихъ, на которыя должно было наводить наблюденіе русской жизни, если и оставить въ сторонѣ внушенія простого чувства справедливости, — и громадная разница между Сперанскимъ и Карамзинымъ, или тѣми направленіями, какія они собою представляли, была въ томъ, что Сперанскій довольно понималъ этотъ историческій моментъ, хотя не вполнѣ удачно для него работалъ, а Карамзинъ совершенно не понялъ его.

Карамзинъ не совсѣмъ ошибался исторически, когда утверждалъ, что величіе Россіи было создано однимъ абсолютизмомъ, но (не говоря объ историческихъ натяжкахъ, какія онъ дѣлаетъ въ защиту своего мнѣнія) онъ ошибался тѣмъ, что слишкомъ преувеличилъ свой историческій выводъ, распространяя его не только на настоящее, но и на будущее. Настоящее уже самыми противорѣчіями своими указывало на необходимость видоизмѣнить прежніе порядки жизни, и это указаніе было понято совершенно справедливо Сперанскимъ. Карамзинъ не хотѣлъ признать этого, и въ самомъ прошедшемъ онъ не увидѣлъ того важнаго обстоятельства, что старый абсолютизмъ достигалъ «величія» Россіи слишкомъ тяжелыми жертвами, и что оттого «величіе» это было слишкомъ односторонне и неполно. Жертвы эти состояли, со временъ возникновенія Московскаго царства, въ страшномъ истребленіи людей, въ насиліяхъ, разогнавшихъ цѣлыя массы населенія, въ уничтоженіи земской общественной самодѣятельности, въ порчѣ національнаго характера и въ подавленіи національнаго ума. Если тяжкія жертвы людей могли быть нужны въ свое время для достиженія политическаго единства, то нравственный вредъ продолжалъ свое дѣйствіе во все теченіе новѣйшей русской исторіи и страшно замедлилъ развитіе русскаго народа въ смыслѣ цивилизаціи. Вслѣдствіе этого и «величіе», достигнутое такими средствами, было чисто внѣшнее, завоевательное и военное, которое, само собою, нисколько не предполагало истиннаго величія, состоящаго въ успѣхахъ гражданской жизни, умственнаго развитія и внутренняго благосостоянія. И дѣйствительно, величіе военной имперіи XVIII и XIX вѣка далеко не сопровождалось равными внутренними успѣхами: въ гражданской жизни господствовало всеобщее безправіе,—которое Карамзинъ ребячески старался прикрашивать патріархальными способами,—въ умственномъ отношеніи господствовала крайняя отсталость и невѣжество, благосостояніе матеріальное обнаруживалось азіатской роскошью аристократіи и нищетой крестьянства. Если даже признать, что исторически, для укрѣпленія государства, нужно было это внѣшнее завоевательное величіе, то, разъ оно было

пріобрѣтено, для государства являлась все-таки другая, внутренняя задача. Она оставалась нетронутой. Карамзинъ видѣлъ много недостатковъ русской жизни и не могъ понять, что они всего чаще были органически необходимымъ послѣдствіемъ системы, которую онъ защищалъ. Изученіе исторіи не объяснило Карамзину, что патріархальный принципъ, превозносимый имъ, отживалъ свое время, и какъ часто бываетъ съ великими историческими принципами, изъ орудія успѣха становился орудіемъ застоя. «Величіе», какого онъ достигалъ, становилось кажущимся; просвѣщеннѣйшіе люди отдѣлялись отъ національной жизни, въ которой чувствовали себя чужими, или боролись безуспѣшно для ея обновленія. Историческая необходимость требовала, чтобы власть, подавившая нѣкогда земскія силы народа, вновь вызвала ихъ къ жизни, когда внѣшнее единство и политическая сила государства были достаточно пріобрѣтены,—это была необходимость, потому что безъ развитія этихъ внутреннихъ земскихъ, общественныхъ силъ, государству грозилъ застой, безсиліе и упадокъ. Эта необходимость совпадала съ внушеніями истиннаго патріотизма и истинной образованности, и ее чувствовали, инстинктивно или сознательно, совѣтники Александра. А «глубокій знатокъ» вынесъ изъ исторіи только одинъ идеалъ—той подавленной, отупѣвшей жизни XVII-го вѣка, которая была только печальной ступенью для новой Россіи.

Таковъ былъ существенный порокъ мнѣній Карамзина и его «Записки». Понятно, что его мнѣнія приводили къ совершенно иной программѣ, чѣмъ предполагавшаяся программа импер. Александра. Карамзинъ не могъ не видѣть внутреннихъ неурядицъ, и вину всего этого свалилъ на тотъ новый образъ мыслей, какой подозрѣвалъ въ совѣтникахъ Александра. Карамзинъ стоялъ за старое, и желалъ только усиленія абсолютизма; Александръ или его совѣтники справедливѣе думали, что неурядица въ цѣломъ происходила скорѣе отъ его излишества и крайностей. Карамзинъ требовалъ «добродѣтели», Александръ желалъ учрежденій. Карамзинъ думалъ, что все хорошо, что нужно только выбрать людей; новый взглядъ находилъ, что безъ новыхъ учрежденій никакіе люди не помогутъ, потому что недостатокъ лежалъ въ самыхъ формахъ старой жизни, въ ея крайнемъ безправіи, открывавшемъ полный просторъ всякому произволу. Зло Карамзинъ хотѣлъ лечить тѣмъ же, отъ чего оно произошло—лечить продолженіемъ той же системы, тѣмъ же произволомъ и той же безправностью массы. Карамзинъ винилъ нововводителей, что они только мѣняютъ формы, не мѣняя сущности, но вина того же абсолютизма была въ томъ, что преобразованіе не могло

осуществиться; вина давно созданныхъ абсолютизмомъ нравовъ была въ томъ, что новыя формы еще не наполнялись новой сущностью. Новыя учрежденія были однако необходимы для новой жизни: при той системѣ мирнаго преобразованія «сверху», какая имѣлась въ виду, законъ самъ долженъ былъ открыть пути для общественной дѣятельности, для выраженія общественнаго мнѣнія и народныхъ желаній, — для этого именно и были нужны новыя учрежденія, потому что безъ нихъ всякое вмѣшательство общества въ дѣла правленія было бы недозволительно, противозаконно, уголовно-преступно.

Свою точку зрѣнія Карамзинъ защищаетъ въ «Запискѣ» съ тенденціозностью, какой не долженъ бы былъ позволять себѣ писатель, у котораго было уже свое прошедшее. Не говоримъ о томъ, какъ въ разсказѣ о «древней» Россіи онъ скрашиваетъ все, что могло противорѣчить его предвзятой мысли; не говоримъ о томъ, какъ онъ могъ, смотря по надобности, совершенно иными красками изображать правленіе Екатерины въ «Запискѣ» и въ «Похвальномъ Словѣ», — но чрезвычайно странно читать у него о самомъ царствованіи императора Александра вещи прямо противоположныя тому, что самъ Карамзинъ говорилъ за немного лѣтъ въ своихъ публицистическихъ сочиненіяхъ. Онъ тогда безусловно восхищался всѣмъ (кромѣ развѣ предположеній объ освобожденіи крестьянъ — въ этомъ вопросѣ онъ всегда себѣ вѣренъ); теперь онъ безусловно осуждаетъ. И если самъ онъ хотѣлъ, чтобы правительство соображалось съ мнѣніями «добрыхъ россіянъ», то кто же заставлялъ его тогда съ такимъ легкомысліемъ предаваться необузданному панегирику, восхвалять внутреннія мѣры правительства, преувеличивать военную политическую силу «ужаснаго колосса», питать національныя страсти и вводить въ заблужденіе правительство и «добрыхъ россіянъ»? Карамзинъ жалуется, говоря о царствованіи Александра, что надежды перваго времени не оправдались, но кто же столько подслащалъ тогда общественное мнѣніе и усыплялъ его своими панегириками? Скажутъ: Карамзинъ могъ перемѣнить свои мнѣнія; — но въ такомъ случаѣ собственный примѣръ долженъ былъ научить его бóльшей терпимости, потому что и въ другихъ возможно было заблужденіе, совершенно искреннее и честное, — каково, надо предполагать, было его собственное.

Вмѣсто того, Карамзинъ съ какимъ-то злорадствомъ, котораго мы не можемъ помирить съ отзывами о безупречныхъ достоинствахъ его характера, обвиняетъ «неблагомысленныхъ» совѣтниковъ Александра. Мы упоминали, какой смыслъ должны были получать эти обвиненія при извѣстной и тогда подозри-

тельности и мнительности Александра. Одинъ изъ панегиристовъ Карамзина выражаетъ мысль, что «можетъ быть и *ссылка* Сперанскаго, главнаго творца реформъ, имѣла нѣкоторую связь съ Запискою» [1]). Признаемся,—какъ мы ни мало расположены къ поклоненію передъ Карамзинымъ, мы не желали бы думать, чтобы это предположеніе имѣло основанія; не желали бы, чтобы и на него упалъ упрекъ за это черное пятно въ царствованіи Александра.

Что же, наконецъ, ставилъ самъ Карамзинъ на мѣсто той системы, которую онъ съ такимъ раздраженіемъ обвинялъ? Біографъ Сперанскаго, разбирая одно мѣсто «Записки», замѣчаетъ: «Карамзинъ, какъ человѣкъ умный и добросовѣстный, не могъ... не видѣть всѣхъ недостатковъ прежняго порядка дѣлъ и не желать улучшеній. Но чего именно онъ желалъ, то̀ остается, для насъ по крайней мѣрѣ, неразгаданнымъ» [2]). И дѣйствительно, мудрено понять, какимъ образомъ могла дѣйствовать система правленія, рекомендованная Карамзинымъ. По всему ея изображенію это выходитъ таже система, по которой онъ управлялъ своими двумя Макателемами. Власть должна быть отеческая, патріархальная, монархъ долженъ самъ за всѣмъ присматривать, наказывать виновныхъ, награждать достойныхъ, правленіе должно утверждаться на добродѣтели и мудромъ избраніи людей, управляемые должны повиноваться и безмолвствовать — такова собственно программа Карамзина, которая слишкомъ наивна, чтобы быть возможной.

Г. Тургеневъ, по нашему мнѣнію, очень вѣрно замѣтилъ, что въ основаніи мнѣній Карамзина лежало невысокое мнѣніе о русскомъ народѣ, мысль, что русскій народъ и не способенъ ни къ чему иному, кромѣ того, что̀ сдѣлаютъ изъ него его правители. Дѣйствительно, беспристрастное наблюденіе, съ какимъ еще мало обращались къ Карамзину, покажетъ, что у него не одинъ разъ высказывается это сухое — скажемъ ближе — помѣщичье отношеніе къ крестьянскому народу. Мы указывали не разъ, какъ подобныя вещи легко мирились съ его сладкой чувствительностью на словахъ; онъ могъ по-своему любить отвлеченный народъ, какъ любилъ отвлеченное отечество, но къ живому народу онъ относился съ высомѣріемъ, поражающимъ крайне непріятно. Въ русскомъ обществѣ было потомъ не мало людей, которые приходили къ такому скептическому мнѣнію о народѣ, но въ ихъ мнѣніяхъ была однако громад-

---

[1]) Казанскій юбилей, стр. 101.

[2]) Жизнь Спер. I, 141.

ная разница съ мнѣніями Карамзина. Для тѣхъ, эти недостатки народа являлись результатомъ несчастной исторіи, бѣдственныхъ обстоятельствъ; эти люди не скрывали отъ себя слабыхъ сторонъ народа; сомнѣніе приводило иныхъ, какъ Чаадаева, къ отчаянію въ будущемъ, приводило къ раздраженному недовольству, какъ Бѣлинскаго и какъ многихъ иныхъ, но эти люди мучительно страдали отъ своего сомнѣнія, со страстью отдавались всему, въ чемъ могли видѣть залогъ лучшаго успѣха въ будущемъ, и никогда не выдѣляли себя изъ среды этого народа, не показывали къ нему того высокомѣрнаго пренебреженія, какое проходитъ легкой, но замѣтной чертой въ понятіяхъ Карамзина. Какъ бы ни легка была эта черта, ея присутствія было достаточно, чтобы внушить людямъ иного характера воззрѣній антипатію къ писателю, каковы бы ни были его другія заслуги. И если вспомнить, что рядомъ съ этимъ Карамзинъ защищалъ безусловно патріархальный абсолютизмъ, не желая замѣчать его историческаго вреда, и поощрялъ его даже тогда, когда онъ самъ готовъ былъ къ уступкамъ; что онъ съ враждебной нетерпимостью смотрѣлъ на всѣ попытки улучшеній, какъ будто и въ самомъ будущемъ желалъ закрыть для націи путь къ новому, болѣе свободному, болѣе совершенному порядку вещей,— мы поймемъ, почему молодое либеральное поколѣніе десятыхъ и двадцатыхъ годовъ уже высказалось противъ Карамзина... *Во всякомъ случаѣ* это отношеніе Карамзина къ народу «нуждается въ оправданіи», какъ говорилъ когда-то кн. Вяземскій о характерѣ фонъ-Визина.

Мы видѣли, въ какомъ свѣтѣ Карамзинъ выставляетъ роль дворянства; онъ настаиваетъ на необходимости аристократіи, и въ самомъ дѣлѣ какъ будто хочетъ выступить органомъ дворянства и его интересовъ. Едва ли онъ могъ представлять себя говорящимъ отъ лица другого сословія, когда онъ обращался къ императору Александру со словами: «требуемъ», «хотимъ», которыя не разъ употреблены въ «Запискѣ». Но кто же далъ вамъ право «требовать» чего-нибудь? — можно было бы спросить его. Эта претензія есть еще одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыхъ мы уже не мало у него видѣли: по его же собственной теоріи «добрымъ россіянамъ» надо было только повиноваться.

Послѣ всего этого, можно себѣ представить, что̀ надо думать, когда тотъ-же Карамзинъ называетъ себя республиканцемъ [1]).

---

[1]) Быть можетъ, менѣе странно, что тоже повторяютъ и новѣйшіе его біографы, напр. «На вопросъ: какому образу правленія Карамзинъ отдавалъ преимущество? сочиненія его даютъ возможность отвѣчать довольно положительно. *По убѣжденіямъ,* онъ былъ неизмѣнный монархистъ, но *по чувству* склонялся къ республикѣ», и проч.

Такимъ же образомъ признавали себя республиканцами и другія историческія лица, представлявшія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ наименѣе республиканскаго. Такъ императрица Екатерина говорила о себѣ въ письмахъ къ Вольтеру. Если въ тѣ времена это была мода, то во времена Карамзина это была пустая фраза, новый образчикъ того самомнѣнія и высокомѣрія, о которомъ мы говорили. Это слово, со временъ классическихъ трагедій, Телемака и Анахарсиса, совмѣщало всякія свободныя и возвышенныя добродѣтели — слыть республиканцемъ, конечно значило стоять выше «грубой толпы», которая неспособна къ свободѣ и не можетъ понимать возвышенности республиканскаго образа мыслей, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было совершенно безопасно и невинно, потому что настоящаго республиканства никто и не опасался, потому что никто въ него серьезно не вѣрилъ,— какъ имп. Павелъ не вѣрилъ доносамъ на Карамзина. Республиканство Карамзина именно была только форма сантиментальнаго самохвальства, потому что на дѣлѣ эта фраза ничѣмъ не подтверждалась. Въ идеалѣ «величія», какое представлялось ему для его собственнаго отечества, нѣтъ ничего, что сколько-нибудь походило бы на народную и общественную свободу. Напротивъ, свобода была ему ненавистна и величіе, какого онъ хотѣлъ, заключается въ громадности государства, въ наружномъ порядкѣ, въ перепугѣ сосѣдей: «колоссъ Россіи ужасенъ» — говоритъ Карамзинъ съ самодовольствомъ...

Въ воззрѣніяхъ Карамзина — которыя въ «Запискѣ» выразились только яснѣе, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, и которыя, конечно, онъ не менѣе ясно высказывалъ въ своемъ кружкѣ— было такимъ образомъ много вещей положительно фальшивыхъ, и въ его отношеніяхъ къ народу, и къ исторіи, и къ настоящему. Конечно, не все въ этихъ ложныхъ взглядахъ принадлежало исключительно ему, но Карамзинъ, по своему литературному вліянію и общественному положенію, въ особенности способствовалъ ихъ распространенію. Въ концѣ концовъ дѣйствіе подобныхъ воззрѣній было, конечно, вредное, деморализирующее. Идеалъ, выставляемый Карамзинымъ, представлялъ такое отсутствіе живого общественнаго содержанія, что не могъ имѣть другого дѣйствія. Неумѣренное восхваленіе патріархальной власти съ отеческими мѣрами «подъ рукой», «безъ шуму» и т. п., съ пренебреженіемъ ко всѣмъ желаніямъ привести ее въ нормальныя формы закона; грубое и фальшивое стремленіе къ внѣшнему «величію»; смѣшное стараніе вздувать очень сомнительную роль аристократіи и рядомъ требованіе безмолвнаго повиновенія; помѣщичье пренебреженіе къ народу и т. д.—все это не могло

быть полезно для внутренняго развитія. Толки о «величіи» создавали тотъ родъ ложнаго патріотизма, который изъ-за внѣшняго шума и блеска не видитъ внутреннихъ бѣдствій отечества, въ которомъ такъ сильно развивается національное самохвальство и воинственная задорность. Карамзину принадлежитъ большая доля въ развитіи того грубаго національнаго самообольщенія, которое нанесло и еще наноситъ много величайшаго вреда нашему общественному развитію,—и «Записка», гдѣ Карамзинъ всего больше высказался со стороны своихъ общественныхъ взглядовъ, была трудомъ, потраченнымъ на защиту отживавшихъ нравовъ и преданій человѣкомъ, котораго по другимъ его трудамъ и таланту печально видѣть партизаномъ стараго общественнаго рабства и застоя.

Впослѣдствіи, мы скажемъ о впечатлѣніи, какое произвела «Исторія Государства Россійскаго» (1818) на общество и особенно на молодое поколѣніе, теперь замѣтимъ только, что въ послѣдніе годы своей жизни Карамзинъ пользовался полной милостью двора, и новое царствованіе началось для него также изъявленіями особенной благосклонности.

Смерть императора Александра опечалила его, и ему пришлось, между прочимъ, увидѣть, чѣмъ бываетъ общество, живущее въ томъ порядкѣ вещей, который онъ такъ рекомендовалъ. «Можно ли читать безъ умиленія, — пишетъ онъ въ декабрѣ 1825 г. Дмитріеву, — что̀ пишутъ объ Александрѣ умнѣйшіе французы и англичане? Намъ лучше безмолвствовать краснорѣчиво. Отъ русской фабрикаціи *тошнитъ*».... Какъ жаль, что онъ не замѣчалъ этого прежде.

Есть не малыя основанія думать, что идеи Карамзина, воплотившіяся въ «Запискѣ»—имѣли практическое вліяніе на высшія сферы новаго наступавшаго періода. Когда русская общественная мысль въ началѣ новаго царствованія переживала трагическій кризисъ, Карамзинъ со всей нетерпимостью и ожесточеніемъ, какія производила его система, внушалъ свои идеи людямъ новаго періода и возбуждалъ въ нихъ вражду къ либеральнымъ идеямъ прошлаго царствованія и либеральнымъ стремленіямъ общества [1]). Этими совѣтами и внушеніями онъ, съ своей стороны, наносилъ свою долю зла начинавшемуся умственному и общественному движенію; онъ рекомендовалъ программу застоя и реакціи, и его имя дало лишній авторитетъ идеямъ этого рода, господствовавшимъ и въ высшихъ сферахъ и въ массѣ общества въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій. Многіе изъ его поклон-

---

[1]) См. Погодина, «Н. М. Карамзинъ», II, стр. 460.

никовъ, «шептавшихъ святое имя», заняли потомъ важныя мѣста въ разныхъ отрасляхъ управленія и вѣрно послужили его идеямъ... Система, имъ рекомендованная, оказалась очень примѣнимой на практикѣ, — въ самомъ дѣлѣ для нея не требовалось никакихъ нововведеній, никакихъ усилій мысли надъ преобразованіями, — и довольно извѣстно, какими плодами обнаружилось ея дѣйствіе: общественная жизнь была совершенно подавлена; русская мысль, имѣвшая въ этомъ періодѣ многихъ блестящихъ представителей, едва могла существовать подъ суровой опекой; сухой формализмъ господствовалъ въ управленіи; въ массѣ общества процвѣталъ тотъ невѣжественно-хвастливый патріотизмъ, который современники назвали квасныѣмъ, крайнее отсутствіе и боязнь мысли; каковы были суды и внутреннее управленіе, это еще очень памятно:—по наружности и на бумагѣ все обстояло благополучно, пока не наступило тяжелое разочарованіе крымской войны. Едва ли кто станетъ спорить, что общественно-политическая система, господствовавшая въ эти десятилѣтія, — по всѣмъ основнымъ чертамъ своимъ, — была именно та самая, горячимъ адвокатомъ которой явился Карамзинъ въ своей «Запискѣ», что она примѣняла именно эти самыя идеи. Едва ли Карамзинъ могъ желать тѣхъ результатовъ, какіе принесла въ концѣ концовъ эта система, но они были необходимы по всей ея сущности. Эти результаты, которые шестнадцать лѣтъ тому назадъ испугали все, даже мало о чемъ думавшее русское общество и возбудили въ немъ — правда не надолго — порывъ къ общественнымъ улучшеніямъ, эти результаты, раскрытые восточной войной, и даютъ возможность опредѣлить практическій смыслъ идей, которыхъ представителемъ былъ Карамзинъ и характеръ того общественнаго круга, отъ лица котораго онъ хотѣлъ говорить.

V.

Переходное время. — Возбужденіе умовъ после 1812 года.

«Планъ» Сперанскаго и «Записка» Карамзина представляютъ крайніе пункты, до которыхъ дошелъ общественный вопросъ въ первую половину царствованія: «Планъ» былъ крайнимъ пунктомъ того, чтó думало сдѣлать правительство, стоявшее въ тѣ годы во главѣ либеральнаго меньшинства; «Записка» выказывала настроеніе большинства, т.-е. главнымъ образомъ дворянскаго общества, надутаго своимъ мнимымъ значеніемъ и недовольнаго нововведеніями, между прочимъ, грозившими крѣпостному праву. Эти два произведенія даютъ понятіе о сущности положенія; къ нимъ вообще сводятся мнѣнія тогдашняго общества, насколько оно позволяло себѣ разсуждать.

Къ этимъ главнымъ направленіямъ приводится и содержаніе литературы. Мы до сихъ поръ почти не упоминали о ней, потому, что эта литература, издавна пріученная къ почтительному молчанію обо всемъ, чтó именно и должно бы быть ея серьезнымъ содержаніемъ, по своимъ условіямъ и до сихъ поръ, собственно говоря, не можетъ служить настоящей мѣркой общественнаго мнѣнія, а тогда въ особенности. Либерализмъ правительства расширилъ нѣсколько рамку дозволенныхъ разсужденій, и сопоставляя факты и сравнивая тонъ литературы съ прежнимъ, можно и въ теченіе этихъ лѣтъ найти извѣстный успѣхъ; но, говоря вообще, литература еще слишкомъ мало касалась дѣйствительныхъ общественныхъ вопросовъ, или касалась ихъ слишкомъ отвлеченнымъ и далекимъ образомъ, и со времени книги Радищева никогда не касалась ихъ въ такой прямой формѣ, какъ мы видимъ это въ изложенныхъ выше трудахъ Сперанскаго и Карамзина.

Собственно говоря, эти труды и не принадлежали литературѣ. Одинъ былъ оффиціальная работа; другой — частная за-

писка, предназначенная также только для государя. Литература, въ своемъ обыкновенномъ содержаніи, не представляла и тѣни подобной прямоты и смѣлости изложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ она не выражала и дѣйствительнаго состоянія мнѣній, до которыхъ доходили въ обществѣ болѣе просвѣщенные и болѣе смѣлые умы: *такого* рода выраженіе, во-первыхъ, не было бы дозволено обществу, во-вторыхъ, въ большинствѣ и *не было* еще этихъ попытокъ свободной мысли и свободнаго слова. Это безсиліе литературы было весьма естественнымъ результатомъ всей ея исторіи, и всей исторіи общественнаго образованія. Со временъ Петра и до временъ Александра литература играла почти чисто служебную роль, какъ одно изъ орудій реформы: это былъ долго ея главнѣйшій, даже исключительный характеръ, котораго она не покидаетъ вполнѣ даже тогда, когда въ ней выступаютъ «свободныя» силы — поэзія и научное изслѣдованіе. Въ этомъ служеніи дѣлу реформы литература имѣла вообще двойную задачу: ей предстояло усвоивать русскому сознанію тѣ общія понятія цивилизаціи, которыхъ не дала ему сама русская жизнь и ея прошедшее; во-вторыхъ, уразумѣть и изображать собственную жизнь нашего общества. Извѣстно, какъ для исполненія перваго, она должна была просто учиться и заимствоваться у западной литературы, брать изъ нея не только содержаніе, но и формы: она повторяла тѣ же мысли, вводила у себя всѣ литературныя формы, какія находила въ литературѣ иностранной. Съ такого же, чисто подражательнаго пріема начала она и исполненіе второй задачи: Кантемиръ вставлялъ черты русской жизни въ передѣлки Буало и Ювенала; зависимость отъ чужого образца очень замѣтна даже у фонъ-Визина. Въ теченіе XVIII-го вѣка, отношеніе литературы къ русской жизни остается въ сущности тоже, какое такъ рѣзко отличаетъ первый образчикъ ея— сатиру Кантемира. Литература еще не можетъ назваться свободнымъ выраженіемъ идей, выросшихъ въ самомъ обществѣ, зрѣлымъ произведеніемъ умственной жизни, независимой отъ правительственнаго руководства; этой самостоятельности еще нѣтъ, и литература продолжаетъ своею служебную роль—она воспѣваетъ дѣянія правительства, караетъ и осмѣиваетъ въ обществѣ недостатки, мѣшающіе намѣреніямъ правительства и ему непріятные. Единственнымъ исключеніемъ остаются въ XVIII-мъ столѣтіи Новиковъ и Радищевъ: поэтому съ нихъ и начинается исторія попытокъ самостоятельной общественной литературы. Но характеръ жизни былъ таковъ, что эти попытки обошлись ихъ авторамъ очень дорого. Власть вовсе не была намѣрена выпускать общество изъ своихъ рукъ и дозволять ему собственное разсужденіе: совсѣмъ

напротивъ, и потому, послѣ этихъ попытокъ, литература возвращается въ свой уголокъ, изъ котораго хотѣла-было выглянуть, и опять довольствуется скромными разсужденіями объ отвлеченной нравственности, которыя однѣ ей предоставлялись...

Впрочемъ, въ этомъ распространеніи отвлеченнаго умственнаго и нравственнаго образованія, литература дѣлаетъ успѣхи. Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, уже выступившій съ романтизмомъ, были большимъ прогрессомъ противъ XVIII-го вѣка, и вели дѣло впередъ, потому что общественная мысль все-таки нѣсколько развивалась подъ вліяніемъ новыхъ понятій, ощущеній, новыхъ идеаловъ, которые выставляла литература, — хотя это было движеніе медленное и еще мало сознательное, еслибы мы стали опредѣлять его непосредственное практическое дѣйствіе. Въ изученіи и изображеніи собственно русской жизни литература начала царствованія Александра (или по крайней мѣрѣ наибольшая ея доля) сдѣлала мало успѣховъ, сравнительно съ прежнимъ: она больше начинаетъ приглядываться къ этой жизни, лучше схватываетъ многія внѣшнія ея черты, старается усвоить ея языкъ и ввести его въ книгу на мѣсто прежняго искусственнаго и схоластическаго, — но она еще далека отъ дѣйствительной жизненной правды, она еще не понимаетъ настоящей народной жизни, ея нужды и горя, ея надеждъ и мучительныхъ ожиданій. Протестъ, нѣкогда выставленный Радищевымъ, оставался неподдержаннымъ. Александръ снялъ съ писателя опалу,—но ожидалъ, конечно, что и онъ измѣнитъ свои мнѣнія. Смерть Радищева была страшнымъ предзнаменованіемъ, что времена гоненій еще не кончились; два-три голоса изъ новаго литературнаго поколѣнія почтили его память выраженіями горячаго сочувствія къ его личности, но его свободное критическое направленіе не нашло продолжателей даже въ смягченной формѣ. Господствующій тонъ литературы былъ все еще временъ Державина, который и самъ продолжалъ дѣйствовать.

Державинская поэзія (мы разумѣемъ тѣ его произведенія, которыя относятся къ непосредственнымъ событіямъ времени), въ которой такъ господствуетъ неумѣренно хвалебная ода, имѣетъ, безъ сомнѣнія, свое историческое значеніе. Это — поэзія того періода, когда Россія доканчивала завоевательную программу Петра Великаго и утверждала свое политическое значеніе въ Европѣ, когда вся политическая жизнь сосредоточивалась въ правительствѣ, и когда дворъ, торжествуя счастливыя побѣды, желалъ присоединить къ своему величію блескъ европейскаго изящнаго образованія и свѣтскихъ нравовъ. Дворъ былъ блестящимъ фокусомъ этой жизни: общество почти впервые начало образовываться, и

еще далекое отъ какой-нибудь самобытности, въ большинствѣ было вполнѣ вѣрно старымъ нравамъ безусловной покорности и слѣпо шло по указаніямъ безгранично повелѣвавшей власти. Высшимъ предметомъ поклоненія, какой былъ понятенъ для Державина, была «Фелица». Поэзія Державина воспѣла, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ идеалъ самодержавной власти, и гиперболическій способъ ея выраженія считался высокимъ образцомъ для патріотическихъ пѣснопѣній. Быть можетъ, онъ и былъ нуженъ для грубоватаго эстетическаго вкуса тогдашней публики, на который могли не подѣйствовать болѣе тонкія вещи. Вмѣстѣ съ восхваленіемъ «богоподобной царицы», Державинъ покушался въ своихъ одахъ говорить «истину», но истина была обыкновенно такъ переплетена съ лестью, что мудрено сказать, могла ли она произвести какое-нибудь дѣйствіе.

Державинъ былъ самымъ крупнымъ и характеристическимъ представителемъ этой литературы: въ результатѣ поэзіи и общественной жизни XVIII-го вѣка остался въ нашей литературѣ панегирическій тонъ, который сталъ почти обязателенъ въ литературѣ; въ обществѣ складывался тотъ особый патріотизмъ, сущность котораго состоитъ въ самовосхваленіи и воинственномъ задорѣ, и которымъ преисполнена литература описываемаго времени. Вслѣдъ за Державинымъ цѣлая толпа риѳмотворцевъ развивала его темы. Эта поэзія перешла въ цѣлости и въ александровскія времена. Можно было бы привести цѣлый длинный рядъ образчиковъ этого рода; возьмемъ первый, который встрѣчается. Торжество коронованія праздновалось въ Москвѣ, между прочимъ, особеннымъ собраніемъ университета со множествомъ рѣчей и стиховъ. Русская ода написана была Мерзляковымъ, который, между прочимъ, призывалъ русскихъ къ наукамъ, просвѣщенію, благотворенію, словомъ къ мирнымъ добродѣтелямъ,— но и этотъ мирный призывъ выражается слѣдующимъ образомъ:

Гдѣ, гдѣ неслышно имя Россовъ?
Какъ *буря*, міръ они прошли!
Въ сто лѣтъ побѣдныхъ, сто колоссовъ
Во всѣхъ краяхъ имъ возрасли!(?)
Куда еще имъ бросить громы?...
Постойте, пламенные сонмы!
Вамъ новый къ славѣ путь открытъ!
Пусть Россъ наукой, просвѣщеньемъ,
Добротою, благотвореньемъ,
Въ другой разъ міръ сей побѣдитъ!

Такимъ образомъ гордость націи, и по мнѣнію скромнаго служителя науки и изящнаго, состоитъ въ томъ, чтобъ народъ былъ

бурей, бросалъ громы, побѣждалъ, разрушалъ и т. д. Наилучшей славой для народа казалась репутація Чингисхановой орды.... Успѣхи просвѣщенія понимаются, весьма характеристично, тоже какъ побѣда надъ другими: это не есть желаніе мирной образованности для самихъ себя, а желаніе — заткнуть за поясъ другихъ. Восхваленіе нашихъ военныхъ дѣяній въ тогдашней поэзіи всегда превышало мѣру вѣроятія и здраваго смысла: у Державина русскій полководецъ «ступитъ на горы, горы трещатъ», «башни рукою за облакъ бросаетъ» и творитъ другія подобныя невѣроятности. Здѣсь являются какіе-то сто колоссовъ, «Россы» проходятъ «міръ» и смотрятъ, «куда еще имъ бросить громы»—какъ будто только въ этомъ и состоитъ ихъ занятіе.

Таковы были національные идеалы.

У себя дома эти страшные Россы, метавшіе громы по всему міру, были тише воды, ниже травы. Бывали у нихъ минуты шалости, когда они мечтали о прелестяхъ республиканской свободы: «счастливые швейцары,—восклицалъ Карамзинъ,—при всякомъ ли біеніи пульса благословляете вы свою долю, живя въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и *предъ однимъ Богомъ наклоняя гордую выю свою*?» Старшіе прощали эти шалости по ихъ совершенной невинности. Помышленія большинства не доходили и до этого. Смѣлѣйшіе представители литературы намѣревались иногда возвѣщать «истину», но на дѣлѣ на это не рисковали, и въ концѣ концовъ придумали способъ «истину царямъ *съ улыбкой* говорить», такъ что слушающій истины конечно не узнавалъ, а видѣлъ только улыбку и преданность.

Таковъ былъ наиболѣе распространенный тонъ. Онъ конечно свидѣтельствовалъ о весьма ничтожномъ уровнѣ общественной мысли. Такъ оно дѣйствительно и было, по собственному сознанію корифеевъ литературы: Державинъ еще не такъ давно предавался радости, что ему—

И знать, и мыслить позволяютъ [1]),

а Карамзинъ утверждалъ, что Екатерина «научила насъ разсуждать» [2]).

Понятно, что при этой степени развитія большинство мало разумѣло тѣ общественные вопросы, которые возбуждало въ первые годы царствованія Александра само правительство. Правда, литература вовсе не осталась безотвѣтна на эти поощренія. Въ

---

[1]) Ода къ Фелицѣ.

[2]) Похвальное Слово Екатеринѣ.

журналахъ стали появляться статейки политическаго и общественнаго содержанія, переводы изъ иностранныхъ политическихъ писателей; вопросы объ общественномъ устройствѣ, о дворянствѣ, о свободѣ печати и т. п. обсуждались по мѣрѣ силъ,—иногда высказывались здравыя замѣчанія и честныя понятія авторовъ,—но серьезныхъ людей и мнѣній было немного, по всему видно было, что это были еще первыя упражненія, часто очень искреннія и благородныя, но робкія и нерѣшительныя.

Литература этихъ годовъ какъ будто боялась повѣрить приглашеніямъ къ свободѣ, какъ будто ей еще памятно было, какъ, несмотря на «позволеніе мыслить и разсуждать», настоящія разсужденія очень дорого обходились тѣмъ, кто повѣрилъ этому позволенію. Хотя теперь наступило царствованіе Александра, котораго таже литература поголовно восхваляла за кротость, «небесную» милость и т. д., но въ литературѣ тѣмъ не менѣе господствуетъ еще старая боязнь сказать что-нибудь, что могло бы не понравиться властямъ. Какая страшная разница была между литературой, существовавшей оффиціально, и дѣйствительными мыслями людей, мы видѣли на Карамзинѣ: конечно, никогда бы онъ не рѣшился сказать въ печати десятой доли того, что онъ говоритъ въ своей «Запискѣ».

Литературныя партіи, образовавшіяся въ это время, споръ стараго и новаго слога, который сталъ потомъ споромъ классицизма съ романтизмомъ, довольно характеристически свидѣтельствуютъ объ уровнѣ понятій. Цѣлью нападеній Шишкова былъ собственно Карамзинъ, въ которомъ люди стараго вѣка на первыхъ порахъ заподозрили чистаго революціонера. Въ старой литературѣ сумароковскихъ и державинскихъ временъ, когда еще не былъ конченъ трудъ перваго внѣшняго устройства литературы, величайшая важность придавалась именно слогу, внѣшней формѣ: мысль не возбуждала споровъ, потому что всегда была достаточно благонамѣренна и невинна,—за то все вниманіе критики направлялось на внѣшнюю отдѣлку фразы, на выборъ словъ, на удачныя или неудачныя риѳмы, на соблюденіе правилъ о трехъ извѣстныхъ степеняхъ слога. Поэтому, когда стали появляться первыя сочиненія Карамзина, и въ нихъ обнаружилось стремленіе освѣжить литературныя формы, это нововведеніе прежде и сильнѣе всего бросилось въ глаза писателямъ старой школы, и они вооружились на ересь; новость была и въ самомъ содержаніи, и они заключили, что это измѣненіе слога, которое они сочли непозволительнымъ нарушеніемъ правилъ и достоинства языка, предполагаетъ и зловредное направленіе писателя. Въ карамзинской манерѣ замѣтно было французское вліяніе, отсюда

не трудно было заключить, что онъ вообще заразился французскимъ духомъ. Шишковъ съ жаромъ доказывалъ, что порча языка свидѣтельствовала о нравственной порчѣ, потому что неуваженіе къ старинному языку означаетъ вообще неуваженіе къ старинѣ, къ старинньмъ русскимъ добродѣтелямъ, словомъ, означаетъ вольнодумство и потерю любви къ отечеству. Карамзинъ не отвѣчалъ, но писатели его школы отвѣтили на нападенія Шишкова насмѣшками надъ ошибками его собственнаго слога, которыхъ онъ надѣлалъ въ пылу своей старовѣрческой ревности.

На дѣлѣ между Шишковымъ и Карамзинымъ,—кромѣ разницы въ языкѣ, — не было существеннаго различія. Впослѣдствіи Шишковъ самъ имѣлъ случай достаточно убѣдиться, что въ основныхъ общественныхъ вопросахъ имъ почти не о чемъ спорить. Ихъ патріотизмъ былъ одинаково консервативный. Оба они писали о любви къ отечеству и говорили въ сущности одно и тоже; оба не любили нововведеній и предпочитали старую патріархальность, оба возставали противъ иностранныхъ учителей, которымъ поручалось у насъ воспитаніе, и Шишковъ конечно принялъ бы всѣ выводы «Записки» Карамзина. Во внѣшности между ними была разница: въ Шишковѣ было много церковно-архаическаго, Карамзинъ въ свое время былъ деистомъ и отличался свѣтской образованностью во французскомъ вкусѣ. Шишковъ въ своей литературной внѣшности былъ аляповатъ, Карамзинъ всегда приглаженъ,—но при всей этой разницѣ оба приходили къ той же консервативной нетерпимости: Карамзину не помѣшали въ этомъ ни деизмъ, ни «республиканскія» чувства.

Какъ не понялъ Шишковъ самого Карамзина, такъ онъ и послѣ не понималъ молодыхъ писателей, противъ которыхъ направлялось его обличеніе «новаго слога». Онъ видѣлъ въ нихъ что-то для него новое, видѣлъ явный ущербъ старому слогу, но никакъ не могъ понять сущности ихъ мнѣній. Онъ взваливалъ на нихъ такія вещи, въ которыхъ они были совершенно неповинны,—обвинялъ ихъ въ пристрастіи къ французскому, т.-е. революціонному и вольнодумному, чуть не въ измѣнѣ и союзѣ съ Наполеономъ. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ литературой въ пользу новаго образованія, въ пользу нѣсколькихъ общихъ гуманныхъ понятій, было довольно, чтобы поднять самыя озлобленныя обвиненія....

Такова была тогдашняя война противъ галломаніи, въ которой ревностные консерваторы находили тогда источникъ всѣхъ нашихъ золъ и бѣдствій: эта война можетъ служить образчикомъ той неясности понятій, какая господствовала въ большинствѣ общества.

Съ начала наполеоновскихъ войнъ, когда «россы» потерпѣли нѣсколько пораженій и «громы» оказались безсильны, въ этомъ обществѣ начинается сильное раздраженіе противъ «изчадія революціи», и національная вражда къ французамъ. Воинственный задоръ нѣсколько утихъ, но вражда становилась тѣмъ сильнѣе, и у себя дома нашла себѣ исходъ въ литературномъ обличеніи галломаніи и французскаго воспитанія. Эту тему начали еще журналы екатерининскаго времени, нападавшіе на «петиметровъ», воспитанныхъ на французскихъ манерахъ, но никогда она не разработывалась съ такимъ усердіемъ, какъ въ это время. По словамъ обличителей можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ вся бѣда заключалась только въ пристрастіи къ французскому, что не будь этого, все бы у насъ было отлично. Обличители, во главѣ которыхъ стояли Шишковъ и Ростопчинъ, видѣли во французскихъ обычаяхъ и воспитаніи язву, которая подкапываетъ всѣ наши добродѣтели. Шишковъ утверждалъ это во всей сердечной простотѣ; насколько эта проповѣдь была искренна и имѣла смыслъ у Ростопчина, можно видѣть изъ того, что этотъ прославляемый патріотическій писатель, «сто̀ль извѣстный у насъ за самаго русскаго», по замѣчанію о. Морошкина, самъ поощрялъ самую худшую форму этой галломаніи, когда писалъ хвалебные гимны іезуитскому пансіону аббата Николя [1]).

Люди болѣе благоразумные замѣчали, что не слѣдуетъ однако думать, что все французское дурно, ссылались въ подтвержденіе на знаменитыхъ французскихъ писателей и т. п., но резоны не помогали, и обличеніе галломаніи, какъ обличеніе «новаго слога», превратилось въ преслѣдованіе вольнодумства, представляющее чрезвычайно много сходства съ травлей нигилизма въ наше время: даже люди, повидимому честные, вопіяли о воображаемыхъ опасностяхъ отъ вольнодумства, жаловались, что мы забываемъ добрые русскіе нравы и почтенную старину, и считали нашихъ вольнодумцевъ настоящими агентами и союзниками революціи. Эти люди чувствовали что-то неладное въ общественной жизни, не были въ силахъ сообразить, что̀ именно неладно и откуда оно идетъ, накидывались на французское вліяніе, какъ на источникъ всего зла. Это былъ дешевый способъ рѣшить вопросъ, не ломая головы, способъ, который до сихъ поръ у насъ въ большомъ употребленіи. На дѣлѣ вольнодумство было еще такъ невинно, и его было такъ немного, что говорить объ опасности его для государства было просто глупо. Подражаніе французскимъ обычаямъ въ полуобразованномъ дворянствѣ или страсть къ французскому

---

[1]) См. Морошкина, Іезуиты, II, стр. 112 и въ друг. мѣст.

языку были больше забавны, чѣмъ опасны. Но никто изъ обличителей, и даже тѣхъ, кто воздерживалъ ихъ и спорилъ съ ними, не подумалъ о томъ, отчего же въ русскомъ обществѣ могла развиться до такой степени эта подражательность, и отчего мы такъ легко забывали добрые русскіе нравы (если это была правда). Обличители и ихъ противники не подумали оглянуться на состояніе русскаго общества, которое могло бы объяснить это равнодушіе къ старымъ нравамъ и податливость къ чужому вліянію; они не видѣли, что это было состояніе безпомощное въ умственномъ отношеніи, что въ этой подражательности обнаруживалось только, грубымъ образомъ, желаніе получить какіе-нибудь цивилизованные обычаи, какую-нибудь внѣшность образованія, что французскіе учителя были въ модѣ, потому что русскихъ и вовсе не было. Первый примѣръ подражательности подавалъ старый дворъ восемнадцатаго столѣтія, т.-е. именно того времени, когда предполагалось существованіе добрыхъ старыхъ нравовъ; потомъ, примѣръ подавало высшее общество, гдѣ иностранные воспитатели были нерѣдко дѣйствительно образованные люди, безъ сомнѣнія, принесшіе у насъ свою не малую долю пользы русскому образованію,—средній дворянскій классъ искалъ такого же воспитанія потому, что таковое требовалось и что другого и не было, потому, что и власть и само общество были вовсе невзыскательны относительно образованности, и кое-какого знанія французскаго языка было довольно, чтобы начинать свою дворянскую карьеру. Сами консерваторы находили, что университеты для дворянства не нужны, что «дворяне служатъ», — а на службѣ требовалось хорошее происхожденіе и связи, нѣкоторый лоскъ и французскій языкъ. Было много случаевъ, что брали въ учителя поваровъ и парикмахеровъ, но виноваты были, разумѣется, не парикмахеры и повара, а собственное невѣжество людей, которые ихъ брали, т.-е. невѣжество самаго общества.

Съ такимъ характеромъ являются въ литературѣ общественные вопросы. Состояніе общественнаго мнѣнія было не блестящее. Въ образованномъ меньшинствѣ бродили мысли о необходимости улучшеній и преобразованій, было искреннее сочувствіе къ либеральнымъ нововведеніямъ правительства, но какъ самыя нововведенія были нерѣшительны, такъ были нерѣшительны и мнѣнія либеральнаго меньшинства. Приверженцы стараго порядка были смѣлѣе: они видѣли колебанія правительства, и перестали слишкомъ опасаться за порядокъ вещей, при которомъ въ прежнее время процвѣтали. Но первые годы царствованія встревожили ихъ спокойствіе, и теперь они отплачивали обличеніемъ французскаго вольнодумства.

Паденіе Сперанскаго развязало руки реакціонной партіи въ высшемъ обществѣ. Въ Сперанскомъ видѣли представителя этого безпокойнаго вольнодумства; на него взвалили всѣ обвиненія, какія могли придумать. Въ его ссылкѣ, сначала въ Нижній, потомъ дальше, въ Пермь, можно было указывать подтвержденіе повсюду распространяемыхъ толковъ объ его «измѣнѣ». Эти безсмысленные толки убѣждали простодушную массу общества, что дѣйствительно люди, хотѣвшіе передѣлывать русскую жизнь, были враги Россіи и союзники революціи. Александръ, въ ожиданіи приближающейся войны и послѣ удаленія Сперанскаго, остановилъ свои преобразованія, и хотя, какъ увидимъ, въ самое время ссылки Сперанскаго онъ еще говорилъ о своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ, но тѣмъ не менѣе въ его обстановкѣ люди либеральныхъ взглядовъ отступили окончательно на задній планъ.

Не лишенную интереса характеристику русскаго общества этой эпохи оставила, между прочимъ, г-жа Сталь. Загнанная въ 1812 году въ Россію, она, въ свое короткое пребываніе въ Москвѣ и Петербургѣ, съумѣла вѣрно замѣтить нѣкоторыя существенныя черты русской жизни, — какъ вообще иностраннымъ писателямъ о Россіи нерѣдко удается подмѣчать наиболѣе характеристическія общія черты, которыхъ мы сами не замѣчаемъ по привычкѣ, хотя въ подробностяхъ эти писатели часто дѣлаютъ грубыя ошибки. Г-жа Сталь вращалась только въ высшемъ обществѣ, но слова ея часто могутъ относиться и ко всему русскому обществу. Какъ европейская знаменитость, она была встрѣчена въ Россіи весьма гостепріимно, ей оказывались всякія любезности: она скорѣе была расположена судить о русскомъ обществѣ благопріятно, тѣмъ не менѣе отзывы ея очень недовѣрчивы.

«Большая часть русскихъ аристократовъ, — разсказываетъ она,—говоритъ такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ *иллюзію* относительно степени ума и знаній у людей, съ которыми говоришь. Начало почти всегда показываетъ умнаго человѣка или умную женщину; но въ заключеніе, иногда только и находишь одно начало. Въ Россіи не привыкли говорить отъ глубины души или ума; еще недавно, русскіе такъ боялись своихъ повелителей, что еще не могли привыкнуть къ благоразумной свободѣ, которою они обязаны характеру Александра.

«Образованность распространена еще мало для того, чтобы могло составиться общественное мнѣніе (jugement public), образуемое мнѣніями каждаго отдѣльнаго лица. У русскихъ слишкомъ увлекающійся характеръ, чтобы они могли любить *идеи*, а особенно идеи отвлеченныя: ихъ занимаютъ только *факты*;

у нихъ еще нѣтъ ни времени, ни вкуса на то, чтобы переводить эти факты въ общія понятія. Да притомъ всякая сильная мысль всегда болѣе или менѣе опасна среди двора, гдѣ люди подстерегаютъ другъ друга и всего чаще завидуютъ другъ другу».

Она восхваляетъ любезность русскихъ вельможъ, напр. Ростопчина, Румянцева, Орлова, Нарышкина и т. д., описываетъ великолѣпные праздники и всякія развлеченія, въ которыхъ проводитъ время аристократическое общество. «Восточное молчаніе, — продолжаетъ она, — превратилось у русскихъ въ любезныя слова, но эти слова обыкновенно не проникаютъ до сущности вещей. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ; но въ концѣ концовъ, въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ.»

Относительно политическихъ мнѣній въ русскомъ обществѣ г-жа Сталь находила, что въ Петербургѣ, въ особенности высшая аристократія гораздо менѣе либеральна, чѣмъ самъ императоръ. «Привыкши быть абсолютными господами своихъ крестьянъ, они хотятъ, чтобы монархъ въ свою очередь былъ всемогущимъ, чтобы поддерживать іерархію деспотизма».

Образованность даже высшаго сословія показалась ей, конечно справедливо, весьма неполной, даже ограниченной. Она съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣчала, что «дворяне служатъ», не успѣвши получить никакого правильнаго образованія, что всѣ дворяне идутъ обыкновенно въ военную службу и «образованіе кончается въ 15 лѣтъ» [1]. Г-жа Сталь соглашалась, что это еще понятно было въ то время, при военныхъ обстоятельствахъ, но — «въ болѣе спокойное время справедливо можно было бы сказать, что въ гражданскомъ отношеніи, во внутреннемъ управленіи Россіи есть *большіе пробѣлы*. У націи есть энергія и величіе; но *порядка* и *образованности* часто еще недостаетъ и въ правительствѣ и въ частной жизни». Она ожидала, что по возстановле-

[1]) Въ письмахъ Евгенія Болховитинова (въ маѣ 1804) читаемъ: «Вы все дожидаетесь открытія харьковскаго университета, но и открытые *едва дышатъ* о сю пору. *Ни учить, ни учиться некому.* Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія» (т.-е. съ приготовительнымъ ученьемъ). Кто-жъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ» и пр. (Р. Арх. 1870, стр. 838). Эту дворянскую «службу» Карамзинъ, какъ мы видѣли, считалъ совершенно въ порядкѣ вещей, и «ученое сословіе» онъ предполагалъ всего лучше устроить изъ мѣщанства!

ніи мира императоръ займется улучшеніемъ своей страны въ этихъ отношеніяхъ.

Разсказавъ объ увеселеніяхъ большого свѣта, безпрестанныхъ балахъ, многолюдныхъ собраніяхъ и т. п., г-жа Сталь говоритъ: «Съ нѣкоторыми различіями такую же жизнь ведутъ всѣ большіе дома въ Петербургѣ; какъ видимъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь серьезномъ разговорѣ (entretien suivi), и въ такомъ обществѣ образованіе ни къ чему не требуется; и когда кто-нибудь хочетъ собрать у себя большое общество, то увеселенія составляютъ вообще единственный способъ предупредить скуку, какую всегда производитъ въ салонахъ толпа». Нравы съ прошлаго столѣтія улучшились подъ вліяніемъ новаго двора, — «но и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, принципы нравственности не установились хорошенько въ головахъ русскихъ. Вліяніе повелителя было всегда такъ сильно, что съ перемѣной царствованія могутъ перемѣниться всѣ понятія обо всѣхъ предметахъ».

Это послѣднее замѣчаніе должно давать весьма печальное понятіе о внутреннемъ содержаніи тогдашняго общества, но что это замѣчаніе не было лишено основанія — объ этомъ едва ли можно спорить. Вслѣдъ затѣмъ, г-жа Сталь говоритъ о крайней сдержанности и робости, къ которой пріучило русскихъ свойство ихъ правленія. «Эта сдержанность, — говоритъ г-жа Сталь, — была, въ разныя царствованія, слишкомъ необходима для нихъ, и ей надо приписать недостатокъ правдивости, въ которомъ ихъ обвиняютъ. Утонченности цивилизаціи вездѣ вытѣсняютъ искренность характера; но когда государь имѣетъ неограниченную власть ссылать, сажать въ тюрьму, посылать въ Сибирь и пр. и пр., его могущество есть уже нѣчто слишкомъ сильное для человѣческой природы. Можно было бы встрѣтить людей, которые изъ гордости пренебрегали бы милостями, но надо имѣть героизмъ, чтобы идти на преслѣдованіе, а героизмъ не можетъ быть качествомъ всѣхъ». Это не относится къ настоящему царствованію, замѣчаетъ г-жа Сталь, — «но подданные сохраняютъ *недостатки рабства* долго послѣ того, какъ даже самъ государь хотѣлъ бы уничтожить въ нихъ эти недостатки» [1]).

Къ этой характеристикѣ надо прибавить только, что остальныя ступени общества отличались тѣмъ же отсутствіемъ самостоятельности и недостаткомъ прочнаго образованія. Только небольшая часть этого общества живо чувствовала потребность въ лучшемъ порядкѣ вещей; теперь и эта часть должна была за-

[1]) Dix années d'exil. Brux. 1821, стр. 226 — 227, 231 — 232, 238 — 240.

молчать. Либеральное направленіе было подавлено съ паденіемъ Сперанскаго; программа Карамзина, такъ благопріятствовавшая патріархальнымъ нравамъ большинства, могла бы осуществиться теперь же, еслибы великое историческое потрясеніе не дало жизни новаго толчка, который снова пробудилъ въ ней засыпáвшія силы. Это потрясеніе произвелъ двѣнадцатый годъ.

Война двѣнадцатаго года была изъ тѣхъ великихъ войнъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память и производятъ сильное дѣйствіе на народную жизнь. Таковы бываютъ тѣ войны, въ которыхъ дѣйствуетъ извѣстное историческое начало, сильно затрогивающее народныя понятія, или рѣшается вопросъ національной независимости,—войны, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ борьбы является не одна армія, но самъ народъ. Быть можетъ, со временъ Петра, когда Россія завоевала свое положеніе въ системѣ европейскихъ государствъ, не было войны, которая бы такъ сильно дѣйствовала на національное сознаніе. Войны турецкія, польскія, шведскія, прусскія, и т. д., происходившія отъ Петра до Александра, имѣли большое внѣшнее политическое значеніе, но оставались довольно индифферентны для народа: всего больше народъ чувствовалъ ихъ тягость, до него доносилась темная молва о событіяхъ, оставалось даже нѣкоторое сознаніе славы и силы русскаго царства, но вообще онъ былъ довольно чуждъ къ этимъ войнамъ, резонъ которыхъ былъ для него неизвѣстенъ. Не то было теперь. Нѣсколько предыдущихъ войнъ уже сдѣлали имя Наполеона извѣстнымъ всякому: неудачи русскаго войска, прежде такъ часто побѣждавшаго, а теперь всего чаще побѣждаемаго, внушали тревожное опасеніе, которое переходило наконецъ въ національную ненависть къ врагу. Такая ненависть была уже въ обществѣ, среди котораго стали раздаваться озлобленные голоса противъ французовъ и противъ пристрастія къ нимъ многихъ русскихъ; эта ненависть стала сообщаться и народу. Начало войны отвѣчало ожиданіямъ. Наполеонъ пришелъ съ арміей, которая своей громадностью подтверждала опасенія, что она предназначена если не покорить Россію, то много отнять у нея. Ходъ войны, разрушеніе городовъ, страшное истребленіе людей, занятіе Москвы, не видавшей непріятеля со временъ междуцарствія, все это производило потрясающее дѣйствіе и дало войнѣ страшный видъ борьбы за существованіе. Среди всѣхъ пораженій и бѣдствій, народъ не упалъ духомъ; напротивъ, опасность, въ которой понадобилась его прямая помощь, подняла его; исходъ войны, от-

ступленіе наполеоновской арміи, усилилъ въ обществѣ и даже въ народѣ пробудившееся чувство національнаго достоинства....

Общее историческое значеніе войны двѣнадцатаго года не подлежитъ сомнѣнію. Упорство и единодушіе борьбы свидѣтельствовало о сильномъ чувствѣ національной особности; война должна была подѣйствовать на современниковъ, какъ общее дѣло, въ которомъ приняли участіе всѣ слои народа, и осталась историческимъ воспоминаніемъ, которое поддерживало вѣру въ силы народа и въ его будущее. Наконецъ война, указывавшая такую національную энергію, произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ, пріобрѣла Россіи извѣстныя симпатіи и, между прочимъ, содѣйствовала той роли, какую занимала Россія въ теченіе послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ.

Труднѣе опредѣлить частное значеніе этой войны и ея непосредственныя послѣдствія въ общественномъ отношеніи.

Въ разныхъ слояхъ народа и общества война, конечно, подѣйствовала различно. Въ народной массѣ ненависть къ нашествію приняла религіозно-суевѣрный оттѣнокъ; книжники и грамотѣи открыли, что Наполеонъ есть воплощеніе Антихриста, который пришелъ съ войскомъ нехристей истреблять народъ и вѣру, что въ его имени скрыто апокалиптическое число. Это убѣжденіе, которое народъ сохранилъ надолго, конечно, только усиливало ненависть къ французамъ долей религіознаго фанатизма. Общая опасность, грозившая цѣлой націи, произвела единодушіе, какого никогда не видала русская жизнь въ обыкновенное время. Всѣ соединялись въ пожертвованіяхъ, всѣ готовы были вооружаться. Записки того времени разсказываютъ о «добромъ согласіи между всѣми состояніями», объ «общемъ братствѣ». Народная сила дѣйствовала по своимъ инстинктамъ и оказала великую помощь усиліямъ правительства. «Всѣ распоряженія и усилія правительства,—замѣчаетъ одинъ современникъ, — были бы недостаточны, еслибъ народъ, по прежнему, остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители, при приближеніи французовъ, удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе; не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы.... Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.... Конечно, никогда прежде, и никогда послѣ императоръ Александръ не былъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время; въ это время онъ его любилъ и уважалъ» [1]). Другой современникъ разсказы-

[1]) Записки И. Д. Якушкина.

ваетъ, что по изгнаніи непріятеля, крестьяне, также по-своему воевавшіе съ французами, думали, что ихъ усилія и жертвы даютъ имъ право на свободу, и между ними стали оказываться случаи неповиновенія. Правительство показало здѣсь большую умѣренность; но прежній порядокъ былъ мало-по-малу возстановленъ. «Еслибы русская армія — прибавляетъ тотъ же авторъ — заключала тогда въ себѣ тѣ элементы прогресса, зародыши которыхъ она представила впослѣдствіи, то попытки освобожденія вѣроятно обнаружились бы не только между одними крѣпостными, — такъ велико было въ русскомъ народѣ, въ эту минуту, чувство своей силы и своего достоинства» [1]).

Но это чувство, какъ и другія движенія, возбужденныя этимъ временемъ въ народной массѣ, не имѣли дальнѣйшаго дѣйствія. Война, вызвавшая столько жертвъ со стороны народа, не сдѣлала никакой перемѣны въ его положеніи, ничѣмъ не улучшила его судьбы. «Чувство достоинства» заглохло снова, и этотъ печальный результатъ понятенъ: народъ стоялъ только за свою національную цѣлость, руководимый однимъ инстинктомъ самосохраненія. но ни прежде, ни послѣ онъ не былъ въ силахъ заявить своихъ другихъ интересовъ, и ничто не обѣщало ему лучшаго порядка вещей. Народная жизнь вскорѣ вернулась на старую колею....

Довольно трудно опредѣлить съ точностью вліяніе событій въ другихъ слояхъ общества. У насъ не однажды выражена была мысль, что двѣнадцатый годъ составляетъ эпоху въ исторіи нашего внутренняго развитія въ томъ отношеніи, что съ него начинается сильный поворотъ къ національному сознанію, что русская жизнь съ этого времени оставляетъ прежнюю програму заимствованій и подражанія Европѣ, выходитъ на дорогу народности, становится глубже и самостоятельнѣе, что литература съ этихъ поръ принимаетъ національный характеръ, обращается къ изученію народной жизни, старины, и первый поэтъ, выросшій подъ впечатлѣніями этого времени, былъ Пушкинъ.

Дѣйствительно, двѣнадцатый годъ оказалъ сильное вліяніе въ подобномъ смыслѣ, но, во-первыхъ, вѣрнѣе было бы сказать, что это оживленіе русскаго общества произведено было не однимъ только взрывомъ народнаго возстанія противъ нашествія, но цѣлымъ періодомъ войнъ противъ Наполеона; во-вторыхъ, эта эпоха не кончила періода заимствованій, а, напротивъ, быть можетъ, еще усилила европейскія вліянія, но эта эпоха навела русское общество на его внутренніе вопросы, внушила понятіе

[1]) La Russie, I, 20 — 21.

объ общественной свободѣ, которое и было зародышемъ позднѣйшаго движенія въ смыслѣ такъ-называемой «народности». Первый толчекъ былъ данъ внутреннимъ потрясеніемъ и экзальтаціей двѣнадцатаго года, но потомъ онъ былъ еще усиленъ событіями послѣдующихъ годовъ, и новымъ сближеніемъ съ Европой, которыя и открывали особенный путь для вліяній европейскаго либерализма. И трудно было бы сказать, что результатомъ движенія была народность въ томъ археологическомъ и беллетристическомъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ. Напротивъ, событія вызвали и возбудили въ обществѣ броженіе самыхъ разнообразныхъ элементовъ нравственныхъ и общественно-политическихъ, которые, на первое время, далеко не представляли собой народнаго содержанія и направленія. Передовое общественное движеніе второй половины царствованія Александра обратилось къ вопросамъ русской жизни не съ археологической, а съ политической точки зрѣнія, и рѣшало эти вопросы не въ смыслѣ русскаго преданія, какъ его защищалъ Карамзинъ, а въ смыслѣ европейскихъ политическихъ идей, которыя привились въ русскомъ обществѣ преимущественно послѣ наполеоновскихъ войнъ, отъ тѣснаго сближенія съ европейской жизнью, отъ вліянія идей, наполнявшихъ само европейское общество. Археологическая народность была и теперь, но не въ ней былъ настоящій нервъ тогдашняго движенія, и особенное развитіе ея началось позднѣе, когда политическое направленіе потерпѣло пораженіе въ 1825 году.

Ближайшимъ слѣдствіемъ войны было то, что она вызвала и раздула ненависть къ иностранцамъ, къ французамъ и нѣмцамъ, которые доставили главный контингентъ нашествія: эта ненависть была всеобщая, не только въ народѣ, но и въ среднемъ, даже высшемъ классѣ. Подозрителенъ сталъ даже Барклай де-Толли. Въ Россію прибыло и поступило въ русскую армію много нѣмецкихъ, особенно прусскихъ офицеровъ, покидавшихъ родину, чтобы сражаться противъ Наполеона; составлялся даже цѣлый нѣмецкій легіонъ,—но положеніе этихъ иностранцевъ было очень трудно и непріятно все время, пока война шла въ Россіи; имъ не вѣрили и подозрѣвали ихъ. Общій голосъ потребовалъ, чтобы главнокомандующимъ былъ русскій генералъ; общее мнѣніе указывало на Кутузова, и Александръ долженъ былъ уступить, хотя лично не любилъ Кутузова. Въ обществѣ произошло мнимое возвращеніе къ народности, стало входить въ моду все русское; люди, весь вѣкъ говорившіе по-французски, старались говорить по-русски; барыни стали носить са-

рафаны и кокошники; губернаторы и ихъ чиновники надѣвали ополченскіе мундиры и т. п.

Въ литературѣ патріотическое одушевленіе выразилось одами стараго поколѣнія и поэзіей новаго поколѣнія. Среди старомодныхъ шумливыхъ и хвастливыхъ одъ, слышались истинно-поэтическіе отголоски общественнаго одушевленія, какъ, напр., въ «Пѣвцѣ» Жуковскаго. Цѣлую патріотическую пропаганду предпринялъ Глинка, «первый ратникъ московскаго ополченія», едва ли не самый характеристичный представитель тогдашней литературы. Чрезвычайно популярный въ народной массѣ, безкорыстный патріотъ, немного взбалмошный, но смѣлый «гражданинъ», поклонникъ и защитникъ всего русскаго и довольно образованный, чтобы въ другое время не остаться слѣпымъ къ тому, что̀ дѣлалось въ русской жизни, Глинка представлялъ собой то смѣшеніе горячаго патріотизма съ довѣрчивымъ простодушіемъ, которыхъ было много въ тогдашнемъ общественномъ настроеніи и которыя потомъ принесли такъ мало дѣйствительныхъ результатовъ для улучшенія внутреннихъ порядковъ. «Русскій Вѣстникъ» Глинки посвященъ былъ возбужденію національнаго чувства и любви къ отечеству, восхваленію патріотическихъ подвиговъ, превозненію доблестей русской старины и т. п. Это послѣднее онъ продолжалъ и потомъ, и если его патріотическая пропаганда заслуживала полнаго сочувствія и была совершенно естественна въ минуту опасности, то его ретроспективный патріотизмъ, его «бесѣда съ праотцами», стала съ самаго начала смѣшна: сравненіе мнѣній боярина Матвѣева съ философіей Локка, сравненіе Кормчей съ Солономъ, Шатобріаномъ и Монтескьё, нравились многимъ «почтеннымъ старикамъ», читавшимъ его журналъ, но другіе только поднимали Глинку на-смѣхъ. Графъ Ростопчинъ взялся также обличать французовъ и восхвалять простыя русскія добродѣтели: его читали и онъ нравился, — въ то время не замѣчали натянутой манерности мнимо-народнаго языка, которымъ онъ писалъ свои филиппики. Обличеніе, какъ и у Глинки, было очень неглубокое и вертѣлось на прибауткахъ. Народность Ростопчина, поддѣльная и преувеличенная, не мѣшала ему, какъ мы замѣтили, восхвалять іезуитскіе пансіоны для русскаго знатнаго юношества, быть самымъ ревностнымъ защитникомъ крѣпостного права, и въ сущности ровно ничего не желать для блага народа: онъ былъ крайній консерваторъ, т.-е. человѣкъ, у котораго не было никакой серьезной мысли объ улучшеніи существующаго порядка; впослѣдствіи, удалившись изъ Россіи, онъ держалъ себя въ нѣкоторой оппозиціи, — какъ человѣкъ умный,

онъ видѣлъ смѣшныя и слабыя стороны правленія и новыхъ предпріятій императора Александра, — но едва ли не главный источникъ его оппозиціи была неудача плановъ его собственнаго честолюбія. Третій рьяный защитникъ благочестивой старины, немудрствующей народности, и врагъ всего иноземнаго былъ Шишковъ. Въ свои свѣтлыя и спокойныя минуты Шишковъ съ большой разсудительностью говорилъ о необходимости русскаго воспитанія, о необходимости для русскихъ знать свой народъ и свою исторію. Въ его мнѣніяхъ бывали нерѣдко преувеличенія, странности, многое онъ понималъ очень ограниченно, во очищенныя отъ этого сора, его мнѣнія представляли много справедливаго, искреннее чувство его угадывало и нѣкоторыя дѣйствительныя потребности русскаго образованія. Что же онъ вынесъ теперь изъ этихъ событій? Послѣ войны двѣнадцатаго года Шишковъ убѣдился, что его литературные противники дѣйствительно вели отечество къ погибели. Слѣдующій отрывокъ изъ письма его къ одному пріятелю въ 1813 г. наглядно показываетъ, какъ онъ понималъ свое ревнованіе за старый слогъ и чѣмъ онъ считалъ своихъ противниковъ: «Вы знаете, — говоритъ онъ, — какъ господа *Вѣстники* и *Меркуріи* противъ меня возстали [1])... Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество... Тогда они могли такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ по-неволѣ воздерживаться; но теперь *я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы* и громко имъ сказалъ: *вотъ чего вы хотѣли!* Богъ не наказалъ насъ, но послалъ милость свою къ намъ, ежели сожженные города наши сдѣлаютъ насъ русскими». Нелегко представить себѣ процессъ мысли, которымъ Шишковъ дошелъ до столь твердаго убѣжденія, что Каченовскій и Макаровъ хотѣли обращенія Москвы въ пепелъ.

Такъ смѣшивались въ то время вообще впечатлѣнія и выводы, внушенные событіями. Съ ребяческими разсужденіями, съ наивнымъ или надутымъ самохвальствомъ соединялось и теплое патріотическое чувство, народная гордость и стремленіе къ общественному благу или инстинктивное чувство общественной потребности. Дальнѣйшіе результаты, какъ увидимъ, были столько же сложные: одни еще больше бросались въ тупое упрямство

---

[1]) Рѣчь идетъ о журналахъ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1804—1805) и «Московскомъ Меркуріѣ» (1803). Издателемъ перваго былъ извѣстный Ив. Мартыновъ, переводчикъ классиковъ, и статья противъ Шишкова была писана Каченовскимъ; издателемъ второго былъ П. Макаровъ.

застоя, для другихъ начиналась новая школа общественныхъ понятій.

Рядомъ съ этимъ патріотическимъ движеніемъ начинались новыя связи съ либерализмомъ, или закрѣплялись прежнія. Война двѣнадцатаго года приводила къ новому сближенію съ Европой, и уже въ это время мы видимъ первые примѣры той тѣсной связи съ европейскими дѣлами и людьми, которая потомъ оказала сильное вліяніе на умы образованнѣйшаго молодого поколѣнія. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Съ самаго начала наполеоновскихъ войнъ, императоръ Александръ принималъ живое участіе въ европейской политикѣ, иной разъ даже руководясь не столько интересомъ Россіи, сколько желаніемъ, съ своей стороны, имѣть рѣшающій голосъ въ европейскихъ дѣлахъ. Ко времени послѣдней войны Наполеонъ деспотически господствовалъ надъ большей частью западной Европы, и война двѣнадцатаго года съ самаго начала представлялась Александру не только какъ защита Россіи, но и какъ освобожденіе Европы отъ ига. Отсюда начинаются довольно характеристичныя отношенія императора Александра съ Штейномъ.

Знаменитый министръ, которому новая Пруссія такъ много обязана своимъ возвышеніемъ, — потому что его либеральныя реформы въ первый разъ и энергически открыли для страны, стоявшей на краю гибели послѣ страшнаго іенскаго пораженія, истинный и единственный путь къ спасенію въ развитіи внутреннихъ силъ народа, — какъ извѣстно, долженъ былъ удалиться изъ Пруссіи въ 1808 г., по требованію Наполеона, который справедливо опасался, что дѣятельность Штейна снова можетъ сдѣлать Пруссію опаснымъ врагомъ. Штейнъ былъ безспорно одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей Пруссіи. Онъ принадлежалъ къ высшей феодальной аристократіи; въ его мнѣніяхъ сохранилась нѣкоторая наклонность къ идеализированной аристократіи (довольно понятная въ тогдашнихъ условіяхъ Германіи, когда масса общества все еще играла чисто подчиненную роль), но обширный и благородный умъ ставилъ его выше пошлыхъ притязаній касты, и всѣ его стремленія направлены къ общему благу народа, которое онъ понималъ самымъ серьезнымъ и искреннимъ образомъ. Его любовь къ народу была рѣдкимъ феноменомъ между тогдашними государственными людьми; его реформы, съ которыхъ Пруссія считаетъ свою новѣйшую исторію, были реформы чисто демократическія. Впослѣдствіи, на вѣнскомъ конгрессѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ феодальной аристократіи, и не скрывалъ своего презрѣнія къ массѣ владѣтельныхъ принцевъ, чаявшихъ тогда

движенія воды, т.-е. возвращенія своего феодальнаго господства. Теперь онъ видѣлъ полное безсиліе правительствъ противъ Наполеона, и ожидалъ освобожденія только отъ возстанія самихъ народовъ, за которыми и должна была остаться эта завоеванная ими свобода. Энергическій и въ высшей степени независимый характеръ давалъ особенную силу его мнѣніямъ и словамъ: онъ высказывалъ правду тамъ, гдѣ всѣ молчали, и если не всегда убѣждалъ другихъ, то по крайней мѣрѣ не уступалъ ее и самъ не измѣнялъ ей. Когда основался нѣмецкій Тугендбундъ, «союзъ добродѣтели», направленный противъ французскаго владычества, то сильно было распространено мнѣніе, что тайнымъ главою его былъ именно Штейнъ.

Послѣ іенскаго пораженія и войны 1807 года, нѣмцы начали поступать въ русскую службу; въ двѣнадцатомъ году, число такихъ выходцевъ стало еще больше, и между ними были извѣстныя потомъ имена, какъ напр., замѣчательный партизанъ Теттенборнъ, Клаузевицъ, Вольцогенъ, Мюффлингъ, эксцентрическій генералъ Пфуль и пр. Всѣ шли въ Россію, чтобы сражаться за свою національную свободу. Въ началѣ 1812 года императоръ Александръ, какъ говорятъ, вспомнилъ въ критическую минуту нѣсколько пророческихъ словъ, сказанныхъ ему Штейномъ наканунѣ тильзитскаго мира и послалъ къ нему приглашеніе пріѣхать въ Россію. Любопытны выраженія его письма [1]. «Рѣшительныя обстоятельства настоящей минуты, — писалъ императоръ Александръ къ Штейну, — должны соединить всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ *друзей человѣчества* и *либеральныхъ идей*. Дѣло идетъ о томъ, чтобы *спасти* ихъ *отъ варварства и рабства*, которыя готовятся поглотить ихъ... Друзья добродѣтели и всѣ, одушевленные чувствомъ независимости и любви къ человѣчеству, заинтересованы въ успѣхѣ этой борьбы». Александръ говорилъ о блестящихъ заслугахъ Штейна и просилъ его совѣтовъ, изъ-за границы или въ Россіи, куда онъ его призывалъ. «Я прошу васъ, — продолжалъ онъ, — зрѣло обдумать важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и сдѣлать то, что̀ покажется вамъ наиболѣе полезнымъ для великаго дѣла, которому принадлежимъ *мы оба*. Я не имѣю нужды увѣрять васъ, что вы будете приняты въ Россіи съ отверстыми объятіями», и пр.

Письмо императора дошло къ Штейну въ Троппау только 19-го мая; черезъ нѣсколько дней онъ отвѣчалъ Александру,

---

[1] Оно было написано 27 марта 1812 года, слѣдовательно черезъ десять дней послѣ удаленія Сперанскаго.

27-го онъ выѣхалъ въ Россію и 12-го іюня былъ въ Вильнѣ; оттуда онъ отправился вслѣдъ за императоромъ въ Москву, наконецъ въ Петербургъ. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Вильну, онъ представилъ Александру записку о томъ, какъ воспользоваться для дѣла силами Германіи. Онъ изображалъ угнетеніе Германіи, ожесточеніе ея противъ французскаго господства, но указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что народъ видитъ, какъ его независимость, жизнь и собственность покинуты его государями, которые его предавали изъ своей личной выгоды. Штейнъ совѣтовалъ поддерживать этотъ духъ недовольства, мѣшать дѣйствіямъ Наполеона и возбудить наконецъ открытое сопротивленіе. Онъ совѣтовалъ поддерживать литературную пропаганду противъ Наполеона; послѣ открытія военныхъ дѣйствій устроить черезъ извѣстнаго нѣмецкаго патріота Юстуса Грунера перехватъ французскихъ курьеровъ (что и дѣйствительно дѣлалъ тогда Грунеръ, составившій въ Германіи цѣлый заговоръ противъ французовъ), издать прокламацію къ нѣмцамъ съ приглашеніемъ выселяться въ Россію, организовать нѣмецкій легіонъ и т. д.

Воззваніе къ нѣмцамъ составлено было Штейномъ, и смягченное Александромъ, напечатано было отъ имени главнокомандующаго Барклая де-Толли: оно призывало нѣмцевъ въ нѣмецкій легіонъ, составлявшійся въ Россіи, «для завоеванія свободы Германіи». Составился по волѣ Александра и особый комитетъ для образованія нѣмецкаго легіона; подъ предсѣдательствомъ герцога Ольденбургскаго, онъ составленъ былъ изъ Штейна, Кочубея и Ливена. При самомъ началѣ работъ Штейнъ радикально не сошелся съ ольденбургскимъ герцогомъ, такъ что Александръ разрѣшилъ Штейну вести дѣло только съ Ливеномъ и Кочубеемъ. Они разошлись на вопросѣ о феодальныхъ владѣльцахъ и о тайныхъ обществахъ. Герцогъ хотѣлъ выставить за правило, что въ предлагаемыхъ дѣйствіяхъ въ Германіи, не слѣдуетъ возбуждать народа и обращаться прямо къ нему, а что изгнанные государи должны чрезъ своихъ подданныхъ стараться о возстановленіи своихъ прежнихъ владѣній; и во-вторыхъ, что не слѣдуетъ при этихъ дѣйствіяхъ пользоваться тайными обществами. Объ изгнанныхъ государяхъ, т.-е. множествѣ нѣмецкихъ феодаловъ (къ которымъ принадлежалъ и герцогъ) Штейнъ отозвался очень язвительно; о тайныхъ обществахъ онъ говорилъ съ пренебреженіемъ: по его словамъ, они были ничтожны; онъ не зналъ ихъ настоящаго положенія, — но еслибы нашлись въ нихъ хорошіе люди, онъ вовсе не отказывался ими воспользоваться, и готовъ былъ извинить ихъ маленькую слабость къ та-

инственности. Такимъ образомъ, герцогъ хотѣлъ легитимнаго возстановленія феодаловъ, Штейнъ разсчитывалъ только на общество и народъ, въ ихъ собственномъ интересѣ, а никакъ не въ интересѣ феодализма. Мнѣніе о тайныхъ обществахъ было вѣроятно искреннее; Штейну вѣроятно не нравилась нравоучительная сантиментальность и отсутствіе практической энергіи въ прежнемъ Тугендбундѣ, — но онъ тогда же разсчитывалъ на такихъ людей тайныхъ обществъ, каковъ былъ Груперъ. Составленіе нѣмецкаго легіона шло однако медленно, потому что стало уже чувствоваться недружелюбное къ иностранцамъ настроеніе русскихъ [1]).

Съ цѣлью литературной пропаганды Штейнъ вызвалъ въ Россію Э. М. Арндта, столь извѣстнаго впослѣдствіи нѣмецкаго патріота, автора знаменитой пѣсни о «нѣмецкомъ Рейнѣ». Въ своихъ воспоминаніяхъ Арндтъ разсказываетъ о томъ чрезвычайномъ возбужденіи, въ которомъ находилась Пруссія и Берлинъ передъ началомъ войны 1812 года. Общество волновалось самыми разнообразными мнѣніями и чувствами: это былъ гнѣвъ, ненависть, надежды, отчаяніе, ожиданія — гдѣ разразится гроза, на чью сторону станетъ король, куда надо стать каждому: въ обществѣ сказывалось то самобытное движеніе, которое потомъ дало главныя средства для борьбы съ Наполеономъ и которое свидѣтельствовало, что для общества начинается политическая возмужалость. Для Арндта не было сомнѣній, когда къ нему пришло приглашеніе Штейна. Прямой путь былъ уже закрытъ, и Арндтъ отправился черезъ Житоміръ и Кіевъ на Смоленскъ. Въ русскомъ обществѣ господствовалъ патріотическій энтузіазмъ; въ Вязьмѣ Арндтъ попалъ на какой-то обѣдъ и описываетъ чрезвычайное одушевленіе русскихъ патріотовъ: когда узнали, что иностранцы эти пришли въ Россію съ той же враждой къ Наполеону, и на ихъ долю достались «объятія, пожатія рукъ, поцалуи хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ, чувствовавшихъ свое отечество». «Во всемъ народѣ (въ городъ сошлись рекруты) была необыкновенная жизнь и движеніе» [2]).

Въ Петербургѣ Арндтъ работалъ подъ руководствомъ Штейна, занимался дѣлами нѣмецкаго легіона, разной перепиской и дешифровкой писемъ, составленіемъ политическихъ памфлетовъ и книжекъ [3]).

---

[1]) Pertz, Stein's Leben, III, 68 и слѣд., 77, 99, 115, 135, 599 — 600. См. также La Russie I, 420, 426 — 427.

[2]) Arndt, Erinnerungen aus dem äusseren Leben. 3-te Aufl. 1842, стр. 120, 144.

[3]) Такъ онъ издалъ въ Петербургѣ: Die Glocke der Stunde. St.-Pet. 1812 (было потомъ еще два изданія въ Германіи, 1813); Historisches Taschenbuch für d. J. 1813

Другой писатель, котораго рекомендовалъ Штейнъ и трудами котораго воспользовались въ это время, былъ извѣстный въ свое время публицистъ Теодоръ Фаберъ. Рижскій уроженецъ (род. 1768 г.), Фаберъ учился въ Германіи; затѣмъ революція захватила его во Франціи, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ, между прочимъ, на военной и гражданской службѣ республикѣ, былъ журналистомъ, наконецъ при Наполеонѣ нашелъ возможность покинуть Францію и переселиться въ Россію, первоначально по приглашенію Адама Чарторижскаго, который кажется желалъ имѣть его въ своемъ министерствѣ. Во французской службѣ онъ успѣлъ прекрасно изучить механизмъ и свойства наполеоновскаго правленія, и покинувъ Францію, написалъ: «Замѣтки о внутреннемъ состояніи Франціи» (Notices sur l'intérieur de la France, écrites en 1806): они были изданы въ Петербургѣ, но ихъ распространенію помѣшалъ, кажется, наступившій тѣмъ временемъ тильзитскій миръ. Теперь Штейнъ, въ одномъ изъ своихъ предложеній, совѣтовалъ, между прочимъ, перевесть сочиненіе Фабера на нѣмецкій языкъ и распространить его въ Германіи, и вообще пригласить Фабера къ новой публицистической дѣятельности. Уже въ іюлѣ 1812 г. Кочубей дѣйствительно вступилъ въ сношенія съ Фаберомъ, который и хотѣлъ заняться второй частью своего сочиненія, неконченнаго прежде по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и другими публикаціями. Хотѣли, напр., воспользоваться трудами д'Иверциа, швейцарца, бывшаго тогда въ англійской службѣ, одного изъ друзей Бентама, — которымъ написано было нѣсколько памфлетовъ противъ Наполеона. Не знаемъ, сдѣланъ ли былъ нѣмецкій переводъ книги Фабера, рекомендованный Штейномъ; но въ 1813 году вышелъ русскій переводъ сочиненія подъ другимъ заглавіемъ, соотвѣтствовавшимъ настроенію времени [1]. Въ 1813 году ему поручена была, вмѣстѣ съ аббатомъ Мангеномъ, редакція оффиціозной газеты «Conservateur impartial» [2].

Арндтъ не остался чуждъ и русской политической литературѣ. Подъ вліяніемъ совѣтовъ и указаній Штейна, правитель-

---

(цензура 26 ноября 1812); Katechismus für den deutschen Kriegs- und Wehrmann (потомъ съ нѣкоторыми перемѣнами въ «Германіи», потомъ въ Кельнѣ 1815, и наконецъ въ Kleine Schriften, 1845, I); затѣмъ: Kurze und wahrhafte Erzählung von Napoleon Bonapartens verderblichen Anschlägen, von seinen Kriegen in Spanien und Russland etc. Germanien 1813 и пр.

[1] «Бичь Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія нынѣшняго повелителя французовъ», переводъ Г. Я. (Яценкова?). Спб. 1813.

[2] О сношеніяхъ съ Фаберомъ см. Pertz, ibid., III, 70, 614, 699. V. Wolzogen, Memoiren, Leipz. 1851, стр. 48.

ство не только воспользовалось тѣми писателями иностранными, которыхъ онъ рекомендовалъ, но рѣшилось употребить политическую пропаганду и въ русской литературѣ. Въ концѣ 1812 года съ такой цѣлью основанъ былъ «Сынъ Отечества», издававшійся Гречемъ; новое изданіе должно было служить для патріотическихъ цѣлей этой пропаганды, и въ немъ воспользовались содѣйствіемъ Арндта. Отдѣлъ «Воззваній и приглашеній» въ «Сынѣ Отечества» начатъ былъ статьей Арндта «Гласъ Истины» [1]. Не знаемъ, насколько простиралось участіе Арндта въ этомъ изданіи, но повидимому оно не было случайно, и его имѣли въ виду. Въ своихъ воспоминаніяхъ Арндтъ ничего не говоритъ объ этомъ, хотя объ этомъ есть русскія извѣстія, и разсказываетъ только о своихъ сношеніяхъ съ Шишковымъ, въ то время государственнымъ секретаремъ. «Ему разсказывали обо мнѣ какъ о гремящей военной трубѣ, — говоритъ Арндтъ; — онъ прочелъ нѣсколько моихъ напечатанныхъ мелочей, отчасти на нѣмецкомъ (который, впрочемъ, онъ зналъ мало), отчасти во французскомъ переводѣ, и вслѣдствіе того, когда ему надо было писать для публики и народа воззванія и извѣстія о непріятелѣ, онъ звалъ меня на помощь». Арндтъ съ сочувствіемъ говоритъ о патріотическомъ одушевленіи Шишкова, котораго онъ изображаетъ чрезвычайно подвижнымъ, живымъ, шутливымъ старикомъ. По словамъ Арндта, когда Шишковъ писалъ свои вещи, онъ искалъ сильныхъ оборотовъ и выраженій, которыми онъ хотѣлъ метать въ Наполеона, онъ переводилъ ихъ Арндту, и они, бесѣдуя оба на плохомъ французскомъ языкѣ, пріискивали наиболѣе возвышенныя и энергическія слова, которыми Шишковъ и усиливалъ свои воззванія и филиппики [2]. Это сотрудничество Арндта съ Шишковымъ и основаніе политическаго изданія подъ вліяніемъ совѣтовъ Штейна — весьма характеристично, какъ бы ни были эти факты отрывочны.

Одинъ русскій современникъ разсказываетъ, что мысль воспользоваться литературой для политическихъ цѣлей была именно внушена Штейномъ, и такъ передаетъ характеръ этого нововведенія: «Никто у насъ не умѣлъ или, лучше сказать, *не смѣлъ* отважно и основательно писать о политическихъ дѣлахъ. Газеты, издаваемыя отъ правительства или отъ правительственныхъ мѣстъ,

---

[1]) «Сынъ Отеч.» 1812, 2-е изд., стр. 1 — 15. Между прочимъ Арндтъ еще проклинаетъ Наполеона за сожженіе Москвы и опровергаетъ французовъ, которые обвиняли въ этомъ сожженіи русскихъ.

[2]) Arndt, Erinnerungen, 115 — 152; Meine Wanderungen und Wandelungen mit Stein, изд. 1869, стр. 27 — 28. Быть можетъ, здѣсь идетъ рѣчь о томъ, что печаталось въ «Сынѣ Отечества».

разсказывали о происшествіяхъ, не позволяя себѣ никакихъ сужденій; не только о другѣ Наполеонѣ, даже о *злодѣѣ Бонапартѣ* говорили съ нѣкоторою *почтительностію* и *робостію*. Самые такъ называемые литературные журналы наши почти не выходили изъ предметовъ словесности, а когда изрѣдка случалось имъ коснуться до происходящаго въ Европѣ, тотчасъ окрашивались они какимъ-то *официальнымъ колоритомъ*». Назвавъ Штейна и Арндта, и отозвавшись неодобрительно объ ихъ вольнодумствѣ и ихъ совѣтахъ употребить «магическое слово вольность» для возбужденія европейскихъ народовъ,—авторъ продолжаетъ: «Какъ бы то ни было, ученые и восторженные нѣмцы нашли, что наступило уже время *откровенно говорить съ просвѣщенною частію жителей* и, чтобы взволновать до дна океанъ народовъ, населяющихъ Россію, необходимо приступить немедленно къ изданію политическаго журнала... Портфели Арндта наполнены были неизданными проклятіями на Наполеона... Нѣмецъ Гречъ избранъ былъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться *Сынъ Отечества*. Кажется, это было около половины ноября, ибо въ началѣ декабря уже читалъ я съ жадностію жиденькія книжки его, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшеныхъ статей»... [1]) Тотъ же авторъ приписываетъ иностранному образцу и появленіе извѣстныхъ Теребеневскихъ каррикатуръ на Наполеона.

Отдача Москвы глубоко опечалила Александра. При дворѣ образовалась цѣлая партія, говорившая о невозможности бороться съ Наполеономъ: о мирѣ громко говорила императрица Марія, в. кн. Константинъ, Аракчеевъ, Румянцевъ. Штейнъ оставался тѣмъ же непримиримымъ врагомъ Наполеона, и его твердость, повидимому, имѣла на Александра свое дѣйствіе [2]). Въ русскомъ аристократическомъ обществѣ Штейнъ завязалъ дружескія связи, которыя, безъ сомнѣнія, поддерживались именно характеромъ его воззрѣній. Таковы были его дружескія связи въ домахъ Кочубея, Ливена, Орловыхъ, Уваровыхъ, Салтыковыхъ, у герцогини Вюртембергской; къ нему была расположена и императрица Елизавета. Какъ высказывался въ русскомъ высшемъ обществѣ этотъ характеръ, можно судить по слѣдующему разсказу, который передаютъ біографы Штейна. По выступленіи французовъ изъ Москвы, когда въ Петербургѣ распространилась

---

[1]) Зап. Вигеля II, IV, 71—72.

[2]) Мы не находимъ возможнымъ оспаривать безусловно показанія иностранныхъ писателей, какъ авторъ «Исторіи имп. Александра» и пр. (III, 345): Штейнъ конечно не оставался безъ вліянія,—иначе, зачѣмъ бы самъ импер. Александръ вызывалъ его въ Россію? Несомнѣнно и его позднѣйшее вліяніе на дѣла, хотя онъ для этого и не имѣлъ оффиціальныхъ правъ.

большая радость, Штейнъ былъ приглашенъ на обѣдъ ко двору. Императрица Марія, которая еще недавно такъ настаивала на мирѣ, много говорила о великомъ событіи и наконецъ сказала: «Право, если хоть одинъ человѣкъ изъ французской арміи вернется за Рейнъ на родину, я буду стыдиться, что я нѣмка!» Штейнъ поблѣднѣлъ и тотчасъ вставши отвѣчалъ: «В. в. очень неправы, когда говорите это, и притомъ передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ. Вамъ надо было сказать не то, что вы будете стыдиться за нѣмцевъ, а надо было назвать вашихъ родственниковъ, нѣмецкихъ государей. Я жилъ на Рейнѣ въ 1792, 1793, 1794, 1795, 1796 и т. д. Честный нѣмецкій народъ не былъ виноватъ; если бы ему довѣряли, еслибы съумѣли воспользоваться имъ, ни одинъ французъ не перешелъ бы за Эльбу, не говоря уже за Вислу или за Днѣпръ». Императрица сначала смутилась отъ этихъ рѣзкихъ словъ, но потомъ оправилась и съ достоинствомъ отвѣчала: «быть можетъ, вы правы, баронъ; благодарю васъ за урокъ». Арндтъ приводитъ этотъ разсказъ со словъ Уварова, который слышалъ его отъ лица, бывшаго на этомъ обѣдѣ.

Въ перепискѣ Штейна остались слѣды его дружескихъ отношеній и нравственнаго вліянія въ русскомъ обществѣ. Отголосокъ этого вліянія сохранился и въ горячихъ отзывахъ о немъ современника той эпохи, Н. И. Тургенева. Рекомендованный Штейну Уваровымъ, г. Тургеневъ близко зналъ Штейна, работалъ подъ его руководствомъ въ «центральной правительственной коммиссіи», учрежденной при вступленіи русскихъ войскъ въ Германію: нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкій патріотъ внушилъ долю своего глубокаго чувства къ народу и его свободѣ сотруднику, который сталъ однимъ изъ лучшихъ представителей молодого русскаго общества десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. Чтобы кончить о Штейнѣ, прибавимъ, что въ самыхъ русскихъ предметахъ, онъ могъ говорить вещи, которыя очень не многимъ были тогда понятны. Еще въ 1809—1810 г. Штейнъ говорилъ о томъ, какъ вредно для Россіи подражаніе иностраннымъ обычаямъ и высказывалъ свои, правда, нѣсколько преувеличенныя понятія о томъ, какъ этому противодѣйствовать. Но главнымъ, необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и національнаго богатства русскаго народа онъ уже тогда считалъ —освобожденіе крестьянъ «съ полной поземельной собственностью» и личной свободой, хотя подъ полицейскимъ и судебнымъ надзоромъ дворянства [1]).

---

[1]) Pertz, Stein's Leben, II. 407, 468—470. III, 107, 158, 167—168, 199—200, 693. Arndt, Erinnerungen, 157; Wander. und Wandelungen, 83—84.

Расказанные факты, безъ сомнѣнія, очень единичны, но въ нихъ нельзя однако не видѣть извѣстнаго историческаго значенія: стремленія лучшихъ европейскихъ людей временъ войны за освобожденіе не случайно и не безслѣдно сливались съ тѣмъ броженіемъ, какое зарождалось въ русскомъ обществѣ. Страшная національная опасность грозила въ обѣихъ странахъ столь дорогимъ и существеннымъ интересамъ, что живое сознаніе общаго дѣла неизбѣжно должно было сближать людей, иначе слишкомъ далекихъ и чуждыхъ другъ другу. Энтузіазмъ освобожденія долженъ былъ оказать свое нравственное дѣйствіе и бросить въ русскомъ обществѣ сѣмена новыхъ общественно-политическихъ понятій. Сначала подобное сближеніе обнаруживается отдѣльными примѣрами въ высшемъ образованномъ кругѣ; въ теченіе 1813—1815 вліяніе европейскихъ событій сильно распространяется въ образованныхъ военныхъ, видѣвшихъ и сдѣлавшихъ войну за освобожденіе, и наконецъ отражается въ обширномъ кругѣ общества...

Намъ нѣтъ необходимости говорить подробно о значеніи событій 1813—1815 года. Эта блестящая для Россіи и для Александра эпоха произвела глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Александръ, еще въ началѣ 1812 года говорившій объ освобожденіи Европы, и теперь безкорыстно стремился къ этой цѣли. Штейнъ съ самаго начала говорилъ о необходимости призвать самые народы къ борьбѣ; въ замѣчательной запискѣ 5 (17) ноября 1812 онъ призывалъ Александра быть освободителемъ Европы и излагалъ Александру свои мысли о томъ, какъ должно было бы вести дѣло — обращаясь къ народамъ и не довѣряя правительствамъ и, если возможно, овладѣвая правленіемъ [1]). Воззваніе, изданное Кутузовымъ въ Калишѣ 13 (25) марта 1813, отъ имени имп. Александра и короля прусскаго, говорило объ освобожденіи Европы и особенно Германіи, о возстановленіи Германіи и устройствѣ ея въ духѣ нѣмецкаго народа, которое должно быть предоставлено — нѣмецкимъ государямъ «и народамъ», говорило, что лозунгъ монарховъ—«честь и свобода» и т. д. Это обращеніе къ народнымъ силамъ произвело энтузіазмъ еще никогда невиданный: прусскій король изумился, когда по объявленіи воззванія къ оружію, обращеннаго къ образованнымъ классамъ, *не обязаннымъ* военной службой, въ Берлинѣ въ три дня записалось 9.000 молодыхъ людей. «Центральная коммис-

---

[1]) См. эту записку у Пертца, III, 212—220.

сія», изъ русскихъ и нѣмцевъ, учрежденная первоначально подъ предсѣдательствомъ Кочубея, потомъ Штейна, овладѣвала управленіемъ.... Война принимала дѣйствительно характеръ войны за національную свободу.

Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ событія подѣйствовали на личный характеръ Александра, который, подъ трудными испытаніями, искалъ опоры въ мистической религіи, и какъ потомъ мистицизмъ совершенно извратилъ его либеральные планы. Но теперь Александръ былъ еще вѣренъ своему либерализму. Онъ упорно велъ борьбу съ Наполеономъ, въ которой союзники иногда слишкомъ вяло его поддерживали. Въ вопросахъ о политическомъ устройствѣ освобожденныхъ земель Александръ былъ столько же готовъ на рѣшительныя мѣры. По словамъ современниковъ, «никто въ это время не пользовался въ умѣ императора такимъ довѣріемъ какъ Штейнъ» [1]), а исполненіе плановъ Штейна было бы для Германіи цѣлой революціей, потому что мелкіе феодалы не имѣли злѣйшаго врага. Дѣятельность Александра и весь образъ его дѣйствій доставлялъ ему величайшую популярность. Онъ положительно высказывался за либеральныя учрежденія не въ одной Германіи; онъ защищаетъ Францію отъ своихъ союзниковъ и соглашается на возстановленіе Бурбоновъ только подъ условіемъ конституціонныхъ учрежденій; онъ упорно стоитъ на возстановленіи Польши и наперекоръ другимъ державамъ, наперекоръ своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, рѣшается дать Польшѣ конституціонное устройство; въ кругу довѣренныхъ его министровъ является Каподистрія, пламенный греческій патріотъ, ожидавшій отъ Россіи помощи для освобожденія своего отечества; въ это первое время греческіе патріоты не безъ основанія возлагали надежды на сочувствіе имп. Александра къ освобожденію Эллады. Александру должна была представляться великость задачи, когда въ его рукахъ сосредоточивалось столько власти и вліявія, и едва ли можно отвергать, что въ это время онъ часто понималъ ее въ смыслѣ искренняго либерализма. Его способъ дѣйствій относительно побѣжденной Франціи останется однимъ изъ лучшихъ памятниковъ его тогдашняго настроенія. На него подѣйствовала, безъ сомнѣнія, и европейская общественная жизнь, при всей путаницѣ тогдашнихъ событій представлявшая столько свободы,

---

[1]) La Russie I, 27. «Можно утверждать положительно, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, что мысль о низложеніи Наполеона раздѣлялась въ главной квартирѣ союзниковъ только имп. Александромъ, Штейномъ, и, можетъ быть, Поццо-ди-Борго. Всѣ другіе были чужды этой мысли или были противъ нея». (Тамъ же, стр. 33; см. также стр. 28—29).

сколько ему еще не случалось видѣть. Среди шумныхъ тріумфовъ онъ встрѣчался съ проявленіями этой свободы и въ политической печати, и въ учрежденіяхъ и нравахъ, и въ отдѣльныхъ лицахъ независимаго образа мыслей, и въ общемъ тонѣ европейской образованности, среди которыхъ онъ жилъ эти годы. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ въ подобныхъ встрѣчахъ онъ доискивался разрѣшенія своихъ недоумѣній, напр. въ религіозныхъ вопросахъ, и пробовалъ (по крайней мѣрѣ) сближаться съ представителями независимой политической литературы и знакомиться съ ихъ произведеніями [1]. Знакомясь съ европейскимъ либерализмомъ, онъ слышалъ и прямыя напоминанія о томъ, что еще нужно сдѣлать въ Россіи. Въ Парижѣ онъ посѣщалъ, между прочимъ, г-жу Сталь. Разсказываютъ, что однажды хозяйка заговорила о рабствѣ негровъ, которое тогда становилось вопросомъ въ европейской публицистикѣ и политикѣ. Александръ съ негодованіемъ говорилъ о немъ, какъ о вещи постыдной. «Одинъ изъ присутствовавшихъ, — разсказываютъ записки того времени, — позволилъ себѣ возразить императору, что въ его земляхъ есть однако крѣпостное право. Человѣколюбивый императоръ смутился на минуту, но тотчасъ оправился и сказалъ съ благородной твердостью: «ваша правда, въ Россіи есть крѣпостные, но есть ещё очень большая разница между ними и неграми; но я не хочу ссылаться на это и объявляю, что крѣпостное право также дурно, что оно должно быть уничтожено, и что съ божіей помощью оно прекратится еще въ мое правленіе». По всей залѣ прошелъ шопотъ одобренія, потому что императоръ сказалъ эти слова громко, и ихъ тотчасъ стали повторять и объяснять дальше» [2].

Когда имп. Александръ возвратился въ Россію, онъ встрѣченъ былъ цѣлымъ потокомъ одушевленныхъ привѣтствій [3]. Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій, кончавшій свое поприще Державинъ, и начинавшій свое поприще Пушкинъ, еще юноша, соединялись въ этихъ привѣтствіяхъ: онѣ были единодушны въ обществѣ, — молодая часть его исполнена была ожиданіями отъ великодушнаго либерализма императора; въ старомъ поколѣніи, еще недавно возстававшемъ противъ Александра за прежній либерализмъ, вѣроятно столько же искренна была радость отъ славныхъ военныхъ подвиговъ, сокрушившихъ «из-

---

[1]) Таковы сношенія его съ Бентамомъ; въ 1817 г. Лагарпъ составлялъ для него извлеченія изъ Сэя, и т. п. (Р. Арх. 1869, стр. 80).

[2]) Varnhagen, Denkwürd. 2-te Aufl. III, 216. Ср. Зап. Якушк. стр. 23.

[3]) Ср. Вигеля, II, IV, 159.

чадіе революціи» и поддерживавшихъ особенно для нихъ пріятную славу русскаго оружія.

Движеніе, вызванное въ обществѣ двѣнадцатымъ годомъ, по миновании опасности прекратилось и жизнь снова пошла привычнымъ порядкомъ [1]). Патріоты жаловались, что сталъ слабѣть энтузіазмъ,—хотя, собственно говоря, большинство ихъ не знало, что же было затѣмъ дѣлать этому энтузіазму, кромѣ того, что проклинать французовъ? Журналы начинаютъ уже въ началѣ 1813 года жаловаться, что ненависть къ французамъ проходитъ, что ихъ опять принимаютъ въ гувернеры, что барышни собирались уже выходить за французовъ замужъ; жалуются даже, что купечество, досслѣ вѣрное русскому платью, съ 1812 года, начало носить родъ французскихъ длинныхъ сертуковъ [2]), и т. п.

Это «охлажденіе», какъ мы замѣчали, было совершенно понятно въ массѣ, потому что единственнымъ источникомъ возбужденія была внѣшняя и случайная опасность, инстинктъ самосохраненія; вражда къ французамъ не имѣла другихъ основаній и прекратилась, когда нашествіе было отбито и отомщено. Большинство, сначала понемногу, потомъ уже безъ всякихъ опасеній, обратилось къ прежнимъ привычкамъ—къ французскому языку, отчасти къ литературѣ, потому что здѣсь все еще заключалась та небольшая доза цивилизаціи, которая проникала въ нашъ образованный классъ и была ему всего доступнѣе.

Но если патріоты и не искоренили въ русскомъ обществѣ французскаго языка и подражанія французскимъ нравамъ, тѣмъ не менѣе возбужденіе двѣнадцатаго года, поддержанное впечатлѣніями послѣдующихъ событій, не прошло безслѣдно и для большой массы общества. Это возбужденіе высказывалось весьма различными проявленіями: вообще казалось, что жизнь требуетъ обновленія, что она начинаетъ какой-то новый періодъ, который различныя партіи представляли различно, каждая по своимъ собственнымъ понятіямъ. Людямъ стараго вѣка изъ школы Шишкова казалось, что пришло время возвратиться къ стариннымъ русскимъ добродѣ-

---

[1]) «По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала изчезать съ лицъ нашихъ... но увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика: бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ея какъ будто уже никогда и не бывало». Вигель, II, IV, 69.

[2]) «Какъ будто въ поруганіе стариннымъ обычаямъ нашимъ, купечество, не брѣющее бородъ, начало носить родъ французскихъ длинныхъ сертуковъ, съ отложнымъ какимъ-то воротникомъ... думая, можетъ быть, новымъ симъ одѣяніемъ приблизиться къ обычаямъ образованныхъ народовъ» (Сынъ Отеч. 1813, ч. VI).

телямъ и славянскому языку; мистики думали, что пришла пора для пропаганды внутренней церкви; консерваторы находили, что слѣдуетъ уничтожить либеральныя нововведенія или что вообще надо очень позаботиться объ истребленіи якобинскаго духа, которому они приписывали всѣ европейскія событія послѣдняго времени и примѣры вольнодумства, проявлявшіеся въ Россіи. Но рядомъ съ чистымъ консерватизмомъ и мистикой начинались движенія иного рода: начиналось броженіе общественно-филантропическихъ идей, которое всего ярче выразилось въ ту пору основаніемъ библейскаго общества и въ которомъ одно время сходились очень разнообразные оттѣнки мнѣній — и религіозность, и филантропія, и даже либерализмъ, въ видѣ религіозной терпимости и въ видѣ заботы о просвѣщеніи народа. Одновременно съ этимъ, въ извѣстной связи съ библейскимъ обществомъ съ другой стороны и въ связи съ чисто либеральнымъ направленіемъ являются ланкастерскія школы; далѣе заботы объ улучшеніи тюремъ, масонскія ложи, литературно-филантропическія общества и т. п. Мы разскажемъ далѣе, какъ все сильнѣе развивалось, наконецъ, либеральное направленіе, уже въ самомъ обществѣ, совершенно независимо отъ правительственной иниціативы, а потомъ даже въ оппозиціи къ правительству, и наконецъ въ положительной враждѣ съ существующимъ порядкомъ вещей.

Всѣ эти направленія въ періодъ времени 1812—1815 остаются весьма неясными и смутными. Въ теченіе самой войны всѣ различные оттѣнки мнѣній сливаются въ одномъ патріотическомъ возбужденіи, и даже потомъ это движеніе все еще было такъ неопредѣленно, что нерѣдко въ одномъ и томъ же дѣлѣ могли встрѣчаться люди совершенно различныхъ мнѣній, которые не вдругъ понимаютъ другъ друга и только послѣ распредѣляются по своимъ дѣйствительнымъ свойствамъ. Такъ было въ библейскомъ обществѣ, въ масонскихъ ложахъ, въ ланкастерскихъ школахъ и т. п., гдѣ одинаково сходились и либералы и піэтисты,—но въ тоже время складывалась и та партія, которую потомъ олицетворилъ Магницкій съ своими клевретами...

Въ какомъ положеніи находились вещи уже въ эту переходную пору, можно видѣть, напримѣръ, изъ письма, писаннаго въ ноябрѣ 1813 года Уваровымъ къ Штейну. Уваровъ могъ нѣсколько преувеличить свои ощущенія, чтобы тѣмъ больше выставить трудности своего либерализма, но тѣмъ не менѣе главныя черты конечно вѣрны. Изображая Штейну свое трудное, почти отчаянное положеніе среди ретрограднаго общества, въ которомъ онъ, при всей умѣренности своихъ понятій, не можетъ удержаться

на выбранной дорогѣ, «не жертвуя честью, мнѣніями, благосостояніемъ» и пр., Уваровъ пишетъ: «Не подумайте, чтобы въ моихъ словахъ было какое-нибудь преувеличеніе... Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т.-е. огня, который не жжетъ. Другіе—и это большая часть—сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескьё, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа(?), мечты Ш...[1]) и открытія Лейбница. Наконецъ, это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно долго выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франк-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе. Рискуешь каждую минуту компрометтировать себя, или стать органомъ всякихъ нелѣпостей, палачемъ (executeur des hautes-oeuvres) самыхъ преувеличенныхъ страстей. Вотъ среди какой путаницы и какого глубокаго невѣжества приходится работать надъ зданіемъ, которое подкапывается въ основаніи и грозитъ разрушеніемъ со всѣхъ сторонъ... Я жду только благопріятнаго случая, чтобъ уйти изъ этого хаоса... Обо мнѣ не скажутъ, что я слишкомъ скоро потерялъ мужество. У меня также было много надеждъ и иллюзій, но *три года* опыта разрушили ихъ» [2]).

Уваровъ разумѣетъ здѣсь вѣроятно свое положеніе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и свои встрѣчи съ представителями библейскаго общества. Изъ его словъ видно, что въ то время уже началъ разыгрываться обскурантизмъ, получившій такую силу впослѣдствіи. Старые и новые консерваторы, масоны стараго покроя, съ которыми въ этомъ случаѣ согласны были и іезуиты, дѣйствовавшіе черезъ своихъ патроновъ въ высшей аристократіи, видѣли въ новыхъ идеяхъ нѣчто слишкомъ враждебное собственнымъ ихъ теоріямъ и возставали противъ новыхъ идей съ ожесточеніемъ, свойственнымъ невѣжеству и лицемѣрію. Собственно говоря, трудно было опредѣлить предметъ, на который направлялась ихъ вражда, и потому теперь снова пошло въ ходъ давнишнее пугало, подъ названіемъ иллюминатства. Мы разсказывали прежде, какъ опасливо старые масоны восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія оберегались тогда только-что явившагося иллюминатскаго ордена. Этотъ орденъ давно исчезъ, но въ свое краткое существованіе онъ навелъ такой страхъ на

---

[1]) Можетъ быть: Шиллера?

[2]) Pertz, Stein's Leben, III, 697—698.

ортодоксальное, или слишкомъ невинное, или совершенно ретроградное масонство въ Германіи, что имя иллюминатовъ надолго осталось для нихъ предметомъ ужаса. Имя иллюминатовъ въ тоже время пріобрѣло дурную репутацію и во Франціи. Тамъ это названіе прилагалось къ другого рода людямъ — къ фантастическимъ мечтателямъ, въ родѣ Сенъ-Мартена и его школы, къ крайнимъ піэтистамъ и даже къ шарлатанамъ, какъ Каліостро, которыхъ считали вообще людьми подозрительными. Существованіе тайныхъ обществъ, напр. масонскихъ, число и значеніе которыхъ преувеличивалось слухами, заставляло массу людей простодушныхъ вѣрить всякимъ разсказамъ объ ихъ разрушительныхъ идеяхъ и замыслахъ. Французская революція еще больше выдвинула мнимую секту иллюминатовъ, въ которыхъ стали теперь видѣть союзниковъ якобинства и виновниковъ всѣхъ ужасовъ революціи. Писатели стараго режима, эмигранты и іезуиты вообще приписывали революцію одному огромному заговору, въ которомъ главная роль была отдана ими якобинцамъ, масонамъ и иллюминатамъ. Многотомная исторія якобинства, аббата Баррюэля, представила цѣлую массу мнимыхъ фактовъ, доказывавшихъ, что виной революціи было не что иное какъ именно ихъ заговоръ. Книга Баррюэля переведена была у насъ дважды [1]) и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала распространенію и у насъ фантастическаго представленія о какомъ-то таинственномъ, злонамѣренномъ союзѣ, который повсюду стремится разрушить порядокъ и нравственность, ниспровергнуть всякую святыню и посѣять губительныя лжеученія. Этимъ врагамъ общественнаго порядка, религіи и нравственности приписывалось вообще величайшее коварство: они умѣли скрываться подъ самыми различными видами, проникать въ самыя высшія сферы правительства и двора и всюду разсѣвать свои тлетворныя ученія. Понятно, что при этомъ качествѣ легко было заподозрить въ иллюминатствѣ кого угодно. Аббатъ Жоржель, пріѣзжавшій въ Россію при Павлѣ, въ свое время причислялъ къ злымъ иллюминатамъ даже Ростопчина, управлявшаго тогда иностранными дѣлами [2]). Теперь, обвиненія въ иллюминатствѣ пошли въ ходъ и у насъ. Наши консерваторы были обыкновенно такъ

[1]) «Волтеріанцы или исторія о якобинцахъ», 1805—1809, въ 12 частяхъ; «Записки о якобинцахъ», 1806—1808, въ 6 частяхъ.

[2]) Онъ приписывалъ иллюминатство Ростопчина проискамъ нѣмецкихъ иллюминатовъ, особенно баварскаго министра Монжела, котораго іезуиты не терпѣли. (Abbé Georgel, Voyage à St.-Pétersbourg. Paris, 1818). Въ чемъ онъ считалъ иллюминатство Ростопчина, неизвѣстно.

невѣжественны (какъ это продолжается и до сей поры), что имъ мудрено было вообще ясно формулировать и доказывать свои обвиненія противъ либерализма, и тогда обвиненіе въ иллюминатствѣ становилось чрезвычайно удобно. Иллюминатство было такъ неопредѣленно и неосязаемо, что его можно было взваливать на кого угодно. Имъ пользовались и враги либеральныхъ реформъ, обвинявшіе въ связяхъ съ иллюминатами Сперанскаго; и старые масоны, помнившіе иллюминатство Вейсгаупта, какъ Голенищевъ-Кутузовъ, еще въ 1810-мъ году писавшій доносы противъ Карамзина и «вольнодумческаго и якобинскаго яда» его сочиненій; и библейскіе піэтисты, предлагавшіе противъ иллюминатства и безвѣрія свои библейскія средства; наконецъ, консерваторы стараго покроя, какъ Шишковъ, Державинъ, а потомъ и архимандритъ Фотій, въ томъ же иллюминатствѣ обвиняли библейскихъ піэтистовъ, напримѣръ Лабзина, самого кн. Голицына и т. д. Это былъ цѣлый перекрестный огонь однихъ и тѣхъ же обвиненій, и изъ этого уже видно, какъ были безсмысленны эти обвиненія, которыми однако все-таки можно было дѣйствовать! Іезуиты, которые во второмъ десятилѣтіи царствованія Александра успѣли пріобрѣсть много друзей въ русскомъ обществѣ, съ своей стороны присоединились къ обвиненіямъ и предлагали свои услуги для искорененія иллюминатства. Въ такомъ духѣ Де-Местръ настроивалъ Разумовскаго, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія. Мы разсказывали прежде, какимъ кладомъ для этой пропаганды обскурантизма оказался Священный Союзъ: Магницкій воспользовался имъ совершенно такъ, какъ могъ бы желать этого Жозефъ Де-Местръ.

Въ 1818 г. обвиненія въ иллюминатствѣ направлялись, между прочимъ, на Лабзина. Сперанскій, который его не любилъ, въ письмѣ къ Столыпину однако не вѣритъ обвиненіямъ, какія противъ него взводились, и между прочимъ замѣчаетъ по этому поводу: «Какъ мало еще просвѣщенія въ Петербургѣ! Изъ письма вашего я вижу, что тамъ еще и нынѣ вѣрятъ бытію мартинистовъ и иллюминатовъ. Старыя бабьи сказки, коими можно пугать только дѣтей» [1]).

Изъ выраженій въ письмѣ Уварова мы видимъ, что обвиненія въ иллюминатствѣ были теперь въ полномъ ходу. Уже въ это время начиналось бѣснованіе обскурантизма: гнѣздомъ его становилось теперь библейское общество, которое возстало, наконецъ, противъ всякаго образованія во имя масонско-піэтисти-

---

[1]) Р. Арх. 1870, стр. 1151—52.

ческой «внутренней церкви» и распространило цѣлую систему лицемѣрія и ханжества. Верхомъ и послѣднимъ пунктомъ его обскурантизма была исторія петербургскаго университета, о которой мы будемъ имѣть случай упомянуть далѣе. Извѣстно, какъ само библейское общество пострадало отъ другого обскурантизма, менѣе замысловатаго, который изображался союзомъ Аракчеева, Фотія, Магницкаго и Шишкова.

Другое заявленіе консервативной реакціи происходило въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ послѣ паденія Сперанскаго не было пока никакихъ реформаторскихъ затѣй. Планы Сперанскаго получали теперь послѣдній ударъ. Въ 1814 году выступилъ опять на правительственную сцену старый дѣлецъ Трощинскій, назначенный тогда министромъ юстиціи. Между тѣмъ, въ государственный совѣтъ (въ декабрѣ 1813) поступила изъ Коммиссіи законовъ третья часть «Уложенія». Императоръ, въ іюнѣ 1814, велѣлъ вмѣстѣ съ ней вновь разсмотрѣть и первыя двѣ части. Это разсмотрѣніе остановлено было возраженіями Трощинскаго (27 янв. 1815), который на подобіе Карамзина доказывалъ несвойственность «уложенія» духу русскаго народа. Мнѣніе Трощинскаго было принято, и проектъ былъ устраненъ подъ предлогомъ необходимости сличенія его съ существующими законами, что и было поручено Коммиссіи законовъ (8 марта 1815). Впослѣдствіи, по возвращеніи Сперанскаго, которому Александръ въ 1821 г. снова поручилъ работу по «уложенію», Оленинъ, завѣдывавшій послѣ Сперанскаго государственной канцеляріей, передавая ему бумаги по этому дѣлу, объяснялъ тогдашнее рѣшеніе государственнаго совѣта слѣдующимъ образомъ. Въ этомъ рѣшеніи совѣта Оленинъ видитъ примѣръ того, какъ могутъ увлекаться даже умные люди, руководящіеся однимъ только долговременнымъ навыкомъ. «Сіи, впрочемъ опытные люди, устрашенные, частію и не безъ причины, превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ людей нынѣшняго времени, опасаются встрѣтить, даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго въ управленіи устройства, какія нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся, по ихъ мнѣнію, къ испроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ на нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя оный уже давно, отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ, пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Въ семъ-то именно видѣ — *испроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новыми* — принятъ былъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта и проектъ гражданскаго уложенія». Оленинъ упоминаетъ,

какъ эти люди, привыкшіе видѣть законы не иначе какъ въ видѣ «немаловажнаго числа томовъ въ листъ и въ четвертку», удивлены и испуганы были видомъ небольшой книжки проекта [1]). Этому дивился и Карамзинъ.

Упомянутое мнѣніе Трощинскаго написано въ очень враждебномъ тонѣ, повторяетъ въ сущности тѣже аргументы, какіе приводилъ Карамзинъ, и заканчивается — опять также какъ въ «Запискѣ». «Не могу оставить въ молчаніи,—говоритъ Трощинскій,—что полученное мною сличеніе проекта гражданскаго уложенія съ кодексомъ Наполеона [2]) родило во мнѣ чувствительнѣйшее прискорбіе». Онъ увидѣлъ, что проектъ собственно есть «испорченный переводъ Наполеонова кодекса». «Сколь скоро все сіе несомнѣнно, — продолжаетъ онъ, — то нѣтъ уже нужды искать особенныхъ причинъ, для чего смѣшанными оказались власти судебныхъ мѣстъ и дѣла духовныя съ гражданскими. Причины сіи, конечно, гнѣздятся въ самомъ кодексѣ и въ *софизмахъ новой философіи*, доказавшей заблужденія свои *гибельными переворотами* Французскаго Королевства. Не постигаю, какъ можно заимствоваться намъ законами отъ *ужасной революціонной пропаганды!* Какъ можетъ ревнительный россіянинъ почитать себя счастливымъ, учреждаясь въ кругу ближнихъ своихъ сообразно съ духомъ *безбожнѣйшаго властелина!* Какъ можетъ отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда приведетъ себѣ на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви и въ самомъ алтарѣ, совершились какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, который стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!» и проч. [3]).

Въ совѣтѣ мнѣніе Трощинскаго встрѣтило мало возраженій и было принято большинствомъ. Въ одномъ письмѣ отъ того времени, Трощинскій говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ «всю благомыслящую публику имѣетъ на своей сторонѣ». Въ совѣтѣ, «всѣ почти согласно съ нами (т.-е. съ нимъ и Шишковымъ) мыслятъ, но не смѣли говорить, доколѣ флюгеръ укажетъ имъ, на какую

---

[1]) «Жизнь Сперанскаго» I, 169—170.

[2]) Быть можетъ, составленное Шишковымъ; см. «Жизнь Сперанскаго», I, 167—168, прим.

[3]) «Мнѣніе министра юстиціи по части составленія законовъ для россійской имперіи», 27 янв. 1815, стр. 57—59.

страну обратиться. Между тѣмъ безъ самолюбія скажу, что не только публика, даже дворъ въ восхищеніи. Оказываютъ мнѣ всѣми образами отличія»... [1]).

Радовались конечно обличенію революціонной пропаганды. Впослѣдствіи, Магницкій, когда былъ попечителемъ казанскаго округа, доказывалъ главному правленію училищъ, что и указъ объ экзаменахъ (составленный Сперанскимъ, въ то время его ближайшимъ другомъ и покровителемъ) состоялся — дѣйствіемъ иллюминатовъ: «сдѣлано положеніе,—писалъ онъ,—по которому все, въ старомъ благочестіи воспитанное, отрѣзано отъ всякаго повышенія и надеждъ по службѣ, и замѣнено людьми новаго, разрушительнаго воспитанія»... [2])

---

[1]) Сборникъ Р. Истор. Общ. III, стр. 19.
[2]) «Жизнь Сперанскаго», I, стр. 181.

VI.

Переходное время. — Возобновленіе масонскихъ ложъ. — Ланкастерскія школы.

Чтобы дать ближайшее понятіе о тогдашнемъ броженіи, обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ. Мы уже называли одно изъ нихъ — библейское общество, основанное въ концѣ 1812 года и, главнымъ образомъ, процвѣтавшее до начала двадцатыхъ годовъ. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно излагали его исторію.

Другимъ, не менѣе характеристическимъ явленіемъ было возстановленіе масонскихъ ложъ.

Исторія масонскаго движенія во времена импер. Александра до сихъ поръ мало извѣстна. По существующимъ въ печати матеріаламъ трудно еще составить о нихъ достаточно ясное понятіе.

Масонство этихъ временъ сохраняло еще много связей съ прежнимъ, но во многомъ и отличалось отъ него. Въ обществѣ было еще не мало людей стараго московскаго кружка—живы были Новиковъ, Гамалѣя, П. В. Лопухинъ, И. П. Тургеневъ, Ключаревъ, О. Поздѣевъ, З. Я. Карнѣевъ и друг.; было много ихъ непосредственныхъ учениковъ, какъ Лабзинъ, Невзоровъ, Ковальковъ и проч.; было много масоновъ прежнихъ школъ петербургскихъ, елагинской и шведской системы, у которыхъ были свои адепты изъ младшаго поколѣнія. Старики, конечно, держались, сколько возможно вѣрно, своихъ преданій, — но преданія тѣмъ не менѣе ослабѣвали: такъ прежнее розенкрейцерство не получило прямого дальнѣйшаго развитія,—оно пало въ самомъ своемъ берлинскомъ источникѣ; алхимическое масонство потеряло кредитъ тѣмъ болѣе, что теперь было уже меньше простодушнаго суевѣрія, чѣмъ прежде, и мало-по-малу розенкрейцерство московскихъ масоновъ превратилось въ аскетическій піэтизмъ. Въ

новомъ поколѣніи стали дѣйствовать новыя вліянія: онѣ приходили, съ одной стороны, изъ иностранныхъ, особенно нѣмецкихъ ложъ, гдѣ тѣмъ временемъ утвердились новыя масонскія направленія; съ другой стороны, въ ложахъ отражаются направленія, образовавшіяся въ самой русской общественной жизни.

Старыя ложи перестали дѣйствовать при Екатеринѣ. Только немногія проявляли, кажется, еще нѣкоторые признаки существованія. Павелъ освободилъ Новикова, и въ числѣ людей, гонимыхъ при Екатеринѣ, онъ возвысилъ и нѣкоторыхъ масоновъ (кн. Куракинъ, Н. В. Репнинъ, И. В. Лопухинъ, кн. Трубецкой, З. Я. Карнѣевъ, Плещеевъ; вспомнили и умершаго тѣмъ временемъ Панаева, и пр.). Но ложи не открывались: ихъ замѣнилъ другой орденъ,—потому что мальтійское рыцарство отчасти было похоже на масонскихъ тампліеровъ. При вступленіи на престолъ Александра можно было разсчитывать, что мягкость и либерализмъ императора откроютъ свободу и для масонства [1]). Дѣйствительно, при Александрѣ ложи опять организовались въ правильную систему.

Свѣдѣнія о первомъ возстановленіи ложъ при Александрѣ до сихъ поръ очень смутны. По одному разсказу, въ масонскихъ источникахъ, Александръ въ 1801 г. возобновилъ запрещеніе своего предшественника противъ тайныхъ обществъ, но уже въ 1803 г. онъ будто бы такъ измѣнилъ свои мнѣнія, что не только отмѣнилъ запрещеніе, но самъ приступилъ къ союзу. Одинъ изъ прежнихъ масоновъ, Бёберъ, рѣшился будто бы уничтожить въ императорѣ предубѣжденіе противъ ордена и, испросивъ себѣ аудіенцію, съумѣлъ такъ защитить орденъ, что Александръ не только обѣщалъ ему свое покровительство, но самъ пожелалъ быть принятымъ въ ложу. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ будто бы посвященъ, и послѣ того не только возстановились старыя ложи, но стали открываться и новыя [2])

Самъ Бёберъ (старый масонъ, вступившій въ орденъ еще въ 1776 году и игравшій роль въ петербургскихъ ложахъ швед-

---

[1]) Капфигъ, La baronne de Krüdner, стр. 76, говоритъ о Лагарпѣ, что онъ былъ «lié aux loges maçonniques et aux martinistes», — но мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ этомъ, ни о томъ, чтобы эти связи Лагарпа отразились чѣмъ-нибудь на русскомъ масонствѣ. Лагарпъ скорѣе былъ вольнодумецъ въ духѣ «просвѣщенія». Нѣсколько неясныхъ свѣдѣній о временахъ Павла находится у Финделя, Gesch. der Freimaur. 2-te Aufl. Leipz. 1866, стр. 575—576.

[2]) «Acta Latomorum», цитир. въ Handbuch der Freim. Leipz. 1866, III, 112. Тѣже «Acta» упоминаютъ подъ 1804 годомъ о возобновленіи ложъ и въ особенности съ похвалой говорятъ о ложахъ вел. кн. Константина и графа Потоцкаго. Ср. Clavel, Hist. de la Fr.-Maçonnerie, стр. 286.

ской системы) разсказываетъ только, что въ 1805 г. нѣсколько старыхъ «братьевъ» вздумали сдѣлать попытку возстановленія ордена и основали ложу (Mildthätigkeit zum Pelikan). Министръ полиціи, извѣщенный объ этомъ, не сдѣлалъ противъ этого никакихъ возраженій, и потому братья продолжали свои работы, хотя въ тишинѣ и скромно, и число братьевъ не очень размножалось. Члены этой ложи были знакомые Бёбера, которымъ извѣстно было его прежнее положеніе въ орденѣ; но тѣмъ не менѣе онъ узналъ о существованіи ложи только случайно и вступилъ въ нее въ 1808 г. вслѣдствіе сильныхъ убѣжденій со стороны братьевъ. Число членовъ стало вскорѣ увеличиваться; изъ первой ложи выдѣлились новыя, а затѣмъ учреждена была и первая Великая ложа. Это была Великая Директоріальная ложа «Владиміра къ Порядку» [1]).

Въ одномъ позднѣйшемъ оффиціальномъ документѣ русскихъ ложъ, о возстановленіи масонства говорится такимъ образомъ: «Русскія ложи, процвѣтавшія еще въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, по собственному побужденію прекратили свои работы въ то время, когда благоразуміе и обстоятельства дѣлали это полезнымъ. Тѣмъ временемъ вѣрныя и опытныя руки сохраняли и поддерживали въ тиши священный огонь, пока измѣнившіяся обстоятельства и либеральный образъ мыслей монарха, стоящаго выше предразсудковъ и ненавидящаго всякія ненужныя стѣсненія, въ 1804 году дали нѣкоторымъ старымъ каменьщикамъ, происходившимъ большей частью изъ старой ложи «Коронованнаго Пеликана» [2]), возможность формально возстановить эту ложу подъ именемъ «Александра къ Коронованному Пеликану». Въ 1809, эта ложа, вслѣдствіе припятія новыхъ братьевъ и присоединенія старыхъ масоновъ (между которыми были и братья Эллизенъ и Бёберъ), столь значительно умножила число своихъ членовъ, что отъ нея образовалось еще двѣ ложи-сестры, изъ которыхъ одна, «Елизаветы къ добродѣтели», работала на русскомъ языкѣ, а другая, «Петра къ Истинѣ», на французскомъ и нѣмецкомъ. Всѣ эти три ложи слѣдовали старой шведской системѣ, и образовали общую директорію, подъ именемъ Великой Директоріальной ложи Владиміра къ порядку» [3])...

Гросмейстеромъ этой ложи единогласно былъ выбранъ Бёберъ.

---

[1]) Разсказъ Бёбера, въ запискѣ его о русскомъ масонствѣ, писанной въ 1815 и напечатанной въ Handb. III, 612—615.

[2]) Вѣроятно таже, которая выше названа Mildthätigkeit zum Pelikan.

[3]) Циркуляръ, разосланный (въ 1815 г.) отъ второй Великой Ложи «Астрея» къ другимъ масонскимъ союзамъ, послѣ ея открытія. Мы беремъ его изъ Handb. III, 615—616. См. еще тамъ же, стр. 112—113.

Какъ мы замѣтили, онъ былъ издавна послѣдователемъ шведской системы, введенной нѣкогда кн. Куракинымъ и Гагаринымъ; онъ былъ великимъ секретаремъ тогдашней Провинціальной, или Національной ложи. И теперь, при возобновленіи ложъ, Бёберъ остался вѣренъ старому преданію, и открытіе новой Директоріальной ложи совершилось, по его словамъ, именно «на основаніи конституціоннаго патента, полученнаго прежде изъ Швеціи для Великой Національной ложи», т.-е. Гагаринской ложи 1779 года.

Начали возстановляться и старыя ложи. Прежняя шотландская ложа «Сфинкса» и капитулъ «Феникса», который состоялъ нѣкогда подъ управленіемъ кн. Гагарина и при появленіи шведской системы присоединился къ ней, оставивъ систему Елагина, — также возобновили теперь свои работы и учредили директорію подъ именемъ высшаго орденскаго совѣта.

Года черезъ два послѣ основанія Директоріальной ложи «Владиміра» въ 1811 и 1812, къ ней присоединились двѣ французскія ложи: «Les amis réunis» и «La Palestine». Онѣ уже много лѣтъ работали въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ и по французскимъ актамъ, а теперь приняли обрядъ, введенный въ соединенныхъ ложахъ. «Такимъ образомъ, — говоритъ Бёберъ въ своей запискѣ — въ 1812 году во всей Россіи, за исключеніемъ работавшихъ въ тиши мартинистовъ, которые впрочемъ въ трехъ первыхъ степеняхъ также имѣли наши акты, существовала только одна отрасль каменьщичества... До конца 1813 г., всѣ ложи, зависѣвшія отъ Директоріальной (т.-е. Елизаветы, Александра, Les amis réunis, Петра и Палестины) были не только въ полномъ соединеніи, но имѣли одну общую кассу и работали въ одномъ и томъ же помѣщеніи».

Въ томъ же 1813 г. къ Директоріальной ложѣ приступили и возобновленныя передъ тѣмъ старыя ложи: «Изиды» въ Ревелѣ, и «Нептуна къ Надеждѣ» въ Кронштадтѣ.

Но согласіе въ масонскомъ союзѣ сохранилось недолго. Въ Директоріальной ложѣ началось разногласіе, причиной котораго были новыя масонскія вліянія, приходившія изъ Германіи. Первое раздѣленіе произошло, кажется, въ началѣ 1814 года. Нѣкто Эллизенъ, также одинъ изъ старыхъ извѣстныхъ масоновъ [1]), мастеръ стула въ ложѣ «Петра къ истинѣ», нанялъ для своей ложи отдѣльное помѣщеніе, отдѣлился отъ общей кассы и сдѣлалъ другія распоряженія, которыя были противны принятымъ законамъ Директоріальной ложи.

---

[1]) См. о немъ Зап. Вигеля III, V, стр. 58.

Причиной отдѣленія было различіе во взглядахъ на масонскую іерархію и вѣроятно также нѣкоторое различіе въ общихъ понятіяхъ о масонствѣ. Въ Директоріальной ложѣ собрались старые и новые элементы; ея система была система съ «высшими степенями», многіе изъ ея членовъ имѣли высшія степени и конечно придавали особенную важность этимъ «градусамъ», пріобрѣтеннымъ нѣкогда съ большимъ трудомъ и издержками; но въ ней были и представители такъ-называемыхъ «іоанновскихъ ложъ», т.-е. такихъ, гдѣ существовали только три первоначальныя масонскія степени. Между тѣмъ, въ русское масонство проникло и новое направленіе, развившееся въ Германіи и окончательно отвергавшее высшія степени, которыхъ нелѣпость и ненужность уже давно разнымъ образомъ обнаруживалась. Такова была новая система Шрёдера, къ которой и обратился Эллизенъ.

Фридр. Лудв. Шрёдеръ (1744 — 1816) имѣетъ очень извѣстное имя и въ исторіи масонства, и въ исторіи нѣмецкаго драматическаго искусства, — въ послѣдней какъ замѣчательный актеръ, содержатель гамбургскаго театра и драматическій писатель, между прочимъ, знакомившій нѣмцевъ съ Шекспиромъ. Шрёдеръ былъ вообще человѣкъ, обязанный своимъ развитіемъ всего больше самому себѣ, но въ его литературномъ и масонскомъ характерѣ не мало также отразились его связи съ Лессингомъ и его другомъ Боде. Намъ случалось прежде упоминать объ отношеніяхъ Лессинга и Боде къ масонству: оба они вступали въ ложи и старались придать масонству тотъ смыслъ космополитической человѣчности, къ какому приводило тогдашнее революціонное движеніе европейской мысли. Подъ этими вліяніями началъ и Шрёдеръ свою дѣятельность въ орденѣ. Тогда орденъ еще вполнѣ былъ въ рукахъ послѣдователей «Строгаго Наблюденія», розенкрейцеровъ и подобныхъ шарлатановъ, и Вейсгауптъ безуспѣшно старался преобразовать орденъ своимъ иллюминатствомъ. Шрёдеръ во-первыхъ возсталъ рѣшительнымъ образомъ противъ высшихъ степеней, потому что первоначальныхъ трехъ степеней, по его мнѣнію, было совершенно довольно для изложенія нравственныхъ масонскихъ ученій; во-вторыхъ, онъ старался опредѣлить достовѣрную,—т.-е. по крайней мѣрѣ не слишкомъ невѣроятную—исторію ордена. Сочиненія Шрёдера объ исторіи масонства занимаютъ непослѣднее мѣсто въ этомъ, такъ сказать, раціоналистическомъ объясненіи его происхожденія, какъ вообще его дѣятельность и литературная и масонская обнаруживаетъ въ немъ почтеннаго человѣка серьезныхъ нравственныхъ убѣжденій. Не вдаваясь въ подробности о томъ, какъ онъ практически осуществлялъ свои взгляды, довольно сказать,

что его стремленія имѣли успѣхъ и его взгляды были приняты многими изъ лучшихъ людей и многими ложами, и его система, которую называютъ иногда «англійской» (такъ какъ она возвращалась къ этой первоначальной формѣ масонства), имѣла большое вліяніе въ нѣмецкомъ масонскомъ мірѣ. Въ своихъ предпріятіяхъ онъ отчасти работалъ вмѣстѣ съ другимъ подобнымъ ревнителемъ масонской морали, Фесслеромъ, съ которымъ мы также встрѣтимся въ исторіи нашихъ ложъ, и который также хотѣлъ реформы ордена, похожей на Шрёдерову. Они имѣли сходныя понятія о высшихъ степеняхъ, считали ихъ чуждыми настоящему масонству, но, такъ какъ въ этихъ степеняхъ еще работали многія масонскія системы, и такъ какъ для «мастера» важно было вообще знать историческое развитіе ложъ и масонства, то Шрёдеръ и Фесслеръ согласились составить для братьевъ третей степени («мастеровъ») особое общество, отдѣлъ или пожалуй особую послѣднюю степень, въ которой и должна была излагаться исторія союза и сущность высшихъ степеней. У Шрёдера это общество названо было: довѣренные братья (vertraute Brüder), или степень историческаго знанія (historische Kenntnissstufe) или тѣсный союзъ (Engbund). У Фесслера за степенью мастера слѣдовали «посвященія» въ шести отдѣлахъ или степеняхъ познанія (Erkenntniss-stufen), съ нравственно-философскими разъясненіями [1]).

Съ этимъ Шрёдеромъ вступилъ въ сношенія Эллизенъ и, по словамъ Бёбера, «началъ декламировать противъ высшихъ степеней», къ которымъ самъ Бёберъ, очевидно, имѣлъ пристрастіе. Вслѣдствіе этихъ несогласій, Бёберъ сложилъ съ себя званіе гросмейстера Директоріальной ложи и продолжалъ управлять только до прибытія вновь избраннаго гросмейстера, графа Шувалова. Между тѣмъ несогласія такъ усилились, что онъ сложилъ съ себя и это временное управленіе [2]). Графъ Шуваловъ не принялъ однако должности, и потому выбранъ былъ новый великій мастеръ, графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

При этомъ новомъ великомъ мастерѣ, въ Директоріальной ложѣ единогласно постановлена была полная терпимость ко всѣмъ масонскимъ системамъ, принятымъ и признаннымъ другими «великими востоками» и великими ложами [3]). Тогда Элли-

---

[1]) По словамъ Бёбера въ концѣ 1814; по другимъ указаніямъ, въ концѣ 1813 г. См. Записку Бёбера и циркуляръ Вел. ложи «Астреи». Послѣдняя цифра кажется вѣрнѣе.

[2]) Въ циркулярѣ это постановленіе означено мартомъ 1814 года.

[3]) О Шредерѣ см. Handb. I, 276 (Engbund); III, 200 и слѣд. Keller, Gesch.

зенъ формально ввелъ въ своей ложѣ систему Шрёдера, и его примѣру послѣдовали ложи «Изиды» въ Ревелѣ и «Нептуна» въ Кронштадтѣ, получавшія прежде свои акты отъ Директоріальной ложи. Эта терпимость и переходъ нѣсколькихъ ложъ къ Шрёдеровой системѣ еще умножили столкновенія, которыя уже происходили между владѣтелями высшихъ степеней и представителями іоанновскихъ ложъ относительно управленія орденомъ. Въ Іоанновъ день 1815 года, когда приступлено было къ исполненію давно принятаго рѣшенія—замѣнить прежній уставъ, крайне недостаточный и утвержденный только на годъ, новымъ, то оказалась полная невозможность помирить притязанія владѣтелей высшихъ степеней съ притязаніями большинства представителей. Это подало поводъ къ закрытію Директоріальной ложи «Владиміра къ порядку», которое послѣдовало по общему желанію всѣхъ семи соединенныхъ прежде ложъ и съ согласія правительства такимъ образомъ, чтобы ея мѣсто заняли двѣ великія ложи, равныя въ правахъ и независимыя одна отъ другой [1]). Вслѣдъ затѣмъ четыре ложи: «Петра къ истинѣ» (гдѣ мастеромъ стула былъ Эллизенъ), «Палестины», «Изиды» и «Нептуна» основали, 30 августа 1815, великую ложу «Астреи».

Такимъ образомъ, основаніе «Астреи», происшедшее подъ вліяніемъ системы Шрёдера, обозначаетъ уже новое масонское направленіе въ средѣ нашихъ ложъ. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему распространенію «Астреи», упомянемъ о другихъ масонскихъ вліяніяхъ, и во-первыхъ о томъ, которое шло черезъ Фесслера.

Въ нашей литературѣ въ послѣднее время не разъ упоминалось имя Фесслера [2]), было разсказано о томъ, какъ онъ былъ вызванъ Сперанскимъ въ Россію, какъ вступилъ на профессуру еврейскаго языка, а потомъ философіи въ петербургской духовной академіи, какъ русскіе духовные ученые, именно архіепископъ Ѳеофилактъ, заподозрили его философію въ недозволительномъ вольнодумствѣ, какъ вслѣдствіе того Фесслеръ долженъ былъ выйти изъ академіи и, наконецъ, удалился въ Саратовъ, гдѣ онъ былъ потомъ лютеранскимъ супер-интендентомъ. Въ томъ, что у насъ говорилось о Фесслерѣ, обыкновенно отдается спра-

---

des eklektischen Freimaurerbundes (Giessen 1857), стр. 141, и его же Gesch. der Freim. in Deutschland, стр. 225 и слѣд.

[1]) По словамъ Бёбера, это предложеніе основать двѣ независимыя отрасли масонства, по невозможности сохранить прежніе законы при совершенно различномъ характерѣ ложъ, было сдѣлано имъ же.

[2]) Напр. въ «Жизни Сперанскаго», бар. Корфа, I, стр. 256—261; въ «Запискахъ о жизни Филарета», г. Сушкова, и друг.

вѣдливость его учености, но бросается сильная тѣнь на его нравственныя правила; его обвиняли, между прочимъ, одни — въ іезуитствѣ, другіе—въ корыстолюбіи, третьи—въ вольнодумствѣ или просто въ безбожіи. Мы увидимъ, какой былъ главный источникъ этихъ обвиненій.

Игнатій-Аврелій Фесслеръ (1756—1839) родился въ Венгріи, въ небогатомъ нѣмецкомъ семействѣ; воспитанный набожной матерью, онъ съ-дѣтства отличался религіозной экзальтаціей, которая все больше возрастала съ лѣтами. Одаренный блестящими дарованіями, онъ еще въ школѣ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія, классическую и церковную начитанность, и подъ вліяніемъ своей религіозности, семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ капуцинскій монастырь. Здѣсь онъ ревностно продолжалъ свои ученыя занятія, читалъ отцовъ церкви и древнихъ, знакомился съ новѣйшей литературой и философіей, и путемъ этихъ изученій, вводившихъ его въ область серьезной мысли и разрушавшихъ его прежніе идеалы, онъ уже вскорѣ пришелъ къ сомнѣнію, борьба съ которымъ принесла ему много нравственнаго страданія. Эта-то борьба съ самимъ собой и эти сомнѣнія, въ которыхъ онъ сознавался, стоили ему потомъ обвиненій въ атеизмѣ—со стороны людей, которыхъ никогда не посѣщали никакія сомнѣнія. Фесслеръ остался религіознымъ человѣкомъ, но вѣру въ католицизмъ онъ потерялъ. Монахи стали подозрѣвать его и присматривать за нимъ; его положеніе было крайне трудное. Наконецъ. въ своемъ монастырѣ ему случилось открыть тѣ ужасы свирѣпаго инквизиціоннаго фанатизма, какіе до сихъ поръ открываются отъ времени до времени въ благочестивыхъ католическихъ обителяхъ. Пораженный тѣмъ, что видѣлъ, Фесслеръ тайно извѣстилъ объ этомъ самого императора Іосифа, который, къ счастію, ненавидѣлъ церковный фанатизмъ и въ это время занимался планами церковныхъ преобразованій. Іосифъ назначилъ осмотръ монастырей. Капуцины подозрѣвали Фесслера. Вскорѣ затѣмъ онъ издалъ сочиненіе (Was ist der Kaiser?), подъ своимъ именемъ, въ защиту правъ императора въ церковныхъ дѣлахъ и въ защиту либеральныхъ реформъ Іосифа. Это окончательно навлекло ему страшную ненависть монаховъ, изъ которыхъ одинъ едва не зарѣзалъ Фесслера. Наконецъ, онъ отправился во Львовъ, профессоромъ восточныхъ языковъ и ветхозавѣтной герменевтики; сочиненія, написанныя имъ здѣсь по этой спеціальности, послужили потомъ его правомъ на каѳедру въ петербургской академіи. Но и во Львовѣ положеніе его было не лучше; онъ вышелъ изъ капуцинскаго ордена, но вражда монаховъ преслѣдовала его и здѣсь,

такъ что Фесслеръ былъ наконецъ вынужденъ бѣжать изъ Австріи. Онъ поселился въ Пруссіи, окончательно оставилъ католицизмъ и принялъ лютеранство, былъ нѣсколько времени воспитателемъ въ одномъ знатномъ домѣ, занялся литературной дѣятельностью, въ которой долженъ былъ искать и средствъ существованія, и вообще находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Его умственная работа шла своимъ чередомъ: онъ усердно изучалъ новую философію, особенно Канта, чтобы разрѣшить свои вопросы о Богѣ и человѣкѣ; въ общественной жизни онъ дѣйствовалъ своими сочиненіями, мистическо-нравственнаго направленія, и своей дѣятельностью въ масонствѣ. Онъ вступилъ въ масонскую ложу еще во Львовѣ, въ 1783 г., гдѣ онъ прошелъ степени шведской системы; познакомившись съ исторіей ложъ, онъ тотчасъ увидѣлъ всю пустоту «высшихъ степеней», и сталъ въ масонствѣ реформаторомъ въ томъ же смыслѣ, какъ упомянутый нами Шрёдеръ. Главная его дѣятельность въ этой области принадлежитъ девяностымъ годамъ и первымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Это было время сильнаго броженія умственнаго и общественнаго, которое отразилось и на масонствѣ. Уже Лессингъ ставилъ ему высокія нравственно-философскія задачи; теперь такія же задачи ставили ему Фихте и Фесслеръ; другіе хотѣли внести въ него и прямую общественную цѣль пропаганды гражданской свободы. Фесслеръ одно время принадлежалъ къ подобному союзу «Эвергетовъ», но отказался отъ него, когда для него выяснился характеръ этого союза,—самъ онъ видѣлъ въ масонствѣ средство только для нравственнаго воспитанія, на которомъ гражданское должно основаться. Союзъ «Эвергетовъ» подвергся вскорѣ преслѣдованію властей, и Фесслера оставили въ покоѣ только потому, что за него вступился король, который прочиталъ его «Марка-Аврелія», нравственно-политическій романъ, гдѣ Фесслеръ является искреннимъ монархистомъ.

Ученость и литературная дѣятельность [1]) Фесслера уже доставили ему большую извѣстность въ это время, и его реформаторскіе планы производили впечатлѣніе въ масонскомъ мірѣ. Въ 1801 вышло уже цѣлое собраніе его сочиненій, относящихся собственно къ масонству. Его преобразованіе, какъ мы упоминали, по мысли своей было сходно съ «Тѣснымъ Союзомъ» Шрёдера. Фесслеръ отбросилъ высшія степени, но для братьевъ

---

[1]) Кромѣ его трудовъ по восточнымъ языкамъ, онъ былъ извѣстенъ и чисто литературными произведеніями, а впослѣдствіи также своей большой «Исторіей Венгріи».

третьей степени онъ сдѣлалъ изъ нихъ предметъ историческаго изученія, гдѣ послѣдовательно излагались разныя масонскія системы, раскрывались тайныя причины масонскихъ дѣленій и раздоровъ, и такимъ образомъ объяснялось происхожденіе и историческое развитіе ордена, и его настоящая цѣль, и дѣйствительная сущность. Нѣтъ сомнѣнія, что если только масонство должно было существовать, эта его форма была остроумно придумана, чтобы дать ему цѣльность, историческій смыслъ и практическое дѣйствіе среди множества разнородныхъ системъ и стремленій. Это были упомянутыя «степени познанія» или «Фесслерова система» [1]).

Въ Петербургѣ Фесслеръ, какъ профессоръ, имѣлъ положительный успѣхъ между воспитанниками академіи, на которыхъ онъ произвелъ впечатлѣніе новостью и богатствомъ свѣдѣній, строго систематическимъ изложеніемъ и компетентнымъ знаніемъ тогдашняго состоянія философской науки — все это было большой рѣдкостью. Но тѣмъ же самымъ онъ произвелъ другое дѣйствіе на академическихъ наставниковъ и начальниковъ. Фесслеръ, вѣроятно, затмѣвалъ отчасти ихъ собственную ученость, говорилъ вещи необычныя, и при нашихъ нравахъ и необильномъ просвѣщеніи не мудрено было въ самыхъ простыхъ вещахъ найти опасное и еретическое вольнодумство или революціонныя мысли,—потому что до сихъ поръ, если къ намъ доходятъ иногда отрывки *дѣйствительной* европейской науки, то не только большинство, но иногда сами цеховые и оффиціальные представители науки еще пугаются ихъ, какъ вольнодумства, и спѣшатъ охранить отъ него спокойствіе своего болота. Въ академіи были, правда, и послѣ такіе же иностранные и иновѣрные профессора, какъ Фесслеръ, но они были слишкомъ ничтожны, чтобы противъ нихъ кому-нибудь нужно было возставать; Фесслеръ былъ человѣкъ, который могъ дѣйствительно имѣть вліяніе на умы, и этого конечно боялись. Архіепископъ Ѳеофилактъ, считавшійся въ свое время ученымъ человѣкомъ, успѣлъ такъ заподозрить Фесслера, что этотъ послѣдній въ томъ же году долженъ былъ выйти изъ академіи. Что касается религіозныхъ мнѣній Фесслера, которыя были тогда заподозрѣны, то дѣйствительно, въ теченіе своей жизни онъ прошелъ періоды религіозной экзальтаціи, вѣ-

---

[1]) О Фесслерѣ см. Handb. I, 329—339, и названныя выше книги Келлера; далѣе его собственныя любопытныя воспоминанія—«Rückblicke auf seine siebzigjährige Pilgerschaft» (Leipz. 1851). Его «Степени познанія», между прочимъ, изложены въ антимасонской книгѣ «Hephata, oder Denkwürdigkeiten und Bekenntnisse eines Freimaurers». Leipz. 1836, стр. 223; передъ тѣмъ, стр. 195 и слѣд., изложена масонская дѣятельность Фесслера.

рующаго католичества, сильнаго скептицизма и пришелъ наконецъ къ протестантскому религіозному идеализму, на которомъ и остановился:—очень обыкновенный путь людей, дѣйствительно мыслящихъ, которые задавали себѣ вопросъ о религіи и не хотѣли жертвовать мыслью одной слѣпой вѣрѣ. Фесслеръ былъ только искреннѣе людей, которые предпочитаютъ прикрывать сомнѣніе лицемѣріемъ, и конечно выше тѣхъ, кто въ свое вѣрованіе не вноситъ никакой мысли. Присоединившись къ лютеранской церкви и вступая въ число ея служителей, Фесслеръ написалъ свое протестантско-идеалистическое исповѣданіе, и оно было признано лютеранскими властями въ Россіи. Какъ предсѣдатель лютеранской консисторіи нѣмецкихъ колоній Волжскаго края, и потомъ супер-интендентъ, Фесслеръ дѣятельно трудился въ своемъ округѣ и пользовался уваженіемъ не у однихъ лютеранъ [1]). Ѳеофилактъ и другіе противники Фесслера предпочитали говорить о Фесслерѣ такъ, какъ говорили австрійскіе капуцины [2]).

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Фесслеръ, повидимому, работалъ и для распространенія своихъ масонскихъ взглядовъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ пріобрѣлъ много знакомствъ въ нѣмецкомъ и русскомъ обществѣ, и въ кругу его знакомыхъ и друзей было не мало людей, игравшихъ роль въ тогдашнемъ движеніи библейскомъ, масонскомъ и либеральномъ. Фесслеръ называетъ, въ этомъ кружкѣ, своихъ земляковъ и бывшихъ львовскихъ слушателей, проф. Лоди (черезъ котораго Сперанскій и приглашалъ его въ Россію), Балугьянскаго, Орлая, Кукольника, далѣе — Эллизена, Бека, Гаузншильда, Штоффрегена, Пезаровіуса, пастора Фольборта, книгопродавца Вейгера, Александра Тургенева, Уварова,—Павскаго, Ирод. Вѣтринскаго и пр.; о другихъ онъ замѣчаетъ, что «скромность велитъ ему умолчать ихъ имена» [3]). Очень вѣроятно, что вліяніе Фесслера способствовало распространенію тѣхъ новыхъ масонскихъ понятій, вслѣдствіе которыхъ въ нашихъ ложахъ стала приниматься система Шрёдера.

Старые масоны, владѣльцы «высшихъ степеней», не могли смотрѣть благосклонно на Фесслера, отвергавшаго эти высшія

---

[1]) Объ его дѣятельности въ Саратовѣ см. «Rückblicke». Вліяніе мистической стороны его характера не было, конечно, всегда полезно;—таково было напр. его вліяніе въ воспитаніи поэта сороковыхъ годовъ, Н. Губера.

[2]) См. напр. отзывъ о Фесслерѣ у Стурдзы, Oeuvres posth., religieuses, historiques etc. Paris 1858, стр. 73.

[3]) Rückblicke, стр. 222, 223, 227. Въ послѣдней фразѣ онъ разумѣлъ, конечно, Сперанскаго.

степени и вносившаго въ масонство свою либеральную религіозность и мораль. Повидимому, они встрѣтили его также враждебно, какъ архіепископъ Ѳеофилактъ. Бёберъ, кажется, гордившійся тѣмъ, что до 1814 г. русскія ложи подъ его гросмейстерствомъ принадлежали къ одной системѣ (шведской, обильной высшими степенями), въ своей запискѣ всячески старается замарать Фесслера. Когда въ ложахъ было это единогласіе, Фесслеръ, по словамъ его—«хотѣлъ сдѣлать диверсію, а въ самомъ дѣлѣ привлекъ къ себѣ нѣсколькихъ уважаемыхъ братьевъ, которымъ *за чистыя деньги* продавалъ свою мудрость. Но такъ какъ я сильно противодѣйствовалъ его попыткамъ, а затѣмъ его отставка отъ мѣста, на которое онъ былъ первоначально призванъ (въ духовной академіи), поселила не совсѣмъ благопріятное предубѣжденіе противъ него, то ученики мало-по-малу покинули его, и онъ вскорѣ потомъ удалился изъ Петербурга... Духовенство Невскаго монастыря обвиняло его, что онъ хотѣлъ распространять между своими учениками въ семинаріи социніанскія ученія, и кто читалъ 3-ю часть его рукописи подъ заглавіемъ: Критическая Исторія масонства отъ древнѣйшихъ и до нашихъ временъ,—тотъ не будетъ спорить, что его справедливо можно было упрекать въ лжеученіи» .. [1])

Фесслеръ не думалъ однако основывать своей особой системы. Какъ Шрёдеръ, онъ просто довольствовался тремя первыми іоанновскими степенями старой англійской системы, и не искалъ никакой исключительности: его «посвященія» или «степени познанія» могли быть доступны для всякаго, кто прошелъ первыя ступени мастерства. Отъѣздъ изъ Петербурга помѣшалъ, конечно, распространенію «посвященій», и впослѣдствіи, въ числѣ ложъ, принадлежавшихъ къ «Астреѣ», мы находимъ только одну ложу такъ-называемой Фесслеровой системы, занесенную какимъ-то образомъ въ Бѣлостокъ... Но Фесслеръ, повидимому, производилъ въ петербургскомъ обществѣ извѣстное вліяніе, и въ двадцатыхъ годахъ, когда Фотій, въ союзѣ съ Аракчеевымъ, Магницкимъ и Шишковымъ, разыскивалъ виновниковъ «бѣсовскаго» вольнодумства, онъ не забылъ въ своихъ проклятіяхъ иллюмината Фесслера, «разстригу католицкаго исповѣданія»...

Мы не знаемъ, кого собственно посвящалъ Фесслеръ въ Петербургѣ въ свое ученіе. Одно посвященіе, которое извѣстно, очень любопытное какъ черта времени,—было посвященіе Сперанскаго. Біографъ Сперанскаго, упоминая о томъ, какъ пытливость Сперанскаго старалась узнать и тайны иллюминатства, въ

---

[1]) Handb. III, 614.

которыхъ Фесслеръ былъ его просвѣтителемъ, замѣчаетъ: «позволено даже думать, что это собственно и было главною, хотя, разумѣется, сокровенною цѣлью вызова знаменитаго мистика въ Россію». Когда впослѣдствіи, въ 1822 г., издано было распоряженіе о закрытіи въ Россіи масонскихъ ложъ, Сперанскій въ своей подпискѣ, говоря о прошедшемъ времени, упоминаетъ, что въ 1810 году, по случаю разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ въ особо учрежденномъ отъ правительства комитетѣ, котораго Сперанскій былъ членомъ, онъ принятъ былъ, «съ вѣдома правительства», въ масонскіе обряды подъ предсѣдательствомъ «извѣстнаго доктора Фесслера», въ частной домашней ложѣ, не имѣвшей собственно ни имени, ни состава, ни учрежденія, свойственнаго ложамъ: эту ложу онъ посѣтилъ два раза. Біографъ Сперанскаго, по поводу словъ «съ вѣдома правительства», дѣлаетъ предположеніе: не подтверждаютъ ли онѣ сохранившагося до сихъ поръ темнаго преданія о томъ, что Сперанскій вступилъ въ ложу собственно по приказанію императора Александра, который будто бы самъ хотѣлъ посвятить себя въ тайны масонства?

Къ этимъ обстоятельствамъ относятся, конечно, и слова Сперанскаго въ концѣ пермскаго письма (приведеннаго нами въ главѣ о Сперанскомъ), гдѣ онъ, по поводу обвиненій его въ связяхъ съ мартинистами, иллюминатами и проч., напоминаетъ Александру ихъ бесѣды «о предметахъ сего рода» и особенно «о мистической ихъ части». Эти бесѣды вызваны были, какъ видно, самимъ Александромъ. Сперанскій находилъ въ нихъ удовольствіе, но замѣчаетъ, что истины, которыя онъ тогда излагалъ, онъ почерпалъ «не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій» [1]), а изъ собственной души: «что другое въ сихъ истинахъ вы слышали отъ меня, — спрашиваетъ Сперанскій, — кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго?»

О такихъ именно предметахъ онъ долженъ былъ услышать и въ «посвященіяхъ» иллюмината Фесслера, которыя, поэтому могли интересовать его самого и кромѣ порученій императора Александра, — если онъ потомъ ссылался на правительство, эта оговорка въ 1822 году могла требоваться благоразумной осторожностью. Нравственная философія самого Сперанскаго издавна отличалась такимъ характеромъ, что ему могъ быть близокъ ма-

---

[1]) Такъ стоитъ въ однихъ копіяхъ пермскаго письма; въ другихъ—«не изъ сектъ и партій». Первое чтеніе, нами принятое, можетъ именно относиться къ масонскимъ актамъ и хартіямъ.

сонскій идеализмъ не только такого человѣка, какъ Фесслеръ, но даже и такого, какъ Лопухинъ. Напечатанная недавно переписка [1]) показываетъ, что Сперанскій еще задолго до этого, въ 1804 г., былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Лопухинымъ, который ревностно знакомилъ его съ мистическими и розенкрейцерскими писаніями и авторитетами своей школы; съ другой стороны письма къ Цейеру представляютъ чрезвычайно любопытное выраженіе его собственныхъ понятій объ этихъ предметахъ. Его собственная система есть созерцательно-мистическій квіетизмъ [2]). Въ письмѣ изъ Перми къ Цейеру онъ такъ говоритъ о своемъ внутреннемъ состояніи, которое было предметомъ ихъ прежнихъ мистическихъ бесѣдъ и взаимныхъ наблюденій «До времени нашей разлуки, состояніе наше въ сущности было лишь состояніемъ размышленія и умственной молитвы. Вся наша духовность собственно сводилась къ теософіи. Къ ней же относятся творенія Бёма, Сенъ-Мартена, Сведенборга и т. п. *Это лишь азбука.* Десять лѣтъ провелъ я въ ея изученіи, и когда я думалъ, что овладѣлъ всѣмъ, я трудился лишь надъ начатками. Это было преддверіе царствія божія». Письма состоятъ въ разсужденіяхъ о внутренней церкви, въ наставленіяхъ о томъ, какъ достигнуть состоянія благодати, даже въ практическихъ совѣтахъ о томъ, какими средствами можно придти къ мистическому созерцанію, и рекомендуетъ (въ письмѣ 1817 г.) пріемы древнихъ аскетовъ—напр. уединиться въ самый удаленный уголъ комнаты; принять положеніе наиболѣе удобное — сѣсть, скрестить руки подъ грудью, и устремить взоры на какую-нибудь часть своего тѣла, а именно на пупокъ; повторять «Господи помилуй»; оставаться въ этомъ положеніи пока оно длится и т. д. Въ этомъ состояніи аскеты видѣли такъ-называемый ѳаворскій свѣтъ и т. д. Онъ не хочетъ говорить о «собственномъ жалкомъ опытѣ» рядомъ съ этими великими примѣрами духовнаго созерцанія; но былъ и «собственный опытъ»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Сперанскій (въ письмѣ 1818 г.) возстаетъ противъ «заблужденій ложнаго мистицизма», которыя происходятъ, по его словамъ, отъ ревности къ вѣрѣ, не очищенной отъ самолюбія, и осуждаетъ крайности Лабзина....

---

[1]) Письма Лопухина къ Сперанскому, Р. Арх. 1870, стр. 609 и слѣд.; письма Сперанскаго къ Цейеру, тамъ же, стр. 174 и слѣд.

[2]) Какъ справедливо замѣчаетъ издатель этихъ писемъ. Но намъ кажется, что по самымъ письмамъ довольно мудрено указывать границу, отдѣляющую настроеніе Сперанскаго отъ «господствующаго настроенія тогдашнихъ мистиковъ», какъ это указываетъ издатель. Сперанскій, какъ человѣкъ очень умный, сдерживался во внѣшнихъ выраженіяхъ своего воззрѣнія, но его теорія такъ мистически туманна и неопредѣленна, что иногда онъ самъ говоритъ языкомъ Лопухина, Лабзина, Невзорова и т. д.

О посвященіи Сперанскаго Фесслеромъ сохранился разсказъ одного изъ свидѣтелей, ольденбургскаго каммергера Ренненкампфа. Ренненкампфъ, извѣстный Фесслеру еще съ Берлина и уже прежде принятый въ первыя степени, получилъ теперь, въ 1810 г., отъ Фесслера степень мастера (вѣроятно, чтобы имѣть право участвовать въ «посвященіи», назначавшемся только для мастеровъ) и вмѣстѣ порученіе — перевесть на французскій языкъ ритуалы для принятія Сперанскаго, не знавшаго тогда по-нѣмецки. Отъ этого принятія ожидали многаго для успѣховъ масонства въ Россіи. При посвященіи присутствовали, кромѣ Фесслера и Ренненкампфа, еще Розенкампфъ, Дерябинъ, профессоръ Гауэншильдъ, проф. Лоди, еще одинъ масонъ и братъ-служитель.... [1]).

Какой былъ особый комитетъ, учрежденный отъ правительства «для разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ» и гдѣ Сперанскій былъ членомъ, — мы не знаемъ.

Мистицизмъ Сперанскаго, такъ странно соединявшійся съ большой положительностью другихъ его мнѣній, есть характеристическая черта времени. Если такой умъ увлекался мистическимъ теченіемъ до такой степени, то понятно, что имъ еще легче могла увлекаться масса общества. Какъ у Сперанскаго изученіе Бёма, Сенъ-Мартена и Сведенборга совпадало съ наибольшимъ развитіемъ его либерализма, такъ и у многихъ другихъ людей тогдашняго либеральнаго круга, напр., у членовъ нашихъ тайныхъ обществъ политическое свободомысліе соединялось съ религіозностью, которая показалась бы удивительной, напр., въ наше время, или съ мистицизмомъ масонскихъ ложъ. Такъ это было въ то время и въ тайныхъ обществахъ западныхъ, гдѣ радикальныя политическія увлеченія иногда прямо основывались на экзальтаціи идеальнымъ христіанствомъ. Немудрено, поэтому, что въ нѣкоторыхъ нашихъ масонскихъ ложахъ, какъ

---

[1]) Handb. III, стр. 59. Розенкампфъ есть, конечно, извѣстный баронъ, изъ коммиссіи законовъ, масонъ и мистикъ; Дерябинъ—также извѣстный въ свое время масонъ (см. Лонгинова, Новиковъ и пр., стр. 294, прим.) О Гауэншильдѣ см. Истор. очеркъ царскосел. лицея (1811—1861), Селезнева, Спб. 1861, стр. 102 и слѣд. Въ біографіи Штейна находятся записанные съ его словъ разсказы о Сперанскомъ, объ его наклонности къ мечтательному мистицизму, о томъ, какъ онъ вѣрилъ въ перерожденіе міра посредствомъ тайныхъ обществъ, какъ для этого вступилъ въ связи съ Фесслеромъ и Розенкампфомъ, домъ котораго сталъ центромъ ложъ, какъ Фесслеръ составлялъ для Сперанскаго проектъ о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ тайныхъ обществъ и т. п. (Pertz, III, стр. 57 и слѣд.). Этотъ разсказъ повторенъ цѣликомъ у Шницлера (Rostoptchine et Koutouzof, 2-e édit. Paris 1863, стр. 88—90). Онъ полонъ преувеличеній и совершенныхъ небылицъ, но тѣмъ не менѣе любопытенъ, потому что это — отголосокъ толковъ, какіе Штейнъ слышалъ тогда въ петербургскомъ обществѣ.

увидимъ, могли уживаться свободомысліе политическое и мистицизмъ.

Возвращаемся къ ложамъ. Въ числѣ ложъ, соединившихся подъ управленіемъ Директоріальной ложи «Владиміра», были между прочимъ такія, которыя «работали» по французскимъ актамъ. Откуда взялись эти акты, мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ вообще о связяхъ нашихъ ложъ съ французскими. Эти связи отчасти сохранились, вѣроятно, отъ прежнихъ временъ, когда уже бывали сношенія съ «великимъ востокомъ» Франціи, отчасти были завязаны вновь, какъ можно судить по нѣкоторымъ обстоятельствамъ [1]).

Слѣдствіемъ раздоровъ, внесенныхъ Шрёдеровой системой, было, какъ мы видѣли, основаніе другой великой ложи—«Астреи». Она уже вскорѣ стала преобладать. Конституція, или Уложеніе этой ложи, одобренное правительствомъ, утверждалось на слѣдующихъ главныхъ правилахъ: терпимость ко всѣмъ признаннымъ масонскимъ системамъ; совершенное равенство представителей отдѣльныхъ ложъ въ великой ложѣ; занятіе масонскихъ должностей ежегодными правильными выборами, и невмѣшательство великой ложи въ вопросъ о высшихъ степеняхъ, такъ какъ она принимала только три первыя іоанновскія степени.

Гросмейстеромъ или Великимъ мастеромъ Великой Ложи «Астреи» по единогласному избранію назначенъ былъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ. Тогда же напечатана была для «братьевъ» конституція Астреи, принятая и утвержденная на шесть лѣтъ (1815 — 1821) представителями упомянутыхъ четырехъ ложъ, 20-го дня VI мѣсяца 5815 г., или 20 августа 1815 [2]).

---

[1]) Такъ, въ одномъ французскомъ сборникѣ масонскихъ пѣсенъ (La Lyre Maçonnique. Paris 1809) намъ встрѣтилось стихотвореніе, написанное послѣ Тильзитскаго мира, съ обращеніями къ Нѣману, — какъ будто французскіе масоны обращались къ русскимъ. Въ масонской библіотекѣ и бумагахъ гр. Віельгорскаго, ревностнаго масона тѣхъ временъ, собрано множество книгъ и брошюръ, относящихся къ французскимъ ложамъ, много мелкихъ бумагъ, записокъ, приглашеній въ собранія парижскихъ ложъ, которыя указываютъ на масонскія связи ихъ владѣльца съ парижскими ложами около 1810 года. Въ перепискѣ съ Дмитріевымъ Карамзинъ упоминаетъ о какомъ-то французскомъ шевалье де-Месансъ, судя по его отзывамъ, не то шпіонѣ, не то авантюристѣ, который между прочимъ въ Москвѣ «вербовалъ масоновъ, ссылаясь на петербургскую моду». (Письмо къ Дмитріеву, отъ 19 февр. 1811).

[2]) «Уложеніе Великой масонской ложи Астреи на В. (Востокѣ) С.-Петербурга. Часть первая. 5815», и «Законы великой масонской ложи Астреи на востокѣ Санктпетербурга или подъ конституціею великой ложи Астреи состоящаго масонскаго союза. Вторая часть. На Востокѣ Санктпетербурга 5815 года И. С.» (т. е. Истиннаго Свѣта), съ дополненіями. Въ нашемъ экземплярѣ послѣднія дополненія отъ 24 марта 1818.

Съ тѣхъ поръ союзъ Астреи постоянно распространялся. Въ сентябрѣ того же 1815 года эта великая ложа основала въ Петербургѣ новую ложу, работавшую на русскомъ языкѣ, подъ именемъ «Избраннаго Михаила»; въ октябрѣ она «имѣла радость видѣть», что къ ея союзу приступила старѣйшая и самая многочисленная изъ всѣхъ ложъ въ Петербургѣ «Александра къ Коронованному Пеликану», которою до тѣхъ поръ управлялъ Бёберъ, въ качествѣ мастера стула [1]).

Въ слѣдующіе годы къ Астреѣ присоединяются еще другія ложи, или вновь открывавшіяся или старыя. Черезъ два года по основаніи Великой ложи, въ 1817 г., мы находимъ въ союзѣ Астреи уже двѣнадцать ложъ, именно кромѣ шести, названныхъ выше, еще слѣдующія: Іордана — въ Өеодосіи; Les amis réunis (Соединенныхъ Друзей) и Пламенѣющей Звѣзды—въ Петербургѣ; военная ложа Георгія Побѣдоносца—въ Мобёжѣ, при главной квартирѣ русскаго оккупаціоннаго корпуса, стоявшаго во Франціи; Les Tenèbres dispersées (Разсѣяннаго Мрака)—въ Житомирѣ; и Zu den drei Streithammern (Трехъ Сѣкиръ)—въ Ревелѣ [2]).

Еще черезъ годъ, къ 24 марта 1818, въ союзѣ Астреи было уже восемнадцать ложъ, именно прибавились ложи: Александра тройственнаго Спасенія — въ Москвѣ; Трехъ коронованныхъ Мечей—въ Митавѣ; Ключа къ Добродѣтели—въ Симбирскѣ; Орла Россійскаго—въ Петербургѣ; Соединенныхъ Славянъ — въ Кіевѣ; Любви къ истинѣ—въ Полтавѣ [3]).

Въ спискѣ ложъ на 1818—1819 г. Астрея считала двадцать три ложи. Къ упомянутымъ выше присоединились ложи: Сѣверныхъ Друзей (Les amis du Nord) и Бѣлаго Орла — въ Петербургѣ; Золотаго Кольца—въ Бѣлостокѣ; Пчелы — въ Ямбургѣ, и Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ [4]). Въ концѣ 1818 года (26-го дек.) основалась еще ложа Озириса въ Каменцѣ Подольскомъ.

Въ спискѣ ложъ на 1820—1821 г. перечислены тѣже двадцать четыре ложи, но нѣкоторыя изъ нихъ уже прекратили свои

(345 стр.). Это Уложеніе, какъ и списки членовъ ложъ, печаталось кромѣ русскаго, также на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

[1]) Handb. III, 616.

[2]) Tableau général de la Grande Loge Astrée à l'Or. de St.-Pétersbourg et de douze Loges de sa dépendance, pour l'an maçonique $58^{17}/_{18}$. A l'Or. de St.-Pétersbourg, 58^{24}/IV 17 (т.-е. 24 іюня 1817).

[3]) Дополненія къ «Уложенію» Астреи.

[4]) Tableau général de la grande Loge Astrée à l'O. de St. Pétersbourg et des 23 loges de sa dépendance. Pour l'an maçonnique $58^{18}/_{19}$.

работы. Такъ ревельская ложа Изиды по постановленію Великой Ложи пріостановила свои работы (a suspendu les travaux); мобёжская военная ложа Георгія Побѣдоносца покрылась (a couvert) на неопредѣленное время — конечно вслѣдствіе выступленія русскаго корпуса изъ Франціи; кромѣ того покрыли свои работы на неопредѣленное время полтавская ложа Любви къ истинѣ и петербургская Сѣверныхъ Друзей [1]).

За послѣднее время существованія ложъ, мы къ сожалѣнію не имѣемъ объ Астреѣ другихъ свѣдѣній.

Еще скуднѣе извѣстныя до сихъ поръ данныя о другомъ союзѣ старой Директоріальной, или такъ-называемой Провинціальной Ложи. По свѣдѣніямъ 1815 года къ этому союзу принадлежали ложи: Елизаветы къ добродѣтели, Les amis réunis, Пламенѣющей Звѣзды и Трехъ добродѣтелей—въ Петербургѣ и ложа Zu den drei gekrönten Schwertern — въ Митавѣ; кромѣ того, въ этомъ союзѣ находились двѣ такъ-называемыя шотландскія ложи: Сфинкса и св. Георгія. Въ чиноначаліи высшихъ степеней этого союза главныя мѣста занимали А. А. Жеребцовъ — великій префектъ въ капитулѣ Феникса, и Бёберъ — президентъ высшаго орденскаго совѣта [2]).

Въ концѣ 1817 года къ союзу Провинціальной Ложи принадлежали по оффиціальнымъ даннымъ слѣдующія шесть ложъ: Елисаветы къ Добродѣтели, Трехъ Добродѣтелей, Трехъ Свѣтилъ, Дубовой Долины къ Вѣрности и Сѣверныхъ Друзей — въ Петербургѣ, и Сѣверной Звѣзды — въ Вологдѣ [3]).

Существованіе этого союза было, повидимому, довольно безпорядочно. Союзъ былъ немногочисленъ, и нѣсколько разъ ложи этого союза переходили къ Астреѣ. Такъ, уже въ первый годъ существованія Астреи, перешла къ ней ложа «Александра къ коронованному Пеликану», въ которой управляющимъ мастеромъ былъ передъ тѣмъ самъ Бёберъ; далѣе ложи Les amis réunis и Пламенѣющей Звѣзды, потомъ митавская ложа Трехъ вѣнчанныхъ Мечей, ложа Сѣверныхъ Друзей.

---

[1]) Tableau général de la grande Loge etc. et des Loges de sa dépendance. Pour l'an maçonnique 58$^{10}/_{21}$.

[2]) Въ запискѣ Бёбера. Handb. III, 615. Ложа «Трехъ вѣнчанныхъ (коронованныхъ) Мечей», состоявшая въ союзѣ Провинціальной ложи и названная у Бёбера митавскою,—упоминается у Вигеля какъ петербургская (Зап. Виг. III, V, 57). Впослѣдствіи ложу этого имени митавскую, о которой говоритъ Бёберъ, мы находимъ въ союзѣ Астреи (см. «Уложеніе», стр. 345). Наконецъ, еще въ другомъ мѣстѣ она называется ложею «Трехъ Мечей» просто (Handb. III, 113). Эти разнорѣчія несовсѣмъ ясны.

[3]) См. «Актъ взаимныхъ отношеній двухъ Великихъ Ложъ» и пр. (1817).

Гросмейстеромъ Провинціальной ложи послѣ Бёбера съ 1815 года былъ Александръ Александр. Жеребцовъ (генералъ-майоръ), а потомъ, кажется съ 1817 года, графъ Михаилъ Віельгорскій—имя, очень извѣстное и въ послѣдующее царствованіе. Вторымъ мастеромъ, при Віельгорскомъ, былъ Сергѣй Степ. Ланской [1]).

Въ 1819 году, въ союзѣ Провинціальной ложи считалось только шесть ложъ, именно: Елизаветы, Трехъ добродѣтелей, Дубовой долины — въ Петербургѣ, Понта Евксинскаго — въ Одессѣ, Сѣверной Звѣзды — въ Вологдѣ, и Искателей манны (Chercheurs de la manne)—въ Москвѣ [2]).

Приведенный списокъ ложъ, существовавшихъ въ то время, безъ сомнѣнія, не полонъ; но мы не имѣемъ пока свѣдѣній о другихъ ложахъ. Такъ напр. здѣсь не названы ложи масоновъ московской школы, о которыхъ говорится однако, что они «въ тиши» работали, и т. п.

Въ 1817-мъ году, 12 декабря, двѣ великія ложи, Астрея и Провинціальная въ лицѣ своихъ великихъ мастеровъ, великихъ чиновниковъ, великихъ оффиціаловъ и членовъ, заключили между собою «актъ взаимныхъ отношеній двухъ великихъ ложъ на Востокѣ С.-Петербурга» [3]). По этому акту они положили: не признавать въ Россіи никакой ложи законною, которая не будетъ признана правительствомъ, или которая, со времени существованія бывшей Директоріальной ложи Владиміра къ порядку, т. е. послѣ 1809 г., учредилась безъ ея или двухъ этихъ ложъ соизволенія, или которая будетъ учреждена отъ какой нибудь иностранной В. ложи. Положены были условія на случай, еслибы пожелала возобновить свои работы и заявила свои права какая нибудь изъ прежнихъ ложъ, существовавшихъ еще ранѣе Директоріальной ложи: ея требованія должно было рѣшать по взаимному соглашенію двухъ Великихъ ложъ. Далѣе, обѣ ложи обя-

---

[1]) Ср. Зап. Вигеля, тамъ же, и разсказъ А. П. Степанова, въ Р. Старинѣ, 1870 т. I, стр. 150, 155.

[2]) По другому счету (въ статьѣ Полика о русскихъ ложахъ, въ Bauhütte, 1862, № 20 и слѣд.,—этого журнала мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ), къ Провинціальной ложѣ принадлежало 11 ложъ, а къ Астреѣ 23. См. Handb. III, 114 прим. Вигель (Зап. III, V, стр. 57) называетъ, неизвѣстно за какое время, пять ложъ: Елизаветы, Сѣверныхъ Друзей, Дубовой Долины, Трехъ вѣнчанныхъ Мечей и Александра къ вѣнчанному Пеликану. Ложу Трехъ Добродѣтелей онъ считаетъ въ Астреѣ. Его показанія, кажется, значительно спутаны.

[3]) Изданъ былъ подъ этимъ заглавіемъ, 4°, 18 стран. Было сдѣлано также изданіе нѣмецкое и французское. «Актъ» подписанъ былъ, въ двухъ столбцахъ, членами В. ложи и представителями 8 ложъ Астреи, и членами В. ложи Провинціальной и представителями подчиненныхъ ей шести ложъ.

зывались взаимно признавать іоанновскія ложи, основанныя которою либо изъ нихъ, такъ какъ объ имѣютъ право на основаніе такихъ ложъ; обязывались не признавать законной ту ложу, надъ которой ея Великая ложа будетъ производить судъ, или въ которой она остановитъ или же и вовсе прекратитъ работы. Впрочемъ ни у одной іоанновской ложи не отнималось право перейти изъ одного союза въ другой, — только при соблюденіи извѣстныхъ условій, напр., чтобы этотъ переходъ былъ постановленъ большинствомъ наличныхъ членовъ, чтобы она получила предварительно отъ своей В. ложи свидѣтельство, что не имѣетъ никакого денежнаго обязательства противъ союза, — безъ чего принявшая ее В. ложа сама удовлетворяетъ ея денежный долгъ. Далѣе, ложи взаимно извѣщаютъ другъ друга объ исключеніи членовъ, объясняя и причины исключенія: извѣщаемая В. ложа можетъ, впрочемъ, по своему усмотрѣнію принимать или не принимать исключеннаго изъ другой ложи, — кромѣ однако тѣхъ братствъ, которыя, по своимъ преступленіямъ, подвергаются совершенному исключенію изъ ордена. Онѣ сообщаютъ другъ другу списки своихъ ложъ, чиновниковъ и членовъ. Далѣе, опредѣляются правила, по какимъ совершаются торжества ложъ, почести, какія оказываются при взаимныхъ посѣщеніяхъ двухъ В. ложъ, церемоніалъ при торжественныхъ столовыхъ ложахъ и порядокъ тостовъ. Наконецъ, правила на случай неудовольствія одной В. ложи на другую, или члена одного союза противъ члена другого.

Мы уже замѣчали, что ложи, собравшіяся подъ управленіемъ Астреи и Провинціальной ложи, происходили изъ нѣсколькихъ различныхъ системъ. Какъ исполнялись ложами эти системы, трудно еще сказать теперь съ точностью, за недостаткомъ указаній. Въ Провинціальной ложѣ, не принявшей нововведеній, сохранялись вѣроятно обычаи старыхъ системъ и высшія степени съ ихъ іерархіей. Въ Астреѣ терпимы были всѣ *признанныя* системы, и въ ней мы встрѣчаемъ также большое разнообразіе. Такъ въ спискѣ 1819 года, самое большее число ложъ, было англійскихъ, именно семь ложъ слѣдовало системѣ Шрёдера или такъ - называемой *древне*-англійской [1]) и двѣ ложи было англійской Елагинской системы; было до восьми ложъ системы шведской,—это были ложи, отчасти перешедшія изъ Провинціальной, отчасти основанныя по этой системѣ вновь; было нѣсколько

---

[1]) Ее называли теперь древне-англійской, потому что Шрёдеръ принялъ старый англійскій ритуалъ съ тремя степенями, изъ книги «Iakin and Boaz», о которой намъ случалось прежде упоминать.

ложъ, гдѣ принята была система Вильгельмсбадскаго конвента; были наконецъ ложи—системы Grand Orient de France и системы Фесслера или нѣмецкой Landesloge, и пр.

Союзъ Астреи оказывалъ терпимость къ этимъ различнымъ системамъ, но у себя не давалъ никакого значенія высшимъ степенямъ. Въ своемъ Уложеніи онъ рѣшительно высказался противъ явныхъ крайностей и извращеній масонства. Въ первыхъ положеніяхъ, принятыхъ соединившимися ложами, сказано, что: «Онѣ обязуются — не имѣть, въ предметѣ работъ, изысканія сверхъ-естественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ такъ-называемыхъ Иллюминатовъ и Мистиковъ, ниже Алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ, и наконецъ не стараться о возстановленіи древнихъ рыцарскихъ орденовъ».

Но внѣ Астреи, старое рыцарство и розенкрейцерство, хотя въ измѣнившейся формѣ, вѣроятно еще не мало имѣли послѣдователей. Въ самой Астреѣ, въ числѣ почетныхъ членовъ разныхъ ея ложъ, были и ученики Новиковской школы, какъ напр. Лабзинъ.

Въ прошломъ столѣтіи масонство всего больше распространилось сначала въ Петербургѣ; потомъ при Новиковѣ, гнѣздомъ его стала Москва. Теперь Москва почти не дѣйствуетъ, и это довольно понятно. Въ Петербургѣ было гораздо больше условій для новаго движенія, больше возбужденій общественныхъ, и либеральныхъ и реакціонныхъ, больше сближеній съ западными вліяніями; Москва только что возрождалась изъ пепла, и старый кружокъ ордена разбился и разсѣялся. Изъ числа 30 ложъ обоихъ союзовъ, за послѣдніе года, въ Петербургѣ находилось всего больше ложъ, именно 12; только двѣ ложи считалось въ Москвѣ и двѣ въ Ревелѣ; по одной ложѣ было въ разныхъ провинціальныхъ городахъ [1]). Въ Петербургѣ собраны были и орденскія власти.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ всѣхъ масонскихъ изданій, списковъ и другихъ матеріаловъ, по которымъ можно было бы составить точное понятіе о личномъ составѣ и внутреннихъ отношеніяхъ ложъ. Мы можемъ судить объ этомъ только приблизительно. Составъ этотъ былъ очень разнообразный, и масонская мода охватила теперь гораздо болѣе значительную часть общества, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Главныя власти были отча-

---

[1]) Именно въ Кронштадтѣ, Митавѣ, Ямбургѣ, Вологдѣ, Симбирскѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ѳеодосіи, Каменцѣ, Житомирѣ, Бѣлостокѣ и Томскѣ. Одна ложа была въ арміи. Впослѣдствіи ложи были и въ другихъ городахъ, напр. въ Кишиневѣ..

сти изъ старыхъ масоновъ, дѣйствовавшихъ еще при Екатеринѣ (какъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, Бёберъ, Эллизенъ), отчасти изъ новыхъ адептовъ (какъ Віельгорскій и др.). Аристократическій элементъ, игравшій въ сущности главную роль въ ложахъ при Екатеринѣ, довольно значителенъ и теперь, но вообще былъ гораздо слабѣе прежняго. Ложи заняты и управляются по преимуществу среднимъ классомъ; чиновники и военные, купцы и ремесленники составляютъ главный контингентъ. Было много иностранцевъ, французскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Россіи, но въ особенности русскихъ, или главнымъ образомъ петербургскихъ нѣмцевъ, чиновниковъ, учителей, докторовъ, купцовъ и ремесленниковъ [1]). Было также много поляковъ.

Поэтому, между прочимъ, многія ложи производили свои работы на иностранныхъ языкахъ. Изъ числа 30 ложъ, по послѣднему списку десять ложъ работало на нѣмецкомъ языкѣ; три работали на французскомъ; двѣ на польскомъ; одиннадцать ложъ было русскихъ, и наконецъ нѣсколько смѣшанныхъ ложъ, гдѣ работали на двухъ языкахъ: именно, было двѣ ложи французско-русскихъ, и ложи нѣмецко-польская и французско-польская. Изъ этого числа, въ Петербургѣ было пять русскихъ ложъ, четыре нѣмецкихъ, двѣ французскихъ и одна смѣшанная, французско-русская.

Разбирая списки членовъ [2]), мы уже видимъ, какое разнообразіе мнѣній и какіе различные слои общества встрѣчались въ тогдашнихъ ложахъ. Въ Астреѣ гросмейстеромъ былъ, какъ упомянуто, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, почетный членъ ложи Royal York въ Берлинѣ и ложи Du Bouclier du Nord въ Варшавѣ. Съ 1820 года, гросмейстеромъ былъ графъ Адамъ Лаврентій Ржевускій, вѣроятно тотъ, который въ спискахъ 1817—18 г. упоминается какъ намѣстный мастеръ въ ложѣ Tenèbres Dispersées въ Житомирѣ. Далѣе, намѣстнымъ великимъ мастеромъ Астреи былъ князь Александръ Як. Лобановъ-Ростовскій, почетный членъ польскихъ ложъ въ Варшавѣ и въ Краковѣ. Вторымъ великимъ надзирателемъ былъ Фридрихъ Шёлеръ, прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ. Великимъ витіей—Фр. Фольбортъ,

---

[1]) Изъ нѣмцевъ еще съ прошлаго столѣтія были ревностные масоны, работавшіе и въ своемъ нѣмецкомъ кругу и вмѣстѣ съ русскими. Нѣмецкіе пропагандисты много сдѣлали и вообще для распространенія ложъ; вспомнимъ Рейхеля, Шварца, а также Штарка, Розенберга, барона Шрёдера и т. д.

[2]) Списокъ членовъ ложи Георгія Побѣдоносца, при русскомъ корпусѣ въ Мобежѣ, не помѣщенный въ Tableau général 1817 г. за неполученіемъ его, напечатанъ былъ недавно въ Р. Архивѣ; но онъ былъ помѣщенъ послѣ въ Tableau 1818—1819 года.

лютеранскій пасторъ, намѣстный мастеръ «Палестины», почетный членъ одной гамбургской ложи, съ 1815 г. одинъ изъ директоровъ въ петербургскомъ комитетѣ библейскаго общества. Почетнымъ членомъ Астреи былъ графъ Станиславъ Костка-Потоцкій, гросмейстеръ великаго востока Польши, министръ народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ.

Въ ложѣ *Петра къ истинѣ*, управлявшейся Эллизеномъ, въ числѣ почетныхъ членовъ былъ Павелъ Ив. Голенищевъ-Кутузовъ, извѣстный попечитель моск. университета и врагъ Карамзина; въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ встрѣчаемъ піэтиста пастора Буссе, упомянутаго выше проф. Гауэншильда, Павла Свиньина, наконецъ много генераловъ и гвардейскихъ офицеровъ, — между прочимъ Александра ф. д. Бриггена (декабриста?)

Въ ложѣ *Палестины* показанъ въ числѣ членовъ Карлъ Зайгеръ (Sayger), секретарь в. кн. Николая Павловича.

Въ ложѣ *Нептуна* былъ намѣстнымъ мастеромъ также названный выше книгопродавецъ Вейгеръ, одинъ изъ «великихъ чиновниковъ» Астреи, извѣстный масонъ, почетный членъ ложъ въ Варшавѣ, Гамбургѣ и Вильнѣ.

Въ ложѣ *Александра* мастеромъ стула былъ извѣстный основатель и издатель «Русскаго Инвалида», секретарь и директоръ въ библейскомъ комитетѣ, Павелъ Поміанъ-Пезаровіусъ. Въ его ложѣ Лабзинъ былъ почетнымъ членомъ. Членами этой ложи были преимущественно нѣмецкіе купцы и ремесленники.

Въ ложѣ *Соединенныхъ-Друзей* подъ управленіемъ полковника Оде-де-Сіона и генерала Прево-де-Люміана [1]), мы находимъ въ числѣ членовъ, за 1817—1818 годы, извѣстнаго П. Я. Чаадаева, тогда офицера гвардейскихъ гусаръ, въ степени мастера, и Александра Грибоѣдова, также гусарскаго офицера, въ степени товарища; здѣсь же встрѣчаемъ принца Александра Виртембергскаго, тогда бѣлорусскаго генералъ-губернатора, и нѣсколько лицъ изъ русской и польской аристократіи; здѣсь же названъ гвардіи полковникъ Мих. Митьковъ (декабристъ?).

Въ ложѣ *Пламенѣющей звѣзды*, гдѣ управляющимъ мастеромъ былъ баронъ Андрей Корфъ, въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ — генералъ отъ инфантеріи Борисъ Леццано, кажется старый масонъ новиковской школы. Въ спискѣ членовъ этой ложи за 1820—21 г. въ числѣ братьевъ 1-й степени упомянутъ офицеръ гвардіи Кондратій Рылѣевъ.

Въ ложѣ *Избраннаго Михаила* управляющимъ мастеромъ

[1]) См. объ нихъ у Вигеля, III, V, 55—56.

былъ графъ Ѳ. П. Толстой, въ то время отставной флота капитанъ-лейтенантъ, почетный членъ академіи художествъ; въ числѣ «великихъ чиновниковъ» ложи были: Гречъ, Ѳ. Н. Глинка, Вас. И. Григоровичъ, Н. Кошанскій, извѣстный лицейскій профессоръ, который былъ въ ложѣ «витіей». Членами этой ложи были: Н. А. Бестужевъ (съ 1818 г.), А. Еф. Измайловъ; въ 1820—21 г. братьями 1-й степени были М. К. Кюхельбекеръ и К. Ив. Арсеньевъ, профессоръ петербургскаго университета. Въ числѣ отсутствующихъ, за тѣже 1820—21 г. показаны Ив. Ив. Давыдовъ, адъюнктъ-профессоръ, и (въ качествѣ братьевъ 2-й степени) баронъ А. А. Дельвигъ и В. К. Кюхельбекеръ; въ 1818 г. въ числѣ отсутствующихъ показанъ и Гавр. Степ. Батенковъ, который находился тогда въ Томскѣ и былъ секретаремъ тамошней ложи Восточнаго Свѣтила, основанной 30 авг. 1818 года. Въ этой ложѣ Батенковъ упомянутъ и въ спискѣ 1820 г.

Въ ложѣ *Сѣверныхъ Друзей*, за 1818—1819 г. мастеромъ стула былъ Алекс. Жеребцовъ, одинъ изъ самыхъ чиновныхъ масоновъ, бывшій великимъ мастеромъ Директоріальной ложи Владиміра, потомъ В. ложи Провинціальной, почетный членъ разныхъ ложъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Провинціальной ложи Литовской въ Вильнѣ, потомъ разныхъ ложъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Россіенахъ и въ Вильнѣ. Первымъ надзирателемъ былъ П. Чаадаевъ, обрядоначальникомъ князь Ник. Ипсиланти (кавалергардскій офицеръ); въ числѣ членовъ — много офицеровъ семеновскаго полка. Между отсутствующими названы генералъ-лейтенантъ гр. Павелъ Шуваловъ, кн. Алексѣй Шаховской, Филиппъ Вигель.

Въ ложѣ *Орла Россійскаго* управляющими мастерами были поочереди кн. Гагарины (Ив. Алекс. и Павелъ Гаврил.), дѣйствительными членами были самъ гросмейстеръ гр. Мусинъ-Пушкинъ - Брюсъ, А. Я. Лобановъ - Ростовскій, А. Л. Нарышкинъ, кн. В. С. Голицынъ и др.

Ложа *Орла Бѣлаго* была польская, и мастеромъ стула былъ гр. Адамъ Ржевускій [1]).

Въ московской ложѣ *Александра Тройственнаго Спасенія*, гдѣ членами было много нѣмецкихъ купцовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, былъ также ректоръ университета Геймъ, между отсутствующими названъ генералъ-майоръ Михаилъ Фонъ-Визинъ (декабристъ).

---

[1]) По словамъ Вигеля эта ложа выдѣлилась изъ Сѣверныхъ Друзей, см. Зап III, V, 58.

Въ полтавской ложѣ *Любви къ истинѣ* встрѣчаемъ имя извѣстнаго И. П. Котляревскаго.

Въ кіевской ложѣ *Соединенныхъ Славянъ*—князья Александръ и Петръ Трубецкіе, а также подполковникъ Леонтій Дуббельтъ.

Въ ѳеодосійской ложѣ *Іордана* членомъ былъ Ив. Липранди.

Въ ревельской ложѣ *Трехъ Сѣкиръ* былъ членомъ Августъ Коцебу.

Такимъ образомъ, въ ложахъ собирались люди самаго различнаго характера, и дѣятели библейскаго мистицизма, мрачные обскуранты и безобидные филантропы, наконецъ представители либерализма и люди весьма сомнительныхъ мнѣній. Въ чемъ же состояла эта масонская дѣятельность, какой былъ ея смыслъ, и былъ ли вообще въ ней какой-нибудь смыслъ?

По нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ масонство вообще представляется какимъ-то страннымъ шутовствомъ, ни къ чему ненужнымъ ребячествомъ. Въ наше время мудрено обманывать масонскими переодѣваньями и обрядами, и намъ легко все это представляется въ комическомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, масонская декорація и тогда уже переставала обманывать, и въ то время были люди, которые, извѣдавши масонскія таинства, наскучали ими и даже получали къ нимъ отвращеніе. Другіе и тогда видѣли въ масонствѣ только случай развлечься и, не ломая головы надъ нравственными проповѣдями, предпочитали всему «столовыя ложи». И въ то время, люди, слишкомъ серьезно принимавшіе масонскую мудрость, подавали поводъ къ остроумію. Но тѣмъ не менѣе, масонское движеніе имѣло свой историческій смыслъ и, вредное или безразличное одними своими сторонами, оно другими своими сторонами приносило даже нѣкоторую пользу.

Для многихъ дѣйствительно ложа не имѣла другого смысла, кромѣ того, что въ ней можно было попить и поѣсть. Объ этой сторонѣ дѣла даетъ понятіе указанный нами разсказъ Вигеля и другія свидѣтельства [1]). Но затѣмъ ложа оказывала и другое

---

[1]) Зап. Вигеля, II, IV, 148—149; III, V, 56—57. Ложа Елизаветы къ добродѣтели, гдѣ мастеромъ стула былъ Віельгорскій, гросмейстеръ Провинціальной ложи,—по разсказу Вигеля, — отличалась большой строгостью въ соблюденіи масонскихъ узаконеній и обрядовъ. Она должна была служить образцомъ для другихъ ложъ. «Въ первомъ изъ общихъ собраній, Віельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками храмовниковъ не пользовалось доброю славой (Вигель былъ въ ложѣ Amis du Nord); казалось, что нравственности моей грозитъ опасность. Никто изъ сѣверныхъ друзей не былъ проникнутъ чувствомъ истиннаго вольнаго каменщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гульливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ во время представ-

дѣйствіе. Очень многіе, вѣроятно, серьезно вѣрили масонской легендѣ, хотя и мало примѣняли ее на дѣлѣ. Учрежденіе было такъ своеобразно, ему приписывали такую старину (происхожденіе отъ римлянъ или изъ среднихъ вѣковъ, отъ рыцарей Храма, не представляло тогда ничего невѣроятнаго), что на многихъ оно должно было производить извѣстное впечатлѣніе, если даже не чудесной своей стороной, то авторитетомъ древняго учрежденія. Многіе изъ главныхъ масоновъ были люди убѣжденные въ своемъ орденѣ: таковы были, по разсказу самого Вигеля, гр. Віельгорскій и Бёберъ, и конечно очень многіе другіе; Лабзинъ былъ фанатикомъ своего мистицизма. Ложи, управляемыя такими убѣжденными людьми, могли оказывать вліяніе на своихъ адептовъ.

Вліяніе это было различное. Едва ли не всего сильнѣе было вліяніе мистическое. Сколько ни старалась новая масонская школа, проникшая къ намъ въ видѣ системы Шрёдера или Фесслеровой, очистить масонство отъ постороннихъ примѣсей, наросшихъ въ теченіе XVIII вѣка, — оно далеко не успѣло отъ нихъ освободиться и у насъ, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, внушало не столько добродѣтели, служащія къ «благополучію человѣковъ», какія оно ставило своей первой цѣлью [1]), сколько туманный мистицизмъ, который очень легко прививается особенно къ полуобразованности.

Самыми ревностными распространителями мистицизма остались послѣдователи новиковской школы, хотя впрочемъ ихъ вліяніе распространялось не столько черезъ ложи, сколько литературнымъ путемъ и личными связями. Мы знаемъ мало объ ихъ собственно масонской дѣятельности, но у нихъ были, кажется, свои ложи, болѣе или менѣе правильныя, гдѣ они вели ревностную пропаганду. Настоящихъ розенкрейцерскихъ посвященій вѣроятно уже не было, потому что изсякъ самый источникъ розенкрейцерства въ Берлинѣ; но еще живы были его прежніе,

---

ленія піесы, спѣшили они попатѣшиться, поѣсть, попить, и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія Провинціальной ложи остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе Елизаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Віельгорскаго, я не встрѣтилъ между ними ни одного человѣка достойнаго уваженія»... Ср. подобный отзывъ А. П. Степанова (извѣстнаго автора «Постоялаго Двора»), который такимъ же образомъ осуждаетъ ложу, подъ управленіемъ Жеребцова, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о масонскихъ достоинствахъ Віельгорскаго (Р. Старина, 1870, т. I, стр. 155).

[1]) «Уложеніе» Астреи, § 6: «Онѣ (соединенныя ложи) признаютъ цѣлію работъ своихъ: усовершеніе благополучія человѣковъ исправленіемъ нравственности, распространеніемъ добродѣтели, благочестія» и проч.

дѣятели, которые поддерживали преданіе. Они усердно трудились, много писали, всѣ кѣмъ-нибудь руководили. Гамалѣя усердно переводилъ Бёма; Лопухинъ велъ большую переписку; Поздѣевъ, кажется, также; Карнѣевъ, сдѣлавшись членомъ библейскаго общества,—какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ,—устроилъ въ Харьковѣ, гдѣ былъ попечителемъ университета, библейское «сотоварищество» изъ студентовъ, занятія котораго были очень похожи на первоначальныя розенкрейцерскія работы стараго времени. Ученики старой московской школы, Максимъ Невзоровъ и особенно Лабзинъ, трудились неутомимо въ томъ же направленіи. Оставивъ чистое розенкрейцерство, Лабзинъ проповѣдывалъ особый ухищренный мистицизмъ, въ которомъ сохранились старые авторитеты, какъ Бёмъ, Дютуа, Гюйонъ и т. п., и вводились новые, какъ Штиллингъ и особенно Эккартсгаузенъ. И здѣсь опять повторяется старая алхимико-магическая терминологія. и кабалистическія умствованія, хотя эта алхимія играетъ больше роль аллегоріи и символа. Окончательное ея дѣйствіе было, конечно, тоже самое. Свою дѣятельность Лабзинъ примкнулъ съ библейскому обществу, гдѣ ему вторилъ и Пезаровіусъ, хотя послѣдній, какъ членъ Астреи, и не долженъ былъ бы «слѣдовать правиламъ Мистиковъ» [1]). Мистическая литература этого времени, главнымъ образомъ, конечно, переводная, была чрезвычайно изобильна...

Но эта мистика, конечно, не составляла общей принадлежности ложъ. «Астрея» даже прямо отвергала ее и вѣроятно въ ея ложахъ больше мѣста находила обыкновенная масонская мораль, и какъ бы ни была она мало дѣйствительна сама по себѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ масонскія ложи тѣмъ не менѣе были извѣстнымъ успѣхомъ.

Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, почему такимъ успѣхомъ былъ даже крайній новиковскій мистицизмъ. Въ грубой массѣ нашего общества, не думавшей ни о какихъ отвлеченностяхъ, мистики являлись все-таки людьми съ какимъ бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло свой хотя элементарный смыслъ. Таковы

---

[1]) Чтобы познакомиться съ этимъ отдѣломъ масонскаго мистицизма, стóитъ взять какую-нибудь изъ книжекъ Эккартсгаузена, переведенныхъ Лабзинымъ, или изъ книжекъ его «Сіонскаго Вѣстника». Любопытный матеріалъ читатель найдетъ въ указанной выше перепискѣ Лопухина съ Сперанскимъ; далѣе наглядную картину даетъ С. Т. Аксаковъ въ статьѣ «Встрѣча съ мартинистами», Р. Бесѣда 1859, кн. I; см. также біографія Лабзина и Невзорова и интересные «Матеріалы для исторіи мистицизма въ Россіи» (Труды Кіевской Дух. Акад. 1863, окт., 161—203) или записки К. А. Лохвицкаго (знакомства съ Чеботаревымъ, Е. В. Карнѣевымъ, Лабзинымъ, Лѣнивцевымъ, Татариновой, Лубяновскимъ и проч.).

были, напр., ихъ толки о внутренней религіи и ихъ вѣчные споры съ тѣмъ духовенствомъ, которое по недостатку порядочнаго образованія слишкомъ держалось за одну внѣшнюю религіозность. Сами мистики, правда, мало помогали этому недостатку, но они по крайней мѣрѣ его видѣли и даже иногда съ нѣкоторой храбростью указывали. Въ духовенствѣ были люди, признававшіе за ними правду, и митрополитъ Филаретъ въ своей молодости часто бывалъ ихъ союзникомъ; другіе охотно съ ними спорили; за то третьи, которымъ старый порядокъ вещей былъ совершенно хорошъ, какъ Фотій, обвиняли ихъ какъ безбожниковъ и учениковъ Антихриста.... Не надо при этомъ забывать, что весь умственный уровень массы былъ тогда крайне невысокъ, мистическій туманъ застилалъ даже такіе умы, какъ Сперанскій, и эти люди выдѣлялись изъ массы, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь взглядомъ, который они обыкновенно готовы были упорно защищать—а это уже имѣло свое значеніе въ безличномъ и не думающемъ русскомъ обществѣ.—Такъ выдѣляются и раскольники изъ массы простого народа.

Кромѣ мистицизма, въ характерѣ стариннаго «масона» была и другая черта,—можетъ быть, встрѣчавшаяся менѣе часто. Люди, искренно принимавшіе поученія ордена, нерѣдко отличались извѣстной независимостью характера, какую производило въ нихъ присутствіе убѣжденія, а иногда дѣйствительно пріобрѣтали то нравственное чувство, сознаніе человѣческаго достоинства, для которыхъ хотѣли работать первые вольные каменьщики. Нужно было конечно извѣстное простодушіе, чтобы сохранить вѣру въ авторитетъ учрежденія, слабыя стороны котораго уже тогда были достаточно видны,—но эта вѣра могла все-таки оказывать нравственное вліяніе. Исторія этихъ людей еще мало извѣстна, но мы знаемъ однако любопытные примѣры характеровъ, которые выработывались подъ этими вліяніями и въ которыхъ нравственная строгость соединялась съ любовью къ людямъ, готовой на помощь и участіе. Таковъ былъ, судя по отзывамъ Вигеля, Эллизенъ; таковъ былъ воспитанникъ масоновъ, московскій профессоръ Мудровъ, оригинальный и типическій характеръ [1]).

Другой слой масоновъ, молодого поколѣнія, вступавшій въ новыя ложи, повидимому, отличался другими свойствами. Вѣроятно, многіе изъ нихъ и тогда смотрѣли не серьезно на свои ложи, мало вѣрили въ авторитетъ учрежденія, легко оставляли ложи и легко мирились съ ихъ закрытіемъ,—но тѣмъ не менѣе, и они при-

---

[1]) См. его біографію въ Словарѣ моск. проф. 1855.

давали нѣкоторую важность своему союзу. Соединеніе въ ложахъ людей разныхъ слоевъ общества, разныхъ положеній, возрастовъ, мнѣній, соединеніе ихъ во имя какой-то идеи, должно было производить впечатлѣніе; мысль, что они исполняютъ какую-то програму, служатъ какимъ-то нравственнымъ и общественнымъ цѣлямъ, способна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ, особенно въ тогдашнее время. Броженіе, какимъ отразились у насъ война двѣнадцатаго года и послѣдующія событія, давало достаточную пищу для умовъ, и когда Россія впервые въ этихъ событіяхъ стала лицомъ къ лицу съ Европой, то враждебно, то въ тѣсномъ союзѣ, политическое возвышеніе Россіи подняло и уровень политическихъ интересовъ общества; сближеніе съ Европой привело и у насъ много новыхъ понятій, и неясные зачатки общественной самодѣятельности обнаружились и въ масонскихъ ложахъ. Библейскіе дѣятели думали обновлять русскую жизнь евангельской пропагандой, масонскія ложи также хотѣли работать для «благополучія человѣковъ» — «усовершеніемъ нравственности». Что эти первыя пробы не были совершенно безплодны, можно судить потому, что въ ложахъ уже скоро стало обнаруживаться движеніе, которое, не ограничиваясь отвлеченной масонской моралью, стало искать болѣе положительныхъ принциповъ, примѣнимыхъ къ общественной жизни. Разныя направленія, какія были въ обществѣ, проникаютъ въ масонскія ложи и находятъ здѣсь новую точку опоры. Въ масонствѣ, которое до сихъ поръ служило всего болѣе религіозной мистикѣ, является новое направленіе, — политическій либерализмъ.

Повторяемъ опять, что, къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ рукахъ слишкомъ мало матеріала, чтобы говорить объ этомъ съ какой-нибудь точностью, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ масонскихъ ложахъ были сильные отголоски либеральныхъ мнѣній, тамъ было не мало людей изъ молодого либеральнаго круга, и была извѣстная связь между ложами и образовавшимися тогда тайными обществами. Членомъ ложи былъ Грибоѣдовъ; въ степени мастера и въ масонской должности находимъ «офицера гусарскаго» Чаадаева, которому Пушкинъ въ это самое время (въ 1818) писалъ свое посланіе, гдѣ находятся извѣстные стихи:—

....Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,—
Россія вспрянетъ ото сна...

Мы видѣли въ спискахъ ложъ много людей, извѣстныхъ потомъ подъ именемъ декабристовъ, членовъ тайныхъ обществъ, людей, принадлежавшихъ къ тогдашнему либеральному кругу...

Вигель разсказываетъ о ложѣ «Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей», принадлежавшей къ союзу Провинціальной ложи и состоявшей подъ управленіёмъ князя Павла Петровича Лопухйна, сына канцлера: «одни только военные имѣли право быть въ нее приняты. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ семеновскихъ офицеровъ братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ». Отступленіе отъ правила сдѣлано было только для одного невоеннаго, Н. И. Тургенева. «Всѣ вышеназванные мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность».

Оно было дѣйствительно безвинно. Но присутствіе названныхъ здѣсь именъ показываетъ, что было стремленіе дать масонскимъ бесѣдамъ болѣе живое общественное содержаніе, которое до извѣстной степени, вѣроятно, и прививалось. Довольно понятно, что въ концѣ концовъ, члены ложи «Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей», какъ и другіе либеральные члены ложъ, не удовлетворились тѣмъ, что̀ имъ представляли масонскія собранія и предпочли выдѣлиться въ свое особое общество, не связанное ненужнымъ масонскимъ обрядомъ.

Мы не знаемъ ничего о кіевской ложѣ «Соединенныхъ Славянъ», но ея названіе напоминаетъ о тайномъ обществѣ этого имени [1]). Это послѣднее имѣло политическій характеръ и впервые задавалось панславистскими идеалами; свою форму оно, повидимому, заимствовало изъ масонскихъ ложъ. Съ другой стороны, ложа «Соединенныхъ Славянъ», по всей вѣроятности, также выбрала свое имя не случайно, и могла имѣть первыя неясныя тенденціи панславистскаго свойства.

Въ запискахъ современниковъ мы находимъ и другія указанія на существованіе въ ложахъ политическаго элемента. Одинъ изъ нихъ разсказываетъ о совѣщаніи между членами тайнаго общества у Никиты Муравьева, гдѣ были, между прочимъ, кн. Лопухинъ (вѣроятно тотъ же, который управлялъ ложей Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей), кн. Шаховской (вѣроятно тотъ Ѳедоръ Шаховской, который, по «Донесенію слѣдственной коммиссіи»,

---

[1]) По словамъ «Донесенія Слѣдственной Коммиссіи, 30 мая 1826 г.», общество Соединенныхъ Славянъ, съ которымъ въ 1825 г. вступили въ сношенія члены тайнаго Южнаго Общества, существовало не болѣе двухъ лѣтъ, а ложа упоминается гораздо раньше. Но подробности, сообщенныя въ «Донесеніи» объ этомъ обществѣ, очень напоминаютъ масонскіе пріемы и формулы.

завѣдовалъ одной изъ «управъ» тайнаго общества) и другіе. Собраніе было чрезвычайно формально: «въ продолженіи всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступающихъ въ Союзъ Благоденствія, и о томъ, какъ приносить самую присягу — надъ евангеліемъ или надъ шпагой вступающіе должны присягать. Все это было до крайности смѣшно,—прибавляетъ разскащикъ. Но Лопухинъ, Шаховской и *почти всѣ* присутствующіе были *ревностные* масоны; они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія» [1]).

Другой современникъ говоритъ о первомъ тайномъ обществѣ, образовавшемся въ то время; «члены союза учредили и отдѣльныя отъ него общества подъ вліяніемъ его духа и направленія... и двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ союза благоденствія» [2]). Какія были эти ложи, онъ не говоритъ,—но нѣчто подобное мы видѣли въ разсказѣ Вигеля о ложѣ Михаила Избраннаго.

Ложа Георгія Побѣдоносца, находившаяся при русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Мобёжѣ во Франціи, повидимому также представляла примѣръ политическаго настроенія, какой мы видѣли въ другихъ ложахъ.

Пушкинъ, въ интимномъ письмѣ къ Жуковскому (1826 г.), повѣряя ему свои тогдашнія обстоятельства, говоритъ о своихъ близкихъ сношеніяхъ со многими изъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ 14 декабря, и при этомъ упоминаетъ, что «былъ масономъ въ Киш. (кишиневской) ложѣ, т.-е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи» [3]), но о которой мы, впрочемъ, ничего пока не знаемъ.

По словамъ «Донесенія» 30 мая 1826 при первомъ основаніи тайнаго общества была мысль «вмѣстить его въ составъ какой нибудь масонской ложи»; и въ уставѣ союза, нѣкоторыя внѣшнія подробности заимствованы были изъ уставовъ масонскихъ ложъ.

Изъ этихъ примѣровъ достаточно видно, что политическій элементъ существовалъ въ ложахъ въ очень значительной степени,—хотя самое масонство, вѣроятно, мало было въ этомъ виновато. По всей вѣроятности, политическій элементъ приходилъ въ ложи готовый, и ложи представляли скорѣе только случай къ сближеніямъ, и хотя сами существовали съ разрѣшенія и

---

[1]) Зап. Якушкина.

[2]) Зап. М. фонъ-Визина.

[3]) Р. Архивъ, 1870, стр. 1177.

вѣдома правительства, поддерживали однако привычку къ формѣ тайнаго общества.

Такимъ образомъ мы видѣли въ ложахъ самыя различныя направленія тогдашней общественной жизни. Въ числѣ масоновъ были темные мистики и суровые піэтисты, какъ школа старыхъ московскихъ масоновъ и ихъ учениковъ; и озлобленные обскуранты, образчикомъ которыхъ можетъ служить Голенищевъ-Кутузовъ; и люди молодого либеральнаго поколѣнія, склонные къ филантропіи, но не къ піэтизму, смѣявшіеся надъ обскурантами, и скорѣе искавшіе въ ложѣ интереса политическаго. Послѣдовательный ходъ ихъ тогдашней исторіи состоялъ, кажется, въ томъ, что онѣ основаны были сначала старыми масонами по непосредственнымъ воспоминаніямъ о прежнемъ масонствѣ и въ томъ же духѣ старой масонской мистики; вскорѣ присоединились къ послѣдней черты библейскаго піэтизма, искавшаго внутренней церкви и либерально относившагося къ старымъ религіознымъ понятіямъ; далѣе, началось вліяніе новѣйшаго, болѣе раціональнаго масонства, въ системѣ Шрёдера и Фесслера, и затѣмъ стали входить стремленія чисто-политическія, которыя впрочемъ скоро нашли себѣ иной исходъ — въ тайныхъ обществахъ, такъ что запрещеніе ложъ, въ 1822 году, произведенное подъ внушеніями западной реакціи, повсюду опасавшейся революціонныхъ замысловъ, это запрещеніе у насъ не остановило распространенія либеральныхъ идей и обрушилось всего больше на самую невинную сторону масонства, — потому что большинство его было совершенно благонамѣренно, невинно, даже ограниченно, и вполнѣ безопасно.

Мы еще опередимъ порядокъ разсказа, чтобы остановиться на другой чертѣ этого времени, также отражающей въ себѣ различныя направленія тогдашняго общества. Это — распространеніе ланкастерскихъ школъ.

Намъ случалось говорить въ другомъ мѣстѣ о происхожденіи этихъ школъ, о быстромъ распространеніи ихъ по всей Европѣ, и наконецъ въ Россіи, и о томъ, какъ у насъ покровителями этихъ школъ стали дѣятели библейскаго общества. Прибавимъ здѣсь еще нѣкоторыя подробности.

Первая мысль о введеніи ланкастерскихъ школъ относится у насъ къ 1813 году: для ея осуществленія много сдѣлало министерство внутреннихъ дѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ на это англійское изобрѣтеніе указывали англійскіе агенты Библейскаго Общества. Ланкастерскими школами интересовались библейскіе и масонскіе

дѣятели, и люди изъ молодого либеральнаго поколѣнія. Школы вводимы были самимъ правительствомъ, потомъ стали ему же казаться опасными и подъ конецъ эти учрежденія мало-по-малу изчезли... Здѣсь повторились опять почти тѣже переходы мнѣній въ правительствѣ и обществѣ, какіе происходили относительно библейскихъ обществъ и масонскихъ ложъ.

Въ 1813 году Іосифъ Гамель посланъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ за границу для усовершенствованія своихъ познаній и для собранія полезныхъ свѣдѣній по разнымъ частямъ хозяйства и мануфактуръ. Съ самаго пріѣзда въ Лондонъ онъ познакомился съ Вилльямомъ Алленомъ, какъ извѣстнымъ химикомъ, но вскорѣ въ этомъ химикѣ узналъ «отличнаго и заслуживающаго уваженія филантропа». Это былъ тотъ знаменитый квакеръ, о которомъ мы имѣли случай говорить прежде: «въ Лондонѣ,—разсказываетъ Гамель,—мало благотворныхъ (т.-е. благотворительныхъ) заведеній, въ коихъ бы г. Алленъ не былъ дѣятельнымъ членомъ». Между прочимъ онъ сказалъ Гамелю, что давно желалъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, чтобы рекомендовать изобрѣтенный не такъ давно новый способъ обученія; на другой день онъ показалъ Гамелю ланкастерскую школу. Эта школа, въ нѣсколько сотъ учениковъ, которыми управлялъ и руководилъ одинъ мальчикъ, поразила Гамеля, и дальнѣйшее испытаніе способа взаимнаго обученія убѣдило его въ чрезвычайной пользѣ этого способа и въ тѣхъ выгодахъ, какія онъ можетъ представить въ Россіи. Гамель рѣшился обстоятельно познакомиться съ этой системой и сообщилъ о ней нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ, который велѣлъ помѣстить ихъ въ газетѣ министерства, «Сѣверной Почтѣ», откуда они были заимствованы даже и въ иностранные журналы.

Впослѣдствіи Гамель составилъ (на нѣмецкомъ языкѣ) болѣе подробное описаніе ланкастерской системы, которое министръ представилъ на усмотрѣніе императора Александра. Александръ велѣлъ напечатать эту книгу: нѣмецкое изданіе предоставлено было сдѣлать самому автору; изготовленіе и напечатаніе русскаго перевода поручено было министерству внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ Гамель продолжалъ изслѣдованіе предмета, и въ путешествіи по Англіи посѣтилъ всѣ главныя ланкастерскія училища; ему позволено было вновь передѣлать свое сочиненіе, которое вышло наконецъ въ 1818 году въ Парижѣ; русскій переводъ вышелъ черезъ два года въ Петербургѣ [1]).

---

[1]) Hamel, Joseph: Der gegenseitige Unterricht, Gesch. seiner Einführung und

Въ тоже время, когда Гамель изучалъ ланкастерскія школы въ Англіи, имп. Александръ поручалъ графу Каподистріи, посланному тогда въ Швейцарію съ дипломатическими цѣлями, ознакомиться съ другими школьными учрежденіями, которыя пріобрѣтали тогда въ Европѣ большую славу, именно со школами знаменитаго Фелленберга, сподвижника Песталоцци [1]). Въ это же время комитетъ библейскаго общества печаталъ въ своихъ отчетахъ письма своихъ англійскихъ корреспондентовъ, описывавшихъ и рекомендовавшихъ англійское устройство школъ для сельскаго населенія и для бѣдныхъ и т. п.

Между тѣмъ правительство не забывало о ланкастерскихъ школахъ, и въ 1816 г. въ Лондонъ прибыли четыре студента педагогическаго института [2]), посланные по высочайшему повелѣнію для изученія учебной системы въ обоихъ разрядахъ заведеній взаимнаго обученія—какъ въ школахъ Ланкастера, такъ и въ школахъ Белля. Подъ руководствомъ барона Штрандмана, состоявшаго при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, посланные студенты посѣтили главнѣйшія школы въ Англіи и потомъ отправились черезъ Парижъ въ Швейцарію, чтобы и тамъ познакомиться съ заведеніями Песталоцци и Фелленберга.

Графъ Румянцевъ пригласилъ изъ Англіи одного молодого человѣка, г. Герда (Heard), для введенія ланкастерскихъ школъ въ своихъ помѣстьяхъ; тоже намѣревались сдѣлать и другіе знатные люди.

Причина, почему ланкастерскія школы пріобрѣли въ свое время такой успѣхъ, заключалась въ чрезвычайной простотѣ и

Ausbreitung durch Bell, Lancaster und andere. Mit 12 Kupf. und den Bildnissen von Bell und Lancaster in Steindruck. Auf Befehl S. Kaiserl. Russ. Majestät. Paris 1818. Русскій переводъ: — Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Ланкастера и другихъ и пр. Сочиненіе надв. сов., доктора медицины Іосифа Гамеля, переведенное съ нѣм. языка тит. сов. Карломъ Кнаппе. По высочайшему повелѣнію издано министерства внутреннихъ дѣлъ отъ департамента госуд. хозяйства и публ. зданій. Съ XII чертежами. Спб. 1820. V и 352 стр. Книга Гамеля составлена весьма обстоятельно и, если не ошибаемся, до сихъ поръ остается едва ли не лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету. Авторъ зналъ лично многихъ людей, работавшихъ въ этомъ дѣлѣ, и между прочимъ имѣлъ отъ нихъ историческія свѣдѣнія о возникновеніи ланкастерской системы (ср. Pädag. Real-Encyclop. von Hergang. Grimma und. Leipz. 1851, I, стр. 253).

[1]) Донесеніе Е. И. В-ву, представленное статсъ-секретаремъ гр. Каподистрія, о заведеніяхъ Фелленберга въ Гофвилѣ, въ октябрѣ 1814 года. Съ франц. Спб. 1817. Сперанскій, въ письмѣ къ Столыпину, очень интересуется этой книжкой (Р. Арх. 1870, стр. 1140).

[2]) Это были, впослѣдствіи довольно извѣстные педагоги: Тимаевъ, Свенске, Буссе и Ободовскій. Студентъ Свенске, по списку 1817—1818 г., имѣлъ степень ученика въ ложѣ Петра къ истинѣ.

дешевизнѣ ихъ устройства: если находилось помѣщеніе, находился учитель, то школа могла быть готова для нѣсколькихъ сотъ учениковъ, — вещь, невозможная при другомъ устройствѣ школъ. Такимъ образомъ ланкастерская школа представляла чрезвычайныя выгоды тамъ, гдѣ средства народнаго обученія были бѣдны, и гдѣ трудно было найти большое число учителей,—какъ это было особенно въ Россіи. Гамель съ самаго начала настаивалъ на пользѣ введенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, и въ своей книгѣ — вѣроятно еще въ первой ея редакціи—говорилъ о необходимости устроить общества для введенія системы взаимнаго обученія, на подобіе обществъ, существовавшихъ уже въ Лондонѣ и Парижѣ и которыя, по его мнѣнію, могли послужить готовымъ образцомъ того, какъ слѣдовало приступить къ этому дѣлу и вести его. Въ краяхъ мало населенныхъ, гдѣ трудно было бы учредить правильныя, постоянныя ланкастерскія школы, онъ находилъ полезнымъ устроивать школы переходящія, по образцу англійскихъ ambulatory, или circulating schools.

Въ Петербургѣ учрежденъ былъ, по высочайшему повелѣнію, комитетъ для введенія взаимнаго обученія въ школахъ, устроенныхъ для солдатскихъ дѣтей. Начальникомъ этого комитета назначенъ былъ гр. Сиверсъ, который пріобрѣлъ подробныя свѣдѣнія о ланкастерскихъ школахъ въ Парижѣ. Къ 1818 г. въ Петербургѣ была уже такая школа для 150 учениковъ.

Въ 1819 г. въ Петербургѣ составилось «Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія». Уставъ его получилъ высочайшее утвержденіе, объявленное министромъ народнаго просвѣщенія, 14-го января 1819 г. Предметы занятій этого общества были, во-первыхъ, сочиненіе и отпечатаніе руководства къ учрежденію первоначальныхъ школъ, таблицъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, списковъ и прочихъ учебныхъ пособій; во-вторыхъ, учрежденіе въ Петербургѣ сначала одного, а современемъ, еслибы позволили его средства и успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и болѣе первоначальныхъ училищъ по методѣ взаимнаго обученія; въ-третьихъ, попеченіе о снабженіи желающихъ завести подобныя училища внѣ Петербурга необходимыми на то пособіями за самую умѣренную цѣну; обученіе въ этихъ училищахъ и снабженіе учащихся пособіями должны были производиться безденежно. Главныхъ лицъ этого общества мы находимъ въ ложѣ Избраннаго Михаила (въ ея составѣ около 1820 года). Графъ Ѳ. П. Толстой, управляющій мастеръ ложи, былъ предсѣдателемъ общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія; Ѳ. Н. Глинка, намѣстный мастеръ, былъ помощникомъ предсѣдателя общества; Н. И. Гречъ,

бывшій намѣстный мастеръ, былъ другимъ помощникомъ предсѣдателя; В. И. Григоровичъ, бывшій витія, былъ секретаремъ общества; Н. И. Кусовъ, бывшій казначей ложи, былъ казначеемъ общества. Далѣе, въ той же ложѣ были должностные члены общества гр. Влад. Петр. Толстой, П. Е. Доброхотовъ и нѣсколько другихъ членовъ этого общества.

Общество имѣло свое первое торжественное собраніе 16-го іюня 1819 г., и на этихъ основаніяхъ въ томъ же году открыло въ Петербургѣ училище для бѣдныхъ мальчиковъ, потомъ еще нѣсколько другихъ школъ для бѣдныхъ, и наконецъ много школъ въ провинціальныхъ городахъ [1]).

Въ октябрѣ 1821 г. учреждено было образцовое училище для дѣвочекъ по системѣ взаимнаго обученія. Объ этомъ училищѣ, находившемся подъ управленіемъ Сарры Килеамъ, дѣлались въ тогдашнихъ журналахъ очень благопріятные отзывы, и подобныя училища въ особенности представлялись «единственными въ своемъ родѣ» для дѣвочекъ недостаточнаго или посредственнаго состоянія. (Плата за приходящихъ учениць, въ годъ, была 12 руб. [2]).

Здѣсь не мѣсто разсказывать исторію ланкастерскихъ школъ; изъ приведенныхъ указаній можно видѣть, что они имѣли у насъ большой успѣхъ, и въ правительственной сферѣ и въ обществѣ. Ими интересовался самъ императоръ; о нихъ заботились разныя министерства; ихъ рекомендовалъ библейскій комитетъ и заѣзжіе квакеры; въ министерствѣ народнаго просвѣщенія устроилось для нихъ особое вѣдомство, заботившееся о приготовленіи для нихъ таблицъ и руководствъ; основалось общество для распространенія этихъ школъ. Въ ланкастерской системѣ видѣли средство просвѣтить народную массу, думали при этомъ воспитать народъ въ благочестіи и нравственности и т. д. Но кромѣ бюрократическихъ просвѣтителей и піэтистовъ, кромѣ людей, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія оффиціальной или модной филантропіи, были также совершенно искренніе «соревнователи просвѣщенія и благотворенія», какихъ было вообще много въ тогдашнемъ либеральномъ кругу.

Между прочимъ, съ такими побужденіями устроивались ланкастерскія школы въ арміи, гдѣ онѣ основаны были уже очень

---

[1]) Ланкастерскія школы были устроены въ Перми, Вологдѣ, Волховѣ, Тулѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Херсонѣ, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Вильнѣ и т. д.

[2]) См. Гамеля, стр. I — III, 114 — 115, 317 — 319; «Сынъ Отечества», 1823, ч. 84, стр. 97; «Соревнователь просв. и благотвор.» 1823, ч. XXIII, стр. 216.

скоро. Гамель уже видѣлъ эти школы въ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ послѣ 1815 года во Франціи. «Во многихъ полкахъ корпуса россійскихъ войскъ во Франціи,—говоритъ онъ,—учреждены солдатскія школы на основаніи взаимнаго обученія, къ устроенію которыхъ прилагалъ особую дѣятельность г. Генри, изучившійся оной методѣ въ Парижѣ». Этотъ Генри, подъ надзоромъ С. И. Тургенева, примѣнилъ французскія ланкастерскія таблицы для русскаго языка, которыя и употреблялись въ этихъ солдатскихъ школахъ: здѣсь помѣщенъ былъ катихизисъ для солдатъ, тактика Суворова, обязанности караульныхъ и пр. Кромѣ того, для употребленія въ этихъ школахъ издано было въ Мобёжѣ другое руководство, переведенное съ французскаго [1]). Въ іюнѣ 1818 г., великій князь Михаилъ Павловичъ осматривалъ въ Мобёжѣ школу, въ которой обучалось триста русскихъ солдатъ, и остался ей очень доволенъ, особенно, когда узналъ, что многіе солдаты въ три мѣсяца очень хорошо выучились читать и писать. «Безъ сомнѣнія, — прибавляетъ Гамель, — соотечественники отдадутъ полную справедливость г. генералу графу Воронцову за учрежденіе въ россійскомъ войскѣ столь полезныхъ школъ»: по словамъ его, эта мобёжская школа принадлежала къ лучшимъ, какія только онъ видѣлъ, а онъ видѣлъ ихъ очень много [2]). Ланкастерскія школы распространились и по войскамъ, находившимся въ Россіи; въ гвардейскихъ полкахъ многіе офицеры усердно занимались обученіемъ солдатъ, учреждались формальныя школы и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ совершалась благопріятная перемѣна и въ другихъ отношеніяхъ: суровая дисциплина смягчалась, тѣлесныя наказанія становились рѣже, даже иногда совсѣмъ не употреблялись...

Но ланкастерскія школы и это смягченіе военныхъ нравовъ недолго сохранили одобреніе правительства. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ и для нихъ начинается своя реакція. Какъ ни были скромны эти школы, какъ ни были невинны тѣ первыя вліянія, какія производило элементарное обученіе и человѣческое обращеніе на солдатъ, правительство стало подозрѣвать ланкастерскія школы, какъ средство распространенія вольнодумства и мятежа. Источникомъ этихъ опасеній, а потомъ запрещеній и преслѣдованій, опять были вліянія западной реакціи,

---

[1]) Это былъ сокращенный переводъ сочиненія Ніона (Nyon, Manuel pratique ou Précis de la méthode d'enseign. mutuel etc. Paris, 1817), подъ заглавіемъ: «Краткая метода взаимнаго обученія для первоначальной школы россійскихъ солдатъ. Крѣпость Мобежъ во Франціи 1817 года». С. И. Тургеневъ былъ также членомъ мобёжской ложи Георгія Побѣдоносца.

[2]) Гамель, стр. 115, 318, 346.

которая такъ застращивала Александра воображаемыми опасностями и которую дома ревностно поддерживали свои домашніе реакціонеры, ненавидѣвшіе всякія либеральныя нововведенія или желавшіе ловить рыбу въ мутной водѣ.

Гамель въ своей книгѣ упоминаетъ уже о той враждѣ, какая начиналась противъ ланкастерскихъ школъ во Франціи. Эта вражда оказалась тотчасъ послѣ реставраціи, со стороны клерикаловъ, іезуитовъ и Frères de la doctrine chrétienne, которые всячески старались забрать въ свои руки народное образованіе и которымъ мѣшали ланкастерскія школы, учрежденныя не ими и веденныя не въ томъ духѣ, какой былъ имъ нуженъ. Они стали въ особыхъ сочиненіяхъ предостерегать публику отъ новыхъ школъ, какъ учрежденія, еще не испытаннаго, введеннаго при Наполеонѣ и Карно будто бы только для пріученія къ солдатству, и кромѣ того заимствованнаго изъ чужой страны — не исповѣдующей римскаго католицизма. Ланкастерскія школы заподозривали, какъ новое какое-то ученіе или новую политическую систему [1]). Вопросъ о ланкастерской школѣ и дѣйствительно сталъ принимать политическій оттѣнокъ, не потому, чтобы съ ихъ введеніемъ въ самомъ дѣлѣ связана была какая-нибудь прямая политическая цѣль, а просто потому, что врагами ланкастерской системы,—дѣйствительно благотворной въ тѣхъ условіяхъ, какія были во Франціи (и у насъ), тамъ, гдѣ былъ крайній недостатокъ въ народныхъ школахъ, — явились клерикальные реакціонеры, руководившіеся личными своими разсчетами, и либеральная партія естественно брала школы подъ свою защиту.

Хотя у насъ ланкастерскія школы вовсе не играли такой роли, нѣчто подобное повторилось и съ нашими школами. Императоръ Александръ интересовался школами, еще недавно бесѣдовалъ о нихъ съ квакеромъ Грелье, филантропіи котораго такъ сочувствовалъ, но потомъ, повидимому, наслышался обвиненій противъ ланкастерскихъ школъ, и сталъ думать, что и у насъ онѣ служатъ разсадникомъ вольнодумства. Когда случился такъ-называемый «бунтъ» семеновскаго полка, Александръ, между прочимъ, приписывалъ его вліянію ланкастерскихъ школъ... Въ семеновскомъ полку этихъ школъ, кажется, вовсе и не было; но тѣмъ не менѣе школы, по обыкновенію, остались заподоз-

---

[1]) Гамель говоритъ уже объ этой враждѣ французскихъ клерикаловъ противъ ланкастерскихъ школъ, не думая, вѣроятно, что она придетъ и къ намъ, стр. 110—112, прим.; ср. Ludwig Hahn, Das Unterrichts-Wesen in Frankreich, Bresl. 1848, стр. 277 — 278.

рѣнными — никто не могъ хорошенько объяснить, почему,—и къ нимъ мало-по-малу охладѣваютъ власти, а за ними и всѣ, кто ими занимался...

Эти отдѣльные примѣры, которые представляетъ намъ исторія масонскихъ ложъ, библейскихъ обществъ и ланкастерскихъ школъ, уже рисуютъ отчасти характеръ общественной жизни во вторую половину царствованія имп. Александра. Всѣ эти учрежденія начались еще въ то время, когда пора реакціи еще не наступала, когда правительство еще сохраняло свой либерализмъ, когда въ европейскихъ дѣлахъ Александръ выступалъ нерѣдко истинно великодушнымъ защитникомъ народовъ и другомъ свободы. Всѣ они возникали съ вѣдома, даже съ одобренія правительства, но потомъ оно же само закрываетъ ихъ или окружаетъ ихъ своими подозрѣніями. Какъ ни односторонни были библейскія общества, какъ ни вредно они часто дѣйствовали, распространяя лицемѣріе и мистицизмъ (въ чемъ много было виновато само правительство, которое ихъ поощряло); каковы бы ни были недостатки масонскихъ ложъ, ихъ піэтизмъ, пустая игра въ таинственность и въ обряды,—они имѣли свой смыслъ, потому что все-таки давали какую-нибудь пищу общественному интересу, были первой пробой общественности, и закрытіе ихъ, не вызванное никакими достаточными основаніями, падало только лишнимъ стѣсненіемъ на общество и увеличивало раздраженіе. Въ интересѣ къ ланкастерскимъ школамъ выражалась чистая филантропія, можетъ быть очень неопытная, но во всякомъ случаѣ совершенно невинная. Но при всемъ томъ, правительство не могло вынести и той ничтожной доли свободы, какую оно давало обществу въ этихъ учрежденіяхъ. Оно не устояло на своихъ первыхъ разрѣшеніяхъ; оно такъ мало знало русскую жизнь, что начало пугаться политическихъ опасностей и революціонныхъ замысловъ въ вещахъ, въ которыхъ едва были зачатки, первые склады общественной дѣятельности.

Таковы были у насъ отношенія власти къ тѣмъ первымъ опытамъ общественной дѣятельности, въ которыхъ обнаруживались признаки мысли и общественнаго интереса и которые сама власть сначала одобряла или вызывала. Власть стала почти подавлять всѣ эти попытки, не имѣя никакого яснаго понятія о томъ, что эти попытки выражали, каковы были ихъ размѣры и значеніе, и слѣдуя только внушеніямъ европейской реакціи, которымъ вторили домашніе интриганы или совершенно невѣжественные обскуранты.

Въ средѣ самого общества или той доли его, въ которой шло броженіе, эти попытки также были очень смутны и неопредѣленны. Мы видѣли на масонскихъ ложахъ, какіе разнообразные элементы могли соединяться вслѣдствіе того, что никто не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ значили эти ложи, и чего можно было ими достигать. Мистики, не имѣвшіе никакого прямого общественнаго интереса, сантиментальные филантропы, явные обскуранты и либералы, задававшіеся политическими идеями, все это могло сходиться въ масонской ложѣ, — соединяясь только однимъ инстинктомъ, что обществу чего-то недостаетъ, что нужно что-то дѣлать...

Но жизнь дѣлала свое дѣло; эти смутныя предчувствія стали разъясняться и складываться въ опредѣленныя понятія. Событія двѣнадцатаго года и послѣдующихъ годовъ дали толчекъ, который не могъ пройти безплодно для общественнаго сознанія. Новое поколѣніе, видѣвшее европейскую борьбу и вновь воспринявшее европейскіе идеалы, проникалось искреннимъ и горячимъ чувствомъ общаго блага, человѣческаго достоинства, просвѣщенія и общественной свободы. Неудовлетворенные господствующей дѣйствительностью, часто грубо ею отталкиваемые и стѣсненные, эти люди скоро должны были почувствовать тягость и сознать неправильность различныхъ существующихъ отношеній, и въ силу своихъ идеаловъ стали искать средствъ для измѣненія и улучшенія этихъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были чувствовать себя одинокими среди большинства, совершенно безучастнаго къ этому положенію вещей; и это еще тѣснѣе сблизило ихъ въ союзъ, скрѣпленный единствомъ понятій и горячимъ желаніемъ служить общественному благу. Либеральное направленіе выдѣлилось изъ путаницы понятій, отличающей періодъ времени около двѣнадцатаго года, и въ послѣднее десятилѣтіе правленія имп. Александра оно приняло свой особенный, опредѣленный характеръ. Оно выразилось очень ясно даже въ литературѣ, несмотря на всѣ цензурныя стѣсненія. Тѣ люди этого направленія, въ которыхъ сильнѣе возбуждены были идеальныя стремленія и сильнѣе было желаніе дѣйствовать для ихъ осуществленія, составили тѣсный кружокъ, которому хотѣли дать правильную дѣятельность. Духъ времени, вліяніе европейскаго движенія, частныя условія русской жизни дали этому либеральному союзу форму тайнаго общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Ложи, находившіяся въ союзѣ великой ложи Астреи.

Великая ложа Астрея основана была 30 августа 1815. Великимъ мастеромъ ея былъ графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, намѣстнымъ велик. мастеромъ кн. Александръ Лобановъ-Ростовскій; потомъ съ 1820 мѣсто перваго занялъ гр. Адамъ-Лаврентій Ржевускій, втораго — генералъ-лейт. и сенаторъ Георгій Кушелевъ.

1. Ложа *Петра къ истинѣ* (Peter zur Wahrheit), въ *Петербургѣ*, основана 12 мая 1810.

Работала по древне-англійской системѣ.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеромъ стула былъ Егоръ Эллизенъ. Работы происходили по понедѣльникамъ *).

2. *Палестины* (La Palestine) въ *Петербургѣ*, основана 4-го марта 1810.

Система ея, по спискамъ 1817—18, le rite Suédois; по спискамъ 1818 — 1819, le rite rectifié du Congrès de Wilhelmsbad; въ Handb. 113 означена „исправленная шотландская“ система.

На французскомъ языкѣ.

Мастеръ стула — Фридр. Яннашъ; съ 1820 Romain Monin, докторъ медиц. (Работы въ 1818 — 19 году 1-я и 3-я среда каждаго мѣсяца; въ 1819 — 20 г. 1-я и 4-я среда).

3. *Изиды* (Isis), въ *Ревелѣ*, основ. 12 октября 1773.

Система, по спискамъ 1817 — 19, древне-англійская.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула въ 1817—18 Іог. Як. ф.-Ризенкампфъ, въ 1818—19 баронъ Іог. Фридр. ф.-Унгернъ-Штернбергъ.

Прекратила работы съ 1820.

---

*) Дни работы означены по таблицамъ 1818 — 21 г.

4. *Нептуна къ надеждѣ* (Neptun zur Hoffnung), въ *Кронштадтѣ.* Старая ложа Нептуна основана 12 января 1781, возобновлена 21 октября 1813.

По древне-англійской системѣ.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула въ 1817—18 г. Ив. Берловскій, въ 1818—21 Александръ Топпеліусъ. (Работы: 1-й и 3-й понедѣльникъ каждаго мѣсяца).

5. *Избраннаго Михаила*, въ *Петербургѣ*, основ. 18 сент. 1815.

По древне-англійской системѣ.

На русскомъ языкѣ.

Мастеръ стула — гр. Ѳ. П. Толстой (по спискамъ 1817 — 21, вѣроятно и ранѣе). Работы въ 1818 — 19 по субботамъ, въ 1820 — 21 по пятницамъ.

6. *Александра къ Вѣнчанному Пеликану* (Alexander zum gekrönten Pelikan), въ *Петербургѣ*, основ. 11 октября 1805.

По англійской системѣ, употреблявшейся въ гросмейстерство Елагина.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула въ 1817 — 19 Павелъ Поміанъ-Пезаровіусъ, въ 1820 — 21 Отто Ферд. фонъ-Тевесъ. (Работы въ 1818 — 21, по четвергамъ).

7. *Іордана* (Du Jourdain), въ *Ѳеодосіи*, основ. 16 мая 1812.

Система, въ 1817—18, означена le rite du Gr∴ Or∴ de France; въ 1818 — 19 le rite Suédois.

На французскомъ и русскомъ языкѣ.

Мастеръ стула — Феликсъ Лагоріо (1817 — 21).

8. *Соединенныхъ Друзей* (Les amis réunis), въ *Петербургѣ*, основ. 10 іюня 1802.

По шведской системѣ.

На франц. и русскомъ языкѣ (1817—18), на франц. (1818—21).

Мастеръ стула — Шарль Оде-де-Сіонъ (1817 — 21). Работы, въ 1818 — 19, по понедѣльникамъ, въ 1820 — 21 по пятницамъ.

9. *Пламенѣющей Звѣзды* (Zum flammenden Stern), въ *Петербургѣ*, основ. 30 іюля 1815.

По шведской системѣ.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула — баронъ Андрей Корфъ (въ 1817 — 19), баронъ Отто фонъ-Виттенгеймъ. (Работы въ 1-ю, 3-ю и 4-ю среду каждаго мѣсяца въ 1818—19, и по средамъ вообще въ 1820 —21).

10. *Георгія Побѣдоносца*, въ *Мобежѣ*, при главной квартирѣ Россійскаго Корпуса во Франціи; основ. 12 марта 1817.

По древне-англійской системѣ.

На русскомъ языкѣ.

Мастеръ стула — Робертъ (Романъ) Антон. Винспіеръ.

Въ спискѣ 1820 г. означена прекратившей работы на неопредѣленное время.

11. *Разсѣяннаго мрака* (Des Tenèbres Dispersées), въ *Житомірѣ*, основ. 31 мая 1787.

Система, въ 1817—18, древне-англійская; въ 1818—19 le Rite du Gr.: Or.: de Pologne; Handb. 113 „исправленная шотландская“.

На польскомъ и французскомъ языкѣ (1817—21).

Мастеръ стула — Франц. Гейнчъ (1817—21). Работы въ 1818—19, 2-й и 4-й четвергъ каждаго мѣсяца; въ 1820 — 21 году 1-е и 15-е число.

12. *Трехъ Сѣкиръ* (Zu den drei Streithammern), въ *Ревелѣ*, основ. 9 ноября 1778.

Система — шведская, употреблявшаяся въ директоріальной ложѣ Владиміра къ порядку, при гросмейстерствѣ Бёбера.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула—Карлъ Іог. Залеманъ (1817—21).

13. *Александра Тройственнаго Спасенія* (Alexander zum dreifachen Segen), въ *Москвѣ*, основ. 30 августа 1817.

Система, по спискамъ 1818—19, Вильгельмсбадскаго Конвента; Handb. 114 — „исправленная шотландская“.

На нѣмецкомъ языкѣ, въ 1818 — 19; на нѣмецкомъ, русскомъ и франц., въ 1820—21.

Мастеръ стула — Іог. Амврос. Розенштраухъ (купецъ). Работы по субботамъ.

14. *Трехъ вѣнчанныхъ Мечей* (Zu den drei gekrönten Schwertern), въ *Митавѣ*, основ. въ 1775.

По шведской системѣ.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула — Теод. ф.-Кайзерлингъ (каммергеръ).

Въ сп. 1818 — 21 означено, что эта ложа нашла необходимымъ (hat sich veranlasst gesehen) пріостановить свои работы.

15. *Ключа къ Добродѣтели* (La Clef de la Vertu), въ *Симбирскѣ*, основ. 12 марта 1818.

По древней шведской системѣ.

На русскомъ и франц. языкахъ.

Мастеръ стула—кн. Мих. Петр. Баратаевъ (1818—21).

16. *Орла Россійскаго*, въ *Петербургѣ*, основ. 12 марта 1818.

По древней шведской системѣ.

На русскомъ языкѣ.

Мастеръ стула—кн. Иванъ Алексѣев. Гагаринъ (1818—19); кн. Павелъ Гавр. Гагаринъ (1820—21). Работы по вторникамъ.

17. *Соединенныхъ Славянъ* (Les Slaves réunis), въ *Кіевѣ,* основ. 12 марта 1818.

Система, въ 1818—19, le rite du Grand Orient de Pologne; Handb. 114 „исправленная шотландская“.

На русскомъ и франц. языкахъ.

Мастеръ стула — Валент. Росцишевскій, въ 1818—19; Францъ Харлинскій, въ 1820—21.

18. *Любви къ истинѣ*, въ *Полтавѣ*, основ. 30 апрѣля 1818.

По древне-англійской системѣ.

На русскомъ языкѣ.

Мастеръ стула—Мих. Никол. Новиковъ.

Въ сп. 1820—21 эта ложа означена какъ покрывшая свои работы.

19. *Сѣверныхъ Друзей* (Les amis du Nord), въ *Петербургѣ*, основ. 18 марта 1817.

По шведской системѣ.

На французскомъ языкѣ.

Мастеръ стула—Александръ Жеребцовъ (генералъ-маіоръ). Работы по четвергамъ.

Въ сп. 1820—21 означена, какъ покрывшая работы.

20. *Орла Бѣлаго*, въ *Петербургѣ*, основ. 24 іюня 1818.

Система, по сп. 1818—19, le rite du Gr. Orient de Pologne; Handb. 113, „исправленная шотландская“.

На польскомъ языкѣ.

Мастеръ стула — гр. Адамъ Ржевускій, въ 1818—19; Іосифъ Олешкевичъ, 1820—21. Работы, въ 1818—19, по пятницамъ.

21. *Золотаго Кольца* (Zum goldenen Ring), въ *Бѣлостокѣ*; основ......, возобновлена 27 іюля 1818.

Система, въ 1818 — 19, — System der Grossen Landesloge Deutschland; Handb. 113, „Фесслерова“.

На польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула—Як. Феликсъ ф.-Михелисъ, 1818—19; Казиміръ Довноровичъ, 1820—21.

22. *Александра къ Пчелѣ* (Alexander zur Biene), въ *Ямбургѣ*, основ. 27 іюля 1818.

По англійской системѣ, употреблявшейся въ Россіи при Елагинѣ.

На нѣмецкомъ языкѣ.

Мастеръ стула—Сигизмундъ Фридр. Либъ.

23. *Восточнаго Свѣтила*, въ *Томскѣ*, основ. 30 августа 1818.

По древне-англійской системѣ.

На русскомъ языкѣ.

Мастеръ стула—Никол. Петр. Гордовъ. Работы, въ 1820—21, въ 1-й и 3-й четвергъ каждаго мѣсяца.

24. *Озириса* (d'Osiris à l'Etoile flamboyante), въ *Каменцъ-Подольскомъ*, основ. 26 декабря 1818.

Система, по Handb. 113, исправленная шотландская.

На русскомъ, польскомъ и франц. языкахъ, по сп. 1820—21, г.; по Handb., на польскомъ.

Мастеръ стула, въ 1820—21, Францъ Дамеръ, докт. мед.

II. Къ стр. 345—346.

Въ 1869 г. поступила въ Публичную Библіотеку коллекція мистическихъ и масонскихъ рукописей, принадлежавшихъ Ѳ. И. Прянишникову, который въ описываемое время былъ масономъ и принадлежалъ къ одной ложѣ, „работавшей въ тиши“ подъ управленіемъ Лабзина. Описаніе коллекціи Прянишникова сдѣлано въ Отчетѣ Импер. Публ. Библіотеки за 1869 годъ.

Въ этихъ бумагахъ сохранился цѣлый рядъ протоколовъ различныхъ степеней этой ложи, носившей названіе „Умирающаго Сфинкса“, именно:

Протоколы (числомъ 70) ученической степени ложи Умирающаго Сфинкса, съ 23 апрѣля 1815 до 12 февраля 1817. Между прочимъ въ протоколѣ засѣданія 16 дня X мѣсяца (т. е. декабря) 1816 упомянуто, что братья приносили великому мастеру (Лабзину) поздравленіе съ наградой, полученной имъ отъ Государя Императора за труды, подъемлемые имъ въ изданіи книгъ, руководствующихъ къ образованію духа по началамъ религіи и проч. (Отчетъ, стр. 51—53). Лабзинъ въ 1816, декабря 12, высочайшимъ рескриптомъ пожалованъ за изданіе духовныхъ книгъ орденомъ Владиміра 2-й степени.

Протоколы (числомъ 43) той же степени этой ложи за 1817—1820 годы. Здѣсь отмѣчено между прочимъ собраніе ложи 10 сентября 1818 „въ честь скончавшагося высокопочтеннѣйшаго брата Николая Ивановича Новикова, основателя масонства въ Россіи“, при чемъ великій мастеръ „говорилъ объ отличнѣйшихъ достоинствахъ сего высокаго брата, о мужественныхъ подвигахъ его, о твердости духа, съ какою переносилъ онъ гоненія за исповѣданіе и введеніе въ Россіи орденскаго ученія“ и пр., затѣмъ совершенъ былъ печальный обрядъ воспоминанія и т. д. Въ засѣданіи 18 апрѣля 1820 г. великій мастеръ предлагаетъ братьямъ исполнить существующіе въ братствѣ законы противъ нѣкоторыхъ членовъ, обнаружившихъ такое своеуміе и своенравіе, что они оставили всѣ отношенія къ усыновившей ихъ ложѣ, и вообще нарушившихъ свои обязательства къ ордену. Въ числѣ этихъ клятвонарушителей, которыхъ мастеръ предлагалъ исключить изъ братства и считать за морально умершихъ, были между прочимъ Дмитрій Руничъ, котораго „многіе поступки показали болѣе его отвращеніе, нежели любовь къ братству“, и Карлъ Витбергъ, который, „забывъ, что онъ и къ временному своему счастію открылъ путь чрезъ братство, явно свидѣтель-

ствуетъ поступками своими, что одно исканіе земныхъ выгодъ ему только цѣнно". (Отч., стр. 13—21).

Далѣе, протоколы (числомъ 8) второй степени ложи Умирающаго Сфинкса за 1817—1820 годы. (Отч., стр. 21).

Протоколы (числомъ 16) третьей степени той же ложи за 1818—21 годы. Въ протоколѣ 1 дня V мѣсяца (т. е. іюля) 1820 г. описывается собраніе ложи въ воспоминаніе умершаго за сорокъ дней передъ тѣмъ О. А. Поздѣева, о которомъ великій мастеръ и другіе братья говорили похвальныя рѣчи. Въ засѣданіи 14 сентября 1820 Лабзинъ говорилъ о томъ, что старшіе братья въ послѣднее время стали оказывать большую небрежность въ работѣ, перестали совсѣмъ являться къ нему, такъ что и „внутреннее качество союза совсѣмъ измѣнилось", и что онъ, предполагая изъ этого, что или онъ, мастеръ, или самый союзъ имъ больше не надобенъ, рѣшился оставить „востокъ" и сложить съ себя свое званіе, предоставивши братьямъ распорядиться по ихъ волѣ,— или присоединиться къ другимъ существующимъ ложамъ, или учредить особую новую ложу, подъ чьимъ угодно начальствомъ: „ложу же сію Умирающаго Сфинкса, которой онъ одинъ есть и основатель, и воспитатель, и возраститель, онъ никому, при нынѣшнихъ расположеніяхъ умовъ братьевъ, передать не согласенъ", и такъ какъ по древнимъ законамъ свободныхъ каменьщиковъ, основатель ложи оставался по смерть ея мастеромъ, ложа Умирающаго Сфинкса будетъ всегда существовать при немъ тамъ, гдѣ онъ будетъ находиться. Лабзинъ предоставилъ самимъ братьямъ окончательное разрѣшеніе этого вопроса, который повидимому былъ рѣшенъ въ его пользу, потому что ложа продолжала существовать. (Отч., стр. 21—26).

Далѣе, протоколы (числомъ 18) четвертой степени той же ложи, за 1821 годъ. Засѣданіе 18 декабря происходило по случаю открытія ложи, запечатанной полиціею вслѣдствіе доноса одного крѣпостнаго человѣка. Въ протоколѣ разсказано, что когда генералъ-губернаторъ докладывалъ объ этомъ императору, то послѣдній отвѣчалъ, будто бы, что „напрасно полиція входила и опечатывала ложу и вещи; увидя, что это ничто иное, какъ обыкновенная масонская ложа, полиція должна была оставить все въ покоѣ", и что онъ приказалъ возвратить взятую книгу протоколовъ и тетрадь съ общими учрежденіями, замѣтивъ, что „бумаги сіи имъ нужнѣе, нежели полиціи". (Отч., стр. 26).

По тогдашнимъ мнѣніямъ императора Александра, этотъ разсказъ очень правдоподобенъ.

Наконецъ, протоколы (числомъ 16) шотландской степени ложи Умирающаго Сфинкса, съ 9 марта 1815 по 13 февраля 1822 г. (Отчетъ, стр. 51).

Великимъ мастеромъ въ ложѣ Умирающаго Сфинкса былъ, какъ сказано, Лабзинъ; намѣстнымъ мастеромъ Е. А. Кушелевъ (генералъ-

лейтенантъ и сенаторъ, который былъ также намѣстнымъ мастеромъ великой ложи Астреи, дѣйствительнымъ членомъ въ ложѣ Пламенѣющей Звѣзды и почетнымъ членомъ многихъ другихъ ложъ въ союзѣ Астреи); секретаремъ въ 1817 году Кожуховъ, исправлявшій эту должность; въ 1818 и 1819 — Ѳ. И. Прянишниковъ; въ 1820 — К. Скворцовъ.

Время основанія ложи не видно по этимъ извлеченіямъ изъ протоколовъ Умирающаго Сфинкса. Но это была, повидимому, одна изъ старѣйшихъ ложъ Александровскаго времени. Въ рукописи „Магазина свободно-каменьщическаго", находящагося въ томъ же собраніи Прянишникова и заключающаго много масонскихъ рѣчей и сочиненій, помѣщена, въ III томѣ, стр. 161, одна рѣчь, говоренная въ этой ложѣ въ послѣдній вечеръ 1810 года. (Отч., стр. 37). Въ протоколахъ ученической степени Умирающаго Сфинкса упоминается объ одномъ братѣ, который былъ принятъ въ ложу въ 1808 году (стр. 19).

Въ 1822 году масонскія ложи были запрещены указомъ 1 августа; и самъ Лабзинъ въ концѣ этого года былъ высланъ изъ Петербурга въ г. Сенгилей, Симбирской губ.

Эта глава была уже напечатана, когда мы могли въ первый разъ ознакомиться нѣсколько съ матеріалами по исторіи масонства, находящимися въ собраніи Румянцовскаго Музея, въ Москвѣ. Матеріалы московскаго Музея замѣчательно богаты, и только очень небольшая часть ихъ была опубликована въ прежнее время Ешевскимъ. Быть можетъ, мы получимъ впослѣдствіи возможность изучить эти матеріалы болѣе близкимъ образомъ; теперь довольно замѣтить, что они представляютъ много важныхъ разъясненій и единственныхъ документовъ для исторіи русскихъ ложъ въ XVIII-мъ столѣтіи, и потомъ въ Александровское и даже—Николаевское время.

VII.

Движенiе умовъ послѣ 1815 года и его послѣдствія.

Мы должны говорить теперь о предметѣ, который до сихъ поръ остается чрезвычайно мало извѣстенъ въ нашей литературѣ, и полное изслѣдованіе котораго соединяется еще съ великими трудностями. Люди и направленія, въ которыхъ общественная мысль александровскаго времени достигла высшей степени своего возбужденія, до сихъ поръ оставались внѣ нашей исторіи общественной и литературной, по крайней мѣрѣ внѣ той исторіи, какая писалась въ Россіи. Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собой столь рѣзкій переломъ въ порядкѣ нашей общественной жизни, что предшествовавшая эпоха была совершенно отрѣзана; жизнь вдвинута въ новую колею; тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе людей прежняго времени и надолго закрылъ его даже отъ историческаго изслѣдованія и воспоминанія.

Съ недавняго времени начали и въ нашей печати часто появляться отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ времени, но до сихъ поръ эти свѣдѣнія не касались того цѣлаго броженія, котораго событія 1825 года были только болѣе или менѣе случайнымъ завершеніемъ. Кромѣ того, что этотъ предметъ долго не имѣлъ въ нашей печати права гражданства, не имѣлъ за себя достаточно безпристрастія и терпимости,—трудность говорить о немъ увеличивается и до сихъ поръ тѣмъ, что самые важные матеріалы для историческаго опредѣленія этой эпохи остаются еще скрыты. Единственный оффиціальный матеріалъ, извѣстный до сихъ поръ, составленъ въ слишкомъ исключительныхъ обстоятельствахъ и съ особенной спеціальной цѣлью, и не могъ бы служить для историческихъ цѣлей безъ сличенія съ тѣми данными, изъ которыхъ онъ извлеченъ, и съ отзывами самихъ участниковъ событій. Этихъ отзывовъ

существуетъ нѣсколько [1]), — не говоря о простыхъ мемуарахъ, оставленныхъ нѣкоторыми изъ участниковъ, — но самое сличеніе и вполнѣ безпристрастная, свободно высказываемая критика едва ли возможны и въ наше время. Немногія записки, оставленныя современниками [2]), большей частью ограничиваются почти исключительно декабрьскими событіями, столь для нихъ роковыми, и послѣдовавшими затѣмъ допросами и ссылкой, и очень мало говорятъ о предшествовавшемъ времени, о происхожденіи и распространеніи тайныхъ обществъ, о взглядахъ и цѣляхъ ихъ членовъ, о характерѣ господствовавшихъ мнѣній и т. п. Авторъ напечатанной недавно любопытной статьи по поводу вышедшихъ въ прошломъ году за-границей «Записокъ декабриста», замѣчаетъ вообще: «Появившіеся за-границей отрывки изъ записокъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, носятъ характеръ правдивости; но, ограничиваясь описаніемъ конечнаго взрыва и его послѣдствій, касаясь, такъ сказать, послѣдняго лишь дѣйствія кровавой драмы и умалчивая о предшествующихъ обстоятельствахъ, подготовившихъ кровавую развязку, записки эти нисколько не поясняютъ такого небывалаго въ Россіи явленія». Дѣйствительно, только немногія даютъ нѣсколько такихъ поясненій, какъ напр., записки Якушкина [3]) и нѣк. др. Далѣе, тотъ же авторъ замѣчаетъ справедливо: «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо насчетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка; равно какъ изолированный фактъ, безъ связи съ обстоятельствами его породившими, не будетъ для него имѣть надлежащаго значенія» [4]).

Въ рамку нашего разсказа не входитъ описаніе этого «конечнаго взрыва», притомъ болѣе или менѣе извѣстнаго. Оставляя въ сторонѣ эти послѣднія событія, мы остановимся только на предварительной исторіи; намъ будутъ интересны не исключительные факты, въ которыхъ участвовали далеко не всѣ представители тогдашняго либерализма и участвовали иногда люди,

---

[1]) Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, И. Д. Якушкина, П. Н. Свистунова и нѣк. др.

[2]) Зап. С. П. Трубецкаго, И. Д. Якушкина, Ив. Ив. Пущина, Розена, Н. Бестужева, М. Бестужева, М. Фонъ-Визина, Евг. Оболенскаго, неизданныя записки Н. В. Басаргина, В. Кюхельбекера и др. Значительная часть ихъ начинаетъ появляться въ нашихъ изданіяхъ.

[3]) Первой части этихъ записокъ недостаетъ въ томъ, что напечаталъ недавно «Р. Архивъ» (1870, стр. 1566 и слѣд.).

[4]) Арх. 1870, стр. 1634; статья П. Н. Свистунова.

только за нѣсколько дней передъ тѣмъ вступившіе въ тайное общество, не изученіе фактическихъ подробностей исторіи тайнаго общества, для чего мы имѣемъ слишкомъ недостаточно матеріала, а только общія черты движенія, охватывавшаго обширную часть общества, въ которомъ члены тайныхъ союзовъ были только болѣе пламенными приверженцами новыхъ мнѣній. Но и въ этой предварительной исторіи, — по названнымъ выше причинамъ, — мы впередъ должны ограничить себя извѣстной частью данныхъ, и намъ остается только желать, чтобы нашъ неполный очеркъ скорѣе замѣнился полной и безпристрастной исторіей, одинаково свободной критикой обѣихъ сторонъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на это время, какъ бы ни осуждали его увлеченія и ошибки, за нимъ нельзя не признавать важнаго историческаго значенія. Общественное движеніе, совершавшее въ ту пору, многими нитями связано съ внутренней исторіей нашего собственнаго времени; въ его содержаніи нельзя не видѣть многаго изъ тѣхъ самыхъ идей и интересовъ, которые снова возродились среди насъ, и нѣкоторыя изъ этихъ идей, болѣе или менѣе осуществившіяся на дѣлѣ, принадлежатъ къ лучшимъ историческимъ пріобрѣтеніямъ нашего времени. Ошибки исправлены временемъ, и исторія должна, наконецъ, стать апологіей и справедливѣе оцѣнить сущность стремленій, которыя одушевляли людей той эпохи, давно сошедшихъ съ общественной сцены.

Общій ходъ тогдашней исторіи и общіе отзывы самихъ участниковъ событій указываютъ источникъ новаго либеральнаго движенія въ пробужденіи національнаго чувства въ наполеоновскихъ войнахъ, и въ сильномъ европейскомъ вліяніи, дѣйствовавшемъ на русское общество въ теченіе этихъ войнъ.

Мы соберемъ нѣсколько свидѣтельствъ людей, которые сами были дѣятелями этого движенія.

«Чрезвычайныя событія 1812 года,—разсказываетъ одинъ,— славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго императора французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ, послѣдовавшія затѣмъ кампаніи 1813 и 1814 г. и взятіе Парижа, въ которыхъ наша армія принимала такое дѣятельное и славное участіе, —все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ.

«Въ продолженіи двухлѣтней тревожной боевой жизни, среди безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностью.

«Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоин-

ства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратились въ 1815 году въ Петербургъ. Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за-границею, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство»... [1]).

Другой современникъ, также дѣлавшій тогдашніе походы, передаетъ тѣже впечатлѣнія пребыванія въ Европѣ и, потомъ, возвращенія домой. «Въ 1813 году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 1814 году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее.... Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца....

«Изъ Франціи въ 14-мъ году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ.... Во время молебствія, полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество»... Потомъ послѣдовали и другія, о которыхъ упомянемъ дальше.

«Въ 14-мъ году существованіе молодежи (т.-е. военной) въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастью»...

---

[1]) М. Фонъ-Визина, «Примѣчанія къ книгѣ: Histoire de Russie, par Enneaux et Chennechot. 5 vol. Paris 1835»,—изданн. ч.я подъ именемъ его «Записокъ», Лейпц. 1861.

По возвращеніи домой, военное общество стало принимать другіе нравы: прежняя пустая жизнь, попойки и картежная игра смѣнились инымъ препровожденіемъ времени: вмѣсто картъ явились шахматы, вмѣсто кутежей — чтеніе иностранныхъ газетъ, офицеры ревностно слѣдили за политическими событіями: «такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе», и. т. д. [1]).

«Толчекъ, который дали умамъ только-что совершившіяся событія,—разсказываетъ Н. И. Тургеневъ,—или вѣрнѣе, волненіе, произведенное этими событіями, было очевидно. *Либеральныя идеи*, по тогдашнему выраженію, начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за-границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за-границей были также большія массы ополченія: эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что̀ видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда.

«Это новое расположеніе умовъ обнаруживалось главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собраны были военныя силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточіемъ дѣлового міра и гдѣ былъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ»....

Упомянувъ о томъ, что въ Россіи, не имѣющей свободы печати, мнѣніе публики можно узнать только внимательно прислушиваясь къ тому, что̀ говорится всего чаще, авторъ замѣчаетъ, что въ то время оно высказывалось, между прочимъ, въ особой рукописной литературѣ. «Въ этой, такъ сказать, контрабандной литературѣ обнаруживались тенденціи и расположеніе умовъ. Тогда явилось довольно много этого рода произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы, или по высокому и поэтическому вдохновенію. Эти маленькія chefs-d'oeuvre, до тѣхъ поръ неизвѣстныя, отмѣтили дни своего появленія какъ эпоху жизни, надежды и — надо прибавить — здраваго смысла и размышленія. Даже обыкновенная печать участвовала въ этомъ движеніи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичности, были разбираемы въ серьезныхъ сочиненіяхъ. Періодическія изданія больше чѣмъ когда-нибудь прежде занимались тѣмъ, что̀ происходило въ другихъ странахъ, а особенно во Франціи, гдѣ пробовались тогда новыя учрежденія. Имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были также извѣстны въ Россіи [2]), какъ могли быть извѣстны въ своемъ отечествѣ, и русскіе офицеры, забывая вели-

[1]) Зап. Якушкина.

[2]) Авторъ разумѣетъ, конечно, образованный либеральный кружокъ общества.

каго павшаго полководца, познакомились съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, казалось, предприняли политическое воспитаніе европейскаго континента».

Г. Тургеневъ замѣчаетъ, что французскіе публицисты вообще имѣли тогда большую извѣстность и вліяніе на континентѣ, и въ ихъ числѣ онъ особенно называетъ Бенжамена Констана, въ которомъ недостатки личнаго характера вознаграждались достоинствами публициста.

«...Многіе — продолжаетъ онъ — возвращаясь въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, высказывали чрезвычайное удивленіе при видѣ перемѣны, происшедшей въ нравахъ, разговорахъ и самыхъ поступкахъ молодежи этой столицы: молодежь какъ будто пробудилась для новой жизни, чтобы воодушевляться всѣмъ, что̀ было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили — въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній. Никто не думалъ о шпіонствѣ, которое въ это время было почти ничтожно и неизвѣстно.

«Правительство не только не противилось направленію, которое, повидимому, принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями правительство показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно привести образъ дѣйствій императо̀ра въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, Александръ въ формальныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительныя учрежденія и самой Россіи»... [1]).

Мы возвратимся далѣе ко взглядамъ правительства и продолжимъ замѣтки о перемѣнѣ, происшедшей въ нравахъ, особенно военныхъ. Одной изъ первыхъ вещей, на которыя обратили теперь вниманіе подъ вліяніемъ либеральныхъ идей, была военная дисциплина, и положеніе солдатъ вообще. Извѣстно, какова была эта дисциплина въ прежнія времена; — достаточно сказать, что она была такова же какъ впослѣдствіи, въ теченіе послѣдующаго періода вплоть до новѣйшихъ военныхъ реформъ, облегчившихъ тяжелое положеніе солдата. Въ александровскія времена военная

---

[1]) La Russie I, стр. 81 — 84.

дисциплина отличалась еще чрезвычайно суровыми формами. Стóитъ вспомнить основанiе военныхъ поселенiй.

«Военная дисциплина—разсказываетъ г. Тургеневъ—въ это время стала предметомъ такого вниманiя, какого она до тѣхъ поръ еще никогда не встрѣчала. Это вниманiе возбуждено было по возвращенiи войскъ въ Россiю послѣ кампанiи 1813, 1814 и 1815 годовъ, какъ были тогда возбуждены и всѣ либеральныя идеи. Не только офицеры, но простые солдаты приходили тогда въ соприкосновенiе съ другими войсками, привыкшими къ иной дисциплинѣ: это соприкосновенiе не могло остаться безъ влiянiя на нихъ и не повести къ какому-нибудь результату. Вскорѣ военные стали искать, въ попыткахъ тайныхъ обществъ, какого-нибудь средства противъ тѣхъ золъ, какихъ они были свидѣтелями, и вопросъ о дисциплинѣ сталъ для нихъ вопросомъ принципа. Если прежде иные изъ нихъ и не прибѣгали къ палкѣ, то это было у нихъ только слѣдствiемъ врожденнаго добросердечiя; теперь они отвергали это средство дисциплины какъ вещь, противную самымъ простымъ понятiямъ справедливости и человѣколюбiя....

Затѣмъ, вниманiе направилось и на другiе предметы. «Въ первое время — продолжаетъ тотъ же авторъ — эти благородныя души, которыя впослѣдствiи хотѣли, цѣною всѣхъ жертвъ, пробудить свое несчастное отечество изъ закоснѣнiя, въ какомъ оно было погружено, — увлекались обыкновенно политическими идеями. Болѣе прозаическiя, но не менѣе существенныя идеи гражданской свободы, матерiальнаго благосостоянiя человѣка, оставались въ сторонѣ. Политическое рабство одно возбуждало ихъ негодованiе. Но спѣшимъ прибавить, что при первомъ замѣчанiи, ихъ ревностная забота обращалась къ тому, чтобы найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствiя своего отечества, и что ихъ первыя размышленiя кончались проклятiями и противъ рабства крестьянъ, и противъ жестокости военной дисциплины. Я видѣлъ, какъ эти молодые люди, презирая всѣ выгоды своего общественнаго положенiя, богатства, предпочитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствiямъ двора, или развлеченiямъ и прiятностямъ путешествiя.... Что сталось съ ними, праведное небо!—замѣчаетъ авторъ, вспоминая дальнѣйшую судьбу этихъ людей. Надо имѣть вѣру во чтó-нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотрицанiе кончаются такимъ несчастьемъ и такими бѣдствiями» [1]).

---

[1]) La Russie, II, стр. 511 — 514.

Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же авторъ, говоря о либеральныхъ намѣреніяхъ, все еще проявлявшихся въ это время у имп. Александра, и объ упомянутомъ движеніи въ обществѣ, разсказываетъ:

«Въ теченіе этого короткаго періода либерализма, при свѣтѣ этой умственной молніи, если можно такъ выразиться, нѣсколько молодыхъ людей стали думать о томъ, чтобы дать новымъ идеямъ правильное движеніе и направить ихъ къ практически-полезной цѣли. Во время войны въ Германіи они слышали о тайныхъ обществахъ; они приняли эту идею и рѣшились соединить людей, показывавшихъ ревность къ общественному благу, въ общество, устроенное на подобіе этихъ обществъ. И спѣшу прежде всего замѣтить, русское правительство въ это время внушало вообще такъ мало недовѣрія и, повидимому, было даже такъ расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ просить о содѣйствіи правительства. Только опасеніе, что ихъ намѣренія могутъ быть истолкованы неправильно, побудило ихъ дѣйствовать безъ помощи и безъ вѣдома императора. Если этотъ фактъ и открываетъ, какъ мало опытны были первые основатели тайныхъ обществъ въ Россіи, онъ доказываетъ по крайней мѣрѣ ихъ искренность и безвредность ихъ намѣреній»... [1]).

Четвертый современникъ самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о настроеніи либеральнаго кружка того времени: «Общество, образовавшееся по возвращеніи гвардіи изъ похода, послѣ трехлѣтней войны съ Наполеономъ, проникнуто было возбужденнымъ, въ сильной степени, чувствомъ любви къ Россіи. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ спискѣ членовъ его встрѣчается такъ мало именъ не русскихъ». И нѣмецкія имена принадлежали часто людямъ, не только совершенно русскимъ, но даже православнымъ. «Къ слову упомяну, прибавляетъ авторъ, что Пестель, хотя былъ германскаго происхожденія, сердцемъ вполнѣ былъ русскій» и проч. [2]).

Въ приведенныхъ отрывкахъ достаточно указываются общія черты и источники движенія, первыя побужденія, внушенныя временемъ, впечатлѣнія русской жизни и горячее стремленіе къ улучшенію формъ жизни политической и общественной. Болѣе одностороннимъ образомъ представляютъ европейское вліяніе другія свидѣтельства, которыя въ особенности указываютъ на примѣръ иностранныхъ тайныхъ обществъ, на особенное вліяніе

---

[1]) La Russie I, стр. 94—95.

[2]) Р. Арх. 1870, стр. 1638—39.

европейскаго либерализма, на моду. Такъ говорится объ этомъ въ самомъ «Донесеніи 30 мая 1826»; — такъ говоритъ извѣстный маркизъ Кюстинъ, передавая слышанное имъ въ Петербургѣ [1]). Послѣ событій декабря 1825 года не разъ высказывалось даже мнѣніе, что возмущеніе было солидарно съ европейскими революціонными вспышками двадцатыхъ годовъ, что русскія тайныя общества находились въ связи съ европейскими заговорами, напримѣръ, съ нѣмецкими «демагогическими происками» и т. п. Лишнее говорить, что это послѣднее была совершенная фантазія.

Справедливо было то, что европейскія событія, пребываніе за границей, сближеніе съ европейскими людьми, нравами и понятіями дали первый сильный толчекъ либеральнымъ идеямъ; но это былъ только одинъ толчекъ или поводъ. Либеральное движеніе, воспринявъ общія основныя идеи европейскаго политическаго либерализма, не имѣло никакихъ близкихъ связей съ западными тайными обществами, вовсе не было однимъ подражаніемъ или однимъ теоретическимъ увлеченіемъ; напротивъ, оно тотчасъ обратилось къ русской жизни, искало въ ней практической почвы и самостоятельныхъ примѣненій. Историческій смыслъ этого движенія въ томъ и заключался, что, несмотря на разныя увлеченія и крайности, оно съ перваго раза ставило и тѣ вопросы, которые были дѣйствительными очередными вопросами нашей внутренней жизни. Русскіе либералы сохраняли живой интересъ къ тому, чтó дѣлалось на европейскомъ Западѣ; этотъ интересъ былъ дѣломъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что еще слишкомъ недавно на ихъ глазахъ рѣшалась судьба этой Европы; наконецъ, они чувствовали единство европейской реакціи, которая отъ западныхъ событій отразилась и въ нашихъ дѣлахъ. Но несправедливо было бы сказать, что примѣръ европейскаго либерализма былъ для нихъ всѣмъ, или чтобы они хотѣли «пересадить Францію въ Россію», какъ выразился авторъ недавно изданныхъ «Записокъ Декабриста» [2]). Напротивъ, русская жизнь стояла для нихъ на первомъ планѣ: европейскія вліянія дѣйствовали на нихъ какъ на всю умственную жизнь тогдашняго общества, какъ онѣ дѣйствовали въ наукѣ, въ литературѣ, въ мистицизмѣ, масонствѣ, въ правительственной реакціи, — но разъ пробужденное политическое пониманіе обращалось у нихъ къ русскимъ внутреннимъ вопросамъ съ такой силой увлеченія, какой еще ни разу не обнаруживалось въ русскомъ

[1]) La Russie en 1839, Par. 1843, II, p. 42.

[2]) См. Р. Арх. 1870, стр. 1637.

обществѣ. Они горячо принимали къ сердцу недостатки русской жизни, искали средствъ для ихъ исправленія, и ихъ усилія, безъ сомнѣнія, участвовали не мало въ развитіи «народности», которая вскорѣ потомъ стала лозунгомъ литературы. Эта народность была не археологическая, а общественно-политическая; въ этомъ общественно-политическомъ элементѣ, внесенномъ тѣми людьми и заключалось здоровое зерно тѣхъ «народныхъ» стремленій, въ которыхъ потомъ бывало такъ много преувеличеній, односторонностей и искаженій....

Внутренняя исторія русскаго общества остается еще слишкомъ безсвязной и неполной безъ исторіи этого либеральнаго движенія, которая изложила бы вполнѣ его источники, распространеніе, внутреннее развитіе, обстоятельства, видоизмѣнявшія его характеръ и т. д. Не имѣя притязанія рѣшать эту историческую задачу, мы опять остановимся, сколько возможно, только на нѣкоторыхъ сторонахъ предмета, и укажемъ сначала обстоятельства, которыя содѣйствовали въ первое время особенному возбужденію умовъ.

Разсматривая обстоятельства, которыя способствовали тогда распространенію либерализма въ обществѣ, прежде всего должно упомянуть о дѣйствіяхъ и настроеніи самого правительства. Намъ случалось указывать, какое было это настроеніе во время войнъ и въ первые годы послѣ нихъ. Вѣнскій конгрессъ, своимъ размежеваніемъ Европы и передѣломъ Германіи между старыми феодалами, уже началъ возбуждать недовѣріе, которое чувствовалось и у насъ, и впослѣдствіи выросло еще больше отъ дальнѣйшихъ дѣйствій европейской политики. Но на первое время императоръ Александръ вовсе не былъ на сторонѣ реакціи, и еще въ 1818 г., во время Ахенскаго конгресса, высказывалъ мысль, что «правительства должны стать во главѣ движенія и проводить либеральныя идеи въ жизнь» [1]. Онъ далъ Польшѣ конституціонныя учрежденія, что поддерживало въ русскихъ либералахъ надежду на представительныя учрежденія и въ Россіи. Извѣстныя слова императора на варшавскомъ сеймѣ 1818 года какъ будто подтверждали эту надежду и безъ сомнѣнія усилили въ то время либеральное движеніе. Правда, и въ эти первые годы послѣ вѣнскаго конгресса не всѣ дѣйствія русскаго правительства могли питать подобныя ожиданія; его настроеніе было слишкомъ нерѣшительное и колеблющееся, но либеральныя его заявленія не

[1] Pertz, Stein's Leben, V, 301—302.

могли однако не производить сильнаго впечатлѣнія на умы, уже безъ того возбужденные [1]).

Именно къ этой эпохѣ относится происхожденіе проекта конституціи, выработаннаго Н. И. Новосильцевымъ. Г. Тургеневъ сообщаетъ нѣкоторыя частныя подробности о самомъ составленіи этого проекта, и изъ того можно судить, что въ то время это была вещь довольно извѣстная, о которой говорили. Гораздо позже этотъ проектъ былъ напечатанъ въ одномъ изданіи, выходившемъ въ теченіи нѣкотораго времени подъ названіемъ «Portfolio» [2]).

Но еще въ 1831 году проектъ нашли въ Варшавѣ, въ бумагахъ Новосильцова, въ двухъ экземплярахъ, по-русски и по-французски. Лица, доставившія его въ «Portfolio», не въ состояніи были опредѣлить ни времени составленія проекта, ни обстоятельствъ, по которымъ онъ находился въ рукахъ Новосильцова. Они очевидно не знали того, что разсказываетъ обо всемъ этомъ г. Тургеневъ. Одно, что они замѣтили, это — что проектъ Новосильцова по времени позднѣе хартіи, данной Царству Польскому въ 1815 г., потому что проектъ заключаетъ много статей, извлеченныхъ изъ этой хартіи, чтó и указано на поляхъ рукописи, и потому еще, что при немъ находится списокъ главъ, также заимствованный изъ конституціи, уже данной для Польши.

За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ о томъ, какъ составлялся вышеупомянутый проектъ и какъ велось вообще это дѣло, мы должны ограничиться только немногими замѣчаніями объ этомъ документѣ [3]).

Изъ подробностей проекта легко видѣть, что его составители не были чрезмѣрными либералами. Проектъ Новосильцова, какъ и извѣстный уже намъ планъ Сперанскаго, слишкомъ далеки отъ какихъ-нибудь либеральныхъ преувеличеній; напротивъ, про-

---

[1]) Ср. La Russie I, стр. 84. Карамзинъ пишетъ въ это время къ Дмитріеву: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Я радъ всему хорошему, но только хорошему. Все будетъ какъ надобно» (8 апрѣля, 1818). «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ «Сынѣ Отечества», въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится.... Не перестаю наслаждаться своимъ образомъ мыслей, или лучше сказать, сердечнымъ удостовѣреніемъ, что мы такъ, а Богъ по своему» и пр. (29 апрѣля). Ср. также слова Ник. Муравьева въ позднѣйшемъ разборѣ «Донесенія» 30 мая, по поводу сказаннаго императоромъ Александромъ въ Варшавѣ.

[2]) La Russie. I, 94.

[3]) Самый документъ см. въ Le Portfolio ou Collection de documens politiques relatifs à l'histoire contemporaine. Traduit de l'anglais. Hambourg. Campe, 1837. V стр. 378—419.

ектъ былъ именно таковъ, какого можно было ожидать при политической неразвитости большинства. Въ самомъ дѣлѣ, проектъ тщательно охраняетъ независимость верховной власти и оберегаетъ всѣ ея прерогативы. Власть является столь могущественною, что весь государственный механизмъ остается въ сущности въ ея рукахъ. Нельзя поэтому сказать, чтобы обществу давалось слишкомъ много свободы: напротивъ, оно получало ея едва столько, сколько было бы нужно для переходнаго періода, для приготовленія общества къ болѣе положительнымъ формамъ представительства. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ остается также нетронутъ, какъ у Сперанскаго: это довольно показываетъ, что особеннаго либерализма и «презрѣнія къ исторіи» здѣсь вовсе не оказалось. При всемъ томъ, введеніемъ этого новаго порядка вещей думали тогда дать болѣе правильное и спокойное развитіе тѣмъ уже возбужденнымъ элементамъ общественнаго мнѣнія, въ которыхъ, какъ мы постараемся указать, заключалось не мало истинно благотворныхъ для общества понятій и начинаній, какъ напр., освобожденіе крестьянъ и т. п., и которые — безъ этой возможности спокойнаго развитія — обратились къ тайнымъ обществамъ и стали современемъ причиной общественной тревоги и тяжелыхъ испытаній.

Но въ первое время, подъ впечатлѣніемъ настроенія правительства, возбуждавшаго надежды, тайныя общества отличаются весьма мирнымъ и мягкимъ характеромъ, который онѣ теряютъ только впослѣдствіи. Люди либеральнаго образа мыслей могли даже думать, что ихъ стремленія не представляютъ собой ничего непріятнаго правительству, что они хотятъ того-же, чтó составляетъ цѣль и его желаній; они стремились къ исправленію различныхъ неустройствъ русской жизни соединенными усиліями людей однихъ убѣжденій, и полагали еще, что дѣйствуютъ въ помощь правительству; они видѣли потомъ трудность дѣла, и самую нерѣшительность и противорѣчіе правительства, но еще не теряли надежды. Впослѣдствіи, они стали разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ, и въ настроеніи обществъ появляется недовѣріе, раздражительность и рѣзкость.

Таковъ, повидимому, былъ характеръ тайныхъ обществъ въ первые годы, и затѣмъ въ послѣдніе.

Мысль о тайномъ обществѣ явилась тогда у либераловъ весьма естественно. Къ этому приводили ихъ всѣ условія тогдашней русской жизни и всѣ вліянія времени. Когда въ обществѣ, около 1815 года, почти вдругъ явился, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, цѣлый обширный разрядъ людей либеральнаго образа мыслей, преимущественно изъ молодого поколѣнія, они съ самаго начала

не могли не почувствовать, что въ массѣ этого общества они представляютъ что-то исключительное, что эта масса не только не сочувствуетъ имъ, но смотритъ на нихъ враждебно, какъ на людей, нарушающихъ спокойствіе ея умственнаго и общественнаго бездѣйствія: ихъ собственныя убѣжденія такъ противорѣчили тому, во что эта масса вѣрила испоконъ-вѣка, такъ раздражали въ ней стариковскую нетерпимость, что эти люди должны были наконецъ сомкнуться въ болѣе тѣсный кружокъ. Правда, за это время общественное возбужденіе послѣ событій и наплывъ новыхъ идей были такъ сильны, что въ русскомъ обществѣ обнаружилась значительная свобода мнѣній и разговоровъ, но тѣмъ не менѣе было бы все-таки опасно высказывать свои мнѣнія вполнѣ — если не изъ страха правительства, тогда вообще предоставлявшаго обществу эту невинную свободу, то изъ опасенія раздражать ретроградовъ, очень сильныхъ своимъ вліяніемъ. Потребность въ обмѣнѣ мыслей въ ближайшемъ сочувственномъ кругу, свободномъ отъ всякихъ постороннихъ стѣсненій, конечно, прежде всего сближала людей либеральнаго образа мыслей въ тѣсный кружокъ; полная искренность бесѣдъ заставила вскорѣ беречь нѣкоторую замкнутость этого кружка. Но въ этихъ людяхъ уже скоро явилась потребность практической дѣятельности въ духѣ своихъ мнѣній: противорѣчіе русской жизни съ тѣмъ, что они видѣли въ Европѣ, и съ тѣми идеалами, которые образовались у нихъ подъ впечатлѣніями европейскаго образованія, съ теченіемъ времени больше и больше ихъ поражало и усиливало въ нихъ желаніе служить общественному дѣлу. Свѣжесть ихъ идеаловъ, порывы великодушнаго энтузіазма — какъ бываетъ всегда въ періоды подобныхъ увлеченій — ставили передъ ними широкую задачу общественныхъ преобразованій, требовавшую обдуманнаго плана, соединенныхъ дружныхъ усилій, самоотверженія. Съ этихъ поръ замкнутый кружокъ, съ мыслью о сознательной практической дѣятельности и пропагандѣ, долженъ былъ сомкнуться еще тѣснѣе, и наконецъ онъ превратился въ тайное общество.

Таковы были естественныя побужденія, которыя, въ условіяхъ самой русской жизни, приводили этихъ людей къ основанію тайнаго общества. Къ этимъ главнымъ побужденіямъ присоединились и вліянія времени. Конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣйствительныхъ, и воображаемыхъ. Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую между прочимъ складывались прогрессивныя и либеральныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей.

Это былъ общественный союзъ, ассоціація единомыслящихъ людей съ общественными цѣлями—въ такое время, когда государство еще сохраняло свою средневѣковую исключительность и нетерпимость и не давало никакого свободнаго исхода начинающемуся политическому и соціальному сознанію. Тайныя общества становились не нужны тамъ, гдѣ общественныя потребности находили себѣ выраженіе, гдѣ свобода собраній и свобода печати дѣлали таинственность не нужною. Всего больше тайныхъ обществъ было именно тамъ, гдѣ пробуждавшееся общественное мнѣніе не имѣло этого исхода, и напротивъ, встрѣчалось съ политическимъ гнетомъ, какъ было во Франціи, Германіи, Италіи. Въ прошломъ столѣтіи, эта форма общественности проникла и къ намъ въ видѣ масонскихъ ложъ, этихъ полу-тайныхъ обществъ, которыя могли быть допущены спокойно и у насъ, потому что, съ одной стороны, были правительству извѣстны, съ другой — ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявляли свое удаленіе отъ всякой цѣли политической. Но масонскія ложи были отчасти приготовленіемъ къ тайному обществу: они чрезвычайно распространились у насъ, когда во второй половинѣ царствованія Александра стало обнаруживаться общественное движеніе и стали распространяться всякія общества и союзы. Масонская ложа была самой извѣстной формой такого общественнаго союза, и къ ней съ одной стороны примкнули тайныя общества точно также, какъ съ другой — библейское общество. Самый Священный Союзъ былъ навѣянъ духомъ мистическаго или таинственнаго братства.

Наше тайное общество сложилось не вдругъ, и въ кружкѣ людей, среди которыхъ оно образовалось, въ первое время замѣтно было только неясное желаніе сблизиться въ одномъ общемъ интересѣ. Одни просто собирались, безъ всякихъ затѣй, читать газеты и толковать. «Въ семеновскомъ полку—разсказываетъ Якушкинъ—устроилась артель (въ 1815 г.): человѣкъ пятнадцать или двадцать офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ—такое время-препровожденіе было рѣшительно нововведеніе» [1]. Высшимъ властямъ артель однако не понравилась, и ее велѣно было прекратить... Другіе, стремясь къ какой-нибудь нравственно-общественной дѣятельности, вступали въ масонскія

[1]) Зап. Якушкина, стр. 6.

ложи, гдѣ надѣялись найти искомую цѣль и способъ дѣйствій. Третьи, не удовлетворяясь простымъ масонствомъ, пришли къ мысли основать тайное общество, и имъ опять прежде всего представилась мысль устроить его въ какой-нибудь масонской ложѣ. Четвертые искали общественной дѣятельности въ ученыхъ и литературныхъ обществахъ, нисколько не тайныхъ: таково было множество обществъ словесности—въ Петербургѣ, Москвѣ и въ университетскихъ городахъ; таково было «общество математиковъ», основанное еще въ 1811 году, и послужившее началомъ извѣстнаго «Учебнаго заведенія для Колонновожатыхъ», о которомъ мы упомянемъ далѣе. Масонскія вліянія особенно замѣтны въ образованіи и въ формахъ нашихъ тайныхъ обществъ. Многіе изъ членовъ тайнаго общества были въ тоже время ревностные масоны: то и другое было очень близко въ ихъ понятіяхъ, и переходъ, повидимому, казался очень нетруднымъ. Мы приводили, въ предыдущей главѣ, нѣкоторые примѣры этой связи ложъ съ тайными обществами. Въ томъ первомъ тайномъ обществѣ, которое названо въ «Донесеніи 30-го мая» Союзомъ спасенія или Союзомъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, и уставъ котораго былъ составленъ Пестелемъ (въ 1817 г.), нельзя кажется не видѣть того-же масонскаго вліянія. «Общество,—по словамъ «Донесенія»,—раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ;.. для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что ему откроютъ;... сверхъ того каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу»— совершенно какъ въ масонской іерархіи. Въ другомъ мѣстѣ упоминается, что уставъ этотъ «основанъ былъ на клятвахъ, правилѣ слѣпаго повиновенія, и проповѣдывалъ насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ, кинжала, яда», что по словамъ самого Пестеля написано было въ подражаніе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ,—и это могло быть совершенно справедливо: эти страшныя средства не представили бы ничего страшнаго тому, кто зналъ масонскія присяги, которыя даже въ самой обыкновенной своей формѣ, въ самыхъ простыхъ системахъ, наполнены самыми ужасными заклятіями [1]).

Была и болѣе тѣсная внутренняя связь между масонскими тенденціями и движеніемъ тайныхъ обществъ. Одно время ложа «Избраннаго Михаила» совмѣщала въ себѣ членовъ тайнаго общества. При болѣе послѣдовательномъ и реальномъ, не-мистическомъ взглядѣ на масонскія обязанности не трудно было

[1]) Образчики ихъ мы приводили въ другомъ мѣстѣ.

придти къ точкѣ зрѣнія, на которой стояли члены тайныхъ обществъ за первое время ихъ существованія,—потому что эта точка зрѣнія состояла тогда въ мирномъ служеніи общественному благу одними нравственными, и очень легальными, средствами. Таковъ былъ союзъ, который предполагалось, по словамъ «Донесенія», основать подъ названіемъ Общества Русскихъ Рыцарей. Исторію этого предполагавшагося общества такъ разсказываетъ близкій свидѣтель, Н. И. Тургеневъ:

«Нѣсколько времени спустя послѣ моего возвращенія въ Петербургъ (въ 1816 г.), я встрѣтилъ генерала Орлова (Михаила), котораго я знавалъ за границей и особенно въ Нанси, гдѣ онъ былъ въ 1815 начальникомъ штаба русскаго корпуса, расположеннаго въ этихъ краяхъ. У этого генерала было много природнаго ума и благородный, возвышенный характеръ. Что касается образованія, онъ въ высокой степени владѣлъ тѣмъ образованіемъ, какое обыкновенно бываетъ у свѣтскихъ людей. Какъ всѣ живые и пылкіе умы, которымъ недостаетъ прочныхъ идей, основанныхъ на серьезныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе... Когда я увидѣлъ его въ Петербургѣ, всѣ его мысли заняты были масонствомъ; онъ возъимѣлъ планъ возстановить это учрежденіе, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и дать ему какую-нибудь политическую цѣль. Въ этомъ предпріятіи у него былъ товарищемъ графъ Мамоновъ, который имѣлъ, кажется, большое пристрастіе къ старому русскому масонству. Лично я никогда не зналъ его, но въ одномъ критическомъ обстоятельствѣ его имя пріобрѣло такую извѣстность, что внушало къ нему уваженіе (г. Тургеневъ разумѣетъ пожертвованія гр. Мамонова въ 1812 году).

«Графъ Мамоновъ былъ, повидимому, посвященъ въ одну изъ высшихъ степеней стараго масонства; генералъ Орловъ, узнавши эту степень и формулу посвященія, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя перемѣны, соотвѣтственныя идеямъ времени, но сохраняя мистическую форму, господствовавшую въ старомъ обрядѣ. Онъ показалъ мнѣ свой проектъ, предлагалъ мнѣ сообщить его какимъ-нибудь знакомымъ мнѣ масонамъ, для того, чтобы они постарались ввести его въ свои различныя ложи. Этотъ уставъ, или обрядъ принятія, я отдалъ одному лицу, которое предсѣдательствовало въ одной ложѣ, и которое было чрезвычайно радо имѣть какой-нибудь символъ стараго русскаго масонства, нѣкогда столь славнаго. Въ тоже время, генералъ Орловъ сказалъ мнѣ, что онъ только-что составилъ зерно общества, основаннаго на этой своего рода реликвіи. Онъ назвалъ своихъ союзниковъ: это были два адъютанта императора, генералъ П. М. и г. Б.

Я видалъ иногда этихъ господъ, но никогда не говорилъ съ ними объ ихъ обществѣ. Разъ только, послѣдній, говоря о Союзѣ Благоденствія, съ которымъ предлагали соединить общество, начертанное генераломъ Орловымъ, сказалъ мнѣ, что они не были намѣрены сливать въ одно два эти общества: что надо было посмотрѣть, какъ станетъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, и воспользоваться и хорошими и дурными его результатами. Такимъ образомъ, эти господа были «политики».

«Въ самомъ дѣлѣ, основатели Союза Благоденствія имѣли нѣсколько свиданій съ генераломъ Орловымъ, но они не могли согласиться между собой... Впослѣдствіи Орловъ, совсѣмъ оставивши свой полу-масонскій проектъ, вступилъ въ общество Благоденствія, изъ котораго вышелъ за нѣсколько дней до его закрытія...

«Изъ этихъ объясненій видно, что попытка генерала Орлова не произвела никакого важнаго результата» [1]).

Такимъ образомъ, тайное общество складывалось медленно, подготовляясь въ разныхъ кружкахъ, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія и принимая сначала знакомыя формы масонскаго союза. Въ заключеніе этихъ попытокъ образовался наконецъ «Союзъ Благоденствія», въ которомъ общество въ первый разъ, кажется, получило нѣсколько правильную организацію. Въ этой окончательной формѣ, которую приняло теперь тайное общество, обнаружилось уже болѣе прямое вліяніе времени, потому что образцомъ для Союза Благоденствія послужилъ отчасти нѣмецкій Тугендбундъ (Союзъ Добродѣтели). Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ обществѣ, потому что по немъ можно составить понятіе о томъ, каковы бывали, между прочимъ, тайныя общества, наводившія такой страхъ на реакціонныя правительства, и можно также видѣть, какова была на дѣлѣ связь русскаго общества съ нѣмецкимъ, о которой многозначительно говорили потомъ даже нѣмецкіе реакціонеры, представляя русское тайное общество какъ отрасль громаднаго всесвѣтнаго заговора противъ алтарей и престоловъ.

Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, тайныя общества были предметомъ множества толковъ, не только тамъ, гдѣ они были и гдѣ дѣйствительно играли роль, но и тамъ, гдѣ ихъ не было или гдѣ они были совершенно безсильны. Правительства чрез-

---

[1]) La Russie I, 221—225. «Несмотря на то, прибавляетъ г. Тургеневъ, правительство или слѣдственная коммиссія вытребовали въ Петербургъ лицо, которому я сообщалъ проектъ генерала Орлова; но такъ какъ въ этомъ документѣ не было найдено ничего подозрительнаго, то всякое розыскавіе по этому предмету было оставлено».

вычайно боялись ихъ тайной силы; недовольные, особенно молодое поколѣніе, увлекались мечтой о тайномъ обществѣ, которое удовлетворяло либеральнымъ порывамъ и завлекало романической таинственностью союза, служащаго добродѣтели, справедливости и свободѣ, а иногда было единственнымъ средствомъ борьбы противъ угнетенія, какъ было въ Италіи. Таковы были итальянское карбонарство, греческая гетэрія, нѣмецкій Тугендбундъ— различные по происхожденію и цѣлямъ, очень несходные по дѣйствительному значенію, но фантастически смѣшиваемые правительствами въ одинъ всеобщій заговоръ либераловъ. У насъ всего больше извѣстенъ былъ нѣмецкій «Союзъ Добродѣтели».

«Я бывалъ въ сношеніяхъ съ людьми, которые должны были хорошо знать все относящееся къ знаменитому обществу, извѣстному подъ именемъ Тугендбунда,— разсказываетъ г. Тургеневъ. Я узналъ отъ нихъ, что̀, собственно говоря, надобно думать о мнимомъ вліяніи этого общества на ходъ событій до войны за освобожденіе и во время ея. Сколько разъ я слышалъ, какъ эти люди выражали глубокое убѣжденіе, пріобрѣтенное ими по собственному опыту, убѣжденіе въ совершенной невозможности достигнуть чего-нибудь положительнаго путемъ тайныхъ обществъ!» [1]).

Въ числѣ людей, на которыхъ указываетъ г. Тургеневъ, былъ конечно и Штейнъ: онъ былъ прусскимъ министромъ во время основанія Тугендбунда; онъ хорошо зналъ движеніе умовъ въ Германіи, которое въ сильной степени проистекало отъ его собственной дѣятельности; его самого молва считала главнымъ основателемъ или покровителемъ Тугендбунда. Штейнъ вовсе не увлекался толками о тайныхъ обществахъ, не придавалъ никакого значенія ни масонскимъ ложамъ, о которыхъ также много говорили, никакимъ другимъ таинственнымъ союзамъ. «Я съ своей стороны—говорилъ онъ еще въ концѣ 1812 года—никакой другой (масонской) конституціи не держался такъ твердо, какъ столовыхъ ложъ,... да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мнѣ казалось, что это древнее общество, происходящее отъ Соломона, не только не знало, что̀ оно дѣлало, но даже и не знало, чего хотѣло. Иллюминаты казались мнѣ дурнымъ обществомъ, и ихъ мораль нѣсколько двусмысленной [2]).... ихъ интриги были вредны, —хотя Баррюэль вовсе не есть мое евангеліе. Общество Друзей добродѣтели, образовавшееся въ 1808 г.,

---

[1]) La Russie I, стр. 520—521.

[2]) Онъ приводитъ примѣры безнравственныхъ поступковъ членовъ этого ордена, и указываетъ, между прочимъ, на барона Книгге.

заслуживаетъ уваженія по своимъ добрымъ намѣреніямъ, но до сихъ поръ ничего не видать изъ его дѣлъ...» [1]).

Штейнъ сохранялъ и послѣ подобное мнѣніе о нѣмецкихъ тайныхъ обществахъ, и во время реакціонныхъ гоненій считалъ постыднымъ и нелѣпымъ дѣломъ преслѣдованіе мнимыхъ заговоровъ и происковъ. Тѣмъ не менѣе, о тайныхъ обществахъ продолжали говорить, и самыя общества существовали—хотя и не въ томъ видѣ, какъ о нихъ говорили.

Карбонарство или гетэрія были прямымъ политическимъ заговоромъ. Карбонарство дѣйствовало противъ мелкихъ итальянскихъ деспотовъ и противъ австрійцевъ; гетэрія возставала противъ турецкаго ига и стремилась къ возстановленію Греціи; средствомъ и цѣлью этихъ заговоровъ была открытая борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Тугендбундъ также вызванъ былъ пробужденіемъ національнаго чувства, ненавистью къ французскому игу, тяготѣвшему надъ Пруссіей, но онъ былъ обществомъ, совершенно мирнымъ: по всему положенію вещей, онъ не имѣлъ никакихъ цѣлей, непріятныхъ для нѣмецкаго правительства; совсѣмъ напротивъ, онъ хотѣлъ только помогать правительству, хотѣлъ дѣйствовать для возрожденія націи не средствами политическаго заговора, а средствами образовательными и моральными. Основатели его стремились къ нравственному возбужденію націи, которое должно было послужить залогомъ политическаго освобожденія.

Тугендбундъ основанъ былъ въ началѣ 1808 г. въ Кёнигсбергѣ нѣсколькими патріотами, которые, опредѣливъ свою программу дѣйствій, просили у короля утвержденія ихъ статутовъ. Король далъ это утвержденіе, и общество открыло свои дѣйствія. Основатели дали своему союзу названіе «нравственно-научнаго общества»; цѣль его высказывалась въ грамотѣ на его основаніе слѣдующими словами: «Цѣль общества — произвести улучшеніе нравственнаго состоянія и благосостояніе прусскаго, и затѣмъ нѣмецкаго народа единствомъ и общностью стремленій честныхъ (tadelloser) людей. Средства общества — слово, письмо и примѣръ». Стремленія общества такъ соотвѣтствовали духу тогдашнихъ реформъ Штейна, возвышавшихъ національное сознаніе, что весьма распространено было мнѣніе, считавшее Штейна не только участникомъ, но основателемъ союза. Предполагаемое участіе Штейна много содѣйствовало репутаціи союза, который тогда же сталъ извѣстенъ подъ именемъ Тугендбунда. Союзъ, управляемый своимъ совѣтомъ изъ Кёнигс-

---

[1]) Pertz, III, стр. 99.

берга, какъ говорятъ, быстро распространился по всѣмъ областямъ Пруссіи, но существованіе его было непродолжительно: въ концѣ 1809 г. онъ былъ закрытъ распоряженіемъ короля, которое послѣдовало, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, вслѣдствіе требованія Наполеона [1]).

Разсказы о дѣятельности Тугендбунда до сихъ поръ крайне противорѣчивы. По словамъ однихъ, послѣ закрытія, «Тугендбундъ продолжалъ существовать фактически и дѣятельность его была тѣмъ значительнѣе, что въ числѣ его членовъ, съ основаніемъ и безъ основанія, называли людей чрезвычайно значительныхъ. Очень дѣятельнымъ членомъ былъ майоръ Шилль, который въ 1809 слишкомъ преждевременно и слишкомъ рискованно сдѣлалъ попытку для освобожденія Германіи, но своимъ предпріятіемъ и геройской смертью далъ патріотической молодежи воспламеняющій примѣръ. Въ 1813 году, когда Наполеонъ потерялъ въ Россіи свои лучшія силы и очарованіе непобѣдимости, и когда началась противъ него великая народная борьба, эта молодежь показала, что реформы уже произвели въ Пруссіи поколѣніе, которое понимало значеніе словъ: отечество и свобода». Но, по оффиціальнымъ даннымъ, союзъ совершенно отрекался отъ солидарности съ предпріятіемъ Шилля и доказывалъ, что онъ впередъ старался удерживать подобныя «вмѣшательства въ права власти». Біографъ Штейна отдаетъ справедливость стремленіямъ Тугендбунда, но замѣчаетъ, что тягостное время и политическія и военныя мѣры правительства и безъ того возбудили національное чувство во всей націи, такъ что, «лучшую помощь для своихъ цѣлей въ борьбѣ съ французами правительство нашло въ кругу патріотовъ, которые собрались вокругъ Штейна и Шарнгорста, и которые дѣйствовали безъ всякой связи съ Тугендбундомъ». По словамъ третьяго свидѣтеля, Тугендбундъ представляли собственно люди столь ничтожные, что отъ него отстранялись всѣ порядочные люди, и союзъ, еще до закрытія своего, былъ мертвъ отъ своего ничтожества; что въ великіе моменты начала 1813 года не было рѣчи ни о

---

[1]) Свѣдѣнія о Тугендбундѣ, кажется, до сихъ поръ еще довольно смутны. Оффиціальная исторія его, по актамъ, изложена въ книжкѣ: Gesch. des sogenannten Tugendbundes. Von J. Voigt. Berlin, 1850; см. также Гервинуса, Geschichte des XIX Jahrh. II, 342 и сл.; Scherr, Deutsche Kultur- und Sittengesch.; 2-te Ausg. 478. См. также статью «Tugendbund» въ Staats-Lexikon, Роттека и Велькера (Altona, 1848, т. XII, стр. 585—590). Какъ сильно противорѣчатъ свѣдѣнія о Тугендбундѣ, можно видѣть, сравнивъ слова Шерра, показанія Пертца, приведенныя у Фойгта, стр. 113 и слѣд., и свидѣтельство «государственнаго человѣка» о Тугендбундѣ, тамъ же, стр. 119—120.

какомъ Союзѣ добродѣтели, и что въ высшей степени нелѣпо придавать Тугендбунду какую-нибудь важность относительно этого великаго момента. Шлоссеръ отзывается о Тугендбундѣ еще суровѣе: по его словамъ, это было только орудіе реакціонеровъ, которымъ обманывали дѣйствительныхъ патріотовъ и низшій слой народа, чтобы воспользоваться ихъ одушевленіемъ и усиліями для возстановленія стараго порядка. Но въ концѣ концовъ Шлоссеръ говоритъ: «Въ Тугендбундѣ... важнѣйшимъ дѣломъ было то, что онъ *пробуждалъ умы*. Въ *этомъ* состояла важность тайныхъ обществъ. Крикъ, поднятый Наполеономъ противъ Тугендбунда, далъ этому союзу политическую важность; свирѣпое преслѣдованіе, организованное въ Германіи Наполеономъ, княземъ Экмюльскимъ (Даву) и его агентами и шпіонами, ожесточало умы, а когда Пруссія, въ 1809 году, принуждена была запретить Тугендбундъ, таинственность стала придавать новую заманчивость патріотическимъ обществамъ» [1]).

Въ этомъ и состоитъ дѣйствительное значеніе Тугендбунда; въ такомъ смыслѣ онъ имѣлъ свое вліяніе и на основателей нашего тайнаго общества. Незначительный на дѣлѣ или крайне преувеличиваемый слухами, онъ имѣлъ свое вліяніе и историческое значеніе той фиктивной силой, какую придавала ему общая молва. Ему приписывалось національное возбужденіе, котораго еще не привыкли объяснять естественнымъ увлеченіемъ общественнаго мнѣнія; ему приписывались патріотическіе подвиги, и присутствіе этой невидимой силы ободряло и воодушевляло [2]). Послѣ 1815 года начались въ печати розысканія и разъясненія о Союзѣ добродѣтели, но общая молва продолжала говорить о немъ прежнее, и тѣмъ болѣе казалась вѣроятной, что въ это именно время тайныя общества стали размножаться съ особенной силой—снова появляется Янъ и его гимнасты съ своимъ девизомъ: frisch, froh, fromm und frei, возникаетъ буршеншафтъ, общество «безусловныхъ» и т. д., въ которыхъ прежнее броженіе, направлявшееся противъ французовъ, обращается противъ домашней реакціи во имя романтическо-народныхъ и конституціонныхъ идеаловъ....

Нелѣпо было бы говорить, что русскія тайныя общества стояли въ непосредственныхъ, личныхъ связяхъ съ нѣмецкими, какъ это утверждали впослѣдствіи нѣмецкіе реакціонеры и ихъ

---

[1]) Ист. XVIII стол., новое изд., VII, 313—314.

[2]) Ср. Записки М. Фонъ-Визина, стр. 123. Авторъ прямо считаетъ «добродѣтельнаго барона Штейна» основателемъ Тугендбунда, и приписываетъ союзу чрезвычайно большое значеніе.

публицисты по поводу 14-го декабря: ничего подобнаго на дѣлѣ не было, да и не могло, конечно, быть, потому что этимъ обществамъ нечего было дѣлать вмѣстѣ. Но въ ихъ характерѣ на первое время можно найти сходныя черты, которыя объясняются духомъ времени и сходными общественными условіями. И тамъ, и здѣсь было много благороднаго и довѣрчиваго идеализма, и потому Союзъ Благоденствія могъ взять многое изъ програмы нѣмецкаго Союза Добродѣтели.

«Донесеніе» 30-го мая указываетъ, что мысль о тайныхъ обществахъ явилась въ 1816 г. у нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, «возвратясь изъ-за границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 годовъ, и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи тайныхъ обществахъ съ политическою цѣлію, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное»; что при первомъ основаніи русскаго тайнаго общества многіе именно желали, чтобы принятъ былъ уставъ, главныя черты котораго заимствованы «изъ напечатаннаго въ журналѣ «Freywillige Blätter» устава, коимъ будто бы управлялся Tugendbund». Въ другомъ мѣстѣ сказано, что «главныя черты законоположенія Союза Благоденствія (первая часть этого законоположенія была отыскана коммиссіей), раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываютъ, что оно есть подражаніе, и даже большею частію переводъ съ нѣмецкаго». Этотъ уставъ былъ составленъ Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми, кн. Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ.

Записки самихъ членовъ тайнаго общества подтверждаютъ эти указанія на Тугендбундъ. Фонъ-Визинъ разсказываетъ, что во время войнъ многіе изъ русскихъ «познакомились съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendverein)», что въ Петербургѣ извѣстны были статуты разныхъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ во Франціи и Германіи, и что одинъ изъ членовъ русскаго общества «ѣздилъ въ Германію и вошелъ въ сношенія съ членами Союза Добродѣтели», которые и сообщили ему свои статуты. По словамъ Якушкина, нѣмецкій уставъ привезенъ былъ кн. Ильей Долгорукимъ [1]).

Такъ или иначе, въ либеральномъ кружкѣ были извѣстны уставы западныхъ тайныхъ обществъ, которые дали имъ мысль

[1]) Зап. Фонъ-Визина, стр. 147, 152—153. Зап. Як., стр. 13. Въ печатномъ изданіи первыхъ этотъ кн. Долгорукій ошибочно названъ Иваномъ. Показаніе Фонъ-Визина о прямыхъ сношеніяхъ Долгорукаго съ членами Тугендбунда можетъ быть не вполнѣ точно; онъ просто могъ найти печатные уставы, которые упоминаются въ «Донесеніи».

по той же формѣ устроить и русское общество. Тогдашняя слава Тугендбунда могла привлечь ихъ вниманіе, и характеръ его устава могъ въ особенности удовлетворять ихъ желаніямъ. Основанный въ тяжелыя времена французскаго ига, Тугендбундъ, если и имѣлъ въ основаніи политическую цѣль, долженъ былъ очень осторожно скрывать, даже совершенно устранить ее, и ограничить свою дѣятельность нравственно-общественными предметами, въ союзѣ съ правительствомъ. У нашихъ либераловъ, въ первое время, политическая цѣль также стояла на второмъ планѣ; они надѣялись, что политическая реформа будетъ произведена самимъ правительствомъ, и думали только содѣйствовать его планамъ, стараясь распространять новыя идеи, возбуждать политическіе интересы, истреблять предразсудки и общественные недостатки. Въ программѣ Тугендбунда, эта самая задача была поставлена такъ широко, цѣли Союза были такъ возвышенны, такъ проникнуты патріотизмомъ, и способъ исполненія указывалъ столько практическихъ пріемовъ, что воспользоваться нѣкоторыми ея мыслями было очень естественно.

Въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ Тугендбундъ состоялъ изъ «коренного общества», Stammverein, или собранія его членовъ въ мѣстѣ его основанія, т.-е. въ Кёнигсбергѣ, и изъ его развѣтвленій въ другихъ мѣстахъ, которыя назывались Zweigvereine [1]). Лица, вступавшія въ общество, должны были выбирать себѣ ту или другую отрасль дѣятельности въ смыслѣ союза, и собраніе членовъ, работавшихъ по одной отрасли, составляло «камеру», а собраніе камеръ въ Кёнигсбергѣ составляло «главную камеру» (Hauptkammer). При каждой камерѣ находился «цензоръ», обязанность котораго заключалась въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы законы общества сохранялись въ точныхъ предѣлахъ государственнаго закона, далѣе въ собираніи свѣдѣній о вновь поступающихъ членахъ, въ нравственномъ ихъ руководствѣ и въ надзорѣ за ихъ трудами для цѣлей общества.

Дѣятельность общества распадалась на шесть отраслей: 1) воспитаніе; 2) народное образованіе; 3) наука и искусство; 4) народное благосостояніе; 5) внѣшняя полиція и 6) внутренняя полиція. Въ отдѣлѣ *воспитанія* главная задача общества состояла въ томъ, чтобы изыскивать и распространять лучшіе методы воспитанія и обученія, при которыхъ юношество достигаетъ наиболѣе полнаго и согласнаго употребленія всѣхъ своихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ; стараться объ улучшеніи домашняго

---

[1]) Первоначально, хотѣли назвать эти дѣленія главной ложей, и подчиненными ложами,—такъ что и здѣсь вспоминались масонскія формы.

воспитанія, объ уничтоженіи суровости, безнравственности и безплодной траты времени въ школахъ, о распространеніи въ народѣ техническихъ знаній, нужныхъ для улучшенія ремеслъ и т. п. Въ отдѣлѣ *народнаго образованія*—распространеніе правильныхъ понятій объ обязанностяхъ человѣка для сохраненія и развитія его тѣлесныхъ и духовныхъ силъ, его обязанностяхъ во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ; стараніе сколько можно облагородить народные праздники и увеселенія, и ввести въ нихъ такія упражненія, которыя способствуютъ пріобрѣтенію ловкости и силы (бѣганье, бросанье, прыганье, верховая ѣзда, стрѣльба, плаванье); противодѣйствіе грубости нравовъ, безполезному или дурному чтенію и т. д. Въ этомъ же отдѣлѣ особую частную отрасль должны были составлять военные, цѣлью которыхъ было общее изученіе военныхъ наукъ, подготовленіе молодыхъ офицеровъ въ научномъ и нравственномъ отношеніи, забота о солдатахъ, обученіе солдатъ обязанностямъ ихъ званія. Въ руководители этой отрасли совѣтъ камеры долженъ былъ выбрать одного изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ офицеровъ. Въ отдѣлѣ *науки и искусства* — изученіе важнѣйшихъ предметовъ науки и искусства, и распространеніе между членами правильныхъ о томъ понятій. Предположено было обращать вниманіе на замѣчательнѣйшія произведенія древнихъ и новыхъ временъ, и издавать журналы для возбужденія чувства истины, добродѣтели, любви къ отечеству, свободы мысли и совѣсти. Въ отдѣлѣ *народнаго благосостоянія* — должны были собраться члены изъ людей, наиболѣе знающихъ разныя отрасли сельской и городской промышленности, чтобы изыскивать свойственные каждому краю источники благосостоянія, вводить и поощрять новые промыслы, дѣйствовать ободреніемъ и совѣтами на рабочее сословіе, оказывать помощь безвинно обѣднѣвшимъ посредствомъ кредита, задатковъ, доставленіемъ сбыта и т. п., приводить въ извѣстность новыя изобрѣтенія, заботиться о школахъ промышленности и искусствъ, противодѣйствовать цеховому духу, стараться отвлекать мужчинъ отъ занятій, болѣе свойственныхъ женскому полу. Въ отдѣлѣ *внѣшней полиціи* — стараніе убѣждать народъ, что всѣ полицейскіе законы будутъ достигать своей цѣли только тогда, когда имъ будутъ содѣйствовать всѣ отдѣльныя лица; съ этой цѣлью предполагалось составить книжку, въ которой бы общедоступно объяснялась благотворность полицейскаго порядка для сохраненія жизни, здоровья, собственности и т. д.; предполагалось также оказывать содѣйствіе властямъ въ розысканіи преступниковъ и въ устройствѣ ихъ, по исполненіи надъ ними закона. Наконецъ, въ отдѣлѣ *внутренней полиціи* имѣлось

въ виду почти исключительно наблюденіе за нравственнымъ и законнымъ поведеніемъ членовъ союза, что̀ поручалось, какъ выше упомянуто, цензорамъ камеръ.

«Таково было—говоритъ историкъ Тугендбунда—обширное, едва обозримое поле, на которое союзъ хотѣлъ, по своему уставу, распространить свою дѣятельность, на которомъ онъ хотѣлъ показать, къ чему можно стремиться и чего можно достигнуть самопожертвованіемъ, трудолюбіемъ и ревностью къ человѣческому образованію и человѣческому благу». Поле дѣйствительно было необозримое.... Штейнъ, тогда министръ, несмотря на утвержденіе союза королемъ, относился къ Тугендбунду очень неблагопріятно, и въ программѣ его дѣятельности находилъ возможность столкновеній съ дѣятельностью государства; въ замѣчаніяхъ на уставъ союза, составленныхъ другимъ лицомъ, но пересланныхъ Штейномъ въ союзъ, говорилось, напримѣръ, что дѣйствія союза могутъ вмѣшиваться въ область отправленій самой власти, что заявляемое союзомъ «разумное» подчиненіе распоряженіямъ правительства можетъ повести къ предположенію, что союзъ хочетъ дѣлать выборъ между этими распоряженіями и подчиняться только тѣмъ, которыя «разумны» въ его смыслѣ и т. д. Штейнъ вообще находилъ, что не нужно никакого союза, а нужно только оживленіе христіанскаго, отечественнаго духа, что зерно для этого уже находится въ существующихъ учрежденіяхъ государства и церкви, что въ ихъ формахъ это зерно и должно развиваться. Впослѣдствіи, много времени спустя, онъ говорилъ, что «союзъ казался ему непрактичнымъ, а практическое впадало въ пошлое». Союзъ отвѣчалъ однако на возраженія, присланныя Штейномъ, и разрѣшалъ ихъ очень удовлетворительно. Но каковы бы ни были понятія Штейна о личномъ составѣ «коренного общества», — дѣйствительно, можетъ быть, не безупречномъ,—изъ какихъ бы источниковъ ни происходило его неблагопріятное мнѣніе о Тугендбундѣ, его возраженія очень характеристично выражали отношеніе абсолютной власти, какова была тогда прусская, къ заявленіямъ общественной самодѣятельности. Тугендбундъ былъ именно такой попыткой самого общества работать для возрожденія націи, которой не могла поднять монархія одна. Тугендбундъ шелъ параллельно съ тѣмъ патріотическимъ и національнымъ одушевленіемъ, которое проникало тогда лучшіе умы Германіи и которое въ то самое время, между прочимъ, блистательно выразилось въ знаменитыхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», Фихте. Программа Тугендбунда могла быть несовершенна, въ ней могла быть «напыщенность», которую въ ней также указывали, но въ ней было однако много

истинно-полезнаго для общества, если бы эта программа была исполнена;—недостатки въ устройствѣ, преувеличенія въ идеяхъ были весьма понятны по времени, — преувеличенія въ идеѣ есть и въ «Рѣчахъ» Фихте. Впослѣдствіи сама власть воспользовалась для борьбы съ Наполеономъ силами общества, но слишкомъ ревнивая къ своимъ прерогативамъ, она не хотѣла и послѣ признавать заявленій общественнаго мнѣнія, чѣмъ, конечно, сама раздражала это мнѣніе и производила тѣ «происки» и тайныя общества, въ которыя бросались потомъ разочарованные и обманутые энтузіасты и съ ними много увлекающейся молодежи.

Власть была неправа тѣмъ въ своемъ мнѣніи о программѣ Союза, что высказывала недовѣріе къ самому принципу общественной самодѣятельности. Ни «государство», ни «церковь», на которыя ссылался Штейнъ, никогда не могутъ вполнѣ удовлетворить матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ націи, если государство и церковь понимаются такъ формально, если они остаются недоступны вліяніямъ и требованіямъ общества; слѣпое повиновеніе никогда не доставитъ государству и націи столько силъ, сколько можетъ принести содѣйствіе, исходящее изъ свободнаго убѣжденія, изъ самодѣятельнаго общественнаго мнѣнія. Недавній примѣръ іенскаго пораженія показывалъ, до какого паденія можетъ довести націю безжизненный формализмъ абсолютнаго государства, не оживляемый дѣятельностью общественныхъ силъ, и основатели Тугендбунда именно угадывали и выражали необходимость участія самого общества въ своихъ дѣлахъ и интересахъ.

Такой смыслъ имѣло и наше либеральное движеніе. Въ русской жизни, конечно, не произошло такихъ политическихъ бѣдствій, какія испытала тогда Германія, но въ ея внутреннемъ быту находилось, быть можетъ, еще больше мрачныхъ явленій, противъ которыхъ нерѣдко бывали безплодны даже усилія самой власти, и которыя давно вызывали патріотическое негодованіе лучшихъ людей. Стремленіе противодѣйствовать этимъ недостаткамъ русской жизни и возбудить къ дѣятельности лучшія силы и нравственные инстинкты общества, не находило себѣ исхода въ обычныхъ нравахъ, и потому повело, наконецъ, къ образованію тайныхъ обществъ. Понятно, почему либералы могли взяться за программу Тугендбунда. Въ первое время наши тайныя общества не думали ни о какихъ политическихъ планахъ, не желали никакихъ перемѣнъ въ основныхъ существующихъ учрежденіяхъ. Ихъ настроеніе было совершенно мирное; это былъ идеалистическій патріотизмъ, хотѣвшій дѣйствовать чисто нравственной пропагандой и образованіемъ, думавшій только помо-

тать правительству, — совершенно также, какъ было въ «нравственно-научномъ» обществѣ. Программа Тугендбунда принята была не изъ подражанія, а просто потому, что она совпадала съ патріотическимъ одушевленіемъ, которое уже было готово въ нашемъ молодомъ либеральномъ поколѣніи, еще полномъ надеждами, мало искушенномъ опытами и мало испытавшемъ разочарованій. Союзъ Благоденствія основывался съ довѣріемъ къ власти, основатели его намѣревались даже заявить о немъ правительству и просить его содѣйствія, — и этому совершенно отвѣчали правила Тугендбунда. Что программа его была принята въ нашемъ обществѣ довольно сознательно и обдуманно, можно видѣть изъ того, что въ русской обработкѣ (насколько она теперь извѣстна) она подверглась значительнымъ перемѣнамъ и дополненіямъ.

По словамъ «Донесенія» 30-го мая, уставъ Союза Благоденствія заключался въ слѣдующихъ основаніяхъ, которыя читатель сличитъ съ вышеприведенными положеніями Тугендбунда. Авторы устава объявляли, именемъ основателей Союза Благоденствія, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, и что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ его пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться въ тайнѣ «только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти». Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ *первой* отрасли, предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, т.-е. успѣхъ частной и общей благотворительности: она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, и также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во *второй* — умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, и также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями, сообразными съ этимъ и съ цѣлью общества. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за-границей и всякому иностранному вліянію. Въ *третьей*

отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ должностей по судебной части, исправлять ихъ съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены *четвертой* отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять «непреложныя правила общественнаго богатства», т.-е. заниматься новой тогда наукой политической экономіи, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, «утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ».

Внѣшнее устройство Союза Благоденствія также представляетъ сходство съ устройствомъ Тугендбунда. Старѣйшіе члены, основатели общества или первоначально вступившіе въ него, составляли «коренной союзъ» (какъ въ Тугендбундѣ Stammverein), изъ него выбирался «совѣтъ», который состоялъ изъ «блюстителя» и пяти засѣдателей и члены котораго, черезъ извѣстные сроки, замѣнялись новыми. Когда члены коренного союза присоединялись къ совѣту, изъ этого составлялась «коренная управа»: совѣтъ и управа отличались какъ власть исполнительная и власть законодательная. При распространеніи общества основывались новыя управы....

Такъ складывалась внѣшняя форма общества. «Подражаніе» Тугендбунду ограничивалось только рамкой, въ которую члены Общества уже съ самаго начала вносили русское содержаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, для молодого поколѣнія, возбужденнаго вліяніями европейской жизни и европейскаго либерализма, своя домашняя жизнь должна была представлять много тяжелаго и неутѣшительнаго: ему съ самаго начала бросались въ глаза темныя стороны этой жизни и являлся вопросъ о средствахъ, какими это положеніе вещей могло быть исправлено. Уже вскорѣ стали опредѣляться отношенія либераловъ къ правительству и къ массѣ общества.

Мы указали выше, что само правительство въ ту пору, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало распространенію либеральныхъ идей въ той долѣ общества, которая имѣла къ тому какую-нибудь воспріимчивость. Конституція въ Польшѣ, конституціонные планы для Россіи, не оставшіеся тайною для общества, слухи о предполагаемомъ освобожденіи крестьянъ, отдѣльныя либеральныя рѣшенія и мнѣнія, высказываемыя императоромъ, не могли

не возбуждать мысли, что само правительство желаетъ широкаго преобразованія, по крайней мѣрѣ, что оно сознаетъ ненормальность существующаго положенія вещей. Но съ другой стороны, либераловъ не могли не поражать противорѣчія, которыя безпрестанно обнаруживались въ различныхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительства. Александръ, во время наполеоновскихъ войнъ возбуждавшій величайшую симпатію и уваженіе, теперь сталъ обнаруживать черты характера, которыя охлаждали это сочувствіе. Замѣчено было вообще, что по возвращеніи въ Петербургъ Александръ обнаруживалъ холодность къ Россіи, производившую самое тяжелое дѣйствіе: онъ былъ какъ будто возстановленъ противъ нея; его мысли были въ Европѣ; онъ безучастно относился къ русскимъ дѣламъ, которыя вскорѣ очутились въ рукахъ Аракчеева. Еще въ 1812 году было множество недовольныхъ тѣмъ, что императоръ окружаетъ себя нѣмцами, въ числѣ которыхъ были нѣмцы очень неудачные, какъ извѣстный генералъ Фуль. Разсказывали, что во время смотра русскихъ войскъ при Вертю во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Разсказывали о другихъ подобныхъ словахъ императора, показывавшихъ нелюбовь и пренебреженіе къ русскимъ [1]). Въ войскахъ опять вводилась строгая и стѣснительная дисциплина, требовалась фрунтовая выправка. Всего больше, почти исключительно, императоръ занимался военными дѣлами, и забота объ увеличеніи войска повела къ основанію военныхъ поселеній, встрѣтившихъ и сохранившихъ за собой всеобщее неодобреніе и причинившихъ страшныя бѣдствія и тогда и послѣ.

Въ общемъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ, сохранились, а иногда и увеличились тѣ неустройства, которыми русская жизнь издавна страдала и которыя должны были возбуждать все бо́льшее негодованіе по мѣрѣ того, какъ возникали здравыя общественныя и политическія понятія. Крестьянскій вопросъ, относительно котораго было столько надеждъ у либераловъ и столько опасеній у крѣпостниковъ, *почти не тронулся* съ первыхъ мѣръ, принятыхъ

---

[1]) Зап. Якушк. 5, 7—8, 17, 25; и другія записки современниковъ. См. также La Russie, I, 87. Иногда, это было и справедливое негодованіе на безчестность даже многихъ лицъ изъ высшей администраціи (La Russie II, 206). Мы приводили въ другомъ мѣстѣ слова Александра прусскому королю, въ 1820 г., что король и онъ самъ «окружены негодяями», что онъ «многихъ хотѣлъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же». Были однако средства измѣнить этотъ порядокъ вещей, но Александръ не принималъ этихъ средствъ, и этимъ, конечно, самъ давалъ основаніе общественному недовольству противъ себя.

правительствомъ въ началѣ царствованія. Напротивъ, правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ среди самого дворянства являлись частные проекты освобожденія, отнеслось къ нимъ очень недружелюбно. Въ управленіи господствовалъ тотъ же старинный произволъ, казнокрадство, подкупы и взятки, начиная отъ низшихъ административныхъ вѣдомствъ и до самыхъ высшихъ. Императоръ самъ зналъ это, ему извѣстны были примѣры самаго незастѣнчиваго грабежа казны, но онъ оставлялъ грабителей въ покоѣ, считалъ зло неистребимымъ! Изрѣдка его терпѣніе истощалось, но и тогда,—какъ въ извѣстномъ случаѣ съ провіантскимъ вѣдомствомъ, у чиновниковъ котораго онъ отнялъ право носить мундиръ, оставивъ, однако, это право ихъ начальникамъ,—строгость не достигала цѣли, или постигая съ виноватыми и невинныхъ, или не уничтожая возможности продолжать тоже самое.... Во всѣхъ дѣлахъ управленія сталъ всемогущимъ человѣкомъ Аракчеевъ, безсердечный и невѣжественный, привязанность къ которому императора Александра приводила въ недоумѣніе и современниковъ и историковъ, какъ мудреное психологическое явленіе. Въ обществѣ Аракчеевъ внушалъ страхъ и ненависть; высшія сферы преклонялись предъ нимъ, но также его ненавидѣли. Здѣсь называли его «проклятымъ змѣемъ» [1]); мы скажемъ дальше, на какія выраженія своей ненависти рисковали люди молодого поколѣнія.

Польскія дѣла также вызывали большое недовольство, доходившее иногда до ожесточенія. Такъ, слухъ о намѣреніи императора присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ губерній, произвелъ одинаковое волненіе и въ крайнихъ консерваторахъ, какъ Карамзинъ, и въ людяхъ умѣренныхъ, какъ Энгельгардтъ, и въ крайнихъ либералахъ, какъ нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, у которыхъ этотъ слухъ порождалъ самыя отчаянныя намѣренія. Съ другой стороны, польская конституція

---

[1]) Въ напечатанномъ недавно письмѣ кн. Волконскаго, изъ Таганрога, о смерти императора Александра, такъ высказалась эта ненависть къ Аракчееву: «Проклятый змѣй (Аракчеевъ) и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ (рѣчь идетъ объ убійствѣ извѣстной Настасьи и свирѣпой казни замѣшанныхъ въ немъ людей); ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ *змья*, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что *извергъ сей губитъ Россію* и погубитъ государя, который *узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно.* Вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ ли сей извергъ показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ?» и проч. (Р. Арх. 1870, стр. 630). Здѣсь опять можно замѣтить, что неистовства можно было узнать и раньше: средства на это также были — стоило прислушаться къ общественному мнѣнію.

производила неудовольствіе, которое предвидѣли уже совѣтники императора на вѣнскомъ конгрессѣ,—именно, что русскимъ непріятно было видѣть конституціонный порядокъ въ странѣ, которую не безъ основанія считали завоеванной, между тѣмъ, какъ сама Россія не получала ничего подобнаго. Это казалось вопіющимъ оскорбленіемъ національнаго достоинства [1]).

Внѣшняя политика также начинала возбуждать неудовольствія. Священный Союзъ въ самомъ началѣ внушалъ опасенія своимъ мистицизмомъ и неопредѣленными ссылками на патріархальные принципы, которые легко могли перейти въ реакцію и деспотизмъ [2]).

Всѣ эти вещи начинали теперь больше, чѣмъ когда-нибудь прежде занимать общественное мнѣніе, и либералы, изъ среды которыхъ собирались члены тайныхъ обществъ, были наиболѣе дѣятельные представители этого общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ усиленномъ интересѣ къ политическимъ и общественнымъ предметамъ собственно и состояло первое дѣйствіе тайныхъ обществъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько можно судить по скудному матеріалу, который доставляютъ извѣстныя до сихъ поръ оффиціальныя данныя и немногія свидѣтельства современниковъ, дѣятельность тайныхъ обществъ въ первые годы не представляетъ, собственно говоря, чего-нибудь правильнаго и организованнаго, какихъ-нибудь прямо поставленныхъ цѣлей, къ которымъ бы члены общества стремились по опредѣленному плану, съ извѣстной дисциплиной. Въ запискахъ современниковъ, уже за это время не разъ встрѣчаются отзывы членовъ, или жалобы ихъ, что общество «ничего не дѣлаетъ», что оно «дремлетъ» и т. п. Эти выраженія были, вѣроятно, справедливы въ томъ отношеніи, что общество, устроивши свое формальное основаніе, въ глазахъ самихъ членовъ не представляло никакой систематической и замѣтной дѣятельности для своей цѣли: общество составляло свой уставъ, учреждало свою

---

[1]) Такъ полагалъ и Ростопчинъ, о которомъ разсказываетъ Фарнгагенъ, видѣвшій его въ 1817 г.: «Ростопчинъ приходилъ въ негодованіе при мысли, что побѣжденный полякъ будетъ имѣть то, въ чемъ отказано побѣдившему русскому,—и еслибы еще это была только мишура, говорилъ онъ, которую жалуютъ въ знакъ милости!» Самъ онъ, конечно, никакихъ конституцій не желалъ: «онъ не могъ понять, какимъ образомъ можно раздѣлять власть: онъ всегда считалъ ее за нѣчто единое и думалъ, что съ ней всего легче управляться (am leichtesten fertig zu werden), у кого бы ни была эта власть — у самого государя, или у министра, или у метрессы». Denkwürd. III, 395.

[2]) Такъ думала не одна либеральная молодежь. Ср. отзывы о Священномъ Союзѣ въ письмахъ Сперанскаго, Р. Арх. 1867, стр. 444—454; 1870, стр. 188.

іерархію, принимало новыхъ членовъ, но затѣмъ, какъ общество, не могло дѣлать ничего иного, кромѣ того, что по прежнему продолжало развивать свои общественно-политическіе взгляды и сводить свои счеты съ дѣйствительностью практической жизни и господствующаго порядка вещей. Оно становилось школой общественнаго мнѣнія, школой, оказывавшей свое вліяніе на умы и въ этомъ отношеніи очень дѣйствительной; но при всемъ томъ оно могло не удовлетворять людей, которые въ пылу своихъ надеждъ ожидали отъ него прямого вмѣшательства въ эту жизнь въ силу его идей, ожидали отъ него практическихъ дѣйствій и борьбы. Къ этому не представлялось возможности, и члены жаловались, что оно «дремлетъ».

Мы указывали выше, словами самихъ современниковъ, съ какими впечатлѣніями возвращалось молодое поколѣніе изъ-за границы и какое вообще было его настроеніе по окончаніи войнъ. Мы перескажемъ теперь, ихъ же словами, съ какими мыслями они обращались къ русской дѣйствительности, какимъ образомъ ихъ первыя впечатлѣнія были уже приготовленіемъ къ движенію тайныхъ обществъ, съ какими побужденіями они вступали впервые въ тайный союзъ. Пока еще не было никакихъ обществъ, ихъ темы были уже готовы. «Въ бесѣдахъ нашихъ, — говоритъ одинъ современникъ, — обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіи 25 лѣтъ почти была каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, чтó называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, — бóльшею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего». Тотъ же авторъ пишетъ о другомъ случаѣ: «Въ разговорахъ нашихъ мы соглашались, что для того, чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣвшему надъ Россіей, необходимо было прежде всего противодѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства и имѣть возможность дѣйствовать на мнѣнія молодежи, что для этого лучшимъ средствомъ — учредить тайное общество, въ которомъ каждый членъ, зная, что онъ не одинъ, и излагая свое мнѣніе передъ другими, могъ бы дѣйствовать съ бóльшею увѣренностью и рѣшимостью». Когда, послѣ первыхъ попытокъ основать тайное общество, изготовлялся уставъ для будущаго Союза Благоденствія, то пока устроено было временное тайное общество

подъ названіемъ военнаго, — цѣлью котораго было только распространеніе общества и соединеніе единомыслящихъ людей. «У многихъ изъ молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ, и потому не мудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ (гдѣ жилъ тогда дворъ и стояла гвардія), или поступили въ военное общество, или по единомыслію сочувствовали членамъ его» [1]).

Другой современникъ, И. И. Пущинъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что еще будучи лицеистомъ, онъ посѣщалъ кружокъ, въ которомъ собирались Александръ и Михаилъ [2]) Муравьевы, Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Это былъ именно кружокъ, изъ котораго въ это самое время образовалось первое тайное общество. «Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, — говоритъ Пущинъ, — о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ; я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ». Въ заключеніе Бурцовъ принялъ его въ тайное общество. «Эта высокая цѣль жизни, — продолжаетъ Пущинъ, — самой своей таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей, рѣзко и глубоко проникла душу мою. Я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего не значущей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе».

Третій современникъ, Н. И. Тургеневъ, вступилъ въ общество въ концѣ 1819 года; его впечатлѣнія не были такія юношескія, какъ у Пущина, тѣмъ не менѣе и онъ вступилъ въ общество, о чемъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ концѣ 1819 года пришелъ ко мнѣ однажды князь Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ большія предварительныя объясненія, онъ сказалъ мнѣ, что, судя по тому, что онъ могъ узнать обо мнѣ и моихъ мнѣніяхъ, онъ нашелъ нужнымъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго онъ мнѣ при этомъ представилъ: это былъ уставъ Союза Благоденствія, о которомъ говоритъ «Донесеніе слѣдственной ком-

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 8, 10, 13. — Ср. Зап. Оболенскаго, стр. 4.

[2]) Впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта, въ недавніе годы знаменитый своею дѣятельностью въ западномъ краѣ.

миссіи» о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что онъ только-что передъ тѣмъ сдѣлалъ тоже предложеніе одному поэту, съ которымъ я былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ; но тотъ отказался [1]). Надо замѣтить, что кн. Трубецкой и съ этимъ поэтомъ былъ также незнакомъ, какъ со мной. Онъ велъ свою пропаганду съ такой откровенностью и простодушіемъ, которыя по крайней мѣрѣ доказывали, что въ его намѣреніяхъ не было ничего особенно опаснаго. Я пробѣжалъ уставъ. Общество ставило себѣ цѣлью общественное благо. Члены должны были раздѣляться на различные классы или отдѣлы, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заниматься народнымъ образованіемъ, другой — юстиціей, третій—политической экономіей и финансами, и проч. Въ цѣломъ, какъ и въ различныхъ частяхъ этого проекта шла рѣчь только о теоріяхъ; намѣренія дѣйствовать, производить перемѣны въ государствѣ, не сказывалось нигдѣ. Такой планъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго». Авторъ не думалъ, чтобы какое-нибудь общество могло дать въ Россіи необходимыя средства для предполагавшейся цѣли; для этого были бы нужны серьезные писатели, люди, знающіе теорію и практику дѣлъ,— а такихъ людей совсѣмъ не было въ Россіи; наконецъ, и здѣсь автора печально поражало, что при всѣхъ этихъ благихъ намѣреніяхъ не было вовсе рѣчи объ уничтоженіи крѣпостного права. «Вообще, принятый планъ обличалъ недостатокъ опытности, зрѣлости, даже нѣкоторое ребячество, которое мнѣ не нравилось. Тѣмъ не менѣе, я не думалъ, что мнѣ надо послѣдовать примѣру моего друга, поэта. Я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону мелкія формальныя соображенія, не устрашаться личныхъ неудобствъ и даже опасностей, еслибы онѣ встрѣтились, чтобы содѣйствовать, по своимъ средствамъ, всякому полезному и нравственному дѣлу. Указанный мною пробѣлъ, быть можетъ, содѣйствовалъ моему рѣшенію, потому что я тотчасъ возъимѣлъ мысль привлечь вниманіе общества на крѣпостной вопросъ. Я немедленно сказалъ это своему собесѣднику, и убѣдившись изъ его словъ, что онъ и его друзья

---

[1]) Поэтъ, котораго авторъ не хотѣлъ называть, былъ, вѣроятно, Жуковскій, и къ этому предложенію можетъ относиться разсказъ, находящійся въ запискахъ кн. Трубецкого. Упомянувъ о составленіи устава Союза Благоденствія, кн. Трубецкой говоритъ: «Вас. Андр. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, еслибъ могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія; но что къ несчастію онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы» (Зап. Труб., стр. 80).

одушевлены самыми лучшими намѣреніями относительно несчастныхъ крестьянъ, я почувствовалъ, что въ мою душу проникаетъ сладкая надежда, что подвинется впередъ дѣло, составлявшее постоянный предметъ моихъ мыслей».

Авторъ объясняетъ, что, впрочемъ, онъ всегда чувствовалъ неохоту къ тайнымъ обществамъ, — не потому собственно, что они тайныя, а потому, что они вообще недѣйствительны и не могутъ достигать предполагаемыхъ ими цѣлей.

«Надо сказать однако, — продолжаетъ онъ, говоря о тогдашнемъ положеніи русскаго общества, — что тайныя общества, быть можетъ, неизбѣжны въ странѣ, какъ Россія. Только тотъ, кто жилъ въ ней, можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ трудно въ русскомъ обществѣ высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо не только заключиться въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать лицъ, которыя его составляютъ. Только подъ этимъ условіемъ возможенъ искренній обмѣнъ идей. И потому для насъ невыразимую прелесть имѣла возможность говорить въ нашихъ собраніяхъ искренно, безъ опасенія быть дурно понятымъ и дурно истолкованнымъ, не только о предметахъ политическихъ, но и обо всякихъ предметахъ. Нашъ языкъ, который при всемъ богатствѣ и красотѣ своей, носитъ на себѣ отпечатокъ дурного общественнаго устройства страны, этотъ языкъ, казалось намъ, легко служилъ для выраженія истины, идей свободы и человѣческаго достоинства; онъ облагораживался, выражая возвышенныя и благородныя понятія.

«Было бы большой ошибкой предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Еслибы какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ, на ея будущее.... Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи цивилизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Если я когда-нибудь жилъ жизнью существъ, сознающихъ свое назначеніе и желающихъ его исполнить, то это въ особенности было въ эти рѣдкія минуты бесѣдъ съ людьми, которыхъ я видѣлъ одушевленными разумнымъ и безкорыстнымъ энтузіазмомъ къ счастію имъ подобныхъ.

«Что касается до того, какъ могли говорить въ публикѣ люди,

принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ, то удивительно ли, что начавъ свободно мыслить, они такъ же и говорили? Но люди, говорившіе такимъ образомъ, выражались вообще съ достоинствомъ, хотя и не опасаясь не понравиться однимъ, шокировать другихъ, или компрометтировать себя передъ начальствомъ. Они такъ же стали бы и писать, еслибы это было имъ позволено. Они ли виноваты, если въ глазахъ людей извращенныхъ и огрубѣлыхъ принципы нравственности казались разрушительными и дерзкими вызовами?...» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, заговора никакого не было, потому что вся дѣятельность общества состояла въ этихъ искренниxъ бесѣдахъ, которыя сами по себѣ были новы и на первое время поглощали собой это возбужденіе умовъ. Притомъ, общество, размножаясь, вовсе не представляло одного тѣсно связаннаго цѣлаго, и прежніе кружки болѣе близкихъ другъ другу людей сохранялись и теперь. Наконецъ, самая тайна общества была очень прозрачна. По разсказамъ самихъ участниковъ, ихъ бесѣды происходили на виду и безъ секрета отъ людей знакомыхъ, но вовсе не принадлежавшихъ къ обществу и которые даже вмѣшивались въ разговоръ. Такіе случаи разсказываютъ Тургеневъ, Пущинъ, Якушкинъ. Извѣстно, что императоръ Александръ давно зналъ имена многихъ членовъ и называлъ ихъ; онъ предполагалъ или даже зналъ о принадлежности къ обществу г. Тургенева, и тѣмъ не менѣе показывалъ ему свою благосклонность....

Итакъ, первая роль Союза Благоденствія состояла главнымъ образомъ въ чисто-нравственномъ вліяніи; «высокая цѣль» имѣла идеалистическій характеръ; общество представлялось его членамъ союзомъ, который долженъ былъ давать нравственную поддержку ихъ личнымъ усиліямъ въ служеніи общему благу. Уставъ давалъ имъ цѣль, къ которой они могли стремиться легальными путями. Многіе вопросы для нихъ были уже рѣшены, другіе возникали и обсуждались въ самыхъ собраніяхъ.

Эти вопросы, хотя исходили изъ идеалистическаго увлеченія, были, однако, очень реальные вопросы; патріотизмъ членовъ общества былъ не только либеральный, но и *русскій*, въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ объ этомъ г. Свистуновъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Первые основатели общества, Муравьевы, были извѣстны какъ враги «нѣмчизны»; патріоты тайнаго общества, согласно съ общимъ настроеніемъ тогдашняго времени, возставали противъ подражаній иноземному, стремились въ жизни дать мѣсто русскому и народному — по крайней мѣрѣ какъ умѣли.

[1]) La Russie, I, стр. 101—106.

Даже озлобленные ихъ противники признаютъ за ними это качество, и напр. Вигель говоритъ о г. Тургеневѣ: «онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ.... много разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома». Упомянувъ, что г. Тургеневъ образовался за-границей, онъ прибавляетъ: «Хорошо, еслибъ и другіе русскіе, подобно ему, перенимали за-границей у европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ насъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы....» [1]. Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, хотя только въ нѣкоторыхъ, это были какъ будто предшественники славянофиловъ.

Большинство членовъ, почти всѣ главные руководители, были военные, и это объясняется обстоятельствами времени. Съ 1812 года все, чтó только могло, изъ образованнаго молодого поколѣнія шло въ военную службу; старый обычай, по которому дворянство считало военную службу своей спеціальностью, усиленъ былъ порывомъ патріотизма, — лучшее, что могло быть сдѣлано для отечества, казалось могло быть сдѣлано только въ рядахъ арміи. Событія дали этому юношеству свое воспитаніе; многіе должны были испытать впечатлѣнія войны за освобожденіе, гдѣ русскіе были желанными союзниками и помощниками въ національномъ дѣлѣ Германіи. Военное общество, сильно связывающее людей общимъ трудомъ и опасностями, и общимъ торжествомъ, должно было въ особенности помогать обмѣну понятій и усиливать впечатлѣнія. Императоръ Александръ былъ тогда чрезвычайно популяренъ въ самой Германіи; русскіе, кажется, всего больше сближались съ прусскими войсками, гдѣ національный энтузіазмъ былъ всего сильнѣе. Побѣдоносное окончаніе войны завершало это сближеніе. Въ результатѣ, къ двадцатымъ годамъ военное общество — чего никогда не было ни прежде, ни послѣ — заключало въ себѣ лучшихъ представителей такъ-называемой интеллигенціи. Мы упоминали выше, какъ однимъ изъ первыхъ предметовъ, на которыхъ оказалось вліяніе новыхъ понятій, стала военная дисциплина. Это обнаружилось еще до образованія тайныхъ обществъ; забота о смягченіи военныхъ нравовъ и образованіи солдатъ входила уже въ кругъ масонской филантропіи; теперь это продолжалось и въ видѣ исполненія программы тайныхъ обществъ. Члены общества уже здѣсь встрѣтились съ препятствіями, которыя ставила подозрительность выс-

[1] Записки. III, V, стр. 47. Такія невольныя признанія можно найти и въ другомъ источникѣ, столь же мутномъ, какъ писанія Вигеля въ запискахъ Греча.

шихъ властей, но это не остановило ихъ усилій, исходившихъ изъ искренняго и теплаго убѣжденія.

«Несомнѣнно,—разсказываетъ г. Тургеневъ,—что по возвращеніи русскихъ войскъ домой, военная дисциплина стала нѣсколько измѣняться. Во многихъ полкахъ употребленіе палки стало рѣже; въ другихъ оно было совершенно запрещено, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени. Русскій корпусъ, оставшійся во Франціи какъ часть оккупаціонной арміи, доказалъ самымъ невѣрующимъ, что частыя палочныя наказанія вовсе не нужны для образованія красивыхъ и хорошихъ войскъ. Мягкій характеръ и образованность главнаго начальника этого корпуса [1]), также какъ ревностныя старанія нѣсколькихъ лицъ его штаба, ввели благотворныя реформы не только въ самой военной дисциплинѣ, но и въ исправительномъ и уголовномъ производствѣ военныхъ судовъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что тѣлесныя наказанія, которыхъ уничтожить совсѣмъ начальники не имѣли власти, были въ русскомъ корпусѣ гораздо рѣже, чѣмъ въ англійскомъ. Друзья цивилизаціи желали, чтобъ этотъ корпусъ, по возвращеніи въ Россію, сохранилъ свою цѣлость, чтобы послужить образцомъ преобразованій, какія бы слѣдовало ввести въ остальной арміи. Но нѣкоторыя высокопоставленныя лица военной іерархіи считали эти полки зараженными либерализмомъ: по возвращеніи домой, они были раздѣлены и бо́льшая часть немедленно послана на Кавказъ, чтобы быть тамъ уничтоженными....» [2])

Тоже дѣлалось и въ войскахъ, находившихся въ Россіи. Съ заботами о смягченіи дисциплины и облегченіи жизни солдатъ, соединялись столько же ревностныя заботы объ ихъ нравственномъ воспитаніи; мы говорили выше объ основаніи въ войскахъ ланкастерскихъ школъ для солдатскихъ дѣтей и для самихъ солдатъ. Все это уже вскорѣ стало обнаруживать свое вліяніе; матеріальныя улучшенія, нѣкоторое обученіе и уваженіе человѣческаго достоинства въ солдатѣ со стороны ближайшихъ властей дѣйствовали самымъ благотворнымъ образомъ.

---

[1]) Этимъ начальникомъ былъ графъ М. С. Воронцовъ. См. отчетъ его императору Александру по возвращеніи съ корпусомъ изъ Франціи, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1858, кн. 4, стр. 67—76 (или 51—60). Въ Военномъ Сборникѣ, 1859, т. VII, стр. 75—78, напечатаны любопытныя «Наставленія, данныя графомъ М. С. Воронцовымъ гг. офицерамъ 12-й пѣхотной дивизіи» (въ іюнѣ 1815), гдѣ онъ внушаетъ офицерамъ чувство военной чести, уваженіе къ своему званію, товарищество и т. п.

[2]) La Russie, II, стр. 514—515 Въ другомъ мѣстѣ авторъ указываетъ, что Кавказъ вообще дѣйствовалъ на войска истребительно, не только войной, но главнѣе, климатомъ и матеріальными условіями.

Извѣстно, какъ въ этомъ отношеніи отличался любимый полкъ имп. Александра, семеновскій, который, по единогласнымъ разсказамъ современниковъ, представлялъ замѣчательный примѣръ нравственнаго развитія, гдѣ съ точнымъ исполненіемъ службы соединялась большая порядочность нравовъ и даже извѣстное чувство гражданскаго достоинства.

Членамъ тайнаго общества въ этомъ отношеніи оставалось только продолжать начатое, и они во многихъ случаяхъ дѣйствовали съ чрезвычайной ревностью. Въ семеновскомъ полку многіе офицеры были дѣятельнѣйшими членами общества. Тоже было и во многихъ другихъ полкахъ. Такъ современники разсказываютъ о М. фонъ-Визинѣ, впослѣдствіи одномъ изъ декабристовъ, который въ то время командовалъ полкомъ. Когда ему дали другой полкъ, возбудившій неудовольствіе императора недостаткомъ фрунтовой выправки,—«фонъ-Визинъ началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку. Для подпрапорщиковъ онъ завелъ училище и нанималъ для нихъ учителей. Вообще, въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ истратилъ на полкъ болѣе 20,000 р., за то въ концѣ года царь, увидѣвъ 38-й егерскій полкъ въ парадѣ, былъ отъ него въ восторгѣ и изъявилъ фонъ-Визину благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ». Въ такомъ же родѣ поступалъ извѣстный генералъ Мих. Ѳед. Орловъ, также принадлежавшій къ тайному обществу. «Въ Кіевѣ Орловъ устроилъ едва-ли не первыя въ Россіи училища взаимнаго обученія для кантонистовъ». Потомъ, командуя дивизіей во 2-й арміи, онъ въ Кишиневѣ опять завелъ училища для солдатъ, которыя поручилъ надзору капитана Раевскаго, также члена тайнаго общества [1]). Эти нововведенія были и полезны, и безопасны, но люди стараго покроя смотрѣли на нихъ очень недружелюбно и подозрительно, и извѣстно, какъ трагически кончилось существованіе стараго семеновскаго полка, когда на немъ разразилось столкновеніе этихъ нововведеній со старыми порядками.

Крестьянскій вопросъ, несмотря на то, что императору все еще приписывалось намѣреніе освободить крестьянъ, на дѣлѣ почти не двигался впередъ. Въ обществѣ, тѣмъ не менѣе, созрѣвало сознаніе необходимости освобожденія, какъ по требованіямъ человѣческаго и національнаго достоинства, такъ и по требованіямъ экономическимъ; были уже люди, понимавшіе недостаточность, пустоту или лицемѣріе той филантропіи, которая

[1]) Зап. Якушкина, стр. 12, 40.

желала «улучшить участь» крестьянъ посредствомъ ограниченія худшихъ злоупотребленій помѣщичьей власти, но вовсе не желала дѣйствительнаго освобожденія. Къ такому болѣе прочному освобожденію направленъ былъ планъ, представленный имп. Александру гр. Воронцовымъ и кн. Меншиковымъ; императоръ сначала взглянулъ на дѣло очень благопріятно, но при второмъ разговорѣ объ этомъ съ однимъ изъ авторовъ проекта, онъ отнесся къ нему такъ холодно, что проектъ былъ брошенъ. Неизвѣстно, что заставило императора измѣнить свое мнѣніе, но очень вѣроятно, что и въ этомъ случаѣ онъ не рѣшился идти противъ мнѣній, господствующихъ въ большинствѣ, которыя, конечно, по прежнему были враждебны всякой мысли объ освобожденіи. Г. Тургеневъ думаетъ однако, что имп. Александръ искренно желалъ освобожденія, и въ доказательство приводитъ то, что въ государственномъ совѣтѣ, въ спорныхъ дѣлахъ между крестьянами и помѣщиками, сторону первыхъ—по придворнымъ разсчетамъ—брали даже люди, вовсе не особенно либеральные, и указываетъ примѣръ кн. Куракина. «Если-бы можно было подвергнуть сомнѣнію искренность желанія Александра уничтожить рабство въ своей имперіи, то довольно было бы примѣра этого придворнаго, который всегда подавалъ голосъ въ пользу освобожденія (т.-е. освобожденія крестьянъ, искавшихъ воли отъ помѣщика), противъ своей совѣсти; этого примѣра было бы довольно, чтобъ разсѣять всякое недоумѣніе объ этомъ предметѣ. Изъ всѣхъ членовъ департамента, кн. Куракинъ... былъ всѣхъ дальше отъ какихъ-нибудь либеральныхъ идей, но придворный бралъ въ немъ верхъ надъ человѣкомъ» [1]).

Въ другихъ случаяхъ самъ императоръ бралъ иниціативу въ этомъ дѣлѣ, какъ напр. въ вопросѣ о продажѣ крестьянъ по одиночкѣ и безъ земли. Въ этомъ дѣлѣ положеніе крестьянскаго вопроса обнаруживается довольно характеристично. Государственный совѣтъ поручилъ разсмотрѣніе этого предмета коммиссіи составленія законовъ, которая вслѣдствіе того представила въ совѣтъ «проектъ закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли». Этотъ проектъ былъ составленъ А. И. и Н. И. Тургеневыми. Въ департаментѣ законовъ госуд. совѣта этотъ проектъ вызвалъ ожесточенныя возраженія Шишкова, который нашелъ въ оффиціальной бумагѣ коммиссіи поводъ къ обличенію революціонныхъ замысловъ, конечно приписывая ихъ составителямъ проекта. «Въ то время, — писалъ онъ, — когда мы слышимъ и видимъ (въ октябрѣ 1820), что почти всѣ европей-

[1]) La Russie, I, 159—160.

*скія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благо*словенное отечество пребыло всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина, не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что жъ перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуду сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ, кажется, что естьлибъ и вподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать?» [1]).

Г. Тургеневъ разсказываетъ, что на это они (т.-е. онъ и его братъ) отвѣчали въ запискѣ, составленной отъ имени коммиссіи, что предложенныя въ проектѣ закона перемѣны требовались самой необходимостью, темнотой и неясностью существующаго законодательства; что эти перемѣны не имѣютъ и не могутъ имѣть никакой связи съ политическими революціями, которыя обнаруживались тогда въ Европѣ, и этой мысли въ особенности нельзя было бы заимствовать отъ тѣхъ странъ, волненіе которыхъ привлекало въ то время общее вниманіе, потому что Испанія и Неаполь вовсе не отличаются ни школами, ни образованіемъ.

Дѣло затянулось. Кочубей, тогда предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ и завѣдывавшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, заявилъ, что считаетъ необходимымъ новое разсмотрѣніе проекта въ министерствѣ; замѣтили, кажется, что императоръ пересталъ думать объ этомъ предметѣ, и дѣло кануло....

---

[1]) Не лишнее замѣтить при этомъ, что это дѣло началось (или продолжалось) по поводу записки петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, что по принесеннымъ ему жалобамъ слѣдствіе открыло: 1) что помѣщикъ Лупандинъ продалъ разнымъ лицамъ по одиночкѣ отъ крестьянскихъ семей вдовъ 3, дѣвокъ 17, а одну подарилъ; продажу этихъ дѣвокъ и женщинъ производилъ подъ именемъ крѣпостныхъ дворовыхъ его людей; 2) что отставной штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиначкѣ малолѣтнихъ дѣвокъ, держалъ ихъ у себя для непотребства; 3) что статская совѣтница Полонская продала полковницѣ Андреевой двороваго человѣка съ женой и малолѣтней дочерью, а старшую дочь оставила у себя, и т. д. По мнѣнію Шишкова выходитъ, что *Десница хранитъ подвиги Лупандина*, Раздеришина и проч.!

«Этотъ примѣръ—говоритъ г. Тургеневъ—достаточно показываетъ, по какой почвѣ шли тогда въ Россіи люди, которые, даже съ согласія абсолютнаго правительства, требовали самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, лишенныхъ всякаго покровительства закона; онъ показываетъ, какимъ подозрѣніямъ, какимъ обвиненіямъ надо было подвергаться, желая принести какое-нибудь облегченіе ужасной участи крѣпостныхъ. Какъ видимъ, личное мнѣніе императора Александра было не въ силахъ предохранить отъ самыхъ безсмысленныхъ нападеній даже тѣхъ людей, которые дѣйствовали сообразно съ его собственными намѣреніями....

«И однако-же—продолжаетъ онъ—графъ Кочубей былъ человѣкъ просвѣщенный, который вовсе не казался способнымъ благопріятствовать какимъ-нибудь образомъ крѣпостному праву. Быть можетъ, долгій опытъ заставилъ его съ состраданіемъ смотрѣть на всѣ эти попытки реформы, на всѣ эти усилія помочь гигантскому злу, усилія столько-же безсильныя и безплодныя, сколько они были мало серьезны. Я припоминаю, что послѣ прочтенія протокола совѣтскаго засѣданія, гдѣ приведены были мнѣніе императора о продажѣ людей безъ земли (онъ не зналъ объ ея существованіи) и справки, опровергавшія его мнѣніе, графъ Кочубей подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ полу-горькой, полу-насмѣшливой улыбкой: «Подумайте же, что императоръ убѣжденъ, что въ его государствѣ уже двадцать лѣтъ не продаютъ людей порознь!»

«Что́ сказать, когда мы вспомнимъ, что противъ оконъ императора, въ петербургской гражданской палатѣ человѣческая плоть продавалась отъ времени до времени по рѣшеніямъ властей! Когда продаются имѣнія за долги, то если у несостоятельнаго должника были крѣпостные, эти крѣпостные необходимо продаются съ аукціона, какъ вся другая его собственность. Около того времени, о которомъ мы говоримъ, одна старуха была отдана такимъ образомъ за два рубля съ полтиной, и это было въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что продажа людей по одиночкѣ давно запрещена! Этого примѣра довольно, чтобы показать, въ какомъ невѣдѣніи остаются абсолютные монархи обо всемъ, что́ совершается вокругъ нихъ!» [1])

Къ этому невѣдѣнію присоединялось другое обстоятельство. Г. Тургеневъ винилъ Кочубея въ равнодушіи къ истиннымъ причинамъ бѣдствій Россіи, и этотъ упрекъ онъ распространялъ

---

[1]) La Russie, II, стр. 107—110, 197—202, 207—226. Мнѣніе Шишкова объ указанномъ выше дѣлѣ приводится вполнѣ въ запискахъ послѣдняго.

почти на всѣхъ образованныхъ людей, не дѣлавшихъ никакихъ усилій для улучшенія хода вещей. «Но можетъ быть,—прибавляетъ онъ—эти люди, которыхъ я обвинялъ въ равнодушіи ко благу страны, на опытѣ убѣдились, что никакія улучшенія невозможны, и именно поэтому осуждали себя на бездѣйствіе въ виду той чудовищной массы несправедливостей и лжи, стараясь только не увеличивать зла, котораго они были не въ силахъ уничтожить» [1]). И въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли сказать того же о Сперанскомъ, Новосильцевѣ и многихъ другихъ, которые питали нѣкогда надежды на измѣненіе господствовавшаго порядка вещей, а потомъ равнодушно съ нимъ мирились?

Тогдашнія мнѣнія г. Тургенева о крѣпостномъ правѣ были вообще и мнѣнія тайнаго общества. Еще раньше этого г. Тургеневъ вообще старался дѣлать все, что̀ могъ для распространенія мысли объ освобожденіи: онъ говорилъ объ этомъ въ своей извѣстной книгѣ («Опытъ теоріи налоговъ», 1818), онъ ревностно защищалъ крестьянскія дѣла въ своей служебной дѣятельности, онъ разъяснялъ необходимость освобожденія членамъ тайнаго общества. Въ декабрѣ 1819 г. онъ написалъ записку о крестьянскомъ вопросѣ, которая дошла до Александра (и повидимому для него именно предназначалась) и которая можетъ служить образчикомъ взглядовъ на этотъ предметъ, вообще распространенныхъ въ либеральномъ кругу и въ тайномъ обществѣ [2]).

Г. Тургеневъ въ тѣ времена считался совершеннымъ революціонеромъ по его мнѣніямъ о крестьянскомъ вопросѣ; на дѣлѣ, его записка вовсе не представляетъ какихъ-нибудь радикальныхъ требованій. Напротивъ, авторъ зналъ, что онъ встрѣтится съ мнѣніями чрезвычайно нерѣшительными, боязливыми, и въ практической постановкѣ вопроса, говоря о томъ возможномъ, что̀ могло быть сдѣлано въ данныхъ условіяхъ, онъ высказываетъ самыя умѣренныя желанія,—хотя сущность дѣла старается указать во всей полнотѣ. Крестьянскій вопросъ кажется ему столь краеугольнымъ, что безъ его рѣшенія, хотя бы предварительнаго, онъ не считаетъ полезнымъ самое расширеніе политическихъ правъ для свободныхъ сословій—обстоятельство, которое обходилось обыкновенно въ конституціонныхъ планахъ Александра [3]).

---

[1]) Тамъ же, II, стр. 276.

[2]) Записка эта напечатана въ книгѣ La Russie, II, стр. 471—450.

[3]) Г. Тургеневъ замѣчаетъ, что въ этомъ ему приходилось спорить даже съ либералами, желавшими конституціонныхъ учрежденій. «Когда я замѣчалъ у людей, съ которыми говорилъ, желаніе освобожденія политическаго безъ освобожденія крѣпостныхъ, мной овладѣвало такое негодованіе, что можно было подумать, что я защищалъ

«Вообще говорятъ (такъ начиналъ г. Тургеневъ свою записку), что Россія дѣлаетъ успѣхи въ просвѣщеніи.

«Но въ чемъ состоитъ просвѣщеніе? Оно состоитъ въ томъ, чтобы знать свои права и свои обязанности. Мы увидимъ дальше, до какой мы дошли степени просвѣщенія, понимаемаго въ этомъ смыслѣ.

«Права бываютъ различны: есть права гражданскія и права политическія. Дворянство, купцы, мѣщане и даже вольные хлѣбопашцы имѣютъ гражданскія права; два первыя сословія пользуются даже нѣкоторыми правами политическими.

«Должно ли желать расширенія этихъ политическихъ правъ?

«Чтобы добросовѣстно рѣшить этотъ вопросъ, надо вспомнить, что въ Россіи есть милліоны человѣческихъ существъ, которыя не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія было бы противно интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ самодержавная власть есть якорь спасенія для нашего отечества; отъ этой власти единственно мы можемъ надѣяться уничтоженія столь-же несправедливаго, какъ и безполезнаго рабства. Невозможно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы.

«Нынѣшнее правительство отличается въ нашихъ лѣтописяхъ тѣмъ, что оно больше всѣхъ прежнихъ правительствъ думало объ участи земледѣльцевъ. Оно отказалось отъ обычая награждать слугъ государства давая имъ, вмѣстѣ съ землями, людей, живущихъ на этихъ земляхъ; оно произвело освобожденіе въ Балтійскихъ провинціяхъ. Эти дѣйствія доставляютъ ему величайшую честь.

«Но должно ли довольствоваться этими благодѣяніями и покинуть всякую надежду, что за этими благодѣяніями послѣдуютъ другія? Довольно ли этого, чтобы вознаградить бѣдствія, какія переносили и еще переносятъ милліоны крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ?

абсолютную власть. Это рѣдко случалось въ разговорахъ съ молодыми людьми, которыхъ я всегда успѣвалъ убѣждать; но съ людьми немолодыми, стоящими на верху пирамиды, и которые, будучи болѣе или менѣе напитаны аристократическими идеями, мечтали прежде всего о палатѣ перовъ и пр., споръ дѣлался упорнымъ, даже ожесточеннымъ, и тогда въ особенности мнѣ приходилось восхвалять тѣ выгоды, какія представляетъ абсолютная власть въ странѣ, гдѣ господствуетъ крѣпостное право». (La Russie, I, стр. 110). Мы видѣли прежде, что этимъ недостаткомъ, противъ котораго споритъ г. Тургеневъ, страдаютъ обѣ конституціи, Сперанскаго и Новосильцова, въ которыхъ крестьянскій вопросъ обойденъ. На сторонѣ консерваторовъ въ крестьянскомъ вопросѣ стоялъ даже извѣстный адмиралъ Н. С. Мордвиновъ.

«Конечно, нѣтъ! Наше довѣріе къ божественной правдѣ, къ мудрости просвѣщеннаго и благожелательнаго правительства, заставляетъ насъ предчувствовать для Россіи радостный день, когда ея дѣти, вмѣсто того, чтобы принадлежать одни другимъ, всѣ будутъ принадлежать отечеству, одному отечеству.

«Отъ этого отраднаго будущаго, которое, однако, быть можетъ, еще очень далеко отъ насъ, возвратимся къ печальной дѣйствительности настоящаго»...

И авторъ рисуетъ картину положенія крестьянъ разныхъ разрядовъ, доказываетъ необходимость освобожденія, по видамъ человѣколюбія и государственной пользы, указываетъ неизбѣжность дикаго произвола помѣщичьей власти, невозможность его подавленія существующими средствами управленія, наконецъ необходимость для самого правительства взять на себя иниціативу реформы. Съ своей стороны онъ указываетъ сначала наиболѣе вопіющія и чудовищныя злоупотребленія, которыя прежде всего требовали бы вниманія, и предлагаетъ мѣры по тремъ предметамъ: — для ограниченія чрезмѣрнаго труда крѣпостныхъ крестьянъ; для прекращенія продажи людей отдѣльно отъ земли, и даже отдѣльно отъ семейства, и мѣры противъ дурного обращенія съ крестьянами. Затѣмъ, онъ говоритъ о необходимости другихъ общихъ мѣръ для болѣе прочнаго улучшенія участи крестьянъ, и для этого предлагаетъ расширеніе закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, или изданіе новаго, болѣе полнаго и откровеннаго закона, который облегчилъ бы договоры между помѣщиками и крестьянами и переходъ послѣднихъ въ сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ; также предоставленіе крестьянамъ права свободной перемѣны мѣста жительства. Въ послѣднихъ словахъ записки онъ говоритъ:

«Въ заключеніе, не можемъ не сказать о томъ, какъ тяжело поражаетъ насъ участь, которую вѣка дали русскому народу. У другихъ народовъ, рабство было слѣдствіемъ завоеванія; когда варвары сдѣлали нашествіе на Европу, они воспользовались правомъ сильнаго, и побѣжденныхъ сдѣлали рабами. Въ Россіи, татары покорили нашихъ свободныхъ предковъ; русскій народъ, благодаря продолжительнымъ усиліямъ, успѣлъ, наконецъ, свергнуть это унизительное иго: послѣ освобожденія, какъ и до покоренія, рабство оставалось ему неизвѣстно. И только въ ту эпоху, когда начало развиваться могущество Россіи, нѣкоторые изъ ея государей, повинуясь роковому заблужденію, положили основаніе, на которомъ впослѣдствіи должно было утвердиться крѣпостное право. Что же оказалось тогда? Татары, которыхъ мы въ свою очередь побѣдили, остались лично свободны; многіе

изъ нихъ вскорѣ сдѣлались дворянами, между тѣмъ какъ наибольшая часть побѣдителей, т.-е. настоящаго русскаго народа, стали крѣпостными. Потомъ, множество иноземцевъ, пришедшихъ изъ Европы и Азіи, явилось въ рядахъ дворянства, захватило титулы и почести, а дѣти Россіи продолжаютъ влачить свои цѣпи».

Эта новая черта, до тѣхъ поръ кажется еще не указанная, дѣлала крестьянскій вопросъ и вопросомъ народности.

Какъ видимъ, во всемъ этомъ не было ничего особенно революціоннаго. Мысль объ освобожденіи крестьянъ стала одной изъ господствующихъ въ тайномъ обществѣ, члены котораго дѣлали и практическія попытки освобожденія въ своихъ имѣніяхъ. Опыты были не всегда удачны (напр. Якушкина, который разсказываетъ о нихъ въ своихъ Запискахъ), отчасти и отъ самой новости предмета; но по крайней мѣрѣ важность вопроса была глубоко почувствована, и сближеніе съ крестьянами, вниманіе къ ихъ интересу указали и настоящій, единственный способъ рѣшенія вопроса—освобожденіе съ землей [1]). Члены общества близко принимали къ сердцу бѣдствія крѣпостного населенія; такъ ихъ иниціатива много помогла во время голода въ Смоленской губерніи, въ 1820 и 1821 г. Вліяніе новыхъ понятій распространялось и на людей, вовсе не принадлежавшихъ къ обществу [2]); другіе, и прежде благопріятно расположенные къ крестьянамъ, по вступленіи въ общество еще усиливали свою ревность и свои заботы объ улучшеніи положенія крестьянъ—потому что личныя усилія подкрѣплялись теперь сознаніемъ принципа и чувствомъ солидарности. Характеристическій примѣръ такой ревности представилъ Пассекъ. «Онъ всегда былъ добръ для своихъ крестьянъ; но съ этихъ поръ (со вступленія въ тайное общество) онъ посвятилъ имъ все свое существованіе и всѣ его старанія клонились къ тому, чтобы упрочить ихъ благосостояніе. Онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище, по порядку взаимнаго обученія, и набралъ въ него взрослыхъ

---

[1]) Ср. Зап. Якушкина, стр. 21, 31—39 Зап. Трубецкого, 79.

[2]) По разсказу Якушкина,—«Л—ы жили уединенно въ деревнѣ, занимались воспитаніемъ своихъ дѣтей и улучшеніемъ своихъ крестьянъ, входя въ положеніе каждаго изъ нихъ и помогая имъ по возможности. У нихъ были заведены училища для крестьянскихъ мальчиковъ по порядку взаимнаго обученія. Въ это время такихъ людей.., дѣйствующихъ въ смыслѣ тайнаго общества и сами того не подозрѣвая, было много въ Россіи». Другими словами, мнѣнія тайнаго общества въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, вовсе не составляли его специфической принадлежности, а напротивъ были очень распространены вообще между образованными людьми, на которыхъ время оказывало вліяніе.

ребятъ, предоставляя за нихъ тѣмъ домамъ, къ которымъ они принадлежали, разныя выгоды. Читать мальчики учились по книжкѣ «о правахъ и обязанностяхъ гражданина», изданной при императрицѣ Екатеринѣ и запрещенной въ послѣдніе годы царствованія императора Александра. Курсъ ученья оканчивался тѣмъ, что мальчики переписывали каждый для себя въ тетрадку и выучивали наизусть учрежденія, написанныя Пассекомъ для своихъ крестьянъ. Въ этихъ учрежденіяхъ между прочими правами, предоставлены были въ ихъ собственное распоряженіе отдача рекрутъ и всѣ мірскіе сборы. Они имѣли свой судъ и расправу.... Бывши самъ уже не первой молодости и желая насладиться успѣхомъ въ дѣлѣ, которое было близко его сердцу, онъ употреблялъ усиленныя мѣры для улучшенія своихъ крестьянъ и истратилъ на нихъ въ нѣсколько лѣтъ десятки тысячъ...; за то уже при немъ въ имѣніи было много грамотныхъ крестьянъ и состояніе ихъ до невѣроятности улучшилось».... [1]). Н. И. Тургеневъ освободилъ своихъ крестьянъ.

Въ числѣ правилъ, принятыхъ въ уставѣ Союза Благоденствія, требовалось, чтобы члены не уклонялись отъ службы по выборамъ, и вообще отъ обязанностей общественныхъ [2]). Это нужно было для того, чтобы честнымъ исправленіемъ должностей вывесть эту службу изъ того упадка, въ которомъ она находилась, и содѣйствовать улучшенію суда и управленія примѣрами справедливости, безкорыстія и человѣколюбія. Мы мало еще знаемъ подробностей о служебной дѣятельности членовъ общества, но нѣсколько примѣровъ даютъ о ней понятіе. Выше приведены примѣры того, какъ въ этомъ отношеніи держали себя военные: они заботились о смягченіи дисциплины, обучали солдатъ и т. п.; полагали на это большія и искреннія усилія, тратили собственныя средства, и успѣвали достигать серьезныхъ и благотворныхъ результатовъ. Такъ трудились фонъ-Визинъ и М. Орловъ. Подобнымъ образомъ члены общества дѣйствовали въ гражданской службѣ. И. И. Пущинъ, извѣстный лицейскій другъ Пушкина, вступившій въ тайное общество тотчасъ по выходѣ изъ лицея, началъ служить въ конной артиллеріи, но вскорѣ подъ вліяніемъ этого правила общества оставилъ военную службу и поступилъ членомъ въ московскій надворный судъ. Какъ лицеистъ, онъ могъ бы разсчитывать на гораздо болѣе видную

[1]) Зап. Якушк. 60—65.

[2]) Прежній уставъ также говорилъ, что члены общества никакъ не должны покидать службы,—цѣль была та, чтобы впослѣдствіи ими могли быть заняты важнѣйшія гражданскія и военныя должности.

карьеру, и переходъ его въ гражданскую службу бросался тогда въ глаза своей необычностью. Пущинъ разсказываетъ въ Запискахъ своихъ анекдотъ, показывающій, какъ было это ново въ то время.

«Князь Юсуповъ, во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума» сказалъ: «Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!» видя на балѣ у московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ, хоть по фамиліи, всю московскую публику), спрашиваетъ Зубкова: кто этотъ молодой человѣкъ? Зубковъ называетъ меня и говоритъ, что я надворный судья.

«— Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора? Это вещь небывалая, тутъ кроется что́-нибудь необыкновенное.

«Юсуповъ не пророкъ, а угадчикъ, и точно, на другой годъ ни я, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ»[1]).

Такъ поступилъ и Рылѣевъ. Оставивши военную службу, онъ принялъ потомъ, по выборамъ, должность засѣдателя въ петербургской уголовной палатѣ. Его имя скоро пріобрѣло извѣстность; даже въ народѣ его знали, какъ правдиваго человѣка, который всегда готовъ на помощь несчастнымъ и угнетеннымъ[1]). Рылѣевъ еще не былъ членомъ общества въ то время, но эти качества, между прочимъ, вмѣстѣ съ его литературной дѣятельностью, привлекали на него вниманіе тайнаго общества, въ которое онъ и былъ принятъ Пущинымъ (кажется только въ 1823 году).

Члены Союза, черезъ нѣсколько лѣтъ его существованія, составили уже замѣтный элементъ въ общественной жизни. Либеральныя идеи, конечно и независимо отъ Союза, значительно распространялись, и въ запискахъ нѣкоторыхъ членовъ общества не разъ упоминается о людяхъ, которые дѣйствовали въ духѣ Союза, вовсе не принадлежа къ нему, — какъ напр. дѣйствовалъ въ крестьянскомъ вопросѣ Пассекъ, въ служебной дѣятельности Рылѣевъ, до вступленія ихъ въ общество, въ литературѣ Пушкинъ. Но едва ли можно отвергать и вліяніе Союза: личный составъ его, въ которомъ было много людей изъ аристократическаго общества, опредѣленныя мнѣнія его членовъ, ихъ солидарность между собою, безъ сомнѣнія, содѣйствовали распространенію ихъ

---

[1]) Записки И. И. Пущина (Атеней, 1859, № 8, стр. 529).

[2]) См. воспоминанія Н. А. Бестужева и кн. Оболенскаго. Даже Гречь, въ своихъ полицейскихъ воспоминаніяхъ объ этихъ людяхъ, говоритъ о Рылѣевѣ: «Онъ служилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ беззащитныхъ людей». Р. Вѣстн., 1868, № 6, стр. 377.

образа мыслей, и нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія въ своихъ запискахъ говорятъ о вліяніи Союза на тогдашнее общественное мнѣніе. «Въ это время — пишетъ одинъ изъ нихъ — главные члены Союза Благоденствія вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно». Указавъ на упомянутое нами улучшеніе военныхъ нравовъ, авторъ продолжаетъ: «Многія притѣснительныя постановленія правительства, особенно военныя поселенія, явно порицались членами Союза Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе; ужъ не довольствовались, какъ прежде, разсказами.... о разводахъ въ манежѣ. Многіе стали разсуждать, что̀ вокругъ ихъ дѣлалось» [1]). Такую свободу мнѣній одинъ изъ членовъ, Мих. Орловъ, хотѣлъ внести даже въ благочестивое библейское общество: «въ библейскомъ обществѣ онъ произнесъ либеральную рѣчь, которая ходила тогда у всѣхъ по рукамъ» [2]); мы скажемъ дальше, что такую же рѣчь онъ произнесъ въ собраніи извѣстнаго Арзамаса, стараясь вызвать его членовъ къ какой-нибудь болѣе разумной дѣятельности, чѣмъ то паясничество, какимъ они услаждались....

Союзъ Благоденствія, или нѣкоторые изъ главныхъ его членовъ имѣли свои опредѣленныя представленія и о польскомъ вопросѣ. Конституціонныя учрежденія, введенныя императоромъ Александромъ въ Польшѣ, казались, одно время, обѣщаніемъ широкихъ государственныхъ преобразованій и для Россіи, но вообще дѣйствія и планы императора относительно Польши вовсе не вызывали сочувствія общественнаго мнѣнія, ни консервативнаго, ни либеральнаго. Такъ, не только либералы, но и консерваторы (какъ Ростопчинъ) оскорблялись тѣмъ, что побѣжденная Польша получаетъ свободныя учрежденія, въ какихъ отказывалось побѣдившей Россіи; другіе замѣчали, что конституція и въ Польшѣ на дѣлѣ нарушается; но всего больше, какъ мы упоминали прежде, общественное мнѣніе возмущалось тѣмъ предпочтеніемъ, какое императоръ вообще оказывалъ Польшѣ, и въ особенности его намѣреніемъ присоединить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ западныхъ губерній. У насъ обыкновенно ставится въ великую заслугу Карамзину его извѣстная записка о Польшѣ 1819 года, въ которой видятъ свидѣтельство глубокомысленнаго патріотизма, находятъ прямой выводъ изъ его «глубокаго изу-

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 28—29.

[2]) Тамъ же, стр. 49.

ченія исторіи» и лишнее доказательство справедливости его взглядовъ вообще. Въ запискѣ Карамзина была, безспорно, извѣстная смѣлость выраженія, хотя эта смѣлость была для него довольно безопасна, и во всякомъ случаѣ менѣе опасна, чѣмъ была бы для кого-нибудь другого. Но сущность мнѣнія Карамзина вовсе не представляетъ той исключительной проницательности, какая ему приписывается, и нисколько не оправдываетъ или не доказываетъ цѣлой системы его воззрѣній. Не нужно было исторической системы Карамзина и не нужно было его тенденцій по вопросамъ настоящаго времени, чтобы не соглашаться съ планами императора Александра относительно Польши, и даже рѣшительно отвергать ихъ. Недавно была напечатана записка, писанная тогда же и о томъ же, извѣстнымъ директоромъ царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтомъ, который также пользовался довѣріемъ императора Александра. Записка его до такой степени сходилась съ мнѣніемъ Карамзина, что императоръ спрашивалъ Энгельгардта, не прочелъ ли онъ прежде записки Карамзина: Энгельгардтъ не имѣлъ объ ней понятія. Еще раньше, въ 1817 или 1818 г., когда начали говорить о планахъ императора относительно Польши, эти толки вызывали въ либеральномъ кругу самое враждебное чувство, и когда однажды до членовъ тайнаго общества дошелъ положительный, будто бы, слухъ о томъ, что императоръ намѣренъ отдѣлить отъ Россіи нѣсколько губерній и присоединить ихъ къ Польшѣ, и вообще оказываетъ послѣдней самое явное предпочтеніе въ ущербъ Россіи, то этотъ слухъ произвелъ на многихъ членовъ тайнаго общества самое потрясающее дѣйствіе, и именно подъ впечатлѣніемъ этого слуха у одного изъ нихъ явилась мысль о покушеніи на жизнь императора [1]),—мысль, которая тутъ же была отвращена другими и оставлена лицомъ, ее возъимѣвшимъ, но которую впослѣдствіи настойчиво приписывали тайному обществу. Источникомъ этой мысли было ревнивое чувство цѣлости Россіи.

Этотъ примѣръ увлеченія, доходившаго до самой страшной крайности, показываетъ, однако, до какой сильной степени господствовало въ тайномъ обществѣ то чувство русской народной особности и патріотизма, которое въ данномъ случаѣ хотятъ аккапарировать для Карамзина, и которое вообще хотѣли отвергать у тогдашняго либеральнаго кружка [2]). Можно осуждать ихъ

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 16—19.

[2]) Въ этомъ случаѣ мы, между прочимъ, имѣемъ въ виду напечатанный недавно отрывокъ изъ записокъ Греча. Его низменныя и пошлыя обвиненія противъ этихъ людей переходятъ всякую мѣру приличія.

политическую дѣятельность, но надо отдать справедливость тѣмъ качествамъ, какія у нихъ несомнѣнно были, и въ числѣ этихъ качествъ было именно сильное чувство народности—въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Что̀ дѣлалось тѣмъ временемъ въ литературѣ?

Движеніе, происходившее въ общественныхъ понятіяхъ, отражалось и въ литературѣ, и роль тайнаго общества въ этомъ отношеніи была почти такова же: вообще Союзъ не создавалъ движенія, а былъ только сильнѣйшимъ его выраженіемъ, здѣсь онъ также не былъ виновникомъ распространявшагося свободомыслія. Литература сама по себѣ есть дѣятельность слишкомъ открытая и вполнѣ подчиненная ея собственнымъ условіямъ, чтобы литературное движеніе можно было приписывать какому-нибудь тайному плану и заговору. Но Союзъ стоялъ подлѣ этой литературы, нѣкоторые изъ его членовъ дѣйствовали въ ней, и такимъ только образомъ можно сказать, что онъ хотѣлъ пользоваться литературой для своихъ цѣлей: желать «распространенія политическихъ знаній»—можно было, нисколько не принадлежа къ тайному обществу; «стараться овладѣть мнѣніемъ публики» — объ этомъ старается всякій, кто только вступаетъ на литературную дѣятельность; относительно сочиненія «возмутительныхъ пѣсенъ» говорили, что нельзя сказать утвердительно, были ли онѣ сочинены по предписаніямъ тайнаго общества—но положительно извѣстно, что многія «возмутительныя» стихотворенія этого времени были именно сочинены безъ всякихъ предписаній тайнаго общества, людьми, вовсе къ нему не принадлежавшими. Самыя распространенныя и самыя талантливыя изъ такихъ стихотвореній принадлежали Пушкину, который никогда не былъ членомъ Союза Благоденствія. Первыя стихотворенія Рылѣева, доставившія ему обширную извѣстность своей гражданской смѣлостью (какъ извѣстное стихотвореніе «Къ временщику», 1820), написаны и напечатаны были тогда, когда Рылѣевъ еще не принадлежалъ къ тайному обществу.

Такимъ образомъ, устраняя вопросъ о мнимомъ направленіи литературы въ революціонномъ смыслѣ «по предписаніямъ тайнаго общества», мы должны остановиться только на отношеніяхъ отдѣльныхъ его членовъ къ литературному движенію за первые годы существованія тайнаго общества. Многіе изъ его членовъ были сами писателями или принадлежали къ литературнымъ кружкамъ; они не двигали литературой, но въ ней также выразилось направленіе ихъ понятій, и ихъ взгляды принадлежали къ

лучшимъ проявленіямъ общественной мысли, какія она тогда представляла.

Въ литературѣ къ этому времени начинаютъ складываться болѣе опредѣленные, чѣмъ прежде, кружки и начинаютъ яснѣе выражаться общественныя направленія. Это было въ особенности время обществъ и кружковъ: желаніе дѣйствовать совмѣстно и собрать однородныя силы, желаніе болѣе отчетливо опредѣлить цѣль этой собирательной дѣятельности было уже извѣстнымъ успѣхомъ, потому что этимъ выяснялись существующія понятія. При всемъ разнообразіи лицъ, представлявшихъ разные оттѣнки мнѣній и характеровъ, при всей новости многихъ понятій, которыя далеко не были отчетливы, литературные кружки того времени не были только случайнымъ собраніемъ, но представляли свой особый характеръ литературный и общественный. «Бесѣда» Шишкова и Державина (основ. 1811) собрала литературныхъ старовѣровъ старой классической школы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и старовѣры по общественнымъ понятіямъ — защитники стараго слога и добрыхъ старыхъ нравовъ. Въ «Арзамасѣ» (1815—1818) собрались представители сантиментальной школы, будущаго романтизма, защитники новаго слога, въ литературныхъ и общественныхъ мнѣніяхъ поклонники Карамзина, люди вообще болѣе образованные, чѣмъ «Бесѣда», знакомые съ новой европейской литературой, не враждебные къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ общественномъ порядкѣ, но вообще любившіе просвѣщеніе и свободу въ томъ самомъ платоническомъ родѣ, въ которомъ былъ такъ силенъ Карамзинъ. Въ серединѣ между тѣми и другими стоялъ кружокъ Оленина, въ которомъ и литературныя и общественныя мнѣнія (при всемъ талантѣ нѣкоторыхъ членовъ этого кружка) отличались умѣренностью, близкой къ индифферентизму. Наконецъ, молодой литературный кружокъ собрался главнымъ образомъ въ «Вольномъ обществѣ любителей словесности» или «Соревнователей просвѣщенія и благотворенія». Это было, впрочемъ, не тѣсное, частное общество, какъ Арзамасъ или кружокъ Оленина, а общество оффиціальное, соединенное благотворительной цѣлью; составъ его былъ очень смѣшанный, но въ редакціи изданія этого общества («Труды» и пр., или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», 1818 — 1825), работали въ особенности писатели молодого либеральнаго кружка.

Исторія этихъ кружковъ, особенно «Бесѣды» и «Арзамаса», достаточно извѣстна. Наши историки съ особенной любовью занимались «Арзамасомъ», собирали и пересказывали всякіе анекдоты объ этомъ невинномъ обществѣ, гдѣ люди, «довольно

зрѣлые», занимались совершенными пустяками, потому что и ихъ признанное дѣло—борьба съ Бесѣдой или Россійской Академіей—не было вовсе особенно труднымъ, а затѣмъ не оставалось ничего кромѣ простой, можетъ быть остроумной, но совершенно безплодной болтовни. Карамзинъ, пріѣхавши въ 1816 въ Петербургъ, былъ въ восторгѣ отъ арзамасцевъ: «здѣсь... всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы», писалъ онъ, и это должно было такъ быть. Арзамасцы были люди очень не глупые, иные даже очень талантливые и умные. Они любили «прекрасное», любили «человѣчество», по умѣренному и совершенно безопасному рецепту, не задавали себѣ никакихъ мудреныхъ вопросовъ и предпочитали спокойно пользоваться мірскими благами. Карамзинъ былъ ихъ полнымъ авторитетомъ, не только по его литературнымъ заслугамъ, но и по всему складу его мыслей: авторъ «Записки» (хотя вѣроятно имъ еще и неизвѣстной) нашелъ въ нихъ свою школу и своихъ приверженцевъ. Впослѣдствіи, одинъ изъ арзамасцевъ докончилъ недописанный XII-й томъ его исторіи.

Довольно понятно, что когда эти люди вздумали составить свое общество, имъ не представилось никакой серьезной цѣли: запасъ ума, какой у нихъ былъ, они обратили на то шутовство, о которомъ съ забавнымъ почтеніемъ разсказываютъ ихъ историки. Наиболѣе симпатичнымъ лицомъ въ этомъ обществѣ остается Жуковскій, который веселился здѣсь съ искренней простотой своего добродушія, еще нетронутаго соображеніями придворной службы...

Въ это полу-аристократическое литературное общество вступили, между прочимъ, и двое членовъ Союза, Мих. Ѳед. Орловъ, блестящій аристократъ, и Н. И. Тургеневъ, братъ котораго А. И., имѣвшій во всѣхъ лагеряхъ множество связей, былъ въ особенной дружбѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ Арзамаса. Н. И. Тургеневъ, чуждый литературнымъ интересамъ этого общества, находилъ однако удовольствіе въ его засѣданіяхъ, потому что разговоры не всегда вертѣлись на пустякахъ и, по словамъ его, это общество, пожалуй, можно было бы изобразить за такое же тайное общество, какъ Союзъ.

«Но я долженъ признаться,—говоритъ онъ,—что мое удовольствіе никогда не было полнымъ и безпримѣснымъ, потому что я никакъ не могъ вполнѣ привыкнуть къ отличавшему этихъ господъ духу осужденія и насмѣшки. Этотъ духъ особенно высказывался въ неистощимой болтовнѣ человѣка, который впослѣдствіи, составляя торжественный документъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это въ однихъ интересахъ справедливости, какъ

бы онъ долженъ былъ это сдѣлать, какъ будто находилъ удовольствіе разливать въ немъ всю желчь, какую только могло заключать его сердце...»

Подобное неудовлетворяющее впечатлѣніе Арзамасъ произвелъ и на другого члена Союза, сюда вступившаго, который и сдѣлалъ попытку обратить это литературное общество къ предметамъ, которые должны бы болѣе привлекать къ себѣ людей образованныхъ.

«Въ это литературное общество вступилъ генералъ М. Орловъ, съ которымъ я былъ тогда въ дружескихъ отношеніяхъ. Но вмѣсто того, чтобы по принятому обычаю произнести пародію надгробнаго слова какому-нибудь живому академику, онъ произнесъ серьезную рѣчь, въ которой указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками, тогда какъ положеніе отечества представляло такое обширное поприще уму всякаго человѣка, преданнаго общественному благу. Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ *ребяческія* забавы и обратиться къ предметамъ высокимъ и серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе; всѣ почувствовали справедливость и упрековъ и совѣтовъ новопринятаго. Но если пустого и неразумнаго стало потомъ меньше въ этомъ обществѣ, то полезнаго и разумнаго все-таки не прибавилось» [1]).

Объ этомъ собраніи Арзамаса говорится и въ запискахъ Вигеля. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что Блудовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Арзамаса, какимъ-то образомъ предупрежденный о намѣреніи Орлова, отвѣчалъ ему также приготовленной рѣчью. «Онъ доказывалъ невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ общества (—но Орловъ именно говорилъ, что его надо измѣнить). Касаясь *распространенія свѣта наукъ*, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей *всегда* обращается въ *факелъ зажигательства* (!); и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ [2]).

«Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только

---

[1]) La Russie, I, 171—173.

[2]) Припомнимъ, съ какимъ негодованіемъ въ прежнее время говорилъ о подобномъ сравненіи Уваровъ, въ письмѣ своемъ Штейну, въ 1813. Уваровъ былъ также членъ Арзамаса. Замѣтимъ еще, что «сіе сравненіе» было совершенно въ духѣ того Мѣшкова (Шишкова), надъ которымъ такъ величались и глумились члены Арзамаса. Ср. приведенное выше мнѣніе Шишкова по крестьянскому вопросу.

съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ: тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось перейти отъ нея къ чисто политическимъ вопросамъ... Въ этомъ году... Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ» [1]). Причиной было, между прочимъ, то, что разъѣхались нѣкоторые изъ его членовъ; но безъ сомнѣнія на остальныхъ подѣйствовала и нравственная причина— вѣроятно совѣстно было продолжать въ прежнемъ вкусѣ. Орловъ, между прочимъ, предлагалъ Арзамасу изданіе журнала, «коего статьи (по словамъ Вигеля) новостью и смѣлостью идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи». По нѣкоторымъ извѣстіямъ, такой журналъ готовился: для него написаны были статьи Уваровымъ, Батюшковымъ, Блудовымъ; Каподистрія обѣщалъ политическія извѣстія...; но журналъ все-таки не состоялся.

Изъ этой встрѣчи членовъ Союза съ членами Арзамаса можно видѣть свойства мнѣній тѣхъ и другихъ: когда первые стремились къ пробужденію общественной мысли и указывали этотъ трудъ умѣреннымъ либераламъ въ такой формѣ, которой они легко могли бы дать всю нужную мягкость; послѣдніе отвѣчали имъ тономъ, достойнымъ Магницкаго...

Въ 1818 году вышла въ свѣтъ «Исторія Государства Россійскаго». Извѣстно, какой восторженный пріемъ встрѣтило произведеніе Карамзина. Оно было, во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительнымъ «открытіемъ», какъ говорилъ о немъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ ученомъ и литературномъ значеніи «Исторіи», которое много разъ было объясняемо біографами Карамзина и историками литературы. Мы не будемъ также останавливаться на ея необыкновенномъ успѣхѣ, которому содѣйствовали и замѣчательныя достоинства этого труда, ученыя и литературныя, и новость произведенія, какого еще не видала русская литература, и прежняя слава писателя, и оффиціальное положеніе государственнаго исторіографа и хорошо извѣстное расположеніе къ нему двора,—вообще разныя, не только крупныя, но и мелкія причины. Въ числѣ ихъ едва ли не слѣдуетъ отмѣтить и самое время появленія книги. Это былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ возбужденныхъ моментовъ царствованія имп. Александра, и въ то время, когда едва успокоился встревоженный патріотизмъ, когда было свѣжо воспоминаніе о подвигахъ, льстившихъ національному чувству и вмѣстѣ самолюбію, когда въ обществѣ начиналось новое бро-

---

[1]) Зап. Вигеля, III, V, 52—53.

женіе идей и столкновеніе партій, «Исторія» должна была возбудить особенный интересъ: въ ней искали подтвержденія своей мысли или своего чувства люди самыхъ различныхъ воззрѣній; къ ней особенно обращались тѣ, чья мысль или чувство направлялись къ разрѣшенію встававшихъ вопросовъ національной жизни, тѣ, кто кромѣ непосредственнаго, такъ сказать, элементарнаго патріотическаго интереса, обращался къ ней и съ болѣе глубокимъ и болѣе сложнымъ интересомъ общественнымъ.

Либеральное молодое поколѣніе встрѣтило «Исторію» съ полнымъ уваженіемъ, какъ замѣчательное явленіе литературы, но не удовлетворилось ея тенденціей, и это очень естественно.

Произведеніе Карамзина, своими замѣчательными достоинствами, справедливо привлекало вниманіе общества, и для массы его оно представляло, по своей основной мысли, самое доступное, самое соотвѣтственное содержаніе. Эта основная мысль вполнѣ отвѣчала настроенію и понятіямъ огромнаго большинства, вѣрнаго старымъ нравамъ и преданіямъ, не подвергавшаго критикѣ ни прошедшаго, ни настоящаго. Въ этомъ большинствѣ «Исторія» получила непререкаемый, полный авторитетъ, и такой авторитетъ приписываетъ ей до сихъ поръ консервативная школа, которая даетъ ей значеніе истиннаго «національнаго» произведенія и т. п.

Но, въ болѣе тѣсномъ кругѣ общества, въ либеральномъ молодомъ поколѣніи (къ которому присоединялись отчасти и нѣкоторые «вольтеріянцы», уцѣлѣвшіе отъ екатерининскихъ временъ) «Исторія» Карамзина, мимо своего обще-литературнаго и мимо своего ученаго значенія, съ самаго начала встрѣтила противниковъ, которые не признавали этого авторитета. Ея литературныя и ученыя достоинства могли и могутъ находить равное сочувствіе у людей всякихъ партій и мнѣній, она могла удовлетворять огромное большинство общественно-политической тенденціей, лежавшей въ ея основаніи, но эта тенденція не могла находить такого-же сочувствія въ той области литературы и общества, гдѣ общественно-политическія мнѣнія приняли уже иное направленіе. Тенденція «Исторіи» была таже самая, какая изложена въ «Запискѣ». Эта послѣдняя не была тогда извѣстна публикѣ, но не мудрено было изъ «Исторіи» увидѣть вполнѣ исключительную систему воззрѣній, дѣлавшую Карамзина человѣкомъ партіи... Это и увидѣли его противники.

Позднѣйшіе критики не всегда принимали въ соображеніе эти двѣ разныя точки зрѣнія на «Исторію», или двѣ разныя стороны «Исторіи», и потому опредѣленія ея историческаго значенія въ литературѣ и общественной жизни до сихъ поръ не-

ясны и противорѣчивы у самихъ поклонниковъ Карамзина. Ея научное вліяніе на разработку предмета можно указать наглядными статистическими фактами нашей исторіографіи; ея вліяніе литературное также болѣе или менѣе ясно въ расширеніи художественнаго пониманія русской старины и въ усовершенствованіи языка, который воспринялъ много новыхъ элементовъ; но какъ общественно-политическая теорія, «Исторія» Карамзина, въ связи съ его «Запиской», была выраженіемъ консервативной массы общества и въ дальнѣйшемъ развитіи общественныхъ понятій эта теорія уже вскорѣ вызвала противодѣйствіе, потеряла силу и наконецъ обветшала, или сохранила только значеніе отрицательное, или значеніе точки отправленія... Въ этой неудачѣ нравственно-общественнаго или нравственно-политическаго вліянія «Исторіи» должны противъ воли соглашаться и сами поклонники Карамзина. Мы приводимъ въ примѣчаніи слова одного изъ выше нами упомянутыхъ панегиристовъ, который, въ формѣ похвалы или защиты Карамзина, высказываетъ именно такое признаніе. Чтобы избавиться отъ лишняго упрека въ пристрастіи, мы укажемъ фактъ словами самихъ панегиристовъ, хотя объясняемъ этотъ фактъ совершенно иначе [1]).

По словамъ самого панегириста, великое произведеніе Карамзина «потерялось» въ волнѣ мнѣній, и русскія поколѣнія «не успѣли воспитаться» на немъ, — т.-е. разумѣя его нравственно-политической смыслъ (потому что научное и спеціально-литературное значеніе и вліяніе «Исторіи» не подлежатъ никакому сомнѣнію); но смѣшно, конечно, говорить, что виноватъ въ этомъ «не Карамзинъ», а вся Россія, что виновата «эфемерность» на-

---

[1]) «Къ сожалѣнію,—говоритъ ораторъ казанскаго юбилея,—мы такъ мало жили умственною жизнью, такъ мало были ей обязаны, такъ быстро переходили отъ одного вліянія къ другому, что *великое созданіе* Карамзина *потерялось* въ перемѣнчивой волнѣ мнѣнія, выражавшаго не дѣйствительную, а воображаемую (?) жизнь общества. Извѣстно, что едва только Карамзинъ сошелъ въ могилу, какъ Полевой, недовольный его «государственною» точкою зрѣнія, объявляетъ свою исторію русскаго «народа»; увлеченіе Полеваго смѣнилось новымъ, и такъ далѣе. *Не было времени* исторіи Карамзина *получить то значеніе*, которое принадлежитъ ей по историческому праву и по достоинству; *не было времени русскимъ людямъ* остановиться, вглядѣться въ этотъ трудъ и надолго остаться подъ впечатлѣніями его, чтобъ проникнуться взглядомъ и убѣжденіями Карамзина. Русскія поколѣнія *не успѣли воспитаться* на историческомъ трудѣ Карамзина; образованіе такъ эфемерно у насъ, что въ нашей скороспѣлой наукѣ не можетъ быть такого уваженія къ ея прошлому, какъ въ наукѣ, давно пустившей глубокіе корни въ жизнь страны. Намъ не дождаться того, чтобъ въ жизни русской Карамзинъ получилъ хоть такое же значеніе, какое для англичанъ имѣютъ историки прошлаго вѣка: Юмъ, Гиббонъ, Робертсонъ... Но не Карамзинъ виноватъ въ этомъ» и проч. (Казанскій юбилей, стр. 106—107)

шего образованія. По своей философской мысли, по общественно политической системѣ, «Исторія» вовсе не такое геніальное произведеніе, которое бы опережало свой вѣкъ на многія поколѣнія чтобы его глубина раскрылась только для отдаленнаго потомства Напротивъ; и «Записка» Карамзина объясняетъ дѣло гораздо проще. Вина того, что «Исторія» потерялась въ волнѣ мнѣній, что наши поколѣнія не воспитались на ней, «не прониклись взглядомъ и убѣжденіями Карамзина», какъ утверждаетъ авторъ, виной этого, конечно, самъ Карамзинъ, и никто иной. Онъ вложилъ въ свой трудъ такую тенденцію, которая съ самаго начала отталкивала отъ себя людей, не менѣе его любившихъ отечество, но не видѣвшихъ для него счастія и спасенія въ порабощеніи общества, въ подавленіи его умственной, нравственной и гражданской свободы. Консервативная основная идея Карамзина была только сводомъ старыхъ общественныхъ понятій, вѣнцомъ традиціонныхъ идей, заканчивавшимъ старый періодъ общественнаго развитія; но она не давала никакой точки опоры для дальнѣйшаго развитія общественныхъ понятій, и содѣйствовала ему только косвеннымъ образомъ — тѣмъ великимъ содѣйствіемъ, какое «Исторія» оказала общему расширенію историческаго знанія.

Итакъ, общество не виновато, что поколѣнія не воспитались на историческомъ трудѣ Карамзина [1]), и — не *вслѣдствіе* эфемерности нашего образованія, а даже *несмотря* на нее. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни было эфемерно это образованіе, оно тотчасъ поняло, что воспитываться на нравственно-политическихъ взглядахъ Карамзина нельзя; оно, сознательно или инстинктивно, чувствовало, что эти взгляды невѣрны, что они не послужатъ въ прокъ общественному развитію, потому что льстятъ настоящему и его кореннымъ недостаткамъ, и, будучи враждебны всякой идеѣ общественной свободы, заглушаютъ въ обществѣ пытливую самодѣятельность и воспитываютъ общественное рабство и индифферентизмъ. Всю исторію народа и общества Карамзинъ совмѣщалъ въ исторію самаго исключительнаго «государства», и первая попытка «эфемернаго» образованія направилась къ тому, чтобы исправить эту односторонность, крайне вредную въ ея дальнѣйшихъ выводахъ, обративъ вниманіе на исторію

---

[1]) Надо впрочемъ оговориться, что панегиристъ въ этомъ случаѣ не совсѣмъ точенъ. Поколѣнія напротивъ воспитывались, потому что Карамзинское пониманіе исторіи получило оффиціальную санкцію и перешло въ учебники. Таковы были, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями противъ Карамзина, учебники Устрялова, дѣйствующіе и до сихъ поръ. Вопросъ только въ томъ, какіе результаты приносило это воспитаніе.

«народа». Попытка Полеваго была неудачна, — потому что у него еще не было на это научныхъ средствъ: Полевой былъ самоучка и его образованіе было въ особенности эфемерно, но инстинктъ, руководившій имъ, былъ совершенно вѣренъ, какъ это доказалъ весь послѣдующій ходъ нашей исторіографіи. Трудъ Карамзина продолжалъ оказывать чрезвычайную помощь своимъ научнымъ богатствомъ, но съ каждымъ періодомъ нашей умственной жизни общественно-политическая точка зрѣнія Карамзина болѣе и болѣе теряла вѣру, ослабѣвала въ общественныхъ понятіяхъ, его система все болѣе являлась невозможной въ ея примѣненіяхъ къ настоящему, и въ прошедшемъ все большій интересъ возбуждали тѣ народные элементы исторической жизни, которымъ онъ давалъ всего меньше мѣста. Нынѣшнее пониманіе даже древней русской исторіи очень мало похоже на теорію Карамзина....

Либеральное молодое поколѣніе тогда же увидѣло этотъ смыслъ «Исторіи», и отдавая всю справедливость таланту и учености автора, высказало однако свое несогласіе съ основной мыслью «Исторіи». Въ біографіи Карамзина, г. Погодина, приведены любопытные отрывки изъ мнѣнія объ «Исторіи», написаннаго Никитой Мих. Муравьевымъ, сыномъ покровителя Карамзина и однимъ изъ главныхъ руководителей тайнаго общества. Это мнѣніе молодого критика, насколько мы знаемъ его по выпискамъ г. Погодина, даетъ намъ чрезвычайно интересный образчикъ общественныхъ и историческихъ понятій кружка, которымъ нельзя отказать въ умѣ, какъ и замѣчаніямъ противъ Карамзина—въ справедливости.

Авторъ вѣроятно ожидалъ, что книга Карамзина вызоветъ критику и указаніе ошибокъ его системы, и спрашиваетъ, неужели это твореніе не возбудило различныхъ сужденій, вопросовъ, сомнѣвій? «Горе странѣ, гдѣ всѣ согласны (т.-е. гдѣ нѣтъ самостоятельныхъ умовъ, которые не ограничились бы однимъ неразсуждающимъ восхваленіемъ). Можно ли ожидать тамъ успѣховъ просвѣщенія? Тамъ спятъ силы умственныя; тамъ не дорожатъ истиною, которая, подобно славѣ, пріобрѣтается усиліями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода сужденіямъ читателей!»

Карамзинъ, въ предисловіи, объясняя пользу исторіи, говоритъ: «Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи.... Должно знать, какъ искони *мятежныя страсти* волновали гражданское общество, и какими способами *благотворная власть ума обуздывала* ихъ бурное стремленіе, чтобъ учредить

порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное счастіе». Критикъ дѣлаетъ на это слѣдующія замѣчанія:

«Исторія представляетъ намъ иногда, какъ благотворная власть обуздывала бурное стремленіе мятежныхъ страстей. Но согласимся, что сіи примѣры рѣдки. Обыкновенно страстямъ противятся другія же страсти: борьба начинается, способности душевныя и умственныя съ обѣихъ сторонъ пріобрѣтаютъ наибольшую силу. Наконецъ противники утомляются, познаютъ общую выгоду, и примиреніе заключается благоразумною опытностію. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народовъ, къ коимъ принадлежатъ они сами, быть благоразумнѣе вѣка и удерживать стремленіе цѣлыхъ обществъ. Слабы соображенія наши противъ естественнаго хода вещей....

«Вообще отъ самыхъ первыхъ временъ однѣ и тѣже явленія. Отъ времени до времени рождаются новыя понятія, новыя мысли,—онѣ долго маятся, созрѣваютъ, потомъ быстро распространяются и производятъ долговременныя волненія, за которыми слѣдуетъ новый порядокъ вещей, новая нравственная система.

«Какой умъ можетъ предвидѣть и объять эти волненія? Какая рука можетъ управлять ихъ ходомъ? Кто дерзнетъ въ высокомѣріи своемъ *насильствами* учреждать и самый порядокъ? Кто противустанетъ одинъ общему мнѣнію? Мудрый и добродѣтельный человѣкъ не прибѣгаетъ въ такихъ обстоятельствахъ ни къ ухищренію, ни къ силѣ. Слѣдуя общему движенію, благая душа его будетъ только направлять оное уроками умѣренности и справедливости. Насильственныя средства и беззаконны и гибельны; ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и тоже..»

Карамзинъ выражаетъ мысль, что исторія нужна и для простого гражданина, потому что миритъ его съ несовершенствами жизни, какъ съ обыкновеннымъ ея явленіемъ, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, показывая, что онѣ были и прежде и еще болѣе ужасныя, и государство не разрушалось. Критикъ возражаетъ на это совершенно справедливо:

«Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищъ всего земного; но исторія должна ли погружать насъ въ *нравственный сонъ квіетизма*? Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противу заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствами, не удовлетвореніе суетнаго любопытства,

не пища чувствительности, не забавы праздности составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши, и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ....»

Критикъ замѣчаетъ далѣе, что и несовершенства бываютъ различны, что вѣкъ Фабриціевъ не былъ похожъ на вѣкъ Нерона или Геліогабала, и что многія несовершенства не были и обыкновенными явленіями жизни.

«Преступленія Тиверія, Калигулы, Каракаллы, опустошавшаго одинъ городъ послѣ другого, принадлежатъ ли къ обыкновеннымъ явленіямъ вѣковъ? Наконецъ, несовершенства великодушнаго, воинственнаго народа временъ Святослава и Владимира, сходствуютъ ли съ несовершенствами временъ порабощенной Россіи, когда цѣлый народъ могъ привыкнуть къ губительной мысли необходимости...... [1]). Еще унизительнѣе для нравственности народной эпоха *возрожденія* нашего, рабская хитрость Іоанна Калиты, далѣе холодная жестокость Іоанна III, лицемѣріе Василія и ужасы Іоанна IV.

«Исторія можетъ ли также утѣшить насъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее?... Государственныя бѣдствія могутъ имѣть послѣдствіемъ и разрушеніе самаго государства. Въ 98 году Венеціане, читая въ лѣтописяхъ своихъ, какъ нѣкогда они противились Камбрейскому союзу, могли ли тѣмъ утѣшиться, теряя свою независимость и славу?

«Не всѣ согласятся, чтобъ междоусобія удѣльныхъ князей были маловажны для разума: ими подтверждается извѣстный стихъ Горація:

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi [2])».

Далѣе критикъ приводитъ слова Карамзина объ удѣльныхъ междоусобіяхъ: «Толпы дѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома; не много разности, ежели забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи, и статуи Фидіасовы»,—и возражаетъ на это:

---

[1]) За словомъ: необходимости, въ текстѣ г. Погодина поставлена точка. Но здѣсь очевидно недостаетъ нѣсколькихъ словъ; рѣчь идетъ конечно о необходимости какихъ-нибудь учрежденій грубаго характера, какія возникали въ тѣ времена.

[2]) Эту же мысль критикъ указываетъ въ словѣ о полку Игоревѣ: «въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкомъ сократишася».

«Я нахожу нѣкоторую разность. Тамъ граждане сражались за власть, въ которой они участвовали; здѣсь слуги дрались по прихотямъ господъ своихъ. Мы не можемъ забыть, что *полутигры Грецiи* наслаждались всѣми благами земли, свободою и славой просвѣщенiя».

Наконецъ, критикъ не соглашается съ Карамзинымъ, что главное въ исторiи—красота повѣствованiя и сила, что знанiе правъ, ученость, остроумiе, глубокомыслiе не замѣняютъ таланта изображать дѣйствiе. «Сомнѣваюсь,—говоритъ критикъ.... Мнѣ кажется, что главное въ исторiи есть дѣльность оной. Смотрѣть на исторiю единственно какъ на литературное произведенiе, есть уничижать оную. Мудрому историку мы простимъ недостатокъ искусства; краснорѣчиваго осудимъ, ежели не знаетъ основательно того, о чемъ повѣствуетъ.

«Осуждая холодность Юма, нашъ писатель весьма справедливо замѣчаетъ, что «любовь къ отечеству даетъ кисти историка жаръ, силу, прелесть! Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души». Согласенъ; но часто ли попадались Юму Алфреды, и можно ли любить притѣснителей и заклепы? Тацита одушевляло негодованiе» [1]).

Эти замѣчанiя были послѣдовательнымъ примѣненiемъ тѣхъ самыхъ мнѣнiй, какими руководились либералы и въ своихъ взглядахъ на настоящее. Замѣчанiя эти, быть можетъ, не вездѣ отчетливо развитыя или выраженныя, во многомъ безъ сомнѣнiя совершенно справедливы; нравственный ихъ смыслъ есть благородное стремленiе служить обществу и его интересамъ, и отвращенiе отъ того, что́ критикъ справедливо назвалъ квiетизмомъ и что́ дѣйствительно составляетъ одинъ изъ существенныхъ пороковъ въ карамзинской морали.

О томъ впечатлѣнiи, какое произвела въ молодыхъ кружкахъ «Исторiя», мы имѣемъ и другiя свидѣтельства. Г. Погодинъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что «молодой Пушкинъ.... при всемъ своемъ благоговѣнiи къ Карамзину, которое у него возрастало во всю жизнь, не могъ преодолѣть искушенiя сказать острое слово, и выразилъ общее настроенiе окружавшей его передовой молодежи, въ двухъ эпиграммахъ, одна другой злѣе». Эти эпиграммы были слѣдующiя:

Въ его Исторiи изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

---

[1]) «Н. М. Карамзинъ», г. Погодина, т. II, стр. 198—203.

Или:

Послушайте меня, я сказку вамъ скажу
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
— И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи намъ Илью-богатыря [1]).

Г. Погодинъ справедливо замѣчаетъ, что эти эпиграммы имѣютъ для насъ историческое значеніе, какъ отголосовъ мнѣній, отъ которыхъ самъ Пушкинъ впослѣдствіи торжественно отказывался. Дѣйствительно, мнѣнія Пушкина впослѣдствіи чрезвычайно измѣнились сравнительно съ прежнимъ: Пушкинъ около 1820 года и въ концѣ двадцатыхъ годовъ, это были точно два различные человѣка по свойству общественныхъ взглядовъ.

Карамзинъ относился къ «либералистамъ» съ нетерпимостью, которую мы имѣли случай указывать.

Г. Погодинъ разсказываетъ, что Н. Муравьевъ, изъ уваженія къ Карамзину, показалъ ему свою записку прежде всѣхъ. «Николай Михайловичъ *предоставилъ* ему сообщать ее кому пожелаетъ». Но какъ же онъ могъ бы не предоставить? Его отзывы о «либералистахъ»,—этихъ отзывовъ можно много собрать изъ его переписки,—вообще были самые недружелюбные. Онъ зналъ лично многихъ представителей либеральнаго кружка (напр. Муравьевыхъ, Н. И. Тургенева, Ѳ. Н. Глинку и др.) и не могъ отказать многимъ изъ нихъ въ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ; они, съ своей стороны, не соглашаясь съ его взглядами, имѣли, повидимому, полное къ нему довѣріе [2]) и высказывали откровенно свой образъ мыслей. Не знаемъ, платилъ ли онъ имъ тѣмъ же довѣріемъ.... Въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ, когда онъ представилъ ему извѣстную записку о Польшѣ (1819), между прочимъ Карамзинъ сказалъ: Sire, je méprise les libéralistes du jour; je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter.... [3]) Можно было бы спросить: имѣлъ ли онъ право на такое презрѣніе? Зналъ ли онъ достаточно, чего хотѣли либералисты, оцѣнилъ ли онъ добросовѣстно ихъ мнѣнія?... Въ мнѣніяхъ либералистовъ могли быть увлеченія и крайности, отъ которыхъ едва ли когда избавится энтузіазмъ молодыхъ поколѣній, и которыя были особенно понятны въ ту эпоху, когда либераловъ окружала такая путаница поня-

---

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 204.

[2]) По словамъ г. Погодина, Карамзинъ бывалъ и въ самомъ кружкѣ друзей Ник. Муравьева, см. т. II, стр. 203, прим.

[3]) Неиздан. Сочин., стр. 9.

тій въ общественной жизни и въ самомъ правительствѣ: достало ли у Карамзина «любви къ человѣчеству», чтобы отнестись дружелюбно къ молодому поколѣнію общества; потрудился ли Карамзинъ отдѣлить крайности отъ самаго зерна ихъ мнѣній, и судить о немъ съ той добросовѣстностью, какой требуетъ уваженіе къ чужому убѣжденію, уваженіе къ самому предмету спора,—потому что этимъ предметомъ было тоже благо отечества, чувствомъ, одушевлявшимъ либераловъ, была таже любовь къ отечеству, въ которой они вовсе ему не уступали? Мы не знаемъ подробностей его разговора съ имп. Александромъ, но разговоръ долженъ былъ идти объ отношеніяхъ Россіи и Польши,—и мы указывали выше, съ какимъ ревнивымъ національнымъ чувствомъ либералы отнеслись къ этому предмету: если *это* было тогда пробнымъ камнемъ національнаго пониманія и патріотическаго чувства, то въ этомъ они нисколько не уступили Карамзину. Къ чему же могло относиться его презрѣніе? было ли во враждѣ Карамзина къ либерализму истинное гражданское чувство, или самая обыкновенная нетерпимость консерватизма, непониманіе другихъ и озлобленіе самолюбиваго ума, раздражаемаго противорѣчіемъ?

Въ 1816 году, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія своей исторіи, всѣ его принимали съ великими любезностями. Но, «нашелся одинъ человѣкъ, — пишетъ Карамзинъ, — старый знакомецъ (какъ предполагаютъ, Козодавлевъ), который принялъ меня весьма холодно и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, contraire aux idées libérales, то-есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара» [1]). Карамзинъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ знать различіе этихъ именъ, и примѣненіе ихъ всѣхъ къ русскому знакомцу, особенно къ русскому министру (если это былъ дѣйствительно Козодавлевъ), даетъ понятіе объ «умѣренности» Карамзина....

Карамзинъ, повидимому, имѣлъ притязаніе ставить себя выше всѣхъ партій.

«Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! — восклицаетъ онъ. Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію?... Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка; ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, либералисты хотятъ новаго безпорядка (!); ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ....

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастія людей? Но есть ли счастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? (!!)

---

[1]) Тамъ же, стр. 146.

«Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе» [1]).

Эта мнимая широта мысли, восхваляемая его біографами, есть скорѣе совершенный отказъ отъ нея — тотъ квіетизмъ, который вѣрно указывалъ Муравьевъ, квіетизмъ, конечно, совершенно безплодный, и наконецъ чрезвычайно скучный по своей плаксивой формѣ.... Можно себѣ представить, что́ долженъ былъ Карамзинъ говорить въ своихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ въ послѣдніе годы его жизни.

Переходимъ къ другимъ явленіямъ тогдашней литературы.

Г. Тургеневъ разсказываетъ, что онъ задумывалъ издавать журналъ, который бы служилъ въ особенности для развитія политическихъ идей въ русскомъ обществѣ, слишкомъ мало знакомомъ съ подобными предметами [2]). Это была таже мысль, какую предлагалъ Мих. Орловъ въ Арзамасѣ; не знаемъ, была ли связь между самымъ планомъ г. Тургенева и тѣмъ, какой вслѣдствіе предложенія Орлова возникалъ въ Арзамасѣ. Идея такого журнала была, безъ сомнѣнія, очень здравая. Русскому обществу и до сихъ поръ недостаетъ самыхъ элементарныхъ политическихъ понятій, а тогда тѣмъ болѣе; очевидно между тѣмъ, что развитіе этихъ понятій существенно важно для пробужденія въ обществѣ какого-нибудь пониманія своихъ внутреннихъ дѣлъ.... Журналъ не состоялся, но г. Тургеневъ издалъ одинъ изъ своихъ трудовъ по этимъ предметамъ. Это былъ извѣстный «Опытъ теоріи налоговъ» (Спб. 1818; два изданія).

Книга г. Тургенева — въ которой мы должны видѣть, между прочимъ примѣръ того, какъ представители перваго тайнаго общества думали дѣйствовать на общественное мнѣніе—любопытна и вообще, какъ свидѣтельство тогдашнихъ стремленій литературы. Это есть вполнѣ серьезный трудъ, написанный съ большимъ знаніемъ предмета, съ знаніемъ европейской политической и политико-экономической литературы. Авторъ излагаетъ теорію налоговъ съ постоянными практическими указаніями изъ исторіи и современнаго порядка европейскихъ государствъ, такъ что серьезное изложеніе теоріи становилось доступно для всякаго образованнаго читателя. Книга написана была авторомъ, когда онъ жилъ еще за границей, и этимъ онъ объясняетъ, по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 194—195.

[2]) La Russie, I, стр. 111 и слѣд. Объ одномъ собраніи у г. Тургенева по поводу этого журнала упоминаетъ и И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ. На собраніи былъ, между прочимъ, извѣстный профессоръ Куницынъ. См. объ этомъ предполагавшемся журналѣ въ письмѣ А. И. Тургенева къ Дмитріеву. Р. Арх. 1867, стр. 647.

чему въ его книгѣ мало говорится о налогахъ, существующихъ въ Россіи; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста и въ примѣчаніяхъ авторъ дѣлалъ весьма существенныя указанія и о русскомъ порядкѣ налоговъ: объясняя важность финансоваго вопроса для всего государственнаго существованія, онъ давалъ понять, какъ многаго еще недостаетъ финансовымъ учрежденіямъ Россіи, указывалъ низкую степень русской системы налоговъ сравнительно съ европейскими (замѣтимъ, что сущность этой системы сохранилась у насъ до сихъ поръ), говорилъ противъ подушной подати, указывалъ болѣе раціональную систему налоговъ, наконецъ объяснялъ необходимость гласности (новаго понятія, для выраженія котораго, рядомъ съ этимъ словомъ, онъ еще употребляетъ слово «публицитетъ»), и указывалъ вредъ крѣпостного права [1]). «Благоустроенное государство,—говорилъ онъ по поводу крѣпостного права — не должно созидать своего благоденствія на *несправедливости*; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа». «Успѣхи Россіи, при такомъ духѣ народа и правительства, каковый существуетъ въ отечествѣ нашемъ, были бы еще *совершеннѣе*, естьли бы общей дѣятельности, общему стремленію къ образованности и къ благосостоянію, не препятствовало *существованіе рабства*» [2]). «Роскошь дворянъ въ Россіи часто доказываетъ только то, что они имѣютъ крѣпостныхъ крестьянъ, коихъ силами и способностями, а равно и капиталами, они по своему произволенію располагать могутъ. И потому *роскошь въ Россіи болѣе печалитъ* внимательнаго наблюдателя, нежели въ иностранныхъ государствахъ». Авторъ замѣчаетъ, что когда приверженцамъ крѣпостного права говорятъ о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ или о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая часто въ своихъ дѣйствіяхъ противна религіи и нравственности, то они — «дѣлали восклицанія противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влещи за собою уничтоженіе религіи и законовъ. Пусть сіи люди заглянутъ въ исторію (говоритъ авторъ). Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства,

---

[1]) «Опытъ теоріи налоговъ», стр. 134—137, 141—142, 269, 291, 309.

[2]) Въ нашемъ экземплярѣ «Опыта», принадлежавшемъ старой библіотекѣ для чтенія и исчещренномъ замѣтками на поляхъ, неизвѣстный читатель отмѣтилъ противъ этого мѣста: «NB. И видно карбонара».

возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія?»... Такія мысли высказывалъ авторъ объ русскихъ дѣлахъ. Безъ сомнѣнія, въ нихъ было гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ въ меланхолическихъ стенаніяхъ Карамзина, и больше истиннаго гражданскаго чувства, чѣмъ въ его «презрѣніи» къ либералистамъ, которыхъ онъ не понималъ и противъ которыхъ онъ возстановлялъ императора Александра въ интимныхъ бесѣдахъ.

Чтобы кончить наши замѣчанія о тогдашней литературѣ, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, въ нашемъ обществѣ обнаруживались вообще признаки умственной жизни, какой оно еще не выказывало прежде. Къ этому времени, столь богатому внѣшними возбужденіями, начали созрѣвать учрежденія, основаніе которымъ было положено въ началѣ царствованія. Новые университеты еще мало дѣйствовали на умственное движеніе, но въ нихъ уже являются ученые новаго поколѣнія, довершившіе свое образованіе за границей. На русскомъ языкѣ едвали не въ первый разъ являются книги по общественнымъ наукамъ, писанныя болѣе или менѣе самостоятельно,—таковы были труды Куницына, Арсеньева; попытки усвоить русской литературѣ послѣдніе плоды нѣмецкой философіи, какъ напр. сочиненія Велланскаго, Галича, Осиповскаго; въ тѣни «Исторіи государства Россійскаго» подготовляются новые опыты исторической критики, и т. д.

Кромѣ университетовъ, въ ряду образовательныхъ учрежденій выдвигаются особенно два учрежденія, которыя оба были характеристическимъ произведеніемъ Александровскаго времени и оба оставили свой слѣдъ въ общественномъ движеніи. Одно изъ нихъ было Московское учебное заведеніе для Колонновожатыхъ, основанное Никол. Никол. Муравьевымъ (1768—1840), отцомъ многочисленной семьи Муравьевыхъ, различнымъ образомъ достопамятныхъ въ нашей недавней исторіи. Другое учрежденіе былъ Царскосельскій лицей (основанный въ 1811).

Знаменитое училище для Колонновожатыхъ произошло изъ домашнихъ лекцій математики и военныхъ наукъ, начатыхъ Муравьевымъ - отцомъ для небольшого числа товарищей его сына (Михаила), тогда студента въ московскомъ университетѣ. Молодые люди устроили общество для изученія этихъ наукъ, состоявшее большей частью изъ студентовъ и кандидатовъ университета, къ которымъ присоединились и нѣкоторые преподаватели; въ домѣ Муравьева основались правильныя публичныя и безплатныя лекціи для желающихъ заниматься этими предметами. Общество получило оффиціальное утвержденіе (въ апр. 1811);

правительство обратило на него вниманіе въ ожиданіи, что оно будетъ содѣйствовать къ образованію колонновожатыхъ, или офицеровъ по квартирмейстерской части. Двѣнадцатый годъ прервалъ занятія общества, и самъ Н. Н. Муравьевъ вступилъ снова (полковникомъ) въ военную службу. Въ 1815 году онъ опять вышелъ въ отставку и снова занялся преподаваніемъ любимыхъ предметовъ молодымъ людямъ изъ своихъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ. Учебное заведеніе организовалось вновь и пользовалось правами казеннаго заведенія: воспитанники его принимались съ извѣстными чинами въ специальную службу, къ которой они премущественно готовились. Заведеніе существовало въ Москвѣ до 1823 года, когда разстройство здоровья и домашнихъ обстоятельствъ не позволили Муравьеву дѣлать больше пожертвованій на это учрежденіе. Оставшіеся воспитанники были переведены въ Петербургъ, гдѣ устроилось казенное училище для колонновожатыхъ, существовавшее до 1826 года. Съ 1816 до 1823 г. въ московское заведеніе поступило вообще 180 молодыхъ людей, большая часть которыхъ вступила потомъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части; можно даже сказать, что большая часть офицеровъ гвардейскаго штаба того времени были учениками Муравьева [1]).

Здѣсь учились Никита Муравьевъ (тотъ критикъ Карамзина, о которомъ мы выше упоминали), Бурцевъ, кн. В. С. Голицынъ, Басаргинъ, Колошинъ, двое кн. Трубецкихъ, Мухановы и т. д.

Это замѣчательное учрежденіе, существовавшее частными средствами, было однимъ изъ лучшихъ выраженій того общественнаго духа, который пробуждается въ русскомъ обществѣ временъ импер. Александра. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ давало имъ нравственное содержаніе, развивало въ нихъ сознательную и вмѣстѣ идеальную любовь къ отечеству, и ревностное желаніе служить его благу. Характеръ времени увлекъ потомъ многихъ изъ нихъ въ тревожныя волненія тайныхъ обществъ... [2]).

Царскосельскій лицей началомъ своимъ также принадлежитъ первой половинѣ царствованія. Основанный съ цѣлью готовить молодыхъ людей къ высшимъ сферамъ гражданской службы, лицей окруженъ былъ всей матеріальной и воспитательной роскошью, какая была возможна въ то время. Директоромъ лицея,

---

[1]) Современникъ, 1852, V, стр. 1—26. См. также Р. Вѣстникъ, С. Глинки, 1817, № I: «Усердіе къ отечеству Н. Н. Муравьева».

[2]) Объ этомъ заведеніи см. также напечатанныя недавно, очень любопытныя выдержки изъ записокъ декабриста Н. В. Басаргина, въ Р. Арх. 1868, стр. 793 и слѣд.

послѣ мягкаго Малиновскаго, былъ извѣстный Е. А. Энгельгардтъ, прекрасный педагогъ и почтенный человѣкъ, честный и независимый. Въ числѣ профессоровъ извѣстно имя Куницына, которое съ любовью сохранялось въ воспоминаніяхъ первыхъ лицеистовъ. Въ лицейскую программу внесены были, кромѣ широкаго курса общаго образованія, общественныя и политическія науки, которыя въ изложеніи Куницына стали важнымъ образовательнымъ средствомъ. Въ воспитанникахъ возбуждались и поддерживались литературные интересы, которые съ самаго начала привились къ лицейскому кружку. Исторія первыхъ лѣтъ лицея достаточно извѣстна; первый кружокъ лицейскихъ воспитанниковъ освѣщается личностью Пушкина, мальчика, потомъ юноши, который по выходѣ изъ лицея тотчасъ занимаетъ высокое мѣсто въ русской литературѣ. Вокругъ него сближаются всѣ поколѣнія литературы, отъ Державина, котораго онъ привелъ въ восторгъ, до самаго юнаго поколѣнія, въ которомъ поэзія Пушкина господствовала безраздѣльно.

Лицейское воспитаніе началось подъ впечатлѣніями двѣнадцатаго года; первый выпускъ воспитанниковъ оставилъ лицей въ тотъ періодъ, когда молодая часть общества, особенно аристократическо-военнаго, была полна идеальными гражданскими увлеченіями. Ближайшій лицейскій другъ Пушкина, И. И. Пущинъ, тотчасъ по выходѣ изъ лицея вступилъ въ первое тайное общество, основанное въ 1817 году. Самъ Пушкинъ не былъ его членомъ ни теперь, ни послѣ, но онъ подозрѣвалъ, потомъ положительно зналъ его существованіе, иногда самъ порывался вступить въ него, — но его не принимали, отчасти бережливо охраняя геніальнаго поэта отъ роковыхъ случайностей тайнаго общества, отчасти не довѣряя его подвижному, непостоянному, ненадежному характеру.

Пушкинъ велъ самую разсѣянную жизнь, бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, любилъ быть въ аристократіи, къ которой имѣлъ слабость причислять себя и въ которой, ради этого тщеславія, хотѣлъ являться не поэтомъ, а «шестисотлѣтнимъ дворяниномъ», — но много его симпатій было именно въ этомъ кружкѣ. Живя въ Петербургѣ, и потомъ въ ссылкѣ, въ южной Россіи, Пушкинъ сходился болѣе или менѣе близко со многими людьми, игравшими тогда или нѣсколько позже руководящую роль въ либеральномъ движеніи, а также въ тайномъ обществѣ. Таковы были его отношенія и встрѣчи съ А. А. Бестужевымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, П. И. Пестелемъ, Мих. Ѳед. Орловымъ; выше мы называли И. И. Пущина и П. Я. Чаадаева. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Выше

было сказано, какъ въ обществѣ этого времени, среди увлеченій либерализмомъ и столкновеній съ дѣйствительностью, развилась цѣлая легкая литература, не попадавшая въ печать, литература, въ которой недовольство и остроумная насмѣшка сдерживались тѣмъ меньше, чѣмъ больше цензура стѣсняла ихъ въ печати. Въ то время, какъ либералы тайнаго общества приходили къ убѣжденію въ испорченности различныхъ формъ русской жизни, въ необходимости ввести въ нее новыя идеи и учрежденія, эта литература—безъ всякой связи съ тайнымъ обществомъ — дѣйствовала противъ тѣхъ же людей и вещей, которые, по мнѣнію общества, были виною застоя и бѣдствій русскаго народа, противъ смѣшныхъ и уродливыхъ явленій русской жизни. Богатый талантъ и остроуміе Пушкина были неистощимы въ эпиграммахъ, мелкихъ и крупныхъ стихотвореніяхъ, выражавшихъ это зарожденіе независимаго общественнаго мнѣнія. У насъ всего чаще ославляли этотъ разрядъ стихотвореній Пушкина, какъ дѣло легкомыслія, отъ котораго впослѣдствіи онъ самъ «торжественно отказывался». Правда, нѣкоторыя изъ стихотвореній этой поры были только легкомысленны; за то, во множествѣ другихъ, эпиграмма наводила и на серьезныя мысли, или ея легкомысленная форма совершенно оправдывалась самой сущностью дѣла: чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, надо было дѣйствовать противъ людей, противъ которыхъ безполезно, а кромѣ того и невозможно было бы спорить инымъ образомъ? Таковы были его эпиграммы на кн. А. Н. Голицына, Аракчеева, архим. Фотія, и другія подобныя. Это было единственное возможное отмщеніе за нарушаемый здравый смыслъ. Стихотворенія Пушкина ходили по рукамъ, переписывались, читались наизусть. «Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ»,—говорятъ современники, и этому можно повѣрить, потому что и тридцать лѣтъ спустя эти стихотворенія еще ходили по рукамъ въ тетрадкахъ и усердно переписывались, когда потерялась уже и ихъ современность.

Тайное общество, которому впослѣдствіи приписывали и распространеніе возмутительныхъ стихотвореній, было здѣсь ни при чемъ, потому что Пушкинъ вовсе не принадлежалъ къ тайному обществу, стихотворенія его были его собственнымъ отзывомъ, котораго никто ему не внушалъ, кромѣ общаго мнѣнія образованныхъ людей[1]). Также независимо отъ внушеній тайнаго общества началъ дѣйствовать другой поэтъ съ несравненно меньшимъ талан-

---

[1]) О томъ, насколько вообще можно было приписывать именно тайному обществу появленіе этой мелкой насмѣшливой литературы, см. еще характеристическое замѣчаніе у г. Тургенева, I, стр. 231.

томъ, но несравненно сильнѣе увлекавшійся тѣмъ движеніемъ, которое захватывало и Пушкина и внушало ему свободолюбивыя стихотворенія. Этотъ поэтъ былъ Рылѣевъ. Задолго до того времени, какъ онъ вступилъ въ тайное общество, онъ уже не отличался отъ его членовъ по своему пламенному энтузіазму. Его имя вдругъ пріобрѣло извѣстность, когда появилось первое напечатанное его стихотвореніе «къ Временщику» (подражаніе Персіевой сатирѣ «къ Рубеллію»), въ журналѣ «Невскій Зритель», 1820 года. Всѣ узнали во «Временщикѣ» Аракчеева. Одинъ современникъ такъ описываетъ впечатлѣніе этого смѣлаго литературнаго подвига: «Въ томъ положеніи, въ какомъ была.... Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ.... Этотъ приближенный вельможа... безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ... Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя... Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины.... Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему: но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо.... глухой шопотъ одобреній былъ наградою юнаго, правдиваго поэта». Стихотвореніе дѣйствительно отличается чрезвычайной энергіей, въ которой сказывалось глубоко возбужденное чувство. Оно открывалось слѣдующими стихами:

> «Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
> Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
> Неистовый тиранъ родной страны своей,
> Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
> Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
> И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!

Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ»!
и проч. [1])

Изъ приведенныхъ фактовъ можно отчасти видѣть характеръ политическихъ мнѣній Союза Благоденствія въ первую пору его существованія и можно также видѣть, что сущность этихъ мнѣній создавалась самымъ временемъ, что онѣ принадлежали не однимъ только членамъ Союза, но цѣлому слою общества. Въ этихъ политическихъ мнѣніяхъ главнымъ элементомъ оставалось стремленіе къ политическому образованію общества, личная дѣятельность членовъ въ практической жизни, направленная къ различнымъ улучшеніямъ, стремленіе къ освобожденію крестьянъ и т. п. Вопросъ о необходимости болѣе широкихъ государственныхъ реформъ былъ теперь только затронутъ и повидимому оставался на чисто теоретической точкѣ зрѣнія.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, чтó происходило въ средѣ самаго Союза. Одно время онъ быстро распространялся, число членовъ размножалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, обнаруживалась и трудность идти этимъ путемъ къ какой-нибудь положительной цѣли. За первымъ впечатлѣніемъ дружной солидарности людей разныхъ сферъ и однихъ мнѣній, слѣдовало недоумѣніе о томъ, чтó предпринять для поставленной себѣ цѣли. Между членами начинаются жалобы, что Союзъ ничего не дѣлаетъ; по мнѣнію однихъ слѣдовало дѣйствовать рѣшительно, другіе думали, что Союзъ и не можетъ больше ничего сдѣлать, кромѣ того, что онъ уже дѣлалъ [2]). Раздѣленіе общества на сѣверное и южное (въ Петербургѣ и въ южной арміи) еще болѣе разъединяло ихъ дѣйствія. Многіе изъ членовъ или совсѣмъ отставали отъ общества, или оказывались не вполнѣ надежными. Вслѣдствіе всего этого явилась, наконецъ, мысль о пересмотрѣ программы Союза, для чего депутаты отъ обоихъ отдѣловъ общества собрались въ Москвѣ въ началѣ 1821 года. Результатомъ ихъ совѣщаній было закрытіе Союза Благоденствія (въ февралѣ 1821).

---

[1]) «Невскій Зритель», 1820, ч. IV, окт., стр. 26.

[2]) Выше мы указывали, что сами члены жаловались, что общество «дремлетъ». Любопытныя и чрезвычайно похожія на правду подробности о тогдашнемъ состояніи общества передаетъ г. Тургеневъ, I, стр. 106 — 107, 174—175. Въ сущности, почти трудно было сказать, что общество существуетъ, — потому что оно почти не имѣло никакой особенной тайной дѣятельности; съ другой стороны, молва чрезвычайно преувеличивала его важность.

Мы не входимъ вообще въ частныя и личныя подробности этой исторіи и не будемъ разбирать спорнаго пункта о томъ, было ли это закрытіе дѣйствительнымъ уничтоженіемъ Союза, какъ говорятъ одни изъ участвовавшихъ въ этомъ рѣшеніи, или это закрытіе было только фиктивное, сдѣланное для удаленія нерѣшительныхъ и сомнѣвающихся членовъ и для преобразованія Союза по другой программѣ, какъ положительно говорятъ другіе. Такъ или иначе, но Союзъ возстановляется послѣ закрытія,—въ немъ являются, кромѣ прежнихъ, новые дѣятельные члены, программа его отчасти измѣняется, дѣятельность его членовъ получаетъ болѣе возбужденный, тревожный характеръ.

VIII.

Последніе годы царствованія.

Въ началѣ 1821 г. собрались въ Москвѣ депутаты отъ разныхъ отдѣловъ Союза Благоденствія, изъ Петербурга, изъ южной арміи, нѣсколько человѣкъ, жившихъ въ Москвѣ; послѣ нѣсколькихъ совѣщаній о неудовлетворительномъ ходѣ дѣлъ Союза, они пришли къ рѣшенію закрыть Союзъ [1]). Мы упоминали, что объ этомъ рѣшеніи есть различные отзывы: даже изъ самихъ участниковъ въ этомъ рѣшеніи одни представляютъ его какъ дѣйствительное уничтоженіе общества, такъ что позднѣйшее тайное общество, образовавшееся послѣ того, считаютъ новымъ учрежденіемъ; другіе говорятъ, что закрытіе съ самаго начала считалось фиктивнымъ, что оно сдѣлано было только для удаленія колебавшихся, охладѣвшихъ и ненадежныхъ, такъ что позднѣйшее общество было только намѣренно-исправленнымъ продолженіемъ стараго [2]). Какъ бы то ни было, закрытіе Союза было объявлено въ Петербургѣ и въ Тульчинѣ, но ревностные члены прежняго общества, и тамъ и здѣсь, не думали отказываться отъ своей дѣятельности и, не закрывая общества, стремились дать ему болѣе опредѣленную организацію, точнѣе опредѣлить его цѣли и дѣйствія, и между прочимъ утвердить согласіе между обществами сѣвернымъ и южнымъ, потому что между двумя главными отдѣлами общества уже не разъ обнаруживалось разногласіе.

Въ этомъ новомъ періодѣ своей дѣятельности, тайное общество получаетъ, повидимому, новый характеръ. Не знаемъ, на-

[1]) На съѣздѣ присутствовали слѣдующія лица: Бурцовъ, Комаровъ, Михаилъ и Иванъ Фонъ-Визины, Н. И. Тургеневъ, Ѳ. Н. Глинка, М. Ѳ. Орловъ, полк. Граббе, И. Д. Якушкинъ, М. Н. Муравьевъ, Охотниковъ, Колошинъ.

[2]) См. два эти взгляда у Тургенева, la Russie, т. I, и въ Зап. Якушкина, стр. 55 — 59.

сколько стало тверже и опредѣленнѣе его внутреннее устройство, насколько выработались въ немъ общія начала; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемъ тонѣ его являются новыя черты, какихъ не было въ прежнемъ Союзѣ или которыя, по крайней мѣрѣ, не были тамъ столько развиты и замѣтны. Эту разницу можно, кажется, указать въ томъ, что интересы Союза отъ вопросовъ общественныхъ переходятъ больше къ вопросамъ политическимъ, и что въ общемъ тонѣ или настроеніи Союза является больше раздражительнаго недовольства и наклонности къ радикализму. Члены Союза, повидимому, меньше начинаютъ думать объ исправленіи самой общественной жизни, о нравственно-политическомъ воспитаніи общества; ихъ главнѣйшій интересъ сосредоточивается на общемъ вопросѣ о причинахъ общественныхъ неустройствъ, и ихъ вниманіе останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ политическихъ формахъ, введеніе которыхъ одно могло, по ихъ мнѣнію, произвести благотворную перемѣну въ русской жизни. Меньше разсчитывая на инициативу и собственныя усилія общества, члены Союза начинаютъ думать о практическомъ вмѣшательствѣ, о прямой политической дѣятельности, которая бы послужила къ улучшенію политическихъ отношеній. Этимъ болѣе радикальнымъ теоретическимъ понятіямъ соотвѣтствовало и болѣе возбужденное настроеніе чувства.

Если это было такъ, не трудно было бы найти объясненіе этой перемѣны и во внутреннихъ условіяхъ самого тайнаго общества, и въ обстоятельствахъ времени. Не трудно видѣть, что общество, какъ Союзъ Благоденствія, въ самомъ себѣ носило задатки того развитія, какое мы указывали. Людямъ либеральнаго образа мыслей, которые, не удовлетворяясь общественнымъ и политическимъ состояніемъ русской жизни и горячо отрицая ея многообразные недостатки, поставили себѣ цѣлью возможное исправленіе этихъ недостатковъ, этимъ людямъ, въ условіяхъ русской жизни, едвали возможно было остановиться на той идеалистической точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ сначала Союзъ Благоденствія. Они скоро должны были увидѣть, какія непреодолимыя препятствія лежатъ на пути къ предположенной ими цѣли, какихъ усилій должно требовать достиженіе этой цѣли, какія опасности грозятъ человѣку, который бы рѣшился заявить свою открытую вражду къ старому порядку, угнетавшему общественную жизнь. Изъ такого положенія оставалось два исхода. Не говоря о людяхъ нерѣшительныхъ и безхарактерныхъ, о людяхъ себялюбивыхъ, у которыхъ личная выгода брала, наконецъ, верхъ надъ всякими идеальными увлеченіями и которымъ она вскорѣ указала другую, вполнѣ безопасную и несомнѣнно болѣе выгодную дорогу, не

говоря объ этихъ людяхъ, роль которыхъ опредѣлялась обстоятельствами и отъ которыхъ нельзя было ждать какой-нибудь нравственной выдержки и послѣдовательности,—для людей серьезныхъ, составившихъ себѣ убѣжденія и не торговавшихъ ими, оставалось или потерять всякую надежду на совершеніе своихъ идеаловъ, помириться съ жизнью въ индифферентизмѣ, или напротивъ, утвердиться еще болѣе въ своей точкѣ зрѣнія, и перейти отъ идеалистическихъ мечтаній къ болѣе практическому пониманію вещей и къ бо́льшему раздраженію. Это послѣднее было естественно потому, что, въ довершеніе трудности положенія, эти либеральные порывы не имѣли въ практической жизни никакого исхода, въ которомъ эти созрѣвавшія силы нашли бы себѣ какую нибудь нормальную дѣятельность и примѣненіе, и гдѣ могла бы смягчиться рѣзкость этихъ порывовъ: невозможность дѣйствовать открыто въ пользу своихъ идей, за отсутствіемъ открытой общественной жизни, невозможность даже высказаться, за отсутствіемъ сколько-нибудь свободной печати, съ самаго начала сгнетали этихъ людей въ тайное общество, и въ этой средѣ, одинаково возбужденной, одинаково разочарованной жизнью, общая сумма опыта и недовольства производила новую степень разлада съ дѣйствительностью и раздраженія.

Внѣшнія обстоятельства могли только усиливать это безнадежное и мрачное настроеніе. Наступали послѣдніе годы царствованія императора Александра, печальные годы, въ которые должны были мало-по-малу разрушиться всѣ тѣ надежды, какія могли уцѣлѣть отъ начала царствованія и отъ временъ національныхъ войнъ. Теперь уже едвали кто-нибудь ожидалъ широкихъ, благотворныхъ реформъ, едва ли кто-нибудь надѣялся на исправленіе государственнаго зданія. Очевидно становилось, что старые порядки возрождаются съ прежней силой, уже не опасаясь никакихъ либеральныхъ нововведеній. Императоръ Александръ не выдержалъ тѣхъ принциповъ, въ которые онъ нѣкогда вѣрилъ; у него недостало силы характера и практическаго знанія вещей, чтобы совершить реформу, о которой онъ такъ долго думалъ. Мы разсказывали въ другомъ мѣстѣ, какъ мистическій піэтизмъ проложилъ въ его умѣ дорогу къ совершенной реакціи, какъ онъ сталъ считать своимъ долгомъ поддерживать патріархальный абсолютизмъ и защищать отъ воображаемыхъ опасностей алтари и престолы. Всѣ дурныя стороны прошедшаго, олицетворившіяся въ Аракчеевѣ, поддерживали въ немъ извѣстный эгоизмъ власти, который долженъ былъ окончательно подавить въ немъ прежнія лучшія намѣренія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наскучалъ правленіемъ, которое при всемъ могуществѣ власти было

безсильно противъ безпорядка, злоупотребленій и произвола, размѣромъ своимъ напоминавшихъ давнопрошедшія времена. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ самъ страдалъ отъ того противорѣчія, въ которое его все больше и больше увлекало безсиліе воли и недостатокъ вниманія къ дѣйствительному положенію вещей.

Извѣстно, что европейскія событія, временъ вѣнскаго конгресса и послѣ, имѣли весьма большую долю въ опредѣленіи взглядовъ Александра. Реакціонная интрига успѣла подмѣнить его роль освободителя народовъ и защитника либеральныхъ учрежденій ролью ревностнаго дѣятеля самой нетерпимой и ожесточенной реакціи. Вскорѣ послѣ вѣнскаго конгресса народы должны были разочароваться. Вмѣсто либеральныхъ учрежденій реакція создала то «полицейское государство», которое, по словамъ одного нѣмецкаго писателя, — «не знаетъ гражданъ отечества, а только управляетъ тупыми массами, какъ домашними животными, которымъ отмѣривается въ хлѣву свѣтъ и воздухъ, кормъ и пойло, стойло и подстилка, движеніе и отдыхъ, — то полицейское государство, гдѣ гражданинъ совершаетъ преступленіе, когда серьезно помышляетъ объ общемъ благѣ, гдѣ всеобщая трусость какъ цѣпь обвивается кругомъ болѣзненнаго себялюбія, самоуничиженія и внутренняго разлада умовъ, которыя явились, когда умы насильственно оторваны были отъ идеальной государственной жизни». Наступило глухое время, когда къ полной мертвенности большинства присоединился канцелярскій деспотизмъ и безсмысленное преслѣдованіе малѣйшихъ движеній общественнаго мнѣнія и политическихъ мечтаній молодежи...

Эта форма «полицейскаго государства» надолго утвердилась въ Германіи и Австріи, и въ послѣдніе годы царствованія Александра ее уже старались примѣнить къ русскимъ нравамъ, употребляли ею изобрѣтенные пріемы и терминологію, которые остались цѣлы у насъ надолго. Какъ прежде говорили о якобинствѣ и иллюминатствѣ, такъ теперь говорили о заговорахъ и революціяхъ, подкапываніи алтарей и престоловъ, въ русскомъ обществѣ находили карбонаровъ и т. п. Всякая новая мысль въ общественныхъ предметахъ, каждый примѣръ нарождавшихся новыхъ потребностей неизмѣнно приписывались заговору и революціоннымъ внушеніямъ: очень извѣстно, что ставши разъ на эту точку зрѣнія, можно разработывать ее безъ конца. Въ обществѣ эта наклонность явилась едва ли даже не раньше, чѣмъ въ самомъ правительствѣ: мы приводили, въ письмѣ Уварова къ Штейну, образчикъ подобныхъ обвиненій, когда Александръ еще

не предавался политическимъ подозрѣніямъ, которыя овладѣли имъ впослѣдствіи.

Примѣръ европейскихъ правительствъ имѣлъ въ этомъ случаѣ очень большое вліяніе. Въ европейскомъ политическомъ мірѣ задатки реакціи были уже давно очень сильны. Она была продолженіемъ и побѣдой тѣхъ старыхъ феодально-монархическихъ принциповъ, которые вызвали въ прошломъ столѣтіи коалицію противъ революціонной Франціи. Войны съ Наполеономъ, имѣвшія для народовъ національный смыслъ, означавшія защиту противъ иноземнаго ига, для феодальной аристократіи были только враждой къ новымъ общественно-политическимъ идеямъ, къ перевороту, нарушавшему принципы стараго режима. Эту вражду въ особенности питала Австрія. Въ Вѣнѣ въ особенности свила свое гнѣздо аристократическая реакція, которая здѣсь обдумывала свои планы: въ Вѣнѣ Меттернихъ и, особенно его правая рука, Генцъ, выработали теорію реакціи, и между прочимъ, домъ русскаго посланника Разумовскаго былъ пріютомъ ея аристократическихъ партизановъ, собравшихся въ Вѣнѣ со всѣхъ концовъ Европы. Въ русскомъ высшемъ обществѣ,— воображавшемъ и за собой политическую роль и вліяніе на дѣла Европы, — легко прививались мнѣнія австрійскихъ феодаловъ и французскихъ эмигрантовъ; люди стараго вѣка и безъ того думали, что война съ Наполеономъ есть только возстановленіе порядка вещей, существовавшаго до революціи. Такъ писалъ объ этомъ Шишковъ въ 1813-мъ году, когда императоръ Александръ думалъ еще объ освобожденіи народовъ; австрійская дипломатія въ 1813-мъ году уже заподозривала народное движеніе въ Пруссіи; старыя партіи внушали королю недовѣріе къ людямъ, произведшимъ это движеніе, какъ Шарнгорстъ, Блюхеръ, Гнейзенау, Штейнъ, предостерегали короля противъ тайныхъ обществъ и мнимыхъ заговоровъ, отклоняли отъ введенія представительныхъ учрежденій. Прусскій король легко поддавался этимъ вліяніямъ или предупреждалъ ихъ: онъ не сочувствовалъ представительству, не довѣрялъ народному движенію и готовъ былъ преслѣдовать тайныя общества. Памфлетъ или доносъ Шмальца на Тугендбундъ, разоблаченный Нибуромъ, Шлейермахеромъ и другими, тѣмъ не менѣе доставилъ автору по ордену отъ королей прусскаго и вюртембергскаго и первый, кромѣ того, запретилъ дальнѣйшую полемику объ этомъ предметѣ. Отголоски движенія 1813-го года въ самой Пруссіи стали считаться государственнымъ преступленіемъ. Извѣстно, съ другой стороны, каковы были мнѣнія императора Франца, который не могъ слышать слова «конституція», даже въ медицинскомъ

смыслѣ. Это были однако тѣ люди, съ которыми императоръ Александръ заключалъ священный союзъ, еще мечтая стоять «во главѣ движенія». Подобная обстановка не замедлила оказать свое дѣйствіе. Со времени Наполеоновскихъ войнъ европейская политика поглощала всѣ интересы Александра, и въ тогдашней дипломатіи ему пришлось имѣть дѣло почти только съ представителями реакціи, которые, мало-по-малу, успѣли внушить ему свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Мы не будемъ пересказывать тѣхъ путей, которыми дѣйствовала на Александра европейская реакція [1]); достаточно сказать, что къ двадцатымъ годамъ онъ усвоилъ себѣ ея точку зрѣнія, и послѣдніе годы его правленія представляютъ странное повтореніе тѣхъ мѣръ, какія были тогда придуманы нѣмецкимъ «полицейскимъ государствомъ» противъ мнимыхъ заговоровъ и мнимаго революціоннаго духа. Такъ, со словъ Меттерниха, онъ видѣлъ въ семеновской исторіи революціонные признаки и думалъ найти въ ней дѣйствіе тайныхъ обществъ. Такъ въ 1822-мъ году (августа 1-го) онъ издалъ указъ, запрещавшій масонскія ложи и всякія тайныя общества, прямо ссылаясь на «безпорядки и соблазны, возникшіе въ *другихъ* государствахъ» и на «умствованія, нынѣ существующія», отъ которыхъ «проистекаютъ столь печальныя въ *другихъ* краяхъ послѣдствія» [2]). Ближайшій разборъ дѣла могъ бы легко показать, что заключенія отъ другихъ государствъ не совсѣмъ примѣнялись къ русской жизни, и что въ этой послѣдней не было ни малѣйшей опасности ни отъ семеновской исторіи, ни отъ масонскихъ ложъ: но такое изслѣдованіе представлялось ненужнымъ, дѣло казалось совершенно ясно. Это заблужденіе принесло большой вредъ: запретительныя мѣры правительства давали основаніе думать, что дѣйствительно въ русскомъ обществѣ есть опасное волненіе, и онѣ оправдывали тѣхъ, кто давно вопіялъ о «разрушительныхъ ученіяхъ» и вызывалъ правительство на мѣры преслѣдованія. Эти мѣры были совершенно на руку безсмысленнымъ обскурантамъ и людямъ, которые старались ловить рыбу въ мутной водѣ и употребляли всѣ средства, чтобы еще напугать правительство мнимыми опасностями и воспользоваться его легковѣріемъ. Вредъ этой политики простирался и еще далѣе: надо представить себѣ невѣжество огромной массы общества, которая и безъ того была недовѣрчива ко всякому образованію и въ лучшемъ случаѣ считала его рос-

---

[1]) См. объ этихъ временахъ, напр., «Исторію» Гервинуса, статью г. Соловьева «Эпоха конгрессовъ» (въ «Вѣстн. Евр.»), статью Р. Архива 1867, стр. 861—878 и пр.

[2]) Указъ въ П. Собр. Зак., т. XXXVIII, № 29,151.

кошью, нужною и возможною для немногихъ, а для большинства скорѣе вредною, чѣмъ полезною. Теперь, эту массу увѣряли, съ авторитетомъ правительственнаго заявленія, что образованіе дѣйствительно чрезвычайно опасно, что оно очень легко ведетъ къ разрушительнымъ ученіямъ, и преслѣдованія только поддерживали старинную ненависть невѣжества ко всякому образованію, какъ вольнодумству и безбожію.

Такое чисто реакціонное направленіе правительственныхъ мѣръ начинается въ особенности съ двадцатыхъ годовъ, и совпадаетъ съ господствомъ реакціонной политики Александра въ европейскихъ дѣлахъ. Семеновская исторія и закрытіе масонскихъ ложъ; еще ранѣе обскурантныя интриги министерства народнаго просвѣщенія, преслѣдованіе университетовъ, судъ надъ петербургскими профессорами; позднѣе, закрытіе библейскаго общества, судъ надъ Госнеромъ и Поповымъ и преслѣдованіе сектъ; цензурныя гоненія, сначала при Голицынѣ, потомъ при Шишковѣ; все это, если и не обнаруживало въ правительствѣ какой-нибудь сознательной системы дѣйствій,—потому что всѣ эти мѣры были отрывочны и непослѣдовательны даже въ реакціонномъ смыслѣ, — но общее ихъ значеніе сводилось къ подавленію всякихъ попытокъ умственной жизни общества. Рядомъ съ этимъ, во внѣшнихъ дѣлахъ наступила пора сомнѣній, колебаній, наконецъ открытой реакціи и гоненія противъ либерализма; Россія, ставшая союзницей новаго феодальнаго порабощенія, съ этой поры въ особенности теряетъ сочувствіе европейскаго общества, пріобрѣтенное 1812—1815 годами, и возбуждаетъ къ себѣ ту вражду, слѣдствія которой продолжаются и до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ значительной степени находится причина той европейской ненависти къ намъ, источника которой никакъ не могутъ доискаться наши славянофильскіе публицисты. Политическое могущество Россіи послѣ Вѣнскаго конгресса давало ей сильное вліяніе на дѣла Европы, и европейское либеральное общество не могло забыть, какъ Россія въ теченіе многихъ десятилѣтій пользовалась этимъ могуществомъ.

Внутренній источникъ реакціи лежалъ и въ личномъ характерѣ Александра. Мы объясняли прежде, какъ въ немъ самомъ издавна боролись два противоположные принципа — внушенный полу-сентиментальнымъ воспитаніемъ либерализмъ и враждебные тому инстинкты, питаемые всей его обстановкой. Только сильный характеръ могъ дать побѣду лучшимъ принципамъ; этой силы недостало. Правленіе императора Александра съ самыхъ первыхъ лѣтъ представляетъ много примѣровъ такого столкновенія противоположныхъ стремленій, и этихъ примѣровъ было

особенно много во второй періодъ его либерализма, съ 1815 года. Онъ уже вскорѣ начинаетъ охладѣвать къ конституціоннымъ учрежденіямъ и къ свободѣ народовъ. Польская конституція уже вскорѣ показалась стѣснительной для авторитета власти, и не могла сохраняться. Въ греческомъ вопросѣ императоръ долго колебался между двумя различными взглядами, и наконецъ—наперекоръ сильнымъ симпатіямъ къ освобожденію Греціи въ самомъ русскомъ обществѣ, даже въ народѣ,—отказался защищать грековъ, въ угоду европейской дипломатіи; въ конституціонныхъ вопросахъ Германіи онъ стоялъ уже въ 1819-мъ на сторонѣ правительственной реакціи; онъ вмѣшивался въ дѣла Испаніи и Неаполя, и русскія войска готовы были идти на защиту ихъ абсолютныхъ правительствъ....

Когда императоръ открыто высказалъ это направленіе, оно, конечно, было поведено еще дальше исполнителями. Въ правительственной сферѣ было много людей прежнихъ царствованій, людей, которымъ никогда не были понятны либеральныя увлеченія императора и которые теперь возрадовались возвращенію правительства на путь, по ихъ мнѣнію, истинный. Реакцію представляли здѣсь конечно не Шишковъ, или не Магницкій, котораго въ особенности часто представляютъ ея олицетвореніемъ: самъ Магницкій возможенъ былъ только потому, что почва для его дѣйствій была уже готова, что его поддерживалъ весь характеръ высшихъ правительственныхъ учрежденій,—какъ же было ему не дѣйствовать, когда выслушивались даже такія предложенія, какъ предложеніе разрушить (буквально) казанскій университетъ, когда допускались и подтверждались другія его мѣры, какъ ни были онѣ безсмысленны и отвратительны. Что онъ вовсе не былъ исключительнымъ явленіемъ, что дѣйствія его и его клевретовъ разсчитаны были на общее настроеніе и невѣжество извѣстныхъ сферъ, это поразительно обнаруживается на извѣстномъ дѣлѣ петербургскаго университета (1822): министерство само допускало и поощряло дѣйствія, совершенно постыдныя. Очень рѣшительный протестъ Уварова не послужилъ ни къ чему. «Дѣло о профессорахъ» считалось серьезнымъ даже въ государственномъ совѣтѣ, и довольно просмотрѣть мнѣнія, которыя высказывались здѣсь по этому дѣлу[1]), чтобы видѣть, на какую жалкую роль осуждалась наука вообще господствовавшими взглядами: изъ людей, разсуждавшихъ о «дѣлѣ», не нашлось ни одного, который бы понялъ его какъ слѣдуетъ, сказалъ твердое

[1]) См. эти мнѣнія въ запискахъ Шишкова (Р. Арх. 1865, стр. 1353 — 1358), въ «Чтеніяхъ М. Общ.» 1862, кн. 3, стр. 179—205, въ «Матеріалахъ» г. Сухомлинова.

слово въ защиту науки и осудилъ постыдное преслѣдованіе. Въ государственномъ совѣтѣ замѣтили только, что кн. Голицынъ слишкомъ безцеремонно требовалъ наградъ для своихъ инквизиторовъ, да Шишковъ указывалъ, что виновность профессоровъ облегчается тѣмъ, что само правительство поощряло прежде такое вольнодумство, но самаго преступленія (!) профессоровъ никто не отвергалъ...

Таковъ былъ господствующій тонъ, въ которомъ сходились люди высшей правительственной сферы къ концу правленія Александра: немногіе люди въ этой сферѣ, уцѣлѣвшіе отъ либеральныхъ временъ и питавшіе нѣкогда надежды на улучшеніе порядка вещей, или давно отказались отъ нихъ и съ равнодушіемъ смотрѣли на то, что̀ вокругъ нихъ дѣлалось, или молчали изъ опасенія, или были безсильны; оставался полный просторъ для людей, ненавидѣвшихъ всякое вольнодумство и выше всего ставившихъ старые порядки. Владычество Аракчеева было̀ безраздѣльно.

Подобное положеніе вещей необходимо должно было производить на либераловъ то раздражающее впечатлѣніе, о которомъ мы упоминали. Союзъ, послѣ закрытія возстановившійся въ Петербургѣ и на югѣ, сталъ распространяться вновь, и въ немъ уже оставили свой слѣдъ и прежніе опыты, и новыя впечатлѣнія. Въ семеновской исторіи правительство ожидало открыть участіе тайнаго общества, — которое было здѣсь совершенно ни при чемъ, хотя въ семеновскомъ полку многіе офицеры были его членами. Исторія эта произвела тяжелое впечатлѣніе на либеральный кружокъ и усилила недовѣріе. Запрещеніе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ заставило членовъ Союза быть осторожнѣе, тѣмъ больше, что изъ разныхъ источниковъ они узнавали, что императору извѣстно существованіе Союза, что онъ называлъ имена многихъ его членовъ. Въ 1822-мъ году гвардія выступила изъ Петербурга подъ предлогомъ предполагавшейся войны, но на самомъ дѣлѣ, какъ разсказываютъ современники, потому, что опасались пребыванія гвардіи въ Петербургѣ. Походъ имѣлъ совершенно другое дѣйствіе, чѣмъ ожидали. Болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, менѣе подвергаясь надзору, офицеры больше сближались между собой, и въ тайное общество вступило много новыхъ членовъ. Размножалось также и южное общество, главный пунктъ котораго былъ въ Тульчинѣ. Реакціонныя мѣры, господство обскурантовъ, свирѣпое управленіе Аракчеева умножали число недовольныхъ и усиливали мѣру самаго недовольства. Прежнія надежды на улучшеніе вещей самимъ правительствомъ больше и больше терялись, и въ тайномъ об-

ществѣ возникла мысль о необходимости измѣненія порядка вещей...

Исторія общества и за эти годы такъ темна, что мы не рѣшимся характеризовать ее ясными и опредѣленными чертами. По необходимости, мы остановимся только на нѣкоторыхъ сторонахъ ея и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Прежде всего надо кажется замѣтить, что общество и въ эту пору не имѣло строго опредѣленной цѣли, и вниманіе его развлекалось различными планами, которые впрочемъ оставались въ области предположеній и разговоровъ. Въ этомъ убѣждают всѣ послѣдующіе факты его исторіи. Но общія понятія начинаютъ принимать болѣе отчетливое направленіе, напоминавшее собою идеи первыхъ лѣтъ правленія Александра. Какъ въ первые годы царствованія, Александръ и его совѣтники съ самаго начала поставили себѣ вопросъ о необходимости и искомыхъ средствахъ ограничить «произволъ нашего правленія», — такъ тотъ же вопросъ становился теперь господствующимъ въ тайномъ обществѣ: и тогда, и теперь положеніе вещей казалось таково, что считали невозможнымъ помочь ему какимъ-нибудь исправленіемъ частныхъ недостатковъ, и улучшеніе казалось возможно только при перемѣнѣ самой системы.

Собственно говоря, подобныя идеи являются въ тайномъ обществѣ еще при первомъ его основаніи, но въ то время реформа ожидалась отъ самого правительства, и либералы, кажется, думали не столько о самомъ преобразованіи или измѣненіи порядка вещей, сколько о предварительныхъ и элементарныхъ общественныхъ вопросахъ, о распространеніи политическихъ знаній, объ улучшеніи общественныхъ нравовъ, о приготовленіи самаго общества къ иному порядку вещей, и т. п. Теперь, они должны были убѣждаться, что ихъ теоретическія усилія и ихъ болѣе филантропическія стремленія исчезаютъ передъ обширностью того зла, которому они хотѣли противодѣйствовать; они должны были разочароваться въ ожидаемой широкой политической реформѣ, и ихъ вниманіе, поэтому, съ особенной силой обратилось къ общему политическому вопросу.

По «Донесенію» 30-го мая, которое остается почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, планы общества представляются въ слѣдующемъ видѣ. Со словъ Пестеля и другихъ упоминается въ «Донесеніи», что въ основателяхъ тайныхъ обществъ съ самаго начала «обнаруживались мысли конституціонныя, но *весьма неопредѣлительныя* и болѣе склонныя къ *монархическимъ* установленіямъ».

Далѣе, «Донесеніе» говоритъ, что одинъ изъ членовъ обще-

ства, Новиковъ (это былъ племянникъ извѣстнаго мистика), составилъ проектъ конституціи, въ которомъ въ первый разъ была подана мысль о республиканскомъ правленіи.

Въ началѣ 1820-го года происходило въ Петербургѣ собраніе думы Союза Благоденствія, гдѣ шли разсужденія о правленіи монархическомъ и республиканскомъ: Пестель вычислялъ выгоды того и другого, и всѣ члены (кромѣ Ѳ. Глинки) высказались въ пользу республиканскаго правленія, но, по словамъ того же «Донесенія», члены общества и теперь все-таки говорили, что «если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе законы, то они будутъ его *вѣрными приверженниками и оберегателями*». По другимъ показаніямъ, приведеннымъ тамъ же, это вовсе не было настоящее «собраніе думы» или какое-нибудь правильное совѣщаніе, а обыкновенная бесѣда о разныхъ политическихъ предметахъ; большая часть присутствовавшихъ здѣсь членовъ не были даже готовы къ этого рода разсужденіямъ, и нѣкоторые просто отказались давать свое мнѣніе.

Далѣе, «Донесеніе» упоминаетъ слѣдующіе проекты конституцій. Одинъ былъ написанъ Никитою Муравьевымъ, который «предполагалъ монархію, но оставляя императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области». Затѣмъ, «другая конституція, съ именемъ Русской Правды и совершенно въ духѣ республиканскомъ, есть сочиненіе Пестеля»; въ ней указывается «едва вѣроятное и смѣшное невѣжество». Кромѣ того, были найдены еще два проекта: одинъ, неполный, въ бумагахъ кн. Трубецкого, былъ «ничто иное какъ списокъ конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами»; другой, подъ именемъ «Государственнаго Завѣта», найденный у Сергѣя Муравьева-Апостола, былъ сокращеніе Пестелева проекта.

Такимъ образомъ, двумя главными выраженіями конституціонныхъ идей тайнаго общества остаются проекты Никиты Муравьева и Пестеля. Не слѣдуетъ однако преувеличивать ихъ значенія. Обвиненіе говоритъ, что руководители тайныхъ обществъ «уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи». По отзывамъ самихъ членовъ общества, эти проекты вовсе не имѣли подобнаго значенія, — точно также какъ упомянутыя разсужденія о разныхъ формахъ правленія вовсе не были совѣщаніемъ предводителей общества о какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ дѣйствій, а были, какъ видно изъ самаго «Донесенія», простымъ разговоромъ, какіе не однажды велись членами общества въ ихъ бесѣдахъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ обвиненія не видно, чтобы эти совѣщанія влекли за собой какое-нибудь обязательство для членовъ общества: они продолжали оставаться при своихъ мнѣніяхъ, потому что и бесѣда не имѣла иной цѣли, кромѣ желанія выяснить отвлеченныя понятія. Такой же смыслъ имѣли и проекты конституцій. Это ясно уже изъ того, что если не считать упомянутыхъ конституцій Новикова, кн. Трубецкого и Сергѣя Муравьева-Апостола, тайное общество имѣло два разряда «законовъ», весьма несходные, потому что конституція Ник. Муравьева была все-таки монархическая, а Русская Правда Пестеля совершенно республиканская, по словамъ «Донесенія». Остается принять, что ни та, ни другая не пріобрѣли никакой обязательности для членовъ общества, что обѣ оставались частнымъ мнѣніемъ и предположеніемъ.

Отзывы самихъ членовъ общества говорятъ это положительно, и прежде всего отзывъ Н. Муравьева. Въ одной запискѣ, составленной имъ впослѣдствіи по поводу сужденій о тайномъ обществѣ, онъ прямо утверждаетъ, что упомянутые въ «Донесеніи» проекты—«суть *опыты* конституціоннаго законодательства, предпринятые *для возбужденія изысканій* по сей отрасли нравственныхъ наукъ». Дѣйствительно, въ «Донесеніи» такихъ опытовъ насчитано не менѣе пяти. По словамъ Якушкина, проектъ Ник. Муравьева составлялся въ 1822-мъ г. и это былъ «въ кратцѣ снимокъ съ англійской конституціи», во всякомъ случаѣ съ монархическимъ характеромъ. Что касается замѣчанія, сдѣланнаго въ «Донесеніи», что этотъ проектъ дѣлилъ Россію на независимыя области, соединенныя союзомъ, то Муравьевъ въ упомянутой запискѣ возражаетъ противъ неточности этого указанія. Онъ вовсе не предполагалъ никакой политической независимости областей, которая противорѣчила бы и монархическому принципу, утверждаемому въ его проектѣ; областныя собранія, въ немъ предположенныя, не облечены державной властью. «Областныя собранія среди совокупленныхъ губерній — говоритъ Н. Муравьевъ — вѣдая только распоряженіями и расправами *мѣстными*, содѣйствовали единству управленія державнаго (эти собранія были, повидимому, въ томъ же родѣ, какъ новосильцовскіе сеймы намѣстничествъ). Эта конституція не только не стѣсняла исполнительной власти (т.-е. власти императорской), но доставляла ей свободу дѣйствія, необходимую для общей пользы; поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ, признавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства. Отдѣляя лишнія вѣтви управленія, она избавляла только исполнительную власть отъ посредничества между частными лицами,

предоставленнаго самостоятельной судебной власти. Такимъ образомъ прекратилось бы смѣшеніе властей, столь гибельное въ общественномъ устройствѣ Россіи». Такъ говоритъ самъ составитель проекта. Это подтверждаетъ и г. Свистуновъ, опровергая слова автора «Записокъ Декабриста», который повторяетъ приведенное выше указаніе, будто бы конституція Муравьева была составлена «по образцу сѣверо-американской, при формѣ монархической». Г. Свистуновъ замѣчаетъ на это, что такое сравненіе даетъ очень ложное понятіе о проектѣ Муравьева. «Кромѣ принятой монархической формы правленія, — говоритъ онъ, — проектъ этотъ въ самомъ основаніи своемъ расходился съ американской конституціею въ томъ, что въ немъ проглядываетъ аристократическій принципъ ценза. Пользованіе политическими правами обусловливалось имущественнымъ цензомъ, довольно значительнымъ для избираемыхъ въ должности. Ему же подчинялись самые избиратели, хотя въ меньшемъ размѣрѣ. Относительно единства государства, была статья, свидѣтельствующая о его неприкосновенности. Въ силу этой статьи, изученіе русской грамоты ставилось непремѣннымъ условіемъ для полученія правъ, предоставленныхъ гражданину». Проектъ не установлялъ никакихъ независимыхъ областей, а хотѣлъ только нѣкоторой децентрализаціи, бóльшаго развитія мѣстнаго самоуправленія, безъ всякаго разъединенія въ политическомъ отношеніи [1])... Изъ этихъ объясненій видно, что здѣсь опять повторялись общія конституціонныя темы, какія мы видѣли еще въ планахъ Сперанскаго и Новосильцова.

«Русская Правда» Пестеля также намъ неизвѣстна, какъ проектъ Муравьева. Въ свое время она, повидимому, была больше чѣмъ этотъ проектъ распространена и извѣстна между членами общества, и въ своемъ содержаніи представляла больше оригинальности и широты взгляда. Основная мысль ея, если дѣйствительно Пестель хотѣлъ республики, была конечно фантастическая; но нельзя опять думать, чтобы онъ считалъ свои предположенія немедленно примѣнимыми. По словамъ Якушкина, «онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть въ «Русской Правдѣ» будущую конституцію Россіи. Своимъ сочиненіемъ онъ только приготовлялся, какъ онъ самъ говорилъ, правильно дѣйствовать въ земской думѣ и знать, когда придется что о чемъ говорить» [2]). Что онъ дѣйствительно не придавалъ иного значенія своему проекту и, какъ Муравьевъ, видѣлъ въ немъ только опытъ въ

---

[1]) Р. Арх. 1870, стр. 1639—1640.

[2]) Стр. 46.

политическихъ наукахъ, можно видѣть изъ того, что онъ читалъ его не только членамъ общества, какъ напр. Якушкину и другимъ, но и людямъ постороннимъ, настолько образованнымъ, чтобы имѣть серьезный интересъ къ подобнымъ предметамъ; такъ онъ читалъ «Русскую Правду» извѣстному Киселеву, который впослѣдствіи былъ министромъ государственныхъ имуществъ, а въ то время былъ его начальникомъ во 2-й арміи [1]).

О планахъ Пестеля, какъ о проектѣ Муравьева, до сихъ поръ извѣстно очень мало; невозможно поэтому дать теперь вѣрное понятіе объ ихъ характерѣ. Мы упоминали, что проектъ Пестеля вызывалъ въ обвиненіи самые суровые и презрительные отзывы. Говорили между прочимъ (какъ это повторяетъ и авторъ «Записокъ Декабриста»), что Пестель и его товарищи условились съ польскимъ тайнымъ обществомъ отдать Польшѣ нѣкоторыя возвращенныя отъ нея области и что вслѣдствіе того Пестель составилъ карту съ обозначеніемъ новыхъ границъ; или, что Пестель и его товарищи признали необходимымъ дать независимость Польшѣ, отдѣльно отъ Литвы и Подоліи, и эти области съ Финляндіей и Прибалтійскимъ краемъ соединить общимъ союзомъ, опять «по образцу Сѣверо-Американской республики». Но люди, которые близко знакомы были съ этими планами, рѣшительно отвергаютъ, чтобы у Пестеля была какая-нибудь мысль о подобномъ раздробленіи. Никита Муравьевъ, въ своей запискѣ, ссылается въ этомъ на «Донесеніе» Варшавскаго Слѣдственнаго Комитета, который утверждаетъ, что члены русскаго и польскаго обществъ ни въ чемъ не могли согласиться и что между ними не было и разсужденія о присоединенныхъ къ Россіи областяхъ. По свидѣтельству г. Свистунова, Пестель, на вопросъ, не обязана ли будетъ свободная Россія возвратить Польшѣ независимость, отвѣчалъ, что Польша должна принадлежать Россіи по праву государственнаго самосохраненія. Г. Свистуновъ, который зналъ лично Пестеля въ 1824-мъ году и слышалъ отъ него главныя основанія «Русской Правды» и предполагавшагося имъ устройства политическихъ и административныхъ учрежденій, говоритъ, что въ ней не было и помину о федеральномъ правленіи «по образцу Сѣверо-Американской республики», и притомъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ предоставлялась такая обширная

---

[1]) Объ этомъ упоминаетъ Якушкинъ. Въ запискахъ Фонъ-Визина также говорится: «Пестель... читалъ Русскую Правду не только въ собраніяхъ единомышленниковъ своихъ, но даже на вечерахъ у начальника штаба 2-й арміи генерала Киселева, любимца Александра и искренно преданнаго ему. Стало быть въ этомъ проектѣ, какъ въ умозрительномъ опытѣ, не было ничего преступнаго» (стр. 159).

власть, при которой было невозможно существованіе отдѣльныхъ политическихъ центровъ. Всѣ толки о мнимомъ федеративномъ устройствѣ произошли, повидимому, изъ того, что Пестель, какъ Муравьевъ, считали полезнымъ введеніе болѣе крупныхъ *административныхъ* единицъ и въ нихъ большей степени мѣстнаго самоуправленія. Члены тайнаго общества отвергаютъ вообще приписываемую ему мысль подобнаго раздробленія, и мы приводили выше, на примѣрѣ Якушкина, съ какой силой ревнивое чувство единства обнаружилось въ членахъ Союза при слухѣ, что имп. Александръ хотѣлъ отдѣлить къ Польшѣ нѣсколько русскихъ провинцій.

Но важнѣйшая сторона Пестелева проекта заключалась, кажется, въ другихъ его предположеніяхъ, именно въ его мысляхъ о внутреннемъ устройствѣ, политическомъ и экономическомъ. Н. И. Тургеневъ говоритъ объ этихъ мнѣніяхъ Пестеля, какъ о «соціалистическихъ теоріяхъ», за которыми онъ признаетъ прекрасныя намѣренія и благородный энтузіазмъ, но которыя считаетъ мечтами, хотя соглашается, что онѣ могутъ служить съ пользой человѣчеству, обращая вниманіе серьезныхъ умовъ на предметы, которыхъ важность безъ этого они могли бы недостаточно оцѣнить. «Однимъ изъ основныхъ положеній въ теоріи Пестеля и его друзей было—сдѣлать поземельную собственность какъ-бы общей для всѣхъ, опредѣляя ея обработку распоряженіями высшей власти. По крайней мѣрѣ они предполагали предоставить пользованіе обширными казенными землями тѣмъ, у кого не было никакой недвижимой собственности. То, что законъ королевы Елизаветы обѣщалъ каждому англичанину—право получать пропитаніе отъ налога для бѣдныхъ, за отсутствіемъ иныхъ средствъ существованія—они хотѣли обезпечить, давая каждому владѣніе или, вѣрнѣе, пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли, чтобы помочь его нуждамъ» [1]).

Сколько можно судить вообще по извѣстнымъ теперь отрывочнымъ свѣдѣніямъ о взглядахъ и желаніяхъ тайнаго общества, оно не только воспринимало тѣ конституціонныя идеи, которыя еще и въ тѣ времена занимали само правительство, но развивало ихъ дальше; не довольствуясь формальной стороной учрежденій (которую, какъ мы видѣли, весьма сходно представляли различные конституціонные проекты), оно не забывало существеннаго условія, о которомъ нисколько не думала масса общества, и отъ котораго боязливо уклонялось правительство, — и обратило вниманіе на крестьянскій вопросъ. Мы видѣли, что при началѣ тайнаго общества онъ былъ не вполнѣ ясенъ для его членовъ, ни въ теоріи,

---

[1]) La Russie, I, стр. 177—178.

ни на практикѣ: первый уставъ Союза Благоденствія еще не говорилъ о немъ; первыя попытки членовъ общества освобождать крестьянъ были неудачны. Но въ тайномъ обществѣ уже скоро явились люди, которые понимали и выставили всю важность этого вопроса, люди, которые придавали ему столь великое значеніе, что безъ его рѣшенія считали ненужной, даже вредной самую политическую реформу, т.-е. введеніе конституціонныхъ учрежденій для привилегированныхъ классовъ. Такъ думалъ Н. И. Тургеневъ. Позднѣе, мысль объ освобожденіи крестьянъ стала однимъ изъ главныхъ положеній тайнаго общества, и въ проектахъ Пестеля вопросъ о надѣлѣ землей былъ доведенъ до такой широты, которая представлялась г. Тургеневу соціалистической. Каковы бы ни были частности этихъ «соціалистическихъ» предположеній, остается чрезвычайно характеристиченъ тотъ фактъ, что политическія мысли тогдашнихъ людей приняли это направленіе, которое свидѣтельствовало, что увлеченіе внѣшностью политическихъ формъ смѣнялось серьезнымъ вниманіемъ къ самымъ кореннымъ вопросамъ государственной жизни: здѣсь положено было первое прочное начало политической развитости общества, положено его собственными силами и пониманіемъ. Наконецъ, члены тайнаго общества не хотѣли предрѣшать вопроса объ учрежденіяхъ: по ихъ понятіямъ, рѣшеніе его принадлежало земской думѣ... [1]).

Кромѣ введенія представительства и освобожденія крестьянъ, они желали другихъ соотвѣтственныхъ мѣръ—новаго уложенія, исправленія судопроизводства, преобразованія арміи (напр. сокращенія срока службы, улучшенія нравственнаго и матеріальнаго быта солдатъ), уничтоженія военныхъ поселеній, свободы торговли и промышленности, во внѣшней политикѣ — оказанія помощи возставшей Греціи и т. д. [2]).

Послѣ своего закрытія въ 1821-мъ г., Союзъ Благоденствія, какъ мы сказали, былъ возстановленъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, для него составленъ былъ новый уставъ, въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой предлагались тѣже филантропическія цѣли, какъ въ прежней «Зеленой Книгѣ», а во второй,

[1]) Въ параллель къ этому можно указать, какъ мысль о земской думѣ уже издавна представлялась нѣкоторымъ членамъ общества. Якушкинъ разсказываетъ, какъ онъ, подъ впечатлѣніемъ бѣдственнаго положенія крестьянъ и произвола начальствъ, возъимѣлъ мысль составить адресъ къ императору Александру и просить о созваніи земской думы (Зап., стр. 43—44).

[2]) Ср. записку Муравьева, стр. 116—117.

назначавшейся для членовъ высшаго разряда, излагались настоящія цѣли новаго Союза, именно цѣли конституціонныя. Этого документа мы опять не знаемъ; но судя вообще по мнѣніямъ членовъ общества, высказаннымъ ими тогда и впослѣдствіи, взгляды общества измѣнились въ томъ смыслѣ, какъ мы указывали, — именно, они стали гораздо опредѣленнѣе, ихъ предположенія о будущемъ порядкѣ вещей, желаемомъ ими для Россіи, стали болѣе сознательны и рѣшительны; вмѣстѣ съ тѣмъ, члены общества перестали ждать преобразованія отъ правительства и обдумывали обстоятельства, въ которыхъ имъ возможно было бы заявить свои политическія стремленія и дать имъ практическій вѣсъ, — хотя, какъ увидимъ, для этого послѣдняго они не могли найти ни возможности, ни средствъ.

Возстановленный Союзъ, какъ и прежде, дѣлился на два главные отдѣла, общества сѣверное и южное, которыя были не однимъ мѣстнымъ дѣленіемъ, но отчасти разнились и по своему характеру. Эта разница происходила главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ людей, которые стояли въ главѣ двухъ отдѣловъ. Въ сѣверномъ обществѣ руководящую роль занималъ въ особенности Ник. Муравьевъ (вліятельными людьми были также кн. Оболенскій, кн. Трубецкой, и только подъ конецъ Рылѣевъ), въ южномъ—Пестель. Первый отличался гораздо болѣе умѣреннымъ взглядомъ на вещи, чѣмъ послѣдній; у Муравьева гораздо больше было желанія дѣйствовать медленно для политическаго воспитанія общества, приготовлять умы къ новымъ политическимъ учрежденіямъ, которыя рано или поздно должны были основаться; Пестель, напротивъ, полагалъ, что нужно было болѣе энергическое вмѣшательство въ событія. Въ южномъ обществѣ, поэтому, было гораздо больше волненія и экзальтаціи, больше фантастическихъ плановъ, или вѣрнѣе, горячихъ разговоровъ, потому что, какъ показали послѣдствія, и въ южномъ обществѣ, какъ въ сѣверномъ, не было, собственно говоря, никакого рѣшеннаго плана. Событія захватили ихъ въ такую минуту, когда ни то, ни другое общество вовсе не пришли къ какому-нибудь положительному рѣшенію, къ какому-нибудь обдуманному плану дѣйствій. Существенную черту этого послѣдняго времени составляла политическое возбужденіе, которое достигло теперь своего высшаго развитія. Разъ допущенная нѣсколько, свобода мнѣній распространялась въ общественной жизни, и событія, внѣшнія и внутреннія, возбуждали ее больше и больше. Эта свобода была, конечно, воображаемая, чисто случайная; но люди обманывались ея призраками, и подъ вліяніемъ этого самообольщенія, давали просторъ своему воображенію, ожидали и надѣялись того, что, конечно, показалось бы

невозможнымъ для нихъ самихъ безъ этой обманчивой атмосферы Правда, либералы сознавали непрочность своего положенія, опасались преслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали свои смѣлыя мечты; съ другой стороны правительство опасалось тайнаго общества, но преувеличивало его силу и затруднялось въ мѣрахъ противъ него. Недоразумѣніе длилось, и положеніе вещей становилось все болѣе и болѣе натянутымъ...

До сихъ поръ еще трудно сказать, какъ смотрѣлъ на тайное общество самъ императоръ Александръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ зналъ объ его существованіи. По словамъ «Донесенія» 30-го мая, въ бумагахъ императора, послѣ его смерти, найдена была записка о Союзѣ Благоденствія, составленная, повидимому, человѣкомъ, который былъ членомъ Союза. Въ записказъ Якушкина, писанныхъ весьма правдиво и достовѣрность которыхъ въ особенности подтверждается г. Свистуновымъ, приводится нѣсколько случаевъ, гдѣ имп. Александръ высказывался о тайномъ обществѣ. По свидѣтельству этихъ записокъ, императоръ имѣлъ нѣсколько преувеличенное понятіе о силѣ общества и очень его опасался въ ту пору, когда на него оказывала особенное вліяніе европейская реакція. «У императора была въ рукахъ Зеленая Книга, и онъ, прочитавши ее, говорилъ своимъ приближеннымъ, что въ этомъ уставѣ Союза Благоденствія все было прекрасно, но что на это нисколько нельзя полагаться, что большая часть тайныхъ обществъ при началѣ своемъ имѣютъ почти всегда только цѣль филантропическую, но что потомъ эта цѣль измѣняется и переходитъ въ заговоръ противъ правительства». Тѣже записки разсказываютъ, что къ нему безпрестанно привозили бумаги, захваченныя у лицъ, подозрѣваемыхъ полиціей, но при этомъ ни разу не попадался ни одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества; однако, тутъ же говорится, что онъ называлъ (въ 1822 г.) кн. Волконскому поименно нѣкоторыхъ лицъ, которыя дѣйствительно были членами Союза, напр. Якушкина, Пассека, фонъ-Визина, Мих. Муравьева. Тогда же онъ называлъ эти или другія имена А. П. Ермолову, который говорилъ объ этомъ фонъ-Визину, при чемъ называлъ его въ шутку «величайшимъ карбонаріемъ». Несмотря на то, императоръ не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Союза; одни объясняютъ это тѣмъ, что болѣзненное воображеніе императора преувеличивало значеніе и средства тайнаго общества, и что, не имѣя о немъ ближайшихъ свѣдѣній, ему трудно было дѣйствовать противъ врага невидимаго; другіе напротивъ думаютъ — и въ этомъ мнѣніи есть нѣкоторая вѣроятность,—что императоръ достаточно зналъ о Союзѣ Благоденствія и, конечно, имѣлъ средства

его уничтожить, но оказывалъ относительно его терпимость потому, что, если и видѣлъ въ немъ политическую партію, онъ не видѣлъ въ немъ политически опаснаго заговора, чѣмъ-нибудь грозящаго въ данную минуту [1]). Мѣры, принятыя имъ, были нерѣшительныя. Дѣйствительно, запрещеніе тайныхъ обществъ указомъ 1822-го г., направленное, конечно, и противъ Союза Благоденствія, исполнялось весьма формально и поверхностно; имп. Александръ какъ будто не желалъ и затруднялся преслѣдовать прямо либерализмъ, который во многомъ былъ только повтореніемъ и продолженіемъ идей, нѣкогда и еще недавно раздѣляемыхъ имъ самимъ [2]).

Мы указывали прежде, въ какомъ отношеніи стоялъ Союзъ къ обществу. Люди старыхъ партій естественно съ ненавистью смотрѣли на появленіе новыхъ мнѣній. Эта ненависть оказалась съ первыхъ лѣтъ царствованія, и мы видѣли отчасти, по какимъ ступенямъ она проходила и на какіе предметы и лица обращалась. Старовѣры начали вопіять противъ тайныхъ обществъ еще тогда, когда ихъ вовсе не было; они угадывали ихъ существованіе, когда общества появились, и, конечно, стали еще громче говорить противъ революціонной заразы. При этомъ происходили забавныя недоразумѣнія: старовѣры искали этой заразы черезчуръ усердно, видѣли ее въ самыхъ простыхъ и невинныхъ мнѣніяхъ, которыя только имъ однимъ казались ужасными, или же отыскивали ее въ библейскомъ піэтизмѣ, который, конечно, былъ какъ нельзя больше далекъ отъ какихъ нибудь политическихъ идей. Шишковъ представлялъ себѣ библейское общество не иначе какъ ужаснѣйшимъ заговоромъ противъ властей и религіи.

Въ обществѣ образованномъ либеральныя политическія идеи распространились къ этому времени настолько, что члены тайнаго общества своимъ образомъ мыслей могли вовсе не бросаться въ глаза. «Члены тайнаго общества ничѣмъ не отличались отъ другихъ,—говоритъ прямо одинъ современникъ:—въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только

---

[1]) Зап. Якушк., стр. 66, 67, 70. Ср. записку Муравьева, стр. 117; Тургенева, La Russie, I, стр. 117—119, 173—174.

[2]) Подобный примѣръ мы указывали въ исторіи библейскаго общества,—гдѣ, предоставивъ дѣйствовать Шишкову и Аракчееву, онъ однако благодарилъ И. М. Муравьева-Апостола за защиту Госнера и Попова въ сенатѣ.—Говорятъ кромѣ того, что у него высказывалось иногда и отвращеніе къ шпіонству, къ которому здѣсь и пришлось бы обратиться. La Russie II, 519—520. Ср. Зап. Вигеля III, VII, 47. Онъ считалъ Н. И. Тургенева за человѣка съ очень крайними мнѣніями, но тѣмъ не менѣе оказывалъ ему большое вниманіе. La Russie I, 169—170.

всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ» [1]). «Большинство либеральныхъ умовъ было такъ велико,—говоритъ другой,—что его рѣшенія считались *мнѣніемъ общимъ*, за немногими исключеніями; къ нему привыкли какъ къ закону всесильной моды; никто не смѣлъ ему противорѣчить, въ немъ сомнѣваться» [2]). Замѣтимъ, что это послѣднее говоритъ человѣкъ, который желаетъ сколько возможно бросить тѣнь на либерализмъ тайнаго общества. Образчики тогдашнихъ мнѣній, приведенные въ тѣхъ же запискахъ, показываютъ дѣйствительно, что свобода мнѣній или разговоровъ, усвоенная обычаемъ, была очень значительная. Это обстоятельство, между прочимъ, опять даетъ понять настоящую цѣну нѣкоторыхъ обвиненій, падавшихъ на членовъ общества: имъ приписывается много необузданныхъ рѣчей, но по свидѣтельствамъ современниковъ не трудно видѣть, что такой тонъ рѣчей былъ очень обыкновененъ, что рѣчи эти невозможно было принимать буквально и придавать имъ значеніе прямого замысла и намѣренія. «Сколько запутано было въ это дѣло людей, виновныхъ столько же какъ и я,—пишетъ несомнительный въ этомъ случаѣ свидѣтель, Гречъ,—людей, слышавшихъ дерзкія рѣчи и не донесшихъ о нихъ потому, что считали ихъ пустыми и ничтожными» [3]). Многія изъ нихъ и дѣйствительно не имѣли другого значенія...

Вслѣдствіе этого общаго усиленія либерализма, тайное общество распространяется въ двадцатыхъ годахъ еще сильнѣе. Оно заключало въ себѣ значительную часть людей, представлявшихъ тогда цвѣтъ образованнаго, особенно аристократическаго общества. Даже люди, старавшіеся бросить сколько можно больше грязи на членовъ тайнаго общества, какъ Гречъ, по остатку добросовѣстности должны были признать за очень многими изъ нихъ замѣчательныя достоинства ума, образованности и характера. Въ высшей степени печальны обстоятельства, которыя не дали правильной дѣятельности этимъ силамъ; но безпристрастное сужденіе не можетъ отвергать, что здѣсь было много лучшихъ общественныхъ силъ, какія только представляло то время.

---

[1]) Зап. Якушк. 70.

[2]) Зап. Греча въ Р. Вѣстн. 1868, іюнь, стр. 378.

[3]) Тамъ же, стр. 382. «Такъ напримѣръ,—продолжаетъ Гречъ,—упомянутый въ донесеніи слѣдственной коммиссіи отзывъ Якубовича (вы хотите быть *головами*, господа! Пусть такъ; но оставьте намъ *руки*) сказанъ былъ въ моемъ присутствіи». Такимъ образомъ, подобныя рѣчи говорились даже не въ кругѣ тайнаго общества, а въ случайной бесѣдѣ, при постороннихъ людяхъ. Надо полагать, что и весь разговоръ, къ которому принадлежали эти слова, велся при тѣхъ же постороннихъ и слѣд. былъ таковъ, что его тогда считали возможнымъ вести.

Не слѣдуетъ забывать, что такъ-называемые декабристы далеко не представляютъ всѣхъ людей либеральнаго образа мыслей, даже всѣхъ членовъ тайнаго общества. По словамъ «Донесенія», послѣ происшествій 14-го декабря взяты были подъ стражу или призваны слѣдственной коммиссіей къ допросу лишь тѣ, даже изъ членовъ тайнаго общества, о которыхъ «по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ». Многіе принадлежали къ тайному обществу только временно, и потомъ оставляли его не столько потому, что переставали раздѣлять его общія понятія, сколько потому, что не хотѣли подвергаться его опасностямъ; были конечно и такіе, которые перемѣняли образъ мыслей, или покидали его по разсчету. При извѣстныхъ теперь данныхъ еще трудно составить отчетливое понятіе о распространеніи тайнаго общества; но говорятъ, что въ свое время къ нему принадлежало много людей, занимавшихъ значительное положеніе въ слѣдующее царствованіе. Такъ мы видѣли въ немъ имена М. Н. Муравьева, Ѳ. Н. Глинки, Граббе; называютъ также Н. Н. Муравьева, кн. Мих. Горчакова, Кавелина (петербургскаго военнаго генералъ-губернатора), Л. А. Перовскаго, кн. А. С. Меньшикова и др. [1]). Наконецъ, было много людей, которые такъ мало, повидимому, расходились въ мнѣніяхъ съ членами общества, что послѣдніе безъ всякаго опасенія сообщали имъ свои взгляды и работы,—какъ напр. Киселевъ (впослѣдствіи министръ госуд. имуществъ), которому Пестель читалъ свою «Русскую Правду»; Ермоловъ, который, не принадлежа къ обществу, зналъ его членовъ и въ свою очередь имѣлъ въ немъ большихъ почитателей, и т. д.

Выше было отчасти упомянуто, въ какія отношенія тайное общество становилось къ литературѣ. Въ литературѣ дѣйствовали нѣсколько членовъ общества, хотя по условіямъ тогдашней цензуры, они, конечно, не могли высказать своихъ политическихъ и общественныхъ мнѣній; журналъ Н. И. Тургенева не состоялся и съ тѣхъ поръ, кажется, не было уже рѣчи о томъ, чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе публицистическими средствами. Быть можетъ, при тогдашней цензурѣ это было и физически невозможно. Въ кружкѣ чисто литературномъ, къ тайному обществу принадлежали Рылѣевъ (съ 1823 г.), Бестужевъ Александръ и братъ его Николай, кн. А. И. Одоевскій,

---

[1]) Зап. Труб., стр. 12.

Корниловичъ, Кюхельбекеръ, Ѳ. Глинка. Два первые были съ 1823 г. издателями извѣстной «Полярной Звѣзды», въ которой собирались поэтическія произведенія новаго романтизма. Пушкинъ былъ уже предметомъ поклоненія въ этомъ кружкѣ; сосланный съ 1820-го года, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими друзьями, и въ этихъ сношеніяхъ (до сихъ поръ къ сожалѣнію не собрана его переписка!) издатели «Полярной Звѣзды» были также частыми его корреспондентами. Вмѣстѣ съ его стихотвореніями, въ этомъ альманахѣ появлялись имена Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Баратынскаго, Грибоѣдова, Дельвига, Гнѣдича, Ѳ. Глинки, Козлова, Плетнева, а также и писателей старыхъ школъ, Дмитріева, Крылова, В. И. Панаева.

Тогдашняя литература была чрезвычайно связана цензурными стѣсненіями. Прежде цензурѣ еще случалось пропускать вещи, имѣвшія общественное значеніе,—хотя; конечно, совершенно невинныя (какъ книги Тургенева, Куницына и т. п.); теперь, вполнѣ подъ вліяніемъ невѣжественнаго обскурантизма, она, слѣдуя приказаніямъ кн. Голицына, потомъ Шишкова, старательно истребляла малѣйшіе признаки серьезной общественной мысли, въ которой видѣла одно вольнодумство. Какъ она ихъ истребляла, это нѣсколько извѣстно изъ различныхъ анекдотовъ. Самъ Шишковъ, принимая цензурныя бразды отъ своего предшественника, удивлялся глупости цензурныхъ поправокъ, какія были тогда въ употребленіи [1]). Цензура, безъ сомнѣнія, помогла усиленію той потаенной или, какъ теперь любятъ говорить, подпольной литературы, о которой мы упоминали и въ которой былъ такъ дѣятеленъ Пушкинъ. Къ этой подпольной литературѣ принадлежало тогда и «Горе отъ Ума», потому что цензура дѣлала невозможнымъ напечатаніе знаменитой комедіи. Отъ цензуры страдалъ не только Грибоѣдовъ, не только поэмы Пушкина, но даже невинныя баллады Жуковскаго. При всемъ томъ, въ тогдашней литературѣ не трудно прослѣдить отраженіе понятій, которыя въ то время зарождались и развивались въ болѣе образованной части общества. Романтизмъ того времени представлялъ въ литературѣ такую же оппозицію классицизму, какъ новыя либеральныя идеи были оппозиціей старымъ понятіямъ. Конечно, не всегда либерализмъ литературный соотвѣтствовалъ либерализму въ общественныхъ понятіяхъ, но вообще тѣ и другія партіи представляли любопытныя и вовсе не случайныя совпаденія. Защитники стараго слога были упорные

---

[1]) См. въ его Запискахъ, — въ его мнѣнія по дѣлу о профессорахъ (Р. Арх. 1865).

консерваторы; романтики были вольнодумцы; сантиментальная школа Карамзина занимала между ними середину. Оттѣнки самаго романтизма находятъ свое соотвѣтствіе въ характерѣ общественно-политическихъ мнѣній. Романтизмъ въ нашей литературѣ былъ почти такое же сложное явленіе, какъ въ литературѣ западной. Съ одной стороны онъ расширялъ поэтическія и національныя воззрѣнія; съ другой увлеченіе мистическимъ идеализмомъ и національной стариной вело къ практическому равнодушію въ современной общественности или даже къ чистой реакціи. Эти элементы оказывали свое скрытное вліяніе и у насъ. Мистическая заунывность, мечтательныя стремленія въ заоблачныя страны, такъ сильно отличавшія романтическій вкусъ Жуковскаго, совпадали съ общественнымъ индифферентизмомъ Арзамаса, и въ этихъ своихъ сторонахъ поэзія Жуковскаго уже тогда, кажется, не удовлетворяла романтиковъ иного характера[1]). Членъ тайнаго общества и поэтъ, Ѳ. Н. Глинка, также развивалъ эти темы. Въ поэзіи Пушкина сказались иные мотивы: удивительная свѣжесть и сила его таланта предохранили его отъ мистическаго романтизма. Это былъ, напротивъ, поэтъ наслажденія, живой дѣйствительности; романтическіе порывы его фантазіи обращались къ русской народной жизни, и русская поэзія впервые усвоивала здѣсь истинно народные мотивы. Вліяніе Байрона отразилось у Пушкина тѣмъ разочарованіемъ, которое впослѣдствіи прошло цѣлой полосой въ нашей поэтической литературѣ. У насъ согласно утверждаютъ, что байроновское вліяніе было чужимъ элементомъ въ поэзіи Пушкина, которая вскорѣ и освободилась отъ него, что Пушкинъ не могъ даже понять байроновскаго отрицанія во всей силѣ его общественно-политическаго и философскаго значенія; съ этимъ можно согласиться, — но это вліяніе не было однако случайностью. Оно отвѣчало его тогдашнему либеральному настроенію; недовольство настоящими порядками, съ одной стороны, дѣлало для него сочувственнымъ байроновское отрицаніе, съ другой внушало ему

---

[1]) «Неоспоримо,—говоритъ Рылѣевъ въ одномъ письмѣ къ Пушкину,—что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворной слогъ нашъ—и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить славу его».

свободолюбивыя стихотворенія. Этотъ либеральный романтизмъ имѣлъ и другихъ представителей, въ числѣ которыхъ можно вспомнить Языкова, тогда начинавшаго свое поэтическое поприще стихотвореніями, отличительную черту которыхъ составлялъ «геніальный» разгулъ и «вольнолюбивыя мечты» [1]). Комедія Грибоѣдова имѣла столько общественно-политическаго значенія, сколько имѣли потомъ очень немногія произведенія нашей литературы, и боязнь ея смысла доходила въ цензурныхъ властяхъ до того, что мы получили первыя неурѣзанныя изданія этой комедіи только немного лѣтъ тому назадъ, — тогда, когда она сохранила одинъ историческій интересъ. Надо перенестись за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, ко времени перваго появленія ея рукописи, и представить себѣ тогдашнюю непривычку къ подобной сатирѣ, чтобы оцѣнить въ настоящей мѣрѣ значеніе «Горя отъ Ума»: передъ нами является живымъ общество двадцатыхъ годовъ, гдѣ еще процвѣтали «старинные» нравы, которые такъ восхвалялъ Шишковъ, самодовольное холопство и невѣжество чиновнаго барства, съ которыми безуспѣшно боролись люди новаго образованія и понятій. Сатира Грибоѣдова вполнѣ представляетъ точку зрѣнія молодого поколѣнія либеральныхъ идеалистовъ.

Такъ литература связывалась съ тѣми идеями, которыя въ общественной жизни главнымъ образомъ выражались стремленіями тайнаго общества. Много лѣтъ спустя Пушкинъ вспомнилъ это время, и въ стихотвореніи «Аріонъ» (1830 г.) призналъ свой союзъ съ людьми этого времени, отъ которыхъ онъ такъ отдалился нравственно въ поздній періодъ своей жизни.

Насъ было много на челнѣ...
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою...

Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей либеральной литературы въ средѣ тайнаго общества былъ Рылѣевъ. Этотъ писатель, до сихъ поръ совершенно «пропущенный нашей критикой», конечно, заслуживаетъ воспоминанія больше, чѣмъ много другихъ поэтовъ, которыхъ эта критика старательно истолковывала. Біографія Рылѣева до сихъ поръ извѣстна очень мало;

---

[1]) Таковы въ особенности его стихотворенія за періодъ 1823—25 годовъ: Посланіе къ Н. Д. Киселеву, Къ халату, Элегія («Еще молчитъ гроза народа»), Дерптъ и другія.

немногія воспоминанія его друзей разсказывают въ особенности его роль въ послѣднихъ трагическихъ событіяхъ; недавно напечатанныя воспоминанія Греча стараются только загрязнить человѣка, надъ которымъ судьба произнесла свой страшный приговоръ [1]). Рылѣевъ получилъ, повидимому, скудное образованіе въ кадетскомъ корпусѣ; но качества характера, заставлявшія его искать дѣятельности, гдѣ бы онъ могъ быть полезнымъ человѣкомъ въ обществѣ, и его поэтическое дарованіе дали ему мѣсто въ наиболѣе просвѣщенномъ кругу тогдашняго общества. Таковы были его дружескія связи съ Бестужевыми, Николаемъ и Александромъ; переписка его съ Пушкинымъ показываетъ, что Пушкинъ цѣнилъ его личныя достоинства и его мнѣнія; имъ интересовались и люди другого круга. Гречъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «Съ Николаемъ Тургеневымъ Рылѣевъ познакомился у меня, 4-го октября 1822 года, на праздновании десятилѣтія «Сына Отечества». Меня и многихъ изумило, что надутый аристократъ и геттингенскій буршъ долго бесѣдовалъ съ плебеемъ и кадетомъ, который даже не говорилъ по-французски. Могли ли мы воображать, о чемъ они толкуютъ....». Гречъ даетъ понять, что-де г. Тургеневъ толковалъ съ нимъ о тайномъ обществѣ и, навѣрное, увлекалъ его въ заговоръ. Но Рылѣевъ вступилъ въ общество не ранѣе 1823-го года; его ввелъ не Тургеневъ, а Пущинъ, и заговоровъ г. Тургеневъ, сколько извѣстно, не дѣлалъ. Есть свѣдѣнія, что Рылѣевъ встрѣчался подобнымъ образомъ и съ другими людьми, которые уже вовсе не думали основывать никакихъ тайныхъ обществъ, напр. съ Мордвиновымъ и Сперанскимъ, которые оказывали ему вниманіе и находили интересъ въ разговорахъ съ нимъ потому, вѣроятно, что недостатокъ образованія не мѣшалъ Рылѣеву быть интереснѣе Греча.

Поэтическій талантъ Рылѣева не былъ талантъ сильный, но онъ не подлежитъ однако сомнѣнію; и особенно тамъ, гдѣ Рылѣевъ высказывалъ свои задушевныя идеи, сначала, можетъ быть, угадываемыя больше чувствомъ, его стихотворенія достигаютъ истинной поэтической силы и красоты. Таковы многіе стихи въ его «Временщикѣ» (1820 г.), въ его «Видѣніи» (или «одѣ на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго

---

[1]) Гречъ изображаетъ его необразованнымъ, не переварившимъ либеральной пищи, даже слабоумнымъ человѣкомъ, фанатикомъ идей, которыхъ не понималъ. Этимъ злостнымъ отзывамъ противорѣчатъ не только воспоминанія друзей Рылѣева (Н. Бестужева, кн. Оболенскаго), его роль въ литературѣ и въ тайномъ обществѣ, но и собственные разсказы того же Греча. Кромѣ того, множество фактическихъ ошибокъ и вообще недостовѣрность разсказовъ Греча о Рылѣевѣ были указаны въ статьѣ г. Кропотова по поводу записокъ Греча. Р. Вѣстн. 1869, кн. 3, стр. 229—245.

князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года»), въ «Гражданинѣ», наконецъ въ нѣкоторыхъ думахъ, въ «Войнаровскомъ» и «Наливайкѣ». Во внѣшней формѣ стихотворенія Рылѣева имѣли свои недостатки, особенно замѣтные, когда въ литературѣ былъ Жуковскій и Пушкинъ; но, по своему содержанію, онѣ вносили въ литературу новый и оригинальный вкладъ: это была патріотическая лирика въ смыслѣ тѣхъ стремленій, какія отличали въ то время наиболѣе образованную часть общества. Въ томъ же смыслѣ Рылѣевъ обращался къ поэтическому воспроизведенію старины: онъ искалъ въ ней мотивовъ патріотизма, чувства общаго блага и дѣла, народной независимости. То чувство народности, которое мы указывали въ людяхъ тайнаго общества при самомъ его началѣ, высказалось и въ стихотвореніяхъ Рылѣева. И здѣсь можно опять замѣтить, что ихъ пониманіе народности показалось бы очень неполнымъ съ нашей точки зрѣнія; мы найдемъ въ этомъ пониманіи нѣчто искусственное, какъ вообще тогдашній романтизмъ, нѣчто чужое, потому что въ этомъ направленіи еще чувствовались слѣды вліянія европейской литературы, чувствовалась предвзятая мысль, съ которой писатель обращался къ изображенію предмета: но такое отношеніе къ дѣлу было для того времени очень естественно, потому что это былъ первый опытъ, необходимая приготовительная ступень, и только перешедши ее, можно было ждать иного, болѣе естественнаго взгляда на дѣло и болѣе живаго литературнаго пріема. Не забудемъ, что и другая ступень такъ-называемой народности, представляемая славянофильствомъ (не говоря уже объ оффиціальной народности 30-хъ и 40-хъ годовъ), также еще далеко не была настоящимъ разсудительнымъ пониманіемъ народнаго вопроса.

Въ стихотвореніяхъ Рылѣева отражается нетерпѣливый либерализмъ тогдашнихъ мнѣній, особенно между людьми тайнаго общества; такъ онъ видѣнъ уже въ рѣзкомъ, смѣломъ тонѣ перваго напечатаннаго стихотворенія Рылѣева (къ «Временщику»). Но его общій образъ мыслей въ то время не шелъ дальше тѣхъ умѣренныхъ желаній, какими тогда ограничивались либералы Союза Благоденствія; Рылѣевъ еще надѣялся, что императоръ Александръ можетъ стать во главѣ европейскаго либерализма. Таково стихотвореніе «Александру I» (1821 г.). Въ «Видѣніи» онъ, кажется, перестатъ вѣрить настоящему и переноситъ на будущее запасъ своихъ гражданскихъ идеаловъ и ожиданій. «Исповѣдь Наливайки», напечатанная въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г., высказываетъ его настроеніе за послѣднее время, и была какъ будто предчувствіемъ его собственной судьбы.

Въ числѣ писателей, принадлежавшихъ къ кругу тайнаго общества, является также одна изъ самыхъ симпатическихъ личностей того времени, кн. А. И. Одоевскій (1802—1839 г.). Во время событій 1825 г. онъ былъ еще юноша; съ тѣхъ поръ для него началась ссылка, въ которой онъ и провелъ всю свою жизнь. Его привлекательная личность въ то первое время внушала къ нему теплую симпатію Грибоѣдова; въ послѣднее время еще болѣе горячее дружеское чувство онъ внушилъ Лермонтову, Огареву и пр. Его немногія стихотворенія сохранились случайно; онъ самъ вообще не писалъ своихъ стиховъ, и то немногое, что извѣстно, уцѣлѣло потому, что записывалось кѣмъ-нибудь изъ его друзей. Отличительная черта этихъ стихотвореній—глубокое и мягкое чувство религіозной любви и самоотреченія. «Онъ былъ... христіанинъ, философъ, или скорѣе поэтъ христіанской мысли, внѣ всякой церкви,—разсказываетъ одинъ изъ близко знавшихъ его людей. Онъ въ христіанствѣ искалъ не церковнаго единства, какъ Чаадаевъ, а исключительно самоотреченія, чувства преданности и забвенія своей личности;... ему нужно было только подчинить себя идеалу человѣческой чистоты, которая для него осуществилась во Христѣ... Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать....» Извѣстно прелестное и трогательное стихотвореніе, которое посвятилъ Лермонтовъ памяти своего друга.

Этотъ религіозно-идеалистическій, любящій характеръ развился вполнѣ уже въ болѣе позднее время, подъ гнетомъ тяжелыхъ опытовъ ссылки и несчастія, но зародыши этого настроенія лежатъ еще въ эпохѣ двадцатыхъ годовъ. Одоевскій въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ здѣсь какъ личность характеристическая. Намъ случалось упоминать, что въ либеральномъ движеніи десятыхъ и двадцатыхъ годовъ религіозный элементъ также занималъ свое мѣсто. Это не былъ піэтизмъ библейскихъ обществъ, или масонская мистика (хотя и послѣдняя въ извѣстной степени здѣсь участвовала); религіозность, о которой мы говоримъ, была болѣе простого, человѣческаго, нравственнаго свойства, — въ ней не было ни темныхъ фантастическихъ мечтаній, ни церковной исключительности; это былъ христіанскій идеализмъ, который у Одоевскаго является особенно сильнымъ и выразился наиболѣе симпатичнымъ образомъ. Извѣстно, что между «декабристами» было вообще много людей глубоко религіозныхъ. Было бы очень естественно, еслибы религіозное чувство явилось у «декабристовъ» даже просто какъ

слѣдствіе ихъ положенія, какъ единственная отрада, которая остается послѣ горькихъ разочарованій и несчастій. Но это чувство было уже принесено ими въ ссылку. Въ обществѣ того времени еще не было распространено столько раціоналистическихъ понятій, или столько индифферентизма, какъ теперь; преданія прежнихъ благочестивыхъ нравовъ были еще близки; въ тогдашнемъ образованіи отразились и вліянія европейскаго духа времени. Въ параллель съ политической реставраціей, въ европейскомъ обществѣ явились, какъ реакція противъ скептицизма XVIII столѣтія, романтическія идеи и особенное идеализированное христіанство, однимъ изъ крайнихъ выраженій котораго былъ и библейскій піэтизмъ. Эта европейская романтика въ различныхъ формахъ оказала свое дѣйствіе и у насъ. Религіозность нашихъ образованныхъ кружковъ далеко не всегда была религіозность церковная; напротивъ, у многихъ, какъ въ особенности у Одоевскаго, это была чисто идеалистическая религія; у другихъ, подъ вліяніемъ времени, являлась наклонность къ католическимъ теоріямъ, какъ у Чаадаева, и кажется у Лунина; третьихъ религіозная пытливость приводила къ скептицизму, какъ напр. Якушкина, но и это опять не было ни равнодушіе, ни полное отрицаніе, а скорѣе требовательное исканіе нравственнаго идеала.

Вообще и здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, мнѣнія декабристовъ, какъ онѣ существовали въ двадцатыхъ годахъ и доразвились впослѣдствіи (хотя съ нѣкоторыми отклоненіями), были зародышемъ послѣдующихъ направленій: здѣсь были задатки и славянофильской мечтательности и скептицизма кружка Бѣлинскаго.

Такимъ предисловіемъ къ позднѣйшимъ мнѣніямъ славянофиловъ были и мнѣнія декабристовъ о славянскомъ вопросѣ, мнѣнія, высказанныя отрывочно, не развитыя, но тѣмъ не менѣе имѣющія свой отличительный характеръ...

Какъ ни трудно, при нынѣшнемъ недостаткѣ свѣдѣній, фактически опредѣлять положеніе этого либеральнаго круга въ тогдашнемъ обществѣ; тѣмъ не менѣе, есть возможность указать общія черты исторической роли этихъ людей въ общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергнуть много нареканій, которыя взводились на нихъ тогда и впослѣдствіи. «Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка,—повторимъ опять приведенныя нами слова современника,—отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо на счетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже

постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка» [1]). И историкъ, въ особенности, долженъ будетъ отвергнуть тѣ осужденія, которыя внушены злостнымъ недоброжелательствомъ или тѣмъ прислужничествомъ, которое всегда готово бросать лишній камень въ людей, и безъ того павшихъ и преслѣдуемыхъ. Люди двадцатыхъ годовъ въ особенности нуждаются въ историческомъ оправданіи, какого имъ до сихъ поръ недостаетъ въ нашей литературѣ: надолго они были совершенно исключены отъ всякаго воспоминанія; затѣмъ они могли быть открыты только для нападеній и обличеній; защита, которую имъ давно давала одна часть образованнаго общества, не могла высказываться, и для большинства оставался непонятенъ цѣлый историческій періодъ, гдѣ эти люди явились представителями тѣхъ самыхъ общественныхъ вопросовъ, которые составляютъ и въ наше время существенную задачу нашего внутренняго развитія.

Люди либеральнаго круга составляли, какъ было уже замѣчено, значительную долю въ тогдашнемъ обществѣ и ихъ мнѣнія, защищаемыя искренно и безкорыстно, оказывали свое вліяніе на господствующія понятія. Сами современники говорятъ, что дѣятельность членовъ тайнаго общества вообще состояла очень часто только въ заявленіи своего образа мыслей, въ распространеніи своихъ теоретическихъ понятій, нравственныхъ и политическихъ. Собранія тайнаго общества — въ спокойное время его существованія — бывали часто только бесѣды людей сходныхъ мнѣній, о политическихъ предметахъ, и на этихъ собраніяхъ легко могли бывать даже люди, непричастные къ тайному обществу, даже враждебные его взглядамъ [2]).

---

[1]) Р. Архивъ, 1870, стр. 1634.

[2]) Такъ бывалъ у Н. И. Тургенева проф. Куницынъ, Пушкинъ; такъ Гречъ безпрестанно проводитъ время среди членовъ тайнаго общества. Въ біографіи Карамзина, г. Погодина, упоминается о посѣщеніяхъ Карамзина къ Никитѣ Мих. Муравьеву, и между прочимъ сообщенъ слѣдующій, отрывочный, но очень любопытный фактъ. «В. Д. Корниліевъ, знакомый Карамзину, читалъ мнѣ, еще студенту, въ двадцатыхъ годахъ, изъ своей записной книжки описаніе вечера въ домѣ *Муравьевыхъ*, гдѣ молодежь разсуждала съ хозяиномъ объ Исторіи. Вдругъ вошелъ къ нимъ самъ Николай Михайловичъ, жившій въ одномъ домѣ. Они обратились къ нему съ своими возраженіями. «Да не буду я первый въ своемъ отечествѣ», отвѣчалъ онъ имъ.... Но продолженія не сохранила мнѣ память»,—замѣчаетъ г. Погодинъ (Н. М. Карамзинъ, II, стр. 203, прим.). Судя по обороту рѣчи, надобно полагать, что по поводу Исторіи шелъ здѣсь разговоръ о политическихъ формахъ, какія были очень обыкновенны у этой молодежи, и вѣроятно упомянута была и та форма, къ которой легко могли относиться слова Карамзина, т.-е. республика и президентство.—Если мы не ошибаемся въ предположеніи, оказалось бы, что и Карамзинъ могъ участвовать въ политическихъ бесѣдахъ друзей Н. Муравьева, или членовъ тайнаго общества.

Люди старыхъ мнѣній давно уже возстали противъ вольнодумства, по ихъ мнѣнію, заразившаго большую долю общества. Мы видѣли, какъ ратовалъ противъ вольнодумства Шишковъ, какъ возставалъ противъ либералистовъ Карамзинъ, и насколько были справедливы ихъ нападенія и ихъ негодованіе противъ людей, выражавшихъ даже самыя умѣренныя желанія перемѣнъ и улучшеній. Консерваторы не понимали новаго образа мыслей въ самыхъ скромныхъ его заявленіяхъ, и между ними вражда была неизбѣжна. Приверженцы стараго порядка расточали противъ либераловъ слова: вольнодумство, карбонарство, зажигательство и т. д. За либераловъ отвѣчалъ Грибоѣдовъ, нарисовавъ съ одной стороны Чацкаго и съ другой Фамусова съ полковникомъ Скалозубомъ.

Совершились извѣстныя событія: много людей прежняго либеральнаго круга стало ихъ жертвой; объ этихъ людяхъ надолго должны были замолкнуть не только друзья, но и противники. Но когда, съ недавнихъ поръ, въ историческихъ воспоминаніяхъ стало нѣсколько всплывать и это время, противъ этихъ людей выставленъ былъ старый и новый запасъ злостныхъ нареканій [1]), о которыхъ можно было бы не упоминать, по достаточной извѣстности ихъ автора, еслибы они не отражали въ себѣ систематическаго очерненія той эпохи, и еслибы ихъ авторъ въ особенности не приписывалъ себѣ авторитета свидѣтеля-очевидца. На мнѣніяхъ этого автора можно остановиться потому, что они сами представляютъ собою историческій образчикъ цѣлаго взгляда на вещи, который процвѣталъ нѣкогда и въ обществѣ, и въ литературѣ.... Гречъ не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для осужденія тайнаго общества, въ особенности главныхъ его представителей; онъ зналъ очень многихъ лицъ тогдашняго либеральнаго круга, и какъ будто для того, чтобы заднимъ числомъ отчураться отъ этого стараго знакомства, онъ набираетъ противъ нихъ злобные эпитеты. Мы приводимъ въ примѣчаніи образчикъ его сужденій, гдѣ онъ, забывъ и приличіе, и самое историческое разстояніе, силится отнять у стремленій тогдашнихъ людей всякій смыслъ, заподозрить и загрязнить ихъ побужденія [2]).

---

[1]) «Изъ записокъ Николая Ивановича Греча», въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1868, іюнь.

[2]) Гречъ не иначе говоритъ о тайномъ обществѣ, какъ: скопище, сволочь, шайка и т. п.; озлобленно бранитъ даже людей, о которыхъ въ самомъ «Донесеніи» говорится сдержанно и спокойно. О цѣломъ обществѣ онъ между прочимъ говоритъ: «Ослѣпленіе и самонадѣянная спѣсь коноводовъ этого безтолково-преступнаго дѣла были таковы, что они думали сдѣлать большую честь, оказать истинное участіе, даже благодѣяніе людямъ, которыхъ допускали въ свой кругъ, въ преддверіе Сибири.... Замѣчательно, что большая часть ревнителей свободы и равенства, правъ угнетеннаго

Насколько авторъ этихъ воспоминаній имѣлъ право на свои отзывы, объ этомъ мудрено еще говорить, за неимѣніемъ точныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ самомъ за это время. Прежде всего, читателю бросается въ глаза противорѣчіе общихъ приговоровъ автора съ его частными отзывами объ отдѣльныхъ лицахъ. По словамъ его, онъ говоритъ только о тѣхъ, кого лично зналъ, и здѣсь, исключая двухъ-трехъ лицъ (Рылѣева, Якубовича, В. Кюхельбекера, изъ которыхъ послѣдніе два вовсе не были въ числѣ «коноводовъ»), его отзывы чрезвычайно благопріятны: слова — умный, прекрасно образованный, благородный, истинный филантропъ, гонитель неправды, сопровождаютъ почти каждое описываемое лицо. При его общемъ озлобленіи противъ тогдашнихъ либераловъ, надобно думать, что только остатокъ чувства справедливости могъ вынудить его къ этимъ отзывамъ. Этихъ отзывовъ достаточно, чтобы видѣть, насколько можно вѣрить его обвиненіямъ противъ тѣхъ же лицъ въ честолюбіи, въ алчности и т. п., которыя будто бы руководили этими людьми.

Поводъ къ обвиненію дало ему и то, что въ тайномъ обществѣ было не мало людей изъ аристократическаго круга. Кромѣ алчности и честолюбія, онъ винитъ ихъ въ аристократической спѣси и высокомѣріи къ людямъ другого круга. Легко могло быть, что онъ испыталъ это на своемъ личномъ опытѣ; но изъ фактовъ, между прочимъ имъ же приводимыхъ, видно, напротивъ, что одинаковость понятій тѣсно сближала въ тайномъ обществѣ людей, весьма не ровныхъ по ихъ общественному положенію. Рылѣевъ и Бестужевъ вовсе не были аристократы, но это не мѣшало имъ играть роль, и вовсе не подчиненную, въ этомъ обществѣ; самъ Гречъ разсказываетъ, что на вечерѣ у него, въ 1822 г., Тургеневъ, по его словамъ, «надутый аристократъ», долго бесѣдовалъ съ «плебеемъ» Рылѣевымъ, который еще не принадлежалъ тогда къ тайному обществу [1]). Плебейство Ры-

---

народа, сами были гордые аристократы, надутые чувствами своей породы, знатности и богатства, смотрѣли съ оскорбительнымъ презрѣніемъ на людей незнатныхъ и небогатыхъ.... и въ тоже время удостоивали своимъ вниманіемъ, благосклонностью и покровительствомъ отребія человѣчества.... Въ числѣ заговорщиковъ и ихъ сообщниковъ не было ни одного не-дворянина.... Все потомки Рюрика, Гедимина, Чингисъ-хана, по крайней мѣрѣ бояръ и сановниковъ древнихъ и новыхъ. Это обстоятельство очень важно: оно свидѣтельствуетъ, что въ то время возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли, что въ этомъ мятежѣ не было ни на грошъ народности, что внушенія къ этимъ затѣямъ произошли отъ книгъ нѣмецкихъ и французскихъ.... что эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу», и т. п.

[1]) «Могли ли мы воображать о чемъ они толкуютъ», замѣчаетъ Гречъ, давая понять, что они толковали непремѣнно о заговорѣ. На дѣлѣ г. Тургеневъ съ 1821 года,

лѣева не помѣшало ему имѣть большое значеніе въ обществѣ за послѣднее время его существованія. Съ другой стороны было очень естественно, что члены общества—были ли они аристократы или нѣтъ—не принимали въ свой близкій кругъ кого попало.

Среди своихъ обвиненій Гречъ удивляется и тому, что въ то время возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій «именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли»,—и изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что въ ихъ стремленіяхъ не было нисколько «народности». Авторъ не чувствовалъ, что трудно было бы сказать лучшее въ защиту людей, которыхъ онъ обвиняетъ въ честолюбіи и алчности; ему не приходило въ голову, что каковы бы ни были ихъ заблужденія, самый строгій судья, не только нравственный, но и политическій смягчилъ бы суровость своего приговора при томъ соображеніи, что источникомъ ихъ поступковъ были не разсчеты личнаго эгоизма, а чистое желаніе общаго блага, безкорыстное стремленіе къ удаленію злоупотребленій и притѣсненій, отъ которыхъ сами они терпѣли всего менѣе. Авторъ, очевидно, дивится легкомыслію и неразсчетливости людей, хлопотавшихъ о чужомъ интересѣ. Такова была степень нравственнаго чувства и пониманія народности у автора «записокъ».

Наконецъ, нареканія, которыя взялся выразить авторъ «записокъ», были вообще несправедливы тѣмъ, что на нѣсколько лицъ слагаютъ отвѣтственность за цѣлое направленіе времени, за настроеніе цѣлаго обширнаго класса общества. Мы приводимъ въ примѣчаніи слова автора, въ которыхъ онъ самъ былъ вынужденъ признать чистоту основныхъ побужденій, руководившихъ членами Союза, — и другія слова, изъ которыхъ видно, что вообще настроеніе умовъ было тогда чрезвычайно возбужденное: по его собственнымъ словамъ, «всѣ» желали перемѣнъ и предавались «всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ»; большая свобода мнѣній стала обычаемъ и самыя смѣлыя мнѣнія высказывались открыто [1]). Если таково было положеніе вещей,

---

значительно или совсѣмъ отдалился отъ тайнаго общества, и по словамъ самаго «Донесенія» въ это время никого не принималъ. Судя по личности Н. И. Тургенева разговоръ былъ вѣроятно болѣе серьезенъ, чѣмъ какіе способенъ былъ вести Гречъ, и вѣроятно не болѣе либераленъ, потому что въ то время, какъ говорятъ другіе, самъ Гречъ имѣлъ самыя радикальныя мнѣнія.

[1]) О началѣ тайнаго общества, Гречъ пишетъ: «Пламенные молодые люди (по возвращеніи изъ Франціи) возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми разумѣли владычество законовъ, водвореніе правды, безкорыстіе и честность, и въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій, подтачивающихъ древо русскаго величія и благоденствія народнаго. Составилось общество, основанное, казалось, на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшихъ цѣлію: распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія, по-

если самъ авторъ записокъ, достаточно извѣстный по своимъ гражданскимъ свойствамъ, удивлялся, какъ онъ могъ уцѣлѣть,— понятно становится, что люди, увлекшіеся въ движеніе, понесли на себѣ не только свои личныя дѣйствія, но расплачивались за цѣлый характеръ времени. Оставляя въ сторонѣ вопросъ политическій, — можно ли поставить имъ, съ чисто нравственной точки зрѣнія, въ вину, что среди этой свободы мнѣній, среди «всякихъ предположеній и мечтаній», они серьезно вѣрили въ то, что̀ они говорили и что́ другіе говорили только для либеральнаго пустозвонства.

Повторяемъ, мы не нашли бы нужнымъ останавливаться на этихъ нареканіяхъ противъ нравственнаго характера людей тайнаго общества, еслибы записки Греча не были голосомъ цѣлой особенной школы своего рода, преимущественно процвѣтавшей въ литературѣ и обществѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ....

Послѣ событій 1825 года для декабристовъ началась продолжительная, тягостная ссылка. Они были забыты; ни одинъ голосъ не могъ сказать ничего въ ихъ защиту и примирить ихъ съ обществомъ, изъ котораго они были исключены. Эта ссылка послужила испытаніемъ того нравственнаго характера, который хотѣли у нихъ отвергнуть или унизить, и они вынесли это испытаніе съ высокимъ достоинствомъ. Рѣдко изгнанники обнаруживали столько нравственнаго мужества, столько вѣры въ свои идеалы, столько великодушной покорности судьбѣ. Въ ихъ средѣ сохранились умственные и нравственные интересы, которыми они жили въ свое болѣе счастливое время, и въ бѣдствіяхъ ссылки они умѣли оказаться полезными далекому и полудикому краю, въ который занесла ихъ судьба. Когда, наконецъ, кончились долгіе годы ссылки, они возвратились въ общество съ такой свѣжестью

ощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства» (Р. Вѣстн., стр. 372). Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая о настроеніи общества и расположеніи умовъ около 1825 г., онъ говоритъ: «Въ то время жалобы на правительство возглашались громко. *Всѣ* желали перемѣнъ и предавались всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ. Еслибы сослать всѣхъ тѣхъ, которые слышали о сумасбродныхъ замыслахъ и планахъ того времени, не нашлось бы мѣста въ Сибири. Меня перваго слѣдовало бы отправить въ Нерчинскъ.... Эти вольные разговоры, пѣніе не революціонныхъ, а сатирическихъ пѣсенъ и т. п., было дѣло очень обыкновенное, и никто не обращалъ на то вниманія... Сколько именно въ числѣ подсудимыхъ и пострадавшихъ было дѣйствительно виновныхъ, извѣстно одному Богу: мы же, свидѣтели этихъ происшествій, пріятели и знакомые многихъ изъ сихъ лицъ, *знаемъ*, что въ числѣ ихъ было много людей совершенно невинныхъ, погибшихъ отъ злобныхъ навѣтовъ, отъ гордости и упрямства, съ какимъ они отвѣчали на несправедливыя обвиненія, отъ неосторожности, отъ случайности. Удивительно еще, какъ не погибло бо̀льшее число жертвъ».... (Р. Вѣстн., стр. 419 — 420).

убѣжденій, съ такимъ просвѣщеннымъ пониманіемъ общественныхъ вопросовъ, которыя свидѣтельствовали о большой нравственной силѣ и давали поучительный примѣръ, особенно нужный въ нашей общественной жизни, гдѣ еще такъ мало развиты нравственныя и идеальныя требованія.

Задатки этой нравственной силы, очевидно, даны были этимъ людямъ ихъ прошлымъ, тѣми стремленіями, которыя одушевляли ихъ въ былое время. Общественное сознаніе, проникавшее ихъ тогда, не только сохранилось, но продолжало развиваться, и въ то время, когда ихъ сверстники, и даже люди слѣдующаго поколѣнія, нѣкогда также къ чему-то стремившіеся, отказывались отъ всякихъ идеаловъ и общественныхъ задачъ и переходили въ консервативный лагерь, въ которомъ находили себѣ житейское благополучіе, въ это время возвратившіеся декабристы стояли въ уровень съ лучшими стремленіями молодыхъ поколѣній, искренно сочувствовали новому совершавшемуся движенію и успѣли внести въ него свою нравственную долю.

Опредѣляя мнѣнія, существовавшія въ тогдашнемъ либеральномъ кругѣ или въ тайномъ обществѣ, мы должны сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Эти мнѣнія представляли, конечно, весьма разнообразныя градаціи, и по степени ихъ силы, и по серьезности и искренности пониманія. Начиная отъ умѣреннаго либерализма, который имѣлъ тогда представителей въ людяхъ самой правительственной сферы, какъ Мордвиновъ, Сперанскій, въ людяхъ высшаго военнаго управленія, какъ Ермоловъ, Киселевъ, Воронцовъ, было, конечно, большое разстояніе до тѣхъ мнѣній, какія принимались въ кружкѣ Пестеля, гдѣ кажется единственнымъ средствомъ улучшенія вещей считался переворотъ. Весьма различна была и степень пониманія вещей. Это либеральное движеніе было первыми начатками политической мысли въ болѣе обширномъ слоѣ общества, и естественно, что въ первыхъ опытахъ политическихъ разсужденій было много незрѣлаго уже по самой новости предмета. Мы видѣли, по разсказамъ г. Тургенева, что на первое время наши либералы въ особенности обращались къ чисто политической сторонѣ дѣла, и ожидали всего отъ преобразованія государственныхъ учрежденій. Это была та слишкомъ легкая вѣра въ конституціонныя формы, которая впослѣдствіи увлекала даже болѣе зрѣлыя политическія общества, чѣмъ наше. Людямъ, лучше понимавшимъ вопросы этого рода, приходилось становиться противъ этого увлеченія, и Тургеневъ тогда же указалъ имъ на необходимость рѣшенія крестьянскаго

вопроса прежде какого-нибудь расширенія правъ привилегированныхъ классовъ.

Если уже здѣсь высказалось сомнѣніе въ пригодности конституціоннаго преобразованія при тогдашнихъ условіяхъ (главнымъ образомъ при сохраненіи крѣпостного права), то у другихъ сомнѣнія шли еще далѣе. Въ самомъ либеральномъ кругу были люди, которые не видѣли въ тогдашнемъ положеніи Россіи никакихъ условій для либеральныхъ учрежденій,—не только для какой-нибудь конституціи, но даже для такихъ учрежденій, какъ судъ присяжныхъ. Такую точку зрѣнія весьма положительно излагаетъ письмо, писанное въ 1824-мъ году кѣмъ-то изъ либеральнаго кружка и напечатанное въ воспоминаніяхъ г. Сушкова [1]). Мнѣніе о невозможности въ ту минуту для Россіи какихъ-нибудь представительныхъ учрежденій высказано здѣсь такъ рѣзко, какъ могли сдѣлать это люди консервативнаго образа мыслей, и какъ сдѣлалъ это, напр., Карамзинъ въ Запискѣ о древней и новой Россіи;—но мы увидимъ разницу въ окончательномъ смыслѣ этихъ мнѣній.

Письмо, о которомъ мы говоримъ, писано по поводу какого-то «памфлета» (какъ выражается авторъ письма), т. е. какого-то политическаго сочиненія либеральной тенденціи, гдѣ шла рѣчь о необходимости конституціонныхъ учрежденій для Россіи. Авторъ, самъ раздѣлявшій либеральныя мнѣнія и называющій себя «жертвой правленія Александра» (1824 г.), находитъ «памфлетъ» справедливымъ вообще, но мечтательнымъ и вреднымъ въ приложеніи. Онъ не сомнѣвается въ пользѣ представительныхъ учрежденій, но спрашиваетъ — во всѣ ли эпохи народнаго образованія, во всякомъ ли возрастѣ и состояніи государства полезно установленіе ихъ? Въ исторіи онъ находитъ на это отрицательный отвѣтъ, указываетъ примѣръ Екатерининской коммиссіи, приводитъ примѣры изъ исторіи Франціи и Англіи, и слѣдующимъ образомъ продолжаетъ свои разсужденія, очень любопытныя для того времени, по суровой критикѣ тогдашняго положенія русской жизни:

«Дайте эскимосамъ или киргизамъ какія хотите формы гражданскаго общества, возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ уложеніе;—чтожъ, думаете-ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Нѣтъ! гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей; а ни тѣми, ни другими не могутъ быть ни ди-

---

[1]) «Изъ записокъ о времени императора Александра I», въ Вѣстн. Евр., іюнь 1867 г., стр. 193—200.

кія, ни полудикія дѣти природы. И вотъ почему въ Россіи не зачѣмъ еще думать о раздѣленіи власти, о системѣ правленія въ формахъ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ.

«Не говорите мнѣ о побѣдахъ, о военной славѣ!—продолжаетъ авторъ, предвидя этотъ аргументъ, которымъ между прочимъ Карамзинъ доказывалъ величіе Россіи и совершенство ея учрежденій, и изъ котораго другіе выводили вѣроятно политическую зрѣлость Россіи и необходимость преобразованія, чтобы и въ этомъ отношеніи сравняться съ Европой. И монголы, и турки побѣждали! замѣчаетъ авторъ. Но военные успѣхи не имѣютъ, къ несчастію, ничего общаго съ успѣхами разума....

«Какая, напримѣръ, мнѣ выгода въ судѣ присяжныхъ, когда они будутъ судить меня безсовѣстнѣе неприсяжныхъ, не понимая святости клятвъ и продавая свою присягу моему обвинителю, какъ теперь торгуютъ ею цѣлыя селенія и продаютъ первому, кто явится купить?!..

«Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? Гдѣ среднее состояніе? Екатерина дала намъ право избирать своихъ судей и полицейскихъ агентовъ: какъ пользуемся мы симъ правомъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ? Кого выбираемъ? — Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? Гдѣ наслѣдственныя дарованія будущихъ перовъ? Къ чему готовятся и какъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ?...»

Авторъ изображаетъ въ самыхъ печальныхъ чертахъ жизнь русскаго общества и государства, «гдѣ привилегированный классъ народа не спѣшитъ присвоить себѣ плодовъ чужеземныхъ наукъ и искусствъ; гдѣ сей классъ не возвышается надъ самымъ послѣднимъ, отчужденіемъ его пороковъ (я говорю объ общей заразѣ сребролюбія и нетрезвости въ жизни); гдѣ безнравственность, стремленіе къ роскоши, праздность и предразсудки замѣняютъ гражданскія добродѣтели; гдѣ, наконецъ, даже умы сіяющіе блестками превосходства надъ другими (я говорю даже о себѣ) не болѣе суть, какъ *полу-умы* по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы въ изученіи ихъ и опытности въ соображеніи». Авторъ описываетъ крайнюю грубость, невѣжество и деморализацію дворянства и выходившаго изъ него офицерскаго сословія.

Авторъ указываетъ и жалкое состояніе умственной жизни вообще, какъ она выражалась въ литературѣ. Вотъ его сужденіе о послѣдней. «Литература народа есть вѣрное мѣрило его просвѣщенія. Сообразите всѣ произведенія нашихъ литературныхъ талантовъ, и скажите безпристрастно: не есть-ли это *лепетаніе младенцевъ*? Кромѣ Исторіи Карамзина, Теоріи нало-

говъ—Тургенева и немногихъ страницъ Батюшкова, переживетъ ли хоть одно твореніе десятилѣтіе, въ которое родилось? Поэзія, правда, имѣетъ образцы высокіе и языкъ ея достойный, но успѣхи поэзіи свойственны дѣтскому возрасту народовъ; а свобода, безъ сомнѣнія, не можетъ быть ни нуждою, ни достояніемъ дѣтей. Воспитаніе,—вотъ все, чтó имъ нужно и полезно; и слѣдственно, необходима не власть ограниченная, а власть дѣятельнаго учителя, который съ отеческою заботливостію и съ принужденіемъ, когда нужно, обратилъ бы ихъ на путь, съ котораго они совращаться могутъ. Однимъ словомъ, намъ потребенъ *другой Петръ I*, со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III, не Лудовикъ XVIII съ ихъ конституціями; даже не Франклинъ, и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями».

Таковъ былъ взглядъ автора на положеніе вещей. Считая конституціонныя теоріи несвойственными и несвоевременными для русской жизни, онъ указываетъ для «электрическихъ головъ», которыя «кружатся надъ суевѣріемъ свободы», — другія задачи. Онъ указываетъ имъ, что надо подумать прежде объ ограниченіи ихъ собственныхъ правъ надъ дѣйствительными рабами, т.-е. надъ крѣпостными; что Александръ все-таки меньше деспотъ, чѣмъ Аракчеевъ, Гурьевы, Волконскіе; что «сіи орудія тиранства, ежели оно существуетъ, возникли *посреди насъ*, они принадлежатъ къ нашему сословію, соучастники и угодники ихъ—къ нашему поколѣнію, и многіе, если не каждый изъ насъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть не погнушались бы также раздѣлить преступное упоеніе ихъ всемогущества....». «Не очевидно-ли, послѣ всего сказаннаго, — спрашиваетъ авторъ, — что мы не созрѣли для чистыхъ наслажденій гражданской свободы?» По его мнѣнію, въ странѣ, поставленной въ такія отношенія какъ Россія,—«нечего думать объ *основныхъ законахъ*, въ смыслѣ конституціи..., и остается только желать болѣе любви къ просвѣщенію и справедливости, болѣе нравственныхъ успѣховъ, болѣе чистоты въ исполненіи законовъ уже существующихъ, которые, какъ бы ни противорѣчили другъ другу, но ни одинъ (?) не противорѣчитъ совѣсти, и всѣ имѣютъ одну цѣль — безопасность лицъ и неприкосновенность собственности». Онъ вѣритъ въ добрыя намѣренія имп. Александра, надѣется, что онъ, «въ цвѣтѣ возраста и силы», еще успѣетъ мнóгое сдѣлать,—и совѣтуетъ терпѣніе и упованіе. «Время есть лучшій лекарь болѣзней, а гражданское общество безсмертно, и на развалинахъ одного возвышается другое. Но Россія юная, сильная, богатая, полная жизни — далека отъ паденія; младенческій возрастъ ея пройдетъ, силы и разумъ

окрѣпнутъ,... тогда сами цари дарують ей *основные законы*; ибо они не могутъ быть счастливы и истинно-велики безъ счастія и величія своихъ народовъ».

Письмо, изъ котораго мы привели выписки, и именно та часть его, которая заключаетъ въ себѣ критику тогдашней общественной жизни, чрезвычайно характеристично вводитъ насъ въ кругъ идей того времени. Изъ него видно, что въ эту пору были уже подняты тѣ сомнѣнія, которыя не разъ овладѣвали потомъ лучшими умами послѣдующихъ поколѣній: въ обществѣ уже стало пропадать то наивное или лицемѣрное самодовольство, которое питалось грубой лестью національному самолюбію и не хотѣло видѣть дѣйствительнаго положенія вещей; наступала пора серьезнаго критическаго отношенія къ жизни. Письмо неизвѣстнаго автора по многимъ своимъ подробностямъ можетъ служить хорошей параллелью и фактическимъ комментаріемъ къ рѣчамъ Чацкаго въ «Горѣ отъ Ума».

Но если авторъ сказалъ много справедливаго въ своихъ суровыхъ обличеніяхъ настоящаго, его окончательные выводы не показываютъ той же силы мысли. Напротивъ, они очень слабы; авторъ не въ силахъ одолѣть своихъ сомнѣній, онъ отказывается отъ всякихъ надеждъ и старается пріискать спокойную дорогу, на которой онъ могъ бы примириться съ дѣйствительностью; но это было не легко, и его выводы оказываются неопредѣленны и противорѣчивы. Очень можно было бы согласиться съ его мнѣніемъ, что намъ нуженъ второй Петръ Великій, — потому что, въ самомъ дѣлѣ, застоявшаяся и испорченная жизнь требовала бы въ XIX-мъ столѣтіи столь же обширной и смѣлой реформы въ духѣ вѣка, какая совершена была на границѣ XVII-го и XVIII-го столѣтій. Но потомъ авторъ приходитъ къ совсѣмъ иному, и забывая о второмъ Петрѣ, котораго онъ желалъ, хочетъ предоставить все времени, «терпѣнію и упованію», и для общества рекомендуетъ «болѣе нравственныхъ успѣховъ, чистоты въ исполненіи уже существующихъ законовъ» — почти такъ, какъ это рекомендовалъ Карамзинъ. Отстраняя вопросъ объ учрежденіяхъ, авторъ дѣлалъ ту же ошибку, какую дѣлали консерваторы: учрежденія отжившія или испорченныя потому и не могли оставаться внѣ вопроса, что онѣ сами по себѣ были неодолимымъ препятствіемъ для просвѣщенія и для нравственныхъ успѣховъ; можно было бы различать относительную важность тѣхъ или другихъ изъ учрежденій, но исключать ихъ изъ круга общественныхъ стремленій и усилій значило закрывать самую возможность успѣха. Это былъ тотъ же cercle vicieux, въ которомъ пребывали противники крестьянскаго освобожденія,

утверждавшіе, что надо было сначала воспитать и просвѣтить крестьянъ, чтобы приготовить ихъ къ свободѣ, и уже тогда только освобождать ихъ, — какъ будто просвѣщеніе возможно въ холопствѣ, и какъ будто рабство можетъ быть воспитаніемъ для свободы. Авторъ забывалъ объ этомъ въ потокахъ обличенія, и приходилъ, наконецъ, къ такому политическому смиренію, что даже въ «существующихъ законахъ» не находилъ недостатковъ. На дѣлѣ «существующіе законы» были въ то время вовсе не таковы, чтобы «ни одинъ» изъ нихъ не противорѣчилъ совѣсти,— прежде всего, напримѣръ, законы, и особенно обычаи, получившіе силу закона и утверждавшіе крѣпостное право. Мы видѣли, что и то дѣло, которое авторъ рекомендовалъ, освобожденіе крестьянъ частными лицами, было такъ затруднено существовавшими условіями и законами, что и оно становилось почти невозможнымъ. Однимъ словомъ, просвѣщеніе и нравственные успѣхи возможны были бы только цѣной борьбы противъ недостатковъ и непросвѣщенія въ старыхъ нравахъ и старыхъ законахъ.

Но несмотря на эту непослѣдовательность или неумѣнье справиться съ сомнѣніями, взгляды автора во многомъ очень справедливы и имѣютъ большой историческій интересъ: отсутствіе всякихъ иллюзій относительно успѣховъ нашей «гражданственности», образованія и литературы, иллюзій, которыми обыкновенно услаждалась масса общества; указаніе на ближайшую и важнѣйшую задачу для государства и общества — освобожденіе крестьянъ; мысли о конституціонномъ «суевѣріи» и т. п. свидѣтельствують, что здѣсь были уже задатки серьезнаго пониманія вещей. Но кромѣ мнѣнія о крестьянскомъ вопросѣ, взгляды автора ограничиваются одной отрицательной постановкой предмета: ему осталась ясна только чрезвычайная трудность дѣла, и онъ не находилъ изъ нея никакого исхода; подавивъ въ себѣ идеальныя требованія, онъ могъ рекомендовать только время и упованіе. Съ противоположной стороны, онъ почти приходилъ къ тому же квіетизму, какой мы видѣли у Карамзина...

Мы не будемъ здѣсь ни разсказывать, ни характеризовать событій 1825 года. Онѣ достаточно извѣстны. Относительно ихъ значенія мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ своемъ истинномъ свѣтѣ оно можетъ представиться только при полномъ разборѣ антецедентовъ и послѣдствій, что было бы ошибочно разсматривать ихъ какъ уединенный фактъ и въ этомъ смыслѣ выводить изъ нихъ заключеніе о всемъ тайномъ обществѣ, о рево-

люціонномъ легкомысліи его членовъ и т. д. Такой полной критики эти событія не имѣли до сихъ поръ, и къ сожалѣнію мы еще не имѣемъ для нея достаточной возможности. Оставляя въ сторонѣ криминально-политическую сторону дѣла, которая не подлежитъ здѣсь нашему разбору, мы скажемъ нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эти событія, и о тѣхъ побужденіяхъ, которыя выростали изъ этихъ обстоятельствъ и увлекали членовъ общества. Эта, такъ сказать психологическая сторона дѣла не требуетъ большихъ объясненій. Прежде всего, событія 1825 года не были вовсе планомъ, издавна рѣшеннымъ и обдуманнымъ. Напротивъ, въ нихъ было чрезвычайно много случайнаго и минутнаго. Смерть императора Александра была неожиданностью для всѣхъ, и для тайнаго общества въ томъ числѣ. Ожидалось, напротивъ, какъ мы видѣли это сейчасъ и въ письмѣ неизвѣстнаго, что Александру предстоитъ еще долгое правленіе; въ самой средѣ тайнаго общества было много людей, которые еще ждали отъ него совершенія либеральныхъ преобразованій: въ запискахъ многихъ членовъ тайнаго общества остались, какъ отголосокъ того времени, самые сочувственные отзывы объ императорѣ Александрѣ. Извѣстіе о его смерти подѣйствовало вообще потрясающимъ образомъ, и это было не только сожалѣніе и печаль объ императорѣ, за которымъ стояло столько воспоминаній національной славы и личныхъ возвышенныхъ качествъ, воспоминаній, которыя заслоняли теперь многіе недостатки его характера и многія бѣдствія его правленія, — но это была и неувѣренность о будущемъ. До сихъ поръ объ этомъ будущемъ не думали, и ожидали скорѣе, что многое, начатое Александромъ, установится еще при немъ такъ крѣпко, что преемнику придется только продолжать утвердившійся порядокъ вещей. Теперь, надо было не только убѣдиться, что ожидавшійся порядокъ вовсе не установленъ, не только являлось сомнѣніе въ какой-нибудь его возможности впослѣдствіи, но являлось тревожное для всей массы общества недоумѣніе о престолонаслѣдіи. Какъ велико было это недоумѣніе, извѣстно; въ этомъ вопросѣ колебались члены государственнаго совѣта; въ первое время даже лица, ближайшія къ императору Александру, находившіяся при немъ въ послѣдніе дни, увѣрены были въ наслѣдованіи Константина [1]). Эти недоумѣнія о настоящемъ, опасливыя предположенія о будущемъ, натянутое политическое положеніе вещей

---

[1]) См. напечатанное недавно письмо кн. Волконскаго къ Закревскому; Р. Архивъ, 1870, стр. 630.

производили атмосферу тревоги, безпокойства, которая всего сильнѣе должна была подѣйствовать на членовъ тайнаго общества, потому что они именно были люди, въ которыхъ политическія идеи были въ наибольшей степени экзальтаціи.

Происшествія 14-го декабря и ихъ развязка бросили на тайное общество ту мрачную окраску, которая лежитъ на немъ до сихъ поръ въ глазахъ многихъ и которая, до сихъ поръ, ставила ихъ внѣ справедливой и безпристрастной исторіи. Мы видѣли отчасти, что дѣйствія тайнаго общества не были только заговоромъ, направленнымъ къ такимъ проявленіямъ, какія ознаменовали его конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были возбуждены умы въ послѣдніе годы его существованія, какъ ни рѣзки были случайныя заявленія нѣкоторыхъ его членовъ [1]), въ немъ не было никакого опредѣленнаго плана: ни сѣверное, ни южное общество, ни соединенные славяне не были приготовлены ни къ какимъ заранѣе обдуманнымъ и условленнымъ дѣйствіямъ. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ южной арміи члены общества были въ одинаковомъ недоумѣніи; дѣйствія ихъ были отрывочны, безсвязны, случайны, и свидѣтельствовали гораздо больше объ ихъ тревогѣ, чѣмъ объ исполненіи какого-нибудь плана. События застали ихъ врасплохъ, ни къ чему не приготовленными,—производили на нихъ такое различное впечатлѣніе, что они въ самую послѣднюю минуту колебались и не соглашались во мнѣніяхъ. Соглашались они только въ одномъ, что въ будущемъ одинаково не видѣли никакой надежды на осуществленіе своихъ идей, и страсть, съ которой большинство ихъ предано было этимъ идеямъ, достигла высшей степени возбужденія. У нихъ не было плана, которому они могли бы послѣдовать; было поздно составлять его и собирать свои силы, — но они чувствовали, что ихъ идеаламъ наставалъ конецъ, и среди общественнаго недоумѣнія и безпомощности, ими овладѣвала потребность какого-нибудь заявленія своихъ давнишнихъ стремленій и протестовъ. Таково было ихъ нравственное состояніе; они принимали послѣднія рѣшенія въ пылу страсти, и отчаяніе увлекло ихъ къ дѣйствіямъ, которыя стали ихъ окончательной гибелью.

Эту тревожную и безсвязную случайность происшествій 14-го декабря признаютъ и сами члены тайнаго общества, какъ напр. Ник. Муравьевъ въ своей запискѣ, которая вообще всего вѣрнѣе, кажется, выражаетъ мнѣнія декабристовъ о смыслѣ тайнаго об-

[1]) Объ ихъ случайности мы приводили выше свидѣтельство достовѣрнаго въ этомъ отношеніи Греча.

щества и о характерѣ событій, какъ самъ Муравьевъ былъ однимъ изъ лучшихъ, наиболѣе серьезныхъ и убѣжденныхъ членовъ Союза. Есть основаніе думать, что впослѣдствіи многіе участники этихъ происшествій считали ихъ ошибкой и сожалѣли о ней; «Донесеніе» говоритъ о раскаяніи многихъ изъ нихъ....

Но истинный характеръ ихъ мнѣній уцѣлѣлъ и послѣ; страшная развязка событій не заставила ихъ покинуть того общаго образа мыслей, который они питали нѣкогда, какъ члены Союза Благоденствія, — напротивъ, онъ всегда отличалъ ихъ, составляя ихъ нравственную сущность въ ихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ. Эта нравственная сущность составитъ и ихъ историческое значеніе въ судьбахъ русскаго общества.

Правильное уразумѣніе этого значенія есть одна изъ множества тѣхъ вещей, которыхъ недостаетъ нашимъ историческимъ и общественнымъ понятіямъ. Пора было бы окончиться тому осужденію, которое столько времени тяготѣло надъ этими людьми двадцатыхъ годовъ. Пора окончиться той враждѣ, которая своими послѣдствіями затрудняла безпристрастное пониманіе этой эпохи и для всей массы общества.

Личные счеты давно покончены, и должно наступить время для серьёзной оцѣнки этого прошедшаго, для спокойнаго уразумѣнія той враждебной встрѣчи, которая раздѣлила тогда два общественные элемента — власть, представлявшую собой массы, и либеральную часть образованнаго общества, представлявшую прогрессивныя стремленія и требованія жизни. Оставляя нерѣшеннымъ этотъ историческій вопросъ, скрывая отъ себя внутренній разладъ, мы продолжаемъ стѣснять нашъ собственный опытъ и наше знаніе общественнаго развитія; умолчаніе и забвеніе объ исторіи имѣли только то слѣдствіе, что между двумя сторонами общественной жизни расширялось и усиливалось недоразумѣніе, непониманіе ими другъ друга. Разладъ, который обнаружился такъ рѣзко въ ту эпоху, былъ разладъ давній, историческій; онъ начался раньше, продолжался послѣ этого періода; тогдашнія событія — только одинъ моментъ въ борьбѣ общественныхъ элементовъ, въ ихъ постоянномъ столкновеніи, сліяніи и взаимодѣйствіи, изъ которыхъ слагается развитіе общества. Только вникая въ идеи, руководящія различными отдѣлами общества, можно правильно понять смыслъ этого развитія, и слѣдовательно выбрать наилучшій путь для содѣйствія ему,— если принимать, что къ этому содѣйствію успѣхамъ національной жизни равно стремятся усилія лучшихъ и серьезныхъ людей всѣхъ партій.

Въ этомъ смыслѣ, либеральное движеніе Александровскаго времени и тайное общество имѣютъ обширный интересъ, не только чисто историческій, но и практически-общественный. Какъ бы мы ни судили объ отдѣльныхъ личностяхъ и о событіяхъ, содержаніе понятій этихъ людей остается важнымъ фактомъ нашей умственной и общественной исторіи, въ которой они оставили за собой замѣтный слѣдъ своими нравственно-общественными стремленіями и идеалами.

Ихъ историческое мѣсто опредѣляется вообще тѣмъ, что по содержанію своихъ понятій и своимъ идеаламъ, люди Союза Благоденствія представляютъ высшій пунктъ развитія общественно-политическихъ идей, достигнутаго въ Александровскую эпоху. Кругъ этихъ идей былъ у декабристовъ почти тотъ-же, который нѣкогда заявленъ былъ самимъ Александромъ и его совѣтниками, въ первыя либеральныя минуты царствованія; но теперь онъ значительно расширился въ обоихъ отношеніяхъ, и въ теоретическомъ разъясненіи самыхъ понятій, и въ распространеніи ихъ въ обществѣ. Тѣ политическія идеи, которыя въ первое время понимались очень неясно и такъ сказать книжно, теперь стали представляться гораздо отчетливѣе, практичнѣе и смѣлѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ перестали быть, какъ прежде, исключительнымъ достояніемъ очень немногихъ людей, и перешли въ цѣлый обширный слой образованнаго общества; то, о чемъ говорилось прежде въ «тріумвиратѣ», въ ближайшемъ кругу друзей императора, стало привычной темой разговоровъ, обсуждалось смѣло и открыто въ большомъ обществѣ.

Большая роль въ этомъ распространеніи политическихъ понятій принадлежитъ именно тому молодому поколѣнію, изъ среды котораго, главнымъ образомъ, собрались члены тайныхъ обществъ. Увлеченіе, съ которымъ они отдавались новымъ политическимъ интересамъ, ревность, съ которой они ихъ распространяли, чувство общаго блага, которымъ они руководились, дали новымъ идеямъ нравственную силу, которая всего больше содѣйствовала ихъ укрѣпленію въ умахъ. Мы видѣли, что даже враги этихъ людей признавали не только высокія дарованія многихъ изъ нихъ, но и безкорыстіе ихъ мотивовъ (они возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій, отъ которыхъ «сами не терпѣли»), и послѣ свидѣтельства противниковъ мы можемъ вѣрить тому, что говорятъ о нравственномъ характерѣ общества сами его участники [1]. Наконецъ, люди тайнаго союза принадлежали къ наиболѣе образованной части тогдашняго общества,

[1] Ср. записку Ник. Муравьева; La Russie, Тургенева I, 120, и друг.

и сводя итоги содержанію общественныхъ понятій и образованія того времени, можно вообще сказать, что эти люди представляли собой высшій умственный уровень, достигнутый тѣмъ временемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пересматривая вопросы, занимавшіе тогда людей молодого либеральнаго поколѣнія, мы находимъ, съ начала царствованія, большой успѣхъ въ ихъ пониманіи: это были почти всѣ тѣ вопросы, какіе поднимало тогда само правительство, но они являются теперь въ гораздо болѣе ясномъ и обдуманномъ видѣ. Какъ тогда, такъ и теперь, «произволъ нашего правленія» былъ главнымъ предметомъ вниманія, и средства, какими хотѣли ему противодѣйствовать, заключались въ томъ же введеніи европейскихъ политическихъ формъ. Но мысль о представительныхъ учрежденіяхъ и вообще о политической реформѣ уже не походитъ на капризъ чувствительной философіи, очень конечно благородный, но крайне ненадежный; она шла также и далѣе плановъ Сперанскаго, у котораго рѣшительность общихъ положеній не сопровождалась послѣдовательностью въ ихъ практическомъ примѣненіи. Въ планахъ самихъ членовъ Союза было еще нѣкоторое пристрастіе къ аристократическо-конституціонной монархіи въ духѣ тогдашняго правительственнаго либерализма,— но между ними были однако заявлены и совершенно вѣрныя мысли объ этомъ предметѣ. Между ними были люди, которые умѣли критически смотрѣть на эти политическія формы, предостерегали отъ конституціоннаго «суевѣрія» и на первый планъ ставили одну коренную задачу — рѣшеніе крестьянскаго вопроса: они утверждали, что безъ этого рѣшенія въ Россіи были бы безполезны, даже вредны какія бы то ни было конституціи, разсчитанныя на одни привилегированные классы. Это послѣднее можно считать мнѣніемъ лучшихъ членовъ Союза, и въ этой рѣшительной постановкѣ крестьянскаго вопроса нельзя не видѣть великаго успѣха въ нашемъ общественномъ самосознаніи и положительной заслуги людей двадцатыхъ годовъ.

Крестьянскій вопросъ былъ только легко затронутъ правительствомъ. Мнѣнія членовъ Союза въ этомъ отношеніи опредѣлились мало-по-малу очень ясно: необходимость освобожденія стала для нихъ аксіомой, и они уже въ то время пришли къ убѣжденію о необходимости освобожденія съ землей. Въ теоретическихъ планахъ Союза вопросъ экономическаго устройства поведенъ былъ и гораздо дальше, какъ въ упомянутыхъ планахъ Пестеля, о которыхъ, впрочемъ, мы знаемъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало...

Предполагая представительныя учрежденія, Союзъ предпола-

галъ и широкое преобразованіе во всемъ административномъ механизмѣ. Обычныя явленія административнаго и судебнаго произвола, крупнаго и мелкаго притѣсненія представлялись имъ такъ ясно, какъ для другихъ круговъ общества это стало дѣлаться яснымъ только черезъ десятки лѣтъ. Главнѣйшее средство къ устраненію этого коренного и всеобщаго зла они ожидали найти въ представительныхъ формахъ, въ раздѣленіи законодательства, управленія и суда, въ отвѣтственности администраціи; уже въ то время они думали о необходимости административной децентрализаціи, о развитіи мѣстнаго самоуправленія, говорили о гласности правительственныхъ дѣйствій, о преобразованіи суда въ томъ европейскомъ смыслѣ, въ какомъ задумана и начата была новѣйшая судебная реформа, и т. д.

Этотъ общественный и государственный идеалъ былъ идеалъ европейскій, какъ онъ составлялся по освободительнымъ преданіямъ XVIII-го вѣка и новѣйшему европейскому либерализму; и въ тогдашнихъ условіяхъ онъ могъ удовлетворять требованіямъ образованности и развивавшагося гражданскаго чувства. Молодое либеральное поколѣніе рѣшительно отказывалось отъ того идеала, который рисовалъ русскому обществу Карамзинъ; его нисколько не прельщали и не обманывали архаическія красоты этого идеала. Что они вѣрнѣе видѣли истинныя потребности русской жизни, это достаточно показала дальнѣйшая исторія. Общественное самосознаніе, смѣлый и искренній, свободный отъ всякихъ иллюзій и предубѣжденій, взглядъ на дѣйствительность нашей внутренней политической жизни, до тѣхъ поръ никогда еще не высказывались у насъ съ такой настоятельностью, и если были ошибки въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ этихъ людей, то нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что они вѣрно чувствовали и понимали многія потребности русской жизни, сознательно выставили общую мысль и посильно старались разъяснить и распространить ее въ обществѣ. Не забудемъ при этомъ, что мы знаемъ мысли этихъ людей только въ неполной, отрывочной, случайной формѣ, насколько онѣ могли быть высказаны въ трудныхъ условіяхъ того времени, и насколько онѣ уцѣлѣли въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]).

---

[1]) Для полной, какая теперь возможна, оцѣнки мнѣній «декабристовъ» любопытный матеріалъ можетъ доставить третій томъ сочиненія г. Тургенева (De l'avenir de la Russie, 1847). Въ его предположеніяхъ о «будущемъ Россіи» есть конечно его позднѣйшія мысли и изученія, но въ основаніи и многихъ частностяхъ, безъ сомнѣнія, остается тотъ-же взглядъ, какъ въ его мнѣніяхъ 20-хъ годовъ, которыя можно видѣть въ его различныхъ тогдашнихъ запискахъ (о крестьянскомъ вопросѣ, о судебной реформѣ и друг.), въ «Теоріи налоговъ» и пр. Въ нашей литературѣ остался до сихъ

Изъ сказаннаго можно видѣть, были ли справедливы тѣ нареканія, которыя взводились на описываемое движеніе, — что оно было только дѣломъ легкомысленнаго увлеченія западной либеральной модой, что у него не было корней, что въ немъ не было ничего народнаго и русскаго, и что это послѣднее доказывается полнымъ безучастіемъ народа къ этимъ людямъ и событіямъ. Напротивъ, глубокимъ корнемъ этого движенія было все то образованіе, которое было пріобрѣтено русскимъ обществомъ съ прошлаго вѣка и которое сообщило ему понятія о болѣе совершенномъ общественномъ устройствѣ, о принципахъ общаго блага, равноправности и общественной свободы; и въ частности, это движеніе было плодомъ цѣлаго историческаго періода, пережитаго русскимъ обществомъ при Александрѣ I. Оно было тѣсно связано исторически съ прошедшимъ, и было совершенно русскимъ и по своимъ лучшимъ инстинктамъ, и по недостаткамъ. Правда, въ немъ были сильныя европейскія увлеченія; людямъ того времени нравились западныя политическія формы, но это были единственныя извѣстныя формы общественной свободы, достиженіе которой было ихъ цѣлью, и къ этимъ формамъ они не считали совсѣмъ неспособной и русскую жизнь; но, впрочемъ, они не преувеличивали значенія этихъ формъ и меньше другихъ либераловъ увлекались внѣшними аттрибутами конституціоннаго порядка: первые вопросы, которые представлялись имъ, какъ возможные для рѣшенія и самые настоятельные, были именно вопросы существенные, — на первомъ планѣ освобожденіе крестьянъ. Трудно было бы требовать чего-нибудь болѣе «русскаго» и болѣе «народнаго». Что касается безучастія народа, — оно было очень понятно, хотя ничего не доказывало. Не говоря о событіяхъ, которыя были минутнымъ взрывомъ отчаянія въ немногочисленномъ кружкѣ, все движеніе дѣйствительно не было доступно массамъ, — оно просто не было имъ извѣстно. Безучастіе народа есть столь общій фактъ, что мы встрѣтимъ его во всѣхъ явленіяхъ высшей умственной и общественной жизни. Положеніе народной массы уже съ очень давнихъ временъ было таково, что она, вообще говоря, оставалась совершенно безучастна и къ тому, что̀ происходило въ высшихъ политическихъ и правительственныхъ кругахъ, и къ тому, что̀ происходило въ области

поръ почти неизвѣстенъ и не оцѣненъ не только этотъ матеріалъ, но и вообще вся дѣятельность Н. И. Тургенева; въ литературѣ европейской эта дѣятельность уже получила свое признаніе, и еще недавно одинъ изъ лучшихъ англійскихъ знатоковъ русской жизни, Рольстонъ, въ своемъ публичномъ чтеніи о Россіи (въ декабрѣ 1870), воздавалъ справедливость давнимъ трудамъ и заслугамъ Н. И. Тургенева. (Отрывки изъ этой лекціи были помѣщены въ нашихъ газетахъ).

образованія, науки и литературы, даже къ тому, что мы — въ своемъ кругу — считаемъ «великимъ» и «національнымъ». Въ XVIII-мъ вѣкѣ народъ былъ равнодушнымъ зрителемъ цѣлыхъ государственныхъ переворотовъ... Точно также онъ былъ равнодушенъ, или точнѣе, не зналъ той умственной жизни, которая совершалась въ высшемъ, болѣе или менѣе образованномъ слоѣ общества, и конечно не могъ дѣлить даже тѣхъ благихъ стремленій и желаній, которыхъ предметомъ онъ былъ самъ. Трудно сознаваться, но, положа руку на сердце, можно ли сказать, что народъ и теперь знаетъ и понимаетъ имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Гоголя, — какъ знаютъ европейскіе народы свои славныя имена? Точно также, знаетъ ли народъ имена людей, которыхъ дѣятельность направлялась на вопросы общественные, на вопросы народнаго развитія, народнаго просвѣщенія и благосостоянія, и которые тратили на эту дѣятельность всѣ силы своего ума, убѣжденія и самопожертвованія? Эта безсознательность народа была такова же и въ описываемое время, и людей двадцатыхъ годовъ также мало можно упрекать безучастіемъ народа,—сблизиться съ которымъ они не могли,— какъ нельзя этимъ упрекнуть и другихъ общественныхъ дѣятелей нашихъ, и раньше, и послѣ.

Оканчивая нашъ очеркъ общественнаго движенія временъ императора Александра, намъ остается указать, что либеральное направленіе, созрѣвшее къ концу этого періода, не осталось отрывочнымъ фактомъ въ нашей внутренней исторіи. Напротивъ, оно бросило прочные корни въ общественномъ сознаніи. Люди, представлявшіе либеральное движеніе, испытали трагическую судьбу въ катастрофѣ 1825-го года; противъ либерализма было направлено суровое преслѣдованіе; цѣлое поколѣніе исчезло изъ общества, но идеалы его остались достояніемъ мыслящихъ людей и продолжали жить и развиваться въ ихъ средѣ.

Періодъ, наступившій теперь, былъ очень непохожъ на прежнія времена; въ общественной жизни произошелъ переломъ, слишкомъ неблагопріятный для прежняго движенія умовъ; строгая опека останавливала его... Но внутри работа мысли продолжалась: идеалы предыдущаго поколѣнія сохранили свою привлекательность и пріобрѣтали новую силу подъ вліяніемъ новыхъ изученій и новаго практическаго опыта; люди, ставшіе жертвой своихъ стремленій, сохранили за собой тайныя, невысказываемыя симпатіи, которыя усиливали интересъ къ ихъ идеямъ. Несмотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, нравственное сознаніе

общества выростало и укрѣплялось, такъ что, въ пятидесятыхъ годахъ, новое царствованіе встрѣтило въ умахъ подготовленную почву для общественныхъ реформъ, которыя были имъ начаты. Возвратившіеся «декабристы» должны были увидѣть исполненіе многихъ желаній, которыя они питали въ свою молодую пору. Два далекія одно отъ другого поколѣнія и два далекіе періода сближались въ этихъ новыхъ явленіяхъ, совершавшихся въ русской жизни. Освобожденіе крестьянъ, судебное преобразованіе, возникновеніе земской самодѣятельности, начатки свободной печати—были исторической нитью, которая связывала съ нашимъ временемъ этихъ людей начала столѣтія. Исторія признаетъ за ними заслугу общественно - политическаго пониманія, которое указывало имъ эти и другіе вопросы нашего внутренняго развитія; немногіе представители освободительныхъ идей въ свое время, они мало могли сдѣлать для ихъ практическаго осуществленія, но они приготовляли будущее, потому что вызывали вниманіе къ нуждамъ народа, указывали на средства общественнаго преобразованія и, наконецъ, своимъ нравственнымъ мужествомъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ давали примѣръ искренности и глубины убѣжденія.